ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 18.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Мая 1-го.

Содержаніе: Разговоръ между священникомъ и юристомъ по вопросу о расторженіи браковъ.—Изъ дневника любителя церковнаго пѣнія.—Письма священника къ дочери.—Еще къ вопросу о ладанѣ.

Разговоръ между священникомъ и юристомъ по вопросу о расторженіи браковъ.

Юристъ. Читали вы, батюшка, о недавнемъ новомъ рѣшеніи Св. Синода по бракоразводному дѣлу.

Священникъ. Вы разумѣете дѣло, разбиравшееся въ Симферопольской духовной Консисторіи, которое было перенесено въ Св. Синодъ и здѣсь перерѣшено?.. Читалъ. Объ этомъ новомъ рѣшеніи Св. Синода помѣщена замѣтка и въ нашемъ духовномъ еженедѣльномъ журналѣ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (См. 1888 г., № 6, стр. 120).

Юр. Знаменательное рѣшеніе! Газеты справедливо привѣтствуютъ его, какъ отрадный прецедентъ вообще наилучшей постановки у насъ брачнаго права. Трудно, дѣйствительно, подыскать другую отрасль права, устарѣлость которой такъ

единодушно сознавалась бы и обществомъ и правительствомъ, какъ право брачное. Всѣ видятъ и чувствуютъ, что вслѣдствіе крайней суровости и неумолимости теперешняго нашего брачнаго права, страдаютъ, безъ всякой надежды на облегченіе своего тяжкаго положенія, десятки—сотни тысячъ неповинныхъ жертвъ, и между тѣмъ никто какъ будто не обращаетъ на это никакого вниманія. До какой бы степени ожесточенія ни обострились взаимныя отношенія супруговъ, какимъ бы адомъ ни являлась для нихъ ихъ безотрадная жизнь,—они налагаютъ на себя руки изъ-за этой жизни,—но наше брачное право твердитъ имъ одно: „а вы все-таки не смѣйте искать развода! топитесь, вѣшайтесь, стрѣляйтесь, но не помышляйте о полученіи другой руки, которая могла бы возстановить ваше разбитое сердце!..“ Очень, очень отраденъ, поэтому, шагъ, сдѣланный Св. Синодомъ въ его бракоразводной практикѣ. Надобно надѣяться, что не далеко то время, когда и у насъ брачное право станетъ на подобающую ему высоту, какъ оно стоитъ въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ.

Свящ. Шагъ, сдѣланный Св. Синодомъ въ области брачнаго права, по моему мнѣнію, нисколько не касается *сущности* этого права, и поэтому едва ли можно усматривать въ немъ прецедентъ какого либо *радикальнаго* пересмотра и переустройства брачнаго права. Св. Синодъ своимъ перерѣшеніемъ постановленія, сдѣланнаго Симферопольскою духовною Консисторіею, расширяетъ лишь кругъ доказательствъ *одного и того же* основанія для расторженія брака, которое и всегда имѣлось въ Церкви. Прежнею практикою это основаніе (разумѣется прелюбодѣйство) опредѣлялось *исключительно* показаніемъ свидѣтелей—очевидцевъ его. Теперь же оно можетъ быть установлено и безъ свидѣтелей—очевидцевъ, по данными другихъ убѣдительныхъ доказательствъ. Но отсюда еще далеко до того, чтобы, на ряду

съ имѣющимся теперь основаніемъ, были допущены и другія основанія для развода, и думаю, что эти другія основанія едва ли и будутъ когда допущены со стороны Св. Синода.

Юр. Почему же вы такъ думаете?

Свящ. Прежде всего—исходя изъ самаго понятія о бракѣ. Что такое бракъ? Бракъ (γάμος, nuptus) есть, по своему существу, соединеніе двухъ лицъ въ одинъ сложный организмъ; *они* (мужъ и жена) *уже не двое, но одна плоть,* учитъ Спаситель (Мѳ. 19, 6); мужъ и жена суть, такъ сказать, двѣ половины одного цѣлаго; союзъ между мужемъ и женою на столько тѣсенъ, что, какъ говоритъ Апостолъ, *невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ* (1 Кор. 7, 14). Разсудите, какой внѣшній законъ вправѣ и въ состояніи расторгнуть этотъ внутренній органическій союзъ мужа и жены, хотя бы они и враждовали между собою? Для поясненія возьмемъ въ примѣръ тѣсные же кровные союзы сына и отца, матери и дочери, брата и сестры, и другихъ кровныхъ родственниковъ: какой законъ въ состояніи уничтожить это родство, такъ, чтобы сынъ *не былъ сыномъ* своего отца, дочь *не была дочерью* своей матери, братъ *не былъ братомъ* своей сестры, и проч., хотя бы ихъ взаимныя отношенія между собою были варварскія? Такъ и въ разсужденіи мужа съ женою. Разъ, они мужъ и жена, разъ они супруги, то ничто внѣшнее не въ состояніи сдѣлать ихъ *не супругами.* Единственное, что расторгаетъ супружескій союзъ, это прелюбодѣяніе. Здѣсь, какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 6, 16), прелюбодѣйствующій становится *однимъ тѣломъ съ любодѣйцею,* или прелюбодѣйствующая становится *однимъ тѣломъ съ любодѣемъ,* и такимъ образомъ супружескій союзъ существенно, внутренне разрывается, какъ и сынъ *перестанъ бы быть сыномъ* своего отца, если бы имѣлъ возможность получить новое бытіе отъ другаго лица. Вотъ почему Спа-

ситель говоритъ въ Евангеліи: *Кто разводится съ женою своею кромѣ вины любодѣянія, тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать; и кто женится на* (такой) *разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ* (Мѳ. 5, 32; ср. 19, 9). Доколѣ супружеское ложе не нарушено, до тѣхъ поръ мужъ и жена не перестаютъ быть однимъ тѣломъ, и если бы кто изъ нихъ пожелалъ развода, то это значило бы желать прелюбодѣйства. Послѣ такого понятія о существѣ брака возможна ли самая мысль требованія, чтобы наши церковные законы допустили разводъ *кромѣ вины любодѣянія.*

Юр. Я не знаю вашихъ богословскихъ тонкостей; съ своей стороны я могу лишь констатировать фактъ, что тамъ, гдѣ разводъ допускается легко, и семейные нравы чище, и безчеловѣчныхъ тиранствъ не такъ много. И не думаю, чтобы христіанство ставило своею задачею поддерживать угнетеніе, а не проповѣдывало свободы и человѣколюбія. Христіанство есть религія мира и любви.

Свящ. Разберемъ и эту сторону вопроса. „Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“, говоритъ пословица. Если поприсмотрѣться къ констатируемому вами факту поближе, то, быть можетъ, очень многое найдется и не столь „чистымъ“ и „человѣчнымъ“, чѣмъ какъ оно представляется съ перваго взгляда. Давно ли напр. печатались извѣстныя „разоблаченія“ въ Pall-Mall, предъ которыми, по своему удручающему впечатлѣнію, должны меркнуть многія изъ „жертвъ“ стѣснительныхъ условій развода? Съ другой стороны, если заграницею трагическихъ браковъ меньше, чѣмъ у насъ, то это можетъ зависѣть совсѣмъ не отъ того, что тамъ разводъ легче, а отъ иныхъ причинъ, лежащихъ въ характерѣ самыхъ брачныхъ отношеній тамъ, въ степени умственной и нравственной развитости супруговъ, въ ихъ практической разсчетливости и проч. Самъ же по себѣ законъ, облегчающій разводъ, по моему мнѣнію, можетъ, напротивъ, только умножать число трагическихъ браковъ.

Юр. Это ужъ слишкомъ смѣло сказано, пожалуй— до nec plus ultra.

Свящ. Можетъ быть, я сказалъ и много; но не видится ничего и такого, что бы *съ безусловною достовѣрностью* говорило въ пользу облегченія развода.

Юр. Потребность закона, облегчающаго разводъ, видна, какъ ясный день. Представьте слѣдующую картину: мужъ и жена до такой степени ненавидятъ другъ друга, что даже невольное чиханіе одного изъ нихъ приводитъ въ бѣшенство другую половину (я знаю такихъ супруговъ); они не могутъ переносить взгляда другъ у друга; если имъ приходится что нибудь сказать между собою, то они говорятъ, смотря куда либо въ сторону, и въ голосѣ ихъ слышится постоянная нервозность; прислуга у нихъ не живетъ потому, что не знаетъ, кому угодить. Спрашивается: что за жизнь? Между тѣмъ оба, какъ мужъ, такъ и жена, съ другими лицами ласковы, разговорчивы, добры, предупредительны, словомъ— какъ люди. Очевидно, они просто не сошлись между собою характерами. Зачѣмъ же ихъ принуждать къ постоянному взаимному тиранству? Отчего не развести ихъ и не дать имъ возможности вступить въ новое супружество, согласное? Или еще картина, болѣе грустная (тоже съ натуры). Жена прекрасная особа, кроткая, добрая, очень красивая собою, однимъ словомъ—воплощенный ангелъ; но мужъ—деспотъ и тиранъ. Чего только не дозволяетъ онъ въ отношеніи къ своей женѣ!! Ежеминутно бранитъ, во всемъ подозрѣваетъ, ни въ чемъ не довѣряетъ, прибѣгаетъ и къ колотушкамъ... ужели по-христіански предоставлять подобныхъ страдалицъ въ жертву тиранамъ и деспотамъ?! Не мало бываетъ и злыхъ женъ... И что должны испытывать тутъ дѣти, если они имѣются?! Какое нравственное вліяніе они должны получить?.. А вы утверждаете, что нѣтъ ничего, говорящаго въ пользу облегченія развода...

Свящ. И та, и другая картина въ высшей степени грустныя и болѣе или менѣе всѣмъ слышимыя и знаемыя; но нарисуемъ и третью картину. Допустимъ, что законъ относительно расторженія браковъ расширенъ; каждые несошедшіеся характеромъ и терпящіе другъ отъ друга угнетенія и злобы, супруги имѣютъ право свободно расходиться и вступать въ новыя супружества. И вотъ, благодаря такому праву, извѣстные супруги оставляютъ другъ друга и снова дѣлаются „молодыми“, т. е. мужъ вступаетъ въ бракъ съ новою женою, а жена выходитъ замужъ за новаго мужа. Въ новыхъ супружествахъ и тотъ, и другая искали себѣ согласія, счастія, которыхъ прежде не имѣли; но оказалось, что этого согласія и этого счастія нѣтъ и теперь... Какъ вы полагаете? Хорошая эта картина? Не значитъ ли это только увеличивать и умножать несчастныя жертвы? Вмѣсто прежнихъ двухъ лицъ, теперь страдаютъ уже четыре лица!.. Вы, конечно, на это возразите, что не все же только неудачи; а я вамъ напередъ замѣчу, что иногда самые, повидимому, вѣрные разсчеты на удачу кончаются полнѣйшимъ фіаско. Вѣдь всѣ, вступая въ бракъ, вступаютъ въ него съ надеждою на взаимное счастье; раздоры и несогласія обнаруживаются уже потомъ; причемъ въ не малой части случаевъ эти раздоры и несогласія обнаруживаются у такихъ супруговъ, которые, при вступленіи въ бракъ, казалось, положительно были влюблены другъ въ друга. Если первая надежда обманула, то что можетъ служить гарантіей необманности надежды второй? И если дѣтямъ при первой неудачѣ очень дурно жить, когда они все-таки дѣти однихъ родителей, то каково должно быть ихъ житье при вторичной неудачѣ, когда вмѣстѣ съ этой неудачей они окажутся еще *пасынками и падчерицами*? Извѣстно, что значитъ быть пасынкомъ и падчерицей... Да, для того, чтобы справедливо судить о дѣлѣ, надобно всегда, какъ говорится, посмотрѣть и на оборотную сторону медали.

Юр. На такую вашу іереміаду я отвѣчу пословицей: „если бояться волковъ, то—и въ лѣсъ не ходить“. Пусть будутъ новыя неудачи, но эти новыя неудачи во всякомъ случаѣ значительно будутъ искуплены множествомъ новыхъ браковъ счастливыхъ. Каждая неудача пріучаетъ человѣка къ осмотрительности. Въ большинствѣ случаевъ неудачные браки зависятъ отъ поспѣшности ихъ заключеній, отъ юношескихъ увлеченій, словомъ—отъ неопытности. Но когда мы испытываемъ какую либо неудачу, то каждый новый шагъ въ неудавшемся прежде дѣлѣ совершается нами съ большею осмотрительностію: мы тогда умудряемся. Отсюда, слишкомъ нелогично заключать, что если первый бракъ былъ несчастливъ, то такъ же можетъ быть несчастливъ и второй. Напротивъ...

Свящ. Я также позволю себѣ привести двѣ—три пословицы, которыя могутъ имѣть обоюдное значеніе, какъ по отношенію къ вашему возраженію, ослабляя его силу, такъ и въ разсужденіи защищаемыхъ мною положеній о неосновательности легкихъ разводовъ, показывая по меньшей мѣрѣ неблагоразумную поспѣшность такихъ разводовъ. „Человѣка узнать—куль соли съѣсть“, говоритъ одна изъ извѣстнѣйшихъ пословицъ. Потомъ: „люди перемѣнчивы“. И еще „чужая душа—темный лѣсъ“. Смыслъ первой пословицы тотъ, что для того, чтобы хорошо распознать своего ближняго, сказать о немъ окончательное: *да* или *нѣтъ*, чтобы всецѣло на него положиться,—требуется слишкомъ много времени; надобно потребить цѣлый куль соли, т. е., надобно израсходовать на пріобрѣтеніе желательной дружбы столько времени, какое необходимо для потребленія человѣкомъ куля соли; а человѣкъ,—извѣстно,—очень немного потребляетъ соли въ день. Вторая и третья пословицы дополняютъ первую, объясняя, почему именно требуется много времени для рѣшительнаго сужденія о ближнемъ. Къ пословицамъ присоединю и изреченіе одного церковнаго учителя: „никого

при его жизни не хвали, и ни въ комъ до его смерти не отчаявайся". Все это, во первыхъ, говоритъ, что какою бы опытностію мы ни обладали въ разсужденіи распознанія нашихъ ближнихъ, сколько бы брачныхъ неудачъ не переживали, ошибки всегда возможны. Мы и за себя самихъ не можемъ и не должны ручаться. Правда, *человѣкъ,* какъ говоритъ премудрый сынъ Спраховъ,—*узнается по виду, и по выраженію лица при встрѣчѣ познается разумный; одежда и осклабленіе зубовъ и походка человѣка показываютъ свойства его* (Спр. 19, 26, 27); но такое познаваніе человѣка вѣрно лишь *въ данное время,* когда мы усматриваемъ *этотъ* видъ, *это* выраженіе лица, *эту* одежду, осклабленіе и походку; а что будетъ съ нимъ же *потомъ,* останется ли онъ съ присущими ему теперь свойствами, обнаруживаемыми въ самомъ его внѣшнемъ видѣ, въ выраженіи лица, одеждѣ и проч.,—*навсегда,*—сего мы угадать не можемъ: такъ, иногда самый *разумный* лишается разсудка, вмѣстѣ съ чѣмъ измѣняется и *выраженіе* его *лица; расточительный* дѣлается *скупымъ,* вмѣстѣ съ чѣмъ видоизмѣняется и его *одежда; веселый* становится *мрачнымъ,* причемъ иное у него и *осклабленіе зубовъ,* и т. д. Тотъ же премудрый учитъ: *прежде смерти не называй никого блаженнымъ* и: *при кончинѣ человѣка открываются дѣла его* (11, 27—28). Отсюда,—только что высказанное вами возраженіе не можетъ имѣть особенной силы. Это одна сторона дѣла, которую я назову отрицательною, какъ имѣющую отношеніе *къ возраженію.* Возьмемъ теперь тѣ же пословицы и изрѣченія въ примѣненіи ихъ къ защищаемымъ мною *положеніямъ* о неосновательности требованія брачныхъ разводовъ кромѣ вины любодѣянія. Если люди перемѣнчивы, если ни въ комъ до самой его смерти не слѣдуетъ отчаяваться, если на все требуется время: то почему не надѣяться, что это время можетъ улучшить и отношенія несогласныхъ пока супруговъ,

зачѣмъ торопиться разводомъ?.. Да, опытъ свидѣтельствуетъ, что нерѣдко самые несогласные супруги со временемъ искренно примиряются. Я лично знаю такой примѣръ. Одинъ не крупный чиновникъ весьма дурно жилъ съ своею женою, даже билъ ее; такъ продолжалось около десяти лѣтъ. Наконецъ жена серьезно заболѣла. Болѣзнь разомъ измѣнила дурныя отношенія къ ней суроваго мужа; послѣдній искренно молитъ Бога о ея выздоровленіи, и когда она выздоровѣла, то все остальное время было прожито ими прекраснымъ образомъ. Еще примѣръ, о которомъ было даже печатно заявлено, въ одномъ изъ духовныхъ нашихъ журналовъ. Одна молодая женщина (помнится, крестьянка), терпя постоянные побои отъ своего пьяницы—мужа, рѣшилась покончить съ собою. Въ одну ночь, взявши съ собою ребенка, она побѣжала къ рѣкѣ, съ цѣлію броситься въ прорубь (была зима); она уже занесла ногу, чтобы броситься, какъ вдругъ услышала ударъ церковнаго колокола къ заутренѣ; церковный благовѣстъ остановилъ ее, и несчастная, вразумившись, побѣжала обратно домой, разсказала откровенно обо всемъ своему мужу, и этотъ послѣдній до такой степени былъ тронутъ разсказомъ своей жены, что бросилъ пьянство и сталъ жить съ нею, какъ самый добрый мужъ. И такъ, вотъ еще данныя для того, чтобы избѣгать разводовъ! Въ каждомъ человѣкѣ непремѣнно есть искра добра, и долгъ супруговъ не погашать ее, а воспламенять. Вы указывали на извѣстную вамъ супругу, которая по своему характеру—настоящій ангелъ, а между тѣмъ много терпитъ отъ своего недостойнаго мужа: но—недостаточно быть „цѣлымъ, яко голубь“, надобно еще быть „мудрымъ, какъ змія“.

Юр. Разсуждать и поучать весьма легко, но легко ли жить-то по вашимъ назиданіямъ и разсужденіямъ?.. Вотъ вы сами указали два примѣра, изъ которыхъ одинъ представляетъ намъ женщину, десять лѣтъ страдавшую отъ

своего суроваго мужа, и только благодаря своей болѣзни снискавшую потомъ его благоволеніе, а другой—опять женщину, которая изъ-за тиранства мужа уже совсѣмъ готова была, и съ ребенкомъ, броситься въ прорубь, и только церковный благовѣстъ остановилъ ее: шутка ли мучиться цѣлыхъ десять лѣтъ?! и легко ли положеніе, когда человѣкъ въ холодную зиму рѣшается себя утопить?! Правда, выставляемые вами примѣры имѣютъ хорошій конецъ; они только драма. А сколько трагедій въ нашихъ брачныхъ сферахъ?! Вѣдь не всякій мужъ способенъ трогаться болѣзнію своей нелюбимой жены, и не каждой женщинѣ—мученицѣ приходитъ на помощь благовѣстъ церковнаго колокола. Если бы мы имѣли возможность провѣрить всѣ скорби и ужасы, которые происходятъ отъ несогласной брачной жизни, то думаю, на головѣ нашей не осталось бы ни одного волоса живаго отъ того нравственнаго потрясенія, которое неизбѣжно должно овладѣть благородною душою. Надобно имѣть слишкомъ черствую душу, чтобы не содрогаться подобными ужасами и не желать ихъ удаленія!...

Свящ. Мы, кажется, не совсѣмъ ясно понимаемъ другъ друга. Предметъ нашего разговора есть вопросъ о томъ,—въ какихъ случаяхъ внѣшній законъ можетъ *расторгать* брачные союзы? Говоря другими словами: на какихъ дѣйствительныхъ данныхъ этотъ внѣшній законъ можетъ правильно заключенный бракъ считать и опредѣлять *болѣе несуществующимъ* и лицамъ расторгнутаго брака давать незазорное право на вступленіе *въ новые брачные союзы!*.. Исходя изъ понятія о бракѣ, я съ своей стороны нахожу, что брачные союзы *не расторжимы,* за исключеніемъ одного случая—прелюбодѣянія, причемъ не вижу и мнимой *практической* пользы отъ брачнаго расторженія. Но, отрицая *расторженіе,* за исключеніемъ случая прилюбодѣянія, я отнюдь не имѣю въ виду, что называется, *закрѣпостить*

тѣ „скорби и ужасы“, которые происходятъ отъ несогласной брачной жизни, и отъ которыхъ должна содрагаться каждая благомыслящая душа,—какъ не закрѣпощаетъ этихъ ужасовъ и скорбей и наше брачное право. Если между мужемъ и женою происходитъ сильная вражда, и они другъ друга постоянно тиранятъ, не находя въ себѣ силъ и умѣнья ко взаимному примиренію, то въ такомъ случаѣ нашъ законъ, послѣ предварительныхъ увѣщаній, разъединяетъ несогласныхъ супруговъ, пока они не примирятся между собою, и такимъ образомъ ужасы и скорби, происходящіе отъ несогласной брачной жизни, не не устраняются и у насъ, и нашъ законъ имѣетъ душу... Короче: въ вопросѣ о расторженіи браковъ надобно, по моему разсужденію, строго отличать брачный *союзъ* отъ такихъ или иныхъ, исходящихъ изъ него, супружескихъ *отношеній*, или,—говоря образно,—*узелъ* отъ связуемыхъ имъ *концовъ*: послѣдніе, въ случаѣ ихъ спутанности одного съ другимъ и ихъ взаимнаго, такъ сказать, терзанія (когда напр. при дуновеніи вѣтра они треплятся другъ о друга), могутъ быть приведены въ порядокъ и безъ разсѣченія связующаго ихъ узла.

Юр. Если ссорящихся супруговъ достаточно только разъединять, но при этомъ не давать имъ права на вступленіе въ новыя супружества, то такое разъединеніе равносильно обреченію разводныхъ на, такъ называемое, соломенное вдовство. Быть вдовцомъ, потому что строптива жена, или быть вдовою, потому что строптивъ мужъ, едва ли легче, чѣмъ пребывать въ несогласномъ супружествѣ.

Свящ. Что дѣлать, если исходъ другаго рода не мыслимъ. Тяжело оставаться вдовцомъ или вдовою и вслѣдствіе смертной разлуки: тѣмъ не менѣе долгъ требуетъ примириться съ несчастіемъ. И въ послѣднемъ случаѣ ко вдовству (разумѣю особенно несчастныхъ вдовицъ) присоединяется очень часто еще крайняя нищета; тогда какъ при разлученіи супруговъ

вслѣдствіе ихъ взаимнаго несогласія законъ ограждаетъ слабую сторону отъ совершенной нищеты, обязывая напр. неуживчиваго мужа и по разъединеніи выдавать своей женѣ извѣстную долю содержанія. Вообще, вы въ недопущеніи брачныхъ расторженій видите однѣ только мрачныя стороны, не обращая вниманія на стороны свѣтлыя. Такъ вы и въ приведенныхъ мною примѣрахъ супружескаго примиренія не усматриваете ничего добраго: десять лѣтъ ссоры для вашего вниманія болѣе значатъ, чѣмъ все остальное время мира и любви, и минутная, необдуманная готовность броситься въ прорубь васъ поражаетъ болѣе, чѣмъ ниспосланное Богомъ спасеніе какъ рѣшавшейся на самоубійство, такъ и тому, изъ-за кого готовилось это самоубійство. Присоединю массу примѣровъ глубокаго раскаянія и сожалѣнія о бывшихъ несогласіяхъ, которыя (раскаяніе и сожалѣніе) наполняютъ сердце ссорившагося мужа или ссорившейся жены послѣ смерти кого либо изъ нихъ. Часто это раскаяніе и это сожалѣніе до такой степени бываютъ сильны, что высказываются открыто и заставляютъ плакать другихъ. Для людей, не имѣющихъ въ виду ничего, кромѣ благъ міра сего, подобныя раскаянія и сожалѣнія могутъ показаться поздними, и пожалуй вызвать у нихъ только улыбку; но кто вѣритъ въ жизнь будущаго вѣка, для того каждый покаянный вздохъ имѣетъ высокое значеніе. Нельзя не обратить вниманія и на то, что иногда кажущееся суровое и холодное отношеніе въ сущности дышетъ горячею любовью. Вы, безъ сомнѣнія, знакомы съ произведеніемъ графа Толстого „Война и миръ“: мнѣ тамъ весьма нравится характеристика отношеній между княземъ Волконскимъ и его дочерью Мери. Повидимому, отецъ—деспотъ, а дочь—страдалица; но на дѣлѣ ни тотъ, ни другая не могутъ жить другъ безъ друга. Такъ нѣкоторые и супруги: иногда они какъ бы не замѣчаютъ тѣснаго внутренняго единенія между собою и какъ будто тяготятся своею жизнію;

но если дать имъ разводъ, — это значило бы сдѣлать ихъ дѣйствительно несчастными. Говорю все это къ тому, чтобы еще разъ показать, что если гдѣ, то именно въ вопросѣ о расторженіи браковъ требуется глубокая предусмотрительность.

Юр. Если бракъ есть неразвязуемый гордіевъ узелъ, разсѣчь который можетъ лишь мечъ прелюбодѣйства, то почему же безпрепятственно расторгаютъ браки вслѣдствіе напр. физической неспособности къ брачному сожитію, а также по безвѣстному отсутствію, продолжавшемуся болѣе пяти лѣтъ? Физическая неспособность и отсутствіе не суть прелюбодѣйство.

Свящ. Но они и не узелъ, или: они и не бракъ. Если бы, напр., пятилѣтній мальчикъ былъ повѣнчанъ на трехлѣтней дѣвочкѣ, то развѣ былъ бы тутъ бракъ? То же надобно сказать и о безвѣстномъ отсутствіи, продолжающемся болѣе пяти лѣтъ: коль скоро продолжительное время нѣтъ извѣстій о мужѣ или женѣ, то такая безызвѣстность сама собою предполагаетъ или смерть отсутствующаго, или, по меньшей мѣрѣ, его нежеланіе продолжать законное супружество; а слѣдовательно и здѣсь брачный союзъ самъ собою расторгается. Такъ что, разрѣшая вступленіе въ новый бракъ по поводу физической неспособности или по безвѣстному отсутствію, продолжавшемуся болѣе пяти лѣтъ, законъ не дѣлаетъ чего либо противорѣчащаго понятію о бракѣ: въ первомъ случаѣ (при физической неспособности одного изъ супруговъ), законъ только, такъ сказать, констатируетъ невозможность такого брака; во второмъ—справедливо приравниваетъ брачущихся къ бракамъ вдовцовъ и вдовицъ.

Юр. Что бы вы ни говорили въ защиту доселѣ дѣйствующаго у насъ брачнаго права, я тысячу разъ повторяю: „жестоко слово сіе“...

Свящ. Не знаю, какъ именно является у васъ на устахъ это знаменательное изреченіе, т. е.—берете ли вы его какъ

именно изреченіе *евангельское,* зная, кѣмъ и по какому поводу оно сказано, или—просто произносите, какъ подходящую къ вашимъ мыслямъ фразу, не имѣя въ виду его источника. Думаю, въ послѣднемъ смыслѣ. А изреченіе дѣйствительно знаменательное и въ высокой степени поучительное, и можетъ послужить къ наилучшему заключенію нашего разговора. *Жестоко есть слово сіе и кто можетъ его послушати?*—такъ говорили *многіе изъ учениковъ Христовыхъ,* т. е. изъ Его бывшихъ послѣдователей, когда Онъ предлагалъ Свое ученіе о святѣйшемъ таинствѣ причащенія. *Но Іисусъ,* повѣствуетъ св. Евангелистъ, *зная самъ въ Себѣ, что ученики Его ропщутъ на то, сказалъ имъ: это ли соблазняетъ васъ?... для того-то и говорилъ Я вамъ, что никто не можетъ прійти ко Мнѣ, если то не дано будетъ ему отъ Отца Моего* (Іоан. 6, 60. 61. 65). Не къ соблазнамъ и преткновеніямъ должна вести насъ и высокая тайна супружества, а напротивъ къ молитвенному благоговѣнію предъ нею и всевозможному огражденію ея отъ легкомыслія, при помощи небеснаго Отца. Не объ учащеніи разводовъ мы должны заботиться, а напротивъ, объ ихъ совершенномъ исчезновеніи. Бракъ — это такая святыня, которая составляетъ основу и корень жизни человѣчества. Можетъ ли жизнь быть здоровою, если ея основа гнилая и корень изъѣденъ червями? А легкость разводовъ ведетъ именно къ гнилости и разрушенію. *Моисей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими, а сначала не было такъ,* отвѣчалъ Спаситель искушавшимъ Его фарисеямъ и вопрошавшимъ: *по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею* (Мѳ. 19, 3. 8)? Легкость разводовъ—это потворство страстямъ и порокамъ. Трудно себѣ вообразить, къ какимъ печальнымъ результатамъ можетъ привести свободное расторженіе браковъ при нынѣшней разнузданности человѣческихъ страстей! Нынѣ ребенокъ,

и тотъ капризничаетъ, и того бойтесь оскорбить... Сколько же простора для всякаго рода капризовъ можетъ дать желаемое облегченіе брачныхъ разводовъ!... Вмѣсто вредныхъ разсужденій о необходимости облегченія брачныхъ разводовъ, нашей печати слѣдовало бы почаще мыслить и говорить *о важности и святости браковъ.* У насъ не только люди темные, но и образованнѣйшіе не знаютъ даже того, что бракъ есть *таинство!..* „Прошу васъ, батюшка, совершить *обрядъ* вѣнчанія", сплошь и рядомъ слышишь изъ устъ нынѣшняго образованнаго человѣка. И какъ совершается сей *„обрядъ"!!...* Женихъ только и думаетъ, какъ бы скорѣе повѣнчали... Невѣста вся занята своимъ убранствомъ... Стоя подъ вѣнцомъ, ни тотъ, ни другая не умѣютъ и не знаютъ, когда надобно сдѣлать на себѣ крестное знаменіе... Бракъ у насъ какъ бы нѣкое зрѣлище, а не таинственное священнодѣйствіе. Отсюда и неудачи въ бракахъ... Благодать таинства не можетъ изливаться на тѣхъ, которые даже и не подозрѣваютъ ея дѣйствія, и сознательно или несознательно *кощунствуютъ* надъ таинствомъ... Отсюда же, т. е. отъ несознанія величія и святости брачнаго союза, у насъ, съ другой стороны, большинство молодыхъ и немолодыхъ живутъ внѣ законныхъ браковъ. Скоро, пожалуй, настанетъ время, когда совсѣмъ перестанутъ вѣнчаться, чтобы не связывать себя заботами супруговъ, а будутъ жить, какъ животныя неразумныя, и хуже того, бросая раждаемыхъ отъ нихъ дѣтей на произволъ судьбы, и совершая болѣе ужасныя мерзости. Таковы плоды безграничной свободы, или, точнѣе, произвола!.. И ужели желателенъ еще новый произволъ?.. Господь Іисусъ, когда увидѣлъ, что по поводу Его ученія о таинствѣ причащенія, *многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него, и уже не ходили съ Нимъ,—сказалъ двенадцати: не хотите ли и вы отойти? Симонъ Петръ отвѣчалъ Ему: Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни*

(Іоан. 6, 66—68). Если мы хотимъ принадлежать къ *двьнадцати,* а не къ тѣмъ, которые *отошли* отъ Іисуса, то и въ ученіи Христа о таинствѣ брака также должны видѣть *глаголъ вѣчной жизни,* а не „жестоко слово", т. е. не „странныя слова". Глаголъ же Христовъ, какъ намъ уже извѣстно, таковъ: *кто разводится съ женою своею, кромѣ вины любодѣянія, тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать; и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ* (Мо. 5, 32). И въ другомъ мѣстѣ: *кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе, и женится на другой; тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ* (Мо. 19, 9.; срав. Луки 16, 18). Отъ лица же Самого Господа заповѣдуетъ и великій изъ апостоловъ, говоря: *вступившимъ въ бракъ не я повелѣваю, а Господь, жень не разводиться съ мужемъ и мужу не оставлять жены своей* (1 Кор. 7, 10 11; ср. Римл. 7, 3).

Протоіерей Г. Титовъ.

Изъ дневника любителя церковнаго пѣнія[1]).

Марта 16. По рекомендаціи о. протоіерея регентъ нашего хора обратился ко мнѣ за богородичными догматиками большаго знаменнаго роспѣва, въ переложеніи ихъ на 4 голоса рязанскимъ о. протоіереемъ Виноградовымъ. Для первоначальнаго ознакомленія съ этими переложеніями на спѣвкѣ пропѣты богородичны 1-го и 8-го гласа. Въ нихъ древняя мелодія удержана съ буквальною точностію по изложенію Синодальнаго Октоиха, что и придаетъ этимъ переложеніямъ высокую цѣну. Гармонія прекрасна, но, скажемъ, страдаетъ хроматизмомъ, т. е. обиліемъ полутонныхъ интерваловъ, и потому далеко не для каждаго хора легка къ исполненію.

[1]) См. № 17-й.

Чудное дѣло съ этими богородичными знаменнаго роспѣва. Въ сельскихъ приходскихъ церквахъ, какъ мы слышали въ примосковныхъ и поволжскихъ епархіяхъ, они поются постоянно *большимъ* или *старымъ* знаменнымъ роспѣвомъ буквально по изложенію Синодальнаго Октоиха или, что то же, Сокращеннаго Обихода, въ городскихъ же церквахъ, особенно хорами пѣвчихъ краткимъ Кіевскимъ роспѣвомъ, или же и знаменнымъ, но слишкомъ въ сокращенномъ видѣ [1]). Жаль, если и сельскіе псаломщики, послѣдуя нотнымъ изданіямъ, оставятъ прекрасный обычай пѣть эти богородичны настоящимъ старымъ знаменнымъ роспѣвомъ. Пѣвческіе хоры, до послѣдняго времени руководясь въ простомъ пѣніи главнымъ образомъ изданіями петербургской капеллы, также оставили знаменный напѣвъ богородичныхъ догматиковъ. Обращаясь къ гармоническимъ переложеніямъ этихъ богородичновъ, мы въ числѣ ихъ не видимъ пока вполнѣ удачныхъ переложеній, удобныхъ для каждаго хора. Переложенія прот. Турчанинова не удерживаютъ въ точности древней мелодіи, да и гармонизація ихъ не имѣетъ той прелести, какую имѣютъ другія его переложенія, наприм., пѣснопѣнія Страстной седмицы, задостойники и проч.; переложенія о. прот. Виноградова, какъ сказано, страдаютъ хроматизмомъ; переложеній Львова, напечатанныхъ нѣкогда въ его Октоихѣ, мы не могли достать, но почему-то они не употребительны. Хвалятъ переложенія о. архимандрита Митрофанія; нужно постараться достать ихъ.

По окончаніи спѣвки регентъ хора обратился ко мнѣ съ выраженіемъ довольства переложеніями богородичновъ прот.

---

[1]) Богородичны эти въ »Руководствѣ къ изученію др. богослуж. пѣнія« Потулова изложены въ древнѣйшемъ ихъ видѣ согласно крюковымъ нотнымъ книгамъ, а у о. діакона Соколова—буквально по Синод. Октоиху, въ »Кругѣ же обычнаго напѣва Московской епархіи« весьма сокращенно, а во всѣхъ прочихъ не синодальныхъ изданіяхъ обычнаго пѣнія—краткимъ Кіевскимъ роспѣвомъ.

БИБЛІОТЕКА Московской Православной Духовной Академіи № 18 книгой 62886

Виноградова, но вмѣстѣ выразилъ и недоумѣнія относительно протяженности напѣвовъ знаменнаго роспѣва вообще. Онъ предполагалъ, что если богородичны пѣть большимъ знаменнымъ роспѣвомъ, то конечно и стихиры такимъ же роспѣвомъ, а въ такомъ случаѣ богослуженіе было бы слишкомъ продолжительно. Я объяснилъ ему, что знаменный роспѣвъ, какъ и другіе роспѣвы Православ. русской Церкви, имѣетъ два вида: большой и малый, что пѣть все однимъ большимъ роспѣвомъ нѣтъ необходимости. Протяженными напѣвами всегда пѣлись, какъ и нынѣ поются, по преимуществу пѣснопѣнія, сопровождающія болѣе или менѣе продолжительныя священнодѣйствія, прочія же пѣснопѣнія—кратчайшими напѣвами. Что касается въ частности пѣнія стихиръ, то въ эпоху процвѣтанія въ Россіи знаменнаго роспѣва (въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в.) пѣснопѣніе „Господи воззвахъ“ было въ видѣ лишь запѣва къ стихирамъ и пѣлось кратко, именно: или только слова „Господи воззвахъ къ Тебѣ“, *притвъ:* „Услыши ны Господи, егда воззову къ Тебѣ“ [1]), или же пѣлись и полные стихи, какіе поются и нынѣ: „Господи воззвахъ... и Да исправится молитва моя“..., но особымъ отъ стихиръ краткимъ напѣвомъ [2]). Стихиры обыкновенно пѣлись также краткими напѣвами, т. е. или „на подобны“, или же *малымъ* знаменнымъ роспѣвомъ, подобнымъ малому Кіевскому роспѣву, употребляемому нынѣ, и только стихиры праздничныя, особенно же *славники* (на слава и нынѣ) пѣлись протяженно. При томъ пѣніе не могло быть одинаково протяженно при соборномъ патріаршемъ служеніи и при служеніи

---

[1]) См. наприм. »Кругъ церк. древ. знам. пѣнія« И. О. Л. Д. Имп. Спб. 1884 г.

[2]) См. »Руководство къ изученію древ. богосл. пѣнія« Н. Потулова. М. 1875 г. стр. 195—222 и Октоихъ Синод. изданія въ началѣ каждаго гласа.

одного приходскаго священника. Первое естественно было болѣе протяженнымъ, второе — болѣе краткимъ. Что же касается пространнаго изложенія стихиръ въ „Октоихѣ“ и „Праздникахъ“ Синод. изданія, то книги эти конечно излагаютъ образцы торжественно-праздничнаго пѣнія при соборномъ богослуженіи. *Славники* же, а также и вообще пѣснопѣнія, сопровождающія болѣе или менѣе продолжительныя священнодѣйствія, естественно пѣлись всюду большимъ знаменнымъ роспѣвомъ, что прилично и нынѣ. А такимъ образомъ богослуженіе не можетъ быть особенно продолжительнымъ. Сверхъ того, за богородичнымъ догматикомъ большаго знаменнаго роспѣва пѣснопѣніе „Свѣте тихій“ можно пѣть краткимъ напѣвомъ, а не пространными партесными, какъ это нерѣдко мы слышимъ нынѣ.

Письма священника къ дочери.

Письмо первое.

Дорогое дитя мое, дочь моя! Несказанно обрадованъ я былъ твоимъ письмомъ. Оно показало мнѣ, что, и по выходѣ твоемъ замужъ, между мною и тобой не порвалась та нравственная, духовная связь, которая укрѣпилась между нами съ давнихъ поръ, вслѣдствіе твоего сиротства, когда мнѣ приходилось замѣнять тебѣ и отца и вмѣстѣ съ тѣмъ мать. Благодарю Всевышняго за то, что Онъ даетъ мнѣ въ удѣлъ извѣдывать радости счастливѣйшаго изъ отцовъ—лучшее, чего можетъ пожелать всякій человѣкъ на склонѣ лѣтъ. Ты далеко отъ меня, дочь моя, и, въ то же время, ты вмѣстѣ со мной. Читая твое письмо, я увидѣлъ тебя, я слышалъ твой голосъ. Ты стояла передо мною, какъ живая, моя маленькая хлопотунья, Лиза, съ твоими недоумѣніями, сомнѣніями, горестями,

надеждами и мечтаніями. Вижу, къ большому моему утѣшенію, что твоя жажда къ добру не изсякла, твое стремленіе быть полезной на всякомъ мѣстѣ—все то же. Та же любовь къ труду и неуклонному выполненію своихъ обязанностей. Да поможетъ тебѣ въ этомъ Господь Богъ! Будь полезной помощницей своему мужу, и ты выполнишь свое назначеніе на землѣ!

Да, дочь моя, ты справедливо находишь, что обязанности жены сельскаго священника велики и не легки; скажу тебѣ еще, что они многосторонни. Оставаясь примѣрной, домовитой хозяйкой, заботливой женой и матерью (если Господь наградитъ тебя чадами), ты, какъ помощница своего мужа, должна принять на себя и часть его сложныхъ пастырскихъ обязанностей и удѣлить нѣчто отъ твоего времени на служеніе человѣчеству. Смотри на паству твоего мужа, какъ на свою собственную обширную семью, о которой ты должна имѣть заботу и попеченіе чисто материнское. Есть даже нѣкоторая область въ отношеніяхъ пасомыхъ, гдѣ участіе жены священника можетъ принести больше пользы, чѣмъ искреннѣйшее усердіе самого пастыря—это та область, въ которой главными дѣятелями выступаютъ отзывчивое женское сердце, женская нѣжная душа, гдѣ требуется больше чувства, чѣмъ разума, побольше мягкости, заботливаго участія, состраданія.

Не печалься, дитя мое, о томъ, что прихожане приняли васъ такъ холодно, равнодушно и даже съ предубѣжденіемъ. Мужайтесь! Терпѣніе и кротость—и будемъ надѣяться, что это предубѣжденіе разсѣется само собой со временемъ, когда поселяне убѣдятся въ вашемъ добромъ къ нимъ расположеніи и искреннемъ желаніи быть имъ полезными. Что дѣлать! Приходится мириться съ такимъ грустнымъ положеніемъ вещей! Не народъ нашъ слѣдуетъ винить за тѣ ненормальныя отношенія, какія установились съ нѣкоторыхъ поръ между

нимъ и его пастырями. Виноваты въ этомъ отчасти новыя экономическія условія жизни, а отчасти само наше духовенство. Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія между пастырями и его паствой были бы гораздо искреннѣе, если бы этотъ пастырь былъ лицемъ независимымъ въ матеріальномъ отношеніи и даже на столько состоятельнымъ, чтобы ему не только не приходилось постоянно заглядывать въ руку своего прихожанина, но возможно было бы еще и самому ему оказать помощь въ трудную минуту жизни. Но чего нѣтъ, того нѣтъ— не зачѣмъ и слова понапрасну тратить. Надо умудряться и въ томъ тяжкомъ положеніи, которое достается намъ въ удѣлъ, стать на высоту своего призванія. Пусть народъ содержитъ и кормитъ своего пастыря, но пусть же онъ видитъ, что это пастырь добрый, душу свою полагающій за овецъ своихъ, а не наемникъ, не холодный, безучастный исполнитель обрядовъ вѣры за условную плату. Пусть народъ видитъ, что расходы, которые онъ несетъ по содержанію духовенства, вознаграждаются съ лихвой той пользой, какую оно ему приноситъ. И тогда сердечность отношеній между пастыремъ и пасомыми установится сама собою, минуя всѣ преграды, выросшія вслѣдствіе ненормальнаго экономическаго положенія духовенства. Къ сожалѣнію, нѣкоторые священники мало занимаются этимъ вопросомъ и держатъ себя въ сторонѣ отъ народа, недоступно и гордо, какъ чиновники особаго рода, а не блюстители душъ человѣческихъ. А въ особенности сторонятся отъ народа ихъ образованныя жены и даже стыдятся общенія съ нимъ, какъ чего-то позорнаго, унижающаго ихъ достоинство, между тѣмъ, какъ онѣ-то и могли бы быть наилучшими въ этомъ дѣлѣ помощницами священниковъ. Но это, впрочемъ, не касается, дитя мое, ни тебя, ни твоего мужа: по письму твоему вижу, что вы оба, какъ должно, понимаете свои обязанности.

Скорблю только объ одномъ, что вамъ приходится начинать вашъ трудъ, такъ сказать, бродя въ потемкахъ. Вы получили приходъ въ уѣздѣ чужомъ, совершенно незнакомомъ вамъ. Вы не знаете ни нуждъ, ни потребностей своихъ прихожанъ, ни ихъ нравственнаго состоянія. Пройдетъ еще много и много времени прежде, чѣмъ вы познакомитесь съ ними и тѣмъ самымъ пріобрѣтете возможность руководить ими. Размышляя о неудобствахъ вашего положенія, невольно несусь мыслію къ моей собственной молодости. Мое поступленіе на приходъ произошло при условіяхъ болѣе счастливыхъ. Мнѣ достался по наслѣдству отцовскій приходъ. Прихожане, любившіе отца и привыкшіе къ нему, глядѣли на меня еще съ малыхъ лѣтъ, какъ на будущаго преемника отцу въ ихъ церкви, и невольно переносили частицу своей расположенности къ нашему дому и на меня, еще ничѣмъ ее не заслужившаго. Я былъ уже для нихъ, такъ сказать, свой родной человѣкъ, которому они довѣряли изъ уваженія къ семьѣ, давшей мнѣ воспитаніе. Что касается меня, то я началъ изученіе своего прихода еще съ дѣтства, съ той поры, когда мальчишкой, вертясь подлѣ матери, находившейся всегда въ тѣсномъ общеніи съ своими прихожанами, выслушивалъ и высматривалъ съ дѣтскимъ любопытствомъ все, что дѣлалось вокругъ. Я зналъ въ лицо всякаго прихожанина и изучилъ нравственную физіономію каждаго, прежде чѣмъ сталъ священникомъ. Большинство изъ нихъ на моихъ глазахъ родились, крестились, женились... Вашъ пріѣздъ прихожане встрѣтили съ холоднымъ равнодушіемъ, какъ лицъ, чуждыхъ и постороннихъ, а когда я, послѣ посвященія, въѣзжалъ съ молодою женою въ мое родное село, на встрѣчу намъ вышло почти все село съ хлѣбомъ солью, съ подарками для новаго хозяйства. И между мною и моими прихожанами съ этого часу установились какъ-то сразу, сами собой, теплыя сердечныя отношенія. Я чувствовалъ, что вступилъ въ свою семью, радѣвшую

мнѣ, сочувственную. Вотъ на сколько мое положеніе было счастливѣе вашего! Но твоему мужу придется не мало употребить умѣнья и добрыхъ усилій, прежде чѣмъ онъ получитъ возможность стать дѣйствительнымъ главою и руководителемъ своей паствы, а не по имени только. И можетъ быть, придется на пути этомъ извѣдать не мало горя и разочарованій. Мужайтесь, дѣти мои, и трудитесь и да поможетъ вамъ Богъ въ вашихъ благихъ начинаніяхъ!

Письмо второе.

Дорогая дочь моя! Твои заботы заботятъ и меня. Непрестанно думаю я о васъ, милыя дѣти, въ моемъ уединеніи и радуюсь всякому случаю оказать вамъ помощь, за невозможностію чѣмъ другимъ, хоть добрымъ совѣтомъ опытной старости. Ты пишешь, что ты и твой мужъ взяли себѣ за правило въ видахъ ознакомленія съ прихожанами посѣщать ежедневно ихъ дома поочередно, но что вы продолжаете встрѣчать съ ихъ стороны все тотъ же недружелюбный, холодный пріемъ, недовѣріе и скрытность. Не удивляюсь этому! Вы избрали, дѣти мои, совершенно ложный путь для знакомства съ нашимъ крестьянином и, боюсь, что путемъ этимъ не достигнете никакого успѣха при всѣхъ вашихъ благихъ намѣреніяхъ. Разберемъ этотъ вопросъ подробнѣе. Говоря съ тобою и о тебѣ, невольно долженъ касаться обязанностей священника вообще, такъ какъ обязанности жены священника составляютъ только частичку великаго дѣла нашихъ пастырей духовныхъ.

Совершенно вѣрно, что, если священникъ желаетъ служить своему дѣлу по совѣсти и по духу Христову, если желаетъ стать руководителемъ жизни своихъ прихожанъ, блюстителемъ ихъ душъ, онъ долженъ прежде всего заботиться пріобрѣсти неограниченное на нихъ вліяніе и расположить

ихъ къ довѣрчивости и откровенности. Вы понимаете это правильно; но какъ достигнуть этого? Какимъ путемъ?.. Трудная задача. Случается, иной священникъ повидимому ничѣмъ не отличается отъ другихъ, не видишь въ немъ ни особыхъ какихъ либо качествъ, ни ума выдающагося, а, смотришь, въ приходѣ онъ пользуется и любовію, и уваженіемъ, и довѣріемъ. Другой же—и образованный, и преисполненъ возвышенныхъ стремленій и жажды приносить посильную пользу своей паствѣ, проповѣдничаетъ не лѣнясь въ церкви, не упускаетъ и другихъ случаевъ поучать народъ, а, смотришь, народъ отъ него сторонится, чуждается его и только издалека поглядываетъ съ какимъ-то тайнымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ. Отчего?.. А это оттого, что одинъ изучилъ душу нашего простолюдина и знаетъ средства управлять ею, а другой въ этомъ дѣлѣ несвѣдущъ.

Что такое нашъ народъ? Это младенецъ, непочатая почва для дѣятелей, для насажденія вертограда добраго и плодоноснаго. Но, какъ съ малымъ ребенкомъ, такъ и съ народомъ, нужно умѣть обращаться, умѣть обласкать, расположить къ себѣ, отыскать тѣ струны сердца, на которыхъ слѣдуетъ дѣйствовать. Въ этомъ случаѣ священникъ долженъ поступать, какъ разумный педагогъ, или земледѣлецъ; узнай, кто твой питомецъ, какого рода почву тебѣ придется обрабатывать, и затѣмъ насаждай свой вертоградъ. Нашъ народъ—младенецъ грубый только по внѣшности, на самомъ же дѣлѣ онъ добродушенъ, простоватъ, искрененъ, съ хорошими зачатками, но крайне недовѣрчивъ, остороженъ. „Мы—люди *темные*“, говорятъ сами о себѣ наши простолюдины—и этимъ объясняется все. Они давно свыклись съ тѣмъ обстоятельствомъ, что каждая болѣе или менѣе *просвѣщенная* личность, вращающаяся среди нихъ, старается воспользоваться этой ихъ темнотою, невѣжествомъ. По мнѣнію народа вездѣ его окружаютъ враги и супостаты—жиды, кулаки—міроѣды, торгаши, такъ

называемые „аблакаты“, готовые на каждомъ шагу провести, надуть нашего мужика, извлечь изъ него всевозможныя для себя выгоды, не говоря уже о писаряхъ и собственномъ волостномъ начальствѣ, никогда не дремлющемъ. Оттого нашъ простолюдинъ смотритъ недовѣрчиво на всякаго новаго человѣка, ожидая, что и онъ можетъ примкнуть къ рядамъ его многочисленныхъ эксплоататоровъ. Но тотъ же простолюдинъ, разъ убѣдившись, что вы не хотите ни прижимать его, ни обманывать, отнесется къ вамъ съ полной искренностію и даже съ любовію, а тѣмъ болѣе, если замѣтитъ, что человѣкъ вполнѣ преданъ его интересамъ и желаетъ безкорыстно служить ему. Тогда онъ самъ придетъ къ вамъ за помощью и совѣтомъ въ трудную минуту жизни, выскажется и откроетъ передъ вами всю свою душу. Вотъ почему я не совѣтовалъ бы ни тебѣ, ни твоему мужу завязывать знакомство съ прихожанами, въ видахъ изученія ихъ, такъ сказать, насильственнымъ путемъ, въ формѣ безпричинныхъ посѣщеній ихъ домовъ. Положимъ, ничего нѣтъ неестественнаго въ томъ, чтобы священникъ, или его жена зашли къ своему прихожанину, но такъ никто у нихъ не дѣлалъ; это не въ обычаѣ, это новшество для крестьянина совершенно неожиданное. Оно остановитъ на себѣ его вниманіе со стороны никакъ не желательной, заставитъ его замкнуться въ себѣ и стать на сторожѣ. „Чего хотятъ эти люди?“ скажетъ онъ. „Чего пришли они? Не для того ли, чтобы что нибудь высмотрѣть, выѣдать, а потомъ воспользоваться для своихъ цѣлей и выгодъ?“ Вашихъ возвышенныхъ цѣлей и стремленій простолюдину, конечно, не понять.

Совѣтъ мой вамъ—дождитесь, когда онъ будетъ въ болѣзни, въ бѣдѣ и посѣтите его, и тогда онъ отнесется къ вамъ совершенно иначе. При такомъ порядкѣ вещей, ознакомленіе ваше съ приходомъ пойдетъ медленнѣе, но за то ни вы, ни ваши чада духовныя ничего не проиграютъ отъ такого

замедленія. А помимо этихъ, еще есть случаи, когда священникъ необходимо даже долженъ являться среди крестьянъ, по тому уже одному, что онъ священникъ, лицо служебное. Такъ, напр., болѣнъ кто, или умеръ, идутъ къ священнику, какъ къ духовнику, или исполнителю обряда погребенія. Священникъ видитъ слезы, горе, отчаяніе; онъ сразу погружается въ самое сердце крестьянской жизни, и можетъ принять въ ней живѣйшее участіе, воспользоваться случаемъ сдѣлать приличное случаю назиданіе, разшевелить лучшія стороны души, зажечь ее огнемъ вѣры, надежды и любви, и наконецъ, помочь добрымъ совѣтомъ съ практической стороны—вотъ обширное поле для дѣятельности.

Послѣ похоронъ, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, при исполненіи религіозныхъ требъ, очень часто священника приглашаютъ къ общей трапезѣ. Онъ попадаетъ при этомъ въ болѣе или менѣе значительное крестьянское общество; на него обращены глаза всѣхъ, ждутъ, что онъ скажетъ, съ кѣмъ и о чемъ поведетъ рѣчь. Съ него починъ и направленіе бесѣды—вотъ опять обширная арена для дѣятельности. Никакая проповѣдь съ церковной каѳедры не можетъ такъ глубоко подѣйствовать на душу, какъ сказанное во время и къ случаю живое слово въ домашней дружеской бесѣдѣ. Гдѣ, какъ не въ подобной бесѣдѣ, удобнѣе всего для священника разрѣшить различныя недоразумѣнія простолюдина, наставить его въ правилахъ нравственности, подѣлиться съ нимъ своими знаніями, а можетъ быть, и воспользоваться случаемъ, чтобы вразумить сорѣпающихъ, прекратить возникающіе между ними ссоры, раздоры, расположить къ взаимному вспомоществованію другъ другу въ различныхъ нуждахъ.

Воротившись домой, священникъ можетъ подѣлиться всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ съ своею женою и, въ случаѣ надобности, послать и ее въ только что покинутый имъ домъ скорби со словомъ утѣшенія, или въ видахъ оказанія

помощи медицинской или другой какой. Попадаются на долю жены священника и иные случаи, гдѣ она можетъ быть въ домѣ своего прихожанина, не только какъ помощница мужа, но даже совершенно самостоятельно, напр., посѣщая болящихъ роженицъ, больныхъ дѣтей, которыхъ крестьянки и сами часто приносятъ въ домъ священника, прося совѣта, или въ праздникъ въ церковь для пріобщенія Таинъ святыхъ, возложивши надежду, за неимѣніемъ другой помощи, на великаго Врача нашего небеснаго.

Отыскивай болящихъ, дочь моя, и спѣши къ нимъ. Иногда, самая ничтожная, но своевременно поданная помощь, можетъ оказать большую услугу. Не надо быть непремѣнно женщиной многоученой и изучать медицину, чтобы быть полезной въ этихъ случаяхъ. Довольно знать нѣкоторыя элементарныя правила лечепія, пріобрѣсть незамысловатый лечебникъ да порядочный запасъ слабительнаго, горчичниковъ, потогонныхъ травъ, чтобы стать въ какомъ нибудь глухомъ захолустьѣ истиннымъ благодѣтелемъ человѣческаго рода.

Вотъ пункты соприкосновенія для жены священника съ своими прихожанами, гдѣ она можетъ и изучать ихъ и вліять на нихъ! Вотъ поприще для полезной и истинно-христіанской дѣятельности! У тебя, дочь моя, есть достаточно знаній для этого, а необходимые медикаменты пріобрѣсть не трудно. Во всякомъ случаѣ, за ними ты всегда можешь обратиться къ вашему земскому врачу, который, конечно, посѣщаетъ иногда и ваше село. Онъ, безъ сомнѣнія, радъ будетъ оказать тебѣ посильную помощь и лекарствами и добрымъ совѣтомъ, найдя въ тебѣ полезнаго для себя помощника. Твоя покойница мать была женщина совсѣмъ неученая, не обладала и сотой долей твоихъ знаній и то часто спасала людей, а въ особенности дѣтей малыхъ, отъ смерти при помощи нѣкоторыхъ простѣйшихъ лекарствъ, которыя и въ старину были извѣстны, отчасти даже доморощенныхъ. И благодарили ее люди, и

благословляли. Нельзя и представить себѣ, сколько можно оказать добра и помощи нашему народу, если съ любовью взяться за безкорыстное служеніе ему. Почва богатая, дѣла много, а дѣлателей мало. Трудитесь и не унывайте, дѣти мои, и да благословитъ васъ Богъ и наставитъ на все доброе и полезное! Р.

Еще къ вопросу о ладанѣ.

Вопросъ о чистотѣ и достоинствѣ веществъ, употребляемыхъ во время богослуженія при тайнодѣйствіяхъ и молитвословіяхъ, на столько важенъ, что мы считаемъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣкоторыя разъясненія и дополненія [1]) къ тѣмъ свѣдѣніямъ о ладанѣ, съ которыми уже познакомилъ читателей „Рук. д. с. п." въ № 14-мъ почтенный о. П. П—ій къ своей статьѣ: „Ладанъ настоящій и поддѣльный". Цѣль нашей замѣтки—точно разграничить сорта ладана и другихъ благовонныхъ курительныхъ веществъ и указать способы для распознанія какъ самыхъ веществъ, такъ и ихъ сортовъ и подмѣсей.

Ладанъ, какъ говоритъ и о. П. П—ій, раздѣляется на нѣсколько сортовъ. *Отборный* или лучшій ладанъ (Olibanum africanum electum in granis) представляется въ видѣ каплеобразныхъ, округленныхъ или продолговатыхъ, булавовидныхъ зеренъ, величиною отъ горошины до орѣха. На зернахъ иногда находятся трещины съ приставшими лоскуточками бураго, тонкаго наружнаго слоя ствола дерева (Boswellia papyrifera), изъ котораго получается самый ладанъ. *Обыкновенный же* ладанъ представляется въ видѣ массъ, состоящихъ изъ мел-

---

[1]) Главнѣйшія свѣдѣнія и дополненія взяты изъ Руководства къ фармакогнозіи Ю. Траппа и провѣрены на опытѣ.

кихъ и крупныхъ кусочковъ болѣе темныхъ, чѣмъ въ предыдущемъ сортѣ, съ примѣсью коры. Помимо извѣстныхъ уже читателю свойствъ, ладанъ обладаетъ еще тою способностью, что при жеваніи размягчается, прилипаетъ къ зубамъ и сообщаетъ слюнѣ млечный видъ; вкусъ его смолисто-горьковатый, слизистый. Ладанъ тяжеле воды, а потому долженъ въ ней тонуть. Къ нему иногда подмѣшиваютъ, а то и просто продаютъ за ладанъ смолу, извѣстную подъ именемъ *сандарака* (sandaraca), которая получается съ дерева callitris quadrivalvis, растущаго въ сѣверо-западной Африкѣ. Сандаракъ представляется въ видѣ продолговатыхъ, желтоватыхъ, просвѣчивающихъ, хрупкихъ зеренъ, покрытыхъ снаружи порошкомъ. Запахъ его довольно пріятный, особенно при подогрѣваніи. Отличить его отъ ладана въ особенности въ низшихъ сортахъ на взглядъ довольно трудно. Но есть довольно характерные признаки, отличающіе его отъ ладана. Такъ, онъ при жеваніи хруститъ, не слипаясь въ массу, и онъ легче ладана,—если тонетъ въ водѣ, то очень медленно.

Другое вещество, издревле употребляемое при кажденіи,—*смирна,* не должно быть смѣшиваемо съ *роснымъ* ладаномъ, который сдѣлался извѣстнымъ въ Европѣ только съ XV столѣтія, т. е. со времени открытія морскаго пути въ Индію мореплавателемъ Васко-де-Гаммою. И въ Евангеліи говорится, что волхвы принесли въ даръ Спасителю два благовонныхъ вещества: ливанъ (ὁ λίβανος—ладанъ) и смирну (μύρρα или σμύρνα). Между тѣмъ торговцы церковнымъ ладаномъ, по крайней мѣрѣ кіевскіе, продаютъ подъ обоими названіями одно и то же вещество, именно росной ладанъ. На самомъ же дѣлѣ даже при первомъ взглядѣ на эти вещества ихъ легко отличить одно отъ другаго; и добываются они въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности, хотя попадаютъ въ Европу черезъ руки исключительно англичанъ. Прежде самая лучшая смирна вывозилась изъ Турціи. Мѣсторожденіе смирны Южная Аравія.

Она выдѣляется изъ коры небольшаго дерева Balsamodendron Ehrenbergianum; сначала она мягка, маслообразна, желтовата, потомъ засыхаетъ, дѣлается темнѣе и краснѣе. Въ торговлѣ различаются два сорта смирны. *Отборная* или лучшая смирна состоитъ изъ неправильныхъ кусковъ, красно-бураго цвѣта, по краямъ просвѣчивающихъ, снаружи неровныхъ, шероховатыхъ, покрытыхъ пылью, въ изломѣ со слабымъ жирнымъ блескомъ. *Обыкновенная смирна* отличается отъ отборной темно-бурымъ цвѣтомъ, болѣе слабымъ запахомъ, содержитъ въ себѣ подмѣси нѣкоторыхъ другихъ смолъ и кусочки дерева. Вкусъ ея горьковатый; запахъ же вообще смирны бальзамическій, очень пріятный и при нагрѣваніи очень сильный. При сожиганіи она горитъ яркимъ пламенемъ и оставляетъ большое количество золы. Смирна довольно хрупка, но въ порошокъ растирается съ трудомъ. Цѣна ея довольно высока: въ аптечныхъ складахъ можно получать фунтъ по 1 р. 20 коп. и немного дороже.

Росной ладанъ получается изъ дерева Styrax Benzoin, растущаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индо-Китая, Индостана, а также на Суматрѣ, Явѣ и Борнео. Въ корѣ и древесинѣ 6—12 лѣтняго дерева дѣлаютъ надрѣзы, изъ которыхъ вытекаетъ смола, медленно засыхающая на воздухѣ. Изъ статьи о. П. П—аго извѣстно уже, что росной ладанъ продаютъ нѣсколькихъ сортовъ. Отъ себя прибавимъ, что *самый лучшій* и *самый дорогой* сортъ его, такъ называемый *сіамскій росной ладанъ въ видѣ слезообразныхъ капель* (Benzoë in lacrimis), состоитъ изъ болѣе или менѣе сплюснутыхъ, угловатыхъ, хрупкихъ кусковъ, величиною не болѣе одного дюйма, снаружи блѣдно-красновато-желтаго цвѣта, внутри опаловиднаго или бѣлаго, съ восковымъ блескомъ. Запахъ этого роснаго ладана весьма пріятный, особенно при нагрѣваніи; вкусъ сладковатый, острый бальзамическій. При жеваніи размягчается. При сожиганіи и сплавленіи роснаго ладана выдѣляется гу-

стой, бѣлый удушливый паръ. Въ холодной, крѣпкой сѣрной кислотѣ росной ладанъ растворяется карминнымъ цвѣтомъ. Есть еще *сіамскій росной ладанъ*, представляющійся въ видѣ каплеобразныхъ, миндалевидныхъ, бѣловатыхъ кусковъ, слипшихся или соединенныхъ посредствомъ красно-бурой смолистой, блестящей массы. Чѣмъ больше въ этой массѣ находится миндалевидныхъ зеренъ, тѣмъ лучше и выше считается этотъ сортъ. Называется онъ въ иностранной торговлѣ Benzoë amygdaloides. Прочія свойства его тѣ же, что и у предыдущаго сорта. Еще есть подраздѣленіе *роснаго ладана въ массахъ*, Benzoë communis. Онъ привозится въ видѣ большихъ, неправильныхъ кусковъ, на поверхности которыхъ еще замѣтны слѣды или вдавленія, происшедшія отъ мѣшковъ или цыновокъ, въ которыхъ массы были запакованы. Простой росной ладанъ почти весь состоитъ изъ хрупкой, пористой, красно-бурой, смолистой, блестящей массы, въ которой разсѣяны многіе мелкіе, свѣтлые, каплеобразные куски. Къ этому сорту всегда примѣшаны кусочки дерева, песокъ, земля и другія постороннія вещества. Наконецъ есть еще такъ называемый *Суматрскій росной ладанъ* Sumatra-Benzoë, который представляется въ видѣ буроватыхъ или грязно-желтоватыхъ массъ, съ бѣловатыми крупными зернами, разсѣянными въ массѣ. Этотъ сортъ роснаго ладана имѣетъ весьма пріятный запахъ. Всѣ названные сорта роснаго ладана имѣются въ русской торговлѣ.

Помимо ладана африканскаго или капанца и роснаго есть еще смолистое вещество, которое называется просто *ладаномъ* (ladanum). Вывозится онъ изъ Константинополя и Смирны, куда доставляется спеціалистами по его добыванію, ладанистами или лабданистами, которые собираютъ его съ вѣтвей и листьевъ кустарника Cistus Creticus или Cistus Cyprius, который растетъ въ Малой Азіи и на островахъ Кипрѣ и Кандіи. Нужно различать нѣсколько сортовъ ладана. *Кипрскій ладанъ въ*

массахъ, представляется въ видѣ темно-бурой, или почти черной, засохшей, рыхлой, скважистой и хрупкой массы, которая имѣетъ весьма пріятный бальзамическій запахъ и горьковато-раздражительный вкусъ. При зажиганіи сгораетъ яркимъ пламенемъ. Бываетъ этотъ ладанъ и въ плиткахъ. Мы думаемъ, что этотъ сортъ ладана названъ въ статьѣ о. П. П—аго іерусалимскимъ. Прежде въ Европѣ онъ былъ въ большомъ ходу для куреній, теперь же онъ весьма употребителенъ какъ лекарство и курительное вещество только на востокѣ.

Еще нѣсколько словъ о составѣ курительныхъ порошковъ, которые теперь иногда употребляются при кажденіи. Существенную часть ихъ составляетъ росной ладанъ, но къ нему подмѣшиваютъ еще порошокъ такъ называемаго фіалковаго корня (radix iridis florentinae) и другихъ пахучихъ травъ и растеній. Изъ этихъ словъ о составѣ курительныхъ порошковъ видно, что они не должны быть употребляемы при кажденіи въ церквахъ уже по тому, что при горѣніи они вмѣстѣ съ захапомъ выдѣляютъ изъ себя и сильную копоть. Употребленіе ихъ въ церквахъ допускается нѣкоторыми священниками, вѣроятно, потому, что въ составъ ихъ (порошковъ) входитъ иногда душистая трава, которая называется ѳиміамомъ, котораго есть нѣсколько сортовъ (Thymus Serpyllus—чабрецъ и Thymus vulgaris). Но очевидно, что этотъ ѳиміамъ не то же самое, что подразумѣвается подъ словомъ *ѳиміамъ* въ Библіи, гдѣ оно означаетъ куреніе благовоннымъ веществомъ.

Въ виду всего сказаннаго о ладанѣ, намъ кажется, что и для благовонныхъ веществъ, употребляемыхъ при куреніи въ церквахъ, не мѣшало бы устроить въ каждой епархіи особые склады, откуда всѣ желающіе могли бы ихъ получать въ нужномъ количествѣ и должнаго достоинства. **Л. Ш.**

Редакторъ Ректоръ Кіев. Дух. Сем. Архимандритъ **Ириней.**

Отъ Кіевск. Комит. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 16 апрѣля 1888 г. Цензоръ прот. *М. Богдановъ.*

Тип. **С. В. Кульженко**, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 19.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Мая 8-го.

Содержаніе: Отношенія пастырей между собою.—Что дѣлать сельскому священнику съ такъ называемыми міроѣдами?—Письма священника къ дочери.—Изъ дневника сельскаго священника.—Требованіе долга и грѣховная привычка.—Вопросъ изъ пастырской практики.

Отношенія пастырей между собою.

Нельзя похвалиться намъ, пастырямъ, добрыми отношеніями другъ къ другу. Нельзя сказать, чтобы всѣ мы и всегда относились другъ къ другу съ должною любовію, вниманіемъ, благорасположеніемъ и предупредительною снисходительностью. Нельзя утверждать, чтобы всѣ мы по братски радѣли о благѣ другъ друга. Въ пастырскихъ отношеніяхъ часто проглядываютъ элементы не добраго свойства. Въ нашихъ отношеніяхъ другъ къ другу очень часто сквозитъ несочувствіе и даже непріязнь, иногда и не скрываемыя. Нѣкоторые изъ насъ готовы во всякое время подставить своему собрату ногу, поставить его въ униженное положеніе и посмѣяться надъ нимъ. Мало того—бываетъ и то, что собратья стараются

даже перетолковать добрыя дѣйствія другъ друга, отыскивал въ нихъ темныя стороны, а ненамѣренныя ошибки и промахи возводить на степень великаго преступленія, въ особенности въ глазахъ прихожанъ. Есть такіе, которые никогда не скажутъ добраго слова о своемъ собратѣ—сосѣдѣ, заслуживающемъ полнаго уваженія. При встрѣчѣ другъ съ другомъ многіе изъ пастырей, вмѣсто того, чтобы подѣлиться практическими опытами изъ пастырской жизни для общей пользы, начинаютъ пикироваться псевдо-учеными вещами, или превозноситься своею практичностью въ дѣлахъ матеріальной наживы, или вообще толковать о томъ, о чемъ мы сами въ поученіяхъ своихъ запрещаемъ говорить и мірянамъ—своимъ прихожанамъ. Безполезно было бы указывать здѣсь факты: къ общему нашему горю они всякому извѣстны. Мы только на основаніи опытовъ заявимъ, что нигдѣ, кажется, возношеніе другъ надъ другомъ не проявляется въ такой мѣрѣ, какъ въ отношеніяхъ между пастырями. Нигдѣ духъ гордыни не вѣетъ съ такою силою, какъ въ пастырской средѣ.

Чего бы, кажется, пастырямъ искать другъ предъ другомъ? Чѣмъ гордиться и превозноситься? Ради чего унижать другъ друга? Не всѣ ли они одинаковые приставники въ дѣлѣ Божія домостроительства, выполняющіе однѣ и тѣ же пастырскія обязанности? Не всѣ ли они одинаковые нищіе, питающіеся отъ щедротъ жертвенника Божія? Не всѣ ли они работники на нивѣ Божіей, сѣющіе, жнущіе и собирающіе въ житницу Божію спѣлую пшеницу? Развѣ можетъ служить къ розни и превозношенію другъ предъ другомъ то обстоятельство, что одинъ имѣетъ пять талантовъ, другой два, а третій только одинъ? Что одинъ жнетъ, а другой только еще начинаетъ сѣять? Не сѣющіе ли и жнущіе вкупѣ будутъ радоваться въ невечернемъ дни царствія Божія? Получившіе два таланта и куплю дѣявшіе на нихъ чѣмъ унижены Домовла-

дикою предъ получившимъ пять талантовъ. Не оба ли получаютъ соотвѣтственную награду? Только лѣнивцы, закопавшіе свои таланты въ землю, не получаютъ ничего. Но чѣмъ же и превозноситься имъ предъ собратьями? Чему и завидовать? Не сами ли виноваты они въ томъ, что у нихъ ничего нѣтъ?

Но въ томъ-то, кажется, и дѣло, что и доселѣ еще нѣкоторые изъ пастырей не хотятъ ни сѣять, ни жать, а хотятъ только даромъ стричь очень скудную волну съ овецъ. Если они что и дѣлаютъ на пользу паствы, то дѣлаютъ не по силѣ живаго убѣжденія въ необходимости и плодотворности пастырскаго дѣла, не въ силу искренняго сознанія идеи пастырскаго служенія, а въ силу начальственнаго наказа и приказа, въ силу эгоистическаго стремленія выдвинуться впередъ и получить тлѣнную и призрачную мзду, а слѣдовательно дѣлаютъ формально, вяло, мертво, безжизненно, ради выполненія формальной правды предъ лицемъ начальства. Въ этихъ людяхъ нѣтъ духа и силы; а гдѣ нѣтъ духа и силы, какъ слѣдствія сознанной идеи, тамъ нѣтъ ничего общаго, тамъ рознь и вражда, тамъ зависть и всякое нестроеніе.

Всякое общество сильно энергическою дѣятельностью на общую пользу; а дѣятельность сильна и плодотворна при томъ условіи, если она движется однимъ общимъ духомъ и преслѣдуетъ общія цѣли. Одушевляться общимъ духомъ и стремиться къ достиженію общихъ цѣлей члены общества тогда только могутъ, когда они ясно будутъ сознавать общую идею и искренно убѣдятся въ плодотворности преслѣдуемыхъ цѣлей. Поэтому, если что можетъ соединить нашихъ пастырей, прекратить между ними рознь, утвердить между ними дружески-братскія отношенія, какъ къ соработникамъ на одной общей нивѣ Господней, что можетъ заставить ихъ относиться другъ къ другу съ любовію и сочувствіемъ, съ сердечнымъ распо-

ложеніемъ и предупредительнымъ вниманіемъ, такъ это—живое сознаніе идеи пастырскаго служенія и общности пастырскихъ интересовъ, заставляющее всѣхъ и каждаго стремиться къ одной общей цѣли.

Духовенство наше во всю свою историческую жизнь не представляло и доселѣ не представляетъ стройно организованной корпораціи. Общее пастырское дѣло, при недостаточной сознанности его, не могло одушевить пастырей единымъ духомъ и сплотить ихъ во единое общество, живущее единою нераздѣльною жизнію и преслѣдующее единыя цѣли. Условія пастырской жизни представляли и теперь еще представляютъ всѣ данныя къ разъединенію нашего духовенства. У нашихъ пастырей общаго, можно сказать, ничего повидимому нѣтъ. У каждаго изъ нихъ—свои личные интересы, прямо и непосредственно не связанные съ интересами другаго, и притомъ устремленные, въ силу условій матеріальной жизни, преимущественно на удовлетвореніе злобы дня. Одинъ, подавленный тяжестью матеріальной жизни, изъ всѣхъ силъ хлопочетъ о томъ, какъ бы въ маломъ и плохомъ приходѣ прокормить большую семью; другой о томъ, какъ бы достать средства для образованія дѣтей; третій о томъ, какъ бы скопить приданое для дочерей; четвертый о томъ, какъ бы имѣть средства для сравнительно комфортабельной обстановки. Мы не станемъ упрекать всѣхъ нашихъ пастырей въ подобныхъ замашкахъ: это будетъ несправедливо; не станемъ обвинять и имѣющихъ эти замашки за то, что и сами они и дѣти ихъ хотятъ ѣсть и пить, требуютъ одежды и обуви, но не можемъ одобрить ихъ за то, что они за предѣлами матеріальныхъ цѣлей ничего болѣе не хотятъ видѣть. Пускай наши приходы въ большинствѣ плохи и недостаточны по средствамъ, но это обстоятельство не даетъ еще никакого пастырямъ права игнорировать собственно пастырское дѣло.

Исключительное преслѣдованіе матеріальныхъ цѣлей является главною причиною въ средѣ духовенства превозношенія однихъ и зависти въ другихъ; а гдѣ превозношеніе и зависть, тамъ нѣтъ сочувствія; гдѣ нѣтъ общаго сочувствія, тамъ и нестроенія и всякая рознь. Нестроенію и розни въ значительной мѣрѣ способствуетъ стремленіе къ интеллектуальной независимости, ложно понимаемой. Иной пастырь въ ложномъ самообольщеніи думаетъ, что онъ всѣхъ пастырей „за поясъ заткнетъ“, и потому вмѣсто того, чтобы по братски побесѣдовать съ своимъ собратомъ объ общемъ дѣлѣ пастырскаго служенія для общаго назиданія, вступаетъ въ область философіи, начинаетъ безполезный споръ; и это ради того только, чтобы посмѣяться надъ собратомъ. При этомъ нерѣдко примѣшивается и матушкинъ гоноръ, требующій, чтобы батюшка ни передъ кѣмъ „шапки не ломалъ“.

Было бы только полгрѣха, если бы пастырская рознь, порождающая между пастырями нестройныя отношенія, вліяніемъ только на эти отношенія и ограничивалась. Нѣтъ, не только она сама по себѣ, но и тѣ пастырскія отношенія, которыя раждаются отъ нея, являются деморализующимъ началомъ для религіозно-нравственной жизни народа. Народъ нашъ ни къ чему такъ внимательно не относится, какъ къ пастырской жизни, ни за чѣмъ такъ ревниво не слѣдитъ, какъ за отношеніями пастырей другъ къ другу. Возница пастыря, пріѣхавшаго въ гости къ сосѣду-пастырю, никакъ не можетъ утерпѣть, чтобы не подсмотрѣть въ недотворенную дверь и не подслушать пастырской бесѣды. Если онъ замѣтитъ въ пастырской бесѣдѣ неровности, то по дорогѣ, при обратномъ слѣдованіи непремѣнно дастъ своему сосѣду-батюшкѣ должное назиданіе. „Вы, батюшка, видно, не больно-то ладно живете съ сосѣдомъ-то?“—А что?—„Да вы все какъ-то спорили“.—Такъ развѣ это бѣда?—„Бѣда—не бѣда, а все было бы лучше, если бы выходило любовно“. „Да, батюшка“,

продолжаетъ возница: „вотъ вы насъ, мужиковъ, учите, чтобы мы завсегда жили межъ себя мирно и любовно, никогда бы не ссорились и не бранились другъ съ другомъ, и зла бы не дѣлали. А вѣдь вотъ и изъ вашей братіи есть у! какіе злющіе! никому добра не сдѣлаютъ, да и своего-то брата все конфузятъ, а не то и судятся“ и т. д. въ этомъ родѣ. И вотъ въ компаніи мужикъ начинаетъ съ прикладами и прикрасами разсказъ о томъ, какъ попы живутъ, и съ завѣреніемъ, что все, разсказываемое имъ, онъ видѣлъ своими глазами и слышалъ своими ушами. Начинается общій разборъ пастырской жизни съ разными остроумными и неостроумными шутками, и въ концѣ концовъ дѣлается заключеніе, что попы, хотя и учатъ другихъ какъ жить, однако сами живутъ не такъ, какъ должно.

Итакъ самими нами, пастырями, сознательно или безсознательно, во имя движенія эгоизма, часто разстраивается пастырское дѣло, которое призваны мы созидать, а не разрушать. Наши ненормальныя отношенія другъ къ другу порождаютъ таковыя же отношенія и въ народѣ. Но настала уже пора, братія, сбросить намъ съ себя лишній балластъ эгоистическихъ стремленій и замашекъ. Настала пора свои матеріальныя стремленія къ грошовой наживѣ, на сколько возможно, подчинять высшимъ требованіямъ пастырскаго долга. Настала пора сознать идею и цѣли принятой нами на себя пастырской миссіи. Настала пора одушевиться пастырскимъ духомъ и явить въ себѣ ту умственно-нравственную силу, которая въ настоящее время только тлѣетъ въ насъ, какъ искра, но которая, воспламенившись, способна сотворить чудеса. Сила эта несомнѣнно въ насъ есть; она наблюдалась и наблюдается многими внимательными людьми, и только многими изъ насъ игнорируется. Что намъ разбираться, кто богатъ, кто бѣденъ,—кто подавленъ заботами о кускѣ насущнаго хлѣба, кто благоденствуетъ,—кто съ неба звѣзды

хватаетъ, кто ощупью ходитъ по землѣ? Наше дѣло смотрѣть прежде всего за самими собою, чтобы мы были тѣмъ, чѣмъ быть должны; чтобы выполняли то, что на насъ возложено; чтобы своими дѣйствіями не производили диссонансовъ въ общей жизни Церкви. Наше дѣло по силѣ данныхъ намъ талантовъ дѣять постоянную куплю, дондеже пріидетъ Домовладыка, чтобы потребовать отъ насъ отчетъ. Наше дѣло по силѣ возможности помогать въ дѣлѣ духовно-нравственной купли и собратьямъ нашимъ, призваннымъ къ одному съ нами дѣлу и восполнять недостатки другъ друга. А кто сколько получилъ талантовъ, наше ли дѣло разбирать? Кто далъ, Тотъ въ свое время и разберетъ. И кто знаетъ, кто окажется первымъ, кто послѣднимъ? Можетъ оказаться, что первые будутъ послѣдними, и послѣдніе первыми. Кому же здѣсь на землѣ Господь далъ преимущество по уму ли, по жизни ли, и кого поставилъ на жизненной лѣстницѣ выше другихъ, тотъ и пользуйся преимуществомъ и высотою ради блага другихъ, а не ради удовлетворенія своихъ эгоистическихъ стремленій. Побольше христіанской любви надобно имѣть пастырямъ другъ къ другу, поменьше послабленія себѣ и побольше снисходительности къ собратьямъ. Побольше надобно обращать каждому вниманія на свою собственную жизнь, да не на внѣшнюю только, а на внутреннюю, духовно-нравственную; почаще смотрѣться въ зеркало христіанско-пастырскаго идеала и смывать съ своего собственнаго лица ту грязь, которая будетъ замѣчена. Всѣ свои отношенія къ собратьямъ надобно основывать не на требованіяхъ личнаго эгоизма, а на требованіяхъ христіанской правды, ищущей не „своихъ си“, а духовно-нравственной пользы ближняго. Зла въ мірѣ много и безъ насъ; для чего оно еще будетъ царить въ жизни тѣхъ, которые призваны побѣждать его? Дѣла тьмы и кромѣ насъ имѣютъ въ жизни права гражданства; ради чего еще своими отношеніями другъ къ другу будемъ мы

преумножать ихъ? Христіанскій свѣтъ требуетъ отъ пастырской жизни и отъ пастырскихъ отношеній, чтобы разгонять мракъ земной жизни и земныхъ отношеній между людьми. И дай Богъ побольше этого свѣта!

Священникъ **Павелъ Руновскій.**

Что дѣлать сельскому священнику съ такъ называемыми міроѣдами?

При неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ для деревни, міроѣдамъ полное раздолье. Заручившись средствами, закабаливши деревню, они гонятся за почетомъ и зорко слѣдятъ за тѣми людьми, которые не хотятъ гнуть передъ ними своей шеи, а еще болѣе за тѣми, которые хотятъ стать за обиженныхъ и униженныхъ ими и сказать свое правдивое слово о томъ, какова должна быть жизнь людская, чего требуютъ Богъ, совѣсть и люди отъ человѣка. Такимъ подозрительнымъ человѣкомъ для міроѣдовъ въ селѣ часто бываетъ священникъ. Собравши о священникѣ самыя точныя свѣдѣнія, міроѣды обыкновенно стараются или подчинить священника своему вліянію,—сдѣлать его своимъ послушнымъ орудіемъ, по крайней мѣрѣ безвреднымъ для своей хищнической дѣятельности, или, въ противномъ случаѣ, изжить ненавистнаго для себя священника, радѣющаго за обижаемыхъ и унижаемыхъ, погубить его. И нужно удивляться той хитрости и лукавству, съ какими они ведутъ свою политику къ священникамъ. Они стараются прежде всего сбить съ толку священника своею преданностію къ нему и набожностію. При всякомъ удобномъ случаѣ они стараются обольстить священника своимъ хлѣбосольствомъ и готовностію выручать его деньгами или помочь чѣмъ либо. Расположивши такимъ образомъ священника къ себѣ, міроѣды не замедлятъ дать понять ему, что ни у кого

въ приходѣ онъ, священникъ, не встрѣтитъ того, что находитъ у нихъ, міроѣдовъ. Если священникъ, пользуясь хлѣбосольствомъ міроѣдовъ, позволитъ себѣ высказать какія либо слова, противныя интересамъ ихъ, то міроѣды на первыхъ порахъ пропустятъ эти слова какъ бы мимо ушей, разсчитывая на то, что священникъ „оботрется“ и не пойдетъ противъ нихъ. Когда же замѣтятъ, что священникъ не хочетъ покривить совѣстію въ угоду міроѣдовъ, то они ловко стараются внушить священнику, что они—міроѣды сила, ихъ не трогай, иначе будетъ худо. Если видятъ, что священникъ все—таки на своемъ стоитъ, то опять сдержанно ведутъ себя, но въ то же время начинаютъ замышлять и подготовлять противъ него какую либо каверзу. На бѣду свою иной священникъ, не подозрѣвая темной силы міроѣдовъ, не придаетъ имъ значенія, или, понявъ, съ какими опасными людьми приходится ему имѣть дѣла, становится робкимъ и нерѣшительнымъ, со страхомъ и трепетомъ отступаетъ предъ міроѣдами. Чаще случается, что священникъ, понявъ, что за люди міроѣды и не желая нажить себѣ враговъ въ лицѣ ихъ, находитъ для себя наиболѣе подходящимъ водить съ ними тѣсную дружбу, разъѣзжать къ нимъ въ гости, чествовать ихъ въ церкви просфорами, поджиданіемъ къ службѣ, указывать на нихъ, какъ на благотворителей храма, внушать почтеніе къ нимъ прихожанъ и въ назиданіе своимъ пасомымъ твердить слова пошлаго опыта и ума глупцевъ: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тяжись“. Конечно, священникъ, съ задатками къ достойному пастырскому служенію, не можетъ дойти до той пошлости, чтобы мирволить міроѣдамъ и водить съ ними дружбу; не находя ничего общаго между собою и міроѣдами, онъ по долгу совѣсти и сознанію своего призванія смѣло станетъ на сторонѣ обиженныхъ и униженныхъ и, къ сожалѣнію можетъ быть и часто, бываетъ побѣжденнымъ. Послѣднее время все болѣе и болѣе представляетъ намъ случаевъ побѣды

міроѣдовъ надъ благонамѣренными пастырями: не придется очернить передъ начальствомъ и выпроводить изъ прихода, такъ допекаютъ ихъ „краснымъ пѣтухомъ“. Поэтому вопросъ: что дѣлать священнику съ міроѣдами, становится животрепещущимъ. Года наши не такіе, чтобы давали возможность рѣшать всесторонне этотъ вопросъ, — вопросъ мудреный, требующій прежде всего житейской опытности; но, имѣя въ виду не столько рѣшить, сколько вызвать къ рѣшенію этого вопроса другихъ болѣе насъ испытанныхъ жизнію, рѣшаемся сказать, что можемъ. Просимъ принять и малое за великое, не взыскать на многомъ.

Прежде всего священнику, какъ бы онъ ни былъ развитъ, какъ бы ни былъ строгъ и безупреченъ въ своей жизни и въ отправленіи своихъ обязанностей, смотрѣть на міроѣдовъ сквозь пальцы не слѣдуетъ. Надо всегда помнить, что міроѣдъ есть темная и опасная сила, для борьбы съ которою требуется не мало умѣнія, терпѣнія и мужества.

Чтобы успѣшно начать и успѣшно выдержать борьбу съ міроѣдами, священнику необходимо имѣть подъ своими ногами твердую почву. Для этого не достаточно быть только аккуратнымъ и исполнительнымъ, а нужно съ перваго же раза поставить себя въ одинаковыя отношенія къ прихожанамъ, заручиться любовью и расположеніемъ бѣдныхъ, обираемыхъ міроѣдами. Черезъ снисхожденіе и непритязательность къ бѣднымъ, онъ пріобрѣтетъ себѣ въ лицѣ ихъ сильную оппозицію противъ міроѣдовъ.

При внимательномъ наблюденіи надъ деревнею оказывается, что бѣдный народъ, продавая за безцѣнокъ руки, ноги и спину свою міроѣду, отказывается продавать свой смыслъ. И коль скоро эта бѣднота видитъ, что міроѣдъ старается вытѣснить священника, сочувствующаго ихъ горю и нуждѣ, милующаго ихъ, непритязательнаго, станетъ за него и не пойдетъ вмѣстѣ съ міроѣдомъ тѣснить священника.

И міроѣдъ уймется. Если нѣтъ никакихъ неудовольствій личныхъ со стороны прихожанъ на священника, то и міроѣдъ не рѣшится подговаривать крестьянъ, такъ какъ онъ хорошо знаетъ, что всѣ бѣдные люди ненавидятъ своихъ притѣснителей и не пойдутъ противъ священника, своего заступника. Скажутъ, что міроѣды за водку настроятъ прихожанъ жаловаться на священника. Дѣйствительно за водку много можно сдѣлать въ селѣ; но черезъ водку міроѣды попадаютъ только на больное мѣсто прихожанъ,—стараются вызвать вражду и ненависть въ прихожанахъ противъ священника, чѣмъ либо недовольныхъ на него или обиженныхъ имъ. Когда же священникъ снисходителенъ и непритязателенъ къ прихожанамъ, и прихожане не имѣютъ причинъ быть недовольными на священника: тогда міроѣдамъ и чрезъ водку не удается сдѣлать прихожанъ послушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ,—не удается враждебно настроить ихъ противъ священника. На это намъ могутъ возразить, что священнику нечѣмъ будетъ жить, если онъ будетъ снисходителенъ къ прихожанамъ и непритязателенъ къ нимъ. Но съ бѣдныхъ прихожанъ, ничего не имѣющихъ, все равно взять нечего, — напрасно потратишь усилія и хлопоты; мало того своею притязательностію къ бѣднымъ, наживешь только враговъ къ себѣ. Къ тому же нужно добавить, что и бѣдные прихожане со временемъ могутъ заплатить священнику, и платятъ, если священникъ потерпитъ—обождетъ требованіемъ отъ нихъ платы за свой трудъ. Настойчивость же и требовательность священника ничего не принесутъ ему кромѣ озлобленія прихожанъ, чѣмъ не замедлятъ воспользоваться міроѣды. А если чрезъ настойчивое требованіе платы за свой трудъ и придется священнику получить что либо, то больше ему нужно будетъ потерять въ случаѣ недовольства прихожанъ, особенно когда міроѣды для своихъ цѣлей воспользуются нерасположеніемъ прихожанъ къ священнику. При враждебномъ отношеніи къ себѣ прихожанъ,

священникъ принужденъ бываетъ неоднократно тратиться на визиты въ консисторію и даже подумать о перемѣщеніи на другой приходъ; а перемѣщеніе съ одного/прихода на другой— прямое разореніе для священника.

Снисходительность и непритязательность къ прихожанамъ застраховываютъ священника и „отъ краснаго пѣтуха". Жгутъ міроѣды священника большею частію при помощи недовольныхъ прихожанъ. Сами міроѣды никогда не рѣшаются на поджоги, зная, что за поджогъ можно и попасться и угодить, если не „въ отдаленныя", то „не въ столь отдаленныя мѣста" Сибири, куда у нихъ мало расположенія переселяться отъ раздольной и привольной для нихъ здѣшней жизни. Обыкновенно міроѣдъ находитъ какого нибудь забулдыгу, недовольнаго на священника за притязательность и требовательность, подпаиваетъ его, при этомъ старается посильнѣе раскалить ненависть къ священнику и въ удобное время настраиваетъ его сдѣлать поджогъ.

При невозможности насолить священнику черезъ прихожанъ, міроѣды стараются сами найти что нибудь въ жизни священника, чтобы, какъ выражаются они, „засудить его". Обыкновенно подаютъ жалобы епархіальному начальству. При первой неудачѣ обвинить священника они не останавливаются. Въ случаѣ, если жалоба ихъ останется недоказанною, они повторяютъ ее и добиваются того, чтобы назначено было слѣдствіе надъ священникомъ. Но какъ скоро жалобѣ ихъ данъ ходъ и назначено слѣдствіе по ней, то священнику бѣда, міроѣду же восторгъ. Слѣдствіе и по явно несправедливой жалобѣ на священника—положительное горе для него, такъ какъ съ большинствѣ случаевъ слѣдствіе производится лицами не— опытными, не умѣющими разобраться въ показаніяхъ свидѣтелей и потому часто топящими совсѣмъ невиннаго. И чтобы оградить себя отъ слѣдствія по жалобѣ міроѣдовъ, священнику не слѣдуетъ сидѣть, сложа руки, а, узнавши о доносѣ на себя, немедленно или писать докладную записку епископу

своему, въ которой безъ всякихъ замалевываній изложить дѣло по правдѣ, или ѣхать немедленно и чистосердечно безъ всякихъ утаекъ лично разъяснить дѣло. У насъ, слава Богу, не мало іерарховъ, которые могутъ защитить и защищаютъ священника отъ лицъ, желающихъ въ проступкѣ и даже въ одной ошибкѣ священника найти удовлетвореніе своимъ низменнымъ побужденіямъ. Во всякомъ случаѣ бояться священнику строгаго суда епископскаго не слѣдуетъ. Подогнуть свою голову подъ ярмо закона за извѣстный проступокъ не безчестье, а честь и слава. Кромѣ того виновный, объявляя о своемъ проступкѣ законному судьѣ — епископу, находитъ успокоеніе въ своей совѣсти; а понеся заслуженное наказаніе, онъ еще не разслабляется нравственно и, каково бы ни было паденіе, соберетъ силы встать. Можно смѣло разсчитывать, что виновный, находя себѣ въ епископѣ правосудіе, найдетъ и милость. Пусть даже и послѣ объявленія епископу о своемъ проступкѣ, священникъ не избѣжитъ слѣдствія, вреда все-таки отъ докладной записки или личнаго объясненія епископу о своемъ проступкѣ не будетъ, кромѣ пользы. Между тѣмъ у міроѣдовъ ослабѣетъ энергія обвинять священника, когда они увидятъ, что ихъ домогательства слѣдствія надъ священникомъ остаются тщетными, или когда увидятъ, что священникъ по ихъ жалобѣ можетъ подлежать непосредственному архипастырскому суду и безъ формальнаго слѣдствія.

Оградивъ себя отъ міроѣда, священникъ не долженъ довольствоваться только своею безопасностію. Міроѣды вносятъ такое зло въ среду народа, что смотрѣть на нихъ сквозь пальцы священнику нельзя, пока онъ будетъ стоять на высотѣ своего призванія. Міроѣды не только подтачиваютъ матеріальное благосостоянія народа, но и нравственно развращаютъ его. Жизнь и дѣйствія міроѣда—это наглая проповѣдь разврата, мошенничества и жестокости безсердечной наживы.

При видѣ привольной жизни міроѣда, смущается народная совѣсть. Проводя трудовую и честную жизнь, но не имѣя достатка, крестьяне все болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ, что отъ трудовъ праведныхъ не нажить палатъ каменныхъ.

И вотъ нынѣ крестьяне, мало-по-малу соблазняясь привольною жизнію міроѣдовъ, начинаютъ помышлять о наживѣ неправедными путями, обнаруживаютъ стремленіе къ кулачеству. Признакъ плохой, заставляющій задуматься всякаго порядочнаго человѣка, а на священника возлагающій прямую обязанность изо всѣхъ силъ противустоять ему. Съ каѳедры церковной священникъ долженъ убѣждать своихъ прихожанъ стоять за старинныя, вѣками испытанныя и оправданныя формы жизни, стоять особенно крѣпко за правду Божескую, такъ нагло попираемую міроѣдами;—выяснить, что жизнь на плутняхъ и обманѣ никогда никому не давала счастья и благополучія; что хитростію и обманомъ вѣкъ свой не проживешь; что хитрые плуты и обманщики сами въ свою очередь погибнутъ и погибаютъ отъ новыхъ болѣе хитрыхъ плутовъ и обманщиковъ. Особенно слѣдуетъ указывать на жалкую участь дѣтей нынѣшнихъ міроѣдовъ, внушать, что дѣти нынѣшнихъ міроѣдовъ самые несчастные люди, даже на взлядъ ихнихъ батюшекъ; что они не въ состояніи продолжать съ успѣхомъ дѣла своихъ отцовъ, и что неизбѣжно сдѣлаются добычею другихъ хищниковъ. Плутнями и мошенничествомъ добытое нынѣшними міроѣдами требовало и постоянно требуетъ крѣпкихъ рукъ, строгой, послѣдовательной системы во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, чтобы не оборвалось все. Поэтому міроѣды сами держали и держатъ все въ своихъ рукахъ, безъ участія подростковъ. Вслѣдствіе этого подростки міроѣдовъ почти ничѣмъ не занимаются кромѣ разврата и пьянства и не способны такъ хитро и лукаво проводить начатое ихъ отцами и не могутъ быть поэтому достойными преемниками своихъ родителей на излюбленномъ ими поприщѣ. Въ страхъ

и ужасъ приводитъ міроѣдовъ изложеніе съ церковной каѳедры несостоятельности міроѣдства въ лицѣ преемниковъ настоящихъ міроѣдовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ободряетъ тѣхъ, которые не порвали связи своей съ трудовою и правдивою жизнію, даже еслибы и соблазнялись привольемъ и легкимъ способомъ пріобрѣсть достатокъ міроѣдства. Какъ бы человѣкъ нравственно не закоснѣлъ, но и онъ содрагается, когда дѣло касается паденія и погибели его дѣтей. И міроѣдъ съеживается, дѣлается менѣе дерзкимъ и нахальнымъ, когда чувствуетъ, что другимъ видна его слабость, что все дѣло его можетъ быть потеряно дѣтьми его, и что сами дѣти его могутъ погибнуть. Слабая сторона міроѣдовъ и несчастная участь дѣтей ихъ могутъ ободрить и тѣхъ, которые не порвали связи съ трудовою и правдивою жизнію, даже удержатъ отъ прелестей міроѣдства и тѣхъ, которые соблазнялись привольнымъ и легкимъ способомъ пріобрѣсть достатокъ міроѣдства. Понятно, что уже одно это—успѣхъ не малый. Нужно только все зло міроѣдства разъяснить толково; необходимо священнику говорить продуманно, безъ излишней раздражительности, съ тактомъ, безъ личныхъ намековъ. Мысль священника должна быть проникнута чувствомъ жалости къ несчастнымъ отцамъ, а еще болѣе къ горькимъ дѣтямъ. Трудно правда, священнику оставаться на высотѣ своего призванія, когда приходится брать этотъ предметъ для своихъ проповѣдей, за то трудъ благодарный.

Вооружаясь пастырскимъ словомъ противъ міроѣдства, священникъ всячески долженъ избѣгать того, чтобы не ставить міроѣдовъ въ какое-то привиллегированное положеніе предъ другими прихожанами. Сюда относятся: выносъ просфоръ міроѣдамъ на проскомидійной тарелочкѣ, поджиданіе ихъ къ литургіи, когда весь приходъ въ сборѣ, особые звоны и процессіи при погребеніи, особыя по нѣсколько разъ путешествія на могилу въ сопровожденіи крикушъ и т. п.

Всѣ эти и подобные знаки чести, оказываемые міроѣдамъ, только надмеваютъ ихъ, унижаютъ самого священника и поселяютъ къ нему неудовольствіе въ прихожанахъ. Нельзя думать, что наши крестьяне, какъ неграмотные и невѣжественные, ничего не понимаютъ. Они отлично видятъ и понимаютъ, что особые знаки вниманія и чести къ богатому оказываются священникомъ только ради двухъ-трехъ рублей, да сытнаго обѣда; а это, разумѣется, сильно роняетъ священника въ ихъ глазахъ, а міроѣдовъ дѣлаетъ болѣе дерзкими и нахальными.

Еще одно изъ самыхъ лучшихъ средствъ, обороняющихъ священника отъ міроѣда, школа. Законоучителю слѣдуетъ воспитывать учениковъ въ тѣхъ понятіяхъ, что трудолюбіе и правда должны въ людяхъ цѣниться всего выше. Воспитанные въ такихъ понятіяхъ дѣти, когда выростутъ, не будутъ всего выше цѣнить привольную жизнь, добытую притѣсненіемъ и обидою другихъ, а дѣти міроѣдовъ не будутъ такъ нахально попирать, по примѣру своихъ родителей, то, что высоко и свято цѣнится другими.

Наши слова были бы недокончеными, если бы не сказано было, изъ—за чего поднимаются міроѣды противъ священниковъ. Вся система міроѣдства опирается на насиліи и обманѣ. Захудалая и изможденная деревня только по нуждѣ отдаетъ свои труды міроѣду. Пока лежитъ гнетъ, до тѣхъ поръ и гнется деревня; сними кто гнетъ, деревня выпрямится передъ міроѣдомъ. Нагнувшись работая на міроѣда, деревня постоянно приглядывается и прислушивается, не явится ли человѣкъ, не поможетъ ли ей въ ея горѣ. Міроѣдъ, служа гнетомъ для деревни и чувствуя себя не вправѣ давить и гнуть всѣхъ, тоже робко озирается, какъ бы не явился человѣкъ и не позвалъ деревню стать, поработать больше для себя, для убогой своей семьи, чѣмъ для разжирѣвшаго и оскотѣвшаго міроѣда. Такимъ человѣкомъ въ послѣднее время является

священникъ, преимущественно молодой. Не успѣвъ заскорузнуть въ житейскихъ дрязгахъ, онъ возмущается тою жестокостію, съ какою міроѣды выжимаютъ послѣдніе жизненные соки изъ обѣднѣвшаго народа,—тою жадностію, съ которою они все подбираютъ, что только можетъ быть захвачено ихъ загребастыми руками,—тѣмъ нахальствомъ, съ какимъ они все ломаютъ и коверкаютъ въ устояхъ жизни народной, и тою безсовѣстностію, съ какою они всѣхъ проводятъ; возмущается священникъ и старается избавить своихъ прихожанъ отъ кровопійцы—міроѣда. Являются люди, готовые высвободиться изъ когтей міроѣда и пожить для себя. Міроѣдъ въ свою очередь не зѣваетъ; его изворотливый умъ изыскиваетъ другія средства, чтобы опутать крестьянъ, не выпустить жертву изъ рукъ. И въ большинствѣ случаевъ стоитъ за себя. Но уже священникъ ему врагъ непримиримый, его надо изжить. Еслибы священнику и не пришлось высвободить своихъ прихожанъ, то уже за то одно, что онъ мѣшаетъ дѣлу міроѣда, можетъ надѣлать безпокойство, лишніе хлопоты и заботы, такъ за одно это его надо, во что бы то ни стало, выпроводить изъ прихода. Бываетъ даже и такъ, что въ одномъ селѣ міроѣдъ вступилъ въ борьбу съ священникомъ, энергичнымъ защитникомъ массы народной, а въ сосѣднемъ селѣ живетъ малоэнергичный священникъ, но сосѣдній міроѣдъ старается тоже надѣлать непріятности, не ради спасенія себя, а ради даже одного того, чтобы крестьяне лучше пахали землю, десять мѣръ считали въ четверть.

Трудно и очень трудно бороться священнику съ міроѣдами,—трудность еще болѣе увеличивается отъ разобщенности между пастырями. Міроѣды идутъ на насъ, сплотившись, забывая свою на это время ненависть другъ къ другу, а пастыри встрѣчаютъ ихъ въ разсыпную.

Священникъ Іоаннъ Граціанскій.

Письма священника къ дочери[1]).

Письмо третье.

Мое настоящее письмо, дитя мое, есть только продолженіе письма прежняго. Я буду говорить все о томъ же—о средствахъ, дающихъ возможность священнику и его женѣ оказывать доброе вліяніе на народъ.

Само собою разумѣется, что, помимо всего вышесказаннаго, для того, чтобы благотворно дѣйствовать на народъ, необходимо самому священнику вести безукоризненно нравственную и благочестивую жизнь, чтобы народъ, глядя на него, поучался не только словомъ его ученія, но и примѣромъ; ибо добрый примѣръ гораздо дѣйствительнѣе самаго убѣжденнаго добраго слова. Да и что это будетъ за учитель нравственности, къ которому всякій можетъ обратиться съ укоризненнымъ словомъ: *врачу, исцѣлися самъ!?* Но пусть будетъ самъ священникъ человѣкомъ жизни безукоризненной и святой—этого мало: онъ долженъ еще утвердить въ правилахъ благочестія и доброй нравственности жену свою, всю семью, весь домъ свой, чтобы онъ не служилъ соблазномъ для его паствы. Иначе и быть не можетъ: не можетъ человѣкъ, не умѣющій устроить малую семью свою, съ успѣхомъ вести дѣло воспитанія семьи обширной, въ составъ которой войдутъ сотни людей. Вотъ гдѣ добрая христіанская жена можетъ явиться истинной помощницей своего мужа и даже вполнѣ необходимой. Кому же, какъ не женщинѣ, ближе всего заняться благоустройствомъ своего дома, установленіемъ въ немъ такого или иного порядка и направленія жизни? Подъ чьимъ непрестаннымъ наблюденіемъ находятся и чада и всѣ домочадцы? Вотъ гдѣ корень добра и благаго примѣра для всей паствы!

---

[1]) См. № 18-й.

Священникъ внушаетъ страхъ Божій своимъ прихожанамъ, и прихожане, приходя въ домъ его, примѣчаютъ, что каждый шагъ его обитателей свидѣтельствуетъ о томъ, какъ они живутъ въ страхѣ Божіемъ, въ непрестанномъ сознаніи своей зависимости отъ Творца небеснаго, и поучаются. Священникъ учитъ народъ молиться, помнить домъ Божій, безлѣпостно посѣщать богослуженіе, и вотъ жена его, какъ ближайшая его ученица, идетъ впереди народа, возбуждая и поддерживая религіозное чувство своихъ прихожанъ, ревниво исполняя всѣ предписанія Церкви. Она приходитъ въ церковь раньше всѣхъ и уходитъ послѣдняя въ молитвенномъ настроеніи души, чуждая всѣхъ суетныхъ мірскихъ соображеній, и одежда на ней скромная, простая, не привлекающая глаза ни яркостію цвѣтовъ, ни вычурностію фасоновъ. Она не служитъ для молящихся предметомъ выставки и не развлекаетъ ихъ звономъ побрякушекъ на своихъ браслетахъ всякій разъ, какъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, чѣмъ погрѣшаютъ у насъ иныя свѣтскія дамы. И дѣти ея вмѣстѣ съ нею въ церкви, и слуги ея. Придя изъ церкви въ домъ свой, жена священника первая показываетъ примѣръ того, какъ слѣдуетъ достойнымъ образомъ проводить церковные праздники, въ духѣ христіанскаго ученія. Въ селахъ народъ часто пользуется праздникомъ, какъ днемъ нерабочимъ, чтобы предаваться пьянству и разгулу, слѣдствіемъ чего являются неизбѣжно связанныя съ этимъ ссоры, драка и семейные раздоры. Въ городахъ же наши образованные люди праздники проводятъ иначе, но тоже въ суетѣ; а за ними слѣдуетъ часто и наше духовенство. На день праздничный откладываютъ всѣ пирушки, пріемъ гостей, посѣщенія знакомыхъ и различныхъ мѣстъ увеселительнаго характера, игру въ карты, совершенно забывая, что этотъ именно день и должно проводить особенно чинно и благообразно, съ пользой для души, подвизаясь въ дѣлахъ благочестія и любви къ ближнимъ. Въ

противовѣсъ установившемуся обычаю, домъ священника не долженъ служить средоточіемъ игрищъ и веселія въ день праздничный, но всякій, входящій въ него, да почувствуетъ, что это домъ служителя Божія. Пусть двери его отворяются не для веселыхъ гостей, а для ищущихъ помощи и добраго совѣта: пусть его обитатели покидаютъ его только ради дѣлъ благотворительности, и не только въ праздникъ, но и въ канунъ праздника. Невольно вспоминаю я съ глубокимъ уваженіемъ прекрасный обычай Англіи, распространенный повсемѣстно. Тамъ въ день воскресный въ городахъ даже прекращается обычная суетливая, шумная жизнь. Улицы пусты, магазины и увеселительныя заведенія заперты. Всѣ проводятъ этотъ день въ домахъ своихъ, большинство за чтеніемъ Библіи, а изъ домовъ выходятъ только для посѣщенія больныхъ и бѣдныхъ, а не для свѣтскихъ визитовъ. Замѣчательно, что именно женщины англійскія строго поддерживаютъ этотъ добрый обычай почитанія воскреснаго дня и часто воздерживаютъ мужчинъ отъ нарушенія его. У насъ, для перваго начала, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ духовенству постановить обязательнымъ для себя относиться съ такимъ уваженіемъ къ днямъ праздничнымъ. И женщина должна взять на себя починъ и продолженіе по истинѣ святаго дѣла.

Съ не меньшимъ уваженіемъ жена священника обязана относиться къ установленнымъ у насъ постамъ и прочимъ церковнымъ постановленіямъ, не только въ силу своего религіознаго настроенія, но еще и для того, чтобы не подорвать авторитета своего мужа, какъ учителя Церкви. Многія жены священниковъ, отчасти изъ подражанія свѣтскимъ людямъ, а отчасти ради прихоти и баловства, готовятъ для себя и дѣтей своихъ въ постъ особый столъ, скоромный. Объ этомъ, конечно, знаетъ прислуга, а чрезъ нее и все село. Берегись этого, дочь моя! Такое неуваженіе къ церковнымъ постановленіямъ со стороны семьи самого служителя Церкви

не можетъ не вызвать недовѣрія къ нему его паствы, а также къ его совѣтамъ и поученіямъ. Естественно, что, вслѣдъ за этимъ, нѣкоторые легкомысленнѣйшіе изъ прихожанъ тоже разрѣшатъ себѣ нарушеніе поста и прежде всѣхъ, разумѣется, собственная прислуга священника, которой трудно будетъ воздержаться отъ соблазна, имѣя его всегда передъ глазами. Кстати будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и о прислугѣ, находящейся въ домѣ священника. Эти бѣдные наши меньшіе братья, въ какомъ они живутъ нравственномъ отупѣніи почти повсемѣстно! За работою и недосугомъ они никогда не посѣщаютъ храма Божія, или только изрѣдка, а нѣкоторые по этой самой причинѣ не говѣютъ по нѣскольку лѣтъ къ ряду. Спѣша выполнить одно дѣло за другимъ, они такъ погрязаютъ въ матеріальныя заботы, что уже никогда не подымаютъ очей своихъ къ небу и не имѣютъ помышленія о предметахъ духовныхъ. А господа этихъ несчастныхъ, ради собственныхъ выгодъ, не обращаютъ вниманія на ихъ нравственное состояніе и на полное отсутствіе въ нихъ религіознаго чувства. Таковыми ли должны быть слуги священника, и такъ ли въ его семьѣ должны поступать съ ними, какъ и вездѣ? О, совсѣмъ нѣтъ! Какъ лица, ближе всѣхъ стоящія къ своему духовному пастырю, находясь въ постоянномъ общеніи съ его семействомъ, видя кругомъ добрый примѣръ, тихую, нравственную жизнь, пропитанную духомъ религіи, слуги волей-неволей должны будутъ поучаться и направлять сердца свои къ Богу. Постепенно и незамѣтно произойдетъ ихъ нравственное совершенствованіе. Отъ хозяйки дома болѣе, чѣмъ отъ хозяина, зависитъ счастіе и довольство ея домочадцевъ; отъ нея же будетъ зависѣть и направить ихъ къ добру, отъ ея ума и благорасположенности. Смотри, дочь моя, на слугъ, какъ на братьевъ, какъ на людей равныхъ передъ Творцомъ нашимъ небеснымъ. Не обременяй ихъ работою, особливо въ праздничный день, когда въ церкви идетъ богослуженіе. Ка-

кой прекрасный примѣръ для прихожанъ, если ты будешь приходить всякій праздникъ въ храмъ Божій вмѣстѣ со всѣми обитателями твоего дома и они замѣтятъ, что твои слуги, быть можетъ, раньше не пользовавшіеся хорошей репутаціей, являются въ благочестивомъ молитвенномъ настроеніи, держатъ себя чинно, пристойно, относясь съ разумнымъ пониманіемъ къ тому, что происходитъ въ алтарѣ святомъ и что поютъ и читаютъ на клиросѣ! Примѣръ назидательный, ясно говорящій въ пользу священника. И не только въ праздникъ, слѣдуетъ наблюдать, чтобы всякій день люди эти не забывали молиться, оправдывая себя обиліемъ работъ хозяйскихъ. Опять мнѣ приходится обратиться къ добрымъ обычаямъ Англіи и напомнить, что тамъ въ домахъ пасторовъ заведены общія молитвы утреннія и вечернія, и не въ однихъ домахъ пасторовъ, но и въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ благочестивыхъ семействахъ, даже аристократическаго происхожденія. Въ условленный часъ сходятся не только всѣ члены семьи помолиться и выслушать главу святаго Евангелія, но и вся домашняя прислуга. Ты введешь у себя въ домѣ этотъ добрый обычай, дочь моя, и впослѣдствіи, познакомившись съ окрестнымъ духовенствомъ, постараешься распространить его. А нужно правду сказать, нашъ простой народъ совсѣмъ не умѣетъ молиться, не всякій знаетъ символъ вѣры и молитву Господню, церковнаго богослуженія совсѣмъ не понимаетъ, какъ будто оно происходитъ на иностранномъ языкѣ, религіознаго воспитанія не имѣетъ, а его великая, но простая вѣра въ Бога смѣшана съ страшнымъ суевѣріемъ. Мѣсто и время не позволяетъ мнѣ, дитя мое, распространяться объ этомъ, но надѣюсь, что ты, при дальнѣйшемъ изученіи своего прихода, сама вызовешь меня еще не разъ говорить объ этомъ, а до тѣхъ поръ живи счастливо и подвизайся въ добрѣ, помогая мужу, а тебѣ да помогаетъ въ этомъ Самъ Господь!

Письмо четвертое.

Ты опять находишься въ затрудненіи, дорогое дитя мое! Пишешь ты, что подходитъ время, когда въ вашемъ селѣ предмѣстница твоя, старая матушка, ходила за сборомъ по приходу. Эти сборы сырыми продуктами производятся, кажется, повсемѣстно два раза въ годъ. Въ Великороссіи они называются *петровка* и *новь*, а въ Малороссіи *льновальнымъ*. Прихожане твои привыкли, что ихъ прежняя матушка ходила сама за сборомъ и уже дѣлаютъ тебѣ запросы, скоро ли и ты пойдешь? Бѣдняжка, ты не знаешь, какъ рѣшить этотъ вопросъ, находишь позорнымъ для себя ходить по дворамъ, протягивая руку, какъ бы за подаяніемъ, и въ то же время боишься обидѣть крестьянъ пренебреженіемъ, показаться передъ ними гордячкой, тогда какъ ты болѣе всего жаждешь сближенія съ ними. Что сказать тебѣ на это, дорогое дитя мое? Не хотѣлось бы мнѣ насиловать твою щепетильность и заставить пережить тяжелыя минуты, неминуемыя въ томъ случаѣ, когда тебѣ придется принимать посильное подаяніе отъ крестьянъ, хотя нужно признаться, что это только наша точка зрѣнія, сами же крестьяне совсѣмъ не такъ смотрятъ на этотъ вопросъ. Это старинѣйшій обычай *кормленія*, который нынѣ сохранился только по отношенію къ духовенству: такъ *кормились* въ древней Руси всѣ царскіе чиновники, перешедшіе впослѣдствіи на казенное жалованье. Народъ не тяготится имъ, считая узаконеннымъ и освященнымъ давностію, если, конечно, со стороны духовенства нѣтъ вымогательства. Мало того, этотъ обычай имѣетъ за собою даже свои хорошія стороны, какъ одно изъ средствъ, способствующихъ общенію съ народомъ. Не вторгаясь насильственно въ чужіе дома, жена священника можетъ посѣтить ихъ всѣ, такъ сказать, на законномъ основаніи и перезнакомиться со всѣми своими прихожанами и ихъ семьями. Объ этомъ обычаѣ въ

нашей свѣтской литературѣ упоминается не иначе, какъ съ ироніей и пренебрежительно, а того, что въ немъ есть хорошаго, никто не знаетъ. Въ старину бывало всякая матушка ходила за сборомъ. Сама женщина простая, малоученая, она близко подходила къ крестьянамъ, а потому и не брезгала общеніемъ съ ними. У нея и у ея прихожанокъ были общіе интересы, сходныя понятія: имъ было чѣмъ подѣлиться при встрѣчѣ, о чемъ потолковать. И къ матушкѣ ходили въ гости запросто, и ее рады были у себя принять и угостить. Вотъ почему, во время хожденія матушки за сборомъ, на селѣ было нѣчто въ родѣ всеобщаго праздника. Ее ждутъ, зная уже напередъ, что она предприняла свой обходъ. Избы вездѣ убраны по праздничному, въ избѣ столъ покрытъ чистой скатертью, на столѣ хлѣбъ-соль и угощеніе, какое Богъ пошлетъ, смотря по достаткамъ. Войдетъ матушка въ избу, посидитъ за столомъ, хлѣба-соли отвѣдаетъ, хоть малость, чтобъ хозяина и хозяйку не обидѣть, потолкуетъ съ каждымъ о томъ-о семъ, о дѣлахъ житейскихъ—невзгодахъ и успѣхахъ, дѣтей малыхъ обласкаетъ, а на котораго и погрозится, чтобъ помнилъ да слушался и почиталъ родителей. Вотъ картина, исполненная теплоты и сердечности.

Конечно, въ наше время образованной женщинѣ, каковыми въ большинствѣ случаевъ бываютъ жены сельскихъ священниковъ, трудно переломить себя и стать на точку зрѣнія старинныхъ матушекъ; а потому этотъ добрый обычай старины мало-по-малу отживаетъ свой вѣкъ. Матушки не ходятъ сами за сборомъ, но посылаютъ за нимъ прислугу. Самое лучшее было бы, конечно, и совсѣмъ отказаться отъ него; но какъ наше духовенство въ большинствѣ случаевъ бѣдно, а эта часть дохода составляетъ немаловажную въ общемъ итогѣ, то такой совѣтъ будетъ не у мѣста.

Вотъ все, что я могъ тебѣ сказать по этому вопросу; а затѣмъ разсуди сама, какъ тебѣ лучше поступить въ твоихъ

обстоятельствахъ, какъ укажетъ твоя совѣсть. Но вотъ у васъ долженъ существовать еще другой обычай, находящійся въ связи съ первымъ—онъ тоже повсемѣстный, по крайней мѣрѣ въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ—и его-то, на мой взглядъ, ты не должна оставить безъ вниманія. Послѣ того, какъ матушка окончитъ свой сборъ, причемъ получаетъ достаточное количество льну и овечьей шерсти, крестьянки—большею частію пожилыя и свободныя, не составляющія въ своей семьѣ серьезной рабочей силы, приходятъ компаніями къ самому священнику на домъ, чтобы разчесать собранный ленъ, разскубить и привести въ порядокъ шерсть. Это онѣ дѣлаютъ безвозмездно, за одно угощеніе. Вотъ этого обычая ты не обходи, въ видахъ общенія съ крестьянами, необходимаго и обязательнаго въ твоемъ положеніи. Приглашай женщинъ, дай имъ работу и сама присядь за дѣло съ ними въ компаніи. Затѣмъ угости ихъ со всѣмъ радушіемъ, поговори съ ними, обласкай и слушай со вниманіемъ то, что онѣ будутъ разсказывать между собой о своихъ дѣлахъ и заботахъ. Женскій полъ болтливъ, а особенно старухи. Послѣ рюмки-другой у нихъ развязываются языки, и чего-чего только онѣ тутъ не наболтаютъ! Мнѣ хорошо памятны эти собранія: ихъ я наблюдалъ у себя, когда еще жива была моя покойница жена, твоя мать. Наслушаешься ты всякихъ разсказовъ. Тутъ онѣ выскажутъ каждая и свой характеръ, и свои семейныя неурядицы, и свое міровоззрѣніе. Тутъ ты узнаешь многое объ ихъ суевѣріяхъ, обычаяхъ и предразсудкахъ, съ которыми тебѣ безъ сомнѣнія придется въ будущемъ вести не легкую борьбу. Въ живой бесѣдѣ и ты можешь вставить свое разумное слово, и твой мужъ, зайдя, какъ бы невзначай, въ вашу рабочую комнату, пусть воспользуется, на сколько будетъ возможно, вашей бесѣдой, руководя и назидая.

Разъ мы коснулись хожденія по деревнѣ за сборомъ, не могу не высказаться относительно взглядовъ нѣкоторыхъ

нашихъ молодыхъ священниковъ. Имъ тоже два раза въ годъ приходится ходить по деревнѣ за сборомъ, то есть собственно говоря, они ходятъ не за сборомъ, а съ молитвою, или (какъ это называютъ въ иныхъ мѣстахъ, съ кропиломъ), около праздника Рождества Христова и въ концѣ Великаго поста, но крестьяне одѣляютъ при этомъ весь причтъ за трудъ иногда просто деньгами, а иногда хлѣбомъ и кое-чѣмъ изъ съѣстныхъ припасовъ. И вотъ, нѣкоторые изъ молодыхъ священниковъ до того стѣсняются принимать эти подачки, что даже вовсе отказываются ходить по домамъ съ молитвою и святою водою. Иные же, не желая лишать причтъ слѣдуемаго ему дохода, во избѣжаніе нареканій, отправляютъ ходить по домамъ одного діакона съ псаломщикомъ, прочитавши предварительно извѣстную молитву въ церкви за одно для всѣхъ присутствующихъ.

Желалъ бы я, чтобы твой мужъ не впалъ въ подобнаго рода ошибку. Простолюдинъ смотритъ на этотъ обычай, какъ на религіозный обрядъ, который онъ свято чтитъ. И вдругъ, священникъ отказывается исполнять его! Тысячу разъ лучше, дѣти мои, претерпѣть одному человѣку что либо оскорбительное для его самолюбія, чѣмъ оскорбить религіозное чувство многихъ и многихъ...

Опять же, все зависитъ оттого, какъ поставить дѣло. Мое собственное самолюбіе никогда, помнится, не оскорблялось въ подобныхъ случаяхъ, потому что сборъ для меня былъ дѣломъ второстепеннымъ и никогда не шелъ черезъ мои руки. Я не интересовался тѣмъ, кто и что мнѣ клалъ въ повозку, а шелъ себѣ дальше и дальше, изъ одного дома въ другой, благоговѣйно исполняя свою обязанность. Въ описаніяхъ нашей свѣтской литературѣ и по этому поводу есть много смѣхотворнаго, обиднаго и нелестнаго для духовенства; а между тѣмъ передо мной встаютъ одна за другой совсѣмъ иныя картины, исполненныя теплоты и сердечности, невольно

вызывающія у меня и въ настоящую минуту слезы умиленія. Войдешь напр. въ иную избу, лежитъ больной умирающій, одолѣваемый тяжкимъ недугомъ. Онъ уже не можетъ самъ пойти въ церковь, его ухо жаждетъ и не можетъ услышать святаго слова, божественной церковной пѣсни. Съ нетерпѣніемъ дожидается онъ, когда по крайней мѣрѣ посѣтитъ его священникъ съ крестомъ, молитвою и святою водою, и боится, что умретъ, не дождавшись. И вотъ онъ видитъ, наконецъ, передъ собою служителя Божія; со слезами умиленія онъ цѣлуетъ крестъ святой и омываетъ лицо свое святою водою. На него повѣяло чѣмъ-то праздничнымъ, радостнымъ и онъ уже спокойнѣе продолжаетъ дожидаться разрѣшенія отъ узъ земныхъ. А въ иную избу войдешь къ вдовицѣ сирой: кругомъ бѣдность и грязь, куча ребятишекъ, не умытыхъ, голодныхъ, полуодѣтыхъ. Ей не только нечѣмъ одарить причтъ, ей и самой не съ чѣмъ будетъ праздникъ Христовъ встрѣтить, нечѣмъ разговѣться. Тогда подойдешь къ своей повозкѣ, покопаешься, вытащишь того-сего, что получилъ у имущаго и отдашь неимущему. И уходишь отъ сиротъ, благословляемый, напутствуемый благожеланіями. Дай Богъ, чтобъ и всякому человѣку пришлось пережить такія теплыя минуты въ своей жизни! До того ли тутъ, чтобы помнить объ оскорбленіи какого-то самолюбія!..

Прощайте, дѣти мои! И да ниспошлетъ на васъ Господь свое благословеніе!

Р.

Изъ дневника сельскаго священника[1]).

13-го февраля. Въ нашей мѣстности существуетъ обычай, по которому вступившіе въ бракъ 1-й годъ не говѣютъ, не исповѣдываются и св. Таинъ Христовыхъ не пріобщаются. На мой вопросъ, почему это такъ ведется,—кто посмѣлѣе и поразвязнѣе—отвѣчали: „ну, да люди молодые, батюшка, пускай годокъ-то понѣжатся“ (говѣнье считается большимъ трудомъ)! „Да и то сказать, кормилецъ, всѣ вѣдь мы грѣшники, а объ молодыхъ-то ужъ и говорить нечего,—ну какъ они не воздержатся въ говѣнье? И выйдетъ лишь грѣхъ одинъ“. Но этого мало, случается, что когда и сами молодые желаютъ поговѣть, старики не пускаютъ: „потому-де такъ изстари заведено, а вы ничего не знаете!“ говорятъ имъ. Говорилъ проповѣдь противъ этого обычая предъ началомъ Великаго поста, но безуспѣшно. И вотъ вразумилъ меня Господь внушать о христіанскомъ долгѣ покаянія и причащенія при совершеніи таинства брака самимъ брачущимся. Обыкновенно, послѣ вѣнчанія поздравишь молодыхъ съ законнымъ бракомъ, кратко скажешь о любви ихъ между собою (существуетъ и сейчасъ обычай „учить“ жену, или просто—бить), о послушаніи старшихъ въ семьѣ, а въ заключеніе, объяснивши необходимость каждогоднаго покаянія для прихожанъ, возьмешь съ нихъ слово непремѣнно поговѣть Великимъ постомъ. Средство оказалось 1-й годъ весьма дѣйствительнымъ,—не знаю, что дальше дастъ Господь.—Много также борьбы приходится выносить относительно порядка и тишины въ св. храмѣ при совершеніи таинства брака: говорилъ и проповѣди нѣсколько разъ, обличалъ за шумъ и безчиніе при самомъ вѣнчаніи,—и хотя лучше стали вести себя сравнительно съ первыми годами, но все-таки желательнаго порядка еще нѣтъ. Да и

---

[1]) См. № 12-й.

не скоро, видно, придется вкоренить православнымъ въ умы и сердца ихъ истинное отношеніе къ святости храма. Есть слабая надежда на школу, но только пока еще слабая, потому что тутъ приходится бороться съ обычаемъ, вѣками укоренившимся. Легко можетъ случиться, что все посѣянное въ школѣ забудется при неотразимомъ вліяніи дѣдовскихъ обычаевъ. Впрочемъ унывать не къ чему,—съ нами Богъ! и настоящее время—тому доказательство: повсемѣстное усиленіе проповѣднической и миссіонерской дѣятельности, забота архипастырей о возможно благоговѣйномъ отправленіи богослуженія, увеличеніе школъ,—не есть ли все это начало *свѣта,* пробивающагося сквозь тьму русскаго невѣжества?— Видѣлъ у одного священника, какъ его школяры-мальчики прислуживаютъ въ храмѣ Божіемъ. Двое въ стихаряхъ, изъ которыхъ одинъ разводитъ жаръ, подаетъ кадило, приготовляетъ теплоту, а другой читаетъ Апостолъ, благодарныя молитвы послѣ причащенія св. Таинъ и оба вмѣстѣ выносятъ подсвѣчники на маломъ и великомъ входахъ;—а часть дѣтей стоятъ на клиросѣ: одни поютъ, славословятъ Господа, другіе читаютъ. Любо слушать это пѣніе чистыхъ дѣтскихъ голосовъ и чтеніе яснымъ, не испорченнымъ выговоромъ,— невольно умиленіе ощущается въ душѣ и припоминаются слова Спасителя: *„изъ устъ младенецъ и сущихъ совершилъ еси хвалу“* (Матѳ. 21, 16).

Къ слову о стихарях. Жаль, что не вездѣ можно получить дозволеніе мальчикамъ надѣвать стихари. На учениковъ земскихъ школъ, какъ оказывается, не простирается это дозволеніе. Между тѣмъ, у насъ, напр., въ земской-то школѣ сравнительно съ церковно-приходской оказывается значительно большая часть мальчиковъ, принимающихъ участіе въ чтеніи и пѣніи церковномъ. Ну и разрѣшатъ, положимъ, однимъ надѣвать стихари, а другимъ-то каково будетъ смотрѣть на это? Вѣдь обидятся не только дѣти, да и родители, пожалуй,

скажутъ: „чѣмъ же, дескать, наши-то хуже?“ И доброе дѣло только къ злу и зависти приведетъ [1])... Ну да что объ этомъ толковать? Это лишь къ слову пришлось. Итакъ, возвращаюсь къ прежней мысли, что въ *школѣ* отчасти—будущее нашего народа, его просвѣщеніе, конецъ вѣковой тьмы духовной... Дѣло только въ направленіи. А сейчасъ—благодареніе милосердому Господу, соблюдающему крѣпкою десницею Своею Русь православную—сейчасъ хорошо дѣло началось (О, если бы далъ Богъ вездѣ!)! И, замѣтно, народу по душѣ это начало. Какъ радуются отцы и матери, когда слышатъ чтеніе и пѣніе своихъ дѣтокъ въ храмѣ Божіемъ! Какъ-то спрашиваю одного старичка: „почему твой внукъ не читаетъ на клиросѣ? вѣдь онъ былъ (кончилъ курсъ) изъ лучшихъ учениковъ въ школѣ“.— „Ахъ, батюшка! отвѣчаетъ: онъ вѣдь какой-то несмѣлый у насъ, Богъ съ нимъ! Не допустили его однажды какъ-то до чтенія въ церкви и книжку отняли, такъ съ тѣхъ поръ и нейдетъ, боится“. И нужно было видѣть, сколько грусти и вмѣстѣ недовольства на обидчика выражалось тогда на лицѣ старика!..—Съ тѣхъ поръ, какъ по старанію нашего архипастыря стало вводиться въ храмахъ общее пѣніе, а въ школахъ земскихъ (о церковно-приходскихъ нечего и говорить) усилено изученіе славянскаго языка, въ храмѣ каждое воскресенье очень много народу бываетъ; о дѣтяхъ же и говорить нечего,—вѣдь они участвуютъ въ богослуженіи—поютъ, читаютъ!.. Смотришь, иногда почти къ самому началу заутрени прибѣжитъ малютка 12-лѣтній, въ плохой одеженкѣ, дрожитъ, сожмется весь (пока не наберется народу, въ церкви

---

[1]) А, какъ кажется, прекрасно бы заставить дѣтей прислуживать въ алтарѣ: они пріучились бы *осмысленно* смотрѣть на каждое священнодѣйствіе... Оно, конечно, и безъ стихарей можно, но тутъ опять препятствіе: у однихъ есть приличное платье, а у другихъ—лохмотья,—прикрыть-то ихъ и нечѣмъ—значитъ, опять выборъ нужно дѣлать: богатые будутъ счастливы, а бѣднымъ остается завидовать.

очень холодно бываетъ). И зачѣмъ такъ рано прибѣжалъ въ такой морозъ? А ему, видите ли, назначилъ учитель (въ 1-й разъ) шестопсалміе читать, такъ онъ и поспѣшилъ, чтобы не опоздать. Но вѣдь на словахъ-то всего не передашь,— нѣтъ, вы посмотрите на дѣтей, когда они поютъ или читаютъ, а особенно поютъ; всмотритесь тогда въ ихъ покраснѣвшіяся личики: сколько въ нихъ оживленія, радости, восторга духовнаго! Хоть и тѣсно имъ, жмутъ другъ друга, но они забыли объ этомъ неудобствѣ: вся чистая душа ихъ въ пѣніи!

15-го февраля. Прекрасно, если въ школѣ священникъ и учитель согласно дѣйствуютъ: учитель не зазнается и не мѣшаетъ, должное почтеніе оказываетъ пастырю Церкви, а священникъ дѣятельное, отечески-любвеобильное участіе принимаетъ въ духовно-нравственномъ образованіи дѣтей своего прихода. Тутъ воистину „многъ плодъ“ произойдетъ. Конечно, скажутъ, прекрасно все это на словахъ, а попробуй на дѣлѣ исполнить,—пожалуй, другое заговоришь. Правда, трудненько бываетъ иногда. Только что отслужишь обѣдню, позавтракаешь и идешь въ школу; не успѣешь тутъ еще какъ слѣдуетъ осмотрѣться и войти въ роль учителя, а въ дверь просовывается массивная фигура мужика въ тулупѣ: „съ требой, батюшка, на деревню пожалуйте!“—„Эхъ, подумаешь про себя (вѣдь человѣкъ есмь!), досада какая! и заняться-то не дадутъ“. Какъ ни близко деревня, а пріѣхалъ оттуда, ужъ и время обѣда приспѣло. Пожертвовать обѣдомъ? Такъ тутъ, во 1-хъ, немощь, а, во 2-хъ, и семейные въ обиду взойдутъ, какъ заставишь ихъ долго себя дожидаться и поздно придешь: „ты заморилъ насъ!“ скажутъ,—да вѣдь и справедливо скажутъ. Послѣ обѣда пойти? Но тутъ опять-таки немощь, вѣдь и отдохнуть немного захочется: встанешь служить-то часа въ 4-ре утра; а отдохнешь, глядь, за образами пришли, нужно ѣхать „всенощную“ служить въ домѣ (у насъ обыкновеніе у многихъ заказывать каждогодно заупокойныя обѣдни

по родителямъ); такъ весь день и пройдетъ. А если еще принять во вниманіе хлопоты по хозяйству, присмотрѣть за работникомъ, такъ тутъ и совсѣмъ малая доля останется для просвѣтительной дѣятельности. Но что же? неужели отказываться отъ этой дѣятельности въ виду такихъ обстоятельствъ? Думается, совѣсть скажетъ противное. По крайней мѣрѣ, самому пришлось испытать ея упреки. Какъ легко себя чувствуешь, весело и бодро, когда позаймешься съ дѣтьми въ школѣ, и, наоборотъ, очень тяжело отзывается на душѣ, когда извиняя себя разными недосугами, остаешься дома. Тутъ именно опасно поддаваться „духу лестчу", который нашептываетъ иногда такія вещи: „ты, братъ, послужилъ, потрудился, а трудивыйся, какъ тебѣ извѣстно изъ Писанія, да ястъ", такъ что жъ ты смущаешься? „Отроковъ подобаетъ учити?" возразишь; а я тебѣ скажу на это другое: „кто о присныхъ, ап. Павелъ говоритъ, не печется, тотъ вѣры отрекся, хуже невѣрнаго", а у тебя, смотри, ребятишки-дѣти разуты да раздѣты и въ домѣ самаго необходимаго часто не бываетъ,—такъ поди же посмотри по хозяйству: „вѣдь безъ хозяина, умные люди говорятъ, товаръ сирота"; а на работника надежда плохая: ты ушелъ, а онъ либо спать завалился, либо съ сосѣдомъ проболтался. Съ училищемъ-то успѣешь еще увидаться. Да и что жъ тебѣ? Прошелъ съ ними что по программѣ—и довольно, умѣютъ молитвы читать—чего жъ еще? Награды-то тебѣ за твои труды нѣтъ никакой (хотя, лукаво прибавляетъ духъ лести, учителю и даютъ), а денегъ-то, что ты получаешь за обученіе въ школѣ закону Божію и сторожъ земскій больше получаетъ... Такъ изъ чего жъ тебѣ, подумай, опущеніе-то въ хозяйствѣ дѣлать? Согласись, что въ хозяйствѣ у тебя—вся сила матеріальная, а на грошахъ приходскихъ немного возьмешь". Очень тяжело бываетъ, отцы и братія, когда эти мысли давятъ, такъ сказать, все существо твое, весь умъ раздвояютъ: не знаешь, куда, въ

какую сторону податься, чему отдать предпочтеніе. И вотъ, бываетъ, когда останешься дома и бросишь школу, въ хозяйствѣ, какъ нарочно, наталкиваешься все на непріятности: то неисправно, другое не на мѣстѣ, гдѣ не додѣлано, а тамъ забыто и проч. и проч. Досадуешь, раздражаешься, ругаешь работника, а тутъ и другія мысли закопошатся въ головѣ: „зачѣмъ ты остался? почему не пошелъ въ школу? забылъ развѣ слова Спасителя: „не печытеся, что ясте или піете... Ищите же *прежде* царствія Божія“,—слышишь? *прежде*, сказано; а ты за хозяйство взялся впередъ-то, трудъ же ради царствія Божія напослѣдокъ оставилъ“... Вотъ тутъ ужъ такой сумбуръ пойдетъ въ головѣ, что не знаешь, какъ и чѣмъ забыться; и радъ, радъ, когда этотъ грѣшный день кончится.— То же бываетъ иногда и въ богослуженіи. Лѣто. Самая горячая пора—уборка хлѣба; располагаешь въ умѣ: хотъ завтра пораньше встану, то-то и то-то сдѣлаю, туда-то схожу, за тѣмъ-то присмотрю; а тутъ неожиданно обѣдню заказали,— „эхъ, подумаешь про себя, выбралъ когда время-то!“ А то, иногда, такъ и открыто скажешь мужичку: „что жъ ты, братецъ, прежде-то думалъ? ты знаешь теперь время-то какое? всякому минута дорога“.—„Что жъ дѣлать, батюшка? отвѣчаетъ, ужъ потрудись, родимый, завтра матушкѣ какъ разъ годокъ выходитъ,—аіосъ Господь“ .. Говорить ли о состояніи души во время службы? она, бѣдная, и сѣмо и овамо колеблется, а вѣдь говорить надо: „всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе“, устремить умъ свой горѣ и, воздѣвая руки, призывать Духа Святаго и забыть все окружающее. Боже мой, какъ тяжело бываетъ въ эти минуты!..

16-го февраля. Приходитъ ко мнѣ одна женщина-прихожанка: „я, говоритъ, съ вами, батюшка, посовѣтоваться,— пріѣхала къ намъ бабушка-лекарка и берется лечить моего брата (въ чахоткѣ и близокъ къ смерти); за работу проситъ 1 р., а навѣрно не обѣщаетъ все-таки настоящей помощи“.

Спрашиваю о способѣ леченія. „Да у ней, батюшка, говоритъ, и лекарства есть и водицы тоже наговариваетъ“. Разумѣется, я не посовѣтовалъ пользоваться у бабки. На другой день, смотрю, приходитъ опять та же женщина: „пожалуйте, говоритъ, батюшка, пособоровать брата“. Послѣ таинства елеосвященія больной благодаритъ: „спасибо, батюшка, что потрудились, утѣшили меня, я ужъ и то вчера говорю имъ (бабамъ): не нужно мнѣ бабы, позовите лучше батюшку, хочу причаститься и пособороваться“... Эти слова дали мнѣ поводъ сказать собравшемуся народу (по обыкновенію, къ соборованію собирается довольно богомольцевъ) назиданіе, что къ бабкамъ—шептуньямъ и ворожеямъ больной грѣхъ обращаться, указывая при этомъ на законныхъ врачей, Богомъ поставленныхъ; „вѣдь онѣ (бабки), говорю имъ, выжимаютъ изъ васъ послѣднія, трудовыя копѣйки!“—„Да какъ еще, подтвердилъ одинъ старичекъ, вдвое, да втрое, батюшка!“—Да, большое зло—эти самозванные врачи деревенскіе! И удивительно, почему это народъ такъ довѣрчиво относится къ нимъ? Если заболѣлъ человѣкъ, всѣхъ бабокъ окрестныхъ объѣздятъ, а выздоровѣй хоть бы и случайно, самъ собою больной, прославятъ лекарку—невѣжду и обманщицу по всѣмъ весямъ. И только когда уже увидятъ и совершенно убѣдятся въ безполезности всѣхъ заговоровъ, куреньевъ разныхъ и наставленій, тогда уже обращаются и къ помощи Церкви,—просятъ священника пособоровать больнаго. Да и тутъ-то, на сколько по крайней мѣрѣ мнѣ удалось замѣтить, ни малѣйшаго слѣда вѣры въ цѣлительную силу таинства елеосвященія, такъ какъ по взгляду крестьянъ оно (таинство это) есть приготовленіе къ смерти или точнѣе обреченіе на смерть,—соборованный, говорятъ, все равно, что обмертвѣлый. Приходилось слышать, какъ бабы принимались „голосить“ надъ больнымъ, какъ надъ покойникомъ, послѣ соборованія. И выходитъ, поэтому, что св. Церковь невольно въ

лицѣ своихъ служителей приноситъ болящему не утѣшеніе, не отраду для души, а мрачное предчувствіе смертнаго часа, возбуждаемое бабьими голосованіями и причитаніями. Можно представить, каково больному отъ этихъ причитаній, когда и здоровому-то человѣку едва ли можно равнодушно выслушивать ихъ! Я упомянулъ сейчасъ о довѣріи крестьянъ къ знахарямъ. Въ нашей мѣстности есть одинъ такой, пользующійся славою врача не только тѣлеснаго, но и душевнаго; къ нему-то вотъ и обращается много простецовъ: случится ли болѣзнь какая, неудовольствіе въ семьѣ, пронажа или тоска душевная, уныніе и проч. и проч., безъ того не обойдется, чтобы къ N не съѣздить. И вотъ онъ надъ однимъ читаетъ, другимъ наговариваетъ воду, кому объясняетъ сны, кому что либо предсказываетъ... Прихожу какъ-то къ одному болящему своему прихожанину. „Ну, какъ твое здоровье?“ спрашиваю.— „Плохо!“ отвѣчаетъ. „А тутъ еще тоска, батюшка, одолѣла,— ѣздилъ я, признаться, къ N объ своей болѣзни-то узнать; а онъ мнѣ и сказалъ: „двѣ, говоритъ, недѣли тебѣ жить осталось“. Какъ сказалъ это, такъ все равно что обухомъ меня пришибъ!“ Смотрю, слезы на глазахъ. Признаюсь, очень досадно мнѣ стало на самозваннаго пророка. И, Богъ знаетъ, какъ бороться противъ этого зла? Въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно, настаиваешь обратиться къ доктору. Но тутъ является у крестьянъ недовѣріе: „да что, говоритъ, доктора-то? ѣздили сколько разъ къ нему и лекарства брали,—ничуть не помогло... Вѣдь они—доктора-то богатыми только занимаются, а на бѣдноту и вниманія не обращаютъ—лишь ругаются на насъ. Да и то сказать, гдѣ ему съ нами управиться? Соберется всегда въ больницу народу много и самъ докторъ почитай весь день съ ними каландается, а народъ-то мы—все безтолковый—по неволѣ и сердце его возьметъ. Дюже ругается на нашего брата!“ И думаешь, конечно, какъ бы хорошо было сельскому священнику хоть бы немного озна-

комиться съ медициной, хоть бы по крайней мѣрѣ, первую-то помощь при случаѣ подать въ болѣзни. А то просто вѣдь пеловко, да и прискорбно бываетъ, когда позовутъ напутствовать больнаго и при этомъ просятъ помощи какой нибудь или совѣта отъ болѣзни; иногда же и самъ больной скажетъ: „не знаете ли, батюшка, чѣмъ попользовать?“ И приходится отвѣчать: „нѣтъ, не знаю! Ступай въ больницу къ доктору“.— „Да что докторъ!“ И повторяется исторія, подобная вышеописанной. А на прощаніе непремѣнно (исключенія бываютъ рѣдко) попросятъ еще: „сдѣлай милость, батюшка, дай больному яблочка или арбузика,—крохи въ ротъ не беретъ!“ И жутко становится за больнаго, когда даешь ему такого рода пищу. Отказать? но, во 1-хъ, можетъ быть, оно и не вредно,—почемъ знать? а во 2-хъ, крестьянинъ не повѣритъ, что ему отказали изъ сожалѣнія къ больному, что-де вредно ему ѣсть то-то или это, а просто подумаетъ: „ишь! жалко стало,—сами-то умѣютъ просить“. Между тѣмъ, знай священникъ хоть немного по части леченія, къ нему, какъ къ отцу родному, пошли бы его пасомые безъ страха и болзни, а съ надеждою получить *помощь* отъ батюшки, облегченіе отъ болѣзни.—Прочиталъ какъ-то въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ совѣтъ составить лекарство отъ зубной боли и записалъ. Лекарство дешевое. Купилъ. Попользовалъ одного—другаго,—помогло; а теперь, заболятъ у кого зубы—„иди, говорятъ, къ батюшкѣ, онъ, вишь, лѣчитъ“. Некогда мнѣ, жена замѣняетъ. И вотъ вещь-то копѣечная, а дѣло—одной минуты. Но сколько чрезъ это довѣрія, любви пріобрѣтаетъ пастырь Церкви. (Разумѣется, въ томъ только случаѣ, если не изъ суетной славы своей личной онъ трудится, а изъ любви къ своей паствѣ, изъ состраданія къ бѣдности, безпомощности крестьянина)! Да и какъ ему не любить его? Представьте,—время рабочее, лошади заняты, и самому надо работать, каждая минута дорога, а тутъ „тетка“ (лихорадка) и лихо ее

возьми!—забрала". И вотъ обращается къ батюшкѣ: „помоги, родимый! дай лекарствица (есть такія дешевыя капли отъ лихорадки), сдѣлай милость!" А черезъ недѣлю какую, смотришь, приходитъ и искренно благодаритъ за помощь. И, замѣтьте, послѣ такого случая онъ безъ совѣта батюшки не только въ леченіи, да и въ другомъ чемъ предпринимать ничего не станетъ. Недавно купилъ мужичекъ соды въ аптекѣ и спрашиваетъ—нарочно пришелъ—„та ли это, батюшка?"—„Самая это", говорю.—„То-то, а то кто ее знаетъ, чего насыпали!"

Священникъ **В**—въ.

Требованіе долга и грѣховная привычка.

Въ числѣ мѣръ необходимыхъ къ возвышенію религіозной нравственности въ народѣ и духовенствѣ, духовнымъ начальствомъ признано и предписано совершеніе „вечеренъ съ молебствіями и акаѳистами“ въ воскресные и праздничные дни. Вѣсть объ этомъ мѣропріятіи дошла и до нашего прихода, и въ нашей приходской церкви начали отправляться вечерни и акаѳисты по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ съ декабря мѣсяца 1887 года.

Предъ открытіемъ не бывалыхъ вечеренъ, мѣстный священникъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней на литургіи произнесъ поученіе къ прихожанамъ о христіанскомъ препровожденіи воскресныхъ и праздничныхъ дней, во славу Божію, и о заключеніи этихъ дней вечернимъ богослуженіемъ и молебствіями. Прихожане вняли голосу своего священника и въ тотъ же день воскресный пришли на вечерню въ большомъ количествѣ. При отпустѣ вечерни священникъ сказалъ къ народу похвальную рѣчь за доброе начало добраго препровожденія воскреснаго дня и просилъ своихъ прихожанъ не ослабѣвать въ благочестіи и приходить на утреню, литур-

гію и вечерню въ каждый праздникъ и день воскресный. Чрезъ недѣлю—въ слѣдующій воскресный день также была вечерня съ акаѳистомъ, и народу было на богослуженіи довольно.

Но вотъ наступилъ великій праздникъ Рождества Христова и вмѣстѣ—храмовой праздникъ въ нашемъ приходѣ, а съ симъ—и обычная „слава“ духовенства въ домахъ приходскихъ. Пришло время вечерни и акаѳиста; нѣкоторые изъ любителей благочестія заявляютъ священнику, что „пора бы и къ вечернѣ“. Но батюшка отзывается, что онъ занятъ „славой“ и гостями и посему сегодня не будетъ служить вечерню, а отправитъ ее завтра. Во исполненіе такого обѣщанія, на второй день праздника Рождества Христова послѣ литургіи онъ объявляетъ прихожанамъ, что сегодня будетъ вечерня и молебствіе съ акаѳистомъ въ честь праздника Царицѣ небесной. Въ $3^1/_2$ часа вечера благовѣстъ въ большой колоколъ возвѣстилъ православнымъ, что время вечерни и акаѳиста настало. Народъ собрался, и священникъ началъ богослуженіе. И что же?! На клиросѣ слышится пьяный голосъ псаломщика (изъ дьячковъ). Не успѣли богомольцы до конца выслушать пьяную ноту клирика, какъ среди храма раздался голосъ церковнаго сторожа, также пьянаго. Съ грѣхомъ кончилось вечернее богослуженіе. На третій день праздника—въ воскресенье послѣ литургіи, не выходя изъ храма, священникъ сдѣлалъ внушеніе уже трезвому псаломщику и церковному сторожу... Но въ тотъ же день псаломщикъ явился на вечерню опять довольно выпивши, хотя и менѣе предшествующаго дня, а церковный сторожъ совсѣмъ спился и на вечерню не пришелъ. Да и народъ уже „позагуллялъ“ и потому на вечерню явилось не болѣе двадцати человѣкъ и то большею частію однѣ женщины.

Батюшка, продолжая ходить по приходу „съ славой“ и видя своихъ прихожанъ въ хмѣльномъ состояніи, начинаетъ

обличать безпечныхъ и пьяныхъ въ богопротивномъ препровожденіи ими праздниковъ. Но обличаемые не только съ ироническою улыбкою выслушиваютъ внушенія своего батюшки, а даже и возражаютъ ему, говоря: „тебѣ и самому въ первый день праздника было не до вечерни,—тогда у тебя былъ полонъ домъ гостей и веліе раздолье для нихъ и веселіе,—карты, пляски, фанты, шутки и прибаутки; а у насъ и теперь гости, такъ посуди по себѣ: „до вечерни ли намъ“?—Ты бы посмотрѣлъ, что въ сосѣднемъ N селѣ вчера было у священниковъ-то: одинъ вечерню постъ, а другой въ карты играетъ съ гостями; предъ ними и пляски и танцы и пѣсни и винное раздолье; хоть и священникъ, а на вечерню не пошелъ, потому,—говоритъ, что не его череда“...

Такъ праздничные гости не одного, а и многихъ приходскихъ священниковъ ставятъ въ фальшивое и тягостное положеніе. Посему радушнымъ и хлѣбосольнымъ іереямъ нужно или вовсе не собирать къ себѣ въ праздники гостей для обычнаго грѣховнаго удовольствія, или же нужно собирать лишь для христіанской трапезы и бесѣды. Иначе—и на шагъ впередъ не подвинуться приходскимъ священникамъ ни съ вечернями, ни съ собесѣдованіями, ни съ чтеніями, ни съ какими бы то ни было мѣропріятіями. Правда намъ могутъ возразить, что батюшка, собравшій гостей въ своемъ домѣ по случаю праздника, можетъ оставить ихъ на время совершенія той или другой службы, и идти къ своему дѣлу въ храмъ Божій. Но вѣдь если домашніе и гости священника во время совершенія имъ той или другой службы будутъ пировать и веселиться, то не то ли же самое будетъ происходить и въ домахъ прихожанъ? Тогда на вечерни въ праздникъ не будутъ ли по долгу своей службы только приходскій іерей и псаломщикъ [1])?

[1]) Богослуженіе въ мѣстный храмовой праздникъ должно быть отправляемо съ особенною торжественностью. Почему же бы сосѣднимъ

Вопросъ изъ пастырской практики.

Умирающій и находящійся подъ запрещеніемъ отъ одного священника можетъ ли быть разрѣшенъ и напутствованъ св. Тайнами отъ другаго священника?

Каноническими правилами требуется, чтобы никто изъ находящихся подъ запрещеніемъ и отлученіемъ отъ причащенія св. Таинъ не отходилъ въ загробную жизнь безъ разрѣшенія отъ грѣховъ и послѣдняго христіанскаго напутствованія св. Тайнами (1 Всел. соб. пр. 13; Анк. соб. пр. 6 и 22). Посему въ случаѣ крайней нужды, когда находящійся подъ запрещеніемъ и отлученіемъ отъ одного священника умираетъ, тогда онъ можетъ быть разрѣшаемъ и напутствованъ св. Тайнами отъ другаго священника; даже находящемуся подъ клятвою архіерейскою, подвергшемуся такъ называемой публичной эпитиміи и умирающему ни одинъ священникъ не можетъ отказать въ разрѣшеніи отъ грѣховъ и въ напутствованіи св. Тайнами (Карѳ. соб. пр. 52; см. Уст. Дух. Кон. ст. 97 и разрѣш. молитву, читаемую надъ умершимъ). Если при такихъ обстоятельствахъ получившій разрѣшеніе отъ грѣховъ выздоровѣетъ, то онъ долженъ снова подчиниться прежней эпитиміи и по истеченіи срока ея обратиться къ лицу, наложившему запрещеніе и просить у него разрѣшенія отъ запрещенія.

священникамъ, пріѣхавшимъ въ гости къ своему сослужинцу по случаю храмоваго праздника въ приходѣ его, не принять вмѣстѣ съ нимъ участія въ совершеніи наприм. вечерняго богослуженія въ этотъ праздникъ? Такое участіе было бы дѣломъ вполнѣ достойнымъ пастырей. Совершивъ вмѣстѣ съ своимъ собратомъ богослуженіе въ храмовой его праздникъ, они доставили бы ему и пасомымъ его истинное духовное утѣшеніе и подали бы живой примѣръ достойнаго чествованія и христіанскаго провожденія праздничныхъ дней. И какое поучительное для народа празднованіе храмоваго дня показалъ бы священникъ своимъ примѣромъ, еслибы онъ со всѣми своими пріѣзжими собратьями, съ ихъ женами и дѣтьми, явился въ храмъ для совершенія торжественной вечерни!.. Тутъ и общее пѣніе всѣхъ пріѣзжихъ и своихъ, тутъ и проповѣдь пріѣзжаго священника, тутъ и внѣбогослужебное чтеніе! А если изъ ближайшихъ сосѣднихъ приходовъ учители церковно-приходскихъ школъ пріѣдутъ на богослуженіе съ своими школьниками и пріймутъ участіе въ пѣніи: вѣдь это для народа такой былъ бы праздникъ, въ какой ему и подумать о пьянствѣ не пришлось бы!.. *Ред.*

Редакторъ Ректоръ Кіев. Дух. Сем. Архимандритъ **Ириней.**

Отъ Кіевск. Комит. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 21 апрѣля 1888 г. Цензоръ прот. *М. Богдановъ.*

Тип. **С. В. Кульженко**, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылною ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 20.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Мая 15-го.

Содержаніе: Пастырскій авторитетъ.—Уставный колокольный звонъ.—Письма священника къ дочери.—Средство чистить серебряные предметы.—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.—Къ рѣшенію вопросовъ изъ пастырской практики.

Пастырскій авторитетъ.

„Никто да не пренебрегаетъ юностію твоею“ (1 Тим. 4, 12), писалъ апостолъ Павелъ Тамоѳею. Наставленіе—необходимое для каждаго пастыря. Къ кому питается пренебреженіе или презрѣніе, къ тому не можетъ быть довѣрія. Къ кому нѣтъ искренняго уваженія, тотъ не можетъ быть авторитетнымъ. У кого нѣтъ авторитета и къ кому питается недовѣріе, тотъ не можетъ имѣть нравственнаго вліянія. Учителю, чтобы выполнять свое назначеніе, необходимо имѣть въ глазахъ учениковъ авторитетъ и пользоваться довѣріемъ. Начальнику, чтобы расположить своихъ подчиненныхъ къ добровольному повиновенію и заставить ихъ выполнять свой долгъ не „за страхъ“ только, но и „за совѣсть“, необходимо

,заслужить у нихъ любовь и уваженіе. Пастырямъ церкви, какъ лицамъ, поставленнымъ на божественной стражи, тѣмъ болѣе необходимо достигнуть того, чтобы ими не только никто не пренебрегалъ и не относился съ презрѣніемъ, или по крайней мѣрѣ съ холоднымъ равнодушіемъ, но и уважали бы и любили бы ихъ, и имѣли бы къ нимъ безусловно искреннее довѣріе. Пастыри должны достигать этого не ради пастырскаго престижа, гордости, тщеславія, а ради устроенія царства Божія на землѣ.

Не оспоримо, у пастырей Православной христіанской Церкви есть авторитетъ помимо ихъ личнаго авторитета, и притомъ авторитетъ безконечно высшій всѣхъ человѣческихъ авторитетовъ,—авторитетъ божественный, который даровалъ имъ высочайшій и вѣчный Пастыреначальникъ, когда поставилъ ихъ на служеніе.

Но странно было бы почивать пастырю на этомъ божественномъ авторитетѣ, ничего не дѣлая лично отъ себя въ пользу его установленія въ средѣ паствы, въ томъ убѣжденіи, что этотъ авторитетъ существуетъ и безъ его самодѣятельности, въ чемъ однако многіе изъ пастырей повинны, забывая то, что Господь Іисусъ Христосъ, облекая ихъ своимъ авторитетомъ, въ то же время требуетъ и отъ нихъ, чтобы они куплю совершали до дня втораго пришествія Его на землю. Значитъ Онъ хочетъ того, чтобы полученный отъ Него пастырями божественный авторитетъ не оставался въ нихъ чѣмъ-то мертвымъ, недвижимымъ и лично, субъективно не усвоеннымъ и не явленнымъ въ жизни пасомыхъ посредствомъ пастырской самодѣятельности.

Члены русской Православной Церкви всегда чтили въ лицѣ пастыря благодатный даръ, данный ему отъ вѣчнаго Пастыреначальника на совершеніе и строеніе Таинъ Божіихъ, но въ то же время на божественное право его на учительство и руководство въ религіозно-нравственной жизни пасо-

мыхъ не обращали вниманія и къ самому пастырю нерѣдко относились съ пренебреженіемъ. Давно ли было такое время, когда пастырь русской Православной Церкви, по совершеніи того или иного богослуженія въ залѣ барскаго дома, тотчасъ же отсылался въ лакейскую кушать чай? Да и самый народъ, болѣе близкій къ пастырямъ, чѣмъ баре, не такъ же ли относился, да и теперь еще часто относится къ своимъ пастырямъ? Онъ издстари чтилъ и теперь чтитъ въ пастырѣ служителя Божія во время совершенія имъ богослуженія; а послѣ того смѣялся, да и теперь еще часто смѣется надъ нимъ, болѣе, чѣмъ надъ своимъ собратомъ-простецомъ; нерѣдко относился и относится къ нему съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, какъ къ своему нахлѣбнику и работнику, обязанному чтить своего хозяина, и нерѣдко находилъ и находитъ сердечное удовольствіе представлять его въ каррикатурномъ видѣ. Понятно, что это весьма уродливое явленіе, котораго въ христіанской жизни быть не должно. Но оно существуетъ, и современные намъ пастыри должны его устранить.

Чтобы устранить это въ высшей мѣрѣ вредное въ жизни христіанства явленіе, пастыри Церкви не должны успокоиваться на сознаніи своего божественнаго авторитета, который помимо ихъ самодѣятельности можетъ творить чудеса; но сами, лично должны производить пастырскую куплю, чтобы не только во имя своего божественнаго авторитета, но и во имя своихъ личныхъ пастырскихъ достоинствъ заслужить у пасомыхъ уваженіе, довѣріе, любовь, повиновеніе, послушаніе, и не ради тщеславія или гордости, а ради спасенія пасомыхъ. На то мы и поставлены, чтобы спасать погибающихъ.

Что же требуется со стороны пастыря, для установленія въ паствѣ пастырскаго авторитета? Для установленія пастырскаго авторитета, для пріобрѣтенія въ средѣ паствы уваженія и любви, необходимыхъ для возможнаго выполненія пастырской идеи и достиженія цѣли пастырскаго служенія,

со стороны пастыря требуется очень многое. Здѣсь требуются не отдѣльныя добрыя черты нравственнаго характера, не единичныя достоинства пастыря, уживающіяся вмѣстѣ съ недостатками, какъ въ другихъ человѣческихъ служеніяхъ; здѣсь требуется совокупность общечеловѣческихъ и пастырскихъ достоинствъ, представляющая собою цѣльную картину пастырской жизни, чуждую всѣхъ неблаговидныхъ тѣней. Пастырь долженъ представлять въ своемъ лицѣ полноту общечеловѣческой и христіанской жизни, а не урывки и урѣзки ея, изъ которыхъ ничего общаго не можетъ выходить. Полноты жизни, какъ необходимаго условія, для установленія пастырскаго авторитета въ средѣ паствы, ап. Павелъ требуетъ и отъ Тимоѳея. „Будь, говоритъ онъ ему, образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“ (1 Тим. 4, 12). Понятно, что требованіе отъ пастыря, какъ немощнаго человѣка, хотя и облеченнаго благодатію священства, немощное врачующей и оскудѣвающее восполняющей, полноты общечеловѣческой и христіанской жизни, есть требованіе идеальное, которое во всей полнотѣ могъ воплотить въ своемъ лицѣ одинъ только Богочеловѣкъ, Который во всю свою земную жизнь не сотворилъ ни единаго грѣха. Пастырь же, какъ человѣкъ, можетъ достигать этого идеала только относительно.

Полноту христіанской жизни трудно для человѣка не только воплотить, но даже и изобразить словами; приходится изображать не полноту жизни, а отдѣльныя части ея, чтобы напомнить и себѣ и своимъ собратьямъ то, что требуется отъ насъ для установленія въ паствѣ пастырскаго авторитета.

Пастырь первѣе всего есть совершитель богослуженія. При отправленіи этой своей обязанности, онъ долженъ быть вполнѣ благоговѣйнымъ; и, чувствуя сердцемъ всю широту любви Божіей, пріемлющей отъ насъ недостойныхъ дары и жертвы духовныя для нашего спасенія, долженъ проявлять

чувства свои и вовнѣ, насколько это возможно, для назиданія другихъ. О необходимости истоваго отправленія богослуженія мы не станемъ распространяться, потому что объ этомъ предметѣ говорено и писано уже очень много; напомнимъ пастырямъ только о томъ, что они должны быть при отправленіи богослуженія вполнѣ искренними, не становиться на ходули, и не входить въ ложный пафосъ. Подобными вещами никого удивить нельзя, а заронить въ сердце богомольцевъ недоброе чувство по отношенію къ себѣ самому пастырю очень возможно.

Пастырь поставленъ на то, чтобы научать пасомыхъ христіанской вѣрѣ и нравственности, да знаютъ единаго истиннаго Бога и посланнаго Имъ Іисуса Христа, и, увѣровавъ, получатъ жизнь вѣчную. Поэтому, по примѣру своего Пастыреначальника, предлагавшаго ученіе Свое не во храмѣ только, но и вездѣ, гдѣ была къ тому возможность—въ частныхъ домахъ, на пути, при горѣ, на озерѣ въ лодкѣ и т. п., онъ долженъ быть учителемъ не на каѳедрѣ только храма, но и вездѣ, гдѣ представляется къ тому нужда и случай. Онъ призванъ къ тому, чтобы научать, вразумлять, наставлять, обличать своихъ пасомыхъ благовременно и безвременно и давать отвѣтъ всякому вопрошающему о христіанскомъ упованіи. Такой взглядъ на пастырское учительство въ наше время—уже не новость. Этого взгляда нынѣ держатся и ученые и не ученые, и разумные и не разумные, и интеллигенція и народъ. Понятное дѣло, что пастырю несравненно легче было жить, когда отъ него, кромѣ требоисправленія ничего не требовали. А нынѣ кромѣ требоисправленія даютъ ему еще дѣло и при томъ—хотя и справедливое, но не легкое и часто не безопасное ни для пастыря, ни для пасомыхъ. Выполненіе учительскаго долга можетъ или поднять пастыря въ глазахъ пасомыхъ и доставить ему почетъ, любовь, уваженіе, довѣріе, вліяніе, и самимъ пасомымъ доставить жизнь вѣч-

ную, или унизить пастыря, лишить его всякаго довѣрія со стороны пасомыхъ, и послѣднихъ погубить. Не даромъ св. апостолъ Павелъ нашелъ нужнымъ напомнить Тимоѳею, что онъ долженъ быть образцомъ въ словѣ и держаться того образца здраваго ученія, который онъ слышалъ отъ Апостола (2 Тим. 1, 13). Значитъ пастырю можетъ грозить опасность уклониться отъ образца здраваго ученія, проповѣдывать не то, что должно, учить не тому, чему нужно. Всегда были и теперь есть люди, которые извращали и извращаютъ христіанское православное ученіе, проповѣдывали и проповѣдуютъ ложь вмѣсто истины, и притомъ не только намѣренно, но часто и не намѣренно, въ силу ли своего недомыслія, неразсудительности, по невниманію и небрежности, по недостаточному разумѣнію св. Писанія, или въ силу своихъ склонностей, по своимъ предвзятымъ понятіямъ и т. п. Пастырь, не увлекаясь суемудріемъ и не вдаваясь въ самоизмышленіе въ угоду своимъ склонностямъ, въ учительствѣ долженъ соблюдать чистому православія, степенность, неповрежденность, всегда и вездѣ предлагать слово здравое, незазорное, и быть готовымъ, съ разсужденіемъ, основаннымъ на православной истинѣ, отвѣчать всякому вопрошающему о христіанской вѣрѣ и жизни. Ничто такъ не унижаетъ пастыря въ глазахъ прихожанъ, ничто на столько не отнимаетъ у него довѣрія, какъ неумѣнье его давать надлежащіе отвѣты вопрошающимъ. Неправильное объясненіе христіанской истины, неразсудительный отвѣтъ вопрошающему, недостаточно ясное и опредѣленное наставленіе, котораго требуетъ пасомый на тотъ или иной случай обыденной жизни, сразу могутъ поставить пастыря въ средѣ паствы въ ложное положеніе. Пастырю всегда надобно имѣть въ виду, что простой народъ смотритъ на него, какъ на религіозно-нравственнаго оракула, призваннаго давать правильные отвѣты на всякій вопросъ вопрошающаго. И бѣда пастырю, если отвѣты его будутъ поставляться на

непрочныхъ основаніяхъ! Въ томъ случаѣ, когда онъ не знаетъ, что отвѣчать на вопросъ пасомаго, лучше не давать положительнаго отвѣта до времени, пока онъ не разсудитъ, что отвѣчать вопрошающему.

Понятно отсюда, что пастырю предстоитъ настоятельная необходимость не только постоянно готовиться къ произнесенію церковнаго слова, но и постоянно изучать Слово Божіе, по руководству отцовъ и учителей Церкви, запасаться примѣрами и фактами изъ жизни святыхъ, которыми (примѣрами) часто лучше, чѣмъ логическими опредѣленіями можно выяснить тѣ или иныя христіанскія истины, и изучать христіанскую жизнь на себѣ самомъ. Теоретическое знаніе, безъ практическаго примѣненія—мертвое дѣло, мало полезное и для себя и для другихъ, потому что христіанская православная вѣра есть не только дѣла ума, но и сердца и воли, или лучше сказать, она есть жизнь, и даже—полнота жизни.

Нельзя поэтому не сожалѣть о томъ печальномъ явленіи, что многіе изъ пастырей, даже и въ настоящее требовательное время, остаются съ тѣми юношескими познаніями, которыя получили они въ семинаріи, не заботясь самодѣятельностью пополнять и разширять этотъ сравнительно скудный запасъ умственно-нравственнаго капитала, который, къ тому же оставаясь въ пренебреженіи, и самъ ржавѣетъ и теряетъ свою цѣнность; такъ что въ концѣ концовъ у пастыря, прожившаго въ приходѣ нѣсколько лѣтъ, ничего не остается кромѣ пастырскаго престижа, въ силу котораго онъ только собираетъ скудную волну съ овецъ, нисколько не заботясь объ ихъ религіозно-нравственномъ состояніи. И вотъ свѣтильники, поставленные на подсвѣчникѣ, чтобы свѣтить всѣмъ, сами собою гаснутъ, при содѣйствіи даже легкаго вѣтерка, и перестаютъ свѣтить не только для другихъ, но и для себя самихъ. И ходятъ во тьмѣ не только ихъ пасомые, но и сами они, потому что и тотъ малый свѣтъ, который

когда-то былъ въ нихъ, заволокся тьмою, какъ заволакивается свѣтъ солнца или луны черною тучею. Какой же можетъ быть авторитетъ у этихъ пастырей?! Кто станетъ довѣрять имъ? Кто станетъ слушать ихъ? Да и въ чемъ слушать ихъ, когда сами они ничего не только не разумѣютъ, но и разумѣть-то не хотятъ?! А между тѣмъ они-то больше всѣхъ и кричатъ, что народъ нашъ ничего не разумѣетъ, да и разумѣть-то не можетъ; что онъ вовсе не слушаетъ своихъ пастырей, да и слушать-то не хочетъ и т. п.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Уставный колокольный звонъ.

Немногіе изъ нашихъ пономарей или звонарей знаютъ правила „Устава“ относительно звона; сами священники не обращаютъ вниманія, какъ въ ихъ приходѣ совершается звонъ, очевидно, считая это не стоющимъ ихъ вниманія... Потому большею частію и въ городскихъ и сельскихъ приходахъ звонятъ, какъ нравится звонящему; при этомъ, понятно, не узнаешь, зачѣмъ звонятъ,—благовѣстятъ ли на литургію или бьютъ въ набатъ, провожаютъ ли звономъ покойника или звонятъ послѣ панихиды и т. д. Между тѣмъ Уставомъ и установившеюся практикою опредѣляется особый родъ и способъ звона, смотря по роду церковныхъ службъ и виду священнодѣйствій.

Важнѣйшія и существенныя указанія относительно звона прежде всего имѣются въ *Уставѣ церковномъ*. Такъ о малой вечернѣ здѣсь говорится: „прежде захожденія солнечнаго приходитъ параекклисіархъ (т. е. пономарь) и вземъ благословеніе у предстоятеля (священника) клеплетъ *въ малый кампанъ*“, т. е. звонитъ въ малый колоколъ. Къ великой вечернѣ полагается „ударять сначала въ *великій кампанъ* и

притомъ *не скоро,* поя непорочны (т. е. каѳизму семнадцатую: „Блаженни непорочніи въ путь ходящіи"), или глаголя псаломъ пятидесятый тихо 12-ть" (т. е. двѣнадцать разъ). И потомъ, приготовивши все въ церкви, „паки изшедъ, клеплетъ во вся кампаны", т. е. звонитъ во всѣ звоны, трезвонитъ. Такой же звонъ полагается по Уставу и предъ великою утренею, когда она совершается въ самый день воскресный или праздничный утромъ, не соединяясь съ вечернею въ качествѣ всенощнаго бдѣнія. Подобнаго рода указанія находимъ въ *Уставѣ* и о томъ, „о еже како подобаетъ знаменати на всякъ день", т. е. какъ звонить въ будніе дни: „предъ вечеромъ *мало* знаменуетъ кандиловжигатель въ кампанъ; во утріе же знаменуетъ въ малый кампанъ *рѣдкимъ удареніемъ* на многъ часъ; по скончаніи же полунощницы клеплетъ въ кампаны, ударяетъ же тяжкимъ удареніемъ рѣдко, слико рещи псаломъ пятидесятый весь" и т. д. При этомъ у насъ принято различать *простой* будничный звонъ отъ такъ называемаго *полиелейнаго,* долженствующаго совершаться по Уставу „въ день праздника святому съ полиелеемъ и въ предпразднество и попразднество, когда звонъ полагается *полиелейный* полонъ и съ нимъ трезвонъ во вся, кромѣ большаго колокола". За симъ слѣдуетъ указаніе о праздникахъ, какъ и когда звонить на Рождество Христово и на Богоявленіе 1) на царскіе часы: „въ началѣ втораго (по нашему 9-го часа утра) знаменуетъ въ кампанъ"; 2) на литургію въ навечеріе этихъ праздниковъ: „при часѣ седьмомъ (1-мъ по полудни) ударяетъ въ великій кампанъ и во вся тяжкая"; 3) на всепощное бдѣніе: „о десятомъ часѣ нощи (4-мъ по полуночи) бываетъ благовѣстъ, и потомъ трезвонъ во вся кампаны" и т. д. Есть указанія въ *Уставѣ* и на счетъ Великаго поста, какъ „въ понедѣльникъ первыя седмицы должно знаменать ко свѣту коснѣе вечерняго ради утѣшенія", на полунощницу и утреню; какъ „при часѣ третьемъ (по

нашему 7-мъ утра) ударяетъ кандиловжигатель въ било и великое древо“ на часы и вечерню; какъ „свѣщевжигатель о девятомъ часѣ (3-мъ по полудни) біетъ въ било 12 разъ“ на повечеріи и т. д. Подобныя сему указанія имѣются о звонѣ въ четвертокъ и субботу пятой недѣли Великаго поста по случаю Андреева стоянія (или поклоновъ) и чтенія несѣдальныхъ или акаѳиста,—и потомъ во всю Страстную седмицу и въ частности о благовѣстѣ въ Великій четвертокъ на литургію и на послѣдованіе Страстей Христовыхъ, въ Великую пятницу—на царскіе часы и на вечерню, въ Великую субботу на утреню и литургію и т. д. Наконецъ о праздникѣ Пасхи полагается: 1) на утрени: „объ часѣ утреннемъ параекклисіархъ, вземъ благословеніе у настоятеля, исходитъ и ударяетъ въ великое и клеплетъ довольно, и вшедъ во храмъ, возжигаетъ свѣщы вся и кандила“ и т. д... И исходитъ настоятель со іереи въ притворъ, поюще стихиру: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе...,* таже ударяютъ во вся кампаны и тяжкая и клеплютъ довольно“; 2) на литургіи, во время чтенія Евангелія: „и на всякомъ возгласѣ или статіи Евангелія ударяютъ въ церкви поединощи въ кандію, параекклисіархъ же внѣ церкве въ великое било и въ великій кампанъ; на послѣднемъ же возгласѣ ударяютъ въ вся кампаны“; 3) на вечернѣ Пасхи въ понедѣльникъ Свѣтлый на утреню: „прежде начала вжигаетъ кандила и свѣщи параекклисіархъ; таже клеплетъ въ великій кампанъ и въ прочія“ и т. д.

Сводя все изложенное вмѣстѣ, пономари или прислуживающіе обязаны прежде всего различать три или точнѣе сказать четыре главныхъ вида звона къ богослуженію: 1) простой *будничный,* 2) *полиелейный,* 3) *воскресный и праздничный вообще,* и 4) особенно торжественный *для великихъ праздниковъ,* напр., Рождества Христова, Пасхи и т. п. Съ этою цѣлію при нашихъ церквахъ вообще на колокольнѣ

полагается никакъ не менѣе четырехъ колоколовъ, а въ большинствѣ случаевъ число ихъ доходитъ до шести и восьми, и между ними спеціально различаются *праздничный* колоколъ, воскресный *поліелейный, простодневный* и *малый.* Соотвѣтственно этому благовѣстъ въ будничные дни долженъ быть по возможности простъ, и, смотря по тому, гдѣ, какъ принято, таковой или ограничивается благовѣстомъ въ одинъ— простодневный колоколъ (какъ напр. въ Кіевѣ и вообще въ предѣлахъ юго-западнаго края Россіи) ко всѣмъ службамъ, или же (какъ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества) благовѣстъ въ простодневный колоколъ къ вечернѣ, утренѣ и литургіи сопровождается трезвономъ въ *малые колокола,* а если въ седмичные дни случается служба съ великимъ славословіемъ, то трезвонъ бываетъ въ простодневный колоколъ (въ который былъ благовѣстъ) и въ слѣдующіе за нимъ малые колокола. Такого же рода звонъ долженъ быть и въ будніе дни Великаго поста [1]), за исключеніемъ преждеосвященной литургіи, на которую обыкновенно совершается трезвонъ и въ поліелейный колоколъ. Что до колокола *поліелейнаго,* то кромѣ поліелейныхъ дней, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принято также благовѣстить въ оный и по субботамъ, отъ чего между прочимъ колоколъ сей, напр., на юго-западѣ Россіи такъ и именуется *субботникомъ,* т. е. субботнимъ колоколомъ. Само собою разумѣется, что гдѣ колоколовъ мало, этотъ субботникъ долженъ замѣнять собою и простодневный и поліелейный и т. д. Въ воскресные и праздничные дни, когда всенощное бдѣніе предваряется *малою вечернею,* звонъ на нее бываетъ въ малый по порядку колоколовъ и трезвонъ въ два, именно въ тотъ, въ который былъ звонъ, и въ слѣдующій

---

[1]) Въ будніе дни св. Четыредесятницы предъ вечернею и утренею бываетъ трезвонъ въ два малые колокола и при томъ медленно—косно. *Ред.*

меньшій. Затѣмъ къ праздничному и воскресному всенощному бдѣнію, или отдѣльно къ вечернѣ и утренѣ, и потомъ къ литургіи благовѣстъ долженъ быть прежде въ большой колоколъ и потомъ трезвонъ *во вся*. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ звонъ въ большой колоколъ долженъ употребляться по усмотрѣнію и указанію настоятеля, смотря по тому, на сколько торжественно должно быть совершаемо то или другое богослуженіе. О звонѣ въ великіе праздники въ Уставѣ ясно говорится, что таковой долженъ быть *во вся кампаны и во вся тяжкая*, т. е. елико возможно, самый торжественный, громогласный, что называется, захватывающій душу, чтобы всякій, слыша его, сознавалъ и чувствовалъ, что дѣйствительно наступаетъ или идетъ великій праздникъ и радовался, и торжествовалъ съ Церковію о Господѣ. Что касается въ частности *билъ или кандій*, упоминаемыхъ въ Уставѣ, то таковыя въ настоящее время у насъ въ Россіи имѣются только въ древнѣйшихъ монастыряхъ и тамъ употребляются соотвѣтственно своему назначенію. Во всѣхъ остальныхъ церквахъ и обителяхъ, тамъ, гдѣ полагается ударять въ било или кандію, слѣдуетъ звонить въ колокола, по преимуществу въ малый или поліелейный, гдѣ какъ принято.

Указывая, когда совершать малый благовѣстъ, когда поліелейный и когда праздничный и торжественный, наша Церковь заботится также и о томъ, чтобы опредѣлить самую *мѣру* звона или *продолжительность* его сообразно характеру богослуженія и т. д. Такимъ образомъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, по Уставу, полагается звонить въ великій колоколъ *не скоро, поя непорочны, или глаголя псаломъ пятидесятый двънадцать разъ*. Это значитъ, что во всѣ воскресные и праздничные дни звонари или вообще прислуживающіе въ церкви обязаны звонить въ одинъ колоколъ столько времени, сколько необходимо для произнесенія семнадцатой каѳизмы, при чемъ сообразно раздѣленію

ея на *три славы,* и самый звонъ долженъ совершаться три раза, на каждую *славу* отдѣльно. Если же звонящій не знаетъ наизусть семнадцатой каѳизмы, то онъ долженъ звонить такимъ образомъ, чтобы за первымъ разомъ прочитать „*Помилуй мя, Боже*“, четыре раза, за вторымъ—четыре и за третьимъ—четыре, всего двѣнадцать разъ. Что до трезвона, то лучшимъ руководствомъ для исполненія его въ обыкновенныхъ случаяхъ можетъ быть указаніе того же Устава, что трезвонъ этого рода долженъ совершаться *тяжкимъ удареніемъ рѣдко, елико рещи псаломъ пятидесятый весь,* т. е. трезвонить нужно столько, сколько потребуется времени на однократное чтеніе: *Помилуй мя, Боже,* при чемъ, разумѣется само собою, что какъ трезвонъ, подобно благовѣсту въ одинъ колоколъ, долженъ быть три раза, то всякій разъ должно продолжать его отъ начала до конца пятидесятаго псалма, читая таковый по порядку три раза по указанному. Въ будніе дни такой порядокъ можетъ быть сокращаемъ примѣрно такимъ образомъ, что ударять въ одинъ колоколъ можно, прочитывая: *Помилуй мя, Боже* вмѣсто четырехъ разъ, по одному,—а на трезвонъ, вмѣсто *Помилуй мя, Боже,* читая символъ вѣры или: *Вѣрую,* или, какъ дѣлаютъ старинные звонари, по три раза: *Отче нашъ* и т. д. Напротивъ того въ высокоторжественные праздники звонъ долженъ быть по возможности продолжительный какъ въ одинъ колоколъ, такъ и во вся; *клеплетъ довольно,* сказано въ Уставѣ [1]), при чемъ самая продолжительность благовѣста должна быть разсчитана на то, чтобы собрать въ церковь, сколько можно болѣе народа ради торжества и съ другой стороны дать прихожанамъ собраться въ храмъ Божій безъ торопливости, чтобы каждый пришелъ сюда съ спокойною душею и сосредоточен-

---

[1]) По указу 1722 г. дек. 14 къ вечернямъ, заутренямъ и литургіямъ должно звонить умѣренно безъ всякаго излишества. *Ред.*

ною мыслію, и въ праздничномъ настроеніи въ собственномъ смыслѣ этого слова [1]). Нечего и говорить, конечно, что въ исключительныхъ случаяхъ продолжительность звона должна зависѣть и отъ настоятеля церкви, когда напр. онъ долженъ отправиться предъ службою въ приходъ для исправленія какой либо не требующей отлагательства *требы*. Тогда, согласно его распоряженію, слѣдуетъ позвонить помедленнѣе и подольше, пока онъ не возвратится въ церковь и т. д.

Извѣстно также, что опредѣляя порядокъ и образъ церковнаго звона по отношенію къ разнымъ службамъ и праздникамъ, Уставъ нашъ полагаетъ еще звонить по нѣсколько разъ *во время самыхъ службъ*, въ особенности на всенощномъ бдѣніи, на утрени и литургіи, чтобы вѣрующіе могли знать не только когда и какая служба совершается, но и что дѣлается на самой этой службѣ въ продолженіе ея отправленія. Въ виду этого на всенощномъ бдѣніи по окончаніи вечерни предъ шестопсалміемъ бываетъ звонъ во всѣ колокола въ три пріема—трезвонъ во вся. Предъ Евангеліемъ на всенощномъ бдѣніи также бываетъ трезвонъ во вся [2]). Затѣмъ на девятой пѣсни звонъ въ одинъ большой колоколъ три раза, *но ударовъ девять* [3]). Если великая утреня служится отдѣльно отъ вечерни, то на шестопсалміе трезвона не бываетъ, а только къ Евангелію и на девятую пѣснь. Благовѣстъ къ

---

[1]) Благовѣстомъ никого, кромѣ Государя Императора, не слѣдуетъ ожидать (1722 г. апр. 12 докл. Св. Синода п. 7). *Ред.*

[2]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Кіевѣ, принято на всенощномъ бдѣніи предъ чтеніемъ Евангелія ударять по нѣсколько разъ въ одинъ колоколъ—благовѣстить, хотя во 2 гл. Типикона ясно замѣчено, что на всенощномъ бдѣніи предъ чтеніемъ Евангелія долженъ быть звонъ въ кампаны. *Ред.*

[3]) Въ Уставѣ нѣтъ указаній на то, чтобы предъ 9-й или на 9-й пѣсни канона во время всенощнаго бдѣнія былъ благовѣстъ—звонъ въ одинъ колоколъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Кіевѣ, принято въ означенное время производить благовѣстъ. *Ред.*

литургіи въ воскресные и праздничные дни производитъ въ одинъ большой колоколъ. Потомъ на время часовъ онъ прекращается, и къ началу самой литургіи или точнѣе по окончаніи проскомидіи, совершается трезвонъ во вся. Засимъ полагается звонъ—благовѣстъ въ одинъ колоколъ на *достойно*, т. е. на *Достойно и праведно есть*, или на „*Вѣрую*“, смотря по тому, гдѣ какъ принято, три раза сообразно двѣнадцати членамъ символа вѣры, *но ударовъ двѣнадцать*. Къ ранней литургіи звонъ бываетъ *рѣдкій* въ одинъ большой колоколъ. Въ поліелейные и будніе дни звонъ во время службы совершается въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ праздники, за исключеніемъ одного звона на шестопсалміе [1]), только въ соотвѣтствующіе колокола по вышеуказанному. Есть еще обычай, согласно съ указаніемъ Типикона, соблюдаемый особенно въ лаврахъ и великихъ монастыряхъ, что во время служенія часовъ въ будніе дни Великаго поста на третій часъ ударяютъ въ одинъ соотвѣтствующій колоколъ *три раза*, не шестой—*шесть*, на девятый—*девять* и наконецъ къ повечерію *двѣнадцать разъ*. Такой обычай не можетъ быть обязателенъ для приходскихъ церквей. Независимо отъ сего бываетъ звонъ предъ окончаніемъ литургіи, когда непосредственно послѣ нея долженъ быть молебенъ, напр. по случаю высокоторжественныхъ или такъ называемыхъ *табельныхъ царскихъ* дней или по причинѣ храмоваго праздника и т. п. Въ этихъ случахъ звонъ начинается въ одинъ большой колоколъ большею частію около *причастна*, или во время причащенія священнодѣйствующихъ въ алтарѣ; затѣмъ сейчасъ же трезвонъ во вся—одинъ разъ, и въ заключеніе таковой же по окончаніи молебна *на многолѣтіе*, по обычаю.

---

[1]) Въ будніе дни по окончаніи полунощницы—предъ началомъ утрени полагается Уставомъ звонъ въ нѣсколько колоколовъ—трезвонъ, но предъ самымъ шестопсалміемъ такого звона не указано. *Ред.*

Предписывая звонить въ извѣстныя времена и въ извѣстномъ порядкѣ, наша Православная Церковь издревле заботится о соблюденіи также и *особеннаго характера* въ звонѣ, чтобы вѣрующіе всякій разъ, безъ затрудненія могли отличать звонъ напр. простодневный будничный отъ великопостнаго, или праздничный отъ высокоторжественнаго, и т. п. И извѣстно, что во многихъ мѣстахъ нашего отечества звонари достигаютъ въ этомъ отношеніи въ высшей степени совершеннѣйшаго искусства, особенно при такихъ монастырскихъ и соборныхъ церквахъ, при которыхъ колокола подобраны по камертону такъ, что на нихъ можно звонить не только согласно, но и на извѣстные мотивы и даже вызванивать церковныя пѣсни, и т. п. Но и въ каждомъ селѣ и всякій звонарь при маломальски осмысленномъ отношеніи къ дѣлу и при усердіи можетъ изловчиться такъ, что всякій звонъ его можетъ имѣть свой характеръ или мотивъ, напр. грустный въ Великомъ посту, веселый въ дни воскресные, громкій и торжественный въ великіе праздники и т. п. Но особенно съ этой стороны нельзя не пожелать и не требовать, чтобы звонари наши дѣлали строгое различіе въ звонѣ на службы церковныя, и на поминъ души покойниковъ, напр. послѣ панихидъ или, гдѣ водится, при перенесеніи тѣлъ усопшихъ изъ дому въ церковь для отпѣванія, или изъ церкви на кладбище. Большею частію звонъ при погребеніи покойниковъ и при панихидахъ отличается у насъ отъ обыкновеннаго церковнаго богослужебнаго только тѣмъ, что онъ совершается не въ урочное время, или, какъ въ городахъ, совершается въ нѣсколькихъ церквахъ одновременно. Между тѣмъ, если гдѣ, то въ этихъ случаяхъ не умѣстенъ „звонъ заурядный“, а тѣмъ болѣе веселый.

Что звонъ долженъ быть сообразенъ съ характеромъ церковныхъ службъ, лучшимъ сему доказательствомъ служатъ имѣющіяся у насъ постановленія о нѣкоторыхъ звонахъ,

пріуроченныхъ именно къ извѣстнымъ службамъ и характеру ихъ. Таковъ прежде всего звонъ, искони соблюдаемый въ *дни храмовыхъ праздниковъ,* къ водосвятію и крестному ходу предъ литургіей или послѣ литургіи. Въ этихъ случаяхъ бываетъ такъ называемый *переборъ* (перезвонъ): сначала ударяютъ въ большой колоколъ, читая примѣрно по одному разу: *помилуй мя Боже*, или *Вѣрую;* потомъ ударяютъ во второй, въ третій, четвертый и во всѣ остальные колокола по одному въ каждый, до конца. Съ окончаніемъ звона въ самый меньшій колоколъ, снова возвращаются къ первому и повторяютъ это столько разъ, сколько надобно, чтобы перезвонъ услышали всѣ, или сколько укажетъ настоятель, напр. до прибытія его въ церковь. Если послѣ часовъ слѣдуетъ крестный ходъ, то во время его совершается полный трезвонъ съ остановками только на время чтенія Евангелія или литійныхъ ектеній. Такой же звонъ бываетъ въ то время, когда крестный ходъ открывается послѣ литургіи. [1]) Другой видъ *особеннаго звона* употребляется у насъ во время отпѣванія покойниковъ въ церкви и при служеніи торжественныхъ „Царскихъ“ ежемѣсячныхъ и другихъ панихидъ. Звонъ этотъ также состоитъ изъ перезвона во всѣ колокола, но начинается не въ большаго, а съ самаго меньшаго или зазвоннаго колокола и переходъ до большаго по порядку, при чемъ удары въ каждый колоколъ слѣдуютъ одинъ за другимъ по одному разу въ каждый колоколъ, чрезъ промежутки, опредѣляемые напр. количествомъ времени, необходимаго для прочтенія: „*Отче нашъ*“. Когда перезвонъ въ каждый колоколъ кончится, тогда *сразу* ударяютъ одинъ

[1]) Когда совершается крестный, ходъ то сперва бываетъ благовѣстъ въ одинъ колоколъ, и затѣмъ при началѣ и во время крестнаго хода бываетъ трезвонъ. Иногда благовѣстъ предъ крестнымъ ходомъ бываетъ не въ одинъ, а въ нѣсколько колоколовъ, иначе сказать, бываетъ перезвонъ или благовѣстъ съ переборомъ. *Ред.*

разъ во вся, и потомъ опять въ меньшій колоколъ, и т. д. до конца отпѣванія или панихиды. По окончаніи ихъ полный трезвонъ во вся одинъ или три раза, смотря по обычаю. Такой же *похоронный звонъ* полагается у насъ въ Великую субботу во время пѣнія *непорочныхъ надъ плащаницею* на утрени; по окончаніи „непорочныхъ“ на *ангельскій соборъ* полный трезвонъ одинъ разъ, и затѣмъ таковой же *долгій* во время крестнаго хода съ плащаницею послѣ *Слава въ вышнихъ Богу*. Также точно полагается совершать звонъ (перезвонъ) и въ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста, когда выносится св. крестъ послѣ: *Слава въ вышнихъ Богу* и вмѣстѣ съ этимъ совершается самый *обрядъ Воздвиженія*, во все продолженіе онаго. По окончаніи воздвиженія, когда крестъ полагается на аналоѣ среди церкви для лобзанія, *полный трезвонъ*, какъ и по окончаніи панихиды. Въ день Пасхи, за исключеніемъ перваго благовѣста къ утренѣ и во все продолженіе Свѣтлой седмицы всѣ службы начинаются и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ сопровождаются *полнѣйшимъ трезвономъ*. Въ самый же первый день Пасхи на литургіи во время чтенія Евангелія также совершается звонъ во вся, короткій. Сообразно этому и во всѣхъ другихъ случаяхъ трезвонъ долженъ быть, смотря по назначенію своему, также различный; и если пономари той или другой мѣстности не знаютъ сами, что и какъ дѣлать, то они должны обязательно поучиться у лицъ болѣе или менѣе опытныхъ, особенно у звонарей нашихъ древнихъ обителей, гдѣ съ сохраненіемъ полнаго чина церковнаго, соблюдается и строгій порядокъ въ звонѣ, соотвѣтственно уставу церковному и требованіямъ извѣстныхъ обстоятельствъ и назначенія самаго звона. Настоятели же церквей не должны принимать на службу звонарей, не имѣющихъ понятія объ уставномъ колокольномъ звонѣ.

Пр. А. Х.

Письма священника къ дочери[1]).

Письмо пятое.

Ты пишешь, дочь моя, что, при дальнѣйшемъ знакомствѣ вашемъ съ прихожанами, вы все больше и больше убѣждаетесь въ той неутѣшительной истинѣ, что они весьма мало свѣдущи въ томъ, что составляетъ сущность нашей религіи; все христіанство полагаютъ только во внѣшности, въ обрядахъ, въ подвигахъ наружнаго благочестія; какъ малыя дѣти, не знаютъ, съ какимъ словомъ обратиться къ Создателю своему; не видятъ грѣха, когда грѣшатъ, и, наоборотъ, находятъ его тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Вѣрю тебѣ и сокрушаюсь сердцемъ. Самому мнѣ на опытѣ не разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что народъ нашъ бродитъ, какъ въ потемкахъ, во всемъ, что касается вѣры, не отличается высокой нравственностію, въ праздничные дни спѣшитъ скорѣе въ кабакъ, чѣмъ въ церковь, совсѣмъ не умѣетъ молиться, не понимаетъ богослуженія. Въ моемъ приходѣ было то же самое. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ священникомъ, я не мало употребилъ труда, пока научилъ моихъ чадъ духовныхъ молитвамъ, богопочитанію, пока узналъ изъ ихъ религіозныхъ вѣрованій то, что въ нихъ было языческаго и суевѣрнаго. Принесутъ бывало ребенка крестить, скажешь куму прочитать Символъ вѣры, не знаетъ. „Какія же ты знаешь молитвы?“ — „Никакихъ“. — „Какъ же ты молишься?“ — „А никакъ. Господи помилуй, да и все тутъ“. А придетъ какая нибудь баба на исповѣдь, спросишь ее: „чѣмъ грѣшна?“ Она и начинаетъ перечень своихъ грѣховъ въ слѣдующемъ родѣ: „на молодикъ глядя, не перекрестилась (въ новолуніе), въ святую пятницу пряла, на правую сторону плевала“ и т. д.

---

[1]) См. № 19-й.

А о томъ и не разсказываетъ, что въ семьѣ своей поселяетъ раздоры, что ближняго оклеветала, къ храму Божію нерадива была. Пятница у нея считается святой, прясть въ этотъ день грѣхъ, а въ день воскресный она пропускаетъ богослуженіе, занимаясь стряпней, а послѣ обѣда идетъ въ кабакъ, или за ворота на улицу пересуживать сосѣдокъ. Благихъ результатовъ я достигъ не сразу, приложилъ много терпѣнія и труда, не упуская случая дѣйствовать на моихъ прихожанъ и словомъ, и дѣломъ. Труднѣе всего мнѣ было научить ихъ молиться, но этого я достигъ различными способами. Я взялъ себѣ за правило спрашивать каждаго на исповѣди, какъ онъ молится и просилъ незнающихъ выучивать молитвы къ слѣдующей исповѣди. Не всѣ исполняли мое требованіе, но много было и такихъ, которые дѣйствительно являлись съ знаніемъ молитвъ. Затѣмъ, я требовалъ знанія молитвъ отъ кумовьевъ, а самое важное я объявилъ, что не стану вѣнчать никого изъ тѣхъ, кто не знаетъ молитвъ. Случалось, иная пара изъ зажиточныхъ крестьянъ предлагала мнѣ деньги, чтобы „откупиться отъ молитвъ“ и шла на иныя ухищренія, но я твердо стоялъ на своемъ и въ результатѣ получилось то, что мои парни и дѣвушки, въ длинные зимніе вечера, собираясь на посидѣлки, особенно передъ мясоѣдомъ, когда у нихъ главнымъ образомъ совершаются браки, занимались не пѣснями и не играми, а, залучивши къ себѣ какого нибудь знающаго человѣка, съ его словъ заучивали наизусть молитвы. Мой опытъ можетъ послужить примѣромъ и для твоего мужа. Но ты не хочешь, дитя мое, оставить его одинокимъ борцомъ въ этомъ дѣлѣ, ты и сама начинаешь принимать въ немъ живое участіе, какъ вѣрная и усердная помощница своего мужа. Это хорошо. Хорошо также, что ты обратила свое вниманіе именно на женскую половину, на дѣвочекъ: твое женское чутье подсказало тебѣ вѣрнѣйшій способъ достиженія цѣли. Это будущія матери семействъ, твои будущія

помощницы и сподвижницы въ миссіонерской дѣятельности: не мужчина, а женщина владычествуетъ въ семьѣ среди дѣтей, она передаетъ имъ то, чему сама училась, она научитъ ихъ и молиться. И какъ это кстати ты придумала приглашать ихъ къ себѣ въ домъ изъ церкви въ дни праздничные и заниматься съ ними до обѣденнаго часу! Вотъ, на мой взглядъ, самое достойное времяпрепровожденіе для жены священника въ дни, которые мы должны посвятить Богу и дѣламъ любви къ ближнему. Ты теперь, пока дѣти тебя дичатся, заманиваешь ихъ къ себѣ гостинцами, ленточками, бусами, но, повѣрь, что со временемъ онѣ рады будутъ и безъ этого бѣгать къ тебѣ—дѣти любятъ, когда взрослые съ ними занимаются. Конечно, тебѣ гораздо меньше было бы труда, если бы всѣ эти дѣвочки ходили въ школу, тогда само собой разумѣется, тамъ онѣ выучились бы и молиться; но ты пишешь, что крестьяне смотрятъ у васъ съ недовѣріемъ на обученіе женской половины и въ школѣ у васъ всего три дѣвочки. Очень прискорбно. Впрочемъ, знай, что это примѣръ не единственный; простой народъ вообще такъ смотритъ, что дѣвочкѣ слѣдуетъ заниматься только хозяйствомъ и домашними работами, ученье же для нея баловство. Да, говоря правду, давно ли и въ нашемъ даже сословіи перестали держаться этого взгляда, чего же ждать отъ простолюдина? Слѣдовало бы отыскать средства помочь этому горю и искоренить предразсудокъ. Не могла ли бы ты, напр., этихъ самыхъ дѣвочекъ, съ которыми ты уже познакомилась, залучить въ школу, пообѣщавши ихъ матерямъ научить ихъ шитью и различнымъ интереснымъ для крестьянокъ рукодѣліямъ? Мнѣ кажется, это большой и важный недостатокъ въ нашихъ сельскихъ школахъ, что въ нихъ для дѣвочекъ не отводится часовъ для занятій рукодѣліемъ. Положимъ, это даже не мыслимо тамъ, гдѣ съ дѣтьми занимается учитель, но и учительницы упускаютъ изъ вниманія этотъ на самомъ

дѣлѣ весьма важный для дѣвочекъ предметъ. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ нѣтъ учительницы, какъ въ вашей, могла бы явиться на помощь учителю жена священника. Удѣлить для школы всякій день одинъ только часъ не составитъ, конечно, большаго для тебя труда. О, нѣтъ! Труда ты не боишься, дитя мое, наоборотъ. Я живо представляю себѣ, съ какою радостію подхватишь ты мою мысль и съ какимъ рвеніемъ примешься за ея выполненіе! Въ самомъ дѣлѣ матери этихъ дѣвочекъ въ концѣ концовъ останутся совершенно довольными. Занимаясь пряжей, выдѣлкой полотна, земляными работами, наши крестьянки совсѣмъ не умѣютъ владѣть иголкой. Присмотрись къ ихъ шитью, стежки грубыхъ нитокъ такъ и бросаются въ глаза, и не всякая изъ нихъ сумѣетъ скроить себѣ рубашку, передникъ, чепецъ—это искусство не многимъ знакомо въ селахъ. Я помню, къ твоей матери крестьянки часто обращались съ просьбою помочь имъ въ этого рода дѣлахъ, обращались и къ дьячихѣ, и къ пономарихѣ, а если что позатѣйливѣе, то и къ портному. Разумѣется, онѣ не могутъ не чувствовать пробѣла въ знаніяхъ по части этого рода работъ и, если онѣ узнаютъ, что въ школѣ ихъ дѣвочки обучаются тому, въ чемъ онѣ впослѣдствіи дома могутъ оказать помощь, то онѣ легко согласятся и съ тѣмъ, что въ школахъ онѣ не совсѣмъ даромъ тратятъ свое время, и охотно станутъ отпускать ихъ на ученье. Крестьянки также падки до всякаго рода вышиваній, молодыя изъ нихъ считаютъ даже обязательнымъ для себя имѣть вышитые рукава въ рубашкахъ, и передники вышиваютъ, и ворота мужскихъ рубахъ; разукрашенныя всевозможными узорами полотенца просто считаютъ своею гордостію, убираютъ ими стѣны избъ, образа; но почти всѣ свои вышивки крестьянки заказываютъ особымъ деревенскимъ мастерицамъ, на что тратятъ не малыя деньги, сами же не умѣютъ состряпать простѣйшаго узора. Ты, дочь моя, большая искусница въ этихъ работахъ и

имѣешь массу всевозможныхъ узоровъ. Если ты станешь обучать дѣвочекъ вышиванію въ школѣ и снабжать ихъ своими узорами и нѣкоторымъ необходимымъ для этого матеріаломъ, который совсѣмъ не дорого стоитъ, но трудно добываемъ въ деревнѣ, то это тоже можетъ служить имъ хорошей приманкой для посѣщенія школы. А тамъ уже и ты, и твой мужъ будете имѣть полную возможность, собравши всѣхъ дѣтей воедино, назидать ихъ, учить ихъ и молитвамъ, и правиламъ вѣры благочестія, и доброй нравственности, искоренять суевѣрія. Возьмите въ руки молодыхъ. Стариковъ передѣлывать трудно, но въ дѣтяхъ ихъ вы можете положить прочную закваску добра, которое не изсякнетъ, но отразится и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Прощай, дитя мое! Да коренится и въ твоемъ сердцѣ всякое добро на пользу ближнему! И да поможетъ тебѣ Господь Богъ и укрѣпитъ твои силы, ибо то, чѣмъ ты теперь занята и чѣмъ я тебѣ совѣтовалъ заняться, есть только малая толика того великаго дѣла, которое должна понести жена сельскаго священника.

Средство чистить серебряные предметы.

Чѣмъ ниже сортъ серебра, тѣмъ скорѣе оно тускнѣетъ. Слѣдующимъ образомъ уничтожаютъ образовавшіяся на немъ мѣдныя пятна: на широкую жаровню, наполненную горящими угольями, накладываютъ рѣшетку. Рѣшетка должна находиться близко къ огню, но не настолько, чтобы уголья выступали черезъ нее: отъ слишкомъ близкаго соприкосновенія съ огнемъ малые предметы могутъ расплавиться. Пока въ жаровнѣ разводятъ огонь, приготовляютъ двѣ миски, наполненныя водою въ количествѣ достаточномъ, чтобы очищаемый предметъ могъ въ ней совершенно погрузиться. Одну

изъ мисокъ, обязательно глазуренную, наполняютъ водою съ примѣсью сѣрной кислоты въ размѣрѣ 1/2 зол. на 8 лотовъ воды. Другую миску наполняютъ простой водой.

Когда огонь въ жаровнѣ хорошо разведенъ, на рѣшетку кладутъ очищаемый предметъ и оставляютъ его тамъ до тѣхъ поръ, пока видимая поверхность его не пріймегъ черноватаго оттѣнка. Тогда его снимаютъ съ рѣшетки и, нѣсколько минутъ спустя, бросаютъ въ воду, содержащую кислоту; погруженный предметъ тотчасъ же получаетъ бѣлый матовый цвѣтъ. Послѣ того его опускаютъ въ простую воду, затѣмъ вытираютъ до суха кускомъ чистаго, мягкаго полотна. Если предметъ окажется не достаточно чистымъ, это означаетъ, что онъ былъ опущенъ въ кислоту, имѣя слишкомъ высокую температуру. Въ такомъ случаѣ очистку производятъ наново, при этомъ предметъ полощутъ предварительно хорошо три или четыре раза, чтобы уничтожить на немъ всякіе слѣды кислоты. Матовый цвѣтъ на предметахъ уничтожаютъ, натирая ихъ слегка мягкой щеточкой, посыпанной мелкимъ мѣломъ, послѣ чего предметъ омываютъ и сушатъ, какъ указано выше. Для очистки чашъ лучше употреблять слѣдующее средство: кипятятъ 8 золотниковъ кремортартары, 4 золотника морской соли, 4 золотника пережженныхъ квасцовъ въ порошкѣ, 1/3 кружки воды. Въ полученный растворъ погружаютъ серебряную вещь и кипятятъ его еще минутъ пять. Послѣ того вещь омываютъ нѣсколько разъ, осушаютъ и вытираютъ замшей.

Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

О доставленіи благочинными сведѣній о поступившихъ въ военную службу псаломщикахъ. Пензенская духовная консисторія вмѣняетъ въ обязанность о.о. благочиннымъ епархіи доставить

безотлагательно свѣдѣнія о поступившихъ въ настоящемъ году псаломщикахъ въ военную службу, равнымъ образомъ и на будущее время неопустительно доставлять таковыя свѣдѣнія епархіальному преосвященному.

Порядокъ выдачи постояннаго пособія лицамъ, состоящимъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Могилевская духовная консисторія предписываетъ о.о. благочиннымъ соблюдать точно и неуклонно слѣдующій порядокъ при выдачѣ высылаемаго изъ консисторіи пожизненнаго пособія лицамъ, состоящимъ въ духовномъ вѣдомствѣ: благочинный, предварительно выдачи денегъ, долженъ удостовѣриться въ томъ 1), что лицо, для передачи которому высланы деньги, находится въ живыхъ; 2) что явившееся за полученіемъ пособія лицо есть именно то самое, для котораго высланы деньги; если же пособіе выдается по довѣренности, то выдача денегъ можетъ быть произведена въ такомъ лишь случаѣ, если доказана самоличность предъявителя довѣренности и подлинность самой довѣренности, и 3) если лицо, для котораго выслано пособіе, не потеряло права на полученіе таковаго (выходомъ въ замужество, выздоровленіемъ, если пособіе назначено было до выздоровленія, совершеннолѣтіемъ, принятіемъ на казенное содержаніе въ учебное заведеніе, поступленіемъ на государственную службу и проч.). При опредѣленіи правъ того или иного лица на полученіе постояннаго пособія, благочинный, если бы ему было даже не извѣстно постановленное Св. Синодомъ условіе, при существованіи котораго данное лицо имѣетъ право на полученіе означеннаго пособія, долженъ руководствоваться указаніями общ. пенс. Устава и врем. правилъ о пенс. и пособ. дух. вѣд., а также и другими обнародованными и дѣйствующими распоряженіями правительства, т. е. вообще закономъ, невѣдѣніемъ котораго, на основаніи 62 ст. т. I ч. I св. зак. изд. 1857 г., никто не можетъ отговариваться. Затѣмъ, въ случаѣ какихъ либо сомнѣній или недоразумѣній, въ разрѣшеніе которыхъ не имѣется указанія въ законѣ, благочинный долженъ обращаться за разъясненіями въ консисторію, куда также долженъ возвращать немедленно суммы, не выданныя вслѣдствіе потери тѣми или другими лицами права на полученіе пожизненнаго пособія.

Въ какомъ видѣ должны быть представляемы бумаги епархіальному начальству. Черниговское епархіальное начальство подтверждаетъ духовенству епархіи, чтобы бумаги, представляемыя

преосвященному и въ консисторію, были писаны почеркомъ разборчивымъ, удобнымъ для чтенія, и чтобы въ одну и ту же бумагу не включались разнородные предметы, а о каждомъ отдѣльномъ предметѣ подавалась бы и отдѣльная бумага.

При какихъ условіяхъ діаконъ можетъ пользоваться правами и преимуществами штатнаго діакона. Одинъ изъ псаломщиковъ Оренбургской епархіи, посвященный въ діаконскій санъ съ обязательствомъ открыть церковно-приходскую школу, обратился съ жалобой на мѣстнаго священника за невыдачу ему изъ братскихъ доходовъ части, причитающейся на долю штатнаго діакона. На жалобѣ этой Оренбургскимъ преосвященнымъ положена и объявляется къ свѣдѣнію духовенства епархіи слѣдующая резолюція: діаконъ тогда только можетъ вступить въ права и преимущества штатнаго діакона, когда выполнитъ условіе, подъ которымъ онъ опредѣленъ, именно—когда будетъ заведена имъ церковно—приходская школа, и онъ, по свидѣтельству благочиннаго, покажетъ хорошія свои педагогическія способности. До тѣхъ же поръ діаконъ долженъ состоять на вакансіи псаломщика и проходить всѣ труды наравнѣ съ своими товарищами.

О томъ, чтобы священники не отвлекали безъ нужды діаконовъ и псаломщиковъ учителей для совершенія требъ. Донскимъ преосвященнымъ сдѣлано распоряженіе, чтобы священники не отвлекали псаломщиковъ и діаконовъ учителей отъ занятій въ школѣ для совершенія требъ, если представляется къ тому полная возможность.

Объ обученіи дѣтей молитвамъ и заповѣдямъ. Оренбургскій преосвященный предлагаетъ консисторіи мѣстной предписать чрезъ благочинныхъ всѣмъ священникамъ епархіи, чтобы они занялись съ пастырскимъ усердіемъ обученіемъ малолѣтнихъ дѣтей молитвамъ и заповѣдямъ Божіимъ. Обучать они могутъ изустно; помогать священникамъ при дословномъ заучиваніи дѣтьми молитвъ и заповѣдей могутъ діаконы и псаломщики, которыхъ строго обязать этому труду.

Средство къ образованію церковно—приходскихъ библіотекъ. Тотъ же преосвященный предлагаетъ консисторіи предписать всѣмъ благочиннымъ, чтобы они вмѣстѣ съ мѣстными священниками расположили повсюду всѣхъ прихожанъ жертвовать по одной копѣйкѣ съ души въ годъ на церковно-приходскую библіотеку и въ своихъ

годичныхъ донесеніяхъ обстоятельно показывали бы, гдѣ и какъ образуются такія церковно-приходскія библіотеки.

Мѣры къ благоустройству церковныхъ хоровъ. Тотъ же преосвященный, желая разъ навсегда положить конецъ разстройству въ городскихъ церковныхъ хорахъ, происходящему вслѣдствіе того, что часто пѣвчіе, никого не предупредивъ заранѣе, переходятъ изъ одного хора въ другой, гдѣ имъ обѣщаютъ большее вознагражденіе, предлагаетъ консисторіи строго предписать чрезъ градскаго благочиннаго всѣмъ церковнымъ старостамъ и регентамъ Оренбургскихъ церковныхъ хоровъ, назначить однообразный окладъ жалованья всѣмъ пѣвчимъ поголосно такъ, чтобы имѣющій голосъ *баса* получалъ во всякомъ хорѣ одно и то же жалованье, также и имѣющіе голосъ *тенора*, *дисканта и альта* повсюду въ городскихъ церквахъ получали бы одинаковое, соотвѣтственное ихъ достоинству, денежное вознагражденіе. Священникамъ и особенно о. благочинному вмѣнить въ обязанность наблюдать строго за исполненіемъ этого предписанія.

Къ рѣшенію вопросовъ изъ пастырской практики.

1) *Гдѣ долженъ стоять священникъ при чтеніи разрѣшительной молитвы надъ умершимъ: стоять ли у головы покойника, или же у ногъ его?*

Вопрошающаго о. А—а Л—ва, священника С—аго женскаго монастыря просимъ обратить вниманіе на текстъ разрѣшительныхъ молитвъ, читаемыхъ надъ умершими. При отпѣваніи взрослыхъ покойниковъ читается разрѣшительная молитва, изложенная не въ просительной формѣ, обращенная не къ Богу, а къ почившему: »*да сотворитъ чрезъ мене смиреннаго прощеніе и сіе по духу чадо* N *отъ всѣхъ*« и проч.; при отпѣваніи же младенцевъ читается молитва, выраженная въ формѣ просительной и обращенная прямо къ Богу: »*Ты самъ, Владыко Христе, душу раба твоего младенца* N *пріими съ миромъ*«. Такимъ образомъ изъ самаго содержанія и характера той и другой молитвы видно, что первую священникъ долженъ читать стоя у ногъ покойника или на сторонѣ подлѣ гроба и обратившись лицомъ къ почившему, а вторую—слѣдуетъ читать стоя у головы младенца и обратившись лицомъ къ алтарю, такъ какъ было бы неприлично читать ее, стоя спиною къ праху младенца.

2) *При провожаніи покойниковъ на кладбище кто долженъ предносить св. икону: священникъ или кто либо другой?*

Прежде всего вопрошающему о. А—у Л—ву, священнику С—аго женскаго монастыря нужно сказать, что только въ сѣверо-восточныхъ епархіяхъ принято и, кажется, безъ достаточныхъ основаній при проводѣ покойниковъ предносить ту или другую небольшую икону изъ числа принадлежащихъ дому или семейству почившихъ; въ юго-западныхъ же епархіяхъ (Кіевской и другихъ смежныхъ съ нею) согласно, съ древнею практикою русской Церкви (см. въ Больш. Требн. Петра Могилы рисунокъ въ началѣ »послѣдованія погребенія тѣлъ мірскихъ человѣкъ«, а также Дѣяній Больш. Московскаго соб. гл. 2 п. 33), обыкновенно *при* проводѣ покойниковъ на кладбище предносится большой крестъ, принадлежащій церкви и предназначенный для погребальныхъ процессій. Теперь переходимъ къ самому рѣшенію предложеннаго о. А—омъ Л—вымъ вопроса о томъ, кто долженъ нести св. икону при проводѣ покойниковъ на кладбище. Въ сѣверо-восточныхъ епархіяхъ при провожаніи покойниковъ на кладбище св. икона предносится кѣмъ либо изъ мірянъ, преимущественно кѣмъ либо изъ малолѣтнихъ родственниковъ ихъ, а священникъ сопровождаетъ покойниковъ обыкновенно съ одною кадильницею въ правой рукѣ; въ юго-западныхъ же губерніяхъ—большой крестъ предносится кѣмъ либо изъ взрослыхъ мірянъ, а священникъ сопровождаетъ съ горящею свѣчею въ правой рукѣ и съ небольшимъ крестомъ въ лѣвой или, за отсутствіемъ діакона, съ кадильницею въ правой и горящею свѣчею въ лѣвой рукѣ, что также находитъ для себя оправданіе въ древне-русской практикѣ церковной (см. тамъ же рисунокъ въ Требникѣ Петра Могилы, на которомъ изображены, между прочимъ, два іерея, участвующіе въ погребальной процессіи, и каждый изъ нихъ представленъ съ горящею свѣчею въ правой рукѣ и съ небольшимъ крестомъ—въ лѣвой). **З.**

Отъ Кіевск. Комит. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 5 мая 1888 г.
Цензоръ прот. *М. Богдановъ*.
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 21.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Мая 22-го.

Содержаніе: Учтивость и привѣтливость пастыря въ обращеніи съ прихожанами.—Пастырскій авторитетъ.—Изъ дневника любителя церковнаго пѣнія.—Письма священника къ дочери.—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.—Вопросъ изъ богослужебной практики.

Учтивость и привѣтливость пастыря въ обращеніи съ прихожанами.

Каждый изъ насъ еще изъ родительскихъ и школьныхъ уроковъ отлично знаетъ, что такое учтивость и привѣтливость, какъ онѣ прекрасны и достохвальны, какъ нужны и важны каждому возрасту, во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ, а наипаче въ духовномъ званіи,—пастырямъ Церкви и учителямъ народа. Тѣмъ не менѣе, какъ прежде, такъ равно и нынѣ не перестаютъ предъявлять нравственному характеру и служебному поведенію нашего православнаго духовенства, въ обхожденіи его съ пасомыми, такія укоризны, какія какъ разъ исключаютъ въ немъ обладаніе добродѣтелями учтивости и привѣтливости. При этомъ въ современныхъ укоризнахъ духовенству и въ частности—молодому и еще частнѣе—го-

родскому и ученому нельзя не замѣтить характерной особенности, которая является интереснымъ знаменіемъ времени въ нашей народно-религіозной жизни. Нынѣ на учтиво-привѣтливое обращеніе пастырей съ пасомыми начинаетъ заявлять права и претензіи народная масса,—простые и низшіе классы паствъ. Такъ что въ наше новое время пастырямъ положительно не возможно практиковать такого обращенія съ народомъ, какое позволительно было въ старое доброе время для отцовъ и дѣдовъ нашихъ. Пріемъ мужичка священникомъ около сѣней или въ сѣняхъ уже не нравится народу, и считается выраженіемъ недостаточной учтивости пастыря къ крестьянину, а градскіе мѣщане не довольны и передней пастыря и дѣлаютъ шагъ-другой въ гостинную. Крещеніе крестьянскаго ребенка на кухнѣ священника, гдѣ телята, поросята и всякая живность огорчаетъ, и справедливо невзыскательныхъ изъ крестьянъ... Надменный взглядъ, пренебрежительный тонъ, сухая рѣчь священника, холодное, безучастливое отношеніе—считаются въ народѣ обидными, и такого батюшку масса въ одинъ голосъ называетъ „паномъ“, что равносильно на языкѣ народа тому, что батюшка не уважителенъ и не ласковъ, а гордъ, высокъ для нихъ и далекъ отъ нихъ, не хочетъ-де насъ, бѣдныхъ людей, знать, а потому, говорятъ, и намъ не стоитъ его „поважать“... Городскіе прихожане на неучтивое и непривѣтливое обращеніе съ ними пастырей отвѣчаютъ не только холодностью къ приходскому пастырю, но и къ храму приходскому: разбредаются по монастырямъ и сосѣднимъ церквамъ, не подаютъ на проскомидіи, не заказываютъ молебновъ и панихидъ въ своемъ храмѣ и т. п. О рѣзкости въ тонѣ рѣчи, или о бранчивости и строптивости пастыря въ обращеніи его съ народомъ и говорить нечего,—нынѣ народъ не задумается отвѣтить тѣмъ же, такъ что на всякое неучтивое и непривѣтливое дѣйствіе свое въ отношеніи пасомыхъ пастырь долженъ быть нынѣ готовымъ встрѣ-

тить противодѣйствіе и отпоръ со стороны послѣднихъ, что ведетъ къ разрушенію добрыхъ отношеній между пастыремъ и паствой. Такъ что старый для каждаго изъ насъ вопросъ объ учтивости и привѣтливости имѣетъ въ наше время живой, современный интересъ для пастырей, а потому размышленіе о серьезномъ значеніи пастырской учтивости и привѣтливости,—о современной роли и о сферѣ примѣнимости этихъ добродѣтелей въ пастырской жизнедѣятельности считаемъ далеко небезполезнымъ и вполнѣ благовременнымъ. Кстати этотъ вопросъ о пастырской учтивости и привѣтливости въ обращеніи съ прихожанами совсѣмъ замалчивается въ нашихъ спеціальныхъ пастырски-практическихъ руководствахъ.

Нѣтъ надобности много говорить о важномъ значеніи учтивости и привѣтливости въ пастырской жизнедѣятельности,—это каждому ясно и само по себѣ и изъ наблюденій и опытовъ жизни. Чтобы установить добрыя, истинно-пастырскія отношенія къ народу и укрѣпить тѣсный союзъ взаимообщенія и любви съ паствою, чтобы „быть всѣмъ вся, да нѣкія спасти“, духовенству необходимо, по нашему глубокому убѣжденію, обратить серьезное вниманіе на эти качества въ своемъ характерѣ и всемѣрно позаботиться о совершенномъ обладаніи и изощреніи ихъ въ себѣ и въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ къ пасомымъ, потому что никакой союзъ дружелюбія, взаимообщенія и единенія между людьми не можетъ прежде всего завязаться, а слѣдовательно и продолжаться безъ учтивости и привѣтливости между членами этого союза, а потому понятно, что эти добродѣтели должны необходимо лежать въ основѣ истинно-пастырскихъ, добрыхъ отношеній духовенства къ пасомому имъ народу.

Чтобы не впасть намъ въ разномысліе съ читателемъ относительно того, что именно понимать должно подъ пастырскою учтивостью и привѣтливостью въ обращеніи духовенства

съ народомъ, намъ необходимо остановиться сначала на самыхъ понятіяхъ—учтивость и привѣтливость.

Учтивость, по нашему разумѣнію, есть не что иное, какъ внѣшнее обнаруженіе, въ отношеніяхъ людей между собою, благородства души и характера человѣка. Учтивость прежде всего побуждаетъ человѣка, обладающаго ею, прозрѣвать и отыскивать, хотя бы среди муссора и грязи душевной, въ другомъ человѣкѣ ту искру Божію и то добро, которыя дѣлаютъ и падшихъ достойными человѣческаго къ нимъ отношенія и христіанскаго участія, а затѣмъ далѣе это свойство требуетъ отъ насъ воздавать каждому должное почитаніе (коренное слово — чтить):—„емуже убо урокъ — урокъ, емуже дань—дань, а емуже честь—честь", какъ и учитъ о семъ предметѣ Апостолъ. Учтивый пастырь, слѣдовательно, сумѣетъ обойтись съ каждымъ чиномъ, званіемъ, возрастомъ, почтительно, уважительно и по достоинству—кто бы пасомый ни былъ. Ничего такъ не дорого человѣку, какъ встрѣчать со стороны другихъ, а особенно высшихъ себя, вѣрную оцѣнку и должное воздаяніе по дѣломъ, и наоборотъ, ни что такъ не отталкиваетъ насъ отъ другаго, какъ попраніе послѣднимъ нашихъ правъ и пренебреженіе его къ нашимъ человѣческимъ личнымъ преимуществамъ и достоинству. Легко намъ быть учтивыми (т. е. воздавать почитаніе и уваженіе) въ отношеніи высшихъ себя, благорожденныхъ, сильныхъ, знатныхъ и проч.,—не трудно также быть учтивымъ къ равнымъ, но чтобы быть учтивыми въ обращеніи съ низшими себя, съ худородными міра сего—это есть уже нравственный подвигъ по истинѣ благороднаго сердца,—это уже добродѣтель. А потому *истинно учтивый* человѣкъ вообще и въ частности пастырь непремѣнно будетъ великодушенъ и снисходителенъ къ другимъ, смиренъ духомъ и кротокъ сердцемъ въ отношеніи самого себя, таковый способенъ извинять и прощать каждому, по слову Христа,—до семидесяти семи

разъ и потому не способенъ никогда никого презирать, всякаго считать выше себя, а себя хуже другихъ; учтивые люди „судятъ о ближнемъ по себѣ и о всякомъ дѣйствіи разсуждаютъ“ (Ис. с. Сир. 31, 17). Наоборотъ, *неучтивые*— всегда строги и немилосерды къ другимъ, и только къ себѣ однимъ снисходительны, это люди, „видящіе сучецъ во глазѣ брата своего, а у себя не видящіе и бревна“,—они заносчивы, самомнительны, коротки умомъ и узки сердцемъ... Учтивость, какъ обнаруженіе благородства души, равнымъ образомъ исключаетъ въ нашихъ отношеніяхъ къ другимъ всякую лесть, низкопоклонство, заискиваніе, ибо эти проявленія въ нашемъ поведеніи суть плоды низости душевной;—какъ стремленіе воздавать *должное,* учтивость не допускаетъ также и панибратства, неумѣстной короткости, приравниванія себя къ неравнымъ и т. п., ибо это будетъ воздаяніе уже *не должнаго,* а сверхдолжнаго, что также противно понятію истинной учтивости.

Съ учтивостью не раздѣлима и въ практикѣ жизни, и въ теоріи, какъ родственное, синонимическое понятіе,—привѣтливость. Подъ привѣтливостью нужно разумѣть то, что въ общежитіи называется ласковымъ, любезнымъ, мягкимъ и пріятнымъ обращеніемъ человѣка съ другими. Привѣтливость обнаруживается главнымъ образомъ въ словахъ, въ тонѣ рѣчи, въ выраженіи глазъ и вообще во внѣшнихъ манерахъ нашихъ. Обладаніе этимъ свойствомъ характера не позволяетъ намъ имѣть строптивости, рѣзкости, а тѣмъ паче бранчивости въ словахъ, грубости и высокомѣрія въ тонѣ, суровости во взглядѣ и ничего такого, что принято называть обиднымъ обхожденіемъ или обращеніемъ съ людьми; внѣшнимъ символомъ привѣтливости въ обращеніи пастырей съ пасомыми можетъ служить образъ ласковой матери въ ея обхожденіи съ нѣжно-любимыми ею дѣтьми. Привѣтливость есть именно материнское нѣжное свойство. Въ общежитіи это свойство ха-

рактера имѣетъ громадное значеніе: оно служитъ, такъ сказать, лучшимъ мостомъ къ переходу человѣка на сторону другаго и къ переводу другихъ на сторону свою,—такъ что привѣтливость одно изъ самыхъ необходимыхъ условій, чтобы завязать союзъ дружелюбія и общенія съ другими, чтобы войти въ расположеніе и довѣріе другихъ. Не даромъ народная житейская мудрость отмѣчаетъ значеніе этого свойства нашего характера нѣсколькими мѣткими пословицами. Но необходимо замѣтить, что это свойство весьма легко можетъ подвергаться порчѣ и перейти въ фальшивую слащавость, приторность, свѣтское угодничество и тѣмъ нарушить пастырскую степенность, независимость и непринужденность обращенія. А потому привѣтливость необходимо должна существовать и проявляться вмѣстѣ съ учтивостью, которая предохранитъ первую отъ фальши и удержитъ въ границахъ должной мѣры. Въ существѣ дѣла учтивость не мыслима безъ привѣтливости, и послѣдняя безъ учтивости, по крайней мѣрѣ въ служебномъ поведеніи пастыря Церкви. Въ силу этихъ свойствъ и дѣло и *слово* пастыря *всегда во благодати и солію растворены,* т. е. любезность и ласковость сопровождаются должнымъ приличіемъ и степенностью.

Такимъ образомъ объединяя все сказанное объ учтивости и привѣтливости въ одномъ представленіи и относя все это къ пастырю Церкви, мы должны составить себѣ такой образъ или лучше сказать типъ учтиво привѣтливаго пастыря въ его отношеніяхъ къ пасомымъ: учтиво-привѣтливый пастырь это благородно-ласковый, обходительно-пріятный, великодушный, внимательно-любезный, или какъ выражается народъ „уважительный“ со всѣми изъ своихъ пасомыхъ, будетъ ли то рабъ или свободъ, эллинъ или скиѳъ, добрый сынъ Церкви или блудный... Подобно Пастыреначальнику Христу, этотъ вѣрный послѣдователь Его будетъ прежде всего въ своемъ нравственномъ характерѣ и служебныхъ отношеніяхъ къ пасомымъ

„смиренъ духомъ и кротокъ сердцемъ“,—сей пастырь съ радостію возьметъ, и съ терпѣніемъ понесетъ иго и бремя спасенія людей; среди самого круговорота бушующихъ около него и противъ него бурь и волнъ житейско-пастырскаго моря,—среди даже самыхъ злохуленій и заплѐваній нравственныхъ; для такого пастыря „иго Спасителя будетъ благимъ, а бремя легкимъ“, и сердце его не ожесточится никогда подобно сердцу фараона, не наполнится при всѣхъ обстоятельствахъ жизни и службы „презрѣніемъ, человѣконенавидѣніемъ, злопомнѣніемъ, гордостью, злохуленіемъ или киченіемъ, или языкобѣсіемъ и сварливостію“ въ обхожденіи его не только съ добрыми, но и съ строптивыми изъ паствы,—не только съ высшими, но и съ низшими, съ простымъ, темнымъ народомъ. „*Таковъ* именно *подобаше намъ іерей*“,—скажетъ всякій пасомый, съ умиленіемъ взирая и высоко цѣня привѣтливо-учтивое обращеніе съ паствою священника; ибо это обращеніе есть образъ и подобіе обращенія Великаго Архіерея на землѣ съ грѣшнымъ человѣчествомъ.

Что касается собственно вопроса о роли, границахъ и сферѣ приложимости этихъ качествъ въ современной пастырской жизнедѣятельности, то это собственно дѣло личной предусмотрительности, прозорливости и такта каждаго изъ пастырей. Мы желали бы только поставить на видъ нѣсколько общеизвѣстныхъ впрочемъ фактовъ и явленій. Инославное духовенство,—ксендзы, пасторы,—владѣютъ въ совершенствѣ этими свойствами характера и широко пользуются ими въ своихъ отношеніяхъ съ пасомыми и, какъ извѣстно, это духовенство имѣетъ громадное обаяніе и вліяніе не только на простой народъ, но и на высшіе классы паствы своей. Изъ врачей тѣлесныхъ тотъ популярнѣе и больше имѣетъ практики, кто привѣтливъ и учтивъ въ обращеніи съ паціентами. Привѣтливость и учтивость умѣютъ цѣнить даже дѣти-школьники и сердечно привязываются къ такимъ учителямъ. И во-

обще во всякой профессіи, которая имѣетъ дѣло съ живыми людьми, учтивость и привѣтливость играетъ передовую и важную роль въ снисканіи симпатій и популярности общественному дѣятелю. Эти свойства цѣнимы и любимы положительно всѣми,—и высшими и низшими классами. Но особенно глубоко цѣнитъ и уважаетъ ихъ въ пастырѣ Церкви простой, темный народъ. Ему чужды и не понятны прочія свойства ума, сердца и воли, образованность или ученость пастыря,—привѣтливость же, уваженіе его къ народу, мягкость въ обращеніи и вниманіе народу ощутимы, ибо онъ, народъ, положительно на каждомъ шагу пастырской жизнедѣятельности, встрѣчается съ этими добродѣтелями приходскаго пастыря, окрыляется ими и въ горестяхъ и въ радостяхъ жизни и въ будни и въ праздники, и въ церкви, и въ домѣ, и въ полѣ; или же наоборотъ,—отсутствіемъ ихъ въ характерѣ священника своего угнетается, раздражается и негодуетъ не только на пастыря, но и на Церковь, на власть и людей. Мы обойдемъ молчаніемъ праздное и недостойное возраженіе: стоитъ ли нашъ грубый народъ учтиваго и привѣтливаго съ нимъ обращенія лицъ образованно интеллигентныхъ, къ какимъ несомнѣнно принадлежитъ и священникъ?.. Замѣтимъ развѣ только одно, что въ нѣдрахъ души, сердца и быта простаго народа находится столько нравственно-христіанскихъ, высоко-гуманныхъ и истинно-человѣческихъ, непочатыхъ, дѣвственныхъ сокровищъ, что народъ достоинъ „почитанія“ или учтивости и нуждается въ привѣтѣ со стороны пастырей Церкви больше, чѣмъ всякій другой классъ нашего общества. И особенная нужда въ учтиво-привѣтливомъ обращеніи духовенства съ народною массою належитъ именно въ наше время.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ обратить особое вниманіе пастырей на важную современную роль и приложимость пастырской учтивости и привѣтливости въ миссіонерской

дѣятельности приходскаго священника, въ борьбѣ съ разными старыми и новыми лжеученіями и ересями, изъ которыхъ наибольшую скорбь причиняетъ Церкви въ наши дни штунда Юго-Западнаго и Новороссійскаго края. Въ этой сферѣ учтивость и привѣтливость пастыря-миссіонера такъ важны, что, кто не владѣетъ этими качествами характера, тотъ не можетъ быть миссіонеромъ и пусть лучше не берется за это дѣло, чтобы не испортить его въ самомъ же началѣ, не унижать знамени св. Церкви и сана іерея и не давать торжествовать врагамъ православія. Частнѣе сказать, учтивость необходима іерею-миссіонеру, чтобы примириться, хотя бы на часъ бесѣды, съ враждующею силою, чтобы не пренебрегать заблудшимися. Учтивость возбудитъ въ сердцѣ миссіонера-пастыря христіанское соболѣзнованіе къ этимъ „сынамъ погибшимъ“, возгрѣетъ энергію искать погибшую овцу по горамъ и доламъ, пока добрый пастырь не обрящетъ ее и не приведетъ къ матери-Церкви. Привѣтливость же лучше всего способна предохранить миссіонера отъ гнѣва и раздраженія въ полемическихъ спорахъ, гдѣ, напримѣръ, мужицкая логика нашихъ русскихъ протестантовъ, штундистовъ, съ ихъ скудною и туманною догматикою и неуклюжею рѣчью, въ состояніи раздражить и вывести изъ себя самаго кроткаго. А какъ скоро пастырь-миссіонеръ потерялъ самообладаніе, впалъ въ гнѣвъ и ярость, то успѣхъ его миссіи поколебленъ, и св. дѣло легко можетъ быть причастно грѣху, ибо „мужъ гнѣвливый воздаетъ сваръ: мужъ же ярый открываетъ грѣхъ“ (Притч. 29, 22). Слабый успѣхъ миссіи приходскаго духовенства, по обращеніи въ лоно православія штундистовъ, многіе склонны объяснять именно неумѣньемъ нашего пастырства начать миссію и войти въ довѣріе и благорасположеніе еретиковъ, съ которыми миссіонерствующіе диллетанты-іереи совершенно ошибочно считаютъ за основное полемическое правило обходиться строго, грозно, свысока и

тѣмъ портятъ дѣло въ самомъ его началѣ. Если пастырь пойдетъ и явится на миссіонерскую бесѣду съ молитвою къ Богу о благодатной помощи, съ надеждою на Его заступленіе и помощь, съ сердечнымъ сокрушеніемъ о заблудшихъ и съ искреннимъ желаніемъ помочь имъ узрѣть истину и правду богооткровенную; если далѣе онъ поведетъ свою бесѣду съ кротостію, съ учтивостью и привѣтливостью добраго отца: то успѣхъ его миссіонерскаго подвига обезпеченъ. Такое обращеніе пастыря съ заблуждающимися сразу благотворно подѣйствуетъ на сердца еретиковъ, возбудитъ въ нихъ уваженіе къ пастырю, довѣріе къ его словамъ и поддержитъ охоту и вниманіе къ бесѣдамъ. Сами штундисты весьма любятъ и цѣнятъ учтиво-привѣтливое обращеніе пастырей Церкви и наоборотъ громко и раздраженно вопіютъ всякій разъ противъ пастырскаго высокомѣрія и строптивости въ обращеніи съ народомъ, противъ холодности, отдаленности и маловнимательности пастырей къ частной жизни простолюдина, гдѣ таковыя случаются и усматриваются этими новыми соглядатаями за жизнедѣятельностью пастырей. При той предубѣжденности, какую питаютъ штундисты къ пастырству, привѣтливо-учтивое обращеніе пастырей съ этими несчастными отщепенцами отъ Церкви и православія много поможетъ успѣху миссіонерскаго дѣла. Безъ обладанія учтивостью и привѣтливостью въ обращеніи съ сектантами, хотя бы былъ и вельми ученый пастырь, онъ не въ состояніи принести никакой пользы миссіонерско-приходскому дѣлу и лучше таковому не браться за это дѣло, и наоборотъ, при этихъ качествахъ малоученый іерей способенъ произвести глубокое обояніе на заблуждающихся и имѣть успѣхъ. Такъ учитъ насъ опытъ и наблюденіе.

Пр. **В. Скворцовъ.**

Пастырскій авторитетъ[1]).

Пастырь, по завѣщанію апостола Павла, долженъ быть образцомъ въ словѣ не только въ отношеніи пастырскаго учительства, но и въ отношеніи всѣхъ вообще обыденно-житейскихъ столкновеній его съ пасомыми. Всегда и вездѣ онъ долженъ соблюдать въ своемъ словѣ чистоту, степенность, неповрежденность. Хотя пастыри по цѣли своего служенія и должны быть не отъ міра сего, однако они, какъ люди, сами облеченные плотію и поставленные на служеніе людямъ же, не могутъ, да даже и не должны жить изолированно отъ людей, такъ, чтобы вовсе не соприкасаться съ міромъ: они болѣе, чѣмъ всѣ прочіе люди должны соприкасаться съ людьми всѣхъ состояній, званій и половъ. Само собою понятно, что при этихъ соприкосновеніяхъ пастырю не вездѣ и не всегда удобно являться, такъ сказать, въ качествѣ присяжнаго проповѣдника религіозно-нравственной истины, и превращать зало, или гостиную, или крестьянскую избу спеціально въ училище христіанскаго благочестія. Если бы онъ и захотѣлъ такъ поступить, то его попросятъ оставить религіозно-нравственныя наставленія до другаго времени и предложатъ ему участвовать въ обыденно-житейскихъ разговорахъ. Въ этихъ-то бесѣдахъ ему грозитъ опасность не соблюсти степенности и неповрежденности въ словѣ, въ силу той человѣческой немощи, о которой апостолъ Іаковъ выразился такъ: „языкъ укротить никто изъ людей не можетъ: это неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда. Имъ благословляемъ Бога и Отца, и имъ проклинаемъ человѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божію“ (Іак. 3, 8—11). Эта немощь въ природѣ человѣческой имѣетъ такую силу, что человѣка, не согрѣшающаго въ словѣ, онъ считаетъ совершеннымъ человѣкомъ, могущимъ

---

[1]) См. № 20-й.

обуздать и все тѣло (3, 2). Невоздержность въ словѣ въ нашей обыденной жизни есть всеобдержный обычай, никого почти не смущающій и не компрометирующій, за исключеніемъ пастыря Церкви. Люди всѣхъ состояній и званій, допускающіе сами для себя настоящее словобѣсіе и не считающіе своею обязанностью удерживать языкъ свой отъ зла, и устнѣ свои, еже не глаголати льсти, не осуждающіе за зло языка другъ друга, не прощаютъ только однимъ пастырямъ и одного часто неосторожнаго слова. Радоваться этому, или скорбѣть? Не можемъ вполнѣ категорически констатировать причину такого строгаго отношенія къ пастырскому слову: быть можетъ, въ этомъ случаѣ руководитъ людьми суетное и пустое желаніе осудить и унизить пастырей, чтобы ихъ примѣромъ себя оправдать? Въ этомъ случаѣ радоваться, конечно, нечему. А быть можетъ, руководитъ ими и искреннее желаніе видѣть въ своихъ пастыряхъ образецъ совершенства для подражанія себѣ самихъ. Въ этомъ случаѣ нельзя и не порадоваться. Но намъ кажется, что и та и другая причина существуетъ; ибо тогда какъ одни съ нескрываемымъ злорадствомъ ловятъ каждое неосторожное слово пастыря и проносятъ его съ прикрасами, яко зло, другіе напротивъ о всякомъ неосторожномъ словѣ пастыря отзываются съ искреннимъ сожалѣніемъ.

Но по какой бы причинѣ пасомые ни относились строго къ слову пастыря, ему и самому, и по своему сану, и по своему назначенію въ Церкви Христовой, и по цѣли своего служенія, нужно относиться къ своему слову съ не меньшей строгостью, и всегда и вездѣ удерживать свой языкъ не только отъ положительнаго зла, но и отъ всякаго неназидательнаго слова. Всегда и вездѣ онъ долженъ проводить въ сознаніе и жизнь пасомыхъ здравыя понятія, основанныя на христіанской истинѣ, какой бы стороны жизни эти понятія ни касались,—частной ли, общественной ли, или экономической; и слово

его должно быть серьезное, разумное, растворенное христіанскою любовью, но не жесткое, педантичное. Во всякую бесѣду пастырь долженъ вносить теплоту, свѣтъ и жизнь, а не холодность и мракъ. Каждое слово свое онъ долженъ взвѣшивать на вѣсахъ христіанской вѣры и благочестія и измѣрять мѣрою пастырскаго благоразумія. Въ особенности ему нужно беречься злословія и осужденія, безъ чего обходится рѣдкая бесѣда; и никогда не осуждать своихъ братьевъ—сопастырей, ибо лишая ихъ авторитета въ глазахъ паствы, онъ тѣмъ самымъ навлекаетъ и на себя неблаговидную тѣнь. Вообще же надобно сказать, что пастырь, чтобы не поставлять себя „притчею во языцѣхъ", долженъ напередъ знать характеръ, убѣжденія и умственно-нравственное состояніе своихъ собесѣдниковъ. Мы далеки отъ той мысли, чтобы рекомендовать пастырю подслуживаться своимъ собесѣдникамъ, поддѣлываясь подъ ихъ взгляды и убѣжденія, чтобы быть ему такъ называемымъ „хорошимъ человѣкомъ", но высказываемъ свое положеніе въ виду изреченія Христа Спасителя: „будьте мудры, какъ зміи, и просты, какъ голубы" (Матѳ. 10, 16).

Понятно, что для установленія пастырскаго авторитета, и жизнь пастыря, какъ церковно-пастырская, такъ и семейная должна по возможности соотвѣтствовать пастырскому слову. То, что пастырь проповѣдуетъ другимъ, прежде всего долженъ выполнять самъ и его семейные. Иначе, налагая бремена тяжкая и неудобоносимая на другихъ, и въ то же время самъ не желая и перстомъ двигнуть, онъ будетъ дѣлать не что иное, какъ съ одной стороны строить зданіе, а съ другой разрушать свою собственную постройку. „Вы свѣтъ міра, говоритъ Господь; не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославили Отца вашего небеснаго"

(Матѳ. 5, 14—16). И св. апостолъ Павелъ, заповѣдуя Тимоѳею быть образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ то же время заповѣдуетъ ему быть образцомъ и въ житіи, и въ любви, и въ вѣрѣ, и въ чистотѣ. Въ посланіяхъ къ Тимоѳею и къ Титу онъ довольно подробно исчисляетъ пастырскія качества. По его словамъ пастырь долженъ быть не пьяница, не бійца, не сварливъ, не корыстолюбивъ; но тихъ, миролюбивъ, несребролюбивъ, хорошо управляющій домомъ своимъ, дѣтей содержащій въ послушаніи со всякою честностью (1 Тим. 3, 3—4); непороченъ какъ Божій домостроитель, не дерзокъ, не гнѣвливъ... любящій добро, цѣломудренъ, справедливъ, благочестивъ, воздержанъ (Тит. 1, 7—8). Въ виду громадной важности и значенія для пастырскаго авторитета пастырской жизни Апостолъ требуетъ даже того, чтобы новопоставляемый пастырь имѣлъ доброе свидѣтельство не только отъ своихъ—единовѣрцевъ, но и отъ внѣшнихъ—язычниковъ, чтобы не впасть ему въ нареканіе (1 Тим. 3, 7), не заслужить укоризну, перасположеніе въ паствѣ, недовѣріе.

Пастырская жизнь, не соотвѣтствующая ученію Слова Божія, постоянно служитъ укоромъ пастырямъ Православной Церкви со стороны христіанъ иновѣрныхъ и въ особенности со стороны русскихъ раскольниковъ и сектантовъ, и причиною, хотя, конечно, далеко не единственною, къ уклоненію православныхъ въ расколъ и сектантство. Резонно утверждаютъ, что пасомые должны слушать то, что говоритъ пастырь, а не на то смотрѣть, какъ онъ живетъ; и жить такъ, какъ онъ учитъ, а не такъ, какъ онъ живетъ. Но резоны разума часто не согласуются съ требованіями сердца. Какіе бы резоны разумъ ни представлялъ къ тому, что нужно слушать слово и недостойно живущаго пастыря, во всемъ довѣрять и повиноваться ему, но сердце очень часто остается глухимъ ко всѣмъ доводамъ разума и твердитъ свое: „врачу, исцѣлися самъ“. Вслѣдствіе чего слово пастыря не западаетъ

глубоко въ душу пасомыхъ и не производитъ должнаго дѣйствія. И не удивительно. Для того, чтобы слово пастыря было живо и дѣйственно, оно напередъ самимъ пастыремъ должно быть прочувствованно и пережито. Иначе пастырь, какъ ни старайся придать своему слову живость и дѣйственность, онъ никогда не достигнетъ своей цѣли; никогда онъ не явится предъ слушателями отцемъ-проповѣдникомъ, влагающимъ въ свое слово всю душу свою, а явится сухимъ, безжизненнымъ резонеромъ; резонерство же пастыря не привлекаетъ къ пастырскому слову сердца слушателей, а отталкиваетъ ихъ. Быть можетъ, это невниманіе зависитъ отъ несовершенства самихъ пасомыхъ и есть слѣдствіе недостатка въ нихъ вѣры и любви христіанской? Очень можетъ быть. Но дѣло въ томъ, что пастыри къ тому именно и призваны, чтобы всѣми мѣрами достигать того, чтобы возводить своихъ пасомыхъ отъ мѣры въ мѣру религіозно-нравственнаго совершенства, дондеже вообразится въ нихъ Христосъ, и они достигнутъ мѣры полнаго возраста Христова.

Любовь, уваженіе, довѣріе, авторитетъ пріобрѣтаются и заслуживаются любовью. Чувство сердца вызывается только таковымъ же чувствомъ. Поэтому пастырю прежде всего необходимо полюбить свою паству искреннею, нелицемѣрною, безкорыстною любовью и жить въ средѣ паствы и относиться къ ней по началамъ любви, и все дѣлать для нея во имя и по побужденіямъ любви. Все то, что пастырь станетъ дѣлать для паствы во имя своей пастырской любви, выйдетъ хорошо; что же напротивъ станетъ дѣлать во имя иныхъ побужденій, то и хорошее, повидимому, дѣло мало принесетъ пользы. Между тѣмъ въ этомъ-то грѣхѣ противъ пастырской любви по отношенію къ паствѣ и повинны многіе изъ пастырей и минувшаго и настоящаго времени. Говорятъ, народъ нашъ грубъ и невѣжественъ, и потому не можетъ понимать чувствъ пастырской любви. Но говорятъ это или люди, сами никогда

не любившіе и даже не желающіе любить народъ, собиравшіе и собирающіе только волну съ овецъ, но ничего добраго для нихъ не сдѣлавшіе, а если что и дѣлавшіе, то не во имя любви, а только для проформы, на показъ, и слѣдовательно не вызывавшіе любви въ пасомыхъ,—или люди, горячаго, нетерпѣливаго нрава, поставившіе своимъ девизомъ: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ". Желая сразу завладѣть не только сердцемъ, но и волею своихъ пасомыхъ, чтобы поставить ихъ въ безусловное повиновеніе себѣ, и не достигая своего желанія, многіе изъ пастырей вдаются въ пессимизмъ, часто послѣ первой же неудачи бросаютъ пастырское дѣло и начинаютъ оправдывать себя тѣмъ, что народъ нашъ грубъ, невѣжественъ, не понимаетъ хорошихъ вещей, не можетъ сочувствовать пастырскому дѣлу, и потому пастырямъ не возможно ни сдѣлать что либо доброе для народа, ни заслужить у него ни любви, ни довѣрія. Но отъ чего бываютъ, напр., такія вещи: есть пастыри, которые, перебывавъ въ нѣсколькихъ приходахъ, нигдѣ не оставляютъ по себѣ доброй памяти; и напротивъ есть такіе пастыри, которые вездѣ не только оставляютъ по себѣ добрую память, но и какими-то невѣдомыми путями остаются жить въ сердцахъ своихъ пасомыхъ и тогда, когда первые живутъ далеко отъ послѣднихъ? Отъ чего бываетъ, что многіе изъ прежде бывшихъ прихожанъ часто обращаются къ служившимъ въ ихъ приходѣ пастырямъ съ своими духовно-нравственными нуждами за десятки верстъ? Точно, народъ нашъ никому не отдаетъ сразу своего сердца. Чтобы завладѣть его сердцемъ пастырю надобно поработать на пользу его не годъ и не два, а десятокъ, а иногда и болѣе лѣтъ. И ужъ если русскій человѣкъ отдастъ свое сердце пастырю разъ, то онъ отдастъ безповоротно, и въ этомъ случаѣ до конца жизни питаетъ къ такому излюбленному пастырю чувства любви, уваженія, довѣрія, гдѣ бы послѣдній ни находился. Отойдетъ онъ къ праотцамъ, рус-

скій человѣкъ запишетъ его имя въ свое семейное поминанье, и поминаетъ его наравнѣ съ самыми близкими родными. И послѣ этого говорятъ, что народъ нашъ не умѣетъ цѣнить своихъ пастырей!..

Если народъ нашъ не можетъ сразу отдавать своего сердца хотя бы и очень доброму пастырю, пока не узнаетъ его, то винить его въ этомъ нѣтъ основанія уже потому одному, что до послѣдняго времени онъ ни откуда и ни отъ кого не только не видалъ себѣ любви и сочувствія, но и былъ всѣми забытъ и оставленъ на произволъ судьбы. Лица, поставленныя въ болѣе или менѣе близкія отношенія къ нему, смотрѣли на него свысока и, если что дѣлали, то только эксплуатировали его въ матеріальномъ отношеніи, да эксплуатируютъ еще и теперь. Народъ не могъ не понимать, что онъ для всѣхъ чужой, что ему не откуда ожидать любви, сочувствія и даже справедливаго отношенія къ себѣ, что все онъ долженъ находить только въ себѣ самомъ, отъ того-то между прочимъ онъ такъ крѣпко и сплоченъ, такъ крѣпко и солидаренъ другъ съ другомъ, что въ случаѣ обиды, нѣмъ либо причиненной одному сочлену, на защиту его, какъ одинъ человѣкъ, возстанетъ цѣлая община, при чемъ часто совершаетъ даже преступленіе противъ закона, не въ силу противленія послѣднему, а въ силу чувства самозащиты, присущаго каждому творенію Божію. Народъ привыкъ не довѣрять всѣмъ тѣмъ лицамъ, кои не принадлежатъ къ его сословію, онъ въ этомъ случаѣ—настоящій скептикъ, но скептикъ не по природѣ, а въ силу сложившейся исторической, соціально-общественной и бытовой его жизни.

Итакъ, пастыри русской Православной Церкви, воодушевившись идеею пастырскаго служенія, прежде всего должны полюбить свою паству, не дожидаясь съ ея стороны любви и довѣрія, и во имя этого чувства совершать свое служеніе, не оправдываясь въ своей бездѣятельности грубостью, невѣ-

жествомъ и недовѣріемъ со стороны народа. Тогда-то именно явится со стороны народа по отношенію къ пастырю и любовь, и уваженіе, и довѣріе, когда онъ увидитъ пастырскую дѣятельность на пользу его духовно-нравственнаго просвѣщенія. Тогда отдастъ онъ ему сердце свое, когда убѣдится, что пастырь для него—не чужой человѣкъ, относящійся къ нему безсердечно и работающій для него только во имя своихъ матеріальныхъ интересовъ. Именно пастырь долженъ быть въ собственномъ смыслѣ пастыремъ, и оставаться таковымъ даже и тогда, когда встрѣтитъ полнѣйшую неудачу въ своей дѣятельности. Да полной удачи въ пастырскомъ служеніи на невозработанной нивѣ и ожидать трудно. На всякое дѣло нужно время и трудъ. Въ особенности нужно время и трудъ въ дѣлѣ пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ. Человѣкъ—не автоматъ, чтобы можно было сразу заставить его повиноваться себѣ. Грубость и невѣжество народа, чѣмъ всегда попрекаютъ его, не на столько не приступны, чтобы объ нихъ разбивалась всякая пастырская дѣятельность. Грубость и невѣжество въ жизни народа—явленіе болѣе внѣшнее, но сердце у него богатырски—доброе и душа великая, онъ любитъ отъ души свое православіе, хотя и видитъ его болѣе въ формѣ, чѣмъ въ духѣ, и это даетъ полные шансы на успѣхъ пастырской дѣятельности.

Священникъ **Павелъ Руновскій.**

Изъ дневника любителя церковнаго пѣнія.

Марта 20. Каждый воскресный день во святую Четыредесятницу поется на утрени: „Покаянія отверзи ми двери“, а на литургіи Василія Великаго „Достойно и праведно есть“ съ послѣдующимъ затѣмъ задостойникомъ: „О тебѣ радуется“. Что касается перваго изъ этихъ пѣснопѣній, то оно имѣетъ общеизвѣстныхъ два напѣва и третій *тріо* Веделя. Произведеніе Веделя требуетъ для его исполненія отличныхъ качествъ голосовъ и большаго искусства, а потому можетъ быть исполняемо развѣ вполнѣ благоустроенными хорами пѣвчихъ, каковы въ нашихъ губернскихъ городахъ пѣвчіе архіерейскіе. Обыкновеннымъ же пѣвческимъ хорамъ оно не можетъ быть рекомендовано. Самый употребительнѣйшій напѣвъ этого пѣснопѣнія при унисонномъ пѣніи есть напѣвъ знаменный 8-го гласа, который и изложенъ въ разныхъ изданіяхъ обычнаго пѣнія, какъ-то: въ Сунодальныхъ обиходахъ полномъ и сокращенномъ, въ нотныхъ сборникахъ: М. Н. Потулова, о. Соколова и въ „Кругѣ“ обычнаго пѣнія Московской епархіи. Послѣдующія затѣмъ пѣснопѣнія поются обыкновенно Кіевскимъ роспѣвомъ, одно на гласъ 8-й, а другое на гласъ 6-й. Крайне жаль, что знаменный напѣвъ этого пѣснопѣнія не переложенъ для пѣнія хоровъ въ нашихъ четыреголосныхъ обиходахъ, каковые обиходы придворнаго пѣнія и г. Смоленскаго. Въ первомъ изъ нихъ пѣснопѣніе это роспѣто краткимъ кіевскимъ роспѣвомъ „на Господи воззвахъ, [1]) а во второмъ оно совсѣмъ не положено на ноты. Въ рукописяхъ есть простая композиція этого пѣснопѣнія, состоящая изъ двухъ повторяющихся строкъ, похожая на напѣвъ: „предстательство христіанъ“, но и она не повсюду извѣстна.

---

[1]) См. изд. Львова, стр. 61 и Бахметева стр. 81.

„Достойно“ на литургіи св. Василія Великаго имѣетъ два употребительныхъ напѣва, именно, одинъ *Кіевскаго роспѣва,* излагаемый во всѣхъ унисонныхъ нотныхъ изданіяхъ, самый употребительный и сообразный съ продолжительностію молитвъ и священнодѣйствій означенной литургіи, и другой, извѣстный подъ именемъ *Ярославскаго напѣва.* Оба эти напѣва мы видимъ и въ гармоническомъ переложеніи, то въ пространномъ, то въ краткомъ видѣ [1]). *Ярославскій* напѣвъ этого пѣснопѣнія одинаково употребителенъ и на литургіи св. Іоанна Златоустаго и, какъ по этому, такъ и по своему не древнему происхожденію, менѣе заслуживаетъ вниманія. Въ нотномъ сборникѣ г. Абламскаго (вып. 1, стр. 87) мы видимъ и еще напѣвъ означеннаго пѣснопѣнія въ двѣ краткія мелодическія строки, но напѣвъ этотъ не имѣетъ выдающихся достоинствъ и въ предѣлахъ старой Московской Руси, равно какъ и въ Сѣверо-западномъ ея краѣ, не извѣстенъ. Задостойникъ: „О тебѣ радуется“ всюду поется пространнымъ *греческимъ роспѣвомъ* на гласъ 8-й и только въ изданіи г. Бахметева (стр. 272) положенъ на гласъ 6-й *кіевскаго* роспѣва, т. е. „мя, Господи, воззвахъ“, что представляется весьма неудобнымъ, такъ какъ всѣ наши задостойники обыкновенно поются напѣвами протяженными. Хоровое переложеніе *греческаго* роспѣва можно видѣть въ собраніи сочиненій прот. Турчанинова и въ сборникѣ г. Смоленскаго. Тотъ же напѣвъ мы видимъ и въ „кругѣ“ обычнаго пѣнія г. Абламскаго въ двухъ видахъ № 1 и 2 (вып. 1 стр. 90 и 92); но оба вида не сохраняютъ въ точности мелодіи греческаго роспѣва, изложенной въ Сунодальномъ Обиходѣ.

Краткое пѣснопѣніе: „И всѣхъ и вся“ должно бы пѣть кіевскимъ большимъ роспѣвомъ тою же мелодіею, какою

---

[1]) Обиходъ Бахметева, стр. 269; »Курсъ хороваго пѣнія« г. Смоленскаго, стр. 31; Кругъ ц. пѣснопѣній г. Абламскаго вып. 1 стр. 87.

поется и двукратное „Аминь“ предъ „Тебе поемъ“ (см. Руков. къ изученію богосл. пѣнія, Потулова, стр. 157).

Марта 22. Клиросные пѣвцы, и въ особенности пѣвческіе хоры, не рѣдко затрудняются въ томъ, что имъ пѣть на клиросѣ во время причащенія священнослужащихъ въ алтарѣ, такъ какъ Церковнымъ Уставомъ въ это время положено пѣть только „причастный стихъ“; но протяженные напѣвы причастнаго стиха, излагаемые въ Сводальномъ Обиходѣ, при незначительномъ количествѣ словъ текста и растянутости мелодіи не представляются нынѣ удобными для пѣнія и для хороваго пѣпія никѣмъ не переложены; напѣвъ же, изложенный въ пѣвческихъ изданіяхъ капеллы, примѣненный ко всѣмъ причастнымъ стихамъ, можетъ наскучить своимъ постояннымъ, однообразнымъ повтореніемъ. Да бываютъ случаи, что напѣва этого и не достаточно, чтобы наполнить пѣніемъ время закрытія царскихъ вратъ завѣсою. Поэтому въ обычай пѣвческой практики вошло, по краткомъ пѣніи причастнаго стиха, пѣть разныя пѣснопѣнія по соображенію обстоятельствъ и усмотрѣнію самихъ пѣвцовъ, или же по желанію и даже заказу кого либо изъ молящихся. Въ предупрежденіе затрудненія пѣвцовъ въ выборѣ пѣснопѣній на этотъ случай упомянемъ о нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ, поемыхъ обыкновенно вмѣсто протяженнаго напѣва причастнаго стиха. Для этого избираются такія пѣснопѣнія, которыя своею продолжительностію соотвѣтствуютъ времени причащенія священно-служителей, по пѣніе которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть и прекращено безъ замедленія по отверзтіи царскихъ вратъ. Такъ вмѣсто причастнаго стиха не рѣдко поются 1) псалмы тѣмъ же напѣвомъ, какимъ поются на литургіи стихи 9-ти евангельскихъ блаженствъ; 2) особенно же пѣснопѣнія изъ вечерни и утрени празднуемаго дня, каковы: стихиры, преимущественно на одинъ какой либо гласъ, антифоны (степенны), ирмосы, Богородичны догматики и

проч.; 3) пѣснопѣнія въ честь мѣстной святыни, наприм. въ честь Богородицы и проч. Кромѣ тропарей сюда между прочимъ относятся слѣдующія пѣснопѣнія, особенно часто поемыя простыми клиросными пѣвцами: „высшую небесъ“, „О всепѣтая Мати“, „Подъ твою милость“, „Предстательство христіанъ“, „Не имамы иныя помощи“, „О преслади́й и всещедрый Іисусе“ и др. Нѣкоторыя изъ указанныхъ здѣсь пѣснопѣній (стихиры, псалмы), какъ простѣйшія, не требуютъ и партеснаго переложенія, другія уже переложены на 4 голоса, и только немногія требуется еще переложить въ видѣ дополненія къ нимъ. Приведеніе въ порядокъ и переложеніе этихъ и другихъ подобныхъ имъ пѣснопѣній освободитъ и многіе пѣвческіе хоры средней руки, такъ сказать отъ необходимости пѣть вмѣсто причастнаго стиха не соотвѣтственные голосовымъ средствамъ, а иногда и познаніямъ пѣвцовъ, концерты.

Письма священника къ дочери[1]).

Письмо шестое.

Ты скорбишь о томъ, дитя мое, что въ вашей старой церкви все обветшало, лики святыхъ угодниковъ потемнѣли, съ трудомъ можно разобрать содержаніе священныхъ изображеній, которыя межъ тѣмъ могли бы служить прекраснымъ назиданіемъ для молящихся во храмѣ. А народъ бѣденъ и къ тому же ко храму нерадивъ, вызвать его на жертву трудно. Сочувствую тебѣ, ибо для сердца всякаго религіознаго христіанина должно быть тяжело входить въ домъ молитвы и видѣть кругомъ обветшалость и запустѣніе, тогда какъ всѣ мы стараемся придать и возможнѣйшій порядокъ и возможнѣйшее благолѣпіе своимъ жилищамъ. Запустѣніе дома Божія

[1]) См. № 20-й.

сразу обнаруживаетъ холодность къ религіи. Для того, чтобы помочь этому горю, необходимо выждать время. Случаются такія минуты въ жизни народа и въ жизни отдѣльныхъ личностей, когда сердца съ особой любовью и надеждой обращаются къ Богу и растворяются для всевозможныхъ жертвъ. Нельзя перечислить всѣхъ подобныхъ случаевъ, но ты и твой мужъ, вы встрѣтитесь съ ними со временемъ и конечно не преминете воспользоваться ими во славу Бога. А вотъ другой бѣдѣ, на которую ты жалуешься, гораздо скорѣе можно помочь. Ты пишешь, что у васъ въ церкви нѣтъ порядочнаго хора и вся пѣвчая состоитъ изъ безголосаго дьячка да двухъ-трехъ любителей изъ крестьянъ, подтягивающихъ дьячку неувѣренными фальшими голосами. Это встрѣчается сплошь и рядомъ по деревнямъ, хотя отъ псаломщиковъ теперь и требуется обязательное знаніе пѣнія и преподаваніе его въ сельскихъ школахъ, но этотъ вопросъ какъ-то всегда умѣютъ обходить, считая уроки пѣнія для крестьянскихъ мальчиковъ и церковные хоры въ деревенскихъ церквахъ роскошью; да къ тому же во многихъ мѣстахъ остаются еще старинные дьячки, какъ и въ вашемъ селѣ, не способные преподавать пѣніе, сами учившіеся кое-какъ въ монастыряхъ, безъ нотъ. А между тѣмъ, весьма важно имѣть хорошій хоръ въ церкви: благообразное церковное пѣніе много способствуетъ молитвенному настроенію слушателей, привлекаетъ большее количество посѣтителей въ храмъ Божій и придаетъ церковному богослуженію особое благолѣпіе. Кто и не желалъ бы придти въ церковь помолиться, придетъ послушать искусное пѣніе, а затѣмъ, какъ знать, священное пѣніе, быть можетъ, умягчитъ и сердце сего случайнаго пришельца и направитъ его къ мысли о Богѣ Творцѣ.

Ты пишешь, что мужъ твой уже взялъ на себя хлопоты по составленію хора изъ дѣтей, учащихся въ школѣ или учившихся въ ней раньше. Дѣло доброе. Жаль только, что

ему приходится нести слишкомъ много трудовъ, брать на себя, какъ оказывается, и чужія обязанности при своей и безъ того многотрудной дѣятельности. Вотъ, если бы Богъ надѣлилъ тебя, дитя мое, хорошимъ голосомъ, ты и тутъ бы явилась прекрасной помощницей своего мужа. Ты могла бы выучить своихъ дѣвочекъ не только молиться, но и пѣть молитвы и такимъ образомъ у васъ составился бы свой женскій хоръ подъ твоимъ руководствомъ. Мнѣ разсказывали, что въ Полтавской губерніи есть такія жены священниковъ изъ окончившихъ епархіальное духовное училище, гдѣ онѣ учились между прочимъ и пѣнію, которыя сами читаютъ и поютъ на клиросѣ во главѣ ими же самими составленнаго женскаго хора, что производитъ на слушателей весьма пріятное впечатлѣніе. Говорятъ, что крестьяне сначала неодобрительно посмотрѣли на это нововведеніе и даже находили не совсѣмъ приличнымъ для женскаго пола отправлять родъ обязанностей клириковъ. Нашлись начетчики, которые въ лику женъ священника приводили даже слова апостола Павла: *жены ваша въ церквахъ да молчатъ: срамно бо есть женѣ въ церкви глаголати* (1 Кор. 14, 34. 35. Рр. 1 Тим. 2, 11, 12). Но вѣдь эти слова Апостолъ сказалъ по поводу того, чтобы жены пресвитеровъ не учительствовали въ церкви, что же касается пѣнія, то пѣли въ церкви тогда всѣ—и мужчины и женщины. Да и теперь поютъ же женскіе хоры въ женскихъ монастыряхъ, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, почему же не пѣть и крестьянскимъ дѣвочкамъ на клиросѣ съ своею регентшею во главѣ? Еще и какое это пѣніе, при надлежащемъ подборѣ голосовъ! Прочувствованное женскимъ нѣжнымъ сердцемъ, душу проникающее, оно производитъ какое-то особенное дѣйствіе на слушателей! Крестьяне потомъ сами согласились, что матушки ихъ дѣлаютъ хорошее дѣло, пріучая ихъ дѣтей къ церковности, и относятся къ этимъ новаторшамъ съ полнымъ уваженіемъ. Если бы ты владѣла

голосомъ, ты бы конечно, воспользовалась этимъ добрымъ примѣромъ. Хорошо вотъ и то, что твой мужъ хочетъ приручить къ церкви крестьянскихъ парней, окончившихъ школу. Вѣдь они у насъ, покончивши съ своимъ ученіемъ, и перейдя всецѣло къ земляннымъ работамъ и хозяйству, совсѣмъ забываютъ книжку и всю свою науку. Нѣкоторые изъ нихъ, дойдя до зрѣлаго возраста, даже читать забываютъ и едва умѣютъ подписать при случаѣ пополамъ съ грѣхомъ свою фамилію. Являясь по праздничнымъ днямъ въ церковь пѣть и читать, они съ одной стороны не будутъ отвыкать отъ грамотности, а съ другой—отъ знакомства съ священными душеполезными книгами; все же хоть по немногу будутъ развиваться въ нихъ добрыя сѣмена, брошенныя нѣкогда въ школѣ въ ихъ дѣтскія сердца.

Прощай, дитя мое! Благослови тебя Богъ!

Письмо седьмое.

Умиленъ я до слезъ, дитя мое, разсказомъ нашего родственника, посѣтившаго вашъ храмовой праздникъ. Признаюсь, разсказъ его былъ настоящимъ для меня сюрпризомъ и превзошелъ всѣ мои ожиданія. Отчего же ты сама ничего не пишешь мнѣ о томъ, какъ провели вы этотъ день? Должно быть хозяйственныя хлопоты помѣшали тебѣ сообщить мнѣ о вашихъ духовныхъ радостяхъ и успѣхахъ. До сихъ поръ стоитъ передъ моими глазами картина дивнаго, благолѣпнаго богослуженія въ вашей церкви, какою ее нарисовалъ мнѣ нашъ общій доброжелатель и родственникъ. Онъ разсказываетъ, что, пріѣхавши по утру, нашелъ вашъ домъ кругомъ запертымъ, а потому и направился прямо къ обѣднѣ. Хотѣлъ было, говоритъ, пройти въ алтарь къ твоему мужу, но вдругъ остановился среди церкви пораженный. Ему представилось, что онъ очутился не въ убогомъ ветхомъ храмѣ глу-

хаго деревенскаго захолустья, а въ богатомъ городскомъ соборѣ, до того невозможнымъ показалось ему зрѣлище, представившееся его глазамъ. Торжественное служеніе нѣсколькихъ священниковъ соборомъ въ свѣтлыхъ одѣяніяхъ, а, вмѣсто однообразнаго пѣнія дьячка, раздается дивный хоръ свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ, славословящихъ Господа. Онъ оглядывается, кругомъ все простой народъ, на лицахъ умиленіе, или отпечатокъ восторженной молитвы, у многихъ на глазахъ слезы—во всемъ сказывается искреннее и глубокое религіозное чувство. Видно, что на непривычныхъ простолюдиновъ видъ необычайно благолѣпнаго служенія тоже производилъ и даже еще большее впечатлѣніе, чѣмъ на него самого. Когда же, по окончаніи богослуженія, понесли вокругъ церкви образа и хоругви при звонѣ колоколовъ въ торжественной процессіи, а дѣти запѣли подъ открытымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, то казалось сводъ небесный огласился ангельскимъ пѣніемъ, а священнослужители въ своихъ свѣтлыхъ ризахъ снизошли на землю отъ престола Всевышняго, гдѣ они славили Господа. Нашъ родственникъ разсказываетъ, что тутъ народъ пришелъ въ такое религіозное воодушевленіе, какое можно себѣ вообразить только у первыхъ христіанъ древнѣйшихъ временъ. Кто падалъ на колѣни, кто простиралъ руки къ небу, женщины рыдали, религіозный восторгъ доходилъ до энтузіазма... Скажи, пожалуйста, кому изъ васъ, тебѣ или мужу твоему, пришла въ голову эта дивная мысль пригласить на свой храмовой праздникъ окрестныхъ священниковъ съ своими собственными свѣтлыми ризами для соборнаго служенія и хоры мальчиковъ изъ сосѣднихъ школъ? Мысль по истинѣ чудесная, достойная всякаго вниманія! Ужъ теперь, конечно, вашъ будущій церковный хоръ совершенно обезпеченъ и тѣ люди, на которыхъ ты жаловалась, что тормозили это ваше доброе дѣло по лѣности, невѣжеству или ссылаясь на недосугъ, перестанутъ упорствовать, потому что поймутъ наконецъ

смыслъ вашихъ заботъ и не найдутъ уже лишнимъ услаждаться всякій праздникъ такимъ пѣніемъ, которое имъ показалось ангельскимъ, небеснымъ. Хорошо, что вы съ мужемъ постарались свой храмовой день, день праздника вашей церкви, отличить передъ другими праздниками, и заставили и народъ примкнуть сердцемъ къ дому Божію и порадоваться духовною радостію. Конечно, эта духовная радость должна надолго оставить впечатлѣніе въ душахъ вашихъ прихожанъ и, можетъ быть, хотя въ этотъ день спасетъ ихъ отъ обычнаго времяпрепровожденія въ гульбищахъ и кабакахъ за рюмкой, и направитъ ихъ умы на вопросы религіознаго и церковнаго характера. А то вѣдь, какъ обыкновенно народъ нашъ проводитъ храмовые праздники? Въ лѣности, праздности и пьянствѣ. А если въ какомъ селѣ къ тому же времени и ярмарка пріурочивается, такъ тамъ даже совершенно забываютъ, что этотъ день есть день ихъ великаго церковнаго праздника, и всецѣло предаются рыночнымъ интересамъ. Мнѣ приходитъ въ голову мысль, что, если бы въ такой день, вотъ такъ точно, какъ у васъ, собравшееся изъ окрестныхъ селъ духовенство, въ соединеніи съ прекраснымъ хоромъ, отслужило не только торжественную литургію по утру, но еще и послѣ обѣда направилось въ церковь служить торжественную вечерню съ поученіемъ къ народу, то этимъ самымъ оказало бы не малый подрывъ кабакамъ, въ которыхъ какъ разъ къ этому самому времени начинается настоящій разгулъ, и не малую пользу принесло бы душамъ люда, собравшагося попить и побаклушничать, а можетъ быть, и понадуть легковѣрныхъ худымъ товаромъ.

Но я, заговорившись объ одномъ, чуть было не позабылъ разспросить тебя еще кое о чемъ. Что это за спротки, которыя стояли вокругъ тебя въ церкви? Отчего ты раньше ничего не писала мнѣ о нихъ? Очень кстати твой мужъ воспользовался благочестивымъ настроеніемъ народа для того,

чтобы обратить его мысль на дѣло милосердія и облагодѣтельствовать несчастныхъ дѣтей. Нашъ родственникъ увѣряетъ, что, не смотря на свои крѣпкіе, мужскіе нервы, онъ тоже плакалъ вмѣстѣ со многими другими, когда твой мужъ отнесся къ народу съ своимъ воодушевленнымъ словомъ, призывая слушателей на помощь этимъ несчастнымъ, въ яркихъ краскахъ изобразивъ ихъ бѣдственное положеніе. Видишь, другъ мой, какъ много можетъ сдѣлать хорошаго людямъ священникъ и его жена, даже не имѣя въ рукахъ иныхъ средствъ, кромѣ одного сердечнаго расположеніе къ добру и доброй разумной инціативы. Одной силой слова, искренняго, сказаннаго во время, однимъ убѣжденіемъ мужъ твой сдѣлалъ то, что нѣсколькихъ несчастныхъ дѣтей, лишившихся родительскихъ заботъ и крова, добрые люди приняли на свое попеченіе, приняли тутъ же, въ домѣ Божіемъ, давая обѣтъ передъ престоломъ Всевышняго беречь ихъ, какъ собственныхъ дѣтей. Надѣюсь, это будетъ событіемъ, навсегда памятнымъ въ вашемъ селѣ. Какъ отрадно моему родительскому сердцу слышать, что вы съ мужемъ живете въ такой любви и согласіи, помогая другъ другу въ вашихъ трудахъ и обязанностяхъ. Ты отыскиваешь сиротъ, утѣшаешь ихъ и берешь подъ свое покровительство, а мужъ твой, пользуясь своимъ пастырскимъ вліяніемъ, помогаетъ тебѣ такъ хорошо устроить ихъ до времени, пока придутъ въ возрастъ! Вотъ идеалъ супружеской жизни, который всегда былъ начертанъ въ моей душѣ! Я счастливъ, что вижу осуществленіе его въ жизни дѣтей моихъ. Благословляю васъ и жду отъ васъ письма въ скорѣйшемъ времени, ибо соскучился въ моемъ одиночествѣ.

Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Дозволеніе низшимъ членамъ причта и діаконамъ исповѣдываться у мѣстныхъ или сосѣднихъ священниковъ.—Таврическій преосвященный объявляетъ духовенству епархіи, что низшимъ членамъ причта, даже, въ случаѣ необходимости, и діаконамъ и ихъ семействамъ онъ находитъ возможнымъ въ лѣтніе мѣсяцы и зимою во время сильнаго холода и распутицы дозволить исповѣдываться у мѣстныхъ или сосѣднихъ священниковъ, но представлять только при этомъ окружному духовнику удостовѣреніе о бытіи своемъ на исповѣди.

Когда должны быть записываемы незаконнорожденными дѣти отъ матерей, состоящихъ въ законномъ бракѣ?—Могилевская духовная консисторія даетъ знать причтамъ епархіи циркулярнымъ указомъ чрезъ благочинныхъ, что при внесеніи въ метрическія книги актовъ о рожденіи и крещеніи дѣтей отъ матерей, состоящихъ въ законномъ бракѣ, они могутъ записывать ихъ незаконнорожденными лишь тогда, когда отцомъ родившагося младенца будетъ имъ, причтамъ, представлено надлежащее удостовѣреніе гражданскаго суда, доказывающее незаконорожденность младенца, а отнюдь не должны записывать въ метрическія книги незаконнорожденными дѣтей, родившихся при существованіи законнаго брака, основываясь въ данномъ случаѣ на словесныхъ показаніяхъ или письменныхъ заявленіяхъ какъ самой матери младенца, такъ равно родственниковъ и сторонникъ лицъ, такъ какъ, по смыслу 127 ст. I ч. т. X изд. 1856 года и ст. 1348 Уст. гражд. суд. императора Александра II, законность младенца, родившагося при существованіи брака вправѣ оспаривать только мужъ его матери, и самый вопросъ о признаніи законности или незаконности рожденія, на основаніи 1346 и 1353 ст. Уст. гражд. суд., подлежитъ исключительно рѣшенію судебныхъ установленій, а до обязанности причтовъ не относится.

Къ устройству и содержанію кладбищъ.—Та же духовная консисторія объявляетъ духовенству епархіи къ исполненію, чтобы кладбища непремѣнно были огораживаемы или окапываемы и содержались въ чистотѣ.

Вопросъ изъ богослужебной практики.

Слѣдуетъ ли читать кающимся и заставлять ихъ повторять слова слѣдующей молитвы: »Исповѣдаюся Господу Богу Вседержителю и Преблагословенной Пренодьвѣ Маріи Богородицѣ, всѣмъ небеснымъ силамъ и всѣмъ святымъ, и тебѣ, отче честный?

Эта молитва находится въ Большомъ Требникѣ Петра Могилы (1 ч. стр. 352—353). Нѣтъ сомнѣнія, что подъ вліяніемъ этого Требника она и по сіе время удержалась и употребляется въ пастырской практикѣ юго-западнаго края: намъ лично извѣстно, что нѣкоторые, особенно старые духовники приходскихъ и монастырскихъ церквей г. Кіева практикуютъ ее, и по заявленію вопрошающаго, о. І—а Ѳ—ва, читаютъ ее и нѣкоторые священники въ Екатеринославской епархіи. По чтеніе этой молитвы, хотя бы и на основаніи указаній Большаго Требника Петра Могилы, едва ли умѣстно предъ исповѣдію православныхъ христіанъ. По своему содержанію и даже по буквѣ она очень напоминаетъ одну изъ молитвъ, находящихся въ чинѣ римско-католической литургіи (см. О происхожденіи и составѣ римско-католической литургіи« И. Бобровницкаго, изд. 4, 1873 г. стр. 30), и въ латинскомъ чинѣ покаянія (»О богослуженіи Западной церкви« Серединскаго, стр. 139). Правда трудно предположить, чтобы Петръ Могила заимствовалъ ее изъ чина римско-католической литургіи или изъ латинскаго чина покаянія: вѣроятно онъ внесъ ее въ свой Требникъ изъ какихъ либо древнѣйшихъ списковъ чина исповѣди, употреблявшихся у насъ до половины XVII вѣка,—по крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ одинъ списокъ чина покаянія, относящійся къ XVII вѣку и надписанный именемъ »Іоанна Мниха«, по какому чину кающійся начиналъ свою исповѣдь такими словами: »*Се исповѣдаюся азъ грѣшный Господу Богу и Пречистой Его матери, святымъ небеснымъ силамъ и всѣмъ святымъ Его*« (Треб. рукоп. Троицко-Сергіевской лавры № 232). Но откуда бы Петръ Могила ни заимствовалъ разсматриваемую нами молитву, она не можетъ быть признана согласною съ ученіемъ Православной Церкви о принесеніи покаянія *только* предъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, а не предъ святыми, и объ отпущеніи грѣховъ *только* въ силу заслугъ Христовыхъ, а не по заслугамъ святыхъ, какъ учитъ римская церковь. Можно думать, что по этой причинѣ она и не внесена въ существующій чинъ исповѣди. Во всякомъ случаѣ къ указаніямъ Требника Петра Могилы,

какъ книгѣ не чуждой нѣкоторыхъ погрѣшностей и неисправленной, нужно относиться съ осторожностію и осмотрительностію.

Таинство покаянія Господь Іисусъ Христосъ установилъ во св. Своей Церкви, какъ духовное врачевство отъ недуговъ нравственныхъ — грѣховъ; въ которые впадаютъ Его послѣдователи по духовномъ возрожденіи своемъ въ таинствѣ крещенія; ибо хотя крещеніе и очищаетъ человѣка отъ всѣхъ его грѣховъ, но не истребляетъ совершенно сѣмени грѣховной жизни, не уничтожаетъ слѣдствій первороднаго грѣха; удобопреклонность ко злу болѣе чѣмъ къ добру остается и въ человѣкѣ возрожденномъ; поэтому-то, какъ свидѣтельствуетъ слово Божіе: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Но какъ въ крещеніи, такъ и въ покаяніи прощеніе грѣховъ грѣшникъ получаетъ не иначе, какъ только въ силу искупительныхъ заслугъ Іисуса Христа, по ученію слова же Божія. *Онъ*—Христосъ *есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ: не о нашихъ же точію, но и о всего міра* (1 Іоан. 2, 2), и еще: *кровь Іисуса Христа Сына* Божія *очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. 1, 7). И хотя, по совершеніи воли Отца Своего небеснаго о спасеніи рода человѣческаго, Господь Спаситель вручилъ божественную власть *вязать и рѣшить, отпущать и удерживать* грѣхи Своимъ Апостоламъ, но и послѣ того невидимо Онъ, Самъ же остается Судіею нашей совѣсти, Самъ пріемлетъ наше исповѣданіе и подаетъ оставленіе грѣховъ, какъ это помимо слова Божія, ясно выражается и въ чинопослѣдованіи таинства покаянія, по которому кающемуся грѣшнику, предъ самою исповѣдію, предлагается отъ іерея такое наставленіе: »се чадо, Христосъ невидимо стоитъ, *пріемля исповѣданіе твое*... рцы вся, елика содѣлалъ еси, *да пріимеши оставленіе отъ Господа нашего Іисуса Христа*. Такимъ образомъ таинство покаянія для его совершенія необходимо предполагаетъ только грѣшника, исповѣдующаго грѣхи свои, Господа, невидимо пріемлющаго исповѣданіе грѣшника и священно-служителя, какъ *свидѣтеля точію*, видимо разрѣшающаго или не разрѣшающаго отъ грѣховъ, согласно божественной волѣ Учредителя сего святаго таинства.

Изъ сказаннаго видно, что исповѣданіе грѣховъ и *предъ святыми* въ таинствѣ покаянія (на ряду съ Самимъ Господомъ) не относится къ существу этого таинства и слѣдов. не необходимо для полученія прощенія грѣховъ... Впрочемъ оно въ извѣстномъ мыслѣ и не погрѣшительно. Конечно, если кто, исповѣдуя грѣхи свои предъ Господомъ и Его свя-

тыми, вѣруетъ при этомъ, что и святые могутъ прощать грѣхи, какъ и Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, то такой, безъ сомнѣнія, погрѣшаетъ; ибо грѣхъ, какъ нарушеніе божественной воли и оскорбленіе безконечной правды, и прощенъ можетъ быть только единымъ Богомъ, противъ Коего онъ содѣвается (Лук. 5, 24). Другое дѣло, если мы исповѣдуемъ грѣхи свои и *предъ святыми* въ таинствѣ покаянія въ знакъ глубочайшаго покаянія своей виновности предъ Богомъ, искренности своего раскаянія и сокрушенія о грѣхахъ, подобно напр. древнимъ христіанамъ, приносившимъ покаяніе предъ всею Церковію. Въ такомъ смыслѣ исповѣданіе грѣховъ предъ святыми не представляетъ ничего не сообразнаго съ христіанскою вѣрою. Но оно еще болѣе получаетъ смысла, если кающійся обращается въ таинствѣ покаянія *и къ святымъ*, какъ къ молитвенникамъ, которымъ дана благодать молиться за насъ грѣшныхъ: это вполнѣ согласно съ ученіемъ Прав. Церкви и весьма полезно для кающихся грѣшниковъ, по Слову божествн. Писанія: *много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема*. Наконецъ, если возьмемъ также во вниманіе, что въ будущемъ всеобщемъ судѣ будутъ участвовать и святые, по свидѣтельству Свящ. Писанія: *святіи мірови имутъ судити* (1 Кор. 6, 2), то опять не неумѣстнымъ можетъ представляться участіе святыхъ и въ этомъ духовномъ судѣ, который совершается надъ кающимися грѣшниками въ сей жизни въ таинствѣ покаянія.

Но такъ какъ далеко не всякій христіанинъ способенъ соединять такой смыслъ съ исповѣданіемъ грѣховъ и *предъ святыми* на рядѣ съ Господомъ Богомъ въ таинствѣ покаянія, то намъ кажется лучше бы твердо и неизмѣнно слѣдовать церковному чинопослѣдованію сего таинства, избѣгая вышесказанной формы исповѣди; ибо есть столь не свѣдующіе въ дѣлѣ религіи, какъ знаемъ изъ собственной практики надъ богомольцами простолюдинами, что даже самаго главнаго и существеннаго въ таинствѣ покаянія не понимаютъ.

Отъ Кіевск. Комит. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 10 мая 1888 г.
Цензоръ прот. *М. Богдановъ*.
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 22.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Мая 29-го.

Содержаніе: Пастырь Церкви въ домѣ скорби.—Учитель начальной народной школы какъ сотрудникъ священника по благоустроенію приходской жизни.—Письма священника къ дочери.—Изъ дневника любителя церковнаго пѣнія.—Вопросъ изъ богослужебной практики.

Пастырь Церкви въ домѣ скорби.

Люди, находящіеся въ какой либо скорби, ищутъ утѣшенія и успокоенія себѣ. Издавна, съ первыхъ же временъ исторіи, сердце человѣка въ годины несчастій и искушеній, какъ бы чувствуя ненадежность обыкновенныхъ земныхъ утѣшеній, по внутреннему прирожденному влеченію, обращается къ высшему міру, къ Богу, верховному Правителю и Промыслителю всѣхъ живущихъ, и отъ Него ожидаетъ облегченія и упокоснія отъ печалей, его поражающихъ. Во всѣхъ религіяхъ, какія существовали въ родѣ человѣческомъ, утѣшеніе въ скорбяхъ и облегченіе печалей было однимъ изъ главныхъ дѣйствій, какія ожидались отъ нихъ страждущимъ человѣчествомъ. Тѣмъ болѣе это должно быть въ религіи

истинной, откровенной, которая есть дѣло особенной милости Божіей къ человѣку, и служитъ выраженіемъ Его любви, желающей спасти человѣка и освободить его отъ тѣхъ золъ, какія тяготятъ его. Пастырь Церкви, представитель религіи и служитель Бога, долженъ быть всегда готовъ нести утѣшеніе людямъ, пораженнымъ скорбію и нуждающимся въ успокоеніи.

Ветхозавѣтная религія существенно была религіею утѣшенія. Главный пунктъ ея,—обѣтованіе и чаяніе Мессіи Избавителя,—направленъ къ доставленію успокоенія встревоженнымъ душамъ, страдающимъ подъ давленіемъ тяжелой судьбы, тяготѣющей на сынахъ Адама. Посылаемые Богомъ служители религіи въ ветхозавѣтныя времена,—пророки,—были сколько учителями и обличителями народа, столько же и его утѣшителями. Выступая во дни бѣдствій народныхъ, они именемъ Божіимъ ободряли смущенный народъ, обѣщали ему всесильную помощь Божію, готовую для всѣхъ, обращающихся къ Нему, и указывали въ будущемъ пришествіе на землю Спасителя, Который отретъ слезу отъ очей нашихъ и упокоитъ насъ отъ дѣлъ нашихъ и отъ печали рукъ нашихъ. Пророкамъ и священникамъ ветхозавѣтнымъ именемъ Божіимъ повелѣвалось утѣшать страждущихъ. Утѣшайте, утѣшайте люди моя, глаголетъ Богъ, читаемъ мы у пророка Исаіи. Священницы, глаголите въ сердце Іерусалиму, утѣшайте и, яко наполнися смиреніе его, разрѣшися грѣхъ его, яко пріятъ отъ руки Господни сугубы грѣхи своя (Ис. XL, 1. 2). Отъ лица Самого Господа пророкъ говоритъ всѣмъ, сѣтовавшимъ о Іерусалимѣ: на рукахъ будутъ носить васъ, и на колѣнахъ ласкать. Какъ утѣшаетъ кого либо мать его, такъ утѣшу Я васъ, и вы будете утѣшены въ Іерусалимѣ (Ис. XLVI, 12. 13). Въ такомъ трогательномъ образѣ представляется отношеніе духа Божія,

жившаго въ ветхозавѣтной Церкви, ко всѣмъ тѣмъ, которые въ скорби, съ чаяніями утѣшенія, обращали къ Богу свои сердца. Многіе изъ пророковъ въ своемъ служеніи руководились этимъ духомъ Божіимъ, и въ книгѣ пророка Исаіи мы видимъ образчики тѣхъ материнскихъ утѣшеній, какія, по порученію Божію, выражали предъ народомъ и сообщали ему религіозные приставники или стражи его (XL—LXVI гл.).

Въ новомъ завѣтѣ еще съ большею силою проявляетъ себя духъ утѣшенія, присущій религіи. Отъ Господа онъ сообщенъ Церкви, и служители Церкви призываются утѣшать, подобно матери, тѣхъ членовъ ея, которые поражены какою либо скорбію. Когда явился Господь, обѣтованный Мессія, Онъ возвѣстилъ, что утѣшеніе плачущихъ одно изъ главныхъ дѣлъ, для котораго Онъ пришелъ на землю. Онъ, при самомъ началѣ Своего божественнаго служенія, въ синагогѣ назаретской первую рѣчь открылъ тѣмъ, что нашелъ въ книгѣ пророка Исаіи то мѣсто, гдѣ написано: Духъ Господень на Мнѣ, егоже ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустити сокрушенныя въ отраду, проповѣдати лѣто Господне пріятно, и къ Себѣ отнесъ то, что написано у пророка (Лук. IV, 17—21. Ср. Ис. LXI, 1—3). Затѣмъ, сказавъ разъ, что все предано Ему Отцомъ Его, Онъ возглашаетъ: пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы (Матѳ. XI, 27. 28), и этимъ указываетъ существенный характеръ Своего служенія, давая отрадныя обѣтованія людямъ, нуждающимся въ успокоеніи. Наконецъ, предъ отшествіемъ Своимъ, въ Своихъ бесѣдахъ съ учениками, Онъ обѣщаетъ послать имъ Духа Утѣшителя, Который будетъ съ ними въ вѣкъ (Іоан. XIV, 16. 20). Этотъ Духъ пребываетъ въ Церкви, и будетъ пребывать въ ней до

скончанія вѣка, и Онъ не напрасно называется Утѣшителемъ. Такимъ названіемъ означается то дѣйствіе, которое первѣе всего ожидается отъ Него. Служители Церкви, продолжатели дѣла, которое совершилъ и возложилъ на нихъ Господь нашъ, руководимые Духомъ Утѣшителемъ, должны выполнять, по мѣрѣ возможности, ту обязанность, какая означается этимъ наименованіемъ.

Апостолы въ своихъ посланіяхъ называютъ Бога Богомъ всякія утѣхи (Рим. XV, 5. 2 Кор. 1, 3), и признаютъ, что и они, служители Божіи, обязаны утѣшать находящихся въ скорби тѣмъ утѣшеніемъ, какое сами получаютъ отъ Бога. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, пишетъ св. апостолъ Павелъ въ началѣ втораго посланія къ Коринѳянамъ, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей, яко возмощи намъ утѣшити сущія во всякой скорби, утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога (2 Кор. 1, 3. 4). Апостолъ Іаковъ посѣщеніе и утѣшеніе людей, подвергшихся несчастію, представляетъ выраженіемъ истиннаго благочестія христіанскаго. Вѣра чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцомъ (говоритъ онъ) сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ (Іак. 1, 27). Согласно этому представленію Апостола, человѣкъ, руководимый и исполненный духомъ чистой вѣры, чувствуетъ внутреннюю потребность принять участіе въ положеніи несчастныхъ и доставить имъ возможное облегченіе и утѣшеніе въ постигшей ихъ скорби. Кто же долженъ идти впереди другихъ въ христіанскомъ обществѣ въ исполненіи этого добраго дѣла, предписываемаго духомъ чистой вѣры, если не пастыри, руководители простыхъ мірянъ въ исполненіи закона христіанскаго и въ жизни богоугодной?

Въ виду такихъ указаній Писанія, позднѣйшими писателями обязанность утѣшенія несчастныхъ возлагалась на священника наравнѣ съ обязанностію учить ввѣренную ему паству вѣрѣ и благочестію. Сколько ему необходимо разъяснять пасомымъ ученіе вѣры, возбуждать ихъ къ дѣламъ любви и раскрывать законъ Божій, столько же необходимо заботиться о поддержаніи въ нихъ третьей изъ главнѣйшихъ христіанскихъ добродѣтелей,—надежды. А возбужденіе и поддержаніе въ членахъ Церкви надежды и есть собственно дѣло утѣшенія. Въ Священномъ Писаніи начертывается все то, чѣмъ пастырь Церкви можетъ и долженъ напоевать жаждущія души вѣрующихъ. Но если въ Священномъ Писаніи есть все, полезное для теоретическаго и нравственнаго наставленія христіанъ, для ученія ихъ вѣрѣ и любви (2 Тим. III, 16. 17), то вмѣстѣ съ тѣмъ оно предлагаетъ богатый источникъ и для утѣшенія. По словамъ апостола Павла, все, что писано было прежде написано намъ въ наставленіе, чтобы мы, терпѣніемъ и утѣшеніемъ изъ писаній, сохраняли надежду (Рим. XV, 4). Указывающіе обязанности священника насчитывали пять видовъ ученія, къ какимъ долженъ обращаться въ своей практикѣ священникъ; первые два относятся къ теоретической области и состоятъ въ преподаваніи ученія вѣры и въ обличеніи еретическихъ, безбожныхъ или суевѣрныхъ ученій, другіе два относятся къ нравственной области и состоятъ въ наставленіи и утвержденіи людей въ добродѣтельномъ житіи и въ исправленіи развращенныхъ; пятый же видъ состоитъ въ утѣшеніи и ободреніи печальныхъ и отчаявающихся [1]). Этотъ пятый видъ ученія также обязателенъ для священника, какъ и четыре первые. Пренебрегая имъ, онъ пренебрегаетъ одною изъ существенныхъ своихъ обязанностей.

---

[1]) Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ § 23, стр. 32—3. Изд. 4-е. 1804.

Кому же пастырь Церкви долженъ нести утѣшеніе, какое поручаетъ ему сообщать людямъ Богъ или Церковь, призвавшая его быть отцомъ и попечителемъ извѣстнаго словеснаго стада? Людямъ, подвергшимся какимъ либо несчастіямъ или ударамъ судьбы и находящимся въ скорби. Собственно говоря, никто изъ насъ не свободенъ отъ горя, и каждый изъ насъ болѣе или менѣе нуждается въ утѣшеніи. Возбуждать и укрѣплять упованіе на Бога пастырь можетъ и долженъ во всѣхъ своихъ пасомыхъ, всѣхъ долженъ учить съ покорностію и преданностію волѣ Божіей сносить тѣ тяжести и бѣдствія, какія выпадаютъ на нашу долю. Но не достаточно этого общаго утѣшенія, которому можетъ быть мѣсто на церковной каѳедрѣ. Бываютъ обстоятельства и положенія особенныя и исключительныя, которыя вызываютъ особенное состраданіе и особенное попеченіе со стороны любви пастырской. Въ иныя времена нѣкоторыхъ изъ членовъ паствы постигаютъ скорби чрезвычайныя, довольно сильныя для того, чтобы привлечь къ нимъ вниманіе и участіе людей, близкихъ къ нимъ въ какомъ либо отношеніи. Если въ виду такихъ скорбей не остаются безучастными люди, не обязанные по своему положенію предлагать скорбящимъ требуемое для нихъ утѣшеніе, то можетъ ли совершенно оставлять ихъ безъ вниманія ихъ пастырь, связанный съ ними союзомъ духовнымъ и приставленный къ нимъ съ тѣмъ, чтобы пещись о нихъ?

Между людьми, пораженными какою либо скорбію, могущими вызывать особенное участіе пастыря, на первомъ мѣстѣ должно поставить осиротѣвшія семейства, съ смертію отца или матери лишившіяся главной опоры въ жизни. Не менѣе тяжела и мучительна бываетъ скорбь и родителей, оплакивающихъ своего любимаго, можетъ быть, единственнаго сына или единственную дочь. Далѣе, иные скорбятъ и страдаютъ отъ того, что вслѣдствіе какого либо несчастія или неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ теряютъ свое

имущество, и изъ людей богатыхъ или достаточныхъ дѣлаются людьми бѣдными, нуждающимися въ самомъ необходимомъ; а другіе предаются унынію отъ того, что не видятъ удачи ни въ чемъ, за что ни возьмутся, и что Богъ не благословляетъ успѣхомъ самые усильные труды ихъ. Тамъ замѣтно безпокойство отъ того, что клевета чернитъ доброе честное имя; въ другомъ мѣстѣ слышится сильный ропотъ на судьбу по поводу несправедливыхъ преслѣдованій и гоненій со стороны людей сильныхъ, имѣющихъ вліяніе на общественное положеніе гонимыхъ. Не малыя скорби доставляетъ семействамъ пьянство или мотовство того или другаго члена ихъ, разрушающее ихъ благосостояніе, а также непослушаніе и распутная жизнь сына, на воспитаніе котораго родители готовы были употребить всѣ средства и для котораго жили и собирали имущество. Но трудно перечислить всѣ обстоятельства и причины, которыя повергаютъ въ глубокую скорбь и нерѣдко доводятъ до отчаянія людей, идущихъ тернистымъ путемъ жизни.

Что нужно для того, чтобы пастырю Церкви успѣшнѣе выполнять долгъ утѣшительства? Для этого требуется во первыхъ сила вѣры и духа, которая бы возвышала пастыря-утѣшителя надъ теченіемъ событій, подавляющихъ человѣка, и могла сообщать другимъ ободреніе воли и просвѣтлѣніе ума. Требуется далѣе теплая сочувствующая любовь къ ближнему, подпадшему несчастію. Она можетъ побудить пастыря къ оказанію помощи страждущему и вноситъ, такъ сказать, сердце въ исполненіе христіанской обязанности. Эта сочувствующая любовь тотчасъ же, при первомъ духовномъ прикосновеніи человѣка къ скорбящему сердцу, дѣлается понятною и осязательною для него, и въ этомъ случаѣ отъ нея дышетъ отрадою и успокоеніемъ. Если утѣшитель является холоднымъ и сухимъ, если онъ говоритъ слова утѣшенія и не влагаетъ въ нихъ теплаго дыханія любящей души, то

слова его будутъ скользить по поверхности души скорбящаго и не проникнутъ въ сердце. Великое значеніе здѣсь имѣетъ школа страданія. Она усиливаетъ въ человѣкѣ сочувствіе бѣдствующему и научаетъ утѣшающаго, что и какъ говорить и дѣлать ему въ домѣ скорби. Кто самъ испыталъ горе, тому понятнѣе состояніе пораженнаго какимъ либо тяжелымъ несчастіемъ; тотъ живѣе и теплѣе отнесется къ несчастному и пожалуй на основаніи опыта дѣйствительнѣе укажетъ средства для борьбы съ подавляющими вліяніями злоключеній. Говоря такъ, мы не думаемъ, что пастырю Церкви необходимо испытать разные роды бѣдствій, чтобы пріобрѣсть опытность въ утѣшеніи несчастныхъ и болѣе живое сочувствіе ихъ положенію. У каждаго изъ насъ есть свой крестъ, и никто не проживетъ свой вѣкъ безъ всякаго горя и бѣдъ. Пусть же поставленный на постѣ духовнаго стража и руководителя пасомыхъ серьезно и внимательно относится ко всему тому, что угнетаетъ человѣка, и, смотря на крестъ свой, учится помогать другимъ нести крестъ, выпавшій на ихъ долю.

Въ чемъ должно состоять то утѣшеніе, какое пастырь Церкви можетъ доставлять скорбящимъ? Кто бы ни явился утѣшителемъ въ домѣ скорби, какою бы онъ ни обладалъ силою, онъ не можетъ уничтожить скорбь, посѣтившую человѣка или семейство, не можетъ уничтожить причину, ее вызвавшую, и заглушить болѣзненное чувство, ею производимое. Значитъ, не сюда должны быть направлены утѣшенія, съ какими пастырь Церкви можетъ являться въ домъ скорби. Пастырь-утѣшитель долженъ имѣть въ виду по возможности смягчить и облегчить чувство скорби, гнетущей человѣка, открыть доступъ въ сердце болѣе отраднымъ и успокоительнымъ впечатлѣніямъ, и чрезъ то внести въ душу миръ, спокойствіе и покорную преданность волѣ Божіей, управляющей нашими судьбами. Для этого успокоенія скорбящей души и

примиренія ея съ тяжелою судьбою часто вовсе не нужно много словъ, а тѣмъ болѣе не требуется мудреныхъ разглагольствій. Нѣкоторую долю добраго дѣйствія на скорбящаго можетъ производить одно простое посѣщеніе его, не сопровождаемое расточеніемъ какихъ либо изысканныхъ фразъ и доводовъ. Сердечное сочувствіе не выражается непремѣнно въ словахъ и длинныхъ рѣчахъ. Оно безъ словъ будетъ понятно скорбящей душѣ и легко отзовется въ ней успокоивающими звуками любви. Когда человѣкъ въ глубокой горести видитъ, что его страданіямъ сочувствуютъ другіе люди, имъ уважаемые и чтимые,—въ одномъ этомъ для него есть нѣчто, вѣющее успокоеніемъ. Отрадно сознавать, что въ несчастіи и страданіи я не одинъ, что подлѣ меня есть люди, которыхъ трогаютъ мои страданія, и отъ которыхъ я могу ожидать посильной помощи. Въ Библіи есть примѣры, указывающіе способы выраженія сочувствія чужой скорби со стороны людей, желающихъ помочь несчастному и утѣшить его. Когда праведнаго Іова, по допущенію Божію, одно за другимъ постигли тяжкія злоключенія, и когда слухъ о нихъ дошелъ до друзей Іова, жившихъ вдали отъ него, эти друзья его пріидоша кійждо отъ своея страны къ нему: пріидоша къ нему единодушно утѣшити и посѣтити его. Увидѣвше же его издалеча, не познаша: и возопивше гласомъ великимъ восплакашася, разтерзавше кійждо одежду свою, и посыпавше перстію главы своя, сѣдѣша при немъ седмь дней и седмь нощей, и никтоже отъ нихъ возглагола къ нему словесе: видяху бо язву люту сущу и велику зѣло (Іов. II, 11—13). Въ молчаніи, однимъ своимъ присутствіемъ, заявляли свое сочувствіе скорби друга библейскіе мужи, и это молчаніе ихъ вызвано было великостію страданій Іова. Они какъ будто не находили словъ, чтобы измѣрить эти страданія и сколько нибудь умѣрить ихъ.

И ихъ молчаливое сочувствіе было отраднѣе для Іова, чѣмъ длинныя разглагольствія. По крайней мѣрѣ Іовъ находилъ нѣкоторую отраду, когда, при своихъ страданіяхъ, видѣлъ подлѣ себя друзей своихъ. Но когда они наконецъ отверзли уста свои и стали словами резонерства утѣшать его, эти слова явились для него солію, посыпанною на его раны, и только растравляли ихъ.

Такимъ образомъ важно и благотворно для страждущаго одно заявленіе сочувствія со стороны ближняго, особенно со стороны такого лица, которое чтитъ и уважаетъ онъ, каковъ долженъ быть для каждаго пасомаго его пастырь. Но само собою понятно, что отъ пастыря мало, даже прямо невозможно ожидать такого молчаливаго сочувствія скорби своего духовнаго сына или духовной дочери, какое указано въ примѣрѣ друзей Іова, нѣсколько дней въ молчаніи смотрѣвшихъ на его великія страданія. Отъ служителя или посланника Бога щедротъ и всякія утѣхи естественно ожидать слова ободренія и утѣшенія.

Учитель начальной народной школы какъ сотрудникъ священника по благоустроенію приходской жизни.

На приходскаго священника въ настоящее время возлагается большая надежда какъ высшею духовною, такъ и правительственною властью въ поднятіи нравственныхъ силъ простаго народа. При этомъ всѣми указывается начальное школьное образованіе, какъ одно изъ существенныхъ средствъ и способовъ, могущихъ въ значительной степени облегчить священника въ достиженіи главной цѣли въ его служеніи. Предполагается (и притомъ совершенно основательно), что съ распространеніемъ грамотности въ народѣ, легче будетъ привить русскому человѣку вѣрный взглядъ на обязанности

христіанина. Мало того легко тогда познакомить народъ и съ полезными знаніями, помогающими при затратѣ тѣхъ же силъ на работу получать больше пользы. Такимъ образомъ *правильною* постановкою начальнаго народаго образованія можно достигнуть двухъ важныхъ результатовъ—поднятія нравственности простаго народа и улучшенія его матеріальнаго положенія. Признавая такое важное значеніе за народной школой, русское правительство старалось съ самаго освобожденія крестьянъ объ умноженіи народныхъ школъ. Русское общество и духовная власть также признали полезность распространенія народнаго образованія. Въ силу такихъ обстоятельствъ въ продолженіе 25—30 послѣднихъ лѣтъ выработалось на русской почвѣ три главныхъ типа начальныхъ народныхъ школъ: министерская, земская и церковно-приходская. Всякому, конечно, извѣстно, что высшая администрація этихъ школъ не одна и та же, а слѣдовательно въ каждой изъ нихъ преслѣдуются, къ сожалѣнію, часто не однѣ и тѣ же цѣли, по крайней мѣрѣ такъ было до послѣдняго времени, т. е. пока церковно-приходская школа не получила правъ гражданства, если можно такъ выразиться. Министерская школа стремилась къ разширенію умственнаго кругозора своихъ учениковъ—и только; и она, на сколько это было возможно, достигала своей цѣли. Земская школа слѣдовала по пятамъ за министерской, прибавивъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ремесленные классы, и достигала той цѣли, къ которой стремилась. Но сталъ ли отъ этого народъ лучше въ нравственномъ отношеніи и богаче въ матеріальномъ? Уменьшились ли въ средѣ простаго народа пьянство, развратъ, стремленіе къ наживѣ на чужой счетъ, грубый обманъ? Сталъ ли крестьянинъ и вообще простой народъ ревностнѣе относиться къ исполненію общественныхъ обязанностей, лучшимъ семьяниномъ и т. д.? Къ сожалѣнію и горькому прискорбію, нужно сознаться, что всѣ эти недуги не

только не ослабѣли за указанный періодъ времени, но, пожалуй, еще усилились. Гдѣ же искать причины всему этому? Неужели нужно придти къ тому заключенію, что образованіе дѣлаетъ человѣка безнравственнымъ? На этотъ послѣдній вопросъ можно отвѣтить: вся суть въ *правильной* постановкѣ народнаго образованія. На вопросъ же, въ чемъ заключается эта правильность, скажемъ, что программа церковно-приходскихъ школъ даетъ вполнѣ удовлетворительный теоретическій на него отвѣтъ. Дѣло, поэтому, остается за практическою ея примѣнимостью, или лучше сказать, за исполнителями.

Кто же является выполнителями программы для церковно-приходскихъ школъ?—Священникъ, кто либо изъ причта, или же вмѣсто послѣдняго лицо свѣтское, по назначенію высшей администраціи школъ. Теперь является вопросъ: какія же требованія слѣдуетъ предъявлять къ этимъ исполнителямъ, чтобы школа достигала поставленной для нея цѣли? Что касается священника, то о предъявляемыхъ къ нему требованіяхъ нечего распространяться, потому что и въ школѣ онъ является тѣмъ же лицомъ, что и въ приходѣ, за исключеніемъ тайнодѣйствій; слѣдовательно и требованій къ нему со стороны школьнаго начальства предъявить больше нельзя, какъ къ пастырю и руководителю прихода. Въ числѣ этихъ требованій находится, что священникъ обязанъ научить своихъ прихожанъ истинамъ Христовой вѣры и сдѣлать ихъ ревностными исполнителями воли Божіей и предписаній Церкви, т. е. обязанъ сдѣлать ихъ истинными христіанами. Имѣя въ виду указанную конечную цѣль пастырскаго служенія, Церковь налагаетъ на священниковъ и ищущихъ священства, какъ извѣстно, нѣкоторыя обязанности по отношенію къ ихъ личной, семейной жизни. Но вправѣ ли мы предъявлять подобныя же требованія къ учителю начальной школы и стѣснять хоть сколько нибудь свободу личной

его жизни? Не достаточно ли требовать отъ него, чтобы онъ умѣлъ въ короткій срокъ, неособенно затрудняя учениковъ, научить ихъ хорошо читать и правильно по-русски писать и вообще съумѣлъ сообщить имъ тѣ свѣдѣнія, съ которыми они должны познакомиться по программѣ? Но если мы вникнемъ въ смыслъ программъ для церковно-приходскихъ школъ и припомнимъ ту цѣль, которой желательно достигнуть при посредствѣ этихъ школъ, то увидимъ, что нравственный образъ учителя не мало будетъ способствовать достиженію этой цѣли, или же удаленію отъ нея.

Въ самомъ дѣлѣ, не къ одной ли и той же цѣли идутъ какъ священникъ-законоучитель, такъ и учитель школы, или по крайней мѣрѣ должны идти? Школа, вѣдь, тотъ же приходъ, только въ миніатюрѣ, и въ ней есть представители отъ всѣхъ концовъ прихода. Положимъ, что эти представители еще не полноправные граждане, но они составляютъ часть того цѣлаго духовнаго стада, которое священникъ обязанъ привести во спасеніе, и во всякомъ случаѣ они представляютъ собою ту благодарную почву, посѣянное на которой въ скоромъ времени выростаетъ, крѣпнетъ, созрѣваетъ и даетъ плоды по роду своему. Изъ сказаннаго ясно, что учитель обязанъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы посѣянное законоучителемъ не заглохло, или, взойдя, не засохло. Въ первомъ случаѣ онъ обязанъ вырывать сорныя травы, во второмъ—во время поливать, но ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ поступать такъ, какъ поступилъ въ притчѣ о сѣятелѣ врагъ человѣка. Значитъ, учитель начальной народной школы является не только просто сотрудникомъ, но главнымъ сотрудникомъ священника въ его служеніи, и притомъ его сотрудничество не ограничивается только одной школой, но имѣетъ ареною цѣлый приходъ. Отъ діакона, т. е. лица, прислуживающаго священнику при таинодѣйствіяхъ, требуется, чтобы онъ былъ *чистымъ, не двоязыч-*

нымъ, не вину многу внимающимъ, имѣющимъ таинство вѣры, въ чистѣй совѣсти... чада добрѣ правящимъ и свой домъ (1 Тим. 3, 8—9. 2), такимъ же требованіямъ долженъ удовлетворять главный сотрудникъ священника въ школѣ, учитель народной школы. Предъявленіе къ указаннымъ лицамъ такихъ требованій имѣетъ глубокія основанія, и вотъ почему. Священникъ есть *свѣтильникъ, стоящій на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ.* Но что мы дѣлаемъ для того, чтобы свѣтъ, исходящій отъ свѣтильника, освѣщалъ наибольшее пространство?—Для этой цѣли мы ставимъ на пути его лучей рефлекторы-зеркала, отъ которыхъ отражается свѣтъ свѣтильника и увеличиваетъ силу его освѣщенія. Учитель долженъ быть по меньшей мѣрѣ этимъ рефлекторомъ. Кромѣ того, эти требованія не должны казаться намъ бременемъ неудобоносимымъ, такъ какъ имъ долженъ удовлетворять въ большей или меньшей степени каждый христіанинъ.

Никто, конечно, не станетъ отрицать той, дознанной опытомъ, истины, что примѣръ старшихъ заразителенъ для дѣтей, а тѣмъ болѣе примѣръ учителя для учениковъ. Чему же доброму могутъ научиться ученики отъ учителя, хитраго, преданнаго пьянству, невѣрующаго, а слѣдовательно и не исполняющаго предписаній Церкви и, конечно, не могущаго не только управлять хорошо своей семьей, но и самимъ собою. Отъ кого же послѣ этого ученики, эти еще не искалѣченные члены общества, научатся исполненію христіанскихъ обязанностей, коль скоро вездѣ вокругъ себя они видятъ одно лишь нарушеніе ихъ: дома—въ недобромъ примѣрѣ неразвитыхъ нравственно родителей, въ школѣ—на изуродованномъ недомысліемъ и легкомысліемъ нравственномъ образѣ учителя? Но кто нибудь возразитъ, что для учениковъ остается еще законоучитель. Какіе же слѣды могутъ оставить въ душѣ дѣтей его слова о доброй нравственной жизни, когда дѣти не видятъ этой доброй жизни, не имѣютъ вовсе или имѣютъ

слишкомъ слабое представленіе о нравственности вообще. Хотя бы слова законоучителя и произвели впечатлѣніе въ душѣ кого нибудь изъ нихъ, но одно необдуманное слово учителя, а тѣмъ болѣе его поведеніе, противорѣчащее доброму наученію пастыря, если не совершенно изгладитъ это впечатлѣніе, то поселитъ въ душѣ ученика нѣкоторое сомнѣніе. А послѣ этого всѣ труды священника и слова его будутъ гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, такъ какъ по грѣховной природѣ человѣка все дурное скорѣе находитъ себѣ доступъ въ сердце его и прививается въ немъ, чѣмъ доброе.

И вотъ такіе ученики, наконецъ, становятся взрослыми членами общества. Не наученные добру въ дѣтствѣ и въ юношескомъ возрастѣ, они и въ самостоятельной жизни не могутъ, конечно, представлять собою нравственныхъ образцовъ. Мало того они становятся язвою общества и притомъ язвою, распространяющею вокругъ себя заразу, такъ какъ они болѣе развиты въ умственномъ отношеніи, нежели ихъ окружающіе—не грамотные, а потому имѣютъ на этихъ послѣднихъ большее или меньшее вліяніе. Вотъ здѣсь-то, по нашему мнѣнію, и слѣдуетъ искать причины того нравственнаго шатанія, какое замѣчается въ послѣднее время въ средѣ простаго народа.

Отсюда ясно, что для возвышенія нравственнаго образа народа и его укрѣпленія не достаточно однихъ силъ священника, но еще нужно, чтобы ученики школъ видѣли воплощеніе христіанскаго ученія не только въ жизни священника, но и въ жизни не менѣе для нихъ авторитетнаго лица, учителя.

Посмотримъ теперь ближе, что можетъ сдѣлать для благоустроенія прихода учитель, удовлетворяющій вышеуказаннымъ требованіямъ. Какъ человѣкъ религіозный и благочестивой жизни, онъ прежде всего обратитъ вниманіе на то,

чтобы ученики его были истинными дѣтьми Христовой Церкви, зная то, что тогда и при исполненіи своихъ ученическихъ обязанностей они будутъ болѣе ревностными и аккуратными, да впослѣдствіи и въ жизни будутъ такими же. Вслѣдствіе такого взгляда на воспитаніе онъ прежде всего обратитъ серьезное вниманіе на благоповеденіе своихъ учениковъ, внушитъ имъ почтительно относиться къ старшимъ и въ особенности къ священнику, а также постарается вызвать въ нихъ благоговѣйное отношеніе ко всему священному. И все это у него будетъ достигнуто очень просто и безъ особеннаго затрудненія, такъ какъ ученики будутъ увлечены къ такому почтенію тѣхъ, кого всѣ мы должны почитать, личнымъ примѣромъ ихъ наставника. И ужъ, конечно, ученики такого учителя не станутъ бѣгать встрѣчи съ священникомъ, какъ чего-то предзнаменующаго неудачу въ дѣлахъ. Далѣе, чтобы поселить въ ученикахъ любовь къ храму, учитель никогда не позволитъ себѣ пропустить ни одной праздничной или воскресной службы безъ крайней необходимости и при этомъ онъ потребуетъ и отъ учениковъ самаго аккуратнаго посѣщенія храма Божія. Кромѣ того онъ заставитъ ихъ принимать участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи во время богослуженія, конечно, съ согласія священника, къ чему онъ предварительно подготовитъ ихъ и предоставитъ каждому изъ нихъ дѣлать то, что по ихъ силамъ. А чтобы больше ихъ заохотить къ такому участію, онъ самъ будетъ показывать имъ примѣръ. Не говорю уже о томъ, что учитель начальной народной школы постарается прежде всего научить своихъ учениковъ сначала главнѣйшимъ, а потомъ по возможности и всѣмъ церковнымъ пѣснопѣніямъ.

Разъ учитель дастъ такую постановку школѣ, то и въ цѣломъ приходѣ произойдетъ большая перемѣна. Прихожане вмѣсто того, чтобы въ праздникъ группами собираться около какого либо кабака и заниматься судами да пересудами, а

то и пьянствомъ, устремятся въ храмъ Божій, сначала изъ любопытства, послушать, какъ читаютъ и поютъ ихъ дѣти, а затѣмъ и для удовлетворенія религіозной потребности, и здѣсь, увлекаясь дѣтскими голосами, они и сами начнутъ подпѣвать сначала не смѣло, а съ теченіемъ времени и какъ слѣдуетъ. Кромѣ того учитель снабдитъ учениковъ различными книжками, и почти исключительно книжками религіозно-нравственнаго содержанія, и потребуетъ, чтобы эти книжки были ими читаемы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Дѣтское чтеніе, въ слухъ, заинтересуетъ кого либо и изъ взрослыхъ, а этотъ поспѣшитъ обратить вниманіе на чтомое и остальныхъ членовъ семьи. И любо смотрѣть, какъ вокругъ маленькаго грамотѣя сгруппируется вся семья и съ жадностью слушаетъ и поучается отъ *добраго* чтенія вмѣсто того, чтобы искать развлеченія въ обществѣ сквернослововъ и самимъ сквернословить! Это ли не благіе плоды школьнаго образованія?!

Но посмотрите дальше. Вотъ сегодня объявили въ церкви всѣмъ прихожанамъ, а въ школѣ ученикамъ, что желающіе могутъ въ 4 часа по полудни придти въ школу и послушать доброе чтеніе учителя и бесѣду священника. Еще далеко не настало назначенное время, а народъ уже толпится около школы и нетерпѣливо ждетъ, когда учитель и батюшка исполнятъ свое обѣщаніе. Желающихъ собирается много. Чтеніе и бесѣды начинаются пѣніемъ общеизвѣстныхъ молитвъ. Это послѣднее особенно нравится простому люду. Побывавшіе на первомъ воскресномъ чтеніи передаютъ свои впечатлѣнія тѣмъ, кто не былъ и возбуждаютъ въ нихъ такимъ образомъ жгучій интересъ и желаніе самимъ переиспытать все слышанное, почему на второе чтеніе собирается уже столько народу, что и помѣстить-то ихъ въ школѣ почти нѣтъ никакой возможности. Тогда священникъ объявляетъ, что чтенія будутъ происходить въ церкви, что имъ всегда

будетъ предшествовать служеніе вечерни. Такъ и дѣлается, и присутствующихъ всегда почти полная церковь. Это ли не христіанское препровожденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней?!

Въ силу сказаннаго учитель пріобрѣтаетъ все большее и большее вліяніе на прихожанъ, и, самъ относясь съ уваженіемъ къ священнику, онъ тѣмъ самымъ возвышаетъ и укрѣпляетъ авторитетъ священника. Послѣ этого само собою очевидно и то, что учитель можетъ многое сдѣлать и для улучшенія матеріальнаго благосостоянія прихожанъ, такъ какъ онъ имѣетъ возможность сообщить имъ много полезныхъ и существенно необходимыхъ свѣдѣній, которыми крестьяне постараются воспользоваться уже потому, что нерѣдко будутъ видѣть примѣненіе этихъ свѣдѣній на дѣлѣ самимъ учителемъ. Дѣло въ томъ, что при каждой школѣ въ селѣ непремѣнно есть хоть небольшой огородецъ. А чего нельзя на немъ сдѣлать при усердіи да при умѣньи! Не безъ того, конечно, что учитель можетъ познакомить какъ учениковъ, такъ и ихъ отцовъ и съ нѣкоторыми полезными ремеслами и промыслами.

Вотъ такъ-то можетъ быть устроена приходская жизнь совмѣстными трудами пастыря и учителя. И да благословитъ труды такихъ тружениковъ, гдѣ они есть, и да умножитъ число добрыхъ дѣлателей на нивѣ Своей Пастыреначальникъ и Великій Учитель, Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Л. Ш.

Письма священника къ дочери[1]).

Письмо восьмое.

Я тебѣ сообщу, дитя мое, чѣмъ я сегодня занимался— кто нибудь можетъ даже посмѣяться надо мною старикомъ. Помнишь ли, какъ ты прошлой осенью трудилась, собирая сѣмена различныхъ цвѣтовъ и огородныхъ овощей, не помышляя о томъ, что выйдешь замужъ и они не понадобятся тебѣ больше. А можетъ быть, и попадобились бы теперь въ твоемъ новомъ хозяйствѣ, но ты не вспомнила о нихъ въ свое время, а пересылать ихъ у меня нѣтъ возможности. Ты ихъ собрала въ мѣшечки и развѣшала на чердакѣ, и вотъ я сегодня собственноличпо полѣзъ туда, снялъ ихъ, разложилъ на столѣ водрузилъ очки на носъ и принялся ихъ сортировать. Что жъ, дѣло мое вдовье, хозяйки нѣтъ, прислугѣ не все можно поручить. Но не ради своихъ только нуждъ я этимъ занялся. Подвигло меня на эту кропотливую женскую работу желаніе помочь моимъ горюющимъ прихожанкамъ. Тебѣ извѣстно, конечно, что не всѣ хозяйки запасаются съ осени сѣменами;—однѣ не дѣлаютъ этого по нерадѣнію и невѣдѣнію, а другія вслѣдствіе неурожая или другихъ какихъ случайностей. Сѣмена же онѣ покупаютъ потомъ весной въ лавочкахъ и у промышленныхъ еврейчиковъ. А этого рода промышленники, разумѣется, изготовляютъ сѣмена для продажи нерадиво, сушатъ ихъ напримѣръ для скорости дѣла не на солнцѣ, а въ печкѣ, вслѣдствіе чего они становятся негодными для всхода. Иные изъ нихъ продѣлываютъ это даже нарочно, чтобъ несообразительные люди, послѣ перваго неудачнаго посѣва, доставляли имъ барышъ, покупая сѣмена еще и для втораго. На этотъ разъ случилось, что у бабъ

---

[1]) См. № 21-й.

моего села не взошли ни покупные огурцы, ни капуста и вотъ я рѣшился помочь ихъ горю. Сейчасъ отпустилъ съ миромъ нѣсколькихъ просительницъ, удовлетворивши ихъ просьбѣ, при чемъ и тебя, дитя мое, онѣ помянули добрымъ словомъ. По этому случаю пришли мнѣ въ голову нѣкоторыя мысли, которыми я и спѣшу подѣлиться по обычаю съ тобою. Отъ предметовъ религіознаго и духовнаго характера, о которыхъ я разсуждалъ съ тобою въ прежнемъ письмѣ, перейду къ предметамъ совершенно иного рода, къ матеріальнымъ, хозяйственнымъ, но, надѣюсь, что и это тебѣ пригодится. Такова наша жизнь, таковъ характеръ нашихъ обязанностей. Священнику приходится быть всѣмъ для своей паствы, и духовнымъ учителемъ и учителемъ и помощникомъ въ дѣлахъ житейскихъ, вотъ почему ему нужно со всѣмъ вѣдаться, все знать отъ высшихъ научныхъ истинъ до мелочей сельскаго хозяйства. И такъ, я хочу дать тебѣ, дитя мое, намекъ одинъ, чтобъ ты могла послужить твоимъ прихожанамъ еще и со стороны ихъ домашняго хозяйства, причемъ ты получишь возможность принести имъ и пользу существенную, матеріальную и распространить свое нравственное на нихъ вліяніе. Что, если бы ты напримѣръ взяла на себя заботу объ улучшеніи крестьянскаго огороднаго хозяйства и развитіи садоводства? Можно было бы разводить у сосѣднихъ помѣщиковъ или даже для перваго разу пріобрѣсти въ городѣ за деньги у садовниковъ нарочито въ этихъ видахъ сѣмянъ какихъ нибудь особенно хорошихъ, урожайныхъ и крупныхъ породъ огородныхъ овощей. Сколько бы радости доставила ты этимъ поселянамъ и сколько пользы! Какую бы они чувствовали къ тебѣ благодарность за эту заботу! А то вѣдь у нихъ сорта овощей незатѣйливые, простые и огородное хозяйство ведется самымъ первобытнымъ способомъ, а если которой изъ крестьянокъ и случится заполучить гдѣ лучшихъ сѣмянъ, то вѣдь она никогда ни съ кѣмъ не подѣлится ими.

Добыть ихъ у нея сосѣдки могутъ только, рѣшившись на воровство, потому что у нихъ есть такой скверный предразсудокъ, что кто даетъ другимъ сѣмена, у того у самого они не взойдутъ. А ты вотъ собственнымъ своимъ примѣромъ показала бы имъ ложь ихъ убѣжденія. Кромѣ этого, хорошо было бы тебѣ пріучить крестьянъ заводить при каждомъ дворѣ хоть маленькій садикъ, гдѣ росли бы и ягоды и фрукты дѣтямъ малымъ на забаву. Наши крестьяне въ большинствѣ случаевъ жалѣютъ отпустить для сада и пядь земли, преслѣдуя исключительно одно полезное. Садъ для нихъ роскошь, баловство. Въ Великороссіи подлѣ избы крестьянина вы не увидите ни одного кустика, ни деревца, а въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ только самые зажиточные изъ крестьянъ разводятъ у себя такъ называемые вишняки и сливняки. А между тѣмъ, настаетъ лѣто, дѣтишки хотятъ полакомиться; лѣсъ съ ягодами не всегда близокъ, а тутъ гдѣ нибудь въ самомъ селѣ за чужимъ заборомъ рдѣютъ румяные фрукты; вотъ и соблазняются, и посягаютъ на чужое добро. И не только дѣти соблазняются, воруютъ и взрослые парни и дѣвки. Воровство овощей и фруктовъ въ садахъ по деревнямъ до того распространенный порокъ, что изъ-за этого возникаютъ непрестанно даже дѣла судебныя; воровство производится большими компаніями, сопровождается драками, буйствомъ и даже убійствами. А между тѣмъ, это зло легко можно было бы искоренить, если бы у каждаго крестьянина былъ свой маленькій садикъ. Я всю жизнь не упускалъ изъ виду заботу объ этомъ и, какъ тебѣ извѣстно, достигъ таки благихъ результатовъ. Я нарочно щепилъ деревья, разводилъ малину и смородину, чтобы раздавать потомъ своимъ прихожанамъ, и могу теперь похвастаться безъ преувеличенія, что искоренилъ воровство въ своемъ селѣ. Дѣлай и ты также, дочь моя. Мужъ твой пусть щепитъ деревья въ вашемъ саду не для себя только, но имѣя въ виду и нужды другихъ, а

ты разводи кустарники и проч., за чѣмъ въ садахъ обыкновенно ухаживаютъ женщины. Посредницами въ этомъ дѣлѣ для тебя могутъ послужить тѣ самыя дѣвочки, съ которыми ты уже успѣла подружиться; ихъ легче, чѣмъ взрослыхъ людей, можно соблазнить надеждой имѣть подъ своими окнами цвѣты, а въ огородѣ всевозможныя сласти. Сначала онѣ выпросятъ у матерей малую часть земли для своихъ посадокъ; а потомъ, со временемъ ихъ грядки сами собой разростутся, когда обычай обзаводиться садовиной окончательно привьется.

Вотъ тебѣ маленькій урокъ и на этотъ разъ! Трудись, будь счастлива, дитя мое и прими сердечное благословеніе отъ любящаго тебя отца.

Письмо девятое.

Какой печальный случай описываешь ты мнѣ, дочь моя! Два шалуна—трехлѣтній и четырехлѣтній, оставленные на произволъ родителями, ушедшими на работу, разложили костеръ подъ самымъ сараемъ и были причиною того, что въ вашемъ селѣ сгорѣла цѣлая улица. А печальнѣе всего то, что это случай не единичный. Въ лѣтнюю пору, въ газетахъ не одинъ разъ приходится читать о томъ же, что вотъ-де такія-то дѣти, вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ огнемъ, были причиною пожара на селѣ или въ лѣсу. А то случается еще слышать, что какой нибудь двухлѣтній ребенокъ, покинутый родителями на свою пятилѣтнюю няньку, былъ утопленъ въ чанѣ съ водою, или отравился, наѣвшись по недосмотру волчьихъ ягодъ, бѣлены. И отчего же, спрашивается, происходятъ у насъ всѣ эти и подобныя имъ несчастія? А оттого, что наши крестьянки, принужденныя брать на себя полевыя работы, бросаютъ своихъ дѣтей дома, отчасти для того, чтобъ не мѣшали работать, а отчасти потому, что дальность разстоянія не позволяетъ имъ брать ихъ съ собою. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ есть старики и старушки—дѣдъ,

бабка, свекорь, теща, которые могутъ присмотрѣть, хоть и хворые, за покинутыми ребятишками. Иногда оставляютъ дѣтей, надѣясь на присмотръ такой старушки—сосѣдки. Но, случается, что вы пройдете въ лѣтнюю пору нѣсколько дворовъ подъ рядъ и не встрѣтите нигдѣ живой души, развѣ только услышите гдѣ нибудь одинокій плачъ запертаго въ избѣ малютки да тоскливое мяуканье кошки, покинутой ему на забаву. Что хорошаго можно ожидать отъ такихъ порядковъ? И никому, рѣшительно никому, не приходитъ въ голову придти на помощь бѣднымъ дѣтямъ и предпринять что нибудь для предотвращенія тѣхъ несчастій, которыя повторяются такъ часто въ лѣтнюю пору въ нашихъ селахъ? Какъ ты думаешь, дитя мое, не хватило ли бы у тебя времени заняться и этимъ вопросомъ? Я же, съ своей стороны, готовъ дать тебѣ нѣсколько совѣтовъ, которые облегчатъ твой трудъ. Мнѣ кажется, отъ тебя въ этомъ случаѣ потребуется немного: нужна добрая инициатива прежде всего, а затѣмъ уже все устроится само собой, какъ нельзя лучше. Вѣдь въ лѣтнюю пору школьный домъ остается пустымъ, при немъ же всегда находится просторный дворъ или просто не огороженная площадь. Вотъ и можно предложить матерямъ, не имѣющимъ возможности дать своимъ дѣтямъ надлежащій присмотръ дома, приводить ихъ въ школу, идя на работу въ поле, а въ школѣ тѣ же слабосильныя старухи, не имѣющія уже возможности заниматься работою, будутъ присматривать за ними по очереди. Это и полезно во всѣхъ отношеніяхъ и ничего бы не стоило ни съ денежной стороны, ни со стороны затрачиваемаго времени и труда: тѣ же старухи—няньки, только побольше порядка и системы. Разумѣется, отъ времени до времени и ты сама заходила бы въ школу взглянуть на своихъ импровизированныхъ пансіонеровъ, все ли тамъ находится въ порядкѣ и въ должномъ повиновеніи. Планъ мой, быть можетъ, слишкомъ смѣлый, нигдѣ еще подобнымъ образомъ не примѣнявшійся;

но испробуй его, дитя мое! Ободрю тебя нашей русской поговоркой: „смѣлымъ владѣетъ Богъ“. Быть можетъ, тебѣ и удастся сдѣлать что нибудь хорошее. Вѣдь въ старыя крѣпостническія времена такъ же точно поступали иные баре, сгоняя ребятъ къ одному мѣсту, чтобъ не мѣшали матерямъ справлять барщину. Только тогда это дѣлалось не для пользы дѣтей, а ради барскихъ корыстныхъ цѣлей; а ты дочь моя, попробуй это сдѣлать во благо общее, изъ человѣколюбія. Господь поможетъ тебѣ, видя добрыя твои намѣренія. Тутъ же скажу мимоходомъ, если бы ты захотѣла приложить особое къ этому дѣлу усердіе, ты могла бы не только дать этимъ заброшеннымъ дѣтямъ хорошій присмотръ, но и сообщить доброе и разумное направленіе ихъ играмъ, сообщить имъ также нѣкоторое понятіе о Богѣ, научить ихъ правильно креститься и обращать свои дѣтскіе глаза и мысли къ иконѣ, къ церкви, къ Небу. А кромѣ сей пищи духовной, можно, приложивши сердечныя материнскія заботы, улучшить и ихъ питаніе тѣлесное. Вѣдь, чѣмъ собственно питаются, въ лѣтнее время эти бѣдныя крестьянскія дѣти? Они почти не пробуютъ горячей пищи, какъ и ихъ родители, жуютъ черствый хлѣбъ и сырыя овощи. Не всегда перепадаетъ на ихъ долю и молоко, такъ какъ не у всякаго мужичка есть корова, а у котораго есть, не всегда доится. Вотъ тутъ и можно было бы кое-кого изъ прихожанъ, имѣющихъ скотъ, призвать къ благотворительности. Конечно, для какой нибудь богатой крестьянки ничего не составитъ отъ времени до времени удѣлять отъ своего хозяйства крынку—другую молока. Одна принесетъ крынку, другая принесетъ, а въ общемъ и составится нѣчто. Быть можетъ, у кого нибудь найдутся еще и остатки отъ обѣда, а иная благотворительная душа и нарочно сготовитъ лишнее горячее блюдо для бѣдныхъ голодающихъ дѣтей, что было бы для нихъ настоящимъ благодѣяніемъ. У насъ на Руси есть много добрыхъ людей, готовыхъ при-

приложить руки свои и свое сердце къ дѣламъ благотворительности; но часто такіе люди не знаютъ, какъ и что имъ дѣлать и, пока какая нибудь случайность не натолкнетъ ихъ на несчастіе ближняго, они только ограничиваются равнодушнымъ подаваніемъ нищему копѣйки. Укажите, гдѣ нужна благотворительность, и благотворители найдутся. Нужно-ли повторять тебѣ о томъ, что молодое поколѣніе, взятое такимъ образомъ тобою подъ свое покровительство и учительство почти что съ самыхъ пеленокъ, навсегда останется въ твоихъ рукахъ, подъ твоимъ благотворнымъ вліяніемъ, и передъ тобою не будетъ уже никакихъ преградъ для того, чтобы и впослѣдствіи стать настоящею матерію твоихъ духовныхъ чадъ.

Прощай, дитя мое, и да будетъ надъ тобою благословеніе Всевышняго.

Изъ дневника любителя церковнаго пѣнія[1]).

Марта 25. День Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Сегодня о. діакомъ предъ 9-ю пѣснію канона, вышедъ на солею и обратясь къ иконѣ Богородичной, съ ораремъ въ правой рукѣ, заучнымъ голосомъ, отчетливо и неспѣшно пропѣлъ первый припѣвъ: „Благовѣствуй земле“ большаго знаменнаго роспѣва. Нѣкоторые оо. діаконы поютъ только первую половину этого припѣва, вторую же его половину предоставляютъ пѣть клиросу, и это болѣе общій и болѣе торжественный обычай церковно-богослужебной практики. Такое пѣніе, весьма приличное празднику, производитъ сильное впечатлѣніе на предстоящихъ въ храмѣ. Я видѣлъ, какъ съ первыми же звуками „истоваго“ пѣнія о. діакона въ массѣ молящагося народа мгновенно поднялись сотни рукъ для со-

[1]) См. № 21-й.

вершенія крестнаго знаменія, я слышалъ легкій шумъ въ храмѣ отъ ихъ движенія и затѣмъ благоговѣйный шопотъ тысячи устъ, повторяющихъ за поющимъ слова этого краткаго, но величественнаго по напѣву и радостно-торжественнаго по своему содержанію пѣснопѣнія.

Итакъ великое значеніе имѣютъ въ церковномъ пѣніи *запѣвы* или *починъ*, которые установлены древнею Церковію и составляли нѣкогда обычай, простиравшійся и на клиросное пѣніе, какъ мы это видимъ между прочимъ и изъ дошедшихъ до насъ древнихъ роспѣвовъ, особенно *большаго знаменнаго*. Пѣніе одного и того же пѣснопѣнія разнообразится смѣною поющихъ лицъ и при томъ смѣною разнообразною. Если же смѣна священно-церковно-служащихъ лицъ производитъ такое сильное впечатлѣніе, то что сказать объ участіи въ пѣніи массы народной, которая въ древности иногда пѣла все извѣстное пѣснопѣніе, иногда только оканчивала чтеніе или пѣніе одного лица, или повторяла его пѣніе, или же къ пѣнію церковнаго пѣвца припѣвала особый припѣвъ. Величія и силы этого общаго богослужебнаго торжества мы нынѣ и представить не можемъ; ибо хотя нынѣ и есть опыты введенія общенароднаго пѣнія въ храмѣ, но пѣніе это пока не упорядочено, совершается неумѣло и не свободно, и развѣ только во время Пасхи общеобычный народный отвѣтъ священнику: „воистину воскресе“ слегка напоминаетъ намъ древній обычай народнаго участія въ церковныхъ возглашеніяхъ, а равно его силу и значеніе.

Нельзя не замѣтить, что уставное церковное пѣніе, по его мѣсту, совершается крестообразно точно такъ, какъ и храмы иногда устрояются крестообразно, и кажденіе и осѣненіе крестомъ или рукою священнослужащаго производится крестообразно же. Въ самомъ дѣлѣ, иное поется въ алтарѣ и предъ царскими вратами, иное посреди церкви, или даже у ея входа (въ притворѣ), иное на правомъ и лѣвомъ кли-

росѣ,—ясное изображеніе четвероконечнаго, или даже осьмиконечнаго креста.

Пѣвчіе на клиросѣ сегодня пѣли величаніе: „Архангельскій гласъ“—*тріо*. Это прекрасное переложеніе съ знаменнаго роспѣва Бортнянскаго не замѣнимо никакимъ другимъ и выходитъ одинаково хорошо, исполняется ли оно мужскими, или же дѣтскими голосами. Однако исполненіе всякаго *тріо* хорошими мужскими голосами мужественнѣе и выразительнѣе, чѣмъ голосами дѣтскими, а съ другой стороны надежнѣе и менѣе подвержено случайностямъ, такъ какъ иногда не вполнѣ совершенное владѣніе юныхъ пѣвцовъ своими голосами, а главное дѣтская робость, нерѣдко ослабляютъ впечатлѣніе, а иногда и совершенно портятъ пѣніе.

Марта 27. Недѣля Крестопокло́нная. „Святый Боже“ на утрени послѣ славословія великаго, при выносѣ Креста, какъ и при выносѣ плащаницы въ Великую субботу, поется обыкновенно въ алтарѣ священнослужащими, иногда съ помощію кого либо изъ клиросныхъ пѣвцовъ, большимъ роспѣвомъ. Затѣмъ тѣми же лицами среди церкви поется троекратно тропарь праздника: „Кресту Твоему“, сопровождаемый тремя земными поклонами. Тропарь этотъ по церк. Уставу поетъ настоятель церкви [1]). Минуты глубокаго благоговѣнія переживаются молящимися, если это чинопослѣдованіе совершается въ уставномъ порядкѣ и безъ замѣшательствъ. А замѣшательства эти возможны въ чинопослѣдованіяхъ, рѣдко совершаемыхъ въ теченіе года, особенно же при служеніи одного священника безъ діакона и при пѣніи на клиросѣ пѣвцовъ, не вполнѣ знакомыхъ съ церковнымъ Уставомъ. Такъ, помню, разъ въ одномъ храмѣ священникъ позамедлилъ пѣніемъ тропаря Кресту; пѣвчіе тотчасъ запѣли тро-

[1]) См. Типиконъ Synod. изд. 1859 г. in fol., л. 58 и обор.

парь этотъ партесно и какъ бы для всѣхъ неожиданно. Что же вышло изъ этого? Вышло нѣчто весьма неудобное, достойное общаго сожалѣнія, которое однако не тотчасъ же всѣми было замѣчено, а нѣсколько послѣ. Молящійся народъ, одумавшись, понялъ, что не воздано своевременно троекратнаго поклоненія Кресту и каждый, хотя отдѣльно послѣ и клалъ земные поклоны, но чувствовалъ, что онъ запоздалъ ими, и затѣмъ выходилъ изъ храма съ чувствомъ недовольства, или даже и глубокой скорби. Тропарь: „Кресту Твоему“ въ потномъ церковномъ Обиходѣ изложенъ двумя напѣвами: знаменнымъ и кіевскимъ [1]), каковые напѣвы суть варіанты одной и той же мелодіи. Есть и партесныя переложенія этого пѣснопѣнія, удерживающія болѣе или менѣе точно ту же мелодію. Въ богослужебно-пѣвческой практикѣ обыкновенно одинъ напѣвъ мы слышимъ изъ устъ священнослужащихъ, другой на клиросѣ; и это разнообразіе пѣнія увеличиваетъ торжественность праздничнаго богослуженія.

Въ этотъ день на литургіи пѣвческіе хоры, вмѣсто протяженнаго напѣва причастнаго стиха, поютъ пѣснопѣніе: „Тебе одѣющагося“, *болгарскаго роспѣва* въ переложеніи его прот. Турчаниновымъ. Нельзя порицать такого выбора какъ потому, что пѣснопѣніе это своимъ содержаніемъ, хотя и не прямо, соотвѣтствуетъ празднуемому дню, такъ и въ виду того, что прекрасное переложеніе болгарскаго роспѣва Турчанинова намъ приходится слышать собственно одинъ только разъ въ году, именно въ Великій пятокъ Страстной седмицы [2]). Но было бы еще лучше, если бы кто нибудь, знающій музыкальное искусство, для этой цѣли положилъ

---

[1]) См. простр. Обиходъ Синод. изд. 1864 т. лл. 83 об. и 121.

[2]) Пѣснопѣніе это церковнымъ Уставомъ положено еще пѣть на стиховнѣ въ третью недѣлю по Пасхѣ, т. е. въ недѣлю свв. женъ Мироносицъ, но пѣвцы, за весело-торжественнымъ пасхальнымъ временемъ, не находятъ удобнымъ пѣть въ этотъ день это печальное пѣснопѣніе.

на ноты какую либо изъ стихиръ, взятыхъ изъ самой службы Кресту, наприм. стихиру: „Пріидите, вѣрніи, животворящему древу поклонимся“, или: „Пріидите, вси языцы, благословенному древу поклонимся“. Послѣдня изъ этихъ стихиръ *на слава и нынѣ* роспѣта знаменнымъ роспѣвомъ въ нотныхъ „Праздникахъ“ (л. 19). Для переложенія можно воспользоваться и этимъ напѣвомъ, но можно употребить и иной напѣвъ, наприм. *болгарскій*. Подобная стихира въ день Пятидесятницы, именно: „Пріидите, вѣрніи, трисоставному (тріипостасному) Божеству поклонимся“ прекрасно положена болгарскимъ напѣвомъ въ Ирмологѣ, изданномъ во Львовѣ въ 1700 г. Само собою разумѣется, что не хоровые пѣвцы могутъ пѣть на поклоненіе Кресту положенныя уже въ „Праздникамъ“ на ноты стихиры Кресту.

Марта 31. За преполовеніемъ поста предстоитъ ожидать *Страстную седмицу,* столь обильную разнаго вида пѣснопѣніями, притомъ разныхъ роспѣвовъ и прекрасно положенными на ноты. Въ теченіи этой седмицы мы слышимъ на клиросѣ лучшіе образцы всѣхъ главныхъ роспѣвовъ Православной Русской Церкви: знаменнаго, греческаго, кіевскаго и болгарскаго, образцы переложенные на 4 голоса лучшими нашими духовными композиторами и преимущественно прот. Турчаниновымъ. За обиліемъ церковныхъ пѣснопѣній этой седмицы и близостію пасхальнаго времени неблаговременно было бы дѣлать разборъ музыкальныхъ достоинствъ этихъ роспѣвовъ. Должно замѣтить только, что они составляютъ замѣчательно художественный подборъ, вполнѣ соотвѣтствующій печально торжественному характеру богослуженій Страстной седмицы, такъ что замѣна ихъ какими либо другими напѣвами въ настоящее время была бы не умѣстна и не желательна.

О пѣснопѣніи: „Пріидите, ублажимъ Іосифа“ должно замѣтить, что оно не имѣется въ богослужебныхъ книгахъ,

а только въ книгахъ пѣвческихъ, а потому и поется не среди богослуженія, но по его окончаніи на цѣлованіе плащаницы. Въ Юго-западной Руси оно встрѣчается въ нотныхъ рукописяхъ уже въ половинѣ XVII вѣка подъ названіемъ „стихира надгробная въ Великую субботу“, а, конечно, существовало тамъ и ранѣе. Тамъ оно роспѣто болгарскимъ роспѣвомъ. Въ Сунодальномъ Обиходѣ это пѣснопѣніе, а равно и пѣснопѣніе: „Тебе одѣющагося“, кромѣ болгарскаго роспѣва, роспѣты еще роспѣвомъ знаменнымъ во гласъ 5-й, также прекраснымъ и художественно выразительнымъ, и только напѣвъ этотъ не переложенъ еще на голоса для хороваго пѣнія. Первое изъ этихъ пѣснопѣній въ придворномъ пѣніи имѣетъ особый болѣе краткій напѣвъ позднѣйшаго происхожденія, который однако, какъ единственно партесная композиція этого пѣснопѣнія, и употребляется нынѣ хоровыми пѣвцами.

Но обратимся къ практикѣ хороваго пѣнія въ Страстную седмицу. Не легко пѣвческимъ хорамъ ежедневно отправлять нѣсколько продолжительныхъ богослуженій, а еще труднѣе въ промежутки между ними дѣлать спѣвки для приготовленія къ каждому дню новыхъ пѣснопѣній. Особенно трудно приготовлять пѣвчихъ, не состоявшихъ достаточно долгое время въ хорѣ, для которыхъ пѣснопѣнія эти мало извѣстны; а такіе пѣвчіе преимущественно суть дисканты и альты. Но воодушевленіе прекрасными напѣвами Страстной седмицы и усиленный трудъ побѣждаютъ вышепомянутыя трудности, и только несдержанно громкое пѣніе и неосторожность въ отношеніи къ простуднымъ болѣзнямъ весенняго времени не рѣдко портятъ въ хорѣ тѣ или другіе, преимущественно высокіе голоса. Въ предупрежденіе утомленія пѣвцовъ благоразумные и опытные регенты хоровъ заблаговременно дѣлаютъ спѣвки для приготовленія пѣснопѣній Страстной седмицы и всячески предохраняютъ и предупре-

ждаютъ пѣвцовъ, особенно малыхъ, отъ простуды, легко пристающей къ разгоряченнымъ напряженнымъ пѣніемъ, а не рѣдко и высокою температурою храмовъ, голосовымъ органамъ. Самое лучшее средство противъ такой непріятной случайности есть заблаговременное приготовленіе къ пѣнію, сдержанное пѣніе при богослуженіи и, при возможности, отдыхъ тѣхъ изъ голосовъ, которые начинаютъ портиться. Не слѣдуетъ также увеличивать на это время количества пѣвцовъ и допускать вновь въ хоръ мало свѣдущихъ въ пѣніи. Они отягощаютъ хоръ спѣвками, а во время пѣнія въ храмѣ своею неудобоподвижностію становятся тяжелымъ бременемъ для хорошихъ пѣвцовъ. Послѣдніе каждый моментъ должны давать имъ направленіе своими голосами или, какъ говорятъ пѣвчіе „везти ихъ“, какъ бы какую громоздкую тяжесть. Поэтому же иногда и небольшой хоръ и не съ отличными голосами, но составленный изъ пѣвцовъ, знающихъ свое дѣло, поетъ лучше, чѣмъ хоръ большой, и при пѣніи чувствуетъ менѣе утомленія. При этомъ не страдаютъ ни ясность и отчетливость пѣнія, ни его выразительность. Опытомъ дознано, что при тихомъ, но внимательномъ пѣніи пѣвцовъ и между молящимися водворяются тишина и внимательность, при которыхъ отчетливо слышны и слова и мотивы выпѣваемыхъ пѣснопѣній. Къ тому же опытные пѣвцы, при указаніяхъ конечно и опытнаго регента, во время пѣнія сберегаютъ свои голоса, придавая имъ надлежащую силу тамъ, гдѣ требуется выразительность, а съ другой стороны взаимно позволяя высказываться той или другой партіи, въ мѣстахъ особенно важныхъ въ мелодическомъ или гармоническомъ отношеніи.

Вопросъ изъ богослужебной практики.

Какъ освящать ключи или колодцы въ томъ случаѣ, когда въ нихъ случится утонуть человѣку?

Въ іюнѣ мѣсяцѣ прошедшаго года въ ближайшей деревнѣ отъ нашего села, пишетъ священникъ Михаилъ Нильскій, въ общественномъ ключѣ утонула дѣвочка. Утонувшая пробыла на днѣ ключа нѣсколько часовъ, затѣмъ всплыла наверхъ; вечеромъ была усмотрѣна пришедшими за водой и вынута. Прихожане, по естественному чувству отвращенія и брезгливости, не рѣшались черпать и пить воду изъ ключа, въ которомъ найдена была утопленница; посему и обратились ко мнѣ съ просьбою освятить имъ этотъ ключъ. Признаюсь, что такая просьба прихожанъ поставила меня въ немалое затрудненіе, такъ какъ въ нашихъ требникахъ нѣтъ чина освященія ключа (колодца) на тотъ случай, когда случится утонуть въ немъ человѣку. Правда въ требникахъ есть чинъ освященія ключа на тотъ случай, когда попадетъ въ него что либо нечистое, чего человѣкъ наиболѣе гнушается, наприм. какой либо гадъ, крыса, мышь и т. п. Но ни одна изъ двухъ положенныхъ по этому чину молитвъ не имѣетъ отношенія къ тому случаю, когда въ ключѣ найденъ бываетъ утонувшій человѣкъ. Такимъ образомъ представившееся затрудненіе, за отсутствіемъ какихъ либо положительныхъ указаній, пришлось мнѣ устранить по собственному—крайнему моему разумѣнію. Сообразуясь съ чиномъ освященія колодца, »*аще случится чесому скверному яковý либо впасти въ кладязь водный*«, я приказалъ вычерпать вонъ изъ ключа 40 ведеръ воды; затѣмъ, окадивъ кругомъ ключъ и предстоящихъ, влилъ туда крестообразно и троекратно святую Богоявленскую воду, съ произнесеніемъ словъ: »благословляется ключъ сей благодатію Пресвятаго Духа, возліяніемъ воды сея священныя, во имя Отца, и Сына, и Святаго духа. Аминь«. Молитвы же никакой болѣе не читалъ. Затѣмъ, благословясь, самъ попилъ почерпнутой воды и благословилъ всѣхъ присутствующихъ сдѣлать то же.

На сколько правильно я поступилъ въ этомъ недоумѣнномъ случаѣ, прошу о. Редактора сказать свое сужденіе.

Отвѣтъ: По мнѣнію Редакціи, въ означенномъ случаѣ можно было бы прочитать вторую молитву, положенную въ чинѣ освященія колодца, оскверненнаго какою либо нечистотою,—или молитву, положенную въ чинѣ благословенія новаго колодца, но прочитать ту или другую съ опущеніемъ только нѣкоторыхъ выраженій.

Отъ Кіев. Комит. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 13 мая 1888 г.
Цензоръ прот. *М. Богдановъ*.

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 23.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Іюня 5-го.

Содержаніе: Пастырство и наемничество.—Пастырь Церкви въ домѣ скорби.—Какъ долженъ держать себя сельскій пастырь по отношенію къ мѣстной интеллигенціи?—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.—Вопросъ изъ пастырской практики.

Пастырство и наемничество.

„Пастырь добрый жизнь свою полагаетъ за овецъ..., а наемникъ нерадитъ объ овцахъ“ (Іоан. 10, 11, 13).

Подъ именами добраго пастыря и наемника Верховный Пастыреначальникъ изображаетъ два вида пастырей, поставленныхъ Имъ на стражѣ у словеснаго стада Его, искупленнаго цѣною безцѣнной Крови Его. И нельзя, кажется, найти лучшей аналогіи для изображенія характера дѣйствій этихъ двухъ типовъ пастырей.

Пастырь и наемникъ—это двѣ противоположности. Хотя и тотъ и другой поставлены на одно и то же дѣло—пасти овецъ, однако отношенія ихъ къ овцамъ до того различны,

что не могутъ имѣть между собою ничего общаго. Тогда какъ добрый пастырь, считая овецъ своими, печется о нихъ до того, что готовъ положить за нихъ и жизнь свою, наемникъ, напротивъ, считая овецъ чужими, не только не заботится о цѣлости и благосостояніи стада, не только не хочетъ, въ виду защиты его отъ враговъ, полагать жизнь свою, но и оставляетъ стадо въ виду опасности на произволъ судьбы. Тогда какъ пастырь до самоотверженія принадлежитъ своему стаду, наемникъ напротивъ заботится только о себѣ самомъ, о своихъ личныхъ интересахъ и изъ-за стада не хочетъ ни мало лишать себя спокойствія, и не только безо всякой борьбы, но и безъ малѣйшаго противодѣйствія уступаетъ свое стадо хищнику.

Пастыри словеснаго стада Христова поставлены на то, чтобы научать своихъ пасомыхъ, да знаютъ единаго истиннаго Бога и посланнаго Имъ для спасенія міра Іисуса Христа и да приведутъ ихъ къ горнему званію нетлѣнному, неувядаемому, вѣчному наслѣдію, на небѣ уготованному для людей отъ созданія міра. Пастырь по стольку будетъ выполнять свое назначеніе, по скольку, не жалѣя своихъ силъ и не щадя себя самого, станетъ заботиться о духовно-нравственномъ преуспѣяніи своихъ пасомыхъ, по скольку будетъ хранить ихъ въ единеніи вѣры и любви, ограждая ихъ отъ дѣйствія и вліянія на нихъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, встрѣчающихся въ изобиліи на пути религіозно-нравственной жизни, и по скольку будетъ содѣйствовать возрастанію въ нихъ внутренняго человѣка, созданнаго по Богѣ, въ праведности и святости истины. Для должнаго выполненія своей миссіи пастырю необходимо надобно живо сознавать ту истину, что за каждаго изъ его пасомыхъ, за хорошаго и худаго, Господь Спаситель проливалъ Кровь Свою, чтобы всѣхъ привести къ Отцу Своему, что нерадѣніе со стороны пастыря по отношенію хотя бы къ одному изъ своихъ пасо-

мыхъ есть вина противъ искупленія. И въ сознаніи этой истины онъ долженъ находить побужденіе и силу для пастырствованія. Ему необходимо сродниться духомъ съ своими пасомыми, полюбить ихъ, какъ дѣтей своихъ духовныхъ, и изучать ихъ духовно-нравственную жизнь, нужды и потребности, чтобы однихъ научить, другихъ наставить, иныхъ вразумить, иныхъ обличить, иныхъ запретить, иныхъ предупредить отъ опасности уклониться съ праваго пути истины на путь лжи и порока.

Добрый пастырь по возможности и старается такъ поступать. Онъ старается просвѣтить умъ и сердечныя очи своихъ пасомыхъ ученіемъ вѣры Христовой, предлагая вниманію ихъ вездѣ, гдѣ только возможно, христіанскія истины. Видя уклоненіе своихъ пасомыхъ во иное благовѣствованіе, онъ старается снова возвратить ихъ въ лоно Церкви выясненіемъ православія и неправославія. Замѣчая въ нихъ пороки, противныя христіанской жизни, онъ обличеніемъ и увѣщаніемъ старается отвратить ихъ отъ несвойственныхъ христіанской жизни поступковъ. Съ радующимся онъ радуется, указуя предѣлы земныхъ радостей; со скорбящими скорбитъ, предлагая христіанское утѣшеніе. Словомъ онъ старается быть всѣмъ вся, чтобы всѣхъ пріобрѣсть Христу и спасти. Само собою понятно, что выполненіе пастырскихъ обязанностей требуетъ отъ пастыря громадныхъ и духовно-нравственныхъ и физическихъ силъ и налагаетъ на него тяжелые труды, скорби, лишенія. Пастырю, рѣшившемуся добре пастырствовать, надобно отречься отъ всякаго личнаго спокойствія и не разсчитывать на безпечальную жизнь. Конечно и это очень трудно для немощи человѣческой. Но идеальный пастырь подъемлетъ большіе труды и при этомъ не только не разсчитываетъ на какую либо награду за труды въ здѣшней жизни, но готовъ бываетъ отказаться въ пользу своихъ пасомыхъ, если бы это оказалось необходимъ, даже отъ награды въ

будущей жизни, желая лучше быть изглаженнымъ изъ книги жизни, чѣмъ видѣть погибель дорогихъ своему сердцу лицъ.

Не такъ поступаетъ пастырь наемникъ. Онъ прежде всего заботится о себѣ самомъ и о своихъ личныхъ интересахъ и выгодахъ. Смотря на пастырское служеніе подобно тому, какъ смотрятъ на всякое человѣческое служеніе, дающее средства для жизни, и считая его какъ бы наградою, данною за 10—12-лѣтнее пребываніе въ учебномъ заведеніи, или за тѣ или иныя заслуги, совершенныя въ жизни, онъ хочетъ прежде всего въ обиліи стричь скудную волну съ овецъ, чтобы имѣть средства для болѣе или менѣе привольной жизни, и потому кромѣ требоисправленія ни въ чемъ не хочетъ проявлять своей пастырской дѣятельности, оправдывая себя и предъ своею совѣстью и предъ лицомъ другихъ то недостаткомъ времени, то грубостью, невѣжествомъ и невниманіемъ своихъ прихожанъ, то невозможностью стать на высоту пастырскаго служенія, то просто-напросто своею мнимою неспособностью и даже безполезностью пастырскаго дѣла. Но какія бы основанія наемникъ ни приводилъ въ оправданіе своей бездѣятельности, суть дѣла не въ нихъ, а въ томъ, что овцы для него—чужія, что онъ не имѣетъ къ нимъ никакого сочувствія, что, если бы можно было доставать волну и безъ нихъ, то онъ въ видахъ своего спокойствія былъ бы радъ радехонекъ, если бы овецъ у него совсѣмъ и не было.

Мы ясно сознаемъ, что пастырю, какъ человѣку, облеченному немощами плоти, при всемъ его желаніи и стремленіи невозможно воплотить въ своемъ лицѣ образъ идеальнаго пастыря, ибо въ немъ, т. е. въ плоти его, какъ сознавалъ это великій Апостолъ языковъ, преисполненный благодати Божіей,—не живетъ доброе, вслѣдствіе чего онъ часто дѣлаетъ не то доброе, которое хочетъ дѣлать по своему внутреннему чувству, а дѣлаетъ то злое, которое отъ всей души ненавидитъ. И съ пастыремъ, подобно какъ со всѣми про-

чими людьми, бываютъ состоянія духовной тупости и безчувствія, лѣности и нравственнаго разслабленія. А поле пастырскаго служенія слишкомъ обширно и требуетъ отъ пастыря постояннаго напряженія духовно-нравственныхъ и физическихъ силъ и постоянной готовности и къ духовно-нравственнымъ и физическимъ трудамъ. Если смотрѣть на пастырское служеніе только съ формальной стороны, то и эта сторона требуетъ отъ пастыря разнообразнаго и усиленнаго труда, могущаго часто оказываться не по силамъ слабаго и немощнаго человѣка. Пастырю надобно и богослуженіе совершить, и частныя требы исправить, проповѣдь приготовить, и внѣбогослужебныя бесѣды вести, и въ школу ходить, и канцелярію вести, и различныя отчеты составлять, что конечно уже не касается пастырскаго служенія, но тѣмъ не менѣе лежитъ на обязанности пастыря. Но служеніе пастыря не ограничивается и не исчерпывается одною формальною стороною, ибо оно есть, какъ это мы видѣли, служеніе не формы, а духа, и требуетъ отъ пастыря сердечнаго участія. Но къ симъ кто доволенъ? Кто можетъ все исполнить и притомъ такъ, какъ требуетъ того идея? Какъ ни старайся исполнять, всегда будетъ оставаться неисполненнымъ безконечно болѣе того, что исполнено.

Но иное дѣло—невозможность достиженія пастырскаго идеала, при всемъ желаніи пастыря, при горячемъ усердіи его къ пастырскому дѣлу; иное дѣло—наемническая бездѣятельность по принципу или по несознанности необходимости, благотворности и спасительности пастырскаго дѣла. Невозможность достиженія пастырскаго идеала, не превращаетъ пастыря, при условіи посильной съ его стороны дѣятельности, въ наемника, бездѣятельность же по принципу или по несознанности пастырской идеи прямо поставляетъ пастыря въ разрядъ наемниковъ. Первый, не смотря на невозможность достиженія пастырскаго идеала, въ силу своей дѣятельности,

будетъ постоянно совершенствоваться, въ той или иной мѣрѣ приближаться къ своему идеалу, и приносить посильную пользу и Церкви, и государству, и обществу; второй, какъ квіетистъ, если не будетъ удаляться отъ идеала, то не будетъ и приближаться къ нему, и останется безполезнымъ и для Церкви, и для государства, и для общества. Первый за свою, хотя бы и малую, дѣятельность можетъ ожидать себѣ и въ будущей жизни, если не награды, какъ должнаго воздаянія за трудъ, то милости отъ Бога; второму нечего ожидать кромѣ наказанія за положительное нерадѣніе о дѣлѣ Божіемъ.

Пусть наемники въ оправданіе своей бездѣятельности приводятъ разныя основанія; но какое оправданіе можетъ быть достаточнымъ съ ихъ стороны предъ Верховнымъ Пастыреначальникомъ, Который требуетъ отъ пастыря того, чтобы онъ готовъ былъ и душу свою положить за овецъ, ввѣренныхъ его попеченію? Какое основаніе можно подыскать пастырю христіанскому для извиненія своего нерадѣнія о благѣ пасомыхъ, когда Господь Богъ еще ветхозавѣтнымъ пастырямъ угрожалъ кровь овецъ, погибшихъ отъ пастырскаго нерадѣнія, взыскать отъ рукъ ихъ? Какое препятствіе, какая причина, какое основаніе для пастырской бездѣятельности могутъ быть равными этой угрозѣ, направленной противъ того, что дорого каждому человѣку, къ чему каждый стремится, надеждою на что каждый живетъ въ земной юдоли плача,—именно противъ личнаго спасенія пастыря въ будущей жизни? „Страшно еже впасти въ руцѣ Бога жива“. А Господь этимъ-то именно страхомъ и угрожаетъ пастырямъ-наемникамъ. И кто и что, какія причины и основанія для нерадѣнія о пасомыхъ могутъ избавить ихъ отъ всемогущей, сколько милосердой, столько же и правосудной карающей преступленія, десницы Божіей?

Но будемъ судить о пастыряхъ-наемникахъ по человѣчески. Не требуемъ ли мы точнаго, правдиваго и честнаго

исполненія своихъ обязанностей отъ государственно-общественныхъ дѣятелей? Не негодуютъ ли лучшіе люди на тѣхъ или иныхъ лицъ, не выполняющихъ своихъ обязанностей? Не возмущаются ли честные люди противъ нарушенія государственно-общественнаго долга, и не клеймятъ ли нарушителей его безчестными людьми? Пастырское ли служеніе ниже человѣческихъ служеній, чтобы свободно пренебрегать имъ? На пастыряхъ ли лежитъ меньшій долгъ выполнять свои обязанности, чѣмъ на государственно-общественныхъ дѣятеляхъ? Пастыри ли должны быть освобождены отъ суда человѣческаго? Нѣтъ! Если судъ человѣческій общественныхъ дѣятелей наказываетъ за ихъ бездѣятельность бичами, то пастырей-наемниковъ, если бы они гдѣ оказались, онъ по справедливости долженъ наказывать скорпіонами. Дай же Богъ, чтобы между пастырями Русской Православной Церкви не оказалось ни одного наемника.

Священникъ **Павелъ Руновскій.**

Пастырь Церкви въ домѣ скорби[1]).

Къ источнику христіанскихъ утѣшеній, хранящихся въ вѣрѣ, пастырь Церкви долженъ обращать тѣ души, на долю которыхъ выпадаетъ чаша особенныхъ горестей земныхъ, и которыя давитъ болѣзненное чувство отъ тяжести претерпѣваемыхъ ими бѣдствій. Плачущіе глаза, прикованные къ причинѣ, вызывающей страданія человѣка, онъ долженъ направлять къ созерцанію болѣе свѣтлыхъ предметовъ, которые бы отвлекали его отъ представленій тяжелаго подавляющаго свойства. Первѣе всего скорбящему слѣдуетъ указывать на всеблагое Провидѣніе, премудро управляющее нашими судьбами,

[1]) См. № 22-й.

на безконечную любовь Отца небеснаго, Который печется о насъ (Матѳ. VI, 25—32) болѣе, нежели мать печется о нечадіи чрева своего (Ис. XLIX, Матѳ. VII, 11), и на котораго Апостолъ совѣтуетъ возлагать всю печаль нашу (1 Петр. V, 7), и на преизбыточествующую силу страданій Христовыхъ, которыя подъялъ Господь для избавленія насъ отъ всѣхъ золъ. Утверждая на этомъ основаніи смущенную и колеблющуюся душу, пастырь Церкви можетъ насаждать въ ней преданность волѣ Божіей и надежду на милосердіе Божіе, не оставляющее безъ призрѣнія своихъ твореній и чадъ. Скорби не уничтожатся, не потухнутъ, когда разразилась надъ человѣкомъ бѣда, отъ подобныхъ указаній, но они не будутъ такъ жгучими и острыми.

Въ Священномъ Писаніи или ученіи вѣры содержится чрезвычайно много утѣшеній, которыми избранные учители народа, руководимые Духомъ Божіимъ, старались воодушевить людей, подвергающихся тяжелымъ испытаніямъ. Обильною рукою можетъ черпать ихъ служитель Церкви и попечитель душъ, когда обстоятельства вызываютъ его поднять и ободрить упадающихъ духомъ на тяжеломъ пути жизни. По ученію слова Божія, онъ можетъ представлять скорбящимъ и страждущимъ, что скорби неизбѣжный удѣлъ нашъ на землѣ, но что, когда Господь посѣщаетъ насъ особенными испытаніями, то этимъ Онъ показываетъ преимущественную любовь къ намъ, ведя насъ къ высшей цѣли по пути нравственнаго совершенства, такъ какъ эти испытанія, приводя насъ къ сознанію своего положенія и очищая насъ, облегчаютъ для насъ достиженіе царства небеснаго (Дѣян. XIV, 22). Апостолъ Павелъ въ благотворномъ значеніи ниспосылаемыхъ намъ испытаній для нашей нравственной жизни видитъ одно изъ главныхъ основаній къ утѣшенію страждущихъ, приводя въ этомъ случаѣ слова изъ Притчей Соломоновыхъ. Вы забыли утѣшеніе (говоритъ онъ), которое предлагается

вамъ, какъ сынамъ: сынъ мой! не пренебрегай наказанія Господня, и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя. Ибо Господь, кого любитъ, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ (Притч. III, 11, 12). Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны (Евр. XII, 5—8).

Подпадая тяжелымъ испытаніямъ, люди склонны преувеличивать свои страданія и представлять себя самыми несчастными въ свѣтѣ, и въ то же время роптать на то, что они терпятъ незаслуженно. Для одобренія скорбящихъ и укрѣпленія ихъ въ терпѣніи, и для устраненія отъ нихъ мысли о незаслуженномъ страданіи, Апостолъ представляетъ цѣлый сонмъ людей достойнѣйшихъ, которые, не смотря, на высоту своей богоугодной жизни, терпѣли тяжкія искушенія, и своимъ терпѣніемъ освятили предлежащій намъ путь скорбей, и во главѣ тѣхъ, которые предуказали намъ путь скорбей и своимъ примѣромъ ободряютъ насъ къ терпѣливому перенесенію ихъ, онъ ставитъ Начальника вѣры и Совершителя Іисуса. Иные изъ людей, достойныхъ вѣчной славы, наставляетъ Апостолъ, замучены были, не принявъ освобожденія,... другіе испытали поруганія и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткѣ, умирали отъ меча, скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія. Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли... Посему и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, съ

терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на Начальника и Совершителя вѣры Іисуса, который, вмѣсто предлежавшей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную престола Божія. Помыслите о претерпѣвшемъ такое надъ Собою поруганіе отъ грѣшниковъ, чтобы вамъ не изнемочь и не ослабѣть душами вашими (Евр. XI, 36—38. XII, 1—3).

Далѣе, въ утѣшеніе страждущимъ, вѣрующее сердце пастыря уполномочено облегчать тяготу ихъ тѣми представленіями, что Богъ, не оставляющій насъ Своимъ попеченіемъ, никогда не посылаетъ намъ испытанія, превышающаго силы наши, что вмѣстѣ съ искушеніемъ, отъ Него посылаемымъ, Онъ творитъ и избытіе, то есть, сообщаетъ страждущимъ Свою вспомоществующую благодать и благовременную поддержку, когда начнутъ изнемогать силы наши, что Господь Іисусъ Христосъ, по Апостолу, самъ пострадавшій и искушенный по всяческимъ, состраждетъ скорбямъ нашимъ и можетъ искушаемымъ помощи (Евр. II, 18, IV, 15), и вѣсть благочестивыя отъ напасти избавляти (2 Петр, II, 9), что щедрый и многомилостивый, Онъ всегда вѣнчаетъ терпѣливо несущихъ свои страданія и вознаграждаетъ ихъ за ихъ терпѣніе, какъ это показываетъ примѣръ Іова и другихъ мужей и женъ, ублажаемыхъ Церковію (Іак. V, 10. 11).

Наконецъ особенное отрадное дѣйствіе на скорбящія сердца должны производить сладкія слова Господа, призывающаго къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ и обѣщающаго имъ успокоеніе (Матѳ. XI, 28. 29). Онъ называетъ блаженными тѣхъ, на долю которыхъ выпадаютъ скорби и страданія, и указываетъ имъ великую мзду, ихъ ожидающую. Въ началѣ Своей нагорной бесѣды и какъ бы въ са-

момъ началѣ Своего ученія, Онъ вслухъ всего народа возглашалъ: блажени плачущіи: яко тіи утѣшатся... Блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царствіе небесное: блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ (Матѳ. V, 4. 10—12). Припоминая эти слова Господа, апостолы неоднократно убѣждали вѣрующихъ не чуждаться огненнаго искушенія, для испытанія намъ посылаемаго, и не сокрушаться духомъ, а напротивъ бодро встрѣчать его и даже радоваться, когда постигаетъ оно насъ. Аще добро творяще и страждуще терпите, учитъ св. апостолъ Петръ, сіе угодно предъ Богомъ; на сіе бо и звани бысте (1 Петр. II, 20. 21). Понеже пріобщаетеся Христовымъ страданіямъ, радуйтеся, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящеся (1 Петр. IV, 13). Кратковременное всякое страданіе наше, читаемъ мы у другаго Апостола, производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу (2 Кор. IV, 17).

Всѣмъ скорбящимъ съ незаглохшимъ религіознымъ чувствомъ могутъ доставлять отраду и облегченіе подобныя указаннымъ нами представленія, которыя содержатся въ богооткровенномъ ученіи и которыя должна хранить и внѣдрять въ сердца другихъ живая вѣра пастыря Церкви. Что когда предлагать пасомымъ въ часы скорби, это лучше всего укажетъ ему его тактъ, соображающій обстоятельства и расположенія пасомыхъ. Въ частности его попечительная заботливость о несчастныхъ должна видоизмѣнять свои дѣйствія и утѣшенія соотвѣтственно родамъ бѣдствій, выпадающихъ на долю тѣхъ или другихъ пасомыхъ.

Самое первое и наиболѣе требующееся утѣшеніе отъ пастыря—это утѣшеніе вдовъ и сиротъ или вообще лицъ, оплакивающихъ потерю дорогаго, любимаго существа. Въ христіанскихъ обществахъ есть обычай, утвержденный Церковію, по которому служитель алтаря является въ домъ, гдѣ скончался кто либо, для совершенія моленія надъ покойнымъ, и потомъ приглашается сюда послѣ погребенія усопшаго для поминовенія его. Эти случаи сами собою вызываютъ со стороны пастыря слово теплаго участія осиротѣвшимъ. Отъ добраго пастыря, близко принимающаго къ сердцу состояніе и чувства своихъ духовныхъ дѣтей, всегда можно ожидать, что онъ не отнесется сухо и холодно къ ихъ печали и постарается воспользоваться представляющимися ему случаями для доставленія имъ добраго утѣшенія. Кромѣ посѣщеній дома печали, вызываемыхъ христіанскимъ обычаемъ, его любовь можетъ побудить его нарочито явиться въ него для утѣшенія сиротъ и вдовицъ въ скорбяхъ ихъ. Одно слово привѣта со стороны пастыря, одно теплое воспоминаніе объ оплакиваемомъ сиротствующими можетъ смягчить ихъ болѣзнующее чувство. Въ силу вѣры, имъ питаемой, онъ можетъ далѣе возбуждать и поддерживать въ оплакивающихъ разлуку съ дорогимъ существомъ мысль о живой не прекращающейся связи съ нимъ, которая лучше всего можетъ выражаться въ молитвенномъ общеніи между живыми и умершими. При видѣ тяжелаго, иногда безпомощнаго положенія семейства, какое открывается со смертію главы его, нужно бываетъ пастырю собрать всю силу духа, чтобы поддержать и ободрить унывающихъ и проложить для нихъ путь къ успокоительной надеждѣ, представивъ въ небесномъ Отцѣ попечителя сирыхъ и вдовицъ, принимающаго ихъ подъ свой особый непосредственный покровъ.

Любовь пастыря, въ виду нужды и безпомощнаго положенія осиротѣлаго семейства, не остановится на одномъ ду-

ховномъ утѣшеніи. Въ такомъ случаѣ съ его стороны весьма умѣстны и естественны житейскіе совѣты, практическія заботы о призрѣніи сиротствующихъ. Изъ участія къ тяжелому положенію оставшихся, за смертію главы семейства, безъ опоры въ жизни, любящій пастырь можетъ позаботиться и указать, какъ устроиться сиротствующимъ, можетъ оказать имъ необходимое для нихъ посильное содѣйствіе, можетъ расположить другихъ къ помощи имъ, можетъ представить ихъ общественной благотворительности и принять мѣры къ тому, чтобы пріютить безпріютныхъ. Возможны обиды и притѣсненія безпомощныхъ сиротъ со стороны людей своекорыстныхъ и жестокихъ. Духовный отецъ ихъ явится ихъ защитникомъ и покровителемъ въ этомъ случаѣ.

Такое же присоединеніе благотворительной помощи къ духовному утѣшенію необходимо бываетъ и тогда, когда пасомые оказываются въ крайнемъ положеніи не вслѣдствіе смерти своихъ кормителей, а вслѣдствіе какого либо другаго несчастія, когда они напримѣръ лишаются своего имущества отъ пожара, наводненія и другихъ подобныхъ несчастныхъ обстоятельствъ. Духовное утѣшеніе бѣдствующихъ тогда особенно цѣнно и дѣйственно, когда оно не ограничивается одними словами, и когда чувство, руководящее утѣшителемъ, выискиваетъ средства самымъ дѣломъ помочь несчастному выпутаться изъ бѣды, его постигшей. Иной въ крайности готовъ рѣшиться на самыя отчаянныя и преступныя мѣры, чтобы только спасти себя отъ вопіющей нужды, его снѣдающей. Въ житіи святителя Николая Чудотворца разсказывается, какъ одинъ несчастный обѣднѣвшій отецъ готовъ былъ предать позору своихъ дочерей, чтобы чрезъ то пріобрѣсть нѣчто для содержанія себя и своего семейства и положить конецъ своему безвыходному положенію. Но благовременная помощь пастыря спасла несчастнаго отъ погибельнаго пути. Примѣръ святителя, явившагося съ своею помощію къ человѣку, не

знающему, на что рѣшиться и къ чему прибѣгнуть въ крайности, долженъ служить назидательнымъ образцомъ, который не слѣдуетъ опускать изъ виду людямъ, приставленнымъ къ охраненію духовнаго стада отъ напастей, угрожающихъ его цѣлости и чистотѣ.

Можетъ требоваться утѣшеніе для людей, страдающихъ много отъ того, что въ нѣдрахъ ихъ семействъ есть безпутные члены. Такъ не мало скорби выноситъ жена и мать семейства, когда преданъ пьянству или распутству мужъ ея, и она не видитъ средствъ къ его обращенію и исправленію. Часто горюютъ родители, у которыхъ дѣти не послушны и расточительны и ведутъ вольную безнравственную жизнь. Пастырю Церкви нельзя оставлять безъ вниманія скорби своихъ пасомыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что иногда сами скорбящіе обращаются къ помощи своего духовнаго отца и просятъ у него совѣта, наставленія, утѣшенія. Конечно, самая лучшая помощь и самое дѣйствительное утѣшеніе отъ пастыря Церкви въ этомъ случаѣ—вліять благотворнымъ образомъ на тѣхъ членовъ семейства, которые своимъ безпутствомъ причиняютъ большое горе своимъ домашнимъ, и добрый заботливый пастырь не откажется испробовать всѣ, находящіяся въ его рукахъ, средства, чтобы возвратить на добрый путь человѣка безпутнаго. Но, къ сожалѣнію, часто оказываются мало дѣйственными на такихъ слова вразумленія. Остается въ такомъ случаѣ, выражая сочувствіе горю семейныхъ, укрѣплять ихъ въ терпѣніи, и къ Богу, къ молитвѣ обращать ихъ сердца, чтобы свыше снискать себѣ утѣшеніе и испросить благодать обращенія для потерянаго или уклонившагося отъ пути мужа или сына. Много сокрушалась нѣкогда о безпутствѣ своего сына Моника, мать блаженнаго Августина, который провелъ довольно буйно свою молодость,—на 18-мъ году своей жизни уже имѣлъ незаконнорожденнаго сына, и кромѣ того уклонился въ секту мани-

хейства. Къ разнымъ служителямъ Церкви обращалась благочестивая мать, прося ихъ принять участіе въ ея горѣ о погибели сына. Молиться совѣтовали ей благочестивые пастыри, и когда видѣли ея слезныя мольбы къ Богу о возвращеніи сына на путь добродѣтели, съ увѣренностію обнадеживали плачущую мать: „Молись!.. Быть не можетъ, чтобы погибло чадо стольких молитвъ матери". И молитвы матери дѣйствительно услышаны были: изъ сына, причинившаго въ молодости столько огорченій своей матери, впослѣдствіи вышелъ великій дѣятель Церкви и усердный служитель Божій, до сихъ поръ чтимый потомствомъ, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ учителей церковныхъ.

Утѣшеніе, какое служитель религіи можетъ и долженъ предлагать въ домѣ скорби, не должно заключать въ себѣ одни ласкающія слова. Не убаюкивать пастырь Церкви долженъ плачущаго, не доводить его до забвенія своего положенія, а нравственно ободрять и возвышать его. Скорбящаго и опускающаго въ унынін руки при выпавшемъ на его долю тяжеломъ положеніи нужно возбуждать къ доброй дѣятельности, соотвѣтственно тѣмъ условіямъ, въ какія онъ поставленъ, къ энергической борьбѣ съ неблагопріятными обстоятельствами. Страданіе, какое ниспосылается человѣку, не должно подавлять его дѣятельности; оно напротивъ должно вызывать напряженіе силъ человѣка, чтобы съ побѣдою выдти изъ бѣды, постигшей человѣка. Иной разъ на самихъ, подвергающихся злоключенію, падаетъ часть вины въ томъ несчастіи, отъ какого они страдаютъ; напримѣръ безпутство дѣтей часто является слѣдствіемъ поблажки и невнимательности родителей, или несправедливости ихъ по отношенію къ дѣтямъ,—разстройство дѣлъ и потеря имущества иногда подготовляется лѣностію и небрежностію домохозяина, или какою либо страстію его, напримѣръ къ вину или къ азартной игрѣ, готовою жертвовать послѣднимъ достояніемъ, не со-

ображая послѣдствій этого и т. д. Нѣтъ нужды закрывать глаза на эту вину: не выступая рѣзко и круто, пастырь по долгу своему напомнитъ сѣтующимъ о тѣхъ нравственныхъ законахъ, уклоненіе отъ которыхъ не проходитъ даромъ человѣку и сопровождается неблагопріятными послѣдствіями въ здѣшней жизни. Апостолы, при утѣшеніяхъ вѣрующихъ, по вызову обстоятельствъ къ словамъ ободренія присоединяли слова укоризны, обличенія и предостереженія. Эти слова укоризны и обличенія вызывались то какими либо нравственными опущеніями, то паденіемъ духа вѣры, при которомъ вѣрующіе во Христа забывали званіе свое и божественныя обѣтованія, намъ данныя, и въ своихъ чаяніяхъ готовы были походить на язычниковъ, не имущихъ упованія.

Какъ долженъ держать себя сельскій пастырь по отношенію къ мѣстной интеллигенціи?

Трудно разобраться въ словесныхъ мнѣніяхъ и печатныхъ заявленіяхъ относительно положенія современнаго духовенства, занимаемаго имъ въ средѣ просвѣщеннаго общества. Приходится читать и слышать, что современное духовенство, собственно говоря пастыри, пользуется большимъ вѣсомъ и значеніемъ въ кругу интеллигенціи: тамъ оно бываетъ принято за своихъ людей, тамъ воздаютъ подобающее его сану уваженіе, не безъ вниманія относятся къ его слову; но еще больше приходится читать, слышать и видѣть много такого, что говоритъ далеко не въ пользу завиднаго положенія пастырей въ средѣ образованнаго общества.

Думаемъ, что въ томъ и другомъ случаѣ есть своя доля правды: все зависитъ какъ отъ личностей, такъ или иначе смотрящихъ на духовенство, иначе пастырей, такъ и отъ самихъ пастырей, вызывающихъ своею жизнію и дѣятельно-

стію такія или иныя отношенія къ нимъ „общества“. Достовѣрно только то, что между пастырями Церкви и свѣтскимъ обществомъ, понимая это общество выше рядоваго крестьянства, нѣтъ солидарности, и что не „общество“, а пастыри поставлены въ необходимость искать сближенія съ „обществомъ“, входить съ нимъ въ тѣсную нравственную связь и потомъ уже давать тонъ и направленіе его жизни своимъ пастырскимъ авторитетомъ. Какъ же долженъ держать себя сельскій пастырь по отношенію къ образованному обществу—сельской интеллигенціи? При рѣшеніи намѣченнаго вопроса нужно принять во вниманіе, что интеллигенція бываетъ разныхъ сортовъ, по крайней мѣрѣ ее можно подвести подъ двѣ категоріи: интеллигенція высшей категоріи—это лица сановные, служилые и не служилые родовые дворяне и вообще крупные представители извѣстныхъ сословій. Интеллигенція низшаго ранга—это лица, начиная отъ провинціальнаго купечества и чиновничества средней руки до сельскаго кабатчика и волостнаго писаря включительно. Интеллигенція первой категоріи, о которой мы и будемъ теперь держать рѣчь—мало бываетъ доступна пастырскому вліянію и это само собою будетъ понятно, если взять во вниманіе причины, которыми обусловливается недоступность для пастырскаго вліянія высшей интеллигенціи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое эта интеллигенція? Передовые государственные дѣятели, оберегатели общественныхъ интересовъ, люди науки, жизни и капитала, люди свѣтскаго образованія, по которому они если и не враждебно относятся къ христіанской религіи и Церкви Христовой, то, по большей части, не иначе какъ съ видомъ снисхожденія и покровительства. А что такое пастыри?—Это смиренные служители религіи, носители и вѣщатели идей, важность которыхъ этотъ чувственный міръ не всегда способенъ постигнуть; пастыри, большею частію не высшаго образованія, люди труда и бѣдности, съ которою неразрывно связана

надежда на лучшее будущее, на покровительство сильныхъ міра сего. Какъ видно, высшая интеллигенція и пастыри—это два противоположныхъ полюса, которые если и могутъ гдѣ сближаться, такъ это въ такомъ пунктѣ, въ которомъ престижъ интеллигенціи еще болѣе увеличивается. Говоря это, мы имѣемъ въ виду тѣ моменты въ жизни пастырства, когда оно, или для пользы св. Церкви, или для своихъ насущныхъ интересовъ, вынуждено бываетъ прибѣгать къ помощи и покровительству интеллигенціи. А въ такомъ случаѣ само собою понятно, что покровительствующее лицо имѣетъ больше шансовъ для поднятія и усиленія своей власти и дѣятельности, чѣмъ лицо покровительствуемое. Что же, неужели пастырю Церкви остается одно—стушеваться, быть безгласнымъ тамъ, гдѣ требуютъ противнаго интересы религіи, и быть, если не за одно, то послушнымъ орудіемъ всесильной сельской интеллигенціи? Нѣтъ. *Вы есте свѣтъ міра, вы соль земли,* говоритъ Спаситель пастырямъ. *И если кто постыдится Меня и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ,* говоритъ далѣе Господь—*и Сынъ человѣческій того постыдится...* И какъ бы ни былъ низокъ пастырь Церкви въ глазахъ интеллигенціи, какой бы зависимости ея надъ собою не чувствовалъ, но онъ непремѣнно долженъ имѣть въ виду прежде всего эти святыя слова и быть посильнымъ ихъ воплотителемъ. Знаемъ, что не легко пастырю практиковать свою дѣятельность тамъ, гдѣ не симпатіею отвѣчаютъ, а чувствомъ брезгливости, гдѣ не благодарность ожидается, а холодное равнодушіе или, еще хуже того—явное противодѣйствіе пастырской дѣятельности, гдѣ не наградою, а кознями платятъ пастырю,—все это напередъ долженъ знать пастырь и тѣмъ сильнѣе долженъ воодушевляться любовію къ своему дѣлу, тѣмъ большею энергіею долженъ вооружиться, чѣмъ больше слагается неблагопріятныхъ условій для его пастырской дѣятельности.

Правда, пастырю, далеко отстоящему отъ интеллигенціи, нѣтъ причинъ стѣсняться и стушеваться ея, ибо отношенія перваго къ послѣдней рѣдко когда заходятъ за предѣлы оффиціальныхъ пастырскихъ посѣщеній, которыя, будучи рѣдки и кратковременны, не доставляютъ пастырю достаточныхъ данныхъ для проявленія его дѣятельности; но въ томъ-то и вся суть тяжелаго для пастыря положенія, что интеллигенція стоитъ какъ бы совсѣмъ внѣ сферы пастырской дѣятельности. Намъ пришлось слышать отъ одного судебнаго слѣдователя слѣдующее. „Служа въ канцеляріи О—скаго губернатора, говоритъ слѣдователь, я былъ принятъ въ разныхъ домахъ высшей интеллигенціи какъ свой человѣкъ. Въ день Рождества Христова я, по обычаю, сдѣлалъ визитъ одному изъ дѣйств. статскихъ, и уже собрался было идти домой, какъ лакей докладываетъ хозяину, что явился приходскій протоіерей поздравить съ праздникомъ и можетъ ли онъ быть принятъ. Процедура съ докладомъ прошла довольно медленно и о. протоіерей, человѣкъ съ академическимъ образованіемъ, членъ консисторіи, увѣшанный крестами, переминался въ это время въ передней, въ ожиданіи узрѣть дѣйств. статскаго,— не больше только узрѣть и откланяться“. „Такая холодность свѣтскаго человѣка, считающагося лицемъ благороднымъ, къ заслуженному пастырю сильно поразила меня“, добавилъ слѣдователь.

Думаемъ, что подобныя отношенія интеллигенціи къ пастырямъ Церкви не исключеніе, а чуть ли не общее правило, и если они (отношенія) для кого могутъ казаться странными, то не для пастырей Церкви, которые, въ силу историческихъ условій своей жизни, сроднились съ такимъ порядкомъ вещей и, по своей невзыскательности, полагаютъ, что такъ должно быть,—хотя, скажемъ мы, этому и не должно быть, какъ явленію въ высшей степени печальному. Заурядное же сельское пастырство благодари Бога за посѣщеніе

барскихъ хоромъ и выкушаніе стакана барскаго чаю—небольше. До вліянія ли тутъ сельскихъ пастырей на интеллигенцію?—Тяжело становится на душѣ, обидно за свой санъ, когда посмотришь, какъ та же интеллигенція безъ докладовъ часто врывается къ нашимъ преосвященнымъ во внутреннія покои—и бываетъ радушно принята владыками. Пришлось мнѣ однажды перемѣнить св. антиминсъ. Стою въ архіерейской пріемной вмѣстѣ съ другими просителями около часа, въ ожиданіи выхода владыки. Какъ на зло входятъ два „*инославныхъ*“ управляющихъ фабрикъ г. М. и, по разоблаченіи ихъ лакеемъ, прямо, безъ доклада, отправляются къ преосвященному; тамъ они провели болѣе часа времени въ бесѣдѣ съ преосвященнымъ, а наша братія, на рукахъ съ святынею, переминайся съ ноги на ногу. Но неволѣ не пойдешь дальше барской передней, когда пастырскій авторитетъ унижается тамъ, гдѣ бы его стоило возвышать. Да не подумаетъ кто либо, что этимъ мы хотимъ бросить упрекъ по адресу нашихъ преосвященныхъ. Мы хорошо понимаемъ, что наши архипастыри не по раболѣпству и какимъ либо другимъ низшимъ побужденіямъ воздаютъ особое уваженіе сильнымъ міра сего, отдаютъ имъ предпочтеніе предъ ближайшими своими духовными дѣтьми—пастырями; но часто такихъ пріемовъ держатся для блага же самихъ пастырей, ради интересовъ Церкви. Мы хотѣли только сдѣлать посылку для сего неотраднаго, но очевиднаго, заключенія: если интеллигенція считаетъ для себя возможнымъ, въ виду пастырей, относиться къ архипастырямъ на правахъ равнаго, то обыкновенно пастыри для нея ничто иное, какъ покорные слуги. Пусть дѣйствительно и будетъ пастырь слугою во всѣ дни своей жизни—это его прямой долгъ, непосредственно вытекающій изъ словъ Спасителя: кто хочетъ быть первымъ, да будетъ всѣмъ слугою. Но пастырь твердо долженъ помнить, что евангельское понятіе слуги исключаетъ изъ себя всѣ тѣ рабскія страсти,

которыя имѣютъ конечною своею цѣлію мірскіе интересы: служить—дѣло хорошее и богоугодное, но прислуживаться—дѣло подлое и богопротивное для всякаго христіанина, а для пастыря тѣмъ болѣе. Находиться въ болѣе желательныхъ отношеніяхъ съ интеллигенціею пастырю нужно не ради своихъ личныхъ видовъ, но преимущественно для пастырскихъ цѣлей. А чтобы достигнуть съ успѣхомъ хорошихъ отношеній, сельскому пастырю необходимо нужно, по нашему мнѣнію, заручиться благорасположеніемъ интеллигенціи. Какъ этого достигнуть—нельзя дать точныхъ и подробныхъ указаній: это виднѣе самому пастырю, который, какъ мы сказали выше, если и не находится въ близкихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ интеллигентомъ, то во всякомъ случаѣ можетъ многое знать о немъ изъ личныхъ наблюденій и изъ постороннихъ слуховъ. Добытыя данныя дадутъ возможность опредѣлить саму личность: узнать его жизнь, хорошія и дурныя черты его характера, что прямо необходимо для успѣха пастырской миссіи. Кажется трудно сыскать нынѣ людей, которые не были бы заражены самомнѣніемъ, претензіей на уваженіе своего я; у интеллигенціи же слабость грѣховная вошла въ плоть и кровь. Служителю религіи предстоитъ иногда не легкое испытаніе—противодѣйствовать или уступать этой слабости. Нѣкоторые пастыри, сколько по горячности своего характера, столько же и по тому заблужденію, что они якобы все составляютъ въ приходѣ и потому не считаютъ нужнымъ никому кланяться—отказываются иногда поступиться предъ интеллигенціею не больше, какъ обыкновеннымъ уваженіемъ ея или, въ крайнемъ случаѣ, засвидѣтельствованіемъ уваженія публично, и отъ этого кромѣ неудовольствія ничего не получаютъ. Думаемъ, что пастырь нисколько не погрѣшитъ противъ своего долга, если будетъ оказывать особое уваженіе лицамъ высокопоставленнымъ и болѣе вліятельнымъ въ приходѣ. Само Слово Божіе обязы-

ваетъ христіанина воздавать каждому должное: кому честь, кому дань... Да вѣдь, собственно говоря, и немного требуется отъ пастыря, чѣмъ бы онъ могъ угодить интеллигенціи, не роняя своего авторитета и не вредя интересамъ религіи: выслать на литургіи просфору, прежде чѣмъ у другихъ прихожанъ отслужить молебенъ въ домѣ или посѣтить со св. крестомъ, отправить вообще ту или иную требу въ назначенное интеллигентомъ время, отслужить церковную службу часомъ ранѣе или позднѣе—вотъ почти все, чѣмъ пастырь публично, такъ сказать, можетъ засвидѣтельствовать особое свое уваженіе къ извѣстному интеллигентному лицу. Скажутъ: это мелочи, человѣкоугодіе?—ничуть и прежде всего ничуть не мелочи. Если даже скидываніе шапки при встрѣчѣ съ кѣмъ либо, ласковое и привѣтливое слово способны расположить человѣка въ хорошую сторону, то указанныя нами проявленія не вѣжливости только, а открытаго почтенія непремѣнно произведутъ благопріятныя послѣдствія въ пользу пастыря. Какъ на эти мелочи смотритъ сама интеллигенція, приведу, для иллюстраціи, факты: 1) Для помѣщика-магната г. А., всегда жившаго лѣтомъ въ своемъ имѣніи (которое теперь куплено однимъ изъ членовъ царской фамиліи) въ с. Б., воскресная и праздничная служба отправлялась нѣсколько позднѣе противъ обыкновеннаго времени. Но вотъ, молодой свящ. о. Т. не пожелалъ уважить *барской спьси* и началъ править службу въ обычное время... и за это поплатился выходомъ изъ прихода. 2) При ревизіи арсенала въ г. Б. недавно умершій генералъ-лейтенантъ г. Ф.-В. *жаловался* одному изъ благоч. священ., что его не почтили предъ прочими богомольцами выносомъ просфоры на литургіи. Какъ хотите, а мы считаемъ неправымъ не генерала за его претензію, а болѣе служащаго священника за его недогадливость. Нельзя считать и человѣкоугодіемъ того, что дѣлается пастыремъ для интеллигенціи не въ примѣръ другимъ. Самая, по-

видимому, незаконная уступчивость пастыря для интеллигенціи, проявляемая въ отправленіи церковной службы не въ обычное время, имѣетъ опроверженіе для себя и можетъ быть извинительна для пастыря. Что тутъ особеннаго, если отправленіе церковной службы въ то или иное время не будетъ стѣснительнымъ для остальныхъ прихожанъ? Вѣдь сама интеллигенція иногда весьма много значитъ для прихода и церкви по своему покровительству, дѣятельности и пожертвованіямъ на храмъ; такъ что не уважить ее было бы безсовѣстно по меньшей мѣрѣ. При всемъ томъ не мѣшаетъ замѣтить, что самъ *простой* народъ привыкъ къ чинопочитанію людей, стоящихъ выше его, по своему положенію, и посему у него не можетъ быть основанія заподозривать пастыря, въ человѣкоугодіи. Единственно, чего долженъ опасаться пастырь при воздаяніи должнаго интеллигенціи,—чтобы пастырскій авторитетъ не былъ затронутъ и униженъ самомнѣніемъ и кичливостію лица уважаемаго. А эта-то печальная дѣйствительность чаще всего бываетъ отъ уваженія, основаннаго на заискиваніи и попрошайничествѣ уважающаго. Смѣло можно сказать, что неназойливый, благородно держащій себя пастырь много выиграетъ для себя даже въ матеріальномъ отношеніи.

Но не всегда, конечно, держитъ себя сельская интеллигенція на недосягаемой высотѣ отъ низшихъ себя людей, къ которымъ, нужно сказать—не погрѣшая противъ правды—относятся и сельскіе пастыри. Кромѣ другихъ причинъ и поводовъ, болѣе оффиціальныхъ, помогающихъ пастырю сближаться съ интеллигенціею, онъ бываетъ прямо необходимъ для послѣдней какъ единственный иногда образованный человѣкъ въ извѣстномъ районѣ,—необходимъ для того, чтобы провести въ кампаніи свободное время, отвести душу въ разговорѣ. Съ этою цѣлію между двумя сторонами поддерживается даже нѣчто похожее на короткое знакомство и дружбу. Къ несчастію, нѣкоторые пастыри—не въ обиду будь сказано—

дорожатъ этими связями до самообольщенія, даже до забвенія своихъ пастырскихъ обязанностей. Положимъ, что знакомствомъ съ образованнымъ обществомъ пастырь долженъ дорожить, ибо въ этой средѣ онъ многому хорошему можетъ научиться, да и самую интеллигенцію удобнѣе изучить и оцѣнить для видовъ пастырскихъ; но, чтобы ради этого пренебрегать своими существенными обязанностями и потомъ усвоивать себѣ обычаи, привычки, манеры, несвойственныя пастырю, изъ подражанія барству, изъ желанія понравиться той средѣ, въ которой иногда совершенно случайно вращается,—это и комично и предосудительно, съ какой бы стороны мы ни стали разсматривать столь неловкое поползновеніе пастыря. Попавши въ кругъ свѣтскаго общества, пастырь долженъ быть особенно внимателенъ къ себѣ, осмотрителенъ къ своимъ дѣйствіямъ и словамъ до мельчайшихъ подробностей, чтобы не быть скомпрометированнымъ отъ себя же самого. Нужно сознаться, что у нашихъ пастырей изъ семинаристовъ слишкомъ ощутителенъ недостатокъ свѣтскаго воспитанія: нѣтъ у нихъ выдержанности въ обращеніи, просвѣчиваетъ, нерѣдко, въ ихъ словахъ и сужденіяхъ тривіальность; а между тѣмъ, въ кругу свѣтскаго общества все взвѣшено и распредѣлено бываетъ: какъ стать, гдѣ сѣсть, что когда сказать—ко всему требуется сноровка, даже нужно умѣть управлять за столомъ ножемъ съ вилкой. Эти-то мелочи, повидимому, или иначе—несоблюденіе этихъ мелочей внушаетъ барамъ нелестные отзывы о пастыряхъ. въ родѣ такихъ: и позвалъ бы когда къ себѣ священника въ гости, да положительно изъ-за него краснѣть приходится: не умѣетъ ни стать, ни сѣсть, ни стакана въ руки взять—чистый мужичекъ. И въ итогѣ—третированіе священника, неуваженіе къ его личности, отъ которой барская логика не отдѣляетъ и священнаго сана. Пастырь, положимъ, не виновенъ, что бѣдность и замкнутость домашняго и школьнаго его воспитанія

не дали ему внѣшняго лоска, да про это и знать не хотятъ; поэтому онъ долженъ пользоваться временемъ, опытомъ и примѣрами другихъ, чтобы пополнить пробѣлы, подобные вышеуказаннымъ. А какъ пастырь, иногда незамѣтно для себя, подвергаетъ свое *я* и свой санъ бичеванію и униженію, когда пытается остановить на себѣ вниманіе интеллигенціи и поддержать съ нею знакомство лестію и подобострастіемъ! А нужно сознаться, что эти страстишки, сплошь и рядомъ выглядывающіяся при отношеніи людей низшихъ съ высшими, нерѣдко водятся и за пастырями. И низокъ тотъ пастырь, который, когда ведется предъ нимъ какая либо пошлая бесѣда, не прочь бываетъ даже вставить свое „да“, чтобы поддержать ее и поправиться присутствующимъ.—жалокъ кажется, когда при немъ вѣра христіанская критикуется и чуть не про него же самого нелестно отзываются, а онъ, между тѣмъ, съ неизвинительнымъ смиреніемъ все это равнодушно выслушиваетъ. Все это, скажемъ мы, далеко не по плечу пастырю, какъ напротивъ не идетъ и то, если бы онъ ко всякой свѣтской бесѣдѣ критически относился и во всякой затѣѣ интеллигенціи усматривалъ одну дурную сторону. Нельзя сказать, чтобы наши пастыри слишкомъ ужъ далеко отстали по научному образованію отъ образованія свѣтскаго общества, но въ ихъ образованіи, какъ и въ манерахъ не достаетъ часто свѣтскости, разговорообладанія, такъ сказать. И этотъ-то недостатокъ часто налагаетъ на уста пастыря печать молчанія въ обществѣ интеллигенціи. Большее несчастіе пастырей въ томъ, что они, выходя изъ сравнительно бѣдной среды и не сталкиваясь въ пору юности своей съ образованнымъ обществомъ, какъ бы страшатся этого общества, не довѣряютъ своимъ силамъ; а послѣдствіемъ этого и бываетъ застѣнчивость, которую пастыри въ свое оправданіе называютъ приличіемъ. Къ чести нашей интеллигенціи нужно сказать, что она съ похвалою отзывается объ умныхъ пастыряхъ; ими она

дорожитъ и въ близкія отношенія къ себѣ допускаетъ. А вѣдь молчаніе большею частію есть плохой признакъ ума, и безмолвный пастырь едва ли будетъ пользоваться популярностію среди интеллигенціи, едва ли можетъ выждать что либо полезное для себя и для дѣла своей миссіи. Смѣлость города беретъ, говорятъ, и этою-то смѣлостію, иначе сознаніемъ своего достоинства, пастырь долженъ вооружаться, вращаясь въ образованномъ обществѣ. Что нужды, что пастырь не будетъ душею этого общества; пусть онъ и не ищетъ первенства тамъ, гдѣ случайно находится и гдѣ кромѣ его есть кому первенствовать, но пусть и держитъ себя такъ, чтобы не сочли его послѣднимъ и лишнимъ. Повести дѣловой разговоръ, сказать, какъ нужно, простое, но умное слово—это не Богъ вѣсть какая мудрость; а вѣдь большаго-то, кажется, и не требуется, чтобы не прослыть невѣждою: самыя изысканныя свѣтскія общества въ своихъ бесѣдахъ не заходятъ иногда дальше простыхъ сплетней и разговора о погодѣ. Мы смѣемъ думать, что пастырь, какъ человѣкъ другой среды, можетъ занимать выдающуюся роль въ свѣтскомъ обществѣ, если умѣло будетъ пользоваться временемъ и случаемъ: когда что сказать, кого какъ спросить, кому что отвѣтить... Скажутъ: опять о мелочахъ говорится! Мы согласны, но эти мелочи способны порождать крупныя послѣдствія: онѣ могутъ доставить, при соблюденіи ихъ, пастырю популярность, помогутъ ему войти въ среду свѣтскаго общества и занять тамъ подобающее пастырю положеніе. При соблюденіи этихъ-то мелочей пастырь будетъ имѣть больше шансовъ для воздѣйствія на религіозно-нравственную сторону интеллигенціи простымъ словомъ совѣта и увѣщанія. Скажутъ: пастырь и не входя въ близкія отношенія съ интеллигенціею, можетъ вліять на нее, какъ проповѣдникъ, съ церковной каѳедры. Но противъ этого много имѣется возраженій и прежде всего нужно замѣтить, что храмы Божіи рѣдко посѣщаются интеллигенціею,

а тамъ, гдѣ пастыри не пользуются любовію и уваженіемъ ея,—еще рѣже. При частомъ даже посѣщеніи храма, церковная проповѣдь несимпатичнаго пастыря будетъ одну лишь скуку нагонять на интеллигентныхъ слушателей и останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; а неумѣло составленная и сказанная проповѣдь не только не принесетъ благихъ послѣдствій, а вызоветъ ропотъ и ожесточеніе противъ проповѣдника. Въ г. Е. О—ской епархіи былъ такой случай. Въ церковной проповѣди священникъ сдѣлалъ тонкій намекъ на политическую неблагонадежность интеллигенціи—дворянъ. Мѣстное дворянство заволновалось, потребовало объясненій отъ оратора, дало знать епархіальному начальству и просило оное выдворить безтактнаго проповѣдника изъ города, что и было исполнено. Гдѣ есть слушающая интеллигенція, тамъ пастырю нужно тщательно относиться какъ къ внутреннему изложенію проповѣди, такъ и къ внѣшней отдѣлкѣ ея: онъ долженъ имѣть въ виду не простыхъ сердцемъ слушателей и покорныхъ сыновъ Церкви, смиренно внемлющихъ Слову Божію и голосу своего отца-пастыря, а людей, часто критически относящихся не только къ мысли, но къ слогу и логикѣ пастырской проповѣди. Положимъ, пастырь не парламентскій ораторъ, который главное достоинство своей рѣчи полагаетъ въ ефектѣ—силѣ логики и краснорѣчія, но онъ (пастырь) долженъ помнить, что витійство никогда не лишняя черта церковной проповѣди, а при слушающей интеллигенціи оно прямо необходимо. Но не въ этомъ главный недостатокъ пастырской проповѣди. Какъ мы сказали выше, интеллигенція привыкла уважать свое *я*, требуетъ такого же уваженія къ себѣ и отъ другихъ и не любитъ, чтобы кто указывалъ на ея недостатки, особенно публично. Служитель религіи не долженъ, конечно, стѣсняться такою щепетильностію интеллигенціи, ибо онъ Самимъ Богомъ призванъ научать и исправлять другихъ людей; но онъ долженъ быть далекъ и отъ увлеченія,

долженъ соразмѣрять свою ревность къ учительству какъ съ жизнію и силами своими, такъ съ требованіемъ времени и тѣми условіями, въ которыя поставлена интеллигенція,—и это не значитъ служить Богу и мамонѣ. Имѣй, напр., пастырь святость Златоустову, его непреклонность и силу характера, тогда научай, умоляй, обличай, запрещай своихъ пасомыхъ, какое бы положеніе они ни занимали. Его не будетъ тогда терзать совѣсть, что не свое дѣло дѣлаетъ: не тому учитъ, чего самъ не знаетъ, не того отъ другихъ требуетъ, чего самъ не исполняетъ; онъ не сложитъ своего духовнаго оружія изъ трусости и угожденія слушателямъ, не побоится печальной участи, которая готовится ему сильными міра сего. Но не все то иногда требуетъ исправленія и обличенія, что, въ глазахъ пастыря, кажется предосудительнымъ. Пусть самъ пастырь будетъ примѣрной жизни человѣкомъ: строгимъ аскетомъ, денноночнымъ богомольцемъ, милостивымъ къ нищимъ до самоотверженія, но онъ увлечется, если того же строго потребуетъ и отъ интеллигенціи, которую, по немощи къ перенесенію подвиговъ христіанской вѣры, можно сравнить съ дѣтьми. Этихъ людей исподоволь нужно вести къ нравственному усовершенствованію. Иногда пастырю Церкви больно смотрѣть на проявленія современной моды и цивилизаціи между интеллигенціею, онъ готовъ возстать съ словомъ обличенія,—и хорошо поступитъ, если будетъ ратовать противъ модныхъ страстей, грозящихъ свѣтскому обществу дурными послѣдствіями; но пастырь безтактно поступитъ, если безъ разбора станетъ осуждать тѣ развлеченія и удовольствія, которыя и со стороны закона христіанскаго кажутся терпимыми и для свѣтскаго общества составляютъ насущную потребность, способную оживить, облагородить, успокоить человѣка. Умѣнье нужно различать: иное дѣло порочная страсть, требующая безусловнаго обличенія и исправленія, а иное дѣло—невинныя удовольствія, вызываемыя временемъ и поло-

женіемъ человѣка; и къ нимъ можно съ снисхожденіемъ относиться, а не строго осуждать и безпощадно громить съ церковной каѳедры. Доселѣ мы имѣли въ виду отношенія пастыря къ интеллигенціи, по меньшей мѣрѣ терпимой въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Но бываютъ такія интеллигентныя особы, для которыхъ нѣтъ ни Бога, ни религіи, а между тѣмъ онѣ такъ популярны, доступны и радушны, что невольно всякаго располагаютъ въ свою пользу. Какихъ отношеній долженъ держаться пастырь къ этимъ лицамъ? Прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ должны бы служить тѣ случаи изъ жизни Пастыреначальника—Христа, изъ которыхъ видно, что Онъ не полагалъ Своей проповѣди и вообще далеко держалъ Себя отъ тѣхъ людей, которые не искали духовнаго свѣта и предпочитали жить во тьмѣ—(примѣръ гадаринскихъ жителей). Онъ и апостоламъ Своимъ далъ первоначальное повелѣніе не ходить съ проповѣдію въ языческія страны, а идти къ погибшимъ овцамъ дома израилева. Но вѣдь Іисусъ Христосъ, какъ всевѣдущій Богъ, зналъ, гдѣ проповѣдь останется безплодною, зналъ косность сердца человѣческаго и посему считалъ преждевременнымъ касаться проповѣдію людей, незрѣлыхъ для духовнаго обновленія; а между тѣмъ, Онъ въ близкія отношенія входилъ—ѣлъ и пилъ вмѣстѣ—съ людьми, хотя явно грѣшными, но уже подготовленными къ принятію благодати, немощная врачующей. Обыкновенный же грѣшный пастырь ни въ какомъ случаѣ не долженъ держать себя далеко отъ интеллигенціи, огрубѣвшей въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Прежде всего пастырю слѣдуетъ поддерживать обыкновенныя, общечеловѣческія отношенія съ подобными людьми: не выражать къ нимъ холодности и безучастности, но и не простирать своего вниманія до особой уважительности и предпочтенія предъ другими людьми, хотя бы то и низшими по своему положенію; иначе пастырь на посмѣшище выставитъ христіанскую религію и

свой санъ. Пастырь хорошо поступитъ, если въ дѣлахъ, касающихся религіи, Церкви, прихода, не будетъ спрашивать совѣта и согласія интеллигентовъ, не уважающихъ религію,— если не будетъ руководиться этими совѣтами, хотя бы они предлагались, повидимому, съ доброю цѣлію. Люди, по убѣжденію своему, не имѣющіе ничего общаго съ религіею, не должны имѣть авторитета и во внѣшнихъ ея проявленіяхъ... Въ отношеніи этихъ людей пастырю слѣдуетъ принять не столько активное участіе, сколько пассивное выжидательное положеніе и быть сторонникъ наблюдателемъ за перемѣною ихъ религіознаго состоянія. Хотя рѣдко, но случается, что и изъ Савловъ—гонителей выходятъ ревностные послѣдователи Христа—Павлы, и на этотъ случай пастырь не долженъ замедлять съ духовнымъ врачествомъ...—Мы хотѣли высказать общій взглядъ нашъ на отношенія сельскихъ пастырей къ интеллигенціи, хотя и касались, по мѣстамъ, нѣкоторыхъ частностей. Сознаемся, что мы не новое что либо пишемъ, а повторяемъ старое и общеизвѣстное, но на это-то старое и общеизвѣстное, какъ на мелочь, мы рѣдко обращаемъ вниманіе. Мы забываемъ ту простую истину, что вся наша обыденная жизнь состоитъ большею частію изъ мелочей, чрезъ несоблюденіе которыхъ трудно достижимо бываетъ что либо крупное и болѣе осязательное.

Въ концѣ нашей статьи считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, оріентируясь въ кругу интеллигенціи высшаго полета, сельскій пастырь долженъ обладать болѣе змѣиною мудростію, тогда какъ, по отношенію къ интеллигенціи низшей категоріи, онъ долженъ имѣть болѣе голубиную чистоту. Но объ этомъ послѣ.

Сельскій іерей О—ской епархіи.

Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Нужно ли благочиннымъ представлять свѣдѣнія о наличныхъ пенсіонерахъ?—Херсонская духовная консисторія объявляетъ благочиннымъ церквей епархіи для свѣдѣнія и руководства, что въ представленіи на будущее время списковъ наличныхъ пенсіонеровъ нѣтъ надобности, и что они обязываются только доносить о смерти пенсіонеровъ, не медля по полученіи о томъ свѣдѣній.

Объ оплатѣ гербовымъ сборомъ билетовъ, выдаваемыхъ лицамъ духовнаго званія, увольняемымъ въ отпускъ.—Костромская духовная консисторія объявляетъ настоятелямъ монастырей, соборовъ и благочинныхъ, что билеты лицамъ духовнаго званія, увольняемымъ въ отпускъ по собственнымъ или церковнымъ надобностямъ, подлежатъ гербовому сбору въ 10 коп. за листъ.

О порядкѣ сообщенія причтами предбрачныхъ свѣдѣній.—Та же духовная консисторія циркулярно даетъ знать духовенству епархіи, что предбрачныя свидѣтельства о прихожанахъ, желающихъ вѣнчаться не въ своей приходской церкви, именно—о лѣтахъ ихъ, брачномъ или безбрачномъ состояніи, о вѣроисповѣданіи, объ оглашеніи и проч., должны быть выдаваемы за подписью всего мѣстнаго причта, и притомъ оплаченныя гербовою 80-копѣечною маркою.

Порядокъ подачи прошеній о разрѣшеніи браковъ лицъ, не достигшихъ церковнаго совершеннолѣтія, или же состоящихъ между собою въ извѣстныхъ степеняхъ родства.—Черниговская духовная консисторія подтверждаетъ духовенству епархіи, чтобы приходскіе священники удерживали прихожанъ своихъ отъ подачи просьбъ о разрѣшеніи браковъ, по недостиженію совершеннолѣтія, безъ уважительныхъ на то причинъ, а тѣмъ болѣе такихъ лицъ, которымъ не достаетъ до совершеннолѣтія болѣе полугода, а объ уважительности причинъ, вынуждающихъ необходимость совершенія браковъ при недостиженіи полугодичнаго возраста женихомъ или невѣстою, дѣлали бы отъ себя завѣренія на просьбахъ, а также и о времени рожденія того лица, которому испрашивается разрѣшеніе. Одного же желанія родителей бракомъ сочетать жениха или невѣсту въ несовершеннолѣтіи, по смыслу Высочайше утвержденнаго въ 11 день мая 1879 года опредѣленія Св. Синода,

не достаточно, а потому подобныя ходатайства будутъ оставляемы безъ удовлетворенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходскіе священники обязаны тщательно наблюдать, чтобы въ прошеніяхъ о разрѣшеніи браковъ лицамъ, состоящимъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства, были прописываемы имена и фамиліи родителей и родственниковъ жениха и невѣсты, чрезъ которыхъ они состоятъ между собою въ родствѣ, и внушать прихожанамъ своимъ, чтобы они о разрѣшеніи браковъ не обращались къ епархіальному начальству телеграммами, каковыя, какъ не имѣющія законнаго основанія, будутъ оставляемы безъ послѣдствій. Каждое прошеніе должно быть оплачено двумя гербовыми марками 80-копѣечнаго достоинства: за прошеніе и на отвѣтъ.

Вопросъ изъ пастырской практики.

Когда по просьбѣ жены брачный союзъ ея съ мужемъ, сосланнымъ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, расторгнутъ, то имѣетъ ли она право безъ вѣдома епархіальнаго начальства вступить въ новый бракъ съ близкимъ родственникомъ своего бывшаго (перваго) мужа?

Какъ скоро извѣстныя лица вступаютъ въ законный бракъ между собою, то и между кровными родственниками ихъ возникаетъ двухродное родство или свойство. Родство же двухродное или свойство между кровными родственниками тѣхъ лицъ, которыя вступили въ законный бракъ, не уничтожается въ томъ случаѣ, когда законный брачный союзъ между супругами расторгается по какой либо уважительной причинѣ, наприм. за ссылкою одного изъ супруговъ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или по безвѣстному отсутствію, продолжающемуся болѣе пяти лѣтъ, или по нарушенію супружеской вѣрности, и проч., подобно тому какъ не прекращается двухродное родство или свойство между кровными родственниками тѣхъ супруговъ, законный брачный союзъ которыхъ прекращается за смертію одного или обоихъ супруговъ. Совсѣмъ иное дѣло бываетъ, когда извѣстныя лица вступаютъ въ незаконный бракъ. Вступившіе въ незаконный бракъ не признаются законными супругами и разлучаются отъ сожительства между собою; естественно, что и между кровными родственниками тѣхъ лицъ, брачный союзъ которыхъ отвергается, какъ противозаконный и недѣйствительный, никакого родства двухроднаго или свойства не можетъ быть признано, подобно тому какъ и между кровными родственниками тѣхъ лицъ, которыя вступили въ противозаконную плотскую связь и живутъ въ такъ называемомъ гражданскомъ бракѣ, не признается двухроднаго родства или свойства. Такимъ образомъ на вышеозначенный вопросъ о. В. Кр—ва, свящ. с. Еп—ки С—ской губ. можетъ быть данъ не иной отвѣтъ, какъ безусловно-отрицательный.

Отъ Кіевск. Комит. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 25 мая 1888 г.
Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 24.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Іюня 12-го.

Содержаніе: Попытка къ рѣшенію нерѣшеннаго вопроса.—Уставныя требованія относительно освѣщенія въ церкви.—Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви.—Письма священника къ дочери.—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Попытка къ рѣшенію нерѣшеннаго вопроса.

Что можетъ священникъ самъ сдѣлать для улучшенія своего положенія въ приходѣ и чего по праву можетъ ожидать отъ прихожанъ?

Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію,—вопросъ капитальной важности; онъ самъ собою выдвигается потребностію времени, а потому и самый современный. Послѣ столькихъ крушеній многоразличныхъ попытокъ дать помощь духовенству извнѣ, всего естественнѣе обратиться къ источнику внутреннему и прослѣдить, провѣрить его наличныя силы и средства, заключающіяся въ немъ самомъ. До сего времени духовенство все надѣялось на какую-то помощь внѣшнюю и ждало ее откуда-то инуду. Надежды эти и ожиданія, какъ

извѣстно, мало оправдались; внѣшняя помощь оказалась несостоятельною. А потому самый ходъ и логика событій невольно заставляютъ духовенство обратить свой взоръ на самого себя и спросить себя: что можетъ сдѣлась священникъ *самъ?..*

Уже самая постановка этого вопроса служитъ признакомъ добраго поворота въ сознаніи духовенства. Это обращеніе отъ внѣшней помощи къ самопомощи свидѣтельствуетъ о пробужденіи въ немъ болѣе яснаго и твердаго сознанія своей внутренней мощи и нравственной силы, такъ давно уже признанныхъ исторіею и доказанныхъ практикою жизни. Въ самомъ дѣлѣ, если въ какой жизни и дѣятельности, такъ именно въ жизни и дѣятельности духовенства вліяніе *лица* всегда преобладало. Что можетъ привнесть и сдѣлать внѣшнее, постороннее вліяніе для улучшенія отношеній между пастыремъ и пасомыми? Можетъ ли кто нибудь вліять извнѣ на расположеніе пасомыхъ къ пастырю, заставить ихъ насильно любить и уважать его? Всего этого онъ можетъ достигать только самъ. Самому ему предоставлено устроиться въ своемъ приходѣ и устроять свое положеніе въ немъ; отъ него зависитъ пріобрѣсть или нѣтъ вліяніе на прихожанъ, чтобы давать направленіе ихъ расположеніямъ, чувствамъ, стремленіямъ и, заправляя ими, достигать такихъ или иныхъ результатовъ, какъ для нихъ, такъ и для себя, и при томъ не только въ области нравственной и религіозной, но и въ самомъ даже своемъ матеріальномъ положеніи. Самъ онъ достигаетъ обыкновенно всего этого въ своемъ приходѣ, а слѣдовательно и вся сила въ немъ самомъ. Оттого-то въ приходской жизни постоянно повторяются такія явленія, что когда хорошъ священникъ, любятъ его прихожане, уважаютъ,—и приходъ, хотя и небольшой, дѣлается хорошимъ приходомъ, его хвалятъ, и объ немъ обыкновенно говорятъ: „не великъ приходъ, а хорошъ, благоустроенъ“! И дѣйстви-

тельно, причтъ его живетъ безъ нужды. Но поступилъ на мѣсто этого священника другой, менѣе соотвѣтствующій своему назначенію, а особенно поддался слабостямъ, нетрезвости, порокамъ,—потеряли прихожане не только любовь, но даже уваженіе къ нему,—и самый приходъ падаетъ и дѣлается плохимъ приходомъ, объ немъ обыкновенно говорятъ: „при прежнемъ священникѣ хорошій былъ приходъ, а теперь упалъ, при этомъ разстроился!"—и причту начинаетъ житься плохо. Итакъ отъ священника зависитъ его положеніе въ приходѣ. Что же однако онъ можетъ сдѣлать для улучшенія этого своего положенія въ немъ?

Самое главное, что онъ не только можетъ, но и долженъ сдѣлать,—это возбудить и поднять, постоянно питать и поддерживать на подобающей высотѣ религіозное чувство въ своихъ прихожанахъ. Если священникъ поставленъ для того, чтобы служить и удовлетворять религіознымъ потребностямъ народа, то онъ прежде всего долженъ пробудить въ немъ эти потребности, освѣтить ихъ для него и довести до яснаго сознанія, такъ чтобы народъ этотъ сознательно чувствовалъ нужду въ ихъ удовлетвореніи. Онъ долженъ возбуждать эти потребности, если онѣ дремлютъ, очищать ихъ, если онѣ глохнутъ, возгрѣвать, если онѣ охладѣютъ, возвышать, если онѣ падаютъ. Онъ—служитель религіи и вѣры, а потому и высокъ и важенъ только въ глазахъ людей религіозныхъ и вѣрующихъ,—ибо въ глазахъ невѣрующихъ онъ только заблуждающійся или обманщикъ. Только истинно религіозные и могутъ высоко цѣнить, почитать и уважать его, а потому въ этой религіозности прихожанъ и заключается источникъ его нравственнаго значенія и вліянія на нихъ.—Онъ, затѣмъ, есть служитель алтаря, который только и питается отъ алтаря. Когда не будутъ приходить къ этому алтарю, или приходить мало, за ослабленіемъ внутренняго влеченія притекать къ нему, или вслѣдствіе неощущенія по-

требности въ немъ, не для кого будетъ и служить предъ алтаремъ, не будетъ и приношеній. Чѣмъ слабѣе, приниженнѣе или подавленнѣе религіозное чувство въ человѣкѣ, тѣмъ меньше ощущается имъ внутренней потребности и влеченія прибѣгать къ алтарю, рѣже дѣйствительно и прибѣгаютъ люди таковые, и то только по унаслѣдованной привычкѣ. А когда прихожане рѣдко прибѣгаютъ къ алтарю, то мало бываетъ и приношеній отъ нихъ, да и вообще можно ли ожидать отъ такихъ маловѣровъ или хладновѣровъ какихъ нибудь добровольныхъ приношеній?—Доколѣ слаба вѣра въ прихожанахъ, доколѣ они не проникнуты глубокимъ религіознымъ чувствомъ и воодушевленіемъ вѣры,—все они будутъ считать религіозныя обязанности какимъ-то внѣшнимъ бременемъ, излишне только ихъ отягчающимъ, къ чему бы ни относились эти обязанности и чего бы ни касались—требованій ли нравственныхъ, или пожертвованій матеріальныхъ. У такого прихожанина не будетъ внутренняго побужденія, къ исполненію этихъ обязанностей—сердечнаго влеченія. Безъ живой вѣры, воодушевляющей и согрѣвающей его, онъ хотя и исполняетъ нѣкоторыя необходимыя обязанности нравственныя и религіозныя, но только потому, что *такъ принято,* такъ дѣлаютъ другіе, и отстать отъ другихъ ему стыдно, хотя въ душѣ часто и тяготится этими обязанностями. Безъ уваженія къ священнику и его сану, безъ живаго сознанія настоятельной потребности въ немъ для своего внутренняго, душевнаго мира, онъ всегда будетъ смотрѣть на свои матеріальныя пожертвованія для него только какъ на необходимость, вынужденную внѣшнимъ давленіемъ, какъ на повинность, которую не отправить „словно бы стыдно и неловко“; а потому и будетъ отправлять только по силѣ этой необходимости, „какъ уложено“, будетъ давать только то, „что слѣдуетъ по положенію“, если онъ состоятеленъ, а если нѣтъ, то конечно ничего не дастъ. Доброхотнымъ же дателемъ та-

ковой, если даже онъ и состоятеленъ, никогда не можетъ быть. И наоборотъ, чѣмъ сильнѣе возгарается и пламенѣетъ въ душахъ прихожанъ чувство живой вѣры, пробуждающей въ нихъ живую и настоятельную потребность постояннаго общенія съ Богомъ, тѣмъ стремительнѣе притекаютъ они къ алтарю, гдѣ ищутъ средства этого общенія, сильнѣе и сознательнѣе ощущается ими потребность въ служителѣ алтаря, какъ посредникѣ этого общенія, больше является и любви къ нему и уваженія къ его высокому сану, когда они видятъ въ немъ необходимаго посредника въ своемъ общеніи съ Богомъ и служеніи Ему, охотнѣе и обильнѣе бываютъ и жертвы ему, какъ исполнителю своихъ духовныхъ нуждъ, столь ясно ими исполняемыхъ.

Но какъ же онъ можетъ достигать этого подъема религіознаго чувства въ прихожанахъ?

Очевидно, что отвѣта на этотъ вопросъ онъ долженъ искать прежде всего въ себѣ самомъ. Онъ самъ долженъ имѣть въ себѣ пламенный духъ Иліинъ, полный живой, горячей вѣры и глубокаго благоговѣнія къ Богу, а не хладный духъ неувѣренныхъ въ своихъ богахъ жрецовъ валаамовыхъ; онъ долженъ быть снѣдаемъ ревностію по Богѣ, а не быть бездушнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей, вынужденнымъ только необходимостію къ ихъ исполненію. Никакое напускное чувство, никакая *дѣланность*, прикрывающая внутреннюю душевную холодность или равнодушіе, не могутъ утаиться и остаться незамѣченными, а потому не могутъ вызывать соотвѣтствующаго чувства въ другомъ, какъ бы ни старался и ни пытался вызвать его въ этомъ другомъ самъ немущій его. Душа самаго необразованнаго человѣка всегда бываетъ чутка къ истинному, или поддѣльному чувству. И чувство религіозное, силу вѣры, подъемъ религіознаго воодушевленія можетъ возбуждать и вызывать въ другихъ только тотъ, кто самъ преисполненъ этими чувствами. Онъ невольно увлекаетъ

и ведетъ за собою. Поэтому очевидно, что какъ съ одной стороны явно обнаруживаемою и нескрываемою холодностію и равнодушіемъ къ вѣрѣ, особенно ярко обнаруживающимися въ небрежности служенія и исполненія обязанностей, такъ съ другой стороны и дѣланностію, притворствомъ въ набожности никогда пастырь не достигнетъ подъема религіознаго чувства въ своихъ прихожанахъ. А безъ этого онъ никогда не можетъ и дѣйствовать на нихъ; безъ дѣйствія же и вліянія не можетъ разсчитывать и на какое бы то ни было улучшеніе своего положенія въ приходѣ—нравственнаго ли то, или матеріальнаго. А какъ многимъ изъ служителей алтаря слѣдовало бы еще потрудиться надъ собою въ этомъ отношеніи, поработать надъ своимъ внутреннимъ душевнымъ міромъ, чтобы освѣтить и возгрѣть его, очистить и воскрылить,—объ этомъ здѣсь нечего и говорить.

Но какъ же, какими средствами онъ можетъ дѣйствовать на прихожанъ въ этомъ направленіи, когда онъ самъ обладаетъ всѣми необходимыми свойствами, требуемыми отъ него, и высоко паритъ душею?

О, тогда онъ не будетъ задаваться этимъ вопросомъ, свойственнымъ только холодности и лѣнивому нерадѣнію. Онъ будетъ дѣйствовать и служеніемъ и молитвою, и словомъ и жизнію, будетъ пользоваться каждымъ представившимся ему случаемъ, чтобы просвѣтить и возгрѣть душу своего пасомаго; настоитъ благовременно и безвременно, чтобы поднять ее и направить къ небу. Будетъ направлять и просвѣщать ее, возгрѣвать и воскрылять въ церкви, будетъ поддерживать воспламеняющійся въ ней огнь вѣры въ домахъ, на улицахъ и на распутіяхъ, при нарочитыхъ схожденіяхъ и случайныхъ встрѣчахъ, и всюду, гдѣ только представится случай.

Какой же будетъ результатъ всей этой его дѣятельности?

Тогда поднимется приходъ; возбудится и воскреснетъ духъ братской любви между прихожанами; придутъ въ свою

должную силу приходскія попечительства; прихожане будутъ питать достодолжное уваженіе и любовь къ своему пастырю и придутъ къ сознанію необходимости и долга заботиться о немъ и доставлять ему необходимыя и приличныя его положенію средства къ жизни. Тогда они ясно будутъ чувствовать и сознавать, какъ дорогъ для нихъ ихъ духовный руководитель, безъ котораго нельзя имъ жить, какъ высоко и свято его служеніе для нихъ, и какъ много поэтому они обязаны ему. Тогда они, видя въ немъ человѣка Божія и уразумѣвъ, яко святъ сей мужъ, сотворятъ ему, какъ благочестивые супруги Сонамскіе пророку Елисею, горницу, мѣсто мало, и поставятъ ему тамо одръ, и трапезу, и престолъ, и свѣщникъ да уклонится и живетъ тамо (4 Царств, 3, 10). Тогда вдовица Сарептская сама добровольно придетъ къ нему, разумѣя въ немъ человѣка Божія, и принесетъ свою послѣднюю *горсть муки въ водонось и мало елеа въ чванцѣ* (3 Царств. 17, 12), чтобы раздѣлить съ нимъ.

Пр. Ѳ. Тихвинскій.

Уставныя требованія относительно освѣщенія въ церкви.

Церковь наша Православная имѣетъ и свои особыя правила *объ освѣщеніи* въ храмѣ примѣнительно къ тѣмъ или другимъ службамъ, или праздникамъ и т. п. „Въ силу разнообразной радости церковнаго торжества, говоритъ одинъ отечественный нашъ блюститель церковнаго Устава, и освѣщеніе бываетъ во храмѣ различно; чѣмъ больше торжество, тѣмъ больше и освѣщеніе“ (Руковод. къ изученію церковн. Устава свящ. В. Михайловскаго. С.-ПБ. 1871 г., стр. 161). И наоборотъ, чѣмъ меньше служба или праздникъ, тѣмъ и освѣщеніе должно быть меньше. Отсюда прислуживающимъ

въ храмѣ необходимо знать въ систематическомъ порядкѣ, тѣ правила, которыя указаны Церковію относительно освѣщенія въ храмѣ, тѣмъ болѣе, что отъ этихъ правилъ у насъ на практикѣ существуетъ много отступленій, всего чаще, зависящихъ отъ непониманія дѣла. Въ Уставѣ церковномъ кромѣ частнѣйшихъ указаній объ освѣщеніи въ тѣ или другіе праздники или при тѣхъ или другихъ службахъ, имѣются еще спеціальныя главы о томъ же предметѣ, а именно 24-я: „о вжиганіи свѣщъ, како подобаетъ въ церкви вжигати въ недѣлю и на праздники Христовы и Богородицы и святыхъ, и прочія дни", и 25-я: „о вседневномъ вжиганіи свѣщъ".

Примѣнительно къ этимъ правиламъ и въ частности къ установившейся въ нашей Церкви практикѣ вообще, на *повечеріи, полунощницѣ и часахъ,* какъ самыхъ малыхъ по существу своему службахъ, и освѣщеніе должно быть самое малое „предъ иконою Спаса Христа (мѣстною и таковою), Пресвятыя Богородицы и образомъ *храма*". Такое же освѣщеніе должно быть и въ началѣ будничной *вечерни,* когда не поется на ней *Блаженъ мужъ,* т. е. когда день бываетъ совершенно непраздничный. Но затѣмъ въ началѣ пѣнія: „*Господи воззвахъ*",—„пѣнія во славу Господа, пришедшаго просвѣтить міръ и обрадовать скорбящихъ" (Руковод. къ изученію церковн. Уст. свящ. Михайлоск., стр. 162) возжигается еще свѣча „предъ аналогіемъ (гдѣ лежитъ храмовая икона) и предъ образомъ Спасителя во второмъ тяблѣ (второмъ ярусѣ иконостаса), а гдѣ таковаго нѣтъ, то всего лучше, на горнемъ мѣстѣ и на престолѣ" (Уст. гл. 25). На вечерни же въ день праздника или святаго, когда поется „*Блаженъ мужъ*", всѣ свѣчи полагаемыя зажигать при пѣніи „*Господи воззвахъ*", должны быть зажигаемы въ началѣ вечерни. Въ великіе праздники Господскіе, Богородичные или святыхъ, коимъ совершается „*всенощное бдѣніе*",—освѣщеніе должно быть еще большее, чѣмъ въ остальные дни. Частнѣе, „на

малой вечерни", въ эти дни кромѣ свѣчей предъ мѣстными иконами Спасителя, Божіей Матери и храма возжигается еще свѣча предъ аналогіемъ, гдѣ полагается обыкновенно храмовая икона,—а на „великой вечерни" въ началѣ ея зажигаются свѣчи не только предъ указанными сейчасъ иконами, но и еще предъ Владычнимъ образомъ въ тяблѣ, а на „*Господи воззвахъ*" и прочія свѣчи въ храмѣ (Уст. гл. 24).

На *утрени*, „именно въ началѣ ея, когда воспоминается Рождество Спасителя отъ Пресвятой Дѣвы, по преданію церковному, совершившееся ночью, въ пещерѣ, и въ самыхъ чтеніяхъ выражается томительное, сумрачное состояніе ветхозавѣтнаго человѣка"—въ особенности въ шестопсалміи, и покаянныя чувства грѣшнаго человѣчества вообще,—возжигаются свѣчи только предъ иконами Спасителя, Богородицы и храма. Освѣщеніе увеличивается только къ пѣнію „*Богъ Господь и явися намъ*", „возвѣщающему о явленіи Спасителя міру на общественное служеніе, для чего возжигаются свѣчи предъ иконою на аналогіѣ и предъ иконою Спасителя въ таблѣ. Если же на утрени поется „поліелей", то предъ пѣніемъ его, а именно предъ пѣніемъ: „*Хвалите имя Господне*", возжигаются всѣ свѣчи въ алтарѣ на престолѣ и въ храмѣ, и таковыя должны горѣть во все время пѣнія канона, хвалитныхъ стихиръ и великаго славословія (Уст. гл. 24, 25. Пособіе къ изученію церковн. Устава свящ. Михайловскаго, стр. 163).

Литургія какъ праздничная, такъ и будничная, въ виду особенной ея важности и торжественности по преимуществу, должна всегда сопровождаться болѣе или менѣе значительнымъ освѣщеніемъ, для чего между прочимъ въ правилахъ церковныхъ прямо повелѣвается: „свѣщи горящія поне четыре или три да будутъ при литургіи божественной на престолѣ, на жертвенникѣ, предъ иконами двѣ, на исхожденіе (входъ малый и великій) въ велицѣй нуждѣ двѣ или

едина; ибо аще кромѣ свѣщъ литургисати дерзнетъ іерей, смертно согрѣшитъ“ (Учительное Извѣстіе при Служебникѣ). Въ частности первая свѣча возжигается на литургіи на томъ мѣстѣ, гдѣ литургія начинается, т. е. на жертвенникѣ, предъ началомъ проскомидіи. Къ началу литургіи оглашенныхъ зажигаются свѣчи на престолѣ и въ церкви предъ мѣстными иконами и т. д. А къ началу чтенія Евангелія зажигаются всѣ свѣчи во храмѣ „въ ознаменованіе того, что свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ и только въ Христѣ и со Христомъ жизнь радостна для всего міра“ (Уст. гл. 24. Пособіе къ изуч. церковн. Уст., стр. 163). Такого же рода освѣщеніе полагается и на преждеосвященной литургіи, а также и на литургіяхъ полныхъ, соединяемыхъ съ вечернею, съ тою только особенностію, что совмѣстно съ условіями освѣщенія на литургіи здѣсь же должны быть принимаемы во вниманіе и условія освѣщенія на вечерни.

Имѣя надлежащее понятіе о томъ, когда возжигать свѣчи, прислуживающіе обязаны также знать, когда *тушить* ихъ. Въ этомъ отношеніи, по Уставу, *на вечерни* гасить свѣчи полагается не въ одно время; тѣ свѣчи, которыя зажжены въ началѣ вечерни, должны гаситься по окончаніи ея; тѣ же, которыя зажжены на „*Господи воззвахъ*“, гасятся ранѣе, именно по конечномъ трисвятомъ (Уст. гл. 24, 25. Пособіе къ изуч. церковн. Уст., стр. 163). *На утрени* свѣчи, зажженныя посреди ея, гасятся по окончаніи славословія (Уст. гл. 25), такимъ образомъ, чтобы къ первому часу оставались только свѣчи, возженныя въ началѣ утрени. *На литургіи* свѣчи всѣ, кромѣ свѣчи на жертвенникѣ, погашаются послѣ заамвонной молитвы; свѣча же на жертвенникѣ не тушится до тѣхъ поръ, пока святые дары не будутъ потреблены священникомъ или діакономъ (Учит. Изв. при служебникахъ).

Само собою разумѣется, что указанныя правила относятся исключительно къ свѣчамъ, собственно возжигаемымъ въ церкви *отъ самой церкви.* Потому они не распространяются прежде всего на лампадки, въ коихъ возжигается елей, предъ мѣстными и другими иконами. По причинѣ тусклаго свѣта, исходящаго отъ нихъ, таковыя вообще принято у насъ возжигать предъ всякими службами вообще, заранѣе до начала ихъ и потомъ тушить только по окончаніи каждой службы за исключеніемъ лампадъ такъ называемыхъ *неугасимыхъ,* которыя не тушатся никогда. Другую статью освѣщенія въ церкви составляютъ *свѣчи, поставляемыя вѣрующими* предъ св. иконами или мощами угодниковъ Божіихъ, по усердію желающихъ. Таковыя свѣчи могутъ и должны быть возжигаемы при всѣхъ службахъ, сколько кому на сердце Господь положитъ. На обязанности прислуживающихъ въ церкви лежитъ только наблюдать, чтобы свѣчи эти, догорая, не производили дыму въ церкви. Это впрочемъ не значитъ, чтобы пономари забирали отъ иконъ поставленныя свѣчи, не давая имъ догорѣть иногда до половины, какъ это, къ сожалѣнію дѣлается въ иныхъ церквахъ *ради сбереженія огарковъ.* Этимъ крайне оскорбляется религіозное чувство жертвователей, ставящихъ свѣчи; а должно только не давать подобнаго рода свѣчамъ догорать окончательно. Исключеніе изъ этого правила можетъ быть единственно въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣчей ставится очень много, какъ это бываетъ въ иные дни или праздники особенно предъ чудотворными иконами или мѣстно-чтимыми святынями. Тогда можно собирать свѣчи и менѣе нагорѣвшія, чтобы отъ скученности остальныя свѣчи не таяли, или другимъ желающимъ было мѣсто для постановки свѣчи. Но въ такомъ случаѣ собранныя свѣчи не должны быть бросаемы въ число огарковъ, а соблюдаемы бережно, чтобы сжечь ихъ, какъ слѣдуетъ, употребляя въ качествѣ налѣпковъ на церковныхъ свѣчахъ во

время богослуженія, по Уставу. Нечего и говорить, конечно, что когда поставлена кѣмъ либо свѣча *большая,* то снимать таковую должно, давши ей погорѣть въ теченіи нѣсколькихъ службъ, дабы поставившій могъ видѣть, что жертва его дѣйствительно достигла своего назначенія и содѣлалась настоящимъ всесожженіемъ во славу Божію.

Къ *частнѣйшимъ обязанностямъ пономарей* и вообще прислуживающихъ въ церкви при богослуженіи надобно отнести прежде всего, умѣнье правильнымъ образомъ *возжигать и ставить свѣчи* предъ иконами. Здѣсь недостаточно только поднести одну свѣчу къ другой и зажечь послѣднюю или зажженную свѣчу поставить на подсвѣчникѣ, а слѣдуетъ дѣлать это съ подобающимъ всегда благоговѣніемъ; а для этого, возжигая ту или другую свѣчу или принимая свѣчи отъ прихожанъ для поставленія ихъ предъ иконами, прислуживающіе должны, прежде чѣмъ поставить или зажечь свѣчу, сотворить неторопливое съ крестнымъ знаменіемъ поклоненіе св. иконѣ, и по поставленіи свѣчи такимъ же образомъ поклониться образу. Когда свѣча берется для постановки отъ молящагося, то и ему слѣдуетъ также отвѣчать при полученіи вѣжливымъ поклономъ и т. д. Къ сему прислуживающіе должны помнить, что по правиламъ церковнымъ, свѣчи на престолѣ и на жертвенникѣ должны быть возжигаемы только священнослужителями, т. е. священниками и діаконами,—и только въ особенныхъ случаяхъ это можетъ быть дозволено пономарямъ, конечно, не иначе, какъ съ благословенія настоятеля, и притомъ тѣмъ только пономарямъ или прислуживающимъ въ церкви, которые имѣютъ право на ношеніе стихарей во время богослуженія и отличаются примѣрнымъ поведеніемъ и надлежащимъ благоговѣніемъ, подобающимъ святынѣ. Когда священникъ замѣтитъ, что кто либо изъ таковыхъ станетъ возжигать свѣчи на престолѣ или на

жертвенникѣ нерадиво, безъ благоговѣнія, то онъ обязанъ немедленно же устранить ихъ отъ сего и впредь не допускать. П. А. Х.

Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви.

Преобразованіе церковнаго пѣнія въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, его причины и послѣдствія.

Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи трехъ послѣднихъ ея вѣковъ характеризуется *совмѣщеніемъ* въ церковно-пѣвческой практикѣ роспѣвовъ разной конструкціи и характера, *гармоническимъ* ихъ украшеніемъ и введеніемъ *линейной* нотописи. Она распадается на четыре главные періода, именно: 1) *періодъ совмѣщенія греко-славянскихъ* преимущественно полныхъ *осмогласныхъ роспѣвовъ,* съ преобладаніемъ въ церковномъ пѣніи мелодическихъ элементовъ надъ гармоническими (вторая половина XVI и первая XVII вѣка; 2) *періодъ изобилія не осмогласныхъ* напѣвовъ (композицій) *концертнаго* характера, съ преобладаніемъ въ церковномъ пѣніи гармоническихъ свойствъ надъ мелодическими (вторая половина XVII в.); 3) періодъ *совмѣщенія* и такъ сказать *равновѣсія* мелодіи церковныхъ напѣвовъ съ гармоническими элементами (первая половина XIX в.); и наконецъ 4) начавшійся новый періодъ *изслѣдованій* о церковномъ пѣніи и попытокъ приведенія мелодіи и гармоніи церковныхъ напѣвовъ въ ихъ древній первоначальный видъ.—Но такъ какъ композиціи втораго періода, будучи чужды началъ византійскаго осмогласія, составляютъ совершенно новую область церковнаго пѣнія, не заключающуюся въ нотныхъ богослужебныхъ книгахъ Православной Русской Церкви, а позднѣйшія изслѣдованія о древнихъ напѣвахъ имѣютъ цѣлію не измѣненіе ихъ, а уясне-

ніе и возстановленіе, и при томъ еще не закончены, то и не подлежатъ нашему изслѣдованію.

Съ чего же началось, въ чемъ состояло и какіе имѣло результаты *совмѣщеніе* въ церковной практикѣ различныхъ греко-славянскихъ роспѣвовъ?

Въ концѣ XVI, а особенно въ началѣ XVII вѣка, преимущественно во времена патріаршества Филарета, развитіе знаменнаго роспѣва въ русской церковной практикѣ достигло крайняго своего предѣла и выразилось:

1) Обиліемъ роспѣтыхъ безлинейнымъ знаменемъ пѣснопѣній, имѣющихъ при томъ очень часто мѣстное значеніе и употребленіе. Въ началѣ XVII вѣка кругъ церковныхъ пѣснопѣній представлялъ собою обширный пѣвческій матеріалъ сравнительно съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ временемъ. Кромѣ пѣвчихъ книгъ, извѣстныхъ подъ именами: *Ирмологовъ, Обиходовъ. Октоиховъ и Праздниковъ,* притомъ болѣе обширныхъ по своему содержанію, чѣмъ нынѣшнія тѣхъ же названій линейныя книги, тогда были въ употребленіи: а) *Трезвоны* или собранія стихиръ на малые праздники и во дни мѣстно празднуемыхъ святыхъ. Трезвоны эти, сообразно мѣсту своего происхожденія и употребленія, разнились въ своемъ содержаніи и представляли собою какъ бы отрывки одной знаменной *Общей Минеи* всего года; б) *Сборники* отдѣльныхъ пѣснопѣній разныхъ мѣстныхъ роспѣвовъ *путевыхъ, демественныхъ* и проч.; в) *Тріоди,* т. е. собраніе стихиръ, прокимновъ, свѣтильновъ изъ *Тріоди постной* и вмѣстѣ *цвѣтной;* г) были пѣвчія книги и другихъ менѣе обыкновенныхъ наименованій, наприм. *Псалтирь* и проч. [1]). Ясно, что весь этотъ разнообразный пѣвческій мате-

[1]) »Правосл. Собесѣдникъ» за 1887 г., февраль, статья г. Смоленскаго. Также »Церковное пѣніе въ Россіи«, прот. Д. В. Разумовскаго, вып. 1, стр. 73.

ріалъ не могъ быть въ общемъ употребленіи всѣхъ православныхъ церквей, а равно и книги, его содержащія,—быть обязательными для каждой изъ нихъ въ значеніи книгъ богослужебныхъ; а потому матеріалъ этотъ въ послѣдующей пѣвческой практикѣ, а равно и въ нотныхъ богослужебныхъ книгахъ сократился.

2) Обиліе и разнообразіе пѣвческаго матеріала знаменныхъ книгъ должно было имѣть послѣдствіемъ разнообразіе церковнаго пѣнія въ разныхъ церквахъ, такъ какъ въ однихъ церквахъ пѣлись одни пѣснопѣнія, въ другихъ другія. Но разнообразіе церковнаго пѣнія должно было еще болѣе увеличиться отъ изобилія роспѣвовъ того времени. Въ пѣвчихъ книгахъ заключалась тогда масса знаменныхъ роспѣвовъ, переводовъ и отдѣльныхъ сочиненій, различавшихся по матеріаламъ, ихъ составившимъ, по мѣстамъ ихъ употребленія, по нѣкоторымъ особенностямъ сложенія напѣвовъ и т. под. Таковы наприм. роспѣвы *Усольскій*, *Христіанинова*, таковы сочиненія Троицкаго головщика *Логгина*, *Стефана Голыма*, *Ив. Нóса*, роспѣвшихъ на *инъ роспѣвъ*, *инъ переводъ*, *произволъ*, множество стихиръ и другихъ пѣснопѣній [1]). Къ сему же времени относится образованіе *малаго* и *средняго* (переводнаго) знаменнаго роспѣва. Троицкій головщикъ Логгинъ, какъ мы уже видѣли [2]), зналъ до семнадцати разныхъ роспѣвовъ и „полагалъ на одинъ стихъ пять или шесть, или десять разныхъ роспѣвовъ“. Роспѣвы эти имѣли одни и тѣ же музыкальныя основанія и носили одинъ общій характеръ знаменнаго пѣнія, но болѣе или менѣе были удалены отъ чистоты древняго стиля *столпового пѣнія*, не удерживали въ точности его свойствъ и не могли быть образцовыми роспѣ-

---

[1]) Тамъ же, ст. г. Смоленскаго.

[2]) »О церковномъ пѣніи Православ. греко-россійской Церкви«, § 4 стр. 77.

вами. Между тѣмъ обиліе роспѣвовъ и переводовъ вело къ разногласію въ церковномъ пѣніи и къ несогласіямъ поющихъ между собою. Тогдашніе „краснопѣвцы“, по свидѣтельству Евфросина, укоряли и поносили другъ друга, хвалясь одинъ Шайдуровымъ, другой Лукошковымъ ученіемъ; ученики же Логгина гдѣ ни сходились, тутъ и бранились [1]). Наконецъ попытки частныхъ лицъ исправить богослужебный текстъ *на правую рѣчь* около половины XVII вѣка внесли и въ текстъ и въ мелодію нотныхъ книгъ того времени „веліе разгласіе“, такъ что „и во единой церкви не токмо тріемъ или многимъ, но и двѣма пѣти стало не возможно“ [2]).

3) Къ сему присоединилась сложность и искусственность мелодическихъ оборотовъ, особенно замѣтная въ праздничныхъ пѣснопѣніяхъ и преимущественно въ стихирахъ, а также въ пѣснопѣніяхъ всенощнаго бдѣнія и литургіи, соединяющихъ въ себѣ торжественность съ выжидательнымъ характеромъ, каковы особенно: херувимская пѣснь, *Взбранной воеводѣ*, причастные стихи, также пѣснопѣнія: *Пріидите ублажимъ, Тебе одѣющагося, На рѣкахъ вавилонскихъ, Кто есть сей царь славы* и т. п. Пѣснопѣнія эти изобилуютъ растянутостію мелодическихъ оборотовъ, витыми мелодіями и другими украшеніями. Сообразно съ этимъ и текстъ нотныхъ богослужебныхъ книгъ растянутъ повтореніемъ гласныхъ буквъ, превращеніемъ полугласныхъ буквъ въ гласныя *(хомонія* или *раздѣльнорѣчіе)* и изобилуетъ вставками *попѣвокъ: ненена, терирем* и др. [3]). Хомонія въ пѣвчихъ книгахъ дошла до крайняго развитія особенно во времена патріарха Филарета.

[1]) «Церков. пѣніе въ Россіи«, прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 75.

[2]) А. Мезенецъ въ своей »Азбукѣ«.

[3]) См. объ этомъ »О церковномъ пѣніи въ греко-россійской церкви« § 4 стр. 92—94; сн. »Прав. Собесѣдникъ« за 1887 г., февраль, статью Ст. Смоленскаго »Общій очеркъ историч. и муз. значенія пѣвчихъ рукописей Соловецкой библіотеки и азбуки пѣвчей А—ра Мезенца«.

Происходя отъ чрезмѣрнаго береженія знаменныхъ крюковъ, она, по иноку Евфросину, наполняла священный текстъ пѣснопѣній несвойственными славянскому языку и непонятными реченіями (*Спасо*-Спасъ, *пожеру*—пожру и т. п.). Современники не могли быть довольны вставкою въ текстъ не принадлежащихъ ему словъ, именуемыхъ *попѣвками*. Попѣвки эти, затемняя смыслъ рѣчи, производили „излишнюю пѣсній пестроту рекше различіе и пѣсней *терекаиіе*“, что казалось несогласнымъ съ 75 правиломъ Трулльскаго собора (691 г.) [1]) и во всякомъ случаѣ дѣломъ неугоднымъ Богу. „Еда ли, говоритъ писатель *о пѣніи божественномъ*, Богъ послушаетъ твоихъ *абувъ, хабувъ, ахатей, аненанйковъ*, ихже пріялъ еси ни отъ святыхъ, ни отъ премудрыхъ учителей, ни согласія ни разума имущихъ“ [2]). А между тѣмъ растянутость мелодіи и текста значительно замедляла самое богослуженіе, и въ богослужебной практикѣ, равно какъ и въ церковномъ законодательствѣ, какъ увидимъ ниже, вызывала особыя мѣры къ сокращенію его.

4) Самая безлинейная нотація знаменныхъ роспѣвовъ не была достаточно проста, наглядна, удобопонятна и легка для изученія и чтенія. Хотя А. Мезенецъ, членъ 2-й коммиссіи по исправленію нотныхъ книгъ 1667 г., въ своей „Азбукѣ“ и увѣряетъ, что „никакой нужды не належало тогда о нотномъ (пятилинейномъ) знамени“, такъ какъ крюковое знамя „удобовмѣстно и зѣло подоболѣпно весьма въ борзости или тихости, въ высотѣ или внизу... ниже учащимся съ прилежаніемъ трудно“, однако самъ называетъ это знамя *многосокровеннымъ, многочастнымъ, тайногласовнымъ* зна-

---

[1]) »Правила св. отецъ«, рукопись Москов. Духовной Академіи № 53 л. 116 об.

[2]) Рукописи, принадлежавшая о. ректору Моск. Дух. Ак. А. В. Горскому, стр. 81.

менемъ, и предполагаетъ его вполнѣ легкимъ только для лицъ „непосредственнѣ вѣдущихъ тайноводительствуемаго сего знамени гласы и въ немъ многоразличныхъ лицъ и ихъ разводовъ мѣру и силу и всякую дробь и тонкость... Неимущимъ же въ томъ многосокровенномъ знамени смыслоосязательства и въ пѣніи силы“ знамена эти въ сравненіи съ нотными знаками, по его словамъ, казались „нелѣпы и неблагопотребны и невнятнопріемны“ [1]). Но полнаго-то и точнаго знанія крюковыхъ знаменъ и не легко было достигнуть. Затрудненія къ тому представляли съ одной стороны именно ихъ *многосокровенность*, разсчитанная на традицію и на усвоеніе церковныхъ напѣвовъ памятью пѣвцовъ, а затѣмъ—ихъ *многочастность* или обиліе и сложность знаковъ. Крюковые знаки знаменнаго пѣнія не имѣли прежде всего достаточной наглядности для обозначенія высоты и протяженности звуковъ, каковыя свойства несомнѣнно имѣетъ нотная нотопись. Затѣмъ они, имѣя перемѣнное значеніе по мѣсту въ пѣснопѣніи и среди другихъ знаковъ, а также изобилуя сократительными *оитныичи* знаками какъ бы *титлами*, подавали поводъ къ разности ихъ толкованія (особенно строкъ *мудрыхъ*) и даже къ злоупотребленіямъ мастеровъ пѣнія, иногда намѣренно скрывавшихъ истинное ихъ значеніе [2]). Затѣмъ, въ видахъ

[1]) »Правосл. Собесѣдникъ« за 1887 г., февраль, статья г. Смоленскаго.

[2]) Разводы, т. е. объясненія оитныхъ знаковъ или строкъ *мудрыхъ*, обыкновенно дѣлаемыя на поляхъ рукописей, были различны и способны сбить съ толку не только пѣвца, но и изслѣдователя древнихъ *столповыхъ* пѣвцовъ. См. »Церк. русское пѣніе«, стат. прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 17. Нѣкоторые мастера церковнаго пѣнія въ XVI в., взимая за обученіе »мзду велію«, какъ скоро замѣчали у себя ученика »остроумна естествомъ и вскорѣ познающа *пѣніе ихъ и знамя*, тотчасъ скрывали отъ него добрые переводы или исправные списки нотныхъ книгъ и учили пѣть *по перепорченнымъ и не съ прилежаніемъ* того ради, точію бо единъ славенъ былъ отъ человѣкъ паче всѣхъ«. Тамъ же, стр. 77.

большей точности обозначенія мелодіи напѣвовъ, въ самыхъ крюковыхъ знакахъ школою Шайдурова (въ началѣ XVII в.) сдѣланы дополненія, извѣстныя подъ именемъ *киноварныхъ помытъ*, что само собою должно было усложнить крюковую нотацію. Наконецъ она еще болѣе усложнилась и оразнообразилась развѣтвленіемъ крюковыхъ системъ на системы знаменъ: *столповаго, демественнаго* и *казанскаго*. Все это не могло не затруднять изученіе и чтеніе крюковой нотаціи. Сверхъ того въ крюковыхъ рукописяхъ XVII вѣка встрѣчается множество ошибокъ и *описей*, затрудняющихъ пѣніе или искажающихъ древніе напѣвы [1]).

Вся эта масса пѣснопѣній, роспѣвовъ, украшеній и крюковыхъ знаковъ не могла не затруднять пѣвцовъ и любителей пѣнія при изученіи и исполненіи церковно-богослужебнаго пѣнія, не могла не тяготить и молящихся продолжительностію напѣвовъ и вмѣстѣ однообразіемъ ихъ музыкальнаго склада и характера и возбуждала желанія современниковъ, если не радикальныхъ преобразованій церковнаго пѣнія, то по крайней мѣрѣ исправленія церковныхъ напѣвовъ и текста пѣвческихъ книгъ. Это доказывается, какъ положеніемъ самаго дѣла и вышеприведенными отзывами о недостаткахъ стараго церковнаго пѣнія, такъ и заботами современниковъ о его исправленіи и наконецъ увлеченіемъ большинства послѣдующими преобразованіями въ церковномъ пѣніи.

Начатки преобразованій церковнаго русскаго пѣнія относятся къ концу же XVI и началу XVII вѣка. Въ числѣ вновь возникшихъ за это время роспѣвовъ мы видимъ въ Великой Россіи *малый* знаменный роспѣвъ, а въ Юго-Западной Россіи роспѣвъ *кіевскій*. Тотъ и другой въ своихъ музыкальныхъ основаніяхъ имѣютъ тѣсную связь съ *большимъ*

---

[1]) »Правосл. Собесѣдникъ« за 1887 г., февраль, статья г. Смоленскаго.

знаменнымъ роспѣвомъ и слѣдовательно съ византійскимъ осмогласіемъ, но въ мелодическомъ движеніи каждый имѣетъ свои особенности. Осмогласныя ихъ мелодіи *кратки* и въ своемъ движеніи основываются болѣе на *музыкально установленныхъ формахъ*, чѣмъ на словесномъ ритмѣ. Вмѣстѣ съ этимъ въ Великой Россіи является *строчное* (особенно *тросстрочное*) пѣніе съ нѣкоторыми гармоническими свойствами, а въ Юго-Западной Россіи и правильная *гармонизація* мелодическихъ напѣвовъ, т. е. является новый способъ украшеній церковнаго пѣнія *гармоническій* взамѣнъ прежняго—*мелодическаго*. Въ Юго-Западной Россіи, кромѣ того, становятся извѣстными роспѣвы *греческій* и *болгарскій*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *линейная нотопись*. Но эти преобразованія въ церковномъ пѣніи въ первой половинѣ XVII вѣка были неполными и мѣстными, а затѣмъ, постепенно разширяясь и въ своемъ объемѣ и въ предѣлахъ своего распространенія, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка они утвердились прочно, простерлись на весь кругъ церковнаго пѣнія и распространились въ Россіи повсемѣстно.

О преобразованіяхъ русскаго церковнаго пѣнія во второй половинѣ XVII вѣка должно замѣтить, что они съ одной стороны стоятъ въ связи съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, предпринятымъ со временъ п. Никона, а съ другой находятся подъ очевиднымъ вліяніемъ южно-русскаго *кіевскаго* пѣнія. Исправленіе богослужебныхъ книгъ было обстоятельствомъ, не только имѣвшимъ рѣшительное вліяніе на преобразованіе церковнаго пѣнія, но и опредѣлявшимъ его содержаніе. Оно поставило русскую Церковь въ близкія сношенія съ прочими православными *греко-славянскими* церквами, а вмѣстѣ съ тѣмъ привело къ единенію съ ними, какъ въ богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ, такъ и въ церковномъ пѣніи; ибо пѣніе это имѣетъ тѣсную связь и съ текстомъ богослужебныхъ книгъ и съ богослужебными священнодѣйствіями.

Въ русской Церкви произошло подобное тому, что было и въ началѣ христіанства въ Россіи. Тогда съ богослужебными болгарскими и греческими книгами мы получили и двоякіе напѣвы—*столповое* и *кондакарное* пѣніе, теперь, съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, послѣдовало исправленіе церковнаго пѣнія и дополненіе его изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ оно *получено* въ началѣ, т. е. изъ Греціи и Болгаріи. Къ сему присоединились напѣвы Юго-Западной Русской Церкви, бывшей нѣкогда первою пріемницею восточнаго православія въ Россіи, потомъ нѣкоторое время разъединенною отъ Великороссійской Церкви, и въ половинѣ XVII вѣка снова возсоединившеюся съ нею. Но въ этотъ союзъ грекославянскихъ церквей восточнаго православія не допущена *римская* церковь, равно какъ и ни одно изъ западныхъ вѣроисповѣдныхъ обществъ, т. е. для православнаго богослуженія не заимствовано изъ ихъ практики ни текста, ни мелодій, ни инструментальнаго ихъ сопровожденія.

Такъ въ русской Церкви къ *столповому* роспѣву присоединились роспѣвы *греческій, болгарскій* и *кіевскій*. Но первые два изъ нихъ заимствованы не непосредственно изъ ихъ *первоисточниковъ* и усвоены не съ буквальною точностію. Они заимствованы главнымъ образомъ изъ Юго-Западной Россіи, гдѣ трудами юго-западныхъ православныхъ братствъ введены были въ употребленіе еще въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка и служили однимъ изъ спеціальныхъ средствъ въ борьбѣ православія съ католическою уніею. Тамъ они усвоены съ отложеніемъ крайностей, существовавшихъ въ *пѣвческой практикѣ* той или другой мѣстной церкви, съ примѣненіемъ напѣвовъ къ современному вкусу и потребностямъ, съ введеніемъ въ нихъ гармоническихъ началъ, выработанныхъ на западѣ Европы, и съ перемѣною крюковой нотаціи на линейную. Въ этомъ же измѣненномъ видѣ они принесены во второй половинѣ XVII вѣка и въ Великую

Россію, гдѣ и исполнялись первоначально пѣвцами—переселенцами Юго-Западной Россіи и по книгамъ, принесеннымъ ими же съ собою [1]). Пѣніе это въ Великой Россіи наконецъ дополнено и изъ другихъ источниковъ—греческихъ, южнорусскихъ и великорусскихъ, но также въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Результатами преобразованія церковнаго пѣнія въ Россіи во 2-й половинѣ XVII вѣка было то, что вмѣсто одного роспѣва знаменнаго съ его многочисленными однохарактерными съ нимъ видовыми отличіями *явилась* группа грекославянскихъ роспѣвовъ разной конструкціи, вмѣсто протяженныхъ гласовыхъ мелодій—болѣе краткія, вмѣсто пространныхъ мелодическихъ украшеній—гармоническія простыя или сложныя, вмѣсто крюковой нотаціи—пятилинейная, причемъ разнохарактерные по своей конструкціи и протяженности напѣвы и разные способы исполненія—мелодическій и гармоническій—въ церковной практикѣ со временемъ получили особую систему *совмѣщенія* при богослуженіи. Въ частности:

1) Въ церковно-пѣвческой практикѣ, а затѣмъ и въ пѣвчихъ книгахъ (наприм. въ линейномъ Обиходѣ 1772 г.) *совмѣщены* слѣдующіе роспѣвы:

а) Отъ приснопамятнаго времени процвѣтанія въ Россіи знаменныхъ роспѣвовъ сохранился въ ней роспѣвъ *столповой* или *знаменный* въ собственномъ смыслѣ частію въ подлинномъ его древнемъ видѣ, а частію въ его видовыхъ отрасляхъ. Онъ исправленъ двумя коммиссіями при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, которыя, справивъ его со старыми безлинейными рукописями „за 400 лѣтъ и вящше“ и уничтоживъ хомонію, возстановили истиннорѣчное произношеніе

[1]) »Церков. пѣніе въ Россіи« о. прот. Разумовскаго, стр. 114, 174, 176 и др.

текста, примѣнивъ къ нему и мелодію напѣвовъ [1]). Развитіе знаменнаго пѣнія въ церковной практикѣ продолжалось и послѣ собора 1666—7 года даже до конца царствованія Петра I-го. „Знаменные рукописи этой эпохи несомнѣнно доказываютъ ихъ повсемѣстное употребленіе и постепенное исправленіе текстовъ“ [2]). Наконецъ, разсмотрѣнный Синодальными уподіаконами и пѣвчими и отпечатанный въ 1772 году знаменный роспѣвъ въ линейныхъ изданіяхъ занимаетъ въ ряду другихъ роспѣвовъ самое обширное мѣсто [3]). Но въ печати мы уже не видимъ крайностей стараго знаменаго роспѣва начала XVII вѣка. Въ произношеніи выпѣваемаго текста вмѣсто стараго *раздѣльнорѣчія* или *хомоніи* мы видимъ *новое истиннорѣчіе*, согласное съ нотными книгами и понятное всѣмъ; не находимъ уже въ текстѣ многократнаго повторенія слоговъ и прибавокъ *нене* и *теремъ*: не видимъ и той крайней растянутости мелодій, которая существовала прежде, пот. что хотя въ церковныхъ печатныхъ нашихъ книгахъ нотныя мелодіи и сохранены, но во многихъ мѣстахъ сокращены, а въ другихъ выпущены, какъ несоотвѣтствующія продолжительности священнодѣйствій и безъ нужды замедляющія богослуженіе; въ гармоническихъ же переложеніяхъ, а равно и въ церковно-пѣвческой клиросной практикѣ онѣ и совершенно вышли изъ употребленія.

б) Отъ греческой Церкви заимствованъ въ Россіи *греческій роспѣвъ*, но не заимствованы употребляющіеся въ ней

---

[1]) Объ этихъ коммиссіяхъ см. »Ц. пѣніе въ Россіи« о. прот. Разумовскаго, стр. 78—80 и 168; см. его же статью »Церковно-русское пѣніе«, 1871 г. М., стр. 18—20.

[2]) »Правосл. Собесѣдникъ« за 1887 г., февраль, статья г. Смоленскаго.

[3]) Нотные »*Октоихъ*, *Ирмологъ* и *Праздники*« содержатъ въ себѣ исключительно мелодіи знаменнаго роспѣва, въ *Обиходѣ* же онъ идетъ параллельно съ кіевскимъ роспѣвомъ и при изложеніи мелодій занимаетъ первое мѣсто.

и донынѣ роды пѣнія *энгармоническій* и *хроматическій*, а равно и до крайности развитыя его словесныя и мелодическія украшенія, каковы многочисленныя *анаграмматисмы* или перифразъ текста и мелодіи, а также продолжительныя *кратимата*, подобныя нашимъ нотнымъ мелодіямъ съ добавкою словъ, не принадлежащихъ тексту. Между тѣмъ какъ украшенія эти и добавки и донынѣ въ употребленіи въ греческой Церкви, „о чемъ свидѣтельствуютъ почти всѣ путешественники, слышавшіе нынѣшнее богослужебное пѣніе грековъ“ [1]). Греческій роспѣвъ во 2-й половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка употреблялся вмѣсто стараго знаменнаго и имѣлъ полныя службы, но въ печатныхъ нотныхъ книгахъ съ 1772 г. количество пѣснопѣній этого роспѣва сокращено [2]).

в) Отъ славянскихъ церквей полученъ нами *болгарскій роспѣвъ*, но уже переработанный нашими южно-русскими пѣвцами примѣнительно къ своему обычаю и носящій явные слѣды вліянія западной гармонизаціи, наприм. симметрическій ритмъ и тактъ. Обширныя мелодическія украшенія, существующія и понынѣ въ славянскихъ земляхъ, въ образцахъ намъ извѣстныхъ также изъяты изъ употребленія. Поэтому роспѣвъ этотъ очень часто извѣстенъ подъ названіемъ не *болгарскаго*, а *южно-русскаго* или даже *кіевскаго* роспѣва. Болгарскій роспѣвъ во 2-й половинѣ XVII вѣка былъ въ большомъ употребленіи въ Россіи и заключалъ въ себѣ обширный кругъ пѣснопѣній, но въ печатныя наши нотныя книги съ 1772 г. изъ него заимствованы лишь отрывки.

---

[1]) »Церк. пѣніе въ Россіи«, о. прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 105—110.

[2]) Греческій роспѣвъ въ болѣе полномъ изложеніи можно видѣть лишь въ рукописяхъ и частію въ послѣдствіи въ переложеніяхъ придворной пѣвческой капеллы. Государевы пѣвчіе дьяки 1702 г. въ Соловецкомъ монастырѣ въ присутствіи Петра I-го все всенощное бдѣніе на 15 августа пѣли *греческимъ роспѣвомъ*. Соловецкій лѣтописецъ. См. Описаніе Арханг. губ. К. Молчанова. Спб. 1813 г., стр. 307.

г) Изъ южной Россіи заимствованъ Великороссійскою Церковію *роспѣвъ кіевскій*. Такъ какъ роспѣвъ этотъ перенесенъ въ Великую Россію южно-русскими переселенцами и первоначально исполнялся кіевскими, не разъ вызываемыми въ Москву, пѣвцами и по книгамъ *южно-русскаго* происхожденія, то въ точности его заимствованія великорусскими пѣвцами не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кіевскій роспѣвъ въ концѣ XVII вѣка сталъ общеупотребительнымъ во всей Россіи. Въ печатныхъ нотныхъ книгахъ съ 1772 г. по количеству роспѣтыхъ пѣснопѣній опъ занимаетъ первое мѣсто послѣ роспѣва знаменнаго и донынѣ не вышелъ изъ употребленія на клиросахъ русской Церкви, какъ въ унисонномъ, такъ и въ гармоническомъ его видѣ.

д) Наконецъ въ нотныхъ рукописяхъ второй половины XVII вѣка, представляющихъ собою родъ *сборниковъ* пѣнія, есть множество и другихъ русскихъ и иностранныхъ, преимущественно греко-славянскихъ не полныхъ роспѣвовъ, какъ-то: *сербскихъ, южно-русскихъ, монастырскихъ*, даже *польскихъ*. а равно и отдѣльныхъ пѣснопѣній — *царскихъ, невскихъ, тихвинскихъ* и т. п. [1]). Къ полнымъ роспѣвамъ позднѣйшаго происхожденія принадлежатъ: *южно-русскій* роспѣвъ, *симоновскій* и роспѣвъ *московскаго большаго Успенскаго собора*. Роспѣвы эти суть не общеупотребительные, а мѣстные роспѣвы и потому не вошли въ нотныя печатныя богослужебныя книги съ 1772 года. Многіе изъ нихъ даже сохранялись въ устномъ преданіи и до 1846—9 года не были положены на ноты [2]).

---

[1]) »Церк. пѣніе въ Россіи«, о. прот. Разумовскаго, стр. 187—195. »Прав. Собесѣдникъ« за 1887 г., статья г. Смоленскаго, стр. 238—9.

[2]) »Церк. пѣніе въ Россіи«, о. прот. Разумовскаго, стр. 188. Сверхъ того для домашняго употребленія Симеономъ Полоцкимъ составлены: »Стихотворный мѣсяцесловъ« съ напѣвами на мотивы польскихъ пѣсенъ и »Стихотворная Псалтирь«, положенная на музыку особую для каждаго псалма.

Письма священника къ дочери[1]).

Письмо десятое.

Вотъ и опять у тебя полныя руки хлопотъ, дорогое дитя мое, съ твоими несчастными, потерпѣвшими отъ пожара. Я было подумывалъ, получивши отъ тебя извѣстіе объ этомъ грустномъ происшествіи, какой бы тебѣ дать добрый совѣтъ, чтобы ты и въ настоящемъ случаѣ могла явиться доброй и полезной пастыршей твоихъ овецъ, но—признаться—ничего сообразить не могъ. Что имъ нужно, бѣднякамъ? Разумѣется, прежде всего кровъ, а затѣмъ—кусокъ хлѣба, теплая и всякая другая одежда, деньги. По бѣдности своей, ничего этого ты не можешь имъ дать, да и вообще между нашимъ духовенствомъ не много найдется такихъ зажиточныхъ людей, которые могли бы оказывать своимъ прихожанамъ матеріальную помощь. Слѣдовательно, если бы ты обратилась за пособіемъ къ женамъ окрестныхъ священниковъ, то не много бы отъ этого выиграла. А потому, вздохнувши изъ глубины души, я рѣшилъ оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ. Но не такъ поступила ты, мое доброе дитя! Сердцемъ боля о несчастныхъ, ты нашла таки средство помочь имъ. Твое женское чутье вѣрно подсказало тебѣ, что слѣдовало дѣлать.

Ты совершенно основательно полагаешь, что погорѣвшихъ не должно выпускать изъ ихъ роднаго села, а необходимо тутъ же на мѣстѣ помочь имъ въ ихъ бѣдѣ и дать поддержку до того времени, когда они привезутъ себѣ съ поля новый хлѣбъ и построятъ избы. Деньги для построекъ у нихъ будутъ, такъ какъ старыя дома у всѣхъ были застрахованы, имъ нужно только пока—что одѣться и прокормиться; и вотъ для этого-то они обыкновенно всѣ, отъ мала до велика,

---

[1]) См. № 22-й.

идутъ христарадничать по окрестнымъ селамъ, толпами или въ одиночку, идутъ часто и гораздо дальше своихъ окрестностей, въ города. Это у насъ въ обычаѣ повсемѣстно. Что же происходитъ отъ этого? Самые работящіе изъ крестьянъ весьма скоро привыкаютъ къ праздности и лѣни, свобода нищенской жизни начинаетъ имъ нравиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ прививаются къ нимъ и различные пороки, неразлучные съ такой жизнію. Вотъ почему обыкновенно половина изъ ушедшихъ крестьянъ не возвращаются къ своимъ роднымъ пепелищамъ. Предвидя такія худыя слѣдствія, ты не хочешь отпускать изъ села погорѣльцевъ, а для этого твой мужъ неустанно дѣйствуетъ при помощи средствъ приходскаго попечительства, а ты призвала къ благотворительности сосѣднихъ помѣщицъ. Бездѣтная старушка-помѣщица, которую ты мнѣ описываешь, и институтка, дочь вдовца-полковника, томящаяся деревенской скукой,—вполнѣ подходящія лица для благотворительной дѣятельности: и та и другая—обѣ женщины не занятыя и достаточно состоятельныя. Стоитъ только указать имъ дѣло и расположить сердца къ добру, чтобы обѣ онѣ стали твоими дѣятельными помощницами.

Итакъ, ты начинаешь обзаводиться свѣтскими знакомствами противъ всякаго своего желанія. То, чего ты не хотѣла сдѣлать раньше, ради собственнаго развлеченія, ради удовольствій свѣтской жизни, то ты сдѣлала теперь, движимая любовію къ ближнему, идя путемъ строгаго выполненія своихъ обязанностей. Что жъ, собственно говоря, священникъ и его жена необходимо должны войти въ сношенія и съ высшими міра сего, если только они составляютъ частицу стада, ввѣреннаго ихъ попеченію. Не хорошо, разумѣется, входить въ дружбу съ людьми свѣтскими и богатыми для того, чтобы получить долю въ ихъ суетныхъ развлеченіяхъ, но не слѣдуетъ также забывать, что они столько же нуждаются въ духовномъ руководительствѣ, сколько и темный деревенскій

людъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ гордо и свысока относятся къ нашему духовенству, но—нужды нѣтъ. Вѣдь и между ними есть весьма не мало людей добрыхъ, готовыхъ благотворить и подавать руку помощи бѣдняку, въ особенности, когда это не стоитъ большихъ хлопотъ и непріятностей. Хлопоты и непріятности ты конечно въ этомъ случаѣ возьмешь на себя. Мнѣ кажется, будетъ существеннымъ благомъ для крестьянъ, если, какъ ты сообщаешь, эта добрая помѣщица отдастъ свой флигель подъ общественное зданіе. Ея усадьба вѣроятно представляетъ собою одну изъ тѣхъ старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ, въ настоящее время полуразвалившихся и заброшенныхъ, гдѣ были особые флигеля для „людскихъ“, для пріѣзда гостей, стоящіе теперь безъ употребленія, съ заколоченными ставнями. Въ усадьбѣ помѣщицы это зданіе только напрасно занимаетъ мѣсто, а на селѣ всегда можетъ пригодиться для общественныхъ нуждъ, хотя бы въ такихъ вотъ случаяхъ, когда столько людей вдругъ неожиданно очутились безъ крова, или при эпидемическихъ болѣзняхъ, наконецъ, какъ пріютъ для бездомныхъ и одинокихъ стариковъ. А можетъ быть со временемъ тебѣ и въ самомъ дѣлѣ удастся, какъ ты мечтаешь, устроить въ этомъ помѣщеніи настоящую больницу со всѣми необходимыми медицинскими приспособленіями. Помогай тебѣ Богъ! Перенести это зданіе въ село не трудно—рабочія руки найдутся свои, а объ остальномъ предется похлопотать. Конечно и сами крестьяне останутся не безучастными въ этомъ дѣлѣ въ виду его очевидной пользы.

А между твоими знакомыми изъ класса неинтеллигентнаго мнѣ особенно нравится жена вашего церковнаго старосты. Эта благочестивая женщина, усердная къ храму Божію, аккуратно являющаяся къ тебѣ по праздникамъ послушать душеполезное чтеніе, можетъ тебѣ быть весьма полезной въ твоей дѣятельности, какъ женщина разумная, богобоязливая

и притомъ свободная, уже сдавшая свое хозяйство на руки невѣстокъ. Кстати сказать, я давно сдѣлалъ такое замѣчаніе, что вообще въ тѣхъ приходахъ, гдѣ церковнымъ старостою служитъ простой крестьянинъ, а не дворянинъ, церковно-приходскія дѣла идутъ успѣшно и между старостой и священникомъ никогда не бываетъ тѣхъ пререканій и недоразумѣній, для которыхъ подкладкой служитъ обыкновенно чванство старосты дворянскимъ достоинствомъ, и происходящее оттуда желаніе подавить и унизить своимъ превосходствомъ нравственную личность священника. Староста изъ крестьянъ, сохраняя добрыя отношенія съ священникомъ, имѣетъ за собою еще то преимущество, что обыкновенно служитъ наилучшимъ посредникомъ между имъ и народомъ. Что касается вашего старосты, то—я вижу—не только самъ онъ человѣкъ подходящій для твоего мужа, но и жена его также можетъ послужить посредницею между тобою, дитя мое, и твоими прихожанками. Черезъ нее именно ты всегда можешь наиуспѣшнѣе на нихъ дѣйствовать, такъ какъ она сама изъ простолюдинокъ, близко стоитъ къ крестьянству и въ то же самое время глубокоуважаема на селѣ, такъ какъ издавна извѣстна своимъ благочестіемъ, хаживала по святымъ мѣстамъ, была даже и у Гроба Господня. Такія женщины вообще у насъ по селамъ пользуются большимъ вліяніемъ и почетомъ. Она, хоть и неграмотна, но развитѣе прочихъ крестьянокъ, а потому можетъ скорѣе другихъ войти въ твои интересы, понять и оцѣнить полезность твоей дѣятельности. Не нашлось ли бы у васъ на селѣ еще нѣсколько такихъ пожилыхъ женщинъ, уже сдавшихъ свое хозяйство на руки взрослыхъ дѣтей? Тогда изъ нихъ можно было бы создать настоящее благотворительное общество подъ твоимъ предсѣдательствомъ по образцу тѣхъ обществъ, что устраиваются въ городахъ нашими интеллигентными дамами. Вотъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Великороссіи существуетъ особый разрядъ пожилыхъ дѣву-

шекъ, подходящихъ для этой цѣли, такъ называемыхъ „бобылокъ“ или „черничекъ“, которыя, не выйдя почему нибудь во время своей молодости замужъ, посвящаютъ остальную жизнь служенію Богу. Нѣкоторыя изъ нихъ живутъ въ отдѣльно построенныхъ за селомъ, на подобіе монашескихъ келій, избушкахъ, проводятъ время въ постѣ и молитвѣ, ходятъ на богомолье и работаютъ на храмы Божіи. Вотъ такихъ-то женщинъ, посвятившихъ себя Богу и спасенію душъ своихъ, не достаетъ только сплотить во едино, чтобы онѣ могли оказаться полезными для общества. Въ настоящее время глаза ихъ обращены только въ одну сторону—къ храму Божію, у нихъ одинъ подвигъ—постъ, молитва и ручная работа въ пользу Церкви, но, при разумномъ руководительствѣ, ихъ дѣятельность могла бы разшириться еще и на пользу ближняго. Вотъ даровыя сестры милосердія, няньки оставленныхъ безъ призора дѣтей, учительницы рукодѣлій!.. Такія дѣвушки, которымъ не привелось въ молодости выйти замужъ, есть вездѣ, хотя онѣ въ другихъ мѣстахъ и не представляютъ собою такого выдѣляющагося законченнаго типа. Конечно ты найдешь ихъ и въ своемъ селѣ и воспользуешься ими во славу Божію и ко благу общества. Трудись, дитя мое, и продолжай отыскивать себѣ помощницъ и добрыхъ дѣятелей, и да пошлетъ тебѣ Господь Богъ силу и крѣпость душевную!

Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

О помѣщеніи въ формулярныхъ спискахъ псаломщиковъ свѣдѣній объ исполненіи или неисполненіи ими воинской повинности.— Въ виду могущихъ быть недоразумѣній относительно призыва на дѣйствительную службу псаломщиковъ, оставляющихъ должность, Ставропольская духовная консисторія напоминаетъ оо. благочиннымъ церквей епархіи, что отвѣтственность по 223 ст. уст. о воинск.

повин. падетъ на о. благочиннаго, не отмѣтившаго въ формулярномъ спискѣ кого либо изъ псаломщиковъ отношеніе его къ воинской повинности.

Еще о веденіи метрическихъ записей.—Тою же духовною консисторіею усмотрѣно, что метрическія книги ведутся нѣкоторыми причтами епархіи иногда весьма небрежно; такъ: пишутся большею частію неразборчивымъ почеркомъ, неграмотно; имена встрѣчаются вовсе не существующія; родители иногда называются или только по отчеству, или только по фамиліи, священники, совершающіе крещеніе, оставляютъ статьи иногда не подписанными. Вслѣдствіе всего этого, консисторія напоминаетъ причтамъ церквей епархіи, что метрическія книги, какъ имѣющія важное государственное значеніе, должны быть писаны четкимъ и разборчивымъ почеркомъ и безъ указанныхъ выше упущеній, и что виновные въ небрежномъ веденіи этихъ книгъ по закону (ст. 193 Уст. духов. конс.) подвергаются даже отрѣшенію отъ мѣста.

По вопросу о пользованіи причтами церквей земельными надѣлами.—Та же духовная консисторія предписываетъ духовенству епархіи, чтобы изъ отведенныхъ ему въ пользованіе,—формальнымъ ли порядкомъ, или частнымъ способомъ,—земельныхъ участковъ, въ какомъ бы ни было количествѣ, и притомъ раздѣльно ли каждому члену, или вообще на причтъ, какой состоялъ во время отвода земли, пользовалось: священники двумя паями, діаконы однимъ паемъ съ половиною, и псаломщики однимъ паемъ; при этомъ: а) въ тѣхъ приходахъ, гдѣ земля была отведена на одного священника и двухъ псаломщиковъ, а въ настоящее время по штату состоятъ священникъ, діаконъ и псаломщикъ, тамъ діаконы должны пользоваться свободною частію земли отъ втораго псаломщика, впредь до отвода дополнительной части земли, положенной имъ по Казачьему положенію, а гдѣ земля отведена только на священника и псаломщика, по штату же нынѣ состоитъ и діаконъ, тамъ діаконы не должны пользоваться частію земли изъ отведенныхъ священнику и псаломщику земельныхъ участковъ, а должны просить себѣ у общества особаго, по Казачьему положенію, отвода земли установленнымъ порядкомъ; б) въ тѣхъ приходахъ, гдѣ не будетъ добыто формальныхъ фактическихъ данныхъ о томъ, что земля въ пользованіе причтовъ отведена тѣмъ или другимъ способомъ въ извѣстномъ количествѣ, но не извѣстно когда и кѣмъ, и

были ли въ составѣ причтовъ штатные діаконы, тамъ раздѣлъ земли долженъ быть произведенъ между всѣми членами причта, не исключая и діаконовъ, согласно I пункту сего опредѣленія. Кромѣ того, консисторія предписываетъ духовенству епархіи, что каждый изъ членовъ причта можетъ пользоваться причитающеюся ему частію земли самостоятельно, отдѣльно, если того пожелаютъ, или сообща цѣлымъ причтомъ, согласно правилъ о раздѣлѣ мѣстныхъ средствъ содержанія; при этомъ не должны быть допускаемы произвольныя толкованія и вообще какія либо препеканія, приносящія кому либо изъ членовъ причта вредъ или убытокъ.

О порядкѣ и времени совершенія богослуженія въ градскихъ церквахъ.—Полтавскій преосвященный призналъ необходимымъ дать особое предложеніе священникамъ г. Полтавы: 1) чтобы при двухъ причтахъ совершалось въ церквахъ ежедневно богослуженіе, а при одномъ—кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней—въ среду, пятницу и субботу; 2) богослуженіе чтобы всегда начиналось въ опредѣленный, извѣстный прихожанамъ, часъ, а въ исключительные дни, каковы: канунъ Богоявленія, дни великопостные, пятокъ и суббота Страстной седмицы и проч., по соборному благовѣсту. Наблюденіе за исполненіемъ этого вмѣняется въ обязанность градскому благочинному.

Въ какихъ случаяхъ могутъ быть прекращаемы духовными слѣдователями мировою сдѣлкою жалобы объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ священ ослужителями постороннимъ лицамъ?—Орловская духовная консисторія объявляетъ къ руководству и исполненію духовнымъ слѣдователямъ епархіи, что жалобы объ оскорбленіяхъ нанесенныхъ священнослужителями постороннимъ лицамъ, тогда только могутъ быть прекращаемы мировою сдѣлкою, когда въ жалобѣ исключительно говорится объ одномъ лишь оскорбленіи; если же въ жалобѣ, кромѣ того, говорится, что при нанесеніи оскорбленія въ оскорбившемъ священнослужителѣ обнаружены были нетрезвость, вымогательство, отказъ въ исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей: то въ такомъ случаѣ по содержанію жалобы должно быть произведено формальное и удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ слѣдствіе съ представленіемъ всего дѣла въ консисторію.

Отъ Кіевск. Комит. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 30 мая 1888 г. Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 25.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Іюня 19-го.

Содержаніе: Нѣчто о низшемъ сельскомъ клирѣ.—О приготовленіи кандидатовъ священства въ Германіи и Россіи.—Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви.—Письма священника къ дочери.—Въ отвѣтъ на вопросъ: „не подаютъ ли нѣкоторые іереи повода или основанія къ неуваженію духовнаго сана?“—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Нѣчто о низшемъ сельскомъ клирѣ.

И устно и печатно указывали и указываютъ на неблагообразное поведеніе низшаго клира при сельскихъ церквахъ. Каждый изъ духовенства знаетъ, что причтъ въ селѣ (да и въ городахъ тоже) всегда на глазахъ прихожанъ, и если какой членъ причта ведетъ себя неисправно, то объ этомъ знаетъ не только свой приходъ, но и всѣ окрестные. Напьется крестьянинъ, хотя онъ и такое лицо, которое должно обратить на себя вниманіе, напр., староста, старшина, волостной судья и т. п.,—наньется и будетъ валяться на улицѣ, на него если кто и обратитъ вниманіе, то предметомъ вниманія и пересудовъ онъ будетъ день-два, а то и совсѣмъ

не обратятъ вниманія. Такимъ же образомъ относятся и къ другимъ ихъ грѣшкамъ. Но другое дѣло, если замѣтятъ что нибудь дурное у одного изъ членовъ причта,—замѣтятъ, напр., выпившимъ священника, діакона, причетника: этотъ поступокъ становится скоро извѣстнымъ всѣмъ и дѣлается злобою долгаго времени. А такъ какъ у крестьянъ излюбленный предметъ для пересудовъ духовенство, то не мудрено, что неблаговидный поступокъ того или другаго лица причта пріобрѣтаетъ большую гласность. Спросите любаго прихожанина, и онъ можетъ описать вамъ жизнь своего причта со всѣми подробностями, да и не своего только: онъ знаетъ и опишетъ жизнь причтовъ на разстояніи 15—20 верстъ. И если онъ говоритъ про грѣшки какого нибудь духовнаго лица, то говоритъ всегда съ какой-то непріятной улыбкой,—такъ и хочется ему сказать: „вотъ какъ чередитъ вашъ братъ-то“. Такое отношеніе прихожанъ къ нашей жизни ясно говоритъ намъ, что они желаютъ видѣть насъ образцами хорошей жизни,—что они понимаютъ то значеніе, какое должна имѣть на нихъ наша жизнь,—и напоминаютъ намъ, что по своей жизни мы должны стоять на той высотѣ, какая необходима для нашего служенія святому дѣлу. Этимъ и можно объяснить, почему всякій, хотя и неважный, проступокъ духовнаго лица такъ рѣзко бросается въ глаза мірянъ; этимъ можно объяснить и то, почему устно и печатно такъ грязнятъ духовенство, особенно сельское,—почему, между прочимъ, дурно отзываются и о низшемъ сельскомъ клирѣ, который, къ сожалѣнію, и не отличается благообразнымъ поведеніемъ. Понятно, что нельзя обвинять всѣхъ сельскихъ причетниковъ въ тѣхъ порокахъ, какіе имъ приписываютъ, но въ то же время нельзя и не согласиться съ тѣмъ, что хорошій по жизни причетникъ въ селѣ рѣдкость.

Не говоря уже о томъ, что неблагообразное поведеніе нашихъ сельскихъ причетниковъ бросаетъ темное пятно на

духовенство вообще,—къ чему мы уже отчасти привыкли,—а главнымъ образомъ оно можетъ имѣть и имѣетъ дурное вліяніе на прихожанъ,—мѣшаетъ прививаться къ нимъ наставленіямъ и внушеніямъ священника. Поэтому вопросъ о низшемъ сельскомъ клирѣ съ этой стороны невольно заставляетъ обратить на себя вниманіе.

На страницахъ этого журнала за 1886 годъ (№ 49) мы съ немалымъ вниманіемъ прочли, между прочимъ, замѣтку одного сельскаго наблюдателя объ отношеніи сельскихъ причетниковъ къ своему священнику, объ ихъ поведеніи и вліяніи на прихожанъ. Эта замѣтка тѣмъ заслуживаетъ вниманія, что она принадлежитъ лицу постороннему—свѣтскому и тѣмъ исключаетъ всякую пристрасность. Его Фатей есть типъ большинства сельскихъ причетниковъ, или, какъ ихъ теперь именуютъ, псаломщиковъ. Многіе, можетъ быть, изъ о.о. собратьевъ имѣютъ у себя такихъ Фатеевъ и многіе изъ нихъ не видятъ плодовъ своей дѣятельности, благодаря тому, что самый близкій человѣкъ, стоящій къ священнику по службѣ и долженствующій быть, такъ сказать, первымъ воспріемникомъ и проводникомъ его наставленій и внушеній, по своей жизни стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ ними и нерѣдко всѣми силами старается, чтобы они не приносили плода среди прихожанъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ прихожане могутъ явиться судьями и обличителями его жизни, чего онъ никогда не желаетъ, стоя и считая себя выше ихъ по своему развитію и общественному положенію.

Къ прискорбію всѣхъ, кому дороги интересы св. Православной Церкви, въ селахъ мало хорошихъ причетниковъ по своему поведенію, не говоря уже о другихъ ихъ качествахъ, которыя такъ необходимы при отправленіи ими своихъ обязанностей при храмѣ. Пьянство, халатное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, неблаговоспѣтное отношеніе иногда ко всему святому, постоянное почти недовольство священ-

никомъ, какъ бы хорошъ для него онъ ни былъ, какая-то грубая гордость, подрывъ авторитета священника среди прихожанъ—вотъ вопіющіе пороки большинства сельскихъ причетниковъ,—пороки, которые, не говоря о чемъ другомъ, могутъ мѣшать и часто мѣшаютъ священнику свято исполнять свои обязанности. Поэтому гораздо выгоднѣе для священника имѣть причетника съ слабымъ голосомъ и плохаго чтеца, чѣмъ подобнаго Фатею, который хорошій чтецъ и пѣвецъ. И великъ крестъ для того священника, который имѣетъ въ качествѣ служителя церкви Фатея, и еще болѣе увеличивается, если этотъ Фатей единственный причетникъ при церкви и замѣнить его при случаѣ, когда это возможно, не кѣмъ. Подобные причетники никогда не сознаютъ важности того дѣла, къ которому они поставлены служить. Если служба церковная совершается благообразно, то имъ въ тягость ея продолжительность; не нужны и излишни для нихъ поученія священника въ храмѣ, ибо они задерживаютъ службу; не нравится имъ и та аккуратность во всемъ, какая требуется отъ нихъ дѣломъ. Для нихъ чѣмъ меньше дѣла, тѣмъ лучше: „отзвонилъ, какъ говорятъ, да и съ колокольни долой“. Но понятно, что когда священникъ требуетъ исполненія всего этого, то ему нельзя не исполнить, и онъ исполняетъ, когда трезвъ. Но что бываетъ, когда онъ пьянъ и въ пьяномъ видѣ способенъ грубить? Сколько нравственныхъ мученій приходится испытывать священнику, когда съ нимъ служитъ пьяный причетникъ? Что, напр., бываетъ во время хожденія со святыней по домамъ во время праздниковъ? Въ первыхъ домахъ молебны еще совершаются чередомъ, а въ послѣдующихъ, когда причетникъ начинаетъ набираться зелена вина и оно начинаетъ ему кружить голову, слышны только невнятныя произношенія словъ св. молитвъ, несвоевременные остановки и перерывы, нерѣдко смѣхъ и шуточный разговоръ съ кѣмъ нибудь, неприличный не только

въ это время, но и во всякое другое. Между тѣмъ необходимость заставляетъ священника продолжать хожденіе: замѣнить пьянаго причетника не кѣмъ; кончить хожденіе часто нельзя по времени и потому, что прихожане готовятся всѣ къ извѣстному времени, такъ что перерывъ этого хожденія можетъ возбудить со стороны ихъ много неудовольствій, такъ или иначе могущихъ нанести вредъ священнику. Случается иногда и такъ: священникъ отслужилъ утреню,— причетникъ былъ трезвъ; начинаетъ литургію,—а онъ уже и на́веселѣ, успѣвъ отвѣдать вина, напр., въ то время, когда священникъ читалъ „входную молитву“ и облачался, и онъ подъ видомъ какой нибудь нужды выходилъ изъ церкви. Какимъ ни является подобный причетникъ для совершенія требъ, когда его приглашаютъ неожиданно? Но понятно, что не возможно описать всѣхъ случаевъ, когда порочный причетникъ является въ неприглядномъ видѣ для отправленія своихъ обязанностей. Тѣ изъ о.о. собратьевъ, которыхъ судьба наградила такими помощниками, пополнятъ въ умѣ эти пробѣлы.

Служить святому дѣлу съ такими помощниками, какъ мы уже сказали, для священника—воистину крестъ. Притомъ и исправные-то сельскіе причетники мало понимаютъ смыслъ и значеніе своихъ обязанностей, а не только священническихъ, и не заботятся объ этомъ; для нихъ безразлично, что бы ни творилось въ приходѣ, лишь бы ихъ не затрогивали. Что же сказать о причетникахъ порочныхъ? Мудрено ли, что для нихъ исправный священникъ—лицо нежелательное; мудрено ли и то, что всякое доброе дѣло священника въ пользу своихъ пасомыхъ не находитъ въ нихъ сочувствія, а возбуждаетъ нерѣдко протестъ, хотя бы и тайный. А если причетникъ имѣетъ что нибудь на священника, то онъ не постыдится свой протестъ заявить и гласно. Не преувеличивая дѣла, можно сказать, что порочные причетники много

и много мѣшаютъ дѣятельности священника, не говоря уже о томъ, какъ много зла они причиняютъ лично священнику.

Такое печальное явленіе въ жизни сельскаго клира не можетъ, понятно, не обратить на себя особаго вниманія въ виду тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія оно влечетъ за собою,—особенно вниманія тѣхъ, которые ближе соприкасаются съ этимъ явленіемъ и несутъ на себѣ все бремя его послѣдствій. Невольно задаешься мыслію: гдѣ причина этого явленія? Почему среди пшеницы, каковою должны быть священно-и церковно-служители, являются плевелы? „*Врагъ человѣкъ сіе сотвори. А врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ*“, слышится отвѣтъ евангельскаго Домовладыки. Но могутъ быть причины и естественныя. Не утрудимъ читателей, если попросимъ малаго вниманія къ нашимъ соображеніямъ по этому предмету. Не обѣщаемъ чего нибудь въ рѣшеніи этого вопроса новаго, а только то, что высказывается всѣми нами въ нашихъ домашнихъ бесѣдахъ.

Причетническія мѣста въ селахъ замѣщаются, какъ извѣстно, окончившими курсъ въ духовныхъ училищахъ, уволенными изъ духовныхъ училищъ и семинарій. Впрочемъ, въ послѣднее время на причетническихъ мѣстахъ въ селахъ появляться стали воспитанники учительскихъ семинарій; но такихъ причетниковъ еще сравнительно очень мало, и какими они окажутъ себя служителями Церкви, покажетъ время. Причетниковъ же, которые нигдѣ бы не учились, теперь единицы. Уже одинъ цензъ образованія кандидатовъ на сельскія причетническія мѣста мало говоритъ въ ихъ пользу. Правда, что изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ училищахъ есть такіе, которые не поступаютъ въ духовныя семинаріи не по малоуспѣшности, а по другимъ обстоятельствамъ; также и изъ уволенныхъ изъ духовныхъ училищъ и семинарій есть такіе, которые оставили эти заведенія по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ, а не по малоуспѣшности и

не по причинѣ дурнаго поведенія,—но тѣхъ и другихъ очень мало. Не поступающіе же въ духовныя семинаріи по малоуспѣшности, уволенные изъ духовныхъ училищъ и семинарій, говорятъ мало въ пользу себя. Причина, по которой ихъ увольняютъ, или дурное поведеніе—причина очень не похвальная и не обѣщающая ничего хорошаго впереди, или малоуспѣшность, которая происходитъ по большей части отъ лѣни (малоспособныхъ рѣдко отдаютъ въ школы), а лѣнь по пословицѣ „мать всѣхъ пороковъ". Правда, что жизнь могла бы исправить ихъ, такъ какъ возрастъ выходящихъ по этимъ причинамъ изъ означенныхъ учебныхъ заведеній не великъ; но въ томъ-то и бѣда, что жизнь слагается, по большей части, для нихъ такъ, что не только не исправляетъ ихъ, но нерѣдко еще портитъ. Счастливымъ можетъ назваться уволенный, или не поступившій въ семинарію, если онъ сынъ священника: здѣсь все-таки объ немъ больше заботы и контроля; но рѣдкій священникъ пожелаетъ, чтобы его сынъ занялъ незавидную должность сельскаго причетника. Священникъ, если имѣетъ средства, позаботится скорѣе опредѣлить такого сына въ какое нибудь учебное заведеніе свѣтское, или выхлопотать ему мѣсто на свѣтской службѣ, которая выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ причетническихъ же дѣтей рѣдко кто имѣетъ возможность устроить себя такъ: большая часть идетъ путемъ своихъ отцевъ. Но вышедшіе изъ учебнаго заведенія въ 13—18-лѣтнемъ, положимъ, возрастѣ, они не могутъ прямо получить причетническое мѣсто: 2—3 года и больше они должны по необходимости проживать въ домѣ родителей. И эта жизнь въ домѣ родителей для нихъ, оторванныхъ отъ товарищества, отъ привычныхъ порядковъ,—жизнь безъ опредѣленныхъ занятій,—бываетъ не сладка и не благотворна. При исканіи удовольствій, которыми бы можно было развлечься, что требуетъ и возрастъ, они знакомятся съ кѣмъ попало. Да и возможно ли выбрать знакомыхъ въ

селахъ! И хорошо, если есть кому предостеречь и поддержать, словомъ, если есть разумный контроль,—а то заведутся знакомства съ людьми дурными, а дурные товарищи не замедлятъ заявить себя. Если семейство, въ которомъ живетъ будущій служитель Церкви, порядочно во всѣхъ отношеніяхъ, то еще можно надѣяться, что оно позаботится о своемъ членѣ и не дастъ ему совсѣмъ испортиться. Но что можно ожидать хорошаго, если отецъ этого семейства—причетникъ съ дурными качествами? Мудрено ли, что его сынъ—будущій служитель Церкви—можетъ пропитаться всецѣло духомъ своего отца со всѣми его дурными наклонностями? Мать, если бы она была женщина и съ прекрасными качествами, не можетъ, по большей части, имѣть хорошаго вліянія на сына, такъ какъ въ подобныхъ семействахъ она бываетъ всегда, какъ говорятъ, въ загонѣ.

Но вотъ приходитъ время позаботиться и о мѣстѣ. Нужно ѣхать въ губернскій городъ, гдѣ консисторія, а здѣсь, въ городѣ, новыя искушенія и соблазны. Хорошо, если въ городѣ есть родные или знакомые, у которыхъ можно пріютиться, а то непріятно положеніе ищущаго мѣста безъ постояннаго крова и почти безъ средствъ. Порокамъ всякимъ здѣсь развиться можно еще больше, такъ какъ ищущій мѣста внѣ всякаго контроля. Начинаются каждодневныя хожденія въ консисторію, гдѣ находятся новые товарищи,—начинаются въ питейныхъ и портерныхъ заведеніяхъ вспрыски съ поступившихъ, а по вечерамъ безцѣльныя блужданія по городу. Въ консисторіи безвозмездные уроки, пригодные для будущей жизни. Завсегдатаи посѣтители консисторіи—это отрѣшенные члены причта и исключенные изъ духовнаго званія, являющіеся сюда—первые для подачи прошеній на мѣста, а вторые, чтобы угоститься на счетъ „бывшихъ своихъ братій по званію“ виномъ. Отъ нихъ-то и можно поучиться житейской мудрости будущему служителю Церкви.

Можетъ ли быть что хорошаго въ поученіяхъ подобныхъ людей, которые потеряли почти совѣсть и по своей жизни ниже всякой критики, принимая во вниманіе, что лишаютъ мѣста и духовнаго званія только въ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ? Можно быть увѣрену, что предметомъ для поученій бываютъ разнаго рода продѣлки—неблаговидныя кляузы, а у бывшихъ низшихъ клириковъ „попы“, и послѣднихъ слушать интереснѣе и полезнѣе.—„Я что творилъ..., и все сходило съ рукъ... А попы-то, да что они могутъ сдѣлать? Я сколькихъ ихъ изжилъ, да какъ ими мудровалъ! Да лучше ли они насъ грѣшныхъ? Такіе же пьяницы, да притомъ лицемѣры..., только угнетать имъ нашего брата—дьячка! Поддайся имъ,—совсѣмъ съѣдятъ... Вотъ отъ меня отскакивали всѣ; я не любилъ уважать ихъ, все брилъ въ глаза. И меня всѣ боялись и ни одинъ не смѣлъ донести на меня; я зналъ ихъ продѣлки: потому они и молчали!“...—„Отчего же тебя прогнали съ мѣста-то“, спрашиваютъ будущіе причетники и служащіе?—„Да самъ немного оплошалъ, а то бы никогда и не прогнали. Я попа-то прежде и колотилъ, да ничего не было“... и т. п. И чего-чего не наберется искатель мѣста отъ подобныхъ учителей, если необходимость заставляетъ его бывать каждый день въ консисторіи.' И нужно при этомъ замѣтить, что исканіе мѣста продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, а иногда и больше. Не знаемъ, какъ въ другихъ епархіяхъ, а въ нашей—Московской—подобные случаи не рѣдкость, и тотъ, кто успѣваетъ получить мѣсто въ два-три мѣсяца, считается счастливцемъ.

Но вотъ искатель получаетъ мѣсто и съ радостію иногда спѣшитъ по назначенію. Но что его ожидаетъ? Можетъ ли жизнь принести ему радости и отвлечь отъ пороковъ, какіе у него были, и тѣхъ, которые могутъ привиться къ нему? Нѣтъ сомнѣнія, что очень и очень не привлекательна жизнь нашихъ сельскихъ причетниковъ: большая часть изъ нихъ

терпитъ крайнюю бѣдность въ матеріальномъ отношеніи. Есть приходы, гдѣ на долю причетника приходится въ годъ 75—100 рублей,—сумма, какъ видно, небольшая, незавидная и для простаго рабочаго. Правда, что у причетника есть еще доходъ—это отъ земли; но хорошо, если земля стоитъ труда, тогда все-таки при помощи ея жизнь его можетъ быть сравнительно безбѣдною. Но въ нашей, напр., Московской губерніи, причтовая земля по большей части весьма неудобна для обработки и для покосовъ (конечно, не во всѣхъ селахъ) и не можетъ даже вполнѣ оплатить трудъ. Мы знаемъ многіе приходы, гдѣ вся причтовая земля, въ количествѣ 30—40 десятинъ, отдается подъ покосъ за 40—50 рублей. Какъ тутъ жить причетнику, если онъ, положимъ, получитъ отъ прихода 150—200 рублей? Всѣмъ извѣстно, что трудно воспитывать своихъ дѣтей въ школахъ и священнику; насколько же это труднѣе для причетника? И нѣтъ ничего удивительнаго, если многіе изъ послѣднихъ, не имѣя средствъ содержать дѣтей въ школахъ, отдаютъ ихъ для обученія различнымъ ремесламъ. Да, матеріальное положеніе нашихъ сельскихъ причетниковъ заставляетъ желать многаго и многаго лучшаго. Можетъ быть, тогда была бы и въ нравственномъ отношеніи ихъ жизнь привлекательнѣе. Улучшеніе матеріальнаго положенія могло бы возвысить причетниковъ и въ глазахъ прихожанъ, послѣдній изъ которыхъ считаетъ себя выше причетника. Но возвратимся къ предмету.

Поступившій на мѣсто причетникъ на первыхъ порахъ сталкивается съ нуждою. Если онъ поступаетъ, какъ говорятъ, въ домъ, то для него, по крайней мѣрѣ, есть готовое жилище и все нужное для сельской жизни; а если на вольное мѣсто, то за неимѣніемъ средствъ купить домъ, онъ долженъ поселиться въ нанятой хатѣ крестьянина, или церковной сторожкѣ. Церковные дома для причта—въ немногихъ селахъ. Но, чтобы жить въ церковной сторожкѣ, нужно

еще согласіе прихожанъ, если она выстроена на ихъ средства, и на первыхъ порахъ причетнику, такимъ образомъ, приходится одолжаться, что можетъ имѣть свои дурныя стороны. Поэтому причетникъ съ самаго начала становится близкимъ къ крестьянской средѣ,—потомъ постепенно сживается съ нею; и не потому ли жизнь нашихъ сельскихъ причетниковъ такъ мало разнится отъ жизни крестьянъ со всѣми ихъ недостатками? У причетниковъ и знакомства домами бываютъ по большей части съ крестьянами. Притомъ крестьянинъ, стоящій выше почему либо своихъ односельчанъ—по службѣ ли, или матеріальному положенію, неособенно интересуется знакомствомъ съ причетникомъ. Посмотрите, напр., на волостнаго писаря,—на сколько онъ считаетъ себя выше причетника, хотя онъ и изъ крестьянъ! О другихъ сословіяхъ, которыя выше крестьянскаго и съ которыми можно бы вести знакомство причетнику, и говорить нечего. Бываютъ, понятно, исключенія въ этомъ отношеніи, но исключенія рѣдки. Къ стыду нашему нужно сознаться, что мы—іереи какъ-то чуждаемся своихъ причетниковъ и равнодушно относимся ко всему, что ихъ касается; поэтому, можетъ быть, и не можемъ оказывать на нихъ хорошаго вліянія, хотя бы и желали и старались объ этомъ. По дѣлу, причтъ долженъ представлять собою какъ бы одну родную семью; но многіе ли изъ насъ—священниковъ пожелаютъ имѣть своего причетника, какъ хорошаго знакомаго? Между тѣмъ на первыхъ порахъ жизни причетника это обстоятельство можетъ имѣть для него благія послѣдствія. У насъ часто случается, что причетникъ при всякомъ посѣщеніи дома священника, долженъ долго прождать въ кухнѣ. Если жизнь дѣлаетъ причетника униженнымъ, то, по нашему мнѣнію, это униженіе не должно имѣть мѣста ни въ домѣ священника, какъ его сослуживца, ни въ храмѣ, какъ мѣстѣ его служенія. Впрочемъ, теперь уже, кажется, отживаютъ

свое время подобныя отношенія между причтомъ, и, думается, что во взаимномъ отношеніи это поведетъ къ лучшему.

Недостаточная матеріальная обезпеченность нашихъ сельскихъ причетниковъ способствуетъ, какъ сказали, сближенію ихъ съ крестьянами; а это сближеніе рѣдко имѣетъ хорошее вліяніе на первыхъ. При своей бѣдности причетникъ бываетъ радъ всякому постороннему, хотя и копѣечному, доходу. Стоя выше крестьянъ по своему положенію и развитію, причетникъ является для нихъ руководителемъ и помощникомъ во многихъ дѣлахъ. Будучи единственнымъ почти способнымъ грамотнымъ человѣкомъ, онъ пишетъ для крестьянъ прошенія, приговоры, росписки, письма и т. п. Все это, разумѣется, вознаграждается, но вознаграждается по большей части въ трактирахъ и питейныхъ домахъ, гдѣ и совершаются эти дѣла. Это обстоятельство постоянно дѣлаетъ причетниковъ завсегдатаями этихъ домовъ. Здѣсь и устанавливается панибратство между причетниками и крестьянами, которое вредно отзывается въ дѣлѣ руководительства священникомъ своихъ пасомыхъ. Вмѣшательство священника въ это дѣло можетъ породить однѣ только непріятности: причетникъ можетъ думать и говорить, что священникъ лишаетъ его куска хлѣба. Уже та разность, которая существуетъ между причетникомъ и священникомъ въ матеріальномъ и общественномъ положеніи, на первыхъ порахъ можетъ возбудить въ послѣднемъ къ первому зависть, отъ которой свободенъ рѣдкій причетникъ. Хотя матеріальное отношеніе и священника не завидно, но все-таки онъ обезпеченъ болѣе, чѣмъ причетникъ, и послѣдній, хотя и вѣрно знаетъ, что доходы священника не велики,—при случаѣ не преминетъ сказать: „отчего попу не жить-то: ему придетъ на сколько больше моего-то!“

Есть и другое обстоятельство, которое способствуетъ панибратству причетника съ крестьянами. Извѣстно, что

доходъ причта не равномѣренъ: въ одинъ мѣсяцъ на причтъ приходятъ рубли, а въ другой копѣйки. Напр., въ лѣтнее время доходъ причтовый вездѣ въ селахъ очень плохъ; на этотъ доходъ и священнику трудно прожить, тѣмъ болѣе причетнику. А въ это время у причетника можетъ быть и расходъ лишній: напр., есть у него учащіяся дѣти, которымъ нужно кое-что изъ одежды и обуви. Волей-неволей приходится одолжаться у другихъ, и безъ займа, хотя и незначительнаго, причетнику прожить въ это время не возможно. (Не говоримъ о тѣхъ селахъ, гдѣ причтъ сравнительно поставленъ въ лучшее положеніе; гдѣ есть, напр., хорошіе покосы для сдачи: здѣсь и въ лѣтнее время могутъ водиться у причетника деньги). Но у кого можно въ селѣ занять денегъ, какъ не у богатаго крестьянина? Но богатый крестьянинъ, если кого одолжаетъ, то дастъ знать о своей милости при всякой встрѣчѣ—не словомъ, такъ взглядомъ. Притомъ нужно замѣтить, что для причетника и кредитъ-то труденъ.— „Когда ты отдашь-то?“ спрашиваетъ богатый крестьянинъ. „Съ васъ взятки-то гладки“, продолжаетъ онъ. Приходится льстить и заискивать, а занявши 5—10 рублей, безропотно переносить его насмѣшки надъ собою, соглашаться съ нимъ во всемъ, изъ боязни потерять возможность кредита на будущее время. Рѣдко бываетъ, чтобы богатый крестьянинъ былъ доволенъ священникомъ. Если онъ богатъ, то всегда старается увеличить свое богатство по большей части на счетъ своихъ же братій, давая имъ, напр., денегъ подъ закладъ чего нибудь за большіе проценты, или другими не всегда честными спекуляціями. Отъ священника, какъ и отъ другихъ, онъ требуетъ особаго уваженія и вниманія, хотя бы онъ того и не заслуживалъ. Онъ никогда не можетъ спокойно и покорно выслушать наставленіе и увѣщаніе священника—своего духовнаго отца. „Что меня учить-то; я самъ умнѣе тебя. Предо мною всѣ ломаютъ шапки, а ты вздумалъ

меня учить", говоритъ его взглядъ, а часто и уста, въ подобныхъ случаяхъ. Такой прихожанинъ никогда не будетъ добрымъ духовнымъ сыномъ своего священника, хотя бы послѣдній былъ безупреченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Да и возможно ли быть ему довольнымъ священникомъ? Священникъ, напр., поучаетъ и въ церкви и на домахъ своихъ прихожанъ посѣщать въ воскресные и праздничные дни храмъ Божій и оставлять въ эти дни свои работы, а богачу-мужичку нѣтъ времени: онъ по такимъ днямъ собираетъ „помочь", и у него поднимаются всѣ дѣла. Священникъ учитъ всѣхъ благообразному поведенію; а какъ богачу мужичку не развернуться временемъ, когда у него на это есть желаніе и достатокъ? Священникъ проповѣдуетъ о милосердіи и состраданіи къ бѣднымъ; а можно ли богачу-мужику исполнить это, когда богатство его идолъ и онъ обогащается-то по большей части на счетъ бѣдныхъ? Невольно припоминается намъ разсказъ *одного священника*, помѣщенный въ какихъ-то Епархіальныхъ вѣдомостяхъ,—какъ онъ въ одинъ праздничный день въ своей приходской церкви воодушевленно произнесъ поученіе о милосердіи и состраданіи къ бѣднымъ. Утомившись службою и прозябнувъ (церковь была холодная, а дѣло было зимою), приходитъ домой въ надеждѣ подкрѣпиться горячимъ чаемъ, а дома къ сожалѣнію чаю ни щепотки. Идетъ къ богатому мужику-прихожанину, бывшему въ этотъ день въ церкви и, понятно, слышавшему поученіе своего батюшки, занять унего чаю, или денегъ. А тотъ отказываетъ, упрекнувъ притомъ священника, что онъ долженъ бы учить не тому, чтобы богатые помогали бѣднымъ, а чтобы бѣдные больше почитали богатыхъ. А вотъ и другой случай, котораго мы были свидѣтелемъ, не бывъ еще священникомъ. Въ одинъ праздничный день въ началѣ литургіи, послѣ чтенія часовъ, видимъ, важно идетъ въ алтарь богатый крестьянинъ, содержавшій въ селѣ трактиръ съ кабакомъ.

(Ходилъ въ храмъ онъ очень рѣдко,—два-три раза въ годъ и кромѣ того велъ нехорошую жизнь, прогнавъ свою законную жену и поселивъ въ домѣ вмѣсто нея постороннюю женщину, отъ которой у него были уже и дѣти. Это было всѣмъ извѣстно, и онъ ни отъ кого не старался и скрывать. Вѣроятно, священникъ не разъ увѣщевалъ его оставить такую зазорную жизнь). Не много времени спустя, крестьянинъ этотъ выходитъ изъ алтаря, произнося какія-то ругательства между прочимъ, съ угрозою „пожаловаться на такого попа архіерею". Оказывается, что онъ приходилъ о чемъ-то просить священника, а священникъ сказалъ, что теперь не время и что онъ можетъ переговорить съ нимъ по окончаніи литургіи. Крестьянинъ же отвѣчаетъ, что тогда у него не будетъ времени. Священникъ, наконецъ, проситъ чтобы онъ оставилъ его и вышелъ изъ алтаря, и вотъ тотъ уходитъ, произнося ругательства. Вотъ вамъ и своеобразная логика! Да и большая часть богачей-крестьянъ съ подобными взглядами и претензіями. И чѣмъ безукоризненнѣе священникъ, тѣмъ большую нелюбовь заслужитъ онъ отъ подобныхъ людей. Эту нелюбовь къ своему священнику, могущую перейти даже въ ненависть, богачъ-мужикъ постарается вселить и въ другихъ своихъ односельчанъ и навѣрное успѣетъ въ этомъ, такъ какъ крестьянамъ богатаго собрата, который ихъ временемъ выручаетъ (а если кабатчикъ, то и опохмѣляетъ ихъ въ долгъ), не уважить нельзя. Впрочемъ, о вліяніи подобныхъ людей (міроѣдовъ) во всякомъ дѣлѣ на своихъ односельчанъ, знаетъ каждый, мало-мальски знакомый съ жизнію нашихъ крестьянъ. Мы хотѣли только показать, какое можетъ имѣть вліяніе такой прихожанинъ на причетника, если послѣдній одолжается у перваго и находится отъ него какъ бы въ зависимости,—доброе, или дурное? Если причетникъ имѣетъ что нибудь на своего священника, то онъ не замедлитъ присоединиться къ крестьянину,

недовольному священникомъ, что для него (причетника) не безполезно. Онъ будетъ всячески досаждать священнику, отплачивая ему за выговоры, которые дѣлались съ цѣлію исправить порочную жизнь самого же причетника, и въ то же время угождать богатому прихожанину. Извѣстно, что одобреніе прихожанъ въ нашей жизни имѣетъ важное значеніе. И коль скоро причетникъ вступилъ въ союзъ съ противникомъ священника, то онъ можетъ передать что угодно ему, не боясь строгой отвѣтственности: вліятельный прихожанинъ самъ аттестуетъ его съ хорошей стороны и уговоритъ къ тому же и другихъ. За вино нашъ крестьянинъ согласенъ на все,—подтвердитъ торжественною клятвою и ложное. Вотъ почему иногда молчатъ священники и не доносятъ на неисправныхъ причетниковъ, зная, что отвести его не отведутъ, а, наказавъ чѣмъ нибудь, оставятъ на томъ же мѣстѣ. Но лучше ли будетъ отъ этого священнику? Еще хуже. При такихъ отношеніяхъ причетника и прихожанъ и объясняются приходскіе приговоры на священниковъ. Нельзя не порадоваться тому, что въ послѣднее время на подобные приговоры обратило вниманіе высшее начальство, смиряя этимъ самодурство нѣкоторыхъ мірянъ, мнящихъ, что священниковъ, какъ равно и другихъ членовъ своего причта, они могутъ смѣнять по своему произволу.

Выставивъ панибратство сельскихъ причетниковъ съ прихожанами - крестьянами какъ одну изъ причинъ неблагообразнаго поведенія первыхъ, мы этимъ не утверждаемъ того, что оно вообще вредно для нихъ. Близкія отношенія причетниковъ съ крестьянами могутъ быть не только не вредными, но и полезными, если при такихъ отношеніяхъ причетники будутъ держать себя, какъ достойные служители церкви: такія отношенія желательны даже, ибо они могутъ имѣть благое вліяніе на прихожанъ и тѣмъ облегчатъ труды священника. Но это только мыслимо при полномъ и разум-

номъ сознаніи причетниками того дѣла, которому вообще причтъ поставленъ служить; но до такого сознанія наши причетники еще не доросли (да и доростутъ ли когда?). Такія отношенія, которыя по большей части существуютъ между сельскими, причетниками и прихожанами-крестьянами, имѣютъ сначала дурное вліяніе на первыхъ, пріучая ихъ къ порокамъ простаго народа, а потомъ уже на послѣднихъ укореняя въ нихъ эти пороки и сбивая ихъ при всякомъ добромъ дѣлѣ, предпринимаемомъ священникомъ и направленномъ въ ихъ пользу.

Въ заключеніе должны сказать, что показанныя нами причины неблагообразнаго поведенія сельскихъ причетниковъ не есть причины единственные. Могутъ быть и иныя причины этого, смотря по тому, какъ слагается жизнь того или другаго сельскаго причетника. Не беремъ на себя смѣлости считать себя сколько нибудь компетентными въ рѣшеніи этого вопроса, а высказываемъ только личное свое мнѣніе и нѣкоторыхъ другихъ. Желательно, чтобы и другіе о.о. собратья высказали свои мнѣнія, что, кажется, не будетъ излишнимъ, въ виду важности этого вопроса, который инымъ можетъ показаться и не заслуживающимъ вниманія.

Еще нѣсколько словъ. Многіе (особенно изъ свѣтскихъ лицъ) говорятъ: „почему это священники не жалуются на порочныхъ причетниковъ, когда они имѣютъ на это право, и ихъ заставляетъ это дѣлать долгъ? Вѣдь подобные причетники соблазнъ для многихъ, не говоря о томъ, что они своимъ поведеніемъ чернятъ духовенство вообще“. Не удивляемся подобнымъ вопросамъ и сознаемъ, что они естественны. Но легко подумать о предлагаемомъ, а не исполнить. Мы сами часто спрашивали объ этомъ другихъ священниковъ, которые имѣютъ несчастіе служить съ такими причетниками, и получали такіе отвѣты. „Пожаловаться-то легко, да что послѣ будетъ на совѣсти-то! Его отрѣшатъ; но онъ

не одинъ будетъ нести кару: у него есть жена, малыя дѣти, Чѣмъ они-то виноваты? пожалуйся, вѣчно будетъ лежать на совѣсти, что вотъ сколько зла я причинилъ людямъ! Можетъ быть, Богъ дастъ, и исправится когда!“ Вотъ отвѣтъ одного священника.—Извѣстно, что по жалобѣ священника будетъ производиться слѣдствіе, а при слѣдствіяхъ все основывается на свидѣтельскихъ показаніяхъ. А кто будетъ свидѣтелями при слѣдствіи надъ сельскимъ причетникомъ? Прихожане-крестьяне. Но большая часть прихожанъ-крестьянъ относятся къ такимъ порокамъ причетниковъ снисходительно,—имъ даже нравятся тѣ причетники, которые съ ними бражничаютъ. „Что намъ за дѣло, что онъ попу не нравится; для насъ онъ хорошъ: человѣкъ обходительный и простакъ. А если выпьетъ *когда немного* лишняго, то Богъ ему судья; вѣдь и съ нами случается это. А то, пожалуй, дадутъ такого, что подойти спросить о чемъ страшно, къ этому же мы уже привыкли“, говорятъ они по большей части въ подобныхъ случаяхъ. Поэтому неудивительно, что они и въ качествѣ свидѣтелей покажутъ въ пользу обвиняемаго причетника, особенно если послѣдній попроситъ ихъ раньше объ этомъ и пообѣщаетъ послѣ угостить виномъ. Тогда причетника въ крайнемъ случаѣ только накажутъ чѣмъ нибудь, а отвести отъ мѣста не отведутъ, что для священника будетъ еще хуже: отношенія между ними послѣ слѣдствія могутъ болѣе ухудшиться. Это взглядъ другаго священника. А иной священникъ скажетъ и такъ: „знать я того достоинъ, что Господь посылаетъ мнѣ такой крестъ. На все воля Божія! Буду терпѣть, пока еще есть терпѣніе; а дальше, что Богъ дастъ“.

Сельскій священникъ **А.**

О приготовленіи кандидатовъ священства въ Германіи и Россіи.

Пастырское служеніе представляетъ собою одинъ изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ важныхъ видовъ общественной дѣятельности. Поэтому наше духовное правительство всегда обращало вниманіе на надлежащее приготовленіе кандидатовъ священства; но до послѣдняго времени вниманіе почти исключительно сосредоточивалось на нравственномъ поведеніи и на научномъ образованіи лицъ, приготовляющихся къ священству. Благодаря этому у насъ выработался существующій типъ духовныхъ школъ, въ которыхъ питомцы получаютъ научное образованіе и нравственное воспитаніе, соотвѣтствующее званію будущихъ пастырей Церкви. На практическую же подготовку кандидатовъ священства, какъ во время пребыванія ихъ въ школѣ, такъ въ особенности въ теченіе промежуточнаго періода между окончаніемъ курса и поступленіемъ на должность обыкновенно не обращалось вниманія. Только въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія былъ изданъ рядъ узаконеній, имѣющихъ цѣлью практическую подготовку лицъ, получившихъ богословское образованіе, къ пастырскому служенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ усиленъ практическій элементъ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Такъ какъ рядомъ этихъ узаконеній далеко не исчерпывается все то, чего слѣдовало бы желать для приготовленія кандидатовъ священства, то мы признаемъ не безполезнымъ сопоставить то, что было сдѣлано у насъ для приготовленія кандидатовъ священства, съ тѣмъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ протестантской Германіи, гдѣ занимающій насъ вопросъ былъ поставленъ на практическую почву уже въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Сопоставленіе это можетъ послужить также отвѣтомъ на тѣ большею частію несправедливыя жалобы, которыя нерѣдко раздаются относительно недостаточ-

ной подготовки нашихъ кандидатовъ священства, потому что на самомъ дѣлѣ она далеко не столь неудовлетворительна, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ даже преимущество предъ тою, какая существуетъ въ Германіи.

Наши кандидаты священства выходятъ, за весьма немногими исключеніями, изъ среды духовенства и получаютъ соотвѣтственное будущему служенію воспитаніе и образованіе въ спеціальныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Это обстоятельство часто даетъ поводъ къ направленнымъ противъ нашего духовенства упрекамъ въ кастичности. Но при этихъ упрекахъ упускается изъ вниманія то, что семейная среда служитъ первою и, можетъ быть, наилучшею школою для приготовленія къ священству,—здѣсь полагаются первые задатки того духа церковности и благочестія, который очень рѣдко встрѣчается въ наше время въ свѣтскомъ обществѣ, но которымъ долженъ быть проникнутъ каждый служитель Церкви; здѣсь же, въ домахъ своихъ родителей, наши будущіе пастыри получаютъ первое наглядное ознакомленіе съ исполненіемъ разнообразныхъ пастырскихъ обязанностей ихъ родителями или другими, близкими къ нимъ лицами. Этой первоначальной и весьма важной подготовки лишены германскіе кандидаты священства, которые большею частью выходятъ изъ свѣтскаго общества и получаютъ образованіе въ гимназіяхъ и затѣмъ въ университетахъ на богословскихъ факультетахъ. Хотя богословскія науки въ германскихъ богословскихъ факультетахъ поставлены очень широко, но изученіе ихъ имѣетъ чисто теоретическій характеръ, и студенты-богословы не только не получаютъ практическаго ознакомленія съ предстоящимъ имъ исполненіемъ пастырскихъ обязанностей, но и относительно нравственнаго поведенія и дисциплины не подвергаются особому надзору сравнительно съ студентами прочихъ факультетовъ.

У насъ лица, получившія богословское образованіе, большею частью чрезъ годъ или два по окончаніи курса, а иногда въ томъ же году поступаютъ на мѣста священниковъ. Въ Германіи же этотъ промежуточный періодъ между окончаніемъ богословскаго факультетскаго экзамена и поступленіемъ на священническое мѣсто бываетъ гораздо болѣе продолжительнымъ. Кромѣ университетскаго экзамена кандидатъ богословія долженъ бываетъ обыкновенно выдержать еще устное испытаніе изъ богословскихъ предметовъ предъ суперъинтендентомъ мѣстной епархіи и сказать въ его присутствіи проповѣдь на указанный текстъ, послѣ чего онъ зачисляется въ кандидаты священства и обязывается чрезъ два года выдержать предъ консисторіею новый экзаменъ „на должность“ (pro ministerio), за которымъ слѣдуетъ поставленіе или посвященіе въ пастора (ordinatio), обыкновенно не соединяющееся съ поступленіемъ на мѣсто, но дающее титулъ священника и право на занятіе какого либо прихода. Обыкновенно проходитъ не мало времени прежде, нежели посвященному удастся поступить на мѣсто, при чемъ онъ снова подвергается нѣкотораго рода испытанію и долженъ бываетъ произнести пробную проповѣдь предъ прихожанами, которые, смотря по произведенному ею впечатлѣнію, могутъ принять и не принять его.

Но указанными мѣрами не ограничивается тотъ контроль, которому подвергаются кандидаты священства по сдачѣ университетскаго экзамена. Почти во всей Германіи (за исключеніемъ Бремена, Франкфурта на Майнѣ, Эльзаса, и Саксенъ-Кобурга) существуютъ особыя постановленія для надзора надъ кандидатами священства и для руководства занятіями ихъ. Постановленія эти въ общемъ довольно однообразны. Нѣкоторое уклоненіе отъ общей нормы представляютъ кандидаты въ Виртембергѣ, гдѣ они непосредственно послѣ испытанія назначаются викаріями (помощниками приходскихъ священ-

никовъ), въ Баденѣ, гдѣ они, по окончаніи курса въ Гейдельбергской проповѣднической семинаріи, также проходятъ должность викаріевъ, и наконецъ въ Мекленбургъ-Шверинѣ, гдѣ они обыкновенно исполняютъ предварительно обязанности школьныхъ учителей и состоятъ подъ надзоромъ училищнаго начальства.

Надзоръ надъ кандидатами производится суперъ-интендентами епархіи, деканами (соотвѣтствующими нашимъ благочиннымъ) и т. далѣе, а высшее наблюденіе принадлежитъ высшимъ церковнымъ властямъ и простирается, какъ на научныя занятія, такъ и на практическія упражненія и на поведеніе кандидатовъ. Они должны заявлять о себѣ, по окончаніи курса, мѣстному суперъ-интенденту, который обязанъ руководить научными занятіями ихъ и доставлять имъ возможность къ практическимъ упражненіямъ. Впрочемъ, руководство это относительно частностей представляетъ нѣкоторое разнообразіе. Между тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно вполнѣ предоставляется усмотрѣнію суперъ-интендента, въ другихъ существуютъ опредѣленныя правила относительно этого руководства. Большею частью суперъ-интендентъ долженъ бываетъ однажды или нѣсколько разъ заставлять кандидатовъ проповѣдывать и катехизировать въ своемъ присутствіи и затѣмъ подвергаетъ эти работы самой внимательной критикѣ или передаетъ на разсмотрѣніе другимъ духовнымъ лицамъ, или же сами кандидаты обязываются доставлять ему проповѣди и катехизическія работы или планы ихъ. Нерѣдко кандидаты должны бываютъ вмѣстѣ съ практическими доставлять также научныя работы по собственному выбору или на заданныя темы и представлять ежегодныя доклады о своихъ занятіяхъ. Очень обстоятельныя предписанія относительно кандидатскихъ работъ были изданы въ Шпейерѣ 3 мая 1882 г. для Баваріи по ту сторону Рейна. Согласно этимъ постановленіямъ сама консисторія назначаетъ ежегодно всѣмъ кан-

дидатамъ темы для работъ гомилетическаго, катехизическаго и научнаго характера. Работы должны доставляться декану, который сначала разсматриваетъ ихъ съ авторомъ въ коллоквіумѣ и затѣмъ вмѣстѣ съ рецензіею доставляетъ въ консисторію. Консисторія ежегодно назначаетъ также изъ области церковнаго законовѣдѣнія одинъ предметъ, по которому кандидатъ, послѣ предварительнаго приготовленія, долженъ сдать коллоквіумъ. О познаніяхъ, обнаруженныхъ на коллоквіумѣ, деканъ сообщаетъ консисторіи.

Въ Саксоніи въ каждой эфоріи существуетъ кандидатское общество (Candidatenverein), предсѣдателемъ котораго служитъ суперъ-интендентъ или заступающее его лицо, назначаемое церковнымъ правительствомъ. Цѣлью этихъ обществъ служитъ упражненіе въ проповѣди, въ священнодѣйствіяхъ и катехизаціи, и затѣмъ ознакомленіе съ практикою пастырства, какъ напр. съ предписаніями относительно брачнаго права, съ веденіемъ церковныхъ или метрическихъ книгъ, съ школьнымъ дѣломъ и т. под. Допускаются также сочиненія или разсужденія по предметамъ практическаго богословія и *упражненія въ экзегисѣ, но послѣднія лишь въ связи съ гомилетическими и катехизическими работами*. Чисто научныя работы не устраняются, но онѣ не обязательны. Подобнаго рода упражненія, именно догматическія, рекомендуется производить въ филіальныхъ обществахъ (Nebenverein), примыкающихъ къ главнымъ. Каждое общество устраиваетъ ежегодно не менѣе 6—8 собраній, въ которыхъ обсуждаются кандидатскія работы, а въ заключеніе предсѣдатель произноситъ свое сужденіе. Относительно этихъ собраній ежегодно составляется отчетъ, въ которомъ достоинство работъ обозначается отмѣтками: „очень хорошо, хорошо, удовлетворительно“. *За лучшія работы выдаются преміи*. Въ другихъ мѣстностяхъ нѣтъ подобнаго рода кандидатскихъ обществъ, установленныхъ закономъ, но встрѣчаются частныя кандидатскія обще-

ства, которыя иногда устраиваются и суперъ-интендентами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кандидатамъ рекомендуется посѣщать проповѣдническія общества и окружные и уѣздные синоды (Kreis,—Bezirksynoden), на которые они допускаются въ качествѣ слушателей. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ церквахъ постановленія относительно надзора за кандидатами и руководства ихъ занятіями остаются въ послѣднее время безъ исполненія вслѣдствіе недостатка въ кандидатахъ.

Для приготовленія кандидатовъ къ священству существуютъ также особыя учрежденія,—такъ называемыя „проповѣдническія семинаріи“ (Predigerseminare), число которыхъ въ Германіи въ настоящее время простирается до одиннадцати. Семинаріи эти двоякаго рода: однѣ тѣсно примыкаютъ къ университетскому образованію, служа какъ бы продолженіемъ и восполненіемъ его, и составляютъ переходъ отъ университетскихъ занятій къ кандидатурѣ, другія стоятъ внѣ всякой связи съ университетомъ и составляютъ переходную ступень отъ кандидатуры къ священству или даже прямо приготовляютъ къ послѣднему. Хотя не возможно провести рѣзкой границы между этими двумя классами, тѣмъ не менѣе семинаріи Гейдельбергскую (въ Баденѣ), Гербернскую (въ Нассау) и Фридбергскую (въ Гессенъ-Дармштадѣ) слѣдуетъ отнести къ первой категоріи, а остальныя восемь семинарій: Лейпцигскую, Альтенбургскую, Мюнхенскую, Вольфенбюттельскую, Виттенбергскую, Берлинскую, Локкумскую и Ганноверскую—ко второй.

Характеръ перваго рода семинарій съ наибольшею опредѣленностію выражается въ Гейдельбергской проповѣднической семинаріи, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, въ которомъ кандидатамъ предоставляется право, по сдачѣ предварительнаго богословскаго испытанія, на которомъ относительно гомилетики и катехетики требуются лишь теоретическія познанія, или еще въ теченіе двухъ семестровъ слушать прак-

тически-богословскія лекціи въ университетѣ, или посѣщать проповѣдническую семинарію. Гейдельбергская семинарія состоитъ при мѣстномъ университетѣ и находится съ нимъ въ самой тѣсной связи уже потому, что всѣ штатные преподаватели богословскаго факультета состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателями въ проповѣднической семинаріи. Цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы студентовъ, по истеченіи по крайней мѣрѣ пяти семестровъ ихъ теоретическихъ занятій на богословскомъ факультетѣ, приготовить практическими уроками къ пастырскому или проповѣдническому служенію: 1) чрезъ упражненія въ проповѣдяхъ, катехизаціи, въ импровизаціи, въ объясненіи Св. Писанія; 2) чрезъ бесѣды о важнѣйшихъ частяхъ богословія; 3) чрезъ ближайшее ознакомленіе съ церковнымъ правомъ, съ практикою пастырскаго служенія и съ мѣстнымъ школьнымъ дѣломъ. Сообразно съ этою цѣлью обученіе въ Гейдельбергской семинаріи обнимаетъ слѣдующія части: a) руководство въ проповѣдничествѣ, въ катехизаціи, въ совершеніи богослуженія и въ импровизаціи: b) руководство въ практическомъ объясненіи Ветхаго и Новаго Завѣта; c) упражненія въ перифразированіи и переводѣ библейскаго текста; d) бесѣды по предметамъ догматическаго и нравственнаго богословія, исторіи церкви и догматовъ, по гомилетикѣ и литургикѣ; e) исторія проповѣди и разборъ лучшихъ проповѣдей изъ всѣхъ временъ; f) ближайшее ознакомленіе съ основными положеніями церковнаго права и въ частности съ устройствомъ и законодательствомъ мѣстной церкви; g) ученіе о народныхъ школахъ и объ обученіи въ нихъ съ обращеніемъ особаго вниманія на мѣстныя школы; h) ученіе объ обязанностяхъ пастыря. Въ число студентовъ семинаріи принимаются лишь такія лица, которыя въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ уже слушали университетскія лекціи по всѣмъ богословскимъ наукамъ и по педагогикѣ и удовлетворительно сдали предварительное испыта-

ніе, имѣющее цѣлью доказать научную зрѣлость для поступленія на практически-богословскіе курсы. Поступленіе въ эту семинарію не обязательно для кандидатовъ священства (изъ Баденскихъ кандидатовъ въ періодъ времени 1867—1884 г. посѣщали ее около 80%), но обучавшимся въ ней обыкновенно отдается въ Баденѣ предпочтеніе предъ прочими кандидатами при опредѣленіи на священническія мѣста. Общежитія при семинаріи не существуетъ. Семинаристы, подобно прочимъ студентамъ университета, живутъ на частныхъ квартирахъ, но они обязаны неопустительно посѣщать лекціи и участвовать во всѣхъ занятіяхъ. Всѣ семинаристы изъ мѣстныхъ уроженцевъ, заявившіе себя исправнымъ исполненіемъ обязанностей, могутъ получать стипендіи (обыкновенно 200 марокъ въ полугодіе). Допускаются также желающіе слушать не всѣ, а лишь нѣкоторые предметы семинарскаго курса. Нормальный курсъ состоитъ изъ двухъ семестровъ (полугодій). Управленіе семинаріей принадлежитъ конференціи преподавателей во главѣ съ директоромъ, который избирается обыкновенно изъ профессоровъ, преподающихъ практическое богословіе. Конференція разсматриваетъ и утверждаетъ программы преподаванія, рѣшаетъ вопросъ о принятіи и исключеніи студентовъ семинаріи, о назначеніи и лишеніи стипендій, о выдачѣ выпускныхъ свидѣтельствъ и т. под. Высшее же завѣдываніе принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ которое, по истеченіи каждаго полугодія, дирекція представляетъ отчеты. Отчеты представляются также и въ мѣстный евангелическій верховный церковный совѣтъ (Oberkirchenrath), который, съ разрѣшенія министра, можетъ чрезъ особыхъ коммиссаровъ и непосредственно знакомиться съ состояніемъ семинаріи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви [1]).

Совмѣщеніе въ церковномъ русскомъ пѣніи разнохарактерныхъ напѣвовъ разныхъ народностей не было простымъ выраженіемъ привычки русскихъ XVII вѣка къ разнообразію роспѣвовъ, но имѣло для того времени болѣе важное значеніе. Оно съ одной стороны, какъ и исправленіе славянскихъ богослужебныхъ книгъ, служило испытаннымъ средствомъ къ возстановленію взаимнаго общенія православныхъ греко-славянскихъ церквей и для всѣхъ осязательнымъ памятникомъ ихъ духовнаго единенія [2]). Братское общеніе Русской Церкви съ греческою чрезъ церковное пѣніе патр. Никонъ и восточные патріархи предполагали сдѣлать еще болѣе близкимъ и прочнымъ чрезъ употребленіе при православномъ богослуженіи вмѣстѣ съ греческими напѣвами и греческаго текста наряду съ славянскимъ [3]), но мысль эта не нашла себѣ поддержки въ преемникахъ п. Никона и въ церковно-пѣвческой практикѣ... Разнообразіе напѣвовъ съ другой стороны было средствомъ къ оживленію церковнаго пѣнія, бывшаго дотолѣ, при всей его сложности и разновидностяхъ, однообразнымъ по своему характеру. А подобнаго рода средства не отвергаются и церковнымъ уставомъ Православной Церкви и древнею ея практикою [4]).

2) Съ усвоеніемъ русскими пѣвцами греко-славянскихъ роспѣвовъ кругъ знаменныхъ протяженныхъ роспѣвовъ и

---

[1]) См. № 24-й.

[2]) Ранѣе того церковное пѣніе было однимъ изъ важныхъ средствъ къ единенію Юго-Западной Русской Церкви съ греко-славянскими церквами.

[3]) »Церков. пѣніе въ Россіи«, о. прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 114 и 116.

[4]) См. ж. »Руковод. для сел. пастырей« за 1887 г., № 14 »О церковномъ пѣніи Пр. Греко-Россійской Церкви«.

отдѣльныхъ напѣвовъ долженъ былъ сократиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ сокращалось и самое богослуженіе; ибо новые роспѣвы и напѣвы, хотя впослѣдствіи своимъ количествомъ превышали даже старые роспѣвы, но не имѣли пространныхъ мелодическихъ украшеній; самыя мелодіи ихъ по своей конструкціи вообще короче знаменныхъ. А наконецъ и самый знаменный роспѣвъ въ устахъ новаго поколѣнія пѣвцовъ сталъ сокращеннѣе прежняго. Уже въ печатныхъ изданіяхъ 1772 г. по мѣстамъ мы видимъ въ знаменномъ роспѣвѣ нѣкоторыя сокращенія, а въ церковной практикѣ еще болѣе, пока наконецъ въ послѣдней всѣ ѳитныя украшенія, а затѣмъ и протяженныя мелодіи стихиръ, тропарей и частію ирмосовъ совершенно вышли изъ употребленія, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ образцовъ. Вообще по преобразованіи церковнаго пѣнія въ половинѣ XVII вѣка: а) являются роспѣвы болѣе сокращенные, чѣмъ старый знаменный роспѣвъ; б) самый знаменный роспѣвъ, особенно въ его гармоническихъ переложеніяхъ и въ церковно-пѣвческой практикѣ, значительно сокращенъ; в) являются новые осмогласные и неосмогласные *обычные напѣвы* речитативнаго характера, каковы наприм. напѣвы IV гласа на Богъ Господь, пѣніе прокимновъ и литургійные напѣвы придворнаго пѣнія; г) въ пѣвческую практику входитъ обычай исполнять всякаго рода пѣснопѣнія по слуху и памяти, притомъ въ сокращенномъ видѣ; является *быстрость* въ пѣніи, иногда болѣе ускоренная, чѣмъ самое церковное чтеніе.

Въ церковныхъ напѣвахъ трехъ послѣднихъ вѣковъ есть торжественно протяженные напѣвы, есть и краткіе; но въ тѣхъ и другихъ замѣчаются слѣдующія особенности: а) торжественно протяженные напѣвы усвоены преимущественно постояннымъ въ богослуженіи пѣснопѣніямъ, особенно же соединеннымъ съ продолжительными священнодѣйствіями, каковы наприм., величаніе, херувимская пѣснь, причастные

стихи и т. п., перемѣнныя же пѣснопѣнія—стихиры, тропари, ирмосы, прокимны и т. п. поются краткими напѣвами; б) протяженные напѣвы принадлежатъ къ напѣвамъ неосмогласнымъ или *самопъсненнымъ;* в) протяженные напѣвы, заимствованные изъ древнихъ роспѣвовъ, утратили свои мелодическія украшенія и въ замѣнъ ихъ приняли украшенія гармоническія, или же они суть музыкальныя композиціи позднѣйшаго времени; г) протяженные напѣвы допускаютъ повтореніе словъ текста; д) осмогласные напѣвы, усвоенные перемѣннымъ въ богослуженіи пѣснопѣніямъ, вообще кратки, за исключеніемъ развѣ богородичновъ догматиковъ, нѣкоторыхъ ирмосовъ и задостойниковъ большаго знаменнаго роспѣва, а также немногихъ напѣвовъ болгарскаго роспѣва, весьма рѣдко слышимыхъ нынѣ въ церковно-пѣвческой практикѣ; е) все мелодическое движеніе новопринятыхъ греко-славянскихъ роспѣвовъ происходитъ въ сокращенной гаммѣ, состоящей изъ двухъ только тетрахордовъ или въ предѣлахъ одной октавы (ля—ля), не имѣющей перемѣнныхъ знаковъ; мелодіи же краткихъ напѣвовъ совершаются еще въ болѣе тѣсной области звуковъ (обыкновенно 2—4 звука); ж) краткіе напѣвы, какъ осмогласные, такъ и неосмогласные, отличаются речитативнымъ движеніемъ мелодіи; з) краткіе напѣвы имѣютъ построеніе и послѣдовательность строкъ строго опредѣленныя установленными музыкальными формами, а не словеснымъ ритмомъ пѣснопѣній; і) краткіе мелодіи съ простотою построенія соединяютъ въ себѣ легкость для изученія и усвоенія ихъ памятью пѣвцовъ и народа и удобство исполненія.

Откуда же взялись усвоенные новыми сравнительно роспѣвами краткіе осмогласные напѣвы съ ихъ мелодическими особенностями?

Они не въ Россіи изобрѣтены и не заимствованы отъ Западной Церкви, но имѣютъ свое основаніе въ византій-

скомъ церковномъ пѣніи. Краткими мелодіями особенно характеризуется *кіевское* осмогласіе или напѣвы „на Господи воззвахъ“. Но мелодіи эти, какъ показываетъ ихъ техническій разборъ, суть почти буквальное повтореніе гласовыхъ мелодій *малаго* знаменнаго роспѣва, образовавшагося къ концу XVI вѣка и извѣстнаго всей Русской Церкви. *Малый* же знаменный роспѣвъ образовался изъ *большаго* знаменнаго роспѣва и составляетъ его простое сокращеніе, имѣющее съ нимъ одинаковыя музыкальныя основанія, заимствованныя изъ византійскаго осмогласія. Въ движеніи большей части своихъ мелодій онъ имѣетъ буквальное сходство съ пѣніемъ *на подобны*, краткія мелодіи которыхъ встрѣчаются въ самыхъ первыхъ крюковыхъ рукописяхъ Русской Церкви и имѣютъ конечно одинаковое съ большимъ знаменнымъ роспѣвомъ греко-славянское происхожденіе. Въ церковномъ Уставѣ и въ богослужебныхъ книгахъ мы видимъ указанія на *подобны* и даже распредѣленіе строкъ текста, приспѣненное къ краткимъ напѣвамъ, а въ Октоихѣ св. Іоанна Дамаскина и самые образцы *подобновъ* въ болѣе краткомъ мелодическомъ изложеніи, чѣмъ *самогласныя* стихиры. Затѣмъ краткія или *дневныя* мелодіи мы встрѣчаемъ не въ кіевскомъ только и знаменномъ, но и въ другихъ извѣстныхъ намъ роспѣвахъ, наприм. *болгарскомъ* и *греческомъ*. Гласы *сербскаго* роспѣва, по свидѣтельству Барскаго слышавшаго ихъ на Аѳонѣ, также „краткосложенны“ [1]). Все это ведетъ къ заключенію, что краткія гласовыя мелодіи не есть русское изобрѣтеніе и заимствованы не отнуду, какъ изъ обычая древней Православной Церкви, преданнаго всѣмъ славянскимъ церквамъ наравнѣ и въ связи съ напѣвами протяженными.

Особенностію краткихъ напѣвовъ русскихъ позднѣйшаго происхожденія можно считать: а) постепенно возрастающее

[1]) »Церк. пѣніе въ Россіи« о. прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 175. Подобно сему и древнее *кондакарное* пѣніе. Тамъ же стр. 112.

приближеніе ихъ къ унисонно-речитативному пѣнію съ уничтоженіемъ почти мелодическаго характера и гласовыхъ различій; б) установленіе новаго понятія о церковномъ *гласѣ*, какъ объ извѣстной формулѣ сочетанія двухъ-трехъ мелодическихъ строкъ, а не о музыкальной лѣствицѣ звуковъ съ опредѣленнымъ порядкомъ интерваллoвъ. Такихъ формулъ по принятому обычаю и въ каждомъ новомъ роспѣвѣ считается также *восемь*, хотя въ дѣйствительности ихъ можетъ быть безчисленное множество; в) распространеніе речитатива на нѣкоторые неосмогласные, напримѣръ литургійные напѣвы, и наконецъ г) доведеніе клиросною практикою нѣкоторыхъ напѣвовъ, какъ нерѣдко и церковнаго чтенія, до крайняго предѣла краткости, именуемой *бѣглостію*, несвойственною церковному богослуженію. Но въ первоначальномъ своемъ видѣ, какъ это видно изъ нотныхъ памятниковъ XVII вѣка [1]) и даже частію изъ Синодальныхъ изданій 1772 г., греко-славянскіе роспѣвы не имѣли характера бѣглаго унисонно-речитативнаго пѣнія и вполнѣ соотвѣтствовали не только вкусамъ и потребностямъ современниковъ, но и характеру православнаго богослуженія. Не даромъ мы читаемъ о нихъ самые лестные отзывы современниковъ подобные тѣмъ, которые имѣются въ нашихъ лѣтописяхъ о первоначальномъ пѣніи, принесенномъ въ Россію изъ Греціи [2]), не даромъ напѣвы эти быстро распространились по всей Россіи и при томъ безъ всякихъ усилій духовной и свѣтской власти и даже безъ печатнаго ихъ изложенія.

---

[1]) Первоначальный видъ роспѣвовъ греческаго и кіевскаго можно видѣть и въ »Руков. къ практическому изученію древняго бог. пѣнія Пр. Рус. Церкви« Н. Потулова. М. 1875 г.

[2]) П. Никонъ, по замѣчанію его современника, наполнилъ клиросы *предивными пѣвчими съ гласы избранными*. Пѣніе ихъ было *одушевленное, паче органа бездушнаго. И такого пѣнія, якоже у митрополита* (Новгородскаго) *Никона, ни у кого не было*. См. »Церк. пѣніе въ Россіи«, о. прот. Разумовскаго, стр. 209.

Письма священника къ дочери [1]).

Письмо одинадцатое.

Вотъ видишь, дочь моя, какъ все хорошо складывается. У тебя явились не только друзья и помощницы, но даже и послѣдовательницы. Очевидно, добрый примѣръ, какъ и худой, одинаково заразительны. Итакъ, твоя сосѣдка, такая же, какъ ты, молодая матушка и сельская учительница—дочь священника, отдыхающая теперь у своихъ родителей, по случаю вакаціоннаго времени, рѣшили послѣдовать твоему примѣру и устроить каждая въ своемъ селѣ пріютъ для малыхъ ребятъ въ опустѣвшихъ школьныхъ домахъ. Увлеченныя примѣромъ твоей дѣятельной жизни, онѣ, очевидно, готовы идти по твоимъ стопамъ и слѣдовать твоимъ указаніямъ. Быть можетъ, и еще найдутся въ окрестностяхъ такія развитыя добросердечныя матушки и учительницы изъ духовнаго званія, свободныя на лѣто отъ занятій, которыя согласятся заняться этимъ благимъ дѣломъ. Но вотъ что мнѣ сейчасъ пришло въ голову! Между нашими сельскими матушками есть много такихъ многосемейныхъ, обремененныхъ своими собственными домашними дѣлами, которыя и рады были бы что нибудь доброе сдѣлать для своихъ прихожанъ, но не имѣютъ на это времени; за то въ такихъ большихъ семьяхъ весьма часто случаются взрослыя дочери, съ высшимъ или домашнимъ образованіемъ, быть можетъ, даже скучающія безъ дѣла. Вотъ онѣ-то и могли бы замѣнить въ этомъ случаѣ своихъ матерей! Вѣдь помогаютъ же многія изъ нихъ матерямъ по хозяйству, при досмотрѣ меньшихъ братьевъ и сестеръ; почему же не стать имъ помощницами еще и въ дѣлѣ исполненія ихъ обязанностей относительно прихожанъ? Теперь

---

[1]) См. № 24-й.

наше молодое женское поколѣніе вообще выказываетъ стремленіе къ общественной дѣятельности, а тутъ вотъ представляется такое великое дѣло и полезное для народа, и чисто христіанское, и даже вполнѣ сродное женской душѣ. Да оно кстати и весьма прилично было бы дочерямъ священниковъ заняться подобнаго рода дѣятельностію, такъ какъ онѣ готовятся со временемъ стать женами священниковъ, ихъ подругами и помощницами. Это была бы хорошая подготовка для ихъ будущаго. Да, рѣшительно необходимо призвать этихъ дѣвицъ къ дѣятельности на пользу общества! Чѣмъ болѣе я размышляю объ ихъ судьбѣ и печальномъ положеніи въ семьѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ необходимости такого для нихъ исхода. Что, собственно говоря, дѣлаютъ теперь эти дѣвицы, чѣмъ занимаются? За немногими исключеніями, почти всѣ онѣ съ образованіемъ. Образованіе свое получаютъ въ епархіальныхъ училищахъ,—а которыя побогаче, тѣ даже и въ гимназіяхъ—и, по окончаніи этихъ заведеній, часто съ блестящими аттестатами и радужными мечтаніями, возвращаются домой въ деревню, гдѣ ихъ ожидаетъ печальная дѣйствительность. Книжка, которою онѣ до тѣхъ поръ всецѣло занимались, отходитъ на задній планъ, да и вообще книжекъ на деревнѣ достать трудно. Родители предъявляютъ имъ свои справедливыя и совершенно основательныя требованія, желая видѣть въ нихъ помощницъ по хозяйству, но помощницы онѣ въ этомъ случаѣ плохія—хозяйства совсѣмъ не знаютъ и тяготятся имъ. Чему научились раньше, въ дѣтствѣ, отъ того отвыкли за время своего ученія внѣ дома. Хорошо еще, если у которой нибудь изъ этихъ дѣвицъ есть братишки и малыя сестренки, тогда, по крайней мѣрѣ, онѣ могутъ быть имъ полезны, какъ учительницы, но и то пользы немного, такъ какъ у насъ вообще очень рано отдаютъ дѣтей въ школы въ самые низшіе классы, такъ что и подготовлять-то ихъ почти не къ чему. Поэтому большинство изъ нихъ

живетъ вовсе безъ дѣла, тяготясь своимъ существованіемъ, складывая всю вину на деревенскую скуку, да отъ бездѣлья занимаясь безконечнымъ вязаніемъ какого нибудь кружева или салфетки; работа, пожалуй, не совсѣмъ безполезная, но не тогда, когда ее обращаютъ въ цѣль жизни. Выходъ замужъ для такой дѣвицы представляется ей какимъ-то спасеніемъ, счастливымъ исходомъ изъ неловкаго положенія, и она ждетъ съ нетерпѣніемъ этого момента. Но гдѣ же взять жениха, подходящаго по образованію и состоянію? Теперь женихъ въ деревнѣ большая рѣдкость. Сначала дѣвица мечтаетъ выйти замужъ за кого нибудь въ городѣ: перспектива быть сельской матушкой и навсегда похоронить себя въ деревнѣ не представляется ей особенно заманчивой. Но, напрасно прождавши нѣкоторое время городскаго жениха, она рѣшаетъ наконецъ выйти и за простого семинариста, готовящаго себя къ скромной долѣ сельскаго священника, если таковой случится, лишь бы только перестать быть бременемъ для своихъ родителей; но и такой женихъ рѣдко находится. Будущій сельскій священникъ ищетъ себѣ въ подруги большею частію дѣвушку домашняго воспитанія, скромную домовитую хозяйку, не мечтающую о себѣ много, непритязательную въ своихъ требованіяхъ на жизнь. Нынче, при плохихъ матеріальныхъ средствахъ и непрестанно развивающейся дороговизнѣ, семинаристъ больше всего на свѣтѣ боится такъ называемой образованной дѣвицы съ ея развитыми вкусами и претензіями. И вотъ, приходится терпѣть неудачи и разочарованія и сидѣть по прежнему безъ дѣла въ томительномъ ожиданіи чего-то несбыточнаго. Сколько теперь есть по селамъ старыхъ дѣвушекъ изъ духовнаго званія, сколько ихъ—Боже мой! „Епархіалки“ готовы были бы съ удовольствіемъ уйти въ города искать себѣ подходящаго дѣла въ качествѣ гувернантокъ и учительницъ; но въ эти должности ихъ не примутъ, такъ какъ онѣ не изучаютъ иностранныхъ языковъ и музыки,

что необходимо требуется отъ гувернантокъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ впрочемъ удается выхлопотать себѣ мѣста сельскихъ учительницъ—исходъ наилучшій на мой взглядъ. Но такихъ счастливицъ не много въ виду громадной конкуренціи на этомъ пути съ мужчинами и съ воспитанницами другихъ женскихъ заведеній.

Сколько приходится слышать сѣтованій по этому поводу среди нашего духовенства! Ненормальное положеніе вещей очевидно. Священникъ даетъ образованіе своимъ дочерямъ, тратитъ на нихъ свои и безъ того небольшія средства, и все для того, чтобъ онѣ потомъ сидѣли у него въ домѣ, не пригодныя ни къ какому практическому дѣлу, ноющія и тоскующія, себѣ въ тягость и другимъ. Мнѣ кажется, ихъ участь много бы облегчилась, если бы онѣ обратили свое вниманіе на народъ нашъ, такъ нуждающійся въ помощи образованнаго интеллигентнаго человѣка. Святое и великое дѣло! Полагаю, что, если бы дочери священниковъ проходили свою дѣвичью жизнь, пріучая себя постепенно къ исполненію будущихъ обязанностей жены священника, изучая бытъ крестьянина и средства помочь ему въ его невѣжествѣ, руководя его духовной жизнію, то была бы отъ этого большая польза и для нихъ самихъ—врядъ ли бы онѣ тогда засиживались въ дѣвушкахъ. По окрестностяхъ пошла бы молва о ихъ доброй и полезной дѣятельности, которая заставила бы разсѣяться обычное теперь въ холостыхъ мужчинахъ представленіе о томъ, что образованная дѣвица ни къ какому солидному дѣлу не способна и даже можетъ испортить жизнь мужа и всей семьи своими претензіями и ничѣмъ неоправдываемыми запросами на безцѣльную, роскошную жизнь. Такъ впрочемъ думаютъ теперь не только семинаристы о дѣвицахъ образованныхъ изъ духовнаго званія, но и всѣ вообще мужчины объ интеллигентныхъ дѣвицахъ средняго класса; но отъ этого намъ не легче. Я потому такъ распространился объ этомъ

вопросѣ, что онъ у насъ представляется въ настоящее время больнымъ мѣстомъ, существеннымъ и тормознымъ вопросомъ нашей жизни, а отчасти и потому, что дѣйствительно прискорбно видѣть, что у насъ по селамъ есть такъ много дѣла, настоятельнаго, неотложнаго, есть и люди, способные приложить съ пользой руки къ этому дѣлу, но нѣтъ у нихъ ни охоты къ дѣятельности, ни даже мысли о возможности подобнаго рода дѣятельности. Воодушевленныя великодушнымъ порывомъ и идеею добра наши незамужнія дѣвицы духовнаго званія могли бы быть настоящимъ кладомъ для деревенскаго люда. Одинъ въ полѣ не воинъ. Вотъ ты, дочь моя, трудись на пользу своихъ прихожанъ, найдется и еще изъ сельскихъ матушекъ двѣ—три добрыя души, сознающія вполнѣ свой долгъ и понимающія свои обязанности, но этого мало, очень мало! Васъ двѣ—три, а народъ нашъ милліонный. Необходимо призвать всѣ силы къ дѣлу, чтобы оно имѣло успѣхъ. Въ твоемъ положеніи одинокой дѣятельницы мало честно исполнять свои обязанности относительно однихъ только своихъ прихожанъ, будь миссіонершей и при всякомъ удобномъ случаѣ старайся дѣйствовать и примѣромъ и силой убѣжденія на всѣхъ женщинъ духовнаго сословія, и замужнихъ и незамужнихъ. Набирай побольше сподвижницъ въ свой лагерь—пусть это войдетъ также въ число твоихъ непремѣнныхъ обязанностей. Необходимо, чтобы все духовное сословіе, забывши на время свои матеріальныя выгоды, прониклось и воодушевилось одной великой идеей честнаго служенія народу, „не за страхъ только, но и за совѣсть“, не за плату, но ради святаго дѣла просвѣщенія темной массы, находящейся въ нашихъ рукахъ. Въ этомъ состоитъ и вся наша заслуга передъ Богомъ и даже улучшеніе нашего быта, о которомъ мы непрестанно помышляемъ, такъ какъ этимъ способомъ мы несомнѣнно заслужимъ и уваженіе и благодарность окружающихъ насъ людей.

Итакъ, въ вашей опустѣвшей школѣ уже собираются ребятишки подъ надзоромъ чадолюбивыхъ старушекъ, и тебѣ помогаетъ пріучать крестьянъ къ такому порядку вещей жена церковнаго старосты и старшиниха. Вотъ эта послѣдняя помощь, пожалуй, будетъ еще лучше первой, такъ какъ крестьяне привыкли уважать ее и видѣть въ ней, какъ и въ ея мужѣ, свое начальство. Правда, ты пишешь, что она усердствуетъ тебѣ не ради добраго дѣла, а изъ честолюбія и гордости, чтобъ на селѣ сказали, что вотъ-де и она водитъ знакомство съ матушкою за панибрата. Ну, что жъ дѣлать! хотя эта женщина въ своей дѣятельности будетъ руководствоваться и посторонними соображеніями, а не чистой идеею добра, все же она будетъ для тебя весьма полезной. А развѣ у насъ въ городахъ всѣ барыни, занимающіяся благотворительностію, отдаются этому дѣлу непременно вслѣдствіе яснаго сознанія пользы и святости дѣла? Онѣ тоже часто примѣшиваютъ къ своимъ добрымъ дѣламъ честолюбивые виды; но это не мѣшаетъ имъ и ближнему приносить пользу въ особенности въ рукахъ разумныхъ руководителей. Подавай Богъ хоть и такихъ помощницъ! Будемъ надѣяться, что ваше доброе дѣло будетъ преуспѣвать и расширяться. Да поможетъ вамъ въ этомъ Господь Богъ.

Въ отвѣтъ на вопросъ: „не подаютъ ли нѣкоторые іереи повода или основанія къ неуваженію духовнаго сана“.

На этотъ вопросъ, названный „вопросомъ безъ отвѣта“, иного отвѣта и не можетъ быть, кромѣ положительнаго. Вотъ нѣсколько данныхъ, взятыхъ изъ жизни и какъ нельзя болѣе ярко свидѣтельствующихъ о томъ, что нѣкоторые іереи сами подаютъ поводъ къ осужденію духовнаго сана.

Въ прошедшемъ году, осенью, я былъ, по пути въ Кіевъ на станціи Синельниково Лозово-Севастопольской желѣзной дороги. Здѣсь нужно было ожидать поѣзда въ Екатеринославъ часа два. Синельниково—вокзалъ перекрестный и поэтому людный. Много шума было, движенія: каждый былъ занятъ суетой, но понемногу все улеглось; всѣ стулья залы были заняты, возлѣ столовъ не было свободнаго мѣста. Я сидѣлъ за однимъ изъ столовъ и, наблюдая происходящее какъ въ калейдоскопѣ, съ удовольствіемъ замѣтилъ выставленное на столахъ распоряженіе г. министра путей сообщенія о воспрещеніи *курить* въ вокзалѣ за общими столами. Къ сожалѣнію, это правило не исполнялось: вокругъ меня распространялись клубы табачнаго дыма, доводившіе дамъ до одуренія; многимъ хотѣлось бы избѣжать дыму, но дурная погода не позволяла выходить на платформу. Съ грустью я смотрѣлъ на это грубое нарушеніе постановленія г. министра. Осматривая машинально сидящихъ за столомъ табакокуровъ, я съ удивленіемъ замѣтилъ на концѣ стола двухъ священниковъ, занятыхъ бесѣдою между собою и въ то же время важно выкуривающихъ папиросу за папиросою. Одинъ изъ нихъ пожилой іерей съ сильной сѣдиной, другой, судя по небольшимъ волосамъ, и года не былъ еще въ санѣ. Мнѣ сдѣлалось обидно и стыдно за этихъ собратовъ, курящихъ за столомъ, не смотря на запрещеніе г. министра. Не возможно было равнодушно отнестись и къ тому, что оба іерея и сидѣли *въ шляпахъ*, нисколько не стѣснялись тѣмъ, что въ комнатѣ находилась икона съ теплящеюся лампадой. Такимъ поведеніемъ іереевъ не одинъ я, но и многіе изъ присутствующихъ были возмущены, съ особеннымъ неудовольствіемъ и досадою посматривали на нихъ не курящіе, не могущіе переносить табачнаго дыма. Наконецъ, изъ числа сидящихъ за столомъ поднялся одинъ почтенный человѣкъ въ генеральскихъ погонахъ; проходя мимо священниковъ съ папиросами, онъ остановился,

посмотрѣлъ на нихъ съ брезгливостію и густымъ басомъ на всю залу сказалъ: *„отцы, не мнѣ бы вамъ замѣчать, но признаюсь, что занятіе ваше, свидѣтельствующее о вашемъ невниманіи къ этому запрещенію о не куреніи табаку, занятіе само по себѣ гадкое, не говоритъ о вашемъ высокомъ званіи съ уважительной стороны. Съ васъ долженъ быть примѣръ...“* Много людей, слыша эту нотацію, были довольны ею. Молодой іерей что-то вздумалъ возражать военному, но удостоился отъ него единственно только такого глубокаго презрительнаго взгляда, что съ смущеніемъ и не кончилъ начатой фразы. Оба іереи вскорѣ скрылись изъ залы и направились въ гостинницу близъ вокзала, гдѣ безъ сомнѣнія свободнѣе было покурить среди разнаго *сброда*, не обращавшаго на нихъ такого пытливаго вниманія, какъ въ залѣ вокзала. Нельзя не указать и на тотъ фактъ, неоднократно замѣчавшійся мною, что нѣкоторые іереи входя въ залъ вокзала не обнажаютъ головы своей хотя бы въ виду св. иконы; проходя по вокзалу, не осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ часовнею съ иконою св. Александра Невскаго, какія часовни устроены на многихъ вокзалахъ; сидя за столомъ въ залѣ вокзала, не снимаютъ шляпы даже въ то время, когда кушаютъ. Понятно, что такое невнимательное отношеніе церковныхъ лицъ къ религіознымъ предметамъ и благочестивымъ обычаямъ не остается незамѣченнымъ со стороны общества и сильно роняетъ пастырей въ глазахъ мірянъ. Посему если гдѣ, то особенно въ публичныхъ мѣстахъ, пастырямъ преимущественно нужно быть внимательными къ себѣ и не подавать повода къ осужденію духовнаго сана.

Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

На комъ лежитъ отвѣтственность за цѣлость училищныхъ библіотекъ?—Екатеринославская духовная консисторія объявляетъ для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія всѣмъ священнослужителямъ епархіи, въ вѣдѣніи которыхъ находятся церковно-приходскія школы и школы грамотности, что они, какъ непосредственно завѣдующіе церковными школами, должны наблюдать за училищною библіотекою и въ случаѣ потери учебныхъ принадлежностей являются главными отвѣтственными лицами, какъ они же являются главными отвѣтственными лицами за цѣлость и вообще училищныхъ библіотекъ.

О невѣнчаніи иноепархіальныхъ и чужеприходныхъ лицъ безъ надлежащихъ предбрачныхъ свидѣтельствъ.—Курская духовная консисторія объявляетъ причтамъ приходскихъ церквей епархіи, чтобы они не вѣнчали лицъ иноепархіальныхъ и вообще не принадлежащихъ къ ихъ приходамъ безъ предварительнаго полученія, отъ кого слѣдуетъ, предбрачныхъ свидѣтельствъ.

Одна изъ необходимыхъ формальностей при совершеніи брака лицъ чужеприходныхъ.—Томская духовная консисторія объявляетъ всѣмъ причтамъ церквей епархіи, чтобы они обязательно дѣлали надписи о бракосочетаніи на документахъ лицъ, по которымъ таковыя вѣнчаются, и немедленно по совершеніи брака сообщали объ этомъ въ мѣста причисленія обвѣнчанныхъ для надлежащихъ отмѣтокъ.

По предмету дѣятельности приходскихъ попечительствъ.—Полтавскій преосвященный предложилъ мѣстной духовной консисторіи: 1) предписать священникамъ, чтобы они, при участіи предсѣдателей приходскихъ попечительствъ, назначали, въ свободное отъ сельскихъ занятій время, общія засѣданія членовъ, а когда нужно—собранія прихожанъ, по параграфамъ 8, 9, 10, 11 и 12 Высочайше утвержденныхъ правилъ въ руководство приходскихъ попечительствъ, и предметы разсужденій и рѣшеній записывали въ особые журналы; 2) обязать священниковъ въ концѣ года доставлять краткія свѣдѣнія о дѣятельности приходскихъ попечительствъ мѣстнымъ благочиннымъ для внесенія этими послѣдними извлеченія изъ нихъ въ годовой отчетъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Комит. печатать дозволяется. Кіевъ, 4 іюня 1888 г. Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 26.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Іюня 26-го.

Содержаніе: Поклонъ съ юга неизвѣстному собрату.—Откликъ на „Горькія думы сельскаго священника“.—О приготовленіи кандидатовъ священства въ Германіи и Россіи.—Письма священника къ дочери.—Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви.—Особенности въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ „Великой Христовой Церкви“.

Поклонъ съ юга неизвѣстному собрату.

Одиннадцатый номеръ „Руководства для сельскихъ пастырей“ я получилъ какъ нельзя болѣе *во время,* потому что въ день полученія чувствовалъ себя очень нездоровымъ и даже было,—стыдно сознаться,—роптал на свою судьбу по случаю простуды, которую ватилъ предъ этимъ ночью, будучи приглашенъ для напутствованія одного трудно больнаго прихожанина своего. Въ эти-то тяжелыя минуты безотраднаго унынія и прочиталъ я замѣтку: „Особенныя положенія“, которая была для меня цѣлительнымъ бальзамомъ, чудесно заставившимъ воспрянуть малодушно упавшій было духъ мой. Замѣтка эта написана именно какъ будто для

меня. И какъ это только я могъ допустить себя по поводу самой пустой бездѣлицы до постыднаго унынія, когда другіе весело, бодро и неустанно трудятся среди самой неблагопріятной обстановки?!.—Да, дорогой собратъ, оборотной стороны медали никто не видитъ, и потому именно, что не хочетъ видѣть,—но видитъ и цѣнитъ Тотъ, Который поставилъ насъ дѣлателями въ винограднике Своемъ...

Какъ хотѣлось бы мнѣ пожать руку дорогому собрату, который открылъ нашимъ глазамъ „особенныя“ трудности и тягости, соединенныя съ добросовѣстнымъ исполненіемъ святыхъ пастырскихъ обязанностей; издали хотѣлось бы мнѣ послать ему, въ видѣ настоящихъ строкъ, и слабый знакъ моей къ нему благодарности и братскій поклонъ. Съ благосклоннаго дозволенія редакціи, беру на себя восполнить нѣсколько помянутую замѣтку двумя-тремя фактами изъ собственной долговременной пастырской практики.

27 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ и я поступилъ на приходъ, и столько же лѣтъ наслаждаюсь тихой и безмятежной супружеской жизнію съ своею невзыскательною старушкою. Приходъ, въ которомъ я служу вмѣстѣ съ другимъ священникомъ, насчитываетъ, правда, только 2000 душъ, но изъ нихъ значительная часть живетъ вдали отъ села, въ маленькихъ деревенькахъ и хуторахъ, разбросанныхъ на пространствѣ чуть не 20 верстъ въ окружности, среди раскольническаго, притомъ, населенія. Это послѣднее обстоятельство служитъ отчасти причиною того, что священника приглашаютъ часто, чаще, пожалуй, даже, чѣмъ бы слѣдовало. Чуть кто хоть сколько нибудь заболѣетъ, уже, глядишь, и является посолъ съ приглашеніемъ, такъ что приходится причащать ежегодно слишкомъ 100 человѣкъ больныхъ, алчущихъ религіознаго утѣшенія.

Бываютъ иногда случаи, что подобныя служебныя, если можно такъ выразиться, посѣщенія больныхъ отнимаютъ отъ

2-хъ до 3-хъ дней времени. Рискованны посѣщенія эти на сѣверѣ, благодаря многочисленности рѣкъ, рукавовъ и ручьевъ; но не менѣе рискованны они подчасъ и у насъ на югѣ, особенно въ моемъ приходѣ, такъ какъ горы, на выступахъ которыхъ расположены всѣ числящіяся въ приходѣ деревни и хутора, довольно близки къ главному кряжу и такимъ образомъ находятся подъ вліяніемъ всѣхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ явленій горной природы. Нужно самому пожить въ горахъ, чтобы составить себѣ хоть приблизительное понятіе о неожиданностяхъ, къ которымъ всякую минуту долженъ быть готовъ путникъ.

Нисколько не преувеличивая, могу сказать, что и самому мужественному пастырю сдѣлается нѣсколько жутко, когда, зимою, вдали отъ большой дороги, нужно бываетъ пробираться къ уединеннымъ хуторамъ по едва-едва замѣтнымъ тропинкамъ, которыя часто совершенно заносятся снѣгомъ; или когда обыкновенныя проселечныя дороги, вслѣдствіе мятели, дѣлаются непроѣзжими, а расположенныя въ горахъ деревни недоступными; или, наконецъ, послѣ наступившей неожиданно оттепели, горные ручьи въ теченіе какихъ нибудь двухъ-трехъ часовъ превращаются въ бурные, яростно бушующіе, разрушающіе и уничтожающіе все встрѣчающееся имъ на пути, потоки. А то вдругъ вѣтеръ опять перемѣнился, и мягкія, во время оттепели, хлопья снѣга замѣняются пребольно бьющимъ, иногда довольно крупнымъ градомъ. Подобныя прелести приходилось мнѣ очень часто испытывать на вѣку своемъ и среди бѣлаго дня и въ непроницаемомъ мракѣ ночи. И несущія лошади, и сломанныя колеса, и блужданья по колѣна въ снѣгу, когда мятель совершенно слѣпитъ глаза и каждую минуту грозитъ живьемъ засыпать тебя и пр. т. п.,— все это мнѣ очень хорошо знакомо. Конечно, въ хорошую весеннюю погоду знакомишься и съ свѣтлыми сторонами „походной“ пастырской жизни. Но такія путешествія сравни-

тельно довольно рѣдки, и, какъ все пріятное, они, по общечеловѣческой неблагодарности къ Творцу, забываются гораздо скорѣе, чѣмъ случаи въ родѣ слѣдующихъ двухъ.

Въ прошлую зиму ѣздилъ я, для отправленія похоронъ, въ деревню, расположенную въ горахъ и отстоящую отъ села верстахъ чуть не въ 15. Не успѣли выѣхать, какъ поднялась сильная мятель, и мы пробыли въ дорогѣ ни больше, ни меньше, какъ только ровно *восемь* часовъ, останавливаясь всего только минутъ на 20, еще въ началѣ дороги, для причащенія больной. Въ деревнѣ нетерпѣливо ждали моего пріѣзда и желающіе воздать покойнику послѣднюю честь хотѣли было разойтись, когда заслышали рѣзкій звукъ нашего колокольчика. Не желая ихъ болѣе задерживать, я тотчасъ же отслужилъ панихиду и проводилъ покойника на кладбище. Кладбище расположено на довольно высокой горѣ, и видъ оттуда въ весеннюю и лѣтнюю пору восхитительный. Но теперь на этой высотѣ бушевала страшная буря, такъ что голосъ мой едва былъ слышенъ на разстояніи не болѣе двухъ шаговъ. Наконецъ, мы возвратились въ деревню, гдѣ предложили мнѣ обогрѣться. Вдругъ, откуда ни возьмись, пріѣхалъ за мною молодой отецъ семейства и сталъ убѣдительно просить поскорѣе отправиться съ нимъ въ сосѣдній хуторъ для крещенія его очень слабаго ребенка. Дѣлать было нечего— и, не поддавшись весьма простительному въ моемъ положеніи желанію напиться горячаго чаю, поѣхалъ я съ нимъ, не откладывая ни минуты. За то—какъ доволенъ я былъ, что засталъ ребенка еще въ живыхъ, и никогда не забуду того благодарнаго взгляда, съ которымъ посмотрѣлъ на меня молодой pater familias, когда я ему сказалъ, что въ продолженіи своей долголѣтней пастырской дѣятельности видалъ дѣтей куда болѣе слабыхъ, чѣмъ его дочь, которыя однако же все-таки, милостію Божіею, окрѣпли и выросли... Не смотря, впрочемъ, на всѣ невзгоды, какія пришлось претерпѣть во время этой поѣздки, домой я вернулся совершенно здоровымъ.

Еще яснѣе сподобился я ощущать оберегающую десницу Всемогущаго, когда мы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ теплую октябрьскую ночь, возвращались съ одной требы вмѣстѣ съ діакономъ въ старинномъ рессорномъ помѣщичьемъ экипажѣ. Густой туманъ застилалъ окрестность на далекое пространство. Было уже поздно, и мы, утомленные поѣздкой и трудами минувшаго дня, вздремнули съ о. діакономъ подъ мѣрное покачиваніе экипажа и монотонное позвякиванье полуразбитаго колокольчика. Проснулись мы отъ довольно сильнаго неожиданнаго толчка: оказалось, что при переѣздѣ черезъ полотно проходящей въ нашей мѣстности желѣзной дороги вдругъ между лошадьми и экипажемъ опустился автоматическій шламбаумъ, и мы очутились какъ бы въ клѣткѣ, не имѣя возможности двигаться ни назадъ, ни впередъ. Въ эту критическую минуту кучеръ закричалъ въ страшной тревогѣ: „Поѣздъ подходитъ, а мы на полотнѣ желѣзной дороги!“ Съ лѣвой отъ насъ стороны, сквозь туманъ, зловѣще сверкнули огненные глаза паровоза, и уже совсѣмъ близко слышалось тяжелое пыхтѣніе чугуннаго чудовища, которое вотъ-вотъ должно было неминуемо раздавить насъ. Ужасъ совершенно приковалъ насъ къ мѣсту, и мы боялись даже пошевельнуться. Къ счастію, насыпь въ этомъ мѣстѣ довольно широкая, и кучеръ, которому страхъ придалъ какую-то неестественную силу, отчаяннымъ движеніемъ рванулъ лошадей немного въ сторону, послѣ чего онѣ вдругъ стали, какъ вкопанныя, точно застыли отъ страха на одномъ мѣстѣ,—а въ это время мимо насъ грозно промчался поѣздъ, подобно мрачной, громоносной тучѣ, быстро гонимой бурею въ безвѣстные далекіе края. Мы были спасены и какъ бы по внушенію свыше въ одинъ голосъ съ о. діакономъ благоговѣйно произнесли, осѣняя себя крестнымъ знаменемъ: „яко ангеломъ Своимъ заповѣстъ о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ“. Часъ спустя мы, хотя еще и встревоженные, но невредимые, пріѣхали домой.

Менѣе благополучно обошлось приключеніе, случившееся два года тому назадъ, когда я, причастивъ больную, возвращался изъ довольно отдаленной отъ села деревни. День былъ весенній, и ранпимъ утромъ, при выѣздѣ изъ дому, мы вмѣстѣ съ о. діакономъ восхищались прекраснымъ зрѣлищемъ восходящаго надъ горами солнца. Обратный путь обѣщалъ быть не менѣе заманчивымъ, благодаря теплой весенней погодѣ. Но, на нашу бѣду, встрѣтили мы дорогою толпу жонглеровъ въ чрезвычайно пестрыхъ костюмахъ, съ верблюдомъ, обезьянами, медвѣдями и даже еще съ заморскими какими-то птицами въ клѣткахъ. Хотя странствующіе артисты эти, завидѣвъ насъ еще издали, были на столько предусмотрительны, что свернули съ дороги въ сторону, въ поле, однако наши чуткія и пугливыя лошади, насторожившіи уже раньше какъ-то особенно подозрительно уши, вдругъ рванулись впередъ, и, не смотря на всѣ усилія кучера, понесли насъ прямо къ крутому откосу горы. Кучеръ тотчасъ же почти свалился съ козелъ, а лошади, разгорячаясь все болѣе и болѣе, мчались съ такою быстротою, что оставалось одно только средство для спасенія—выпрыгнуть немедленно изъ тарантаса. О. діаконъ сдѣлалъ прыжокъ весьма удачно, хотя онъ лѣтъ на 15 старше меня и гораздо полнѣе, я же ушибся такъ сильно, что съ трудомъ только могъ подняться на ноги, при чемъ руки оказались совершенно окровавленными, а на лбу зіяла довольно глубокая рана. Съ лѣвой рукой пришлось повозиться около двухъ недѣль. Что же касается тарантаса и лошадей, то послѣднія какимъ-то чудомъ остались цѣлыми, а тарантасъ разбился, что называется, въ дребезги.

Но довольно. Не желая болѣе заниматься своими пастырскими quasi—мемуарами, повторяю еще разъ, что строками этими я вовсе не хотѣлъ выставить на показъ испытанное мною на многотрудномъ поприщѣ пастырскаго служенія. Онѣ—ни болѣе, ни менѣе, какъ душевное привѣтствіе доро-

гому собрату по служенію и во Христѣ и слабый знакъ той посильной ревности, съ которою всѣ мы, на сѣверѣ и на югѣ, на востокѣ и на западѣ, по возможности и дару, ниспосылаемому свыше, служимъ одному Владыкѣ и одному дѣлу до тѣхъ поръ, пока не отзоветъ насъ изъ сей земной юдоли гласъ Вседержителя.

Presbyter quidam.

Откликъ на „Горькія думы сельскаго священника".

Давно прочиталъ я, помѣщенную въ № 13 „Рук. для сельск. паст.", статью о. Михаила Нильскаго подъ заглавіемъ „Горькія думы сельскаго священника" и все искалъ удобнаго времени, чтобы подѣлиться съ читателями и своими наблюденіями на эту же тему.

Солдатики. Ограждающій свою грудь минимальнымъ крестикомъ солдатикъ нерѣдкость въ каждомъ приходѣ. И я съ осени прошедшаго года при каждой встрѣчѣ внушаю одному такому солдатику, что пора ему оставить эту привычку. А минувшій Филипповъ постъ пришлось мнѣ убѣждать сердобольныхъ стряпухъ, чтобы въ дорогу новобранцамъ не пекли скоромныхъ колобковъ. Со всѣмъ этимъ, полагаю, можно еще бороться, такъ какъ солдатъ во время службы дѣйствительно находится на особомъ положеніи и только развѣ предъ отправленіемъ на службу домашніе дадутъ ему побаловаться, а съ возвращеніемъ изъ службы все баловство кончается, останется буде только одинъ „крестикъ" и то не у всякаго. Но есть зло, идущее не изъ службы (солдатской), а сверху; съ этимъ зломъ бороться гораздо труднѣе. Это тотъ мракъ, который, по выраженію о. Михаила Нильскаго, идетъ оттуда, откуда можно было бы ожидать свѣта. За послѣдніе два года въ моемъ приходѣ стали распространяться Толстовскія бро-

шюры и прочія изданія фирмы Посредникъ. Откуда онѣ взялись, кто занесъ ихъ сюда? Оказывается, что супруга одного изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, каждогодно наѣзжающая въ свою усадьбу (рядомъ съ моимъ приходомъ), соболѣзнуя о томъ, что у грамотнаго крестьянина нечего почитать на досугѣ, привозитъ цѣлыя кипы этихъ брошюръ и раздаетъ ихъ поденщикамъ безплатно. Хозяйство въ ихъ усадьбѣ идетъ на широкую ногу и требуетъ большаго количества рабочихъ рукъ, вслѣдствіе чего многіе изъ моихъ прихожанъ, особенно изъ близъ лежащихъ къ усадьбѣ селеній, ходятъ въ поденщину и приносятъ съ собою безплатныя книжки. Умышленно или неумышленно эта особа занимается пропагандой Толстовскихъ идей, рѣшить не могу. Прихожанинъ мой помѣщикъ утверждаетъ, что она не подозрѣваетъ вреда отъ этихъ брошюръ. Возможная вещь для людей свѣтскаго образованія, имѣющихъ поверхностное знакомство съ догматами православной вѣры. Думаю, что стало бы у меня умѣнья предъ лицомъ самой вышеупомянутой дамы разобрать критически распространяемыя ею брошюрки, и показать несогласіе проводимыхъ въ нихъ идей съ ученіемъ Православной Церкви, но явиться къ ней съ этой цѣлью не станетъ у меня смѣлости, такъ какъ во 1-хъ она не моего прихода, а во 2-хъ слишкомъ высокое занимаетъ положеніе и соизволитъ ли принять меня и благосклонно выслушать, и въ 3-хъ какъ посмотритъ на все это, особенно если умышленно распространяетъ брошюры. Въ виду всего этого я принужденъ ограничиться лишь возможнымъ для меня противодѣйствіемъ злу. Разъясняю прихожанамъ неправильность книжекъ, иныя беру себѣ и взамѣнъ ихъ выдаю болѣе полезныя книжки, а иныя брошюры возвращаю, сдѣлавши на нихъ замѣчанія о несоотвѣтствіи съ Св. Писаніемъ.

Есть и другіе отпрыски отъ того же корня. Одинъ прихожанинъ мой съ молоду жилъ при баринѣ, бывалъ съ

нимъ и въ Питерѣ и въ другихъ городахъ, видалъ много и разныхъ господъ; человѣкъ онъ грамотный, знаетъ достаточно Св. Писаніе новаго завѣта, а больше знакомъ съ нецензурными произведеніями Пушкина и другихъ поэтовъ, нахватался кой чего и изъ географіи; но, увы! въ результатѣ всего вышло то, что онъ, не смотря на свой 50-лѣтній возрастъ, служитъ притчей во языцѣхъ. На исповѣдь никогда не ходитъ, на убѣжденія священника все собирается показать ему какую-то книжку, въ которой сказано, какъ узнать, достоинъ ли человѣкъ принятія св. Таинъ, и разъяснено, кому изъ причастившихся св. дары служатъ въ пользу и кому не въ пользу; говоритъ, зачѣмъ ему брать на себя лишній грѣхъ, если онъ наперед знаетъ, что послѣ причащенія опять начнетъ грѣшить. Пойдутъ его домашніе на исповѣдь, онъ станетъ ругать ихъ, говоритъ: „это вы только отъ нечего дѣлать шатаетесь, не думаете ли, что отъ этого будетъ вамъ польза?“ Придетъ въ церковь, только мѣшаетъ сосѣдямъ: или толкуетъ имъ, въ какое время литургіи какія молитвы полагается читать міянамъ, или начнетъ спрашивать, что значитъ то или другое священнодѣйствіе. Была за литургіей проповѣдь,—ему станетъ ея на всю дорогу до дому, начнетъ ее разбирать по своему, ругать духовенство и всѣхъ, кто попадется. Ему и въ постъ можно есть скоромное, только бы пришлось; въ праздники сытъ и пьянъ до обѣдни. Женѣ и дѣтямъ своимъ твердитъ все только одно нравоученіе: всѣхъ васъ прогоню и домъ весь пропью. Благодарю Господа, что семейные не слѣдуютъ его дурному примѣру, а хранятъ таинство вѣры въ чистѣй совѣсти.—Другой мой прихожанинъ человѣкъ тоже, какъ говорится, бывалый, по мастерству своему понатерся около образованныхъ и полуобразованныхъ людей и любитъ поразсуждать. Разъ лѣтомъ иду я въ ихнюю деревню, и встрѣчается онъ со мной на улицѣ. Остановились мы съ нимъ, разговорились и присѣли около амбара. Немного поговоривши, мой

собесѣдникъ предлагаетъ мнѣ такой вопросъ: „а что, батюшка, осмѣлюсь я тебя спросить, да признаться и давно думалъ поговорить съ тобой объ этомъ, все никакъ не подводилось, а теперь мы одни. Правда ли, что вы духовенство, вѣра и церкви и все прочее уставлено только для порядка?“—Какъ это такъ? спрашиваю его я въ свою очередь.—„Да вотъ, говоритъ онъ, если бы ничего этого не было, такъ и житьто бы не возможно, потому что, если бы вы насъ не припугивали, такъ съ нами бы и начальство никакое не сладило?“—Да какъ же ты до всего этого додумался? спрашиваю я.—„Какъ додумался?!... А отчего это только мы одни, простолюдье, посты соблюдаемъ, въ церковь ходимъ, васъ—духовенство почитаемъ, а прочія сословія къ этому не очень прилежны. Да и изъ нашего брата бываетъ, какъ научится, такъ совсѣмъ измѣнится. Вотъ управляющій въ X вѣдь изъ крестьянъ, а какъ вышелъ изъ ученья, ровно переродился: постъ ему не постъ, и въ Бога не вѣруетъ: это, говоритъ, только васъ дураковъ попы пугаютъ, они вамъ врутъ, а вы вѣрите. Разъ я работалъ у него въ усадьбѣ, дѣло было лѣтомъ, онъ стоялъ около меня, началась сильная гроза; я крещусь, а онъ надо мной смѣется. Я ему говорю: неужели ты не боишься? ну, какъ Богъ убьетъ. А онъ на это мнѣ негодной бранью отвѣтилъ. Я только подивился. Потомъ вотъ на счетъ почета къ духовенству. Встрѣчается со священникомъ нашъ братъ и подходитъ къ благословенію, а прочіе изъ образованныхъ вамъ руку подаютъ, какъ своему брату. Вѣдь это все намъ примѣтно. Значитъ, наука-то не то доказываетъ“.—Долгонько пришлось мнѣ на этотъ разъ поговорить со своимъ собесѣдникомъ, чтобы раскрыть ему, что доказываетъ истинная наука и плодъ какой науки все видѣнное и слышанное имъ отъ управляющихъ и прочихъ лицъ, получившихъ подобное образованіе.

Вотъ тѣ грустные факты, съ которыми я намѣренъ былъ познакомить почтенныхъ читателей „Руководства для сельскихъ пастырей“.

Священникъ Р. Р.

О приготовленіи кандидатовъ священства въ Германіи и Россіи [1]).

Въ Герборнской и Фридбергской семинаріяхъ принята въ общемъ та же программа, но въ нихъ уже болѣе отводится мѣста практическому элементу. Такъ, въ первой изъ нихъ студенты обыкновенно посылаются для проповѣди въ такіе изъ ближайшихъ приходовъ, въ которыхъ мѣстный пасторъ заболѣваетъ или почему либо оставляетъ свою паству; а для студентовъ Фридбергской семинаріи обязательно проповѣдываніе съ церковной каѳедры и исполненіе тѣхъ или другихъ пастырскихъ обязанностей въ ближайшихъ приходахъ по назначенію начальства и подъ наблюденіемъ мѣстныхъ пасторовъ. Заслуживаетъ вниманія также то, что въ Фридбергской семинаріи между прочимъ преподаются церковное пѣніе, церковная музыка и теорія обученія нѣмыхъ.

Также и восемь семинарій, составляющихъ переходъ отъ кандидатуры къ священству, въ частностяхъ значительно разнятся одна отъ другой. Наиболѣе типичными изъ нихъ служатъ семинаріи Виттенбергская, Берлинская и Локкумская, въ которыхъ наиболѣе строго проведенъ принципъ общежитія и совмѣстной дѣятельности членовъ. По существующимъ правиламъ въ эти три семинаріи принимаются лишь лучшіе изъ студентовъ и притомъ такіе, которые успѣшно выдержали испытаніе pro ministerio (на должность пастора). Но вслѣдствіе недостатка въ подобнаго рода кандидатахъ принимаются и такіе, которые обязываются сдать это испы-

[1]) См. № 25-й.

таніе въ опредѣленный срокъ по пріемѣ въ семинарію. Большая часть этихъ семинарій имѣетъ видъ закрытыхъ или полузакрытыхъ заведеній, въ которыхъ студенты или получаютъ полное содержаніе, или же пользуются лишь общею квартирою, отопленіемъ и прислугою, получая на столъ, на одежду и на прочія нужды опредѣленную денежную сумму. Курсъ продолжается обыкновенно одинъ или два года. Въ семинаріяхъ этихъ преподаются почти всѣ предметы, входящіе въ кругъ богословскихъ наукъ, а также педагогика и нерѣдко философія. Но преподаваніе большею частью не имѣетъ характера академическихъ чтеній, а чисто практическій характеръ. Преподаватели особое вниманіе обращаютъ на тѣ вопросы, которые могутъ имѣть непосредственное примѣненіе къ пастырскому служенію, и стараются побуждать слушателей къ самодѣятельности и къ совмѣстному обсужденію вопросовъ, входящихъ въ программу преподаванія, нерѣдко придавая своему изложенію діалогическую форму. Слушателямъ обыкновенно предоставляется право предлагать вопросы и дѣлать свои замѣчанія по поводу преподаваемаго, которыя потомъ подвергаются внимательному разсмотрѣнію; имъ предлагаются для самостоятельной разработки опредѣленные отдѣлы и отдѣльные вопросы изъ области богословскихъ наукъ, они поощряются также къ представленію своихъ рефератовъ по разнымъ богословскимъ вопросамъ. Но особое вниманіе обращается на составленіе проповѣди. Проповѣди, какъ и всѣ научныя работы слушателей, прочитываются обыкновенно предъ товарищами и подвергаются ихъ всестороннему обсужденію, причемъ на обязанности авторовъ лежитъ разъясненіе и защищеніе своихъ положеній: пренія эти происходятъ подъ руководствомъ преподавателя. Что касается самаго порядка жизни въ семинаріяхъ, то хотя онъ не подчиняется строгой регламентаціи и студентамъ въ ихъ образѣ жизни предоставляется значительная свобода, тѣмъ

не менѣе существуютъ опредѣленныя правила, направленныя къ развитію въ студентахъ духа церковности и благочестія. Такъ, студенты ежедневно въ опредѣленные часы читаютъ утреннія и вечернія молитвы, а въ воскресные и праздничные дни они присутствуютъ при богослуженіи и, по мѣрѣ возможности, принимаютъ участіе въ немъ и въ особенности въ проповѣдничествѣ. Сверхъ того для практическаго упражненія кандидатовъ въ священнослуженіи въ Виттенбергской семинаріи назначается еще одинъ изъ недѣльныхъ дней. Одно изъ весьма важныхъ преимуществъ Виттенбергской, Берлинской и Локкумской семинарій составляетъ то, что онѣ состоятъ въ непосредственной связи съ мѣстными приходами, вслѣдствіе чего кандидаты получаютъ возможность практически упражняться въ исполненіи разнообразныхъ обязанностей пастырскаго служенія. Такъ, одинъ изъ стипендіатовъ Виттенбергской семинаріи обыкновенно назначается штатнымъ помощникомъ проповѣдника или пастора семинарской церкви и обязывается въ потребныхъ случаяхъ помогать суперъинтенденту и городскимъ діаконамъ, прочіе же кандидаты ограничиваются лишь участіемъ въ богослуженіи и въ проповѣди въ семинарской церкви. Въ Берлинской семинаріи (Domcandidatenstift) двое или трое кандидатовъ состоятъ помощниками соборнаго священника (проповѣдника) и принимаютъ участіе въ совершеніи богослуженія въ семинарской церкви. Сверхъ того всѣ кандидаты принимаютъ участіе въ посѣщеніи бѣдныхъ и больныхъ, принадлежащихъ къ соборному приходу. Этому роду дѣятельности по уставу отводится особенно важное мѣсто и на кандидатовъ возлагается обязанность посѣщать не только больныхъ, но и здоровыхъ. Между кандидатами распредѣляются всѣ семейства изъ низшихъ классовъ, находящіяся въ соборномъ приходѣ, которыя, по заранѣе составленному плану, посѣщаются кандидатами, обязанными при этихъ посѣщеніяхъ въ особенности обращать

вниманіе на введеніе домашнихъ молитвъ и религіозныхъ упражненій въ посѣщаемыхъ семействахъ.

Принципъ практическаго подготовленія къ самостоятельному исполненію обязанностей пастырскаго служенія съ особою строгостію проводится въ Локкумской семинаріи, что въ значительной степени объясняется историческими условіями ея происхожденія. Локкумская семинарія (Hospiz) образовалась изъ католическаго монастыря, въ которомъ, по принятіи аугсбургскаго исповѣданія, осталось ежедневное совершеніе церковнаго богослуженія—часовъ (Hora), хотя и въ измѣненномъ видѣ. Такъ какъ число монаховъ въ этомъ монастырѣ было очень незначительно, то они стали принимать кандидатовъ богословія, которые получали отъ монастыря полное содержаніе и небольшое денежное вознагражденіе и за это обязывались помогать монахамъ въ совершеніи богослуженія, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ свое богословское образованіе для приготовленія къ священству. Отсюда съ теченіемъ времени, путемъ разнообразныхъ преобразованій, и образовалась теперешняя духовная семинарія, которая доселѣ удерживаетъ свою связь съ монастыремъ, составляя часть его и нося названіе пріюта или духовнаго братства (Hospiz), въ члены котораго зачисляются всѣ учащіе и учащіеся въ этой семинаріи. Директоръ, завѣдующій учебною частью, также принадлежитъ къ членамъ монастыря, который исключительно на свои средства содержитъ семинарію. Высшій надзоръ, управленіе и принятіе кандидатовъ принадлежитъ монастырю во главѣ съ его настоятелемъ. Нормальное число кандидатовъ простирается до 12. Кромѣ полнаго содержанія они получаютъ еще ежегодныя стипендіи по 600 марокъ. Такъ какъ монастырская церковь служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ приходскою, то кандидаты имѣютъ достаточно возможности для гомилетическихъ, литургическихъ и катехизическихъ упражненій; но эти упражненія не имѣютъ школьнаго характера,

а производятся предъ приходомъ и въ самомъ приходѣ и внушаютъ исполняющему ихъ убѣжденіе, что ему ввѣрена извѣстная часть пастырскихъ обязанностей. Поэтому не всѣ подобнаго рода дѣйствія подвергаются критикѣ, а только извѣстная, сравнительно незначительная, часть ихъ, но за то тѣмъ болѣе внимательной оцѣнкѣ она подвергается. Кандидатъ долженъ исполнять служеніе безъ гнета критики. Также и относительно чисто научныхъ занятій (по ветхозавѣтной и новозавѣтной экзегетикѣ, практическому объясненію евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, по церковной исторіи, догматическому и нравственному богословію) самымъ строжайшимъ образомъ проводится принципъ самодѣятельности и общаго труда. Въ Локкумской семинаріи совсѣмъ нѣтъ академическихъ лекцій. По характеру изложенія ближе всего къ нимъ подходитъ преподаваніе мѣстнаго (Ганноверскаго) церковнаго права и ученія объ обязанностяхъ пастыря, но и изложеніе этихъ предметовъ постоянно прерывается вопросами и бесѣдами преподавателя съ слушателями. Также изложеніе догматическаго и нравственнаго богословія и церковной исторіи стоитъ въ самой тѣсной связи съ письменными или устными рефератами кандидатовъ; точно также изложеніе гомилетики, литургики и катехитики непосредственно примыкаетъ къ бесѣдамъ о богослужебной практикѣ или къ составляемымъ кандидатами проповѣдямъ, темы для которыхъ избираются преподавателемъ большею частью изъ явленій дѣйствительной жизни. Хотя каждая письменная работа имѣетъ самостоятельное значеніе, тѣмъ не менѣе темы для нихъ избираются съ такимъ разсчетомъ, чтобы работы въ теченіе обычнаго двухлѣтняго курса обнимали цѣлую опредѣленную область или, если это не возможно, то чтобы представляли изъ себя нѣчто цѣлое, законченное. Вмѣстѣ съ директоромъ учебной части въ веденіи учебнаго дѣла принимаетъ непосредственное участіе семинарскій пасторъ (Stiftsprediger), чрезъ что еще

болѣе усиливается связь семинаріи съ приходомъ. На общія учебныя занятія ежедневно употребляется время отъ 11 до 1 часа. Обѣдаютъ и ужинаютъ кандидаты за монастырскимъ столомъ. Въ 6 часовъ вечера въ церкви совершается краткое богослуженіе, состоящее изъ пѣнія, чтенія и молитвъ и называющееся, по монастырскому обычаю, часами (Hora). Во всемъ остальномъ кандидаты не ограничиваются ничѣмъ, но сами установляютъ для себя порядокъ жизни.

Рядомъ съ проповѣдническими семинаріями, для приготовленія кандидатовъ служитъ также учрежденіе викаріатствъ, которое прежде всего развилось въ Виртембергѣ и нашло въ большей или меньшей степени подражаніе и въ другихъ протестантскихъ церквахъ. Викаріи бываютъ трехъ родовъ.

a) Викаріи или помощники настоятелей въ собственномъ смыслѣ. Они обыкновенно назначаются къ такимъ пасторамъ, которые вслѣдствіе обширности прихода должны бываютъ имѣть викарія, или же вслѣдствіе старости или болѣзни нуждаются въ помощникѣ. Кандидаты этого рода живутъ обыкновенно вмѣстѣ съ настоятелемъ и находятся подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ и руководствомъ и получаютъ отъ него, кромѣ полнаго содержанія, 300 марокъ.

b) Если кандидатъ въ теченіе извѣстнаго времени былъ помощникомъ, то онъ употребляется въ качествѣ завѣдующаго приходомъ (Pfarrverweser), съ предоставленіемъ ему всѣхъ правъ и обязанностей штатнаго пастора. Кандидаты этой категоріи назначаются или въ такіе приходы, въ которыхъ мѣсто пастора, вслѣдствіе смерти или перехода въ другой приходъ, оказывается вакантнымъ, или же въ такіе, которые вслѣдствіе неудовлетворительности церковной квартиры и недостаточности мѣстныхъ средствъ содержанія не могутъ имѣть постоянныхъ священниковъ. Въ приходахъ послѣдняго рода доходы въ общемъ простираются отъ 1100 до 1300 марокъ.

с) Среднюю ступень между помощниками настоятелей и завѣдующими приходомъ занимаютъ викаріи въ большихъ городскихъ и въ сельскихъ густо населенныхъ приходахъ. Эти викаріи въ экономическомъ отношеніи поставлены вполнѣ самостоятельно, но въ исполненіи своихъ обязанностей они пользуются самостоятельностью лишь въ нѣкоторыхъ изъ этихъ приходовъ, въ другихъ же они находятся въ зависимости отъ настоятеля или главнаго священника.

Для предоставленія возможности высшему церковному управленію имѣть постоянныя и точныя свѣдѣнія о викаріяхъ, существуетъ правило, чтобы къ 1-му апрѣля каждаго года въ консисторію доставлялись вѣдомости или такъ называемыя викаріатскія таблицы (Vicariatstabellen) съ подробною характеристикою каждаго кандидата относительно его личнаго поведенія, научныхъ занятій и исполненія имъ обязанностей пастыря и учителя. Вѣдомости эти составляются тѣми пасторами, при которыхъ находятся викаріи и провѣряются деканами и генералъ-суперъ-интендентами. Сверхъ того одинъ изъ членовъ консисторіи имѣетъ спеціальную обязанность входить по возможности въ личное сношеніе съ кандидатами, содѣйствовать исполненію ихъ справедливыхъ требованій и давать имъ въ должныхъ случаяхъ руководственные совѣты и указанія. Въ видахъ продолженія научнаго образованія каждый викарій и завѣдующій приходомъ долженъ ежегодно представлять сочиненіе на самостоятельно избранную или на заданную генералъ-суперъ-интендентомъ тему изъ области богословія, философіи или педагогики. Сочиненіе это вмѣстѣ съ рецензіею декана и генералъ-суперъ-интендента доставляется въ консисторію, которая, смотря по качеству труда, выражаетъ автору одобреніе или порицаніе.

Такимъ образомъ въ Германіи болѣе всего обращается вниманіе на пріобрѣтеніе кандидатами возможно болѣе широкихъ и основательныхъ познаній по всѣмъ предметамъ, вхо-

дящимъ въ кругъ богословскихъ наукъ, вслѣдствіе чего кандидаты не только должны получать богословское образованіе въ объемѣ университетскаго курса, но и продолжать научныя занятія по выходѣ изъ учебнаго заведенія. У насъ на научную подготовку менѣе обращается вниманія: главный контингентъ нашихъ кандидатовъ священства состоитъ изъ лицъ, получившихъ общее и спеціально-богословское образованіе въ объемѣ средне-учебныхъ заведеній, продолженіе же научныхъ богословскихъ занятій по окончаніи семинарскаго курса обыкновенно предоставляется усмотрѣнію самихъ кандидатовъ. Но такъ какъ образовательный уровень сельскаго населенія у насъ гораздо ниже, нежели въ Германіи, то семинарскія познанія оказываются вполнѣ достаточными для нашихъ сельскихъ священниковъ; для городскихъ же священниковъ надлежащую научную подготовку могутъ давать наши духовныя академіи, соотвѣтствующія богословскимъ факультетамъ германскихъ университетовъ. Правда, среди нашихъ священниковъ даже въ такихъ городахъ, въ которыхъ находятся университеты и духовныя академіи и населеніе которыхъ обладаетъ наиболѣе высокимъ образованіемъ, едва ли и половина найдется такихъ, которые имѣли бы высшее образованіе, что болѣе всего объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что студенты нашихъ духовныхъ академій обыкновенно предпочитаютъ священству педагогическую карьеру. Но такъ какъ въ послѣднее время число вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ постепенно все болѣе и болѣе уменьшается, то можно надѣяться, что городскіе приходы въ ближайшемъ будущемъ не будутъ имѣть недостатка въ священникахъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Впрочемъ, большинство нашихъ кандидатовъ, уступая германскимъ въ научномъ отношеніи, имѣетъ то весьма важное преимущество предъ ними, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ они должны бываютъ подчиняться особому педа-

тогическому строю, имѣющему цѣлью развитіе въ питомцахъ направленія, соотвѣтствующаго ихъ будущему служенію, и что тѣ изъ наукъ, которыя болѣе всего могутъ имѣть примѣненія въ пастырскомъ служеніи, какъ-то: гомилетика, литургика и педагогика, изучаются ими не теоретически лишь, но и практически: наши семинаристы не только въ классѣ, но и съ церковной каѳедры упражняются въ произношеніи проповѣдей, принимаютъ непосредственное участіе въ совершеніи богослуженія чрезъ чтеніе, пѣніе и исполненіе служебныхъ обязанностей въ алтарѣ, имѣютъ практическія занятія въ начальныхъ школахъ, существующихъ при каждой духовной семинаріи и т. п. Подобнаго рода практической подготовки не имѣютъ кандидаты германскихъ богословскихъ факультетовъ. Этотъ недостатокъ въ Германіи стараются восполнить мѣрами, направленными къ подготовленію кандидатовъ, по окончаніи ими университетскаго курса. Но относительно этихъ мѣръ нужно замѣтить, что онѣ простираются далеко не на всѣхъ кандидатовъ и что чрезъ нихъ большею частью достигается не практическая, а лишь научно-богословская подготовка; таковы именно постановленія о сдачѣ особыхъ экзаменовъ по богословскимъ предметамъ, о писаніи сочиненій, о прохожденіи курса проповѣдническихъ семинарій и т. д.

Хотя наши кандидаты въ періодъ времени между выходомъ изъ учебнаго заведенія и поступленіемъ на священническое мѣсто пользуются гораздо большею свободою, нежели протестантскіе, тѣмъ не менѣе и они не свободны отъ контроля со стороны духовнаго начальства и обыкновенно привлекаются къ исполненію многихъ изъ тѣхъ занятій, которыя, какъ подготовительныя къ священническому служенію, практикуются въ Германіи. Такъ, и у насъ за поведеніемъ лицъ, приготовляющихся къ священству, наблюдаетъ епархіальное начальство, въ вѣдѣніе котораго они поступаютъ по оконча-

ніи семинарскаго курса; непосредственно же предъ самымъ рукоположеніемъ они обыкновенно подвергаются особому испытанію. Упражненія въ проповѣдничествѣ хотя у насъ не обязательны для кандидатовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія, но на практикѣ они большею частью существуютъ. Въ настоящее время у насъ въ довольно широкихъ размѣрахъ практикуется также и школьное учительство и въ частности законоучительство, какъ одна изъ подготовительныхъ ступеней къ священству. Что же касается проповѣдническихъ семинарій, то онѣ отчасти замѣняются у насъ духовными семинаріями и академіями, а отчасти тѣмъ, установившимся у насъ, порядкомъ, по которому новорукоположенные священники въ теченіе извѣстнаго времени пріучаются, подъ руководствомъ опытныхъ священнослужителей, къ правильному совершенію всѣхъ вообще церковныхъ службъ и требъ. Съ 1869 по 1885 г. у насъ существовали и помощники настоятелей, соотвѣтствующіе въ нѣкоторой степени протестантскимъ викаріямъ. Но это учрежденіе не могло служить у насъ подготовительною ступенью къ самостоятельному исполненію пастырскихъ обязанностей, потому что наши помощники настоятелей обыкновенно пользовались этою самостоятельностію и отличались отъ настоятелей, подобно большей части протестантскихъ викаріевъ, лишь въ административномъ и экономическомъ отношеніи, въ случаяхъ же нужды они, подобно настоятелямъ, могли обращаться за руководственными совѣтами и наставленіями къ о.о. благочиннымъ. Впрочемъ и практикующееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи подчиненіе викаріевъ настоятелямъ не приноситъ существенно пользы, какъ потому, что такими настоятелями большею частью бываютъ люди болѣзненные, престарѣлые или чрезмѣрно обремененные дѣлами и слѣдовательно большею частью не обладающіе возможностію должнымъ образомъ руководить своихъ помощниковъ, такъ и потому, что затруд-

этомъ отношеніи могутъ быть сведены къ слѣдующимъ шести пунктамъ:

1) Полное изгнаніе академическаго метода преподаванія (чтенія „лекцій“, составленія записокъ и т. п.) изъ нашихъ духовныхъ семинарій и ограниченіе его въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; возможно болѣе широкое примѣненіе практическаго метода къ изученію богословскихъ наукъ, усиленіе средствъ къ развитію въ учащихся самодѣятельности и духа церковности и благочестія и, по возможности, къ практическому ознакомленію ихъ съ способами исполненія разнообразныхъ пастырскихъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи нашимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ полезно было бы позаимствоваться кое-чѣмъ отъ Локкумской и подобныхъ ей германскихъ проповѣдническихъ семинарій.

2) Предоставленіе лицамъ, получившимъ богословское образованіе, возможности къ продолженію научныхъ занятій чрезъ открытіе имъ свободнаго доступа въ библіотеки мѣстныхъ духовныхъ семинарій и училищъ, а также во всѣ библіотеки, состоящія въ вѣдѣніи мѣстнаго духовенства, и поощреніе ихъ къ научнымъ трудамъ чрезъ премированіе лучшихъ сочиненій по богословскимъ предметамъ. О своихъ занятіяхъ кандидаты священства могли бы доставлять ежегодные отчеты мѣстнымъ о.о. благочиннымъ съ тѣмъ, чтобы послѣдніе, при поступленіи этихъ кандидатовъ на священнослужительскія мѣста, представляли въ консисторію аттестацію не только ихъ поведенія, но и ихъ научныхъ занятій.

3) Обязательное упражненіе кандидатовъ священства, получившихъ богословское образованіе, въ произнесеніи проповѣдей или въ внѣцерковныхъ собесѣдованіяхъ и участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи въ дни воскресные и праздничные подъ наблюденіемъ и руководствомъ мѣстныхъ священниковъ и благочинныхъ, которые могли бы о степени усердія кандидатовъ въ этомъ отношеніи доносить консисторіи.

4) Прохожденіе каждымъ кандидатомъ священства должности псаломщика или діакона въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока, и во всякомъ случаѣ не менѣе одного года.

5) Упражненіе новорукоположенныхъ священниковъ подъ руководствомъ опытныхъ пастырей въ теченіе одного мѣсяца не только въ совершеніи церковныхъ службъ и требъ, но и въ исполненіи по возможности всѣхъ пастырскихъ обязанностей.

6) Подчиненіе малоопытныхъ священниковъ особому наблюденію и руководству о.о. благочинныхъ.

Н. Д.

Письма священника къ дочери[1]).

Письмо двѣнадцатое.

Итакъ, барскій флигель о шести комнатахъ наконецъ перенесенъ въ село ваше руками самихъ же крестьянъ безъ малѣйшихъ расходовъ, поставленъ на общественной площади рядомъ съ волостнымъ правленіемъ и даже освященъ. Ты радуешься, какъ дитя, тому, что это зданіе, построенное на барскій ладъ, служитъ теперь украшеніемъ деревни, а также и тому, что твои погорѣльцы, успѣвшіе уже за это время съ удобствомъ пристроиться у добрыхъ сосѣдей и родственниковъ, за исключеніемъ одной семьи, не выказываютъ желанія переселяться въ новое помѣщеніе, а слѣдовательно домъ совершенно свободенъ, и ты можешь тотъ же часъ сдѣлать изъ него иное благое употребленіе. Дѣйствительно, какъ ты прекрасно соображаешь, онъ тебѣ можетъ послужить для двоякой цѣли—съ одного входа будетъ нѣчто въ родѣ бога-

[1]) См. № 25-й.

дѣльни, а съ другаго больница. Конечно, въ деревнѣ нѣтъ такой настоятельной нужды въ богадѣльнѣ, какая чувствуется въ городѣ. У насъ всякій безпомощный старикъ или старуха въ сельскомъ хозяйствѣ всегда находятъ къ чему приложить руки, такъ что никто не можетъ попрекнуть ихъ даровымъ кускомъ хлѣба. Старухи пристраиваются въ няньки за уголъ и пропитаніе, старики поступаютъ въ сторожа при пасѣкахъ, садахъ, рогаткахъ или, наконецъ, въ пастухи. Но, все же, есть между ними и такіе несчастные, которые въ концѣ дней своихъ становятся въ тягость постороннимъ людямъ, въ особенности при старческой болѣзненности, когда требуется за ними большой уходъ. Ихъ на лицо у тебя трое—двѣ старухи и одинъ слѣпой нищій, по слабости и дряхлости неспособный уже даже ходить за милостынею. То, что ты дѣлала для нихъ раньше, мало приносило имъ пользы:—провизію и все прочее, присылаемое на ихъ долю тобою и другими добрыми прихожанками, у нихъ отбирали пріютившіе ихъ люди, считая себя вправѣ дѣлать такъ въ награду за различныя свои услуги этимъ несчастнымъ. Поэтому и въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше будетъ помѣстить ихъ въ новоустроенномъ тобою жилищѣ. По крайней мѣрѣ христіанская благотворительность ближняго будетъ достигать до нихъ по прямому пути, да кстати ужъ они будутъ избавлены и отъ окружавшей ихъ грязи и безпокойныхъ насѣкомыхъ, неразлучныхъ съ неопрятностію, а въ благотворителяхъ, конечно, по прежнему недостатка не будетъ. Итакъ, у тебя есть три готовыхъ паціента, что же касается до другихъ, о которыхъ ты мнѣ пишешь, то и для нихъ особый уголъ и присмотръ будетъ настоящимъ благодѣяніемъ. Боже мой, какія въ самомъ дѣлѣ страшныя муки, помимо своей болѣзни, претерпѣваетъ тотъ горемыка изъ крестьянской семьи, которому придется захворать въ лѣтнее время! Лежитъ онъ, несчастный, одинъ одинешенекъ въ избѣ, совершенно покинутый своей родной семьей, спѣшащей

на работу въ поле. Больныхъ, какъ и дѣтей часто даже запираютъ въ избѣ, особенно тѣхъ тяжко больныхъ, которые, вслѣдствіе своего безсилія, не въ состояніи сами вставать съ постели, чтобы запереться отъ могущаго войти безъ хозяевъ постороннаго злоумышленника. Имъ некому подать ѣсть, некому утолить ихъ жажду. О медицинскомъ пособіи нечего и толковать. При продолжительности болѣзни, несчастный становится въ тягость себѣ и другимъ, молитъ Бога о скорѣйшей смерти и не смѣетъ даже роптать на окружающихъ за недостатокъ къ себѣ вниманія съ ихъ стороны, хорошо понимая, что, если они не станутъ работать въ свое время, то на весь годъ останутся безъ хлѣба. Такова крестьянская жизнь. Не такъ давно и я посѣтилъ въ своемъ приходѣ одного подобнаго горемыку и былъ свидѣтелемъ его страданій,—разскажу тебѣ кстати. Подхожу къ одной крестьянской избѣ и еще издали слышу надрывающіе душу стоны. Вхожу въ раскрытую настежь дверь—ее бросилъ незатворенною четырехлѣтній малютка, оставленный своими родителями сидѣлкой при больномъ. Понятно, что ребенку скоро надоѣла такая солидная обязанность, и онъ убѣжалъ поиграть къ товарищамъ, даже забывши припереть дверь. По этому случаю въ избѣ распоряжалась свинья съ поросятами, преисправно уничтожая провизію, припрятанную на лавкѣ. Тутъ же валялись осколки разбитой ею же какой-то посудины. Несчастный больной, глядя на такое опустошеніе, несказанно мучился и стоналъ, но не имѣлъ силы подняться и выгнать вонъ непрошенную гостью. Онъ лежалъ на узкой деревянной лавкѣ за столомъ, а на столѣ передъ нимъ стоялъ кувшинъ съ водою и скудная пища, состоявшая изъ сухояденія, совершенно вредная для больнаго желудка. Впрочемъ, ни за этой пищей, ни за этой водой бѣднякъ не могъ протянуть руку и очевидно давно уже мучился жаждой, потому что, какъ только я вошелъ, тотчасъ попросилъ у меня пить. Со всѣхъ сто-

ронъ къ нему липли назойливыя мухи, которыхъ онъ не въ силахъ былъ отогнать. Я просидѣлъ возлѣ больнаго изъ состраданія до самаго вечера, пока не воротились съ поля его родные, гоняя мухъ и прикладывая къ его головѣ холодные компрессы. А сколько, подумаешь, такихъ несчастныхъ болящихъ страждетъ у насъ по селамъ, особливо въ лѣтнее время! И страждутъ они, безъ призора и медицинскаго пособія, до тѣхъ поръ, пока крѣпкая крестьянская натура не возьметъ верхъ и не переработаетъ сама болѣзнь. Конечно, каждому изъ такихъ больныхъ въ отдѣльности нѣтъ возможности помочь ни священнику, ни его женѣ, при всемъ ихъ желаніи облегчить участь этихъ несчастныхъ; но вотъ, если бы устроить вездѣ, какъ въ вашемъ приходѣ, такое общественное зданіе, куда бы могли свозить своихъ больныхъ тѣ семьи, которыя не могутъ дать имъ дома надлежащаго присмотра, тогда дѣло бы приняло совсѣмъ иной оборотъ. Быть можетъ, у тебя и въ этомъ предпріятіи найдутся подражательницы, какъ нашлись онѣ въ дѣлѣ устройства пріюта для дѣтей. Тогда ничего лучшаго не оставалось бы и желать. Вѣдь, каждое крестьянское общество могло бы и само построить на свой счетъ больницу, не дожидаясь частной благотворительности. Одобряю твой планъ обзавестись наемной сидѣлкой, которая бы хозяйничала и постоянно жила въ больницѣ—на сидѣлокъ изъ благотворительницъ, не всегда можно положиться, хотя и онѣ при случаѣ могутъ оказывать услуги. Просфирня, вдова—дьячиха, вполнѣ подходящая для этой цѣли особа, тѣмъ болѣе, что она берется за это дѣло за ничтожную плату—20 р. въ годъ изъ суммъ попечительства. И вообще тебѣ это учрежденіе такъ немного стоило, что я и не ожидалъ. Свои печники, свои плотники, незатѣйливая мебель изъ лавокъ и деревянныхъ наръ, доски для мебели отъ доброхотныхъ жертвователей и даже въ больничномъ бѣльѣ нѣтъ недостатка. Пока ты съ своей новой подругой—институткой совѣщалась, какъ

устроить эту статью, добрыя крестьянки успѣли натащить тебѣ цѣлые вороха необходимыхъ вещей. И все это опять таки сдѣлалось такъ легко и просто, безъ обремененія чьего либо кармана—по одной штукѣ бѣлья изъ каждаго двора въ видѣ обязательнаго налога. Въ этомъ распоряженіи видѣнъ здоровый практическій смыслъ нашего простолюдина. Одна штука бѣлья для каждой семьи въ отдѣльности ничего не составляетъ, а въ общемъ—это громадное благодѣяніе. „Съ міру, говорятъ, по ниткѣ—бѣдному рубашка“. Радуетъ меня въ особенности то, что крестьянки сдѣлали это уже по собственной иниціативѣ. Это показываетъ, что онѣ поняли наконецъ смыслъ твоихъ заботъ, оцѣнили ихъ и относятся къ тебѣ съ довѣріемъ. Очевидно, ты уже успѣла приручить ихъ и внушить къ себѣ уваженіе. Вотъ при такомъ положеніи дѣла, когда его не тормозитъ суевѣріе и невѣжество крестьянина, можно поручиться и за его успѣшность. Надѣюсь, и вашъ земскій докторъ будетъ дѣятельнымъ пособникомъ въ твоемъ предпріятіи и надѣлитъ вашу больницу даровыми земскими лекарствами и необходимыми медицинскими аппаратами, съ которыми ты конечно сумѣешь при нѣкоторыхъ случаяхъ и сама справляться. Думается мнѣ, что и самъ докторъ теперь получитъ возможность быть болѣе полезнымъ въ вашемъ селѣ, при новыхъ порядкахъ, чѣмъ раньше. А то вѣдь какъ у насъ обыкновенно бываетъ по селамъ? Много ли получаютъ крестьяне помощи въ своихъ болѣзняхъ, хотя у нихъ есть и даровой земскій докторъ и даровыя земскія лекарства, спеціально для нихъ предназначенныя. Въ большихъ селахъ и мѣстечкахъ, гдѣ живетъ фельдшеръ, крестьяне еще пользуются кое чѣмъ, въ остальныхъ же мѣстахъ они рѣшительно остаются въ безпомощномъ положеніи. Докторъ пріѣзжаетъ къ кому нибудь изъ нихъ только по особому приглашенію, обыкновенно къ болѣе зажиточнымъ. Конечно, добрый честный докторъ могъ бы хоть эти случайныя свои поѣздки

по селамъ обставлять такъ, чтобы крестьяне могли извлекать изъ нихъ пользу. Я знаю одного такого доктора—истиннаго благодѣтеля человѣчества. Призванный на село къ одному какому нибудь больному, онъ всегда останавливался въ волостномъ правленіи и отдавалъ приказаніе старшинѣ черезъ своихъ десятскихъ тотчасъ оповѣстить по всѣмъ улицамъ о своемъ прибытіи, чтобы всѣ больные шли къ нему за совѣтомъ, а кто самъ по безсилію придти не могъ, къ тому онъ самъ шелъ и даже съ аптечкою, чтобъ тутъ же на мѣстѣ, не теряя времени, помочь больному. Но такихъ добрыхъ докторовъ немного на свѣтѣ. Обыкновенно они являются въ село по нуждѣ, сердитые и угрюмые, проклиная скверныя проселочныя дороги и тряскія мужицкія таратайки, и скорѣе спѣшатъ возвратиться обратно домой къ своимъ городскимъ визитамъ. Вашъ докторъ съ этого времени будетъ конечно останавливаться во время своихъ пріѣздовъ не въ иномъ какомъ мѣстѣ, а только въ больницѣ, а ты, узнавши о его посѣщеніи, не отпустишь его до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ совѣтовъ каждому изъ твоихъ больныхъ. Мало того, ты будешь имѣть даже нѣкоторое законное право вызывать доктора нарочито въ свою больницу, такимъ образомъ крестьяне получатъ возможность чаще съ нимъ видѣться безъ особыхъ для себя хлопотъ, и лѣченіе больныхъ несомнѣнно пойдетъ успѣшнѣе. А какое это незамѣнимое благо больница при эпидемическихъ болѣзняхъ! Не говоря уже о томъ, что эпидемію легче прекратить, разлучивши зараженныхъ съ ихъ семьями и изолировавши въ больницѣ, уже и самая выдача оттуда медицинскихъ пособій будетъ имѣть громадное значеніе. Припоминаю послѣднюю холеру. Нужно отдать справедливость земству — оно не скупилось отпускать даровыя лекарства крестьянамъ, но много ли было имъ отъ этого пользы? Часто болѣе вреда, чѣмъ пользы. Вотъ напр. пріѣзжаетъ земскій врачъ и оставляетъ свои лекарства въ нѣсколькихъ пунк-

тахъ—у священника, у помѣщика, въ волостномъ правленіи. Мужички шли и лѣчились. Придетъ больной къ пану, попроситъ лекарства, выпьетъ его—не помогаетъ. Онъ идетъ въ волость и, не говоря ни слова о первомъ пріемѣ, еще получаетъ и проглатываетъ его, но опять помощи мало. „Скупо даютъ“ соображаетъ крестьянинъ, отправляется еще за лекарствомъ къ батюшкѣ и еще принимаетъ изрядную дозу. Случалось, конечно, что больные и выздоравливали, а случалось, когда всѣ три пріема лекарства состояли изъ опіума, что больной засыпалъ и ужъ больше не просыпался. Вотъ какія случались у насъ дѣла оттого, что не было по селамъ знающихъ разумныхъ людей, спеціально приставленныхъ для выдачи лекарствъ. Прощай, дочь моя! Благословляю тебя и всѣхъ твоихъ добрыхъ сподвижницъ и помощницъ.

Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви [1]).

Къ практическимъ удобствамъ новопринятыхъ въ XVII вѣкѣ Русскою Церковію греко-славянскихъ роспѣвовъ относятся *простота* ихъ мелодическаго построенія, важная какъ для причетниковъ, такъ особенно для народной массы, желающей участвовать въ клиросномъ пѣніи, наибольшая способность напѣвовъ къ европейской гармонизаціи, потребность которой въ то время уже становилась ощутительною. Наконецъ самая краткость этихъ роспѣвовъ, сравнительно съ старыми знаменными роспѣвами, находится въ связи съ потребностію того времени въ сокращеніи богослуженія и въ установленіи большаго при его совершеніи порядка, чѣмъ какой былъ прежде. Въ XVI и XVII вѣкѣ уставное богослужебное

[1]) См. № 25-й.

чтеніе и знаменное пѣніе постепенно умноженныя и усложненныя новыми службами, пѣснопѣніями и напѣвами, прежде неизвѣстными, и соблюдаемыя въ точности, требовали слишкомъ много времени для богослуженія. Для сокращенія богослуженія въ немъ клиросною практикою дѣлались иногда важные пропуски [1]), церковное же чтеніе было *быглымъ* и происходило въ два, три и даже въ пять-шесть голосовъ единовременно [2]), отъ чего само богослуженіе становилось невнятнымъ и вело къ невнимательности молящихся [3]). Эти безпорядки вызвали обличенія со стороны духовнаго правительства и мѣры къ сокращенію богослуженія, но не прекратились до введенія въ употребленіе новыхъ роспѣвовъ [4]). Новое пѣніе гармоническое и разнообразное въ своемъ составѣ и характерѣ должно было оживить отправленіе богослуженія, а сокращенные и упрощенные напѣвы предупреждали замѣшательства въ пѣніи и сокращали богослуженіе и такимъ образомъ прекращали и всякіе поводы къ безпорядкамъ.

3) Заимствованіе въ Великую Россію новыхъ греко-славянскихъ роспѣвовъ главнымъ образомъ чрезъ посредство юго-

---

[1]) Такъ опускались пѣснопѣнія: »Свѣте тихій«, Славословіе великое, »Хвалите имя Господне«, »На рѣцѣ Вавилонстѣй«, »Отца и Сына« на литургіи и проч., псалмы же, тропари и сѣдальны сказывались и пѣлись спѣшно. Стоглавъ, стр. 73 и 173.

[2]) Стоглавъ, стр. 105—107. Граматы п. Гермогена въ 1610 г. и п. Іоасафа въ 1636 г. См. Ж. Мин. Н. Пр., ч. LXI, стр. 158. Акты Арх. Экспед., т. IV, № 327.

[3]) »Стоглавъ«, глава 3. »А міряне въ тѣ поры промежъ себя глумленія и всякія рѣчи говорятъ праздныя«, пишетъ Собору царь Иванъ Васильевичъ. П. Гермогенъ въ своей граматѣ 1610 г. пишетъ о собирающихся въ храмъ: »овѣхъ убо зрю дремлющихъ, овѣхъ сюду и сюду озирающихся, иныхъ другъ ко другу глаголющихъ«. См. Ж. М. Н. П., ч. LXI, стр. 158. Акты Арх. Эксп., т. IV, № 327.

[4]) Стоглавый соборъ въ видахъ сокращенія богослуженія предписывалъ наприм. »каноны говорить«, а не пѣть и проч.

западныхъ славянъ и ихъ пѣвцовъ соединено было съ перемѣною семеіографіи напѣвовъ изъ крюковой въ линейную. Линейная система нотаціи во второй половинѣ XVI вѣка „уже была извѣстна славянскимъ землямъ, какъ доказываетъ *Псалтирь* Іоанна Гусса, напечатанная линейными нотами". Въ концѣ XVI вѣка познакомилась съ линейными нотами и южно-русская Церковь. Различные города галицкой Руси посылали тогда своихъ дьячковъ въ порубежныя православныя области для изученія напѣвовъ не только славянскихъ (наприм. сербскихъ), но и греческаго [1]). Въ первой половинѣ XVII вѣка обученіе церковному пѣнію въ школахъ православныхъ юго-западныхъ братствъ совершалось уже систематически по учебникамъ, написаннымъ *кіевскимъ*, т. е. линейнымъ *знаменемъ*, которое тогда хорошо было извѣстно всей южной Руси— Малой, Бѣлой и Червонной. Въ Великой Россіи *кіевское знамя* стало извѣстно около половины XVII вѣка чрезъ южнорусскихъ выходцевъ, принесшихъ съ собою и напѣвы и нотныя книги и утвердилось въ ней покровительствомъ п. Никона и царя—Алексѣя Михаиловича, особенно же въ началѣ XVIII в. покровительствомъ Петра I-го.

Перемѣна нотаціи однако произошла не вдругъ и не безъ борьбы между защитниками и противниками той и другой системы. Противникомъ линейной нотописи былъ наприм. А. Мезенецъ, а защитниками діаконъ Кореневъ, монахъ Тихонъ Макарьевскій и другіе. Но и донынѣ сужденія о сравнительномъ достоинствѣ этихъ системъ нотаціи различны [2]), и

---

[1]) См. просьбу Молдавскаго Господаря Александра въ 1558 г. къ Львовскимъ братчикамъ о присылкѣ четырехъ молодыхъ дьячковъ для изученія этихъ напѣвовъ и извѣщеніе о прибытіи таковыхъ же изъ Перемышля. »Церк. пѣніе въ Россіи«, прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 81.

[2]) По засвидѣтельствованію г. Ст. Смоленскаго, разсматривавшаго пѣвчія рукописи Соловецкой библіотеки, »крюковая нотація, кромѣ означенія голосовыхъ движеній по ритму и относительной высотѣ и дли-

донынѣ крюковая нотація не вышла изъ употребленія у приверженцевъ мнимой старины.

Причиною перемѣны системы нотописанія на югѣ Россіи въ XVI и XVII вв. было не внѣшнее вліяніе, но главнымъ образомъ удобство линейной нотописи для школьнаго обученія. Линейныя ноты, представляя для обучающагося раздѣльнѣе и нагляднѣе, чѣмъ крюковыя, двѣ стихіи пѣнія — высоту и продолжительность звуковъ, а съ другой стороны имѣя гораздо меньшее количество знаковъ, содѣйствовали скорѣйшему нотному обученію въ школахъ и болѣе быстрому усвоенію и воспроизведенію мелодій, которыя къ тому же очень часто имѣли речитативный характеръ и не должны быть пѣты медленно. Причиною перехода отъ безлинейныхъ нотъ къ линейнымъ въ Москвѣ, а затѣмъ и въ Великой Россіи, по замѣчанію о. прот. Д. В. Разумовскаго, послужили: 1) примѣръ южно-русскихъ пѣвцовъ, явившихся въ Москвѣ съ линейною системою; 2) совершенство самой линейной системы въ педагогическомъ отношеніи; 3) господство ея въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и подъяковъ; 4) покровительство линейной нотописи п. Никона и царя Алексѣя Михаиловича и наконецъ личный примѣръ Петра I-го и другихъ особъ царствующаго дома [1]). Къ сему присовокупимъ, что линейная нотопись, при своей опредѣленной ясности, предупреждала различныя толкованія знаковъ, отнимала возможность у недобросовѣстныхъ дидаскаловъ скрывать истин-

---

тельности звуковъ, еще выражаетъ вполнѣ точно и въ высшей степени наглядно внутреннія основанія построенія напѣва, отдѣльныя попѣвки, періоды мелодій и даже своеобразные оттѣнки исполненія. Вообще она даетъ ключъ къ уразумѣнію частностей мелодики и ритмики русскаго пѣнія. Ноты рѣшительно не выражаютъ знаменнаго роспѣва«. Ж. »Прав. Собесѣдникъ« за 1887 г., стр. 242—3.

[1]) »Церковно-русское пѣніе«, статья прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 23—24.

ное ихъ значеніе и вводить учениковъ въ заблужденіе, предупреждала и ненамѣренныя ошибки письма и чтенія знаменъ. Само собою разумѣется, что линейная нотопись, при ея наглядности, была удобнѣе и для записыванія гармоніи въ видѣ партитуръ, со введеніемъ же европейской гармонизаціи съ свойственными ей—хроматическою гаммою, симметрическимъ тактомъ и ритмомъ и художественнымъ выраженіемъ, въ послѣдствіи она стала и необходимою для церковнаго пѣнія.

4) При разнохарактерности роспѣвовъ богослуженіе во 2-й половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка совершалось или отдѣльно отъ начала до конца тѣмъ или другимъ роспѣвомъ или смѣшанно. Въ послѣдствіи сочетаніе разнородныхъ роспѣвовъ естественно должно было повести къ образованію въ пѣвческой практикѣ особой *системы совмѣщенія* ихъ или распредѣленія, какъ въ годичномъ кругѣ богослуженій, такъ и въ каждомъ богослуженіи отдѣльно. Система эта основана на самыхъ свойствахъ роспѣвовъ и не лишена достаточныхъ основаній. Первый печатный опытъ совмѣстнаго изложенія разныхъ роспѣвовъ мы видимъ въ *Ирмологѣ*, изданномъ во Львовѣ въ 1700 г., который неоднократно издавался и въ Почаевской Лаврѣ безъ всякихъ измѣненій. Въ немъ безъ обозначенія названій совмѣщаются роспѣвы кіевскій, болгарскій и знаменный. Въ церковномъ Обиходѣ Сунодальнаго изданія 1772 г. роспѣвы *знаменный, кіевскій, греческій* и частію *болгарскій* излагаются параллельно въ порядкѣ церковныхъ службъ. Существующая же нынѣ система совмѣщенія роспѣвовъ и распредѣленія ихъ въ годичномъ кругѣ богослуженій главнымъ образомъ установилась пѣвческою практикою и сохраняется обычаемъ. По этой системѣ роспѣвы *знаменный, кіевскій* и *греческій* распредѣлены при богослуженіи приблизительно поровну [1]). Такъ въ каждомъ отдѣльномъ бого-

[1]) *Болгарскій* роспѣвъ во 2-й половинѣ XVII вѣка былъ также весьма употребительнымъ въ Великой Россіи, но въ послѣдствіи, вѣ-

служенiи пѣніе стихиръ совершается обыкновенно *кіевскимъ* роспѣвомъ и рѣдко *малымъ знаменнымъ*, пѣніе тропарей—*греческимъ* роспѣвомъ и въ исключительныхъ случаяхъ *болгарскимъ*, ирмосы—смѣшанно *греческимъ, знаменнымъ* и *кіевскимъ*; литургiи св. Іоанна Златоустаго—*кіевскимъ*, а иногда (за упокой) знаменнымъ; лѣвый ликъ на литургiи св. Василiя Великаго—*кіевскимъ*, а задостойникъ „О Тебѣ радуется“ *греческимъ* роспѣвомъ. Равнымъ образомъ и прочее богослужебное пѣніе годичнаго круга распредѣлено между означенными роспѣвами приблизительно поровну. Причемъ среди этихъ роспѣвовъ въ обычной практикѣ встрѣчаются дополненiя неизвѣстнаго происхожденiя, извѣстныя подъ именемъ *обычныхъ* напѣвовъ.

Знаменный роспѣвъ, имѣющiй въ своемъ характерѣ торжественный и часто печальный оттѣнокъ, естественно усвоенъ богослуженiямъ во дни скорби, поста и покаянiя. Такъ пѣніе *на Господи воззвахъ малаго* роспѣва слышится нами при постриженiи въ монашество (гласъ 1), во св. Четыредесятницу и на Страстной седмицѣ. Знаменнымъ же роспѣвомъ поются: „аллилуiа“ и прокимны во св. Четыредесятницу, „Покаянiя отверзи ми двери“, пѣснопѣнiя на часахъ и великомъ повечериi, а также пѣснопѣнiя на литургiи Преждеосвященныхъ Даровъ, на заупокойной литургiи и въ чинѣ панихиды, обыкновенно поемой кіевскимъ роспѣвомъ. Большой знаменный роспѣвъ, сверхъ упомянутыхъ случаевъ, употребляется еще во дни торжественныхъ праздниковъ въ Богородичныхъ догматикахъ, въ величаніяхъ, ирмосахъ (преимущественно *катавасіяхъ*) и задостойникахъ, какъ незамѣнимый другими роспѣвами по его торжественности и протяженности. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ замѣняется другими роспѣвами, особенно же *греческимъ* и *кіевскимъ*.

роятно за протяженностiю своихъ мелодiй, онъ почти вышелъ изъ употребленiя, за исключенiемъ весьма немногихъ образцовъ *на Богъ Господь*.

Пѣснопѣнія Страстной седмицы, исключительной по ея богослужебному характеру, поются какъ бы поочередно разными роспѣвами, одни—*знаменнымъ*, другія—*греческимъ*, иныя—*кіевскимъ*, иныя же—*обычнымъ*. *Кіевскимъ* роспѣвомъ поется „аллилуіа“ съ пѣснопѣніями: „Се женихъ грядетъ“, „Чертогъ Твой“ и „Егда славніи ученицы“; *знаменнымъ*—прмосы Великаго четверга, пятка и субботы и „Вечери Твоея тайныя“; *греческимъ*—непорочны въ Великую субботу; *болгарскимъ*—„Благообразный Іосифъ“; „Мироносицамъ женамъ“ и „Тебе одѣющагося“. Это прекрасный подборъ лучшихъ образцовъ извѣстныхъ намъ роспѣвовъ для торжественнаго воспѣванія искупительныхъ страданій и смерти нашего Спасителя. Пѣснопѣнія эти такъ хорошо соотвѣтствуютъ торжественно-печальному характеру богослуженій этого времени, что затруднительно отдать предпочтеніе одному которому либо изъ нихъ предъ другимъ. Упомянутые же напѣвы пѣснопѣній *болгарскаго* роспѣва неудобозамѣнимы и потому, что они для насъ почти суть единственные образцы, безъ которыхъ мы не могли бы имѣть никакого понятія объ этомъ роспѣвѣ.

Греческій роспѣвъ, сообразно его торжественно-веселому характеру, усвоенъ обычаемъ праздничнымъ днямъ и пѣснопѣніямъ, составляющимъ особенности праздничнаго богослуженія. Такъ мы слышимъ его въ дни св. Пасхи въ пѣснопѣніяхъ: Христосъ воскресе; Плотію уснувъ; также въ канонѣ, задостойникѣ и въ другихъ пасхальныхъ пѣснопѣніяхъ, поемыхъ „на Богъ Господь“. Въ прочіе праздники Господни, Богородичны и святыхъ мы слышимъ его въ тропаряхъ, кондакахъ и такъ же, какъ и знаменный, въ величаніяхъ и ирмосахъ. Имъ поются сверхъ того и нѣкоторыя отдѣльныя наиболѣе торжественныя пѣснопѣнія, наприм. псалмы: „Благослови душе моя Господа“ на всенощномъ бдѣніи и на литургіи: „Взбранной Воеводѣ“, „Кресту Твоему“ и „Елицы во Христа“, (какъ и *знаменнымъ*), „О Тебѣ радуется“, „На

рѣкахъ Вавилонскихъ", „Тебе Бога хвалимъ", равно какъ и другія пѣснопѣнія на напѣвы „Богъ Господь". Но нѣтъ краткихъ пѣснопѣній греческаго роспѣва (аминь, Господи помилуй, прокимновъ и т. п.), нѣтъ также полной литургіи, заупокойныхъ службъ и службъ, стоящихъ внѣ годичнаго круга общественнаго богослуженія (кромѣ тропарей на нихъ).

Кіевскій роспѣвъ имѣетъ значеніе роспѣва, упрощающаго прочіе роспѣвы особенно знаменный, объединяющаго и связующаго ихъ, а также пополняющаго кругъ богослужебныхъ пѣній. Не занимая опредѣленнаго мѣста въ годичномъ кругѣ богослуженій, онъ а) служитъ для роспѣванія стихиръ, т. е. самыхъ многочисленныхъ пѣснопѣній нашего богослуженія, кругъ которыхъ, какъ и тропарей, еще не законченъ; б) для отправленія богослуженій, не имѣющихъ характера торжественности, каковы повседневныя службы и богослуженія, находящіяся внѣ уставнаго годичнаго круга богослуженій, напр. молебныя пѣнія, домовыя всенощныя бдѣнія, чинъ вѣнчанія и т. п.; в) для роспѣванія краткихъ пѣснопѣній при совершеніи всякаго рода богослуженій, каковы: „Аминь", „Господи помилуй", „Подай Господи", „Тебѣ Господи", „И духови Твоему", прокимны, концы тропарей и другія; г) для замѣненія нѣкоторыхъ трудныхъ по исполненію или протяженныхъ знаменныхъ напѣвовъ, а также для восполненія богослужебнаго пѣнія новыми напѣвами и пѣснопѣніями. Таковы: лѣвый ликъ на литургіи Василія Великаго, „Благослови душе моя Господа" на всенощномъ бдѣніи, „Свѣте тихій", поліелей, ирмосы, „Днесь спасеніе міру бысть" и „Воскресъ изъ гроба", блаженны на литургіи, херувимская пѣснь и другія. Напѣвы кіевскаго роспѣва вообще отличаются краткостію, простотою своего состава, удобоисполнимостію и приложимостію ко всякаго рода богослуженіямъ, равно какъ и для роспѣванія по его образцамъ всякаго рода новыхъ пѣснопѣній.

Такое же значеніе имѣютъ и современные намъ *обычные напѣвы*. Они представляютъ собою не что иное, какъ продолженіе и видоизмѣненіе *кіевскаго роспѣва* въ предѣлахъ Московской Руси, Петербургскомъ краѣ и на Югѣ Россіи, по каковымъ мѣстностямъ и имѣютъ главнымъ образомъ свои названія, а равно и нѣкоторые оттѣнки въ мелодіяхъ. Они такъ же, какъ и роспѣвъ кіевскій, служатъ началомъ связующимъ и объединяющимъ прочіе роспѣвы, упрощаютъ ихъ, пополняютъ и примѣняютъ къ современнымъ вкусамъ и потребностямъ народа.

Принятая обычаемъ система распредѣленія роспѣвовъ ограничиваетъ ихъ обширный кругъ извѣстными только *избранными* пѣснопѣніями и такимъ образомъ облегчаетъ изученіе ихъ, предупреждаетъ произволъ и разногласіе пѣвцовъ въ выборѣ пѣвческаго матеріала при разныхъ случаяхъ. Безъ этой же системы не только многимъ пѣвцамъ, *но и двумъ сошедшимся* и привыкшимъ къ разнымъ роспѣвамъ, было бы пѣть невозможно. Но принятая система распредѣленія роспѣвовъ сверхъ того много способствуетъ разнообразію и торжественности и самаго богослуженія. Она позволяетъ клиросным пѣвцамъ не только различать въ церковномъ пѣніи службы праздничныя, заупокойныя, великопостныя, повседневныя и частныя, но и въ каждомъ богослуженіи оттѣнять того или другаго рода пѣснопѣнія, которыя и въ древней Церкви различались частію оттѣнками своихъ напѣвовъ (въ знаменномъ пѣніи), а главнымъ образомъ стихотворнымъ построеніемъ (въ греческомъ подлинникѣ). При богослуженіи нынѣ по напѣву мы слышимъ, стихира ли поется, или тропарь, или же канонъ. Иногда даже одни и тѣ же пѣснопѣнія поются различно, смотря по мѣсту и значенію, усвоенному имъ церковнымъ Уставомъ. Такъ ирмосы поются болѣе краткимъ, катавасія же и особенно задостойники (9-я п. канона) болѣе протяженнымъ напѣвомъ; „Псаіе ликуй“, въ чинѣ вѣнчанія

и хиротоніи поется особымъ напѣвомъ, чѣмъ въ ряду прмосовъ V гласа; „Богъ Господь“ IV гласа внѣ ряда тропарей празднуемаго дня поется не *обычнымъ* напѣвомъ, а *греческимъ* [1]). Съ другой стороны обиліе напѣвовъ позволяетъ важнѣйшія постоянныя въ богослуженіи пѣснопѣнія пѣть въ разные дни различными напѣвами. Такъ пѣснопѣнія: „Свѣте тихій“, поліелей „Взбранной Воеводѣ“, „Единородный Сыне“, херувимская пѣснь и „Достойно“ имѣютъ по нѣсколько напѣвовъ [2]). Другія пѣснопѣнія измѣняются въ своемъ напѣвѣ при ихъ повтореніи сообразно различному составу поющихъ лицъ: одинъ напѣвъ пѣснопѣнія мы слышимъ изъ устъ священнослужителей, другой—на клиросѣ. Таковы, напр. „Пріидите поклонимся“ и другія пѣснопѣнія на литургіи при архіерейскомъ служеніи, а также величанія, поемыя священнослужителями величественно и протяженно (*знаменнымъ* роспѣвомъ), клиросными же пѣвцами кратко и скоро (*кіевскимъ,* или же *обычнымъ* напѣвомъ). Такое разнообразіе пѣнія придаетъ богослуженію особую торжественность. Сокращенные напѣвы усвоены практикою особенно молебнымъ пѣніямъ и другимъ частнымъ службамъ, протяженность которыхъ, за ихъ иногда громаднымъ количествомъ, становится неудобною.

---

[1]) Наприм. »Къ Богородицѣ прилежно«, »Достойно« входное и проч.

[2]) Въ Церковномъ Обиходѣ херувимская пѣснь имѣетъ 12 разныхъ напѣвовъ.

Особенности въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ „Великой Христовой Церкви“.

Въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, употребляемыхъ Русскою Православною Церковію, нигдѣ мы не находимъ замѣчанія о томъ, когда долженъ служить съ священникомъ діаконъ. Между тѣмъ въ греческомъ Евхологіонѣ [1]) есть чинъ, когда служитъ съ іереемъ діаконъ,—чинъ, составленный святѣйшимъ и вселенскимъ патріархомъ Филоѳеемъ. „Діаконъ никогда не облачается, развѣ только на вечерни субботнія, утрени воскресныя всего года, равно на вечерни и утрени Господскихъ и Богоматерныхъ праздниковъ, на вечерни и преждеосвященныя литургіи св. и великой Четыредесятницы, на праздникъ Благовѣщенія, на бдѣніе св. Страстей и вообще на всѣ вечерни, имѣющія входъ. Также и на тѣ утрени, на которыхъ поется славословіе, и на литургіи всего года, если только діаконъ *пожелаетъ* служить“. Если съ іереемъ служитъ великую вечерню и діаконъ, то при этомъ, по греческому Евхологіону, соблюдается слѣдующій порядокъ: „наставшу времени великой вечерни, іерей идетъ вмѣстѣ съ діакономъ и творятъ по три поклона (метанія) къ иконѣ Господа Христа и Богородицы,—братіямъ же всѣмъ сидящимъ,—на средину же и къ ликомъ по одному поклону. Потомъ они входятъ въ алтарь. Діаконъ, взявши стихарь съ ораремъ и поклонившись на востокъ трижды, подходитъ къ іерею и говоритъ: „благослови, владыко, стихарь съ ораремъ“. Іерей благословляетъ, говоря: „благословенъ Богъ нашъ всегда нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Затѣмъ облачаются въ свои

---

[1]) Εὐχολόγιον τὸ μέγα, περιέχον τὰς τῶν ἑπτὰ μυστηρίων ἀκολουθίας..., ἐπιδιορθωθὲν καὶ ἐξακριβωθὲν ὑπὸ τοῦ Ἀειμνήστου Σπυριδῶνος ἱερομονάχου Ζέρβου, Ἀρχιμανδρίτου τοῦ Οἰκουμενικοῦ Θρόνου. Ἔκδοσις πέμπτη. Venetia, 1885 г.

одежды".—Такой порядокъ соблюдается въ греческой Церкви, когда съ священникомъ служитъ великую вечерню и діаконъ: прежде начала служенія вечерни іерей и діаконъ троекратно покланяются предъ иконою Спасителя и Богоматери и одинъ разъ кланяются братіи, т. е. дѣлаютъ такъ называемое „входное", какъ и предъ литургіею, только безъ чтенія молитвъ.— Далѣе въ упомянутомъ Евхологіонѣ замѣчается, что когда начинаетъ великую вечерню (т. е. бдѣніе всенощное) одинъ іерей безъ діакона, то онъ также предварительно дѣлаетъ обычные поклоны, затѣмъ облачается въ епитрахиль, фелонь и начинаетъ кадить, между тѣмъ чтецъ держитъ свѣчу и возглашаетъ: „повелите". И предъидущу ему (чтецу) съ лампадою (свѣчею), іерей кадитъ весь храмъ, по обычаю, исходя изъ дверей. И возгласившу чтецу предъ святыми дверями: „повелите", всѣ встаютъ. Іерей же, покадивши весь храмъ, исходитъ въ притворъ и, покадивши тамъ, входитъ чрезъ красныя врата и возглашаетъ мелодично (μετὰ μέλους): Господи, благослови. Покадивши опять святыя иконы, входитъ чрезъ святыя двери и, кадя святую трапезу (престолъ), возглашаетъ: слава святей, и единосущней, и животворящей, и нераздѣльней Троицѣ, всегда нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Послѣ „Аминь" предстоятель или учиненный монахъ поетъ предначинательный псаломъ. Іерей же, затворивши святыя двери, стоитъ внутри св. алтаря. Когда начнутъ пѣть „Отверзшу тебѣ руку", исходитъ съ канонархомъ и творятъ на средину (храма) единъ поклонъ, и такимъ образомъ іерей уходитъ на свое мѣсто, а канонархъ, стоя на срединѣ храма, говоритъ стихи. Когда же запоютъ „вся премудростію сотворилъ еси", выходитъ іерей и читаетъ свѣтильничныя молитвы, стоя непокровенъ предъ святыми дверьми; и по исполненіи ихъ говоритъ великую ектенію. Діаконъ же облачается на третьемъ антифонѣ Псалтири и произноситъ малую ектенію; а если не бываетъ стихословія, то онъ облачается во время пѣнія

предначинательнаго псалма и произноситъ великую ектенію. Такъ это дѣлается, когда совершается бдѣніе,—если же бдѣнія не бываетъ, то и ничего подобнаго не дѣлается: ни метаній не творятъ, ни кажденія не бываетъ, ни святыя двери не отверзаются, но стоя предъ святыми дверьми непокровенъ и надѣвши на себя епитрахиль, іерей возглашаетъ: Благословенъ Богъ нашъ всегда нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. И предстоятель или учиненный монахъ читаетъ предначинательный псаломъ некосно, іерей же—свѣтильничныя молитвы, по исполненіи коихъ іерей или діаконъ, стоя на обычномъ мѣстѣ, произноситъ великую ектенію: Миромъ Господу помолимся и прочее"... Итакъ, если діаконъ на начало вечерни не облачится, то онъ облачается во время пѣнія третьяго антифона Псалтири, если только бываетъ стихословіе, или же во время пѣнія предначинательнаго псалма. Облачается же онъ такъ: дѣлаетъ поклонъ предстоятелю и входитъ чрезъ боковую дверь во св. алтарь, гдѣ обрѣтаетъ іерея стоящаго,—ибо онъ прежде приходитъ,—взявши свой стихарь, діаконъ подходитъ къ священнику и говоритъ: благослови, владыко, стихарь съ ораремъ. Священникъ благословляетъ, говоря: Благословенъ Богъ нашъ... Такимъ образомъ діаконъ, облачившись по окончаніи стихословія, становится на обычномъ мѣстѣ и говоритъ малую ектенію и проч..., далѣе слѣдуетъ обычный порядокъ бдѣнія, не представляющій никакихъ особенностей; только слѣдуетъ замѣтить, что на литіи, совершаемой обыкновенно въ притворѣ, послѣ молитвы „Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояніе Твое", поется: Господи помилуй—только 3-жды, а не 40 разъ,—послѣ втораго прошенія и третьяго тоже трижды, и только послѣ четвертаго прошенія: еще молимся о еже сохранитися св. храму сему... хоръ поетъ: Господи помилуй 40 разъ. Молитву: „Владыко многомилостиве, Господи Іисусе Христе Боже нашъ",

читаетъ священникъ, *обратившись на западъ* [1]), а діаконъ въ это время стоитъ по правую сторону священника, держа орарь тремя пальцами десницы своей.—Кромѣ того, святыя двери непосредственно послѣ входа затворяются и остаются затворенными и во время совершенія литіи. Въ греческомъ Евхологіонѣ говорится: когда поются стихиры литіи, діаконъ, взявши кадило и получивши благословеніе, исходитъ вмѣстѣ съ священникомъ чрезъ сѣверныя двери, *затворенныма сущима святыма дверема*... Между тѣмъ въ нашемъ Типикѣ этихъ послѣднихъ словъ мы не находимъ: здѣсь только сказано, что „исходитъ іерей со діакономъ сѣверными дверьми“ (наобор. 4 стр. Типика изд. 1745 г.). Послѣ кажденія хлѣбовъ и по исполненіи отпустительнаго тропаря, діаконъ, указуя ораремъ на пять хлѣбовъ, глаголетъ: Господу помолимся, а іерей—молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, благословивый пять хлѣбовъ“... Въ то время, когда братія глаголетъ: благословлю Господа, іерей съ діакономъ *входятъ во св. алтарь* и послѣ словъ: не лишатся всякаго блага, іерей *внутри* св. алтаря возглашаетъ: „благословеніе Господа и милость Его да пріидетъ на васъ, благодатію Своею и человѣколюбіемъ, всегда нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“... Далѣе, если есть бдѣніе, то читается шестопсалміе, а если нѣтъ, то іерей, отверзши святыя двери, дѣлаетъ обычный отпустъ.

---

[1]) Такъ и по нашему Типику, но на практикѣ это не исполняется.

Отъ Кіев. дух. ценз. Комит. печатать дозволяется. Кіевъ, 11 іюня 1888 г.
Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій*.
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 27.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Іюля 3-го.

Содержаніе: Что пастырь Церкви долженъ дѣлать для возвышенія и развитія церковной жизни?—Наши пастырскіе ключи.—Изъ дневника любителя церковнаго пѣнія.—Письма священника къ дочери.—Вопросъ.—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Что пастырь Церкви долженъ дѣлать для возвышенія и развитія церковной жизни?

Едва ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что нашъ русскій народъ, взятый въ его цѣлостности, всегда любилъ и любитъ Православную вѣру и Церковь, и прежде, быть можетъ, любилъ больше, чѣмъ въ настоящее время. Пусть любовь эта и неособенно глубока, и главное недостаточно просвѣщенна, но она все же существуетъ и, можно сказать, составляетъ даже отличительную черту въ жизни русскаго народа; не разъ на это указывали, особенно въ прежнее время, и путешествовавшіе или жившіе въ Россіи иностранцы; эта черта невольно бросилась имъ въ глаза при сравненіи жизни нашего народа съ жизнію западныхъ болѣе просвѣщенныхъ народовъ. Но если таковъ нашъ народъ, взя-

тый въ его цѣлостности и по сравненію съ народами западными, то нельзя, къ сожалѣнію, сказать того же о нѣкоторыхъ слояхъ его. Съ тѣхъ поръ, какъ съ запада начало переходить къ намъ свѣтское образованіе и чрезъ посредство высшихъ классовъ общества проникать и въ средніе слои его, вмѣстѣ съ добрыми началами стали тогда и у насъ появляться и распространяться и негодныя сѣмена—идеи и взгляды не только не согласные съ ученіемъ Православной вѣры и Церкви, но и прямо враждебные ему, и между прочимъ—тотъ взглядъ, что вѣра есть-де нѣчто низшее сравнительно съ знаніемъ, что она болѣе свойственна лишь простому народу, а не образованнымъ, у которыхъ она должна замѣниться знаніемъ, наукой.

Какъ ни не согласенъ этотъ взглядъ съ Св. Писаніемъ, въ которомъ вѣра и знаніе не разъединяются между собою и не поставляются одна въ подчиненное отношеніе къ другому, а представляются двумя плодами, выростающими изъ одного корня живаго общенія нашего съ Господомъ, однако и прежде еще въ первое время христіанства онъ имѣлъ значительную распространенность, особенно же распространился въ средѣ образованныхъ классовъ въ новѣйшее время, но только въ другой и едва ли не болѣе опасной для Церкви формѣ. Прежде въ первые дни христіанства взглядъ этотъ нашелъ для себя выраженіе въ полуфилософской, полумиѳологической системѣ гностическаго ученія, образовавшейся частію изъ неоплатоническаго язычества, частію изъ каббалистическаго іудейства и частію изъ искаженнаго христіанства, и затѣмъ въ обвиненіи Цельса противъ христіанства, обвиненіи, состоящемъ въ томъ, что христіанство требуетъ отъ своихъ послѣдователей яко бы „неразумной вѣры“. Но наиболѣе благопріятная почва для разсматриваемаго взгляда, и притомъ въ его крайней формѣ, явилась въ новѣйшее время въ позитивномъ и матеріалистическомъ направленіи. Рьяные

послѣдователи этого направленія дошли до того, что отвергли даже существованіе Бога, какъ особаго премірнаго Существа. Богомъ для нихъ стала сама же природа со включеніемъ человѣка, а религіей—гуманность. Все сверхъестественное въ природѣ стало отвергаться, такъ какъ природа есть-де только сфера матеріи и дѣйствующихъ въ ней механически силъ, и слѣдоват. ничто сверхъестественное не можетъ имѣть въ ней мѣста; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ человѣкѣ, какъ только лишь части природы, стала отвергаться всякая потребность къ спасенію и всякое влеченіе и мысль въ отношеніи ко кресту и Распятому на немъ ради нашего спасенія. Практическія послѣдствія распространенія подобныхъ идей понятны сами собою: всякій, кто принимаетъ ихъ, какъ научно будто бы доказанныя истины, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно охладѣваетъ и къ религіозной вѣрѣ и къ Церкви. Для него Церковь съ ея іерархіей, ученіемъ и благодатными дарами, это уже не богоустановленное учрежденіе, а чисто человѣческое, имѣющее при томъ лишь временное, преходящее значеніе; и не отъ нея слѣдуетъ-де ожидать усовершенствованія человѣка, а отъ образованія, понимаемаго въ смыслѣ наивозможно большаго распространенія физическихъ знаній. Къ счастію указанныя идеи, способствующія образованію такого ложнаго взгляда на Церковь и холодному отношенію къ ней, въ нашемъ отечествѣ не успѣли еще проникнуть въ народную массу; онѣ держатся у насъ лишь въ поверхностно образованныхъ кружкахъ общества.

Въ гораздо большей степени холодность къ Церкви и удаленіе отъ нея происходятъ у насъ отъ другихъ причинъ, и прежде всего отъ замѣчаемаго теперь повсюду преобладанія матеріальныхъ интересовъ надъ духовными. И въ самомъ дѣлѣ такое преобладаніе мы можемъ видѣть теперь не только въ рядахъ богатыхъ и обезпеченныхъ классовъ, но и у тѣхъ, которые только желали бы стать богатыми и до-

могаются этого съ ревностію, достойною лучшаго дѣла, и нерѣдко путями далеко не безупречными въ нравственномъ отношеніи. У всѣхъ такихъ классовъ оставляется безъ должнаго вниманія прежде всего само христіанство, указывающее намъ, какъ на несравнимо цѣннѣйшія сокровища, не на внѣшнія и временныя богатства, а на не видимыя, духовныя и вѣчныя блага, и вмѣстѣ съ тѣмъ естественно ослабѣваетъ и вообще жизнь христіанская. Но такъ какъ истинно-христіанская жизнь не возможна внѣ Церкви, то ослабленіе первой неизбѣжно сопровождается и холодностію въ отношеніи ко второй.

Съ страстію къ богатству и наживѣ рука объ руку идетъ и развивается и жажда наслажденій—другая замѣтная черта современной жизни. Жажда эта находитъ ли достаточныя средства для своего удовлетворенія, какъ это бываетъ у однихъ, при чемъ она большею частію переходитъ въ разнаго рода излишества, пресыщеніе и скуку, или же встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія для удовлетворенія въ недостаткѣ средствъ, какъ это бываетъ у другихъ, при чемъ она нерѣдко переходитъ въ зависть и даже въ прямую вражду къ состоятельнымъ и обезпеченнымъ классамъ и сословіямъ,— въ томъ и другомъ случаѣ она одинаково оказывается неблагопріятной для развитія жизни церковной. Церковь, по примѣру своего божественнаго Основателя, источникъ истиннаго наслажденія и счастія полагаетъ въ сферѣ Духа Святаго или въ царствѣ Божіемъ, которое достигается лишь путемъ подавленія и отреченія отъ чувственныхъ удовольствій; царство Божіе, это—не пища и питіе, а правда, миръ и радость въ Духѣ Святомъ. Напротивъ жизнь въ мірѣ ради міра и плотская настроенность, по слову Божію, равнозначуща духовной смерти и враждѣ противъ Бога. Но если такъ, то естественно ожидать, что время, которое столь смѣло и прямо потворствуетъ теоретическому и практиче-

скому матеріализму и столь предано ему, каково именно настоящее время, не можетъ не быть равнодушнымъ и во многихъ случаяхъ даже враждебнымъ и въ отношеніи къ Церкви, возвѣщающей намъ не о земныхъ благахъ, а о высшихъ духовныхъ цѣляхъ и назначеніи жизни человѣческой; чрезъ удаленіе же отъ Церкви и текущихъ въ ней источниковъ—благодатныхъ даровъ и слова Божія—плотская матеріалистическая жизнь и воззрѣнія укрѣпляются и развиваются еще болѣе.

Преобладаніемъ чувственныхъ интересовъ надъ духовными объясняется и замѣчаемое теперь ослабленіе *сознанія грѣховности и жажды благодатной помощи.* Что этотъ недостатокъ дѣйствительно существуетъ въ наше время, это легко можно видѣть изъ простаго сопоставленія нашего времени съ прежнимъ. Нынѣ у всѣхъ на умѣ и на устахъ вопросъ: „какъ прожить получше въ мірѣ? какъ пріобрѣсть богатство и достичь вліянія и власти, уваженія и почета у людей“? Напротивъ въ прежнее время болѣе заботились о спасеніи и о средствахъ къ достиженію его. Нынѣ по преимуществу господствуютъ политическіе и соціальные вопросы; внутренняя же жизнь человѣка или совсѣмъ игнорируется, или же только изрѣдка вспоминаютъ о ней въ минуты общественныхъ и личныхъ бѣдствій; въ прежнее напротивъ время умы и сердца людей были заняты главнымъ образомъ религіей и Церковію; истины религіи и интересы Церкви, хотя понимались неглубоко и недостаточно ясно, выступали однако жъ на первый планъ и были однимъ изъ главныхъ двигателей общественной жизни. Поэтому они и находили тогда больше сторонниковъ и защитниковъ, чѣмъ въ настоящее время. Въ виду такого направленія и характера современной жизни, очевидно, теперь предстоитъ настоятельная задача пробудить въ обществѣ сознаніе грѣховности, за которымъ затѣмъ должно послѣдовать и пробужденіе интереса

къ Церкви, какъ источнику, дающему благодатныя средства къ удовлетворенію возникающей вмѣстѣ съ сознаніемъ грѣховности потребности искупленія.

Не остается безъ нѣкотораго вліянія на охлажденіе нашего общества къ Церкви и ложное смѣшеніе пастырей ея съ нею самою, замѣтное у насъ особенно въ простомъ народѣ. Извѣстно напр., что уклоненіе отъ Церкви сторонниковъ штундизма объясняется въ нѣкоторой степени между прочимъ и тѣми обвиненіями, какія возводятся на наше духовенство, хотя большею частію и несправедливо. Обвиненія, дѣлаемыя противъ нашего духовенства, роняютъ его авторитетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ охлаждаютъ интересъ и къ самой Церкви, которой оно служитъ.

Спрашивается теперь,—что же пастырь Церкви долженъ дѣлать, чтобы споспѣшествовать возвышенію и развитію церковной жизни въ средѣ своихъ пасомыхъ? **О—скій.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Наши пастырскіе ключи.

И дамъ ти ключи царства небеснаго (Матѳ. 16, 19).— Эти слова относятся и къ намъ, братія!.. Что за служители царства небеснаго были бы мы, если бы Господь не далъ намъ ключей, которыми отпираются двери этого славнаго царства Божія,—если бы не даны намъ были ключи къ самымъ сердцамъ человѣческимъ, дабы царство Божіе имѣло къ нимъ свободный доступъ?—*Ключи царства небеснаго!..* Какъ многознаменательны слова эти! Мы первѣе всего имѣемъ въ виду ключи разумѣнія, ключи къ истинѣ и небесной мудрости, а затѣмъ и ключи къ благодати Божіей, къ миру совѣсти, къ истинной, невозмущенной радости жизни, къ тому, что люди обыкновенно называютъ счастіемъ, къ тому

состоянію, въ которомъ успокоиваются наши стремленія, удовлетворяются наши глубочайшія потребности, и мы наслаждаемся полнотою жизни. И хотя „прельщающій народы“ (Апок. 20, 3) такое возбуждаетъ гордое самомнѣніе въ людяхъ, что вслѣдствіе этого всякая религія, всякое исповѣданіе дерзаетъ утверждать о себѣ, что оно преимущественно владѣетъ этими ключами, хотя и всякое ученіе человѣческой мудрости хвалится этимъ,—но мы не были бы истинными православными пастырями, вѣрными служителями царства Христова, если бы не вѣрили и не исповѣдали, что ключи Господа нашего Іисуса Христа, хранящіеся въ св. Православной Церкви, суть единственно истинные. Этими ключами Христосъ „отворяетъ, и никто не затворитъ, затворяетъ, и никто не отворитъ“ (Апок. 3, 7). Эти ключи Господь передалъ ап. Петру и прочимъ Своимъ апостоламъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ истиннымъ и дѣйствительнымъ преемникамъ ихъ, чтобы они вводили людей ко спасенію и вѣчному блаженству въ царствѣ небесномъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что ключи царства небеснаго, которые Господь даетъ служителямъ Своей Церкви, Своего дома, и при помощи которыхъ они имѣютъ открытый входъ во всѣ части Его дома, составляютъ сообщенное Богомъ Церкви познаніе таинъ откровенія, то же, что Слово Божіе, Его законъ, божественное Откровеніе. „Что есть *и дамъ ти ключи!* спрашиваетъ св. Златоустъ, и отвѣчаетъ отъ имени Христа: якоже Отецъ тебѣ даде Мене познати, тако и Азъ тебѣ дамъ. Къ высокому разумѣнію возводитъ и Себе открываетъ“. И если разумѣть, что Господь здѣсь вообще говоритъ о Своемъ вѣчномъ словѣ, Своемъ законѣ и евангеліи, тогда понятно будетъ для насъ и слѣдующее затѣмъ обѣтованіе: „что свяжешь на землѣ, будетъ связано *на небесахъ;* и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“. Мы не забываемъ, конечно, что это

обѣщаніе въ Церкви Христовой имѣетъ и особое примѣненіе, именно на немъ основывается власть священниковъ въ таинствѣ исповѣди вязать и разрѣшать грѣхи кающихся; но здѣсь мы разсмотримъ это обѣщаніе не съ этой стороны, а въ общемъ его значеніи въ отношеніи къ проповѣди Слова Божія, слѣдовательно къ той дѣятельности, которая составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ нашего служенія.

Законъ Божій, написанный первоначально въ сердцѣ человѣка, чрезъ Моисея возвѣщенный Богомъ и преданный письмени, восполненный и исполненный Христомъ, есть поистинѣ *связывающая сила* для сердца человѣческаго. Съ этимъ закономъ, къ которому мы привязаны въ самой нашей совѣсти, какъ служители Слова, мы, по повелѣнію Господню, должны привязывать сердца людей къ заповѣди, отъ которой не можетъ разрѣшить никакая человѣческая власть, должны привязывать ихъ къ требованіямъ любви и правды. И хотя бы наши слушатели уклонялись отъ этой заповѣди, убѣгали отъ нея, даже забыли ее среди развлеченій мірскихъ, подъ вліяніемъ своихъ земныхъ склонностей и похотей: однако они остаются привязанными къ ней, и никакая сила не можетъ отвязать ихъ отъ нея, ибо они связаны на небѣ, связаны въ своей совѣсти. Этою заповѣдью мы должны привязывать людей къ ихъ священной отчетности, отвѣтственности на будущемъ судѣ, на коемъ книги раскроются и воздано будетъ каждому по его дѣламъ, по его самымъ тайнымъ мыслямъ и чувствованіямъ. И какъ ни стараются люди отдалять отъ себя эти представленія и даже совсѣмъ отвергнуть ихъ, однако они остаются своею совѣстію привлеченными, привязанными къ суду, ко дню отчета, который несомнѣнно наступитъ; и хотя бы они желали подальше быть отъ своихъ мыслей, однако грѣхи ихъ, виновность ихъ остаются въ совѣсти ихъ, въ ихъ внутреннѣйшемъ сознаніи, по силѣ самаго этого закона; и никакая человѣче-

ская власть не можетъ разрѣшить ихъ отъ этой внутреннѣйшей, фактической обязательности. Мы, бр., призваны возвѣщать въ своихъ приходахъ слово живаго Бога, и непрестанно должны въ сердцахъ своихъ возсылать молитву ко Всевышнему: даждь намъ, Господи Боже нашъ, даждь служителемъ Твоего слова силу Твоего Св. Духа, чтобы намъ надлежащимъ образомъ и со всею строгостію привязывать людей къ *Твоей заповѣди,* ненарушимымъ требованіямъ любви и правды. Вѣдь чувствуютъ же люди себя многообразно окованными закономъ природы, закономъ смерти, заботами и попеченіями, нуждою и бѣдствіемъ. Помоги же намъ связать ихъ и св. закономъ Твоего Духа, чтобы они внутри себя чувствовали связанными этимъ закономъ, дабы тѣмъ сильнѣе имъ чувствовать потребность спасенія, желаніе искупленія, которое должно пріити свыше, дабы они почувствовали, что тяжесть грѣха тяжелѣе всѣхъ тяжестей.

Но мы призваны, благодареніе Богу, не только вязать, мы посланы и *разрѣшать,* возвѣщать евангеліе, принести слово избавленія всѣмъ связаннымъ. Съ ученіемъ евангелія, заключающаго въ себѣ связующую и разрѣшающую власть, съ благодатными священнодѣйствіями и таинствами Церкви мы должны являться ко всѣмъ, кто чувствуетъ себя связаннымъ въ своей совѣсти и во вѣки не можетъ развязаться,—ко всѣмъ, кто вздыхаетъ въ оковахъ своихъ грѣховныхъ похотей и страстей,—ко всѣмъ, кто сознается, что „добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю“ (Рим. 7, 19),—ко всѣмъ недугующимъ, скорбящимъ, чувствующимъ гнетъ,—ко всѣмъ чадамъ смерти.

И что мы здѣсь на землѣ разрѣшаемъ божественною силою, полученною нами отъ Господа, разрѣшающею, освящающею человѣческія сердца *разрѣшается на небѣ!* Увы, хорошо мы знаемъ, что издавна люди добровольно привязываются на землѣ къ многому такому, къ чему не должны бы

привязываться, что совѣсть оковывается человѣческими ученіями и человѣческими заповѣдями, вмѣсто того, чтобы быть ей закованною въ слово Божіе. Многіе привязали свою совѣсть къ видимому Іерусалиму или Гаразину, вмѣсто того, чтобы связать себя духомъ и истиною, вмѣстѣ съ тѣмъ, многое самочинно разрѣшили себѣ на землѣ изъ того, что не разрѣшено на небеси.

Время, въ какое мы посланы совершать дѣло нашего служенія, такое время, когда развязываются сдерживающія доселѣ связи всѣхъ порядковъ на землѣ, когда колеблется всякій авторитетъ, теряются добрые обычаи и правила. Что же въ силахъ еще связать безпокойные, мятущіеся элементы человѣческой жизни? Что можетъ еще сохранить въ человѣческихъ сердцахъ благочестіе, страхъ Божій? Ничто иное, какъ вѣчный законъ, вѣчный порядокъ, который не выдуманъ человѣкомъ, но написанъ перстомъ Божіимъ на совѣсти человѣка и въ словѣ Божіемъ. Съ другой стороны время, въ которое мы призваны совершать дѣло Божіе, такое время, въ которое, не смотря на всѣ политическія и соціальныя свободы, души вздыхаютъ объ искупленіи, объ истинной внутренней свободѣ, свободѣ отъ грѣха, отъ скорбей, отъ страха смерти, о славной свободѣ чадъ Божіихъ. Какой голосъ, какая власть въ состояніи доставить современному поколѣнію людей истинную свободу, какъ не евангеліе Христово? Но если мы надѣемся, при благодатной помощи Божіей, привести людей своею проповѣдью къ тому, чтобы они живо испытали на себѣ и почувствовали связующую и разрѣшающую власть слова Божія, то прежде всего нужно сдѣлать чувствительною силу этого слова въ нашихъ собственныхъ сердцахъ. Если мы, какъ служители божественнаго слова, хотимъ надлежащимъ духовнымъ образомъ пользоваться ввѣренными намъ ключами царствія небеснаго, если хотимъ поступать какъ вѣрные домоправители въ дому своего Гос-

пода,—то должны сначала самихъ себя не отрывать отъ Бога своего и Спасителя, а быть привязаны къ Нему *молитвою,* чтобы осѣнила насъ сила Божія; должны быть привязаны къ Нему прилежнымъ, тихимъ *размышленіемъ,* ежедневнымъ углубленіемъ въ Его слово, чтобы наши мысли болѣе и болѣе проникались мыслями Божіими, чтобы Духъ Божій плѣнилъ наши мысли въ послушаніе Христово; должны быть привязаны къ Нему среди испытаній нашей жизни, которыя неразлучны съ нами, привязаны въ *послушаніи* и самоотверженіи, привязаны, наконецъ, въ *любви* къ Нему и Его Церкви, любви къ своему служенію. Но мы должны развязаться со всѣмъ, что хочетъ привязать насъ къ нынѣшнему вѣку, къ предметамъ, которые служителей слова дѣлаютъ неспособными къ святому его дѣлу, къ дѣламъ сего міра, къ наслажденіямъ его, къ дружбѣ съ нимъ. О Господи Спасителю! Крѣпче привяжи насъ Самъ къ Себѣ Своимъ Св. Духомъ; Самъ развяжи насъ отъ всего, что мѣшаетъ нашему жизненному общенію съ Тобою, дабы мы могли духовно все оставить и единственно за Тобой послѣдовать.

Изъ дневника любителя церковнаго пѣнія.

Апрѣля 29. Вечерня въ пятокъ пасхальной седмицы въ единовѣрческой городской церкви. Извѣстившись, что вечерня будетъ въ 4 часа по полудни, я поспѣшилъ прибыть къ церкви еще до благовѣста. Довольно величественное зданіе единовѣрческаго храма стояло, отдѣлясь отъ прочихъ городскихъ зданій, на углу двухъ улицъ на возвышенной и просторной площадкѣ, выложенной плитами и обнесенной желѣзной рѣшеткой. Какъ внѣшность храма, такъ и площадка поддерживались въ безукоризненной чистотѣ и порядкѣ, обусловливаемыхъ самымъ положеніемъ городскаго храма и

многолюдностію улицъ. На площадкѣ въ ожиданіи времени звона стоялъ спокойно благообразный сторожъ церковный. Его видъ, стрижка волосъ въ кружало и нѣкоторыя особенности одежды указывали въ немъ ревнителя древняго благочестія. До звону еще я вошелъ въ церковь. Повсюду въ храмѣ замѣтны тѣ же чистота и порядокъ. Внутренность храма устроена крестообразно. При входѣ въ храмъ для *притвора* отдѣлено отъ него во всю его ширину невысокою съ стеклянными верхними филенками деревянною переборкою особое мѣсто. Въ притворѣ помѣщаются: при дверяхъ храма свѣчной ящикъ старосты, вправо—отдѣленіе для снимания верхней одежды богомольцевъ, влѣво еще какое-то помѣщеніе. Внутри храма на иконостасѣ и на столпахъ храма множество иконъ, сіяющихъ сребровѣтными ризами. Письмо иконъ—въ древнемъ греко-русскомъ стилѣ XVI—XVII вѣка и, нужно замѣтить, замѣчательно художественное, что можно видѣть съ перваго разу изъ лика Богоматерней иконы, помѣщенной при входѣ въ самый храмъ на лѣвомъ столпѣ. Невольно проникаешься чувствомъ благоговѣнія къ святынѣ и уваженія къ давно почившимъ великимъ художникамъ земли русской, украсившимъ наши храмы многими высокохудожественными произведеніями.

Благовѣстъ продолжался довольно долго, пока сошлись священно-церковно-служители храма и немногочисленные разныхъ званій и состояній богомольцы. Послѣдніе принесли, каждый, четвероугольные, въ формѣ и величинѣ носовыхъ платковъ, разной цвѣтной матеріи, тонкія подушечки на случай земныхъ поклоновъ, и раскинули ихъ на полу предъ собою. Послѣдовалъ обычный у старообрядцевъ *началъ* съ земными поклонами и послѣ него поясные поклоны каждаго на всѣ четыре стороны. Звонъ въ ожиданіи богомольцевъ, *началъ* предъ богослуженіемъ и особый *отпускъ* съ земными же поклонами послѣ богослуженія, собственно и замедлили

вечерню на полчаса или болѣе. Самая же вечерня была кратка и даже короче, чѣмъ бываетъ она въ православныхъ церквахъ великорусскихъ. Въ алтарѣ пѣли священникъ и діаконъ, на лѣвомъ клиросѣ причетникъ съ участіемъ нѣкоторыхъ прихожанъ въ числѣ пяти лицъ. Пѣвчихъ на правомъ клиросѣ не было. Богослуженіе совершалось въ уставномъ порядкѣ съ выходомъ пѣвцовъ на средину церкви для пѣнія богородична догматика въ началѣ вечерни и стихиръ Пасхи въ концѣ ея.

Пѣснопѣнія на вечерни пѣлись тѣ же и въ томъ же порядкѣ, какъ и въ православныхъ великорусскихъ храмахъ, но съ Іосифовскимъ текстомъ; напѣвъ знаменный, но съ нѣкоторыми особенностями мелодической редакціи. Въ частности: „Христосъ воскресе“ въ началѣ вечерни съ припѣвами пѣли тѣмъ же знаменнымъ роспѣвомъ, который изложенъ въ нотномъ Сунодальномъ Обиходѣ 1864 года на л. 211 об. „инъ роспѣвъ“. Ектенія великая и прочія ектеніи—знаменнаго же роспѣва, съ печальнымъ оттѣнкомъ въ мелодіи, какой у насъ слышится на заупокойныхъ службахъ. „Господи воззвахъ“ и „Да исправится молитва моя“ здѣсь вовсе не поются; читается же причетникомъ весь псаломъ съ послѣдующими стихами. Стихиры 8-го гласа и послѣ нихъ богородиченъ догматикъ „Царь небесный“ пѣлись *малымъ* или краткимъ знаменнымъ роспѣвомъ, т. е. тѣмъ напѣвомъ, которымъ у насъ поются въ монастыряхъ и нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ стихиры по постной Тріоди, особенно же стихиры Страстной седмицы, и который изложенъ въ Сунодальномъ Обиходѣ на л. 19 обор. съ нѣкоторыми впрочемъ особенностями мелодической редакціи. Напѣвъ „Святыя славы“ (т. е. „Свѣте тихій“) почти тотъ же, какой у насъ извѣстенъ подъ именемъ *обычнаго* напѣва (см. „Кругъ пѣснопѣній обычнаго напѣва Москов. епархіи, М., 1881 г., стр. 90). Прокименъ знаменнаго роспѣва: „Далъ еси достоя-

ніе“ совершенно тотъ же по мелодіи, который изложенъ въ въ Сунодальномъ Обиходѣ на л. 159 об. Пѣснопѣніе: „Сподоби Господи въ день сей“, нерѣдко поемое у насъ или пѣвчими на клиросѣ, или священнослужителями въ алтарѣ, здѣсь читается, а не поется. На ектеніи возглашеніе „Тебѣ Господи“ украшено въ концѣ оитною пространною мелодіею, которая въ пѣніи представляетъ собою весьма быстрые и игривые переливы звуковъ. Стихиры пасхи пятаго гласа съ припѣвами „Да воскреснетъ Богъ“ почти буквально того же знаменнаго роспѣва, какой изложенъ въ Сунодальномъ Обиходѣ на л. 233. Въ концѣ вечерни присоединены пѣснопѣнія 9-го часа, или же малаго повечерія, что въ пасхальной службѣ одно и то же, т. е. „Воскресеніе Христово видѣвше“, „Предварившія утро“, „Аще и во гробъ“ и другія. Замѣчательно, что пѣснопѣнія эти пѣлись не на гласъ (6 и 8-й), какъ у насъ, а рѣшительно *чистомъ* безъ всякихъ среднихъ растяженій и повышеній звуковъ, кромѣ двухъ послѣднихъ звуковъ, и безъ всякихъ остановокъ или отдыховъ, а потому весьма скоро, т. е. точно такъ же, какъ у насъ въ началѣ литіи по усопшимъ поются: „Святый Боже“, „Пресвятая Троице“ и „Отче нашъ“.

Позволяю себѣ высказать мои впечатлѣнія по поводу видѣннаго и слышаннаго мною. Пріятно видѣть благолѣпіе храма, тщательный уходъ за порядкомъ и чистотою, а особенно строгое соблюденіе уставнаго порядка богослуженія, хотя и не во всемъ выражающее сущность дѣла. Разумѣю особенно схожденіе съ клироса пѣвцовъ для пѣнія на средину церкви. По уставу стихиры пасхи поютъ *сошедшеся оба лика вкупѣ,* здѣсь же сходитъ тотъ же самый ликъ на средину церкви. По этому порядку и одинъ клиросный пѣвецъ въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ также сходить на средину церкви... Очевидно, эта форма дѣйствія не выражаетъ сущности дѣла и соблюдается пѣвцами по привычкѣ безъ

яснаго разумѣнія значенія самаго *схожденія ликовъ*, но все-таки лучше, когда порядокъ этотъ соблюдается, чѣмъ когда онъ вовсе покидается (наприм. при участіи въ пѣніи хоровыхъ пѣвцовъ).—Иное впечатлѣніе производятъ особый *началъ* и особый *отпускъ* съ земными поклонами. Мысль ихъ прекрасна сама по себѣ: первый служитъ приготовленіемъ къ богослуженію, т. е. внушаетъ молящимся отрѣшеніе отъ мірскихъ заботъ, примиреніе съ ближними, сосредоточеніе мысли и чувствъ на важности общественнаго богослуженія; *отпускъ* же даетъ молящимся разрѣшеніе возвратиться изъ храма къ ихъ обычнымъ занятіямъ и слѣдовател. располагаетъ ихъ дождаться окончанія богослуженія. Но земные поклоны на пасхѣ... Это не согласно съ значеніемъ свѣтлаго праздника и не полагается церковнымъ Уставомъ въ пасхальное время. Здѣсь нельзя не видѣть смѣшенія богослуженій праздничнo-пасхальнаго и покаянно-великопостнаго, или по крайней мѣрѣ богослуженія эти не имѣютъ того яснаго разграниченія, какое должно быть между ними естественно и какое существуетъ между ними въ Православной Великороссійской Церкви.

Подобное смѣшеніе замѣтно и въ напѣвахъ. Однообразіе мотивовъ знаменнаго роспѣва съ печальнымъ оттѣнкомъ въ характерѣ не полагаетъ рѣзкаго различія въ пѣніи скорбно-покаянномъ и торжественно-праздничномъ, между тѣмъ какъ въ Православной Великороссійской Церкви, при употребленіи весело-торжественныхъ мотивовъ *греческаго* и *кіевскаго* роспѣвовъ, это различіе ясно до очевидности. Иначе въ ней выражаются скорбь и умиленіе и иначе ликовствующее торжество.

Затѣмъ въ Православной Великороссійской Церкви *церковное осмогласіе* очевидно имѣетъ большее и обширнѣйшее примѣненіе при богослуженіи, чѣмъ въ церкви единовѣрческой, именно, въ первой поются на гласы, а не читаются

только, стихи псалма „Господи воззвахъ“ и „Да исправится молитва моя“, равно какъ и пѣснопѣнія пасхальныхъ часовъ: 1, 3, 6, 9 и повечерія поются на гласы, а не читаются хоромъ, какъ это дѣлается въ единовѣрческой церкви [1]).

Наконецъ напѣвы знаменнаго роспѣва, употребляемые единовѣрцами, тѣ же, какіе употребляются и въ Православной Великороссійской Церкви, только иной мелодической редакціи, видоизмѣненной и сокращенной клиросно-пѣвческою практикою. Ясно, что послѣдняя и въ единовѣрческихъ церквахъ основывается главнымъ образомъ на устномъ преданіи и отступаетъ отъ точности мотивовъ, излагаемыхъ въ крюковыхъ нотныхъ книгахъ.

---

[2]) См. № 26-й.

Письма священника къ дочери[2]).

Письмо тринадцатое.

Твоя больница, кажется, стала любимымъ твоимъ дѣтищемъ, дочь моя. Ты пишешь, что теперь то и дѣло роешься въ лѣчебникахъ, изучая различнаго рода болѣзни и держишь консиліумы то съ докторомъ, то съ фельдшеромъ, которые не оставляютъ тебя своей помощію и совѣтомъ. Не мудрено, впрочемъ, что ты такъ усердно занялась этимъ дѣломъ. Вѣдь, куда ни взгляни у насъ въ деревнѣ, куда ни обратись, вездѣ видишь немощный, худосочный, золотушный народъ, носящійся съ застарѣлыми болѣзнями. Въ городахъ напрасно думаютъ, что въ деревнѣ люди здоровѣе—это представленіе

[1]) Тропари праздниковъ »на Богъ Господь« также въ крюковыхъ нотныхъ книгахъ не роспѣты, а только концы ихъ; не роспѣты и многія иныя пѣснопѣнія. См. наприм. »Кругъ церк. древ. знам. пѣнія«, изд. И. О. Л. Др. Пис. Спб., 1884 г.

[2]) См. № 26-й.

ложное. Они не здоровѣе, а только развѣ выносливѣе; а выносливѣе, быть можетъ, потому, что сельскому человѣку за работою слечь некогда. Онъ ходитъ и работаетъ, пока у него силъ хватаетъ, пока носятъ ноги и часто на ходу умираетъ. Такова крестьянская жизнь. Но чтобы нашъ крестьянинъ не болѣлъ и не нуждался въ леченіи, такъ ужъ этого никакъ нельзя сказать. Кому изъ интеллигенціи случалось живать въ деревнѣ, хотя временно, тотъ хорошо знаетъ, сколько къ нему идетъ народу за лѣкарствомъ, особенно крестьянокъ съ дѣтьми, на томъ только основаніи, что онъ человѣкъ городской—ученый, а слѣдовательно знающій. И такимъ образомъ идутъ они ко всякому „знающему“ человѣку. Одно это уже показываетъ, какую нашъ крестьянинъ чувствуетъ настоятельную нужду въ медицинской помощи.

Жалко, что у насъ въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ не преподаютъ хоть элементарныхъ понятій о медицинѣ: это могло бы послужить впослѣдствіи воспитанницамъ въ роли сельскихъ матушекъ большимъ подспорьемъ при ихъ всегдашнемъ общеніи съ народомъ. Въ мое время въ семинаріяхъ въ программу преподаванія входило и преподаваніе медицины, хотя далеко не въ удовлетворительномъ видѣ, теперь же и то не вездѣ можно встрѣтить, а потому трудно ожидать, чтобы на этотъ вопросъ обратили вниманіе въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ. Но, если когда нибудь онъ будетъ поставленъ на очередь, то дай ему Богъ всякаго успѣха, какъ существенно важному.

Дѣятельность твоя и твои успѣхи, дитя мое, радуютъ меня, не радуетъ только то, что ты нажила себѣ врага въ лицѣ вашего великаго деревенскаго медика—знахаря, съ которымъ теперь ведешь упорную борьбу. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это врагъ серьезный и не безопасный, то есть, пожалуй не для тебя лично, но для твоихъ паціентовъ, да и для всѣхъ вообще прихожанъ. Онъ врагъ опасный не только потому,

что употребляетъ неправильный и нерѣдко вредный способъ леченія, но еще и потому, что всѣ болѣзни онъ обыкновенно приписываетъ не простудѣ или дурному пищеваренію, а людскому наговору и дурному глазу, чѣмъ и развиваетъ въ своихъ паціентахъ далеко не христіанскія чувства къ своимъ сосѣдямъ и воображаемымъ недругамъ, порождая безпричинную вражду и ненависть между людьми. Какъ часто случается, что двѣ добрыя сосѣдки, жившія между собой, повидимому, душа въ душу, вдругъ начинаютъ ни съ того, ни съ сего ссориться, доходятъ даже до суда и драки. А спросишь—отчего? Оказывается какой нибудь вздоръ, въ родѣ подозрѣнія, что одна сосѣдка у другой сглазила поросенка или отняла у коровы молоко, подозрѣніе, основанное на нѣкоторыхъ гадательныхъ и неясныхъ знахарскихъ показаніяхъ. Суевѣріе нашихъ крестьянокъ извѣстно каждому и подогрѣть его вовсе не трудно. Такимъ образомъ, вліяніе знахаря на народъ вредно съ двухъ сторонъ, но есть еще и третья—онъ обираетъ карманы и „скрыни“ довѣрчивыхъ крестьянъ, эксплуатируя ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Его ремесло даетъ ему безъ труда хорошій заработокъ, а потому не думаю, чтобъ онъ захотѣлъ скоро разстаться съ своимъ вліяніемъ на народъ. Тѣ способы и подлоги, которые онъ употребляетъ, чтобы подорвать вѣру въ твое леченіе по наукѣ нисколько меня не удивляютъ. Разъ есть знахарь на селѣ—этого нужно ожидать. Но—терпѣніе. Время покажетъ твоимъ суевѣрнымъ простакамъ, на чьей сторонѣ правда.

Нельзя, конечно, отрицать того, что есть между такъ называемыми деревенскими знахарями люди дѣйствительно кое-что знающіе. Въ нихъ рукахъ сосредоточивается вся народная опытная мудрость, нажитая вѣками. Это своего рода медицинскіе геніи—самоучки, лечащіе нѣкоторыя болѣзни, доступныя ихъ пониманію, совершенно цѣлесообразно при помощи лѣсныхъ травъ, секретныя свойства которыхъ извѣстны

нимъ однимъ; но такихъ знахарей весьма немного, обыкновенно же это плуты и безсовѣстные эксплуататоры невѣжества, и ихъ слѣдовало бы гнать при помощи полиціи.

Въ каждой почти деревнѣ есть одна или двѣ, а то и больше лѣкарекъ, съ которыми ты также неминуемо должна вступить въ борьбу для блага своихъ прихожанъ. У многихъ изъ нихъ есть своя спеціальность: одна лечитъ зубы, другая „сухотки“, третья—„лихоманки“, иная по дѣтскимъ и женскимъ болѣзнямъ; и всѣ эти лѣкарки также придерживаются одного мнѣнія, что большинство болѣзней происходитъ отъ „сглазу“, отъ „навѣта“ недруга. А хуже всего то, что у нихъ, въ числѣ способовъ избавиться отъ болѣзни, считается самымъ существеннымъ передать эту болѣзнь кому нибудь—кошкѣ, собакѣ, чаще же всего, обратно своему предполагаемому врагу, наславшему болѣзнь. Относительно животныхъ употребляется такой невинный способъ: берутъ кусокъ хлѣба, только что испеченнаго, теплаго, сбиваютъ его въ комокъ и, покатавши этомъ комокъ по тѣлу больнаго, даютъ его проглотить голодной собакѣ, съ полной вѣрой, что болѣзнь перейдетъ на это животное. Но если требуется болѣзнь передать человѣку, то употребляется другой способъ, который можетъ иногда повлечь за собою дѣйствительно худыя послѣдствія и передать болѣзнь другимъ лицамъ, не избавивши, конечно, отъ нея и самого болящаго. А именно: берутъ какую нибудь тряпицу изъ подъ больнаго съ его кровью или гноемъ и подбрасываютъ ее во дворъ или даже въ самый домъ къ предполагаемому врагу и зложелателю, или же просто развѣшиваютъ ее на плетнѣ какого нибудь огорода для несообразительнаго прохожаго. Тряпица обыкновенно бываетъ цвѣтная, привлекающая вниманіе, а потому чаще всего она попадаетъ въ руки неопытныхъ дѣтей. И если, напр., болѣзнь изъ заразительныхъ, то можно себѣ вообразить, какія могутъ быть отъ этого послѣдствія, въ особенности, если каждый

изъ заболѣвшихъ начнетъ практиковать подобный способъ леченія при помощи передачи своей болѣзни другому. Вотъ и нужно растолковать имъ хорошенько и внушить, что этимъ способомъ отъ болѣзни не избавишься, а только бѣды другому надѣлаешь и примешь грѣхъ великій на душу. Зная ихъ нравы и понятія и примѣняясь къ нимъ, не трудно это изъяснить. Мужъ твой пусть скажетъ въ церкви свое слово по этому предмету, а ты держи свою особую проповѣдь частнымъ образомъ, внушай при каждомъ случаѣ и при разговорахъ съ крестьянками, приходящими къ тебѣ за совѣтомъ. „Вотъ-молъ такъ и такъ, я слышала, у васъ дѣлается да и не у васъ однихъ... Вотъ и у моего батюшки въ приходѣ былъ такой-то случай съ знахарскимъ лѣкарствомъ“... Растолкуй имъ, какъ малымъ неразумнымъ дѣтямъ ихъ заблужденіе наглядным способомъ, безъ особыхъ мудрствованій, больше на примѣрахъ, указывая, въ чемъ грѣхъ и пагуба душевная и въ чемъ практическое зло.

Не могу не выразить моего полнаго сочувствія твоей мысли переселить въ ваше село изъ города акушерку, родственницу твоего мужа. Она сообщаетъ вамъ несомнѣнную правду, что, живя въ городѣ, при большомъ количествѣ конкурренток, не только терпитъ нужну, но даже часто и голодъ. Дѣйствительно, въ наше время женщинъ, ищущихъ себѣ заработка этимъ ремесломъ, слишкомъ много, болѣе, чѣмъ сколько есть на нихъ запроса. И нужны какіе нибудь особые таланты или счастливый случай, чтобы выдвинуться которой нибудь изъ нихъ изъ ряда своихъ товарокъ и пріобрѣсть знакомства и практику. Такихъ, что нуждаются, очень много, не одна ваша родственница. Въ селѣ она, если и не будетъ имѣть большаго заработка, за то никогда не испытаетъ ни нужды, ни голода, при дешевизнѣ жизни. Къ тому же, маленькое жалованье, назначенное ей церковно-приходскимъ попечительствомъ, будетъ служить ей большимъ подспорьемъ,

нужно бы только изыскать способы для усиленія средствъ вашего приходскаго попечительства. Объ этомъ, впрочемъ, я буду особо говорить въ моемъ письмѣ къ твоему мужу, тебѣ же еще скажу, что хорошо бы было у насъ въ каждомъ селѣ обзавестись акушеркой, потому что наши привиллегированныя деревенскія повитухи дѣлаютъ не меньше зла на селѣ, какъ и разные знахари и знахарки. И сколько у насъ погибаетъ женщинъ, и молодыхъ и здоровыхъ, сколько дѣтей сиротствуетъ, все оттого, что роженица не могла получить своевременно самую ничтожную даже помощь. Вѣдь, земской акушеркой могутъ пользоваться только жители того города или мѣстечка, въ которомъ она находится да ближайшихъ селеній, для остальныхъ же она какъ бы даже вовсе не существуетъ. Ты задумала сдѣлать еще одно доброе дѣло для твоихъ прихожанъ; да поможетъ тебѣ осуществить его Самъ Господь Богъ, какъ помогаетъ Онъ тебѣ и вразумляетъ во всемъ прочемъ. Я же тебя благословляю и буду о тебѣ молиться.

Вопросъ.

Въ виду бѣдности прихожанъ и большой недоимки, числящейся за ними, не должны ли быть на время прекращены пожертвованія на украшеніе храма, поступающія отъ нихъ по общественному приговору, и обращены на удовлетвореніе собственныхъ ихъ нуждъ?

Обращающійся къ намъ за разрѣшеніемъ этого вопроса свящ. с. Р—н Н—каго у. В—ской губ. о. В—ій Д—въ откровенно признается, что онъ испытываетъ какое-то раздвоеніе мысли: съ одной стороны онъ понимаетъ, что украшеніе храма есть великое дѣло Божіе, а съ другой—сознаетъ, что нельзя оставить безъ помощи прихожанъ—этихъ живыхъ храмовъ Божіихъ, и страшится словъ будущаго праведнаго Судіи: »Я нагъ былъ, и вы не одѣли Меня; Я боленъ былъ, и вы не посѣтили Меня« и проч. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, о. В—ій

Д—въ больше склоняется къ тому, что »*лучше оставить украшеніе храма, а принести пользу людямъ?*

Итакъ вопрошающій полагаетъ, что украшеніе храма безполезно или по крайней мѣрѣ менѣе полезно, чѣмъ удовлетвореніе нуждамъ прихожанъ. Думая такъ, о. В—ій Д—въ упускаетъ изъ виду, что у насъ кромѣ внѣшнихъ потребностей—въ жилищѣ, пищѣ, одеждѣ и проч., есть еще высшія и благороднѣйшія потребности—религіозныя. Высшія же и благороднѣйшія потребности наши могутъ быть удовлетворены и удовлетворяются преимущественно въ храмѣ чрезъ молитву и таинства. Посему, если мы имѣемъ право и должны заботиться объ удовлетвореніи низшихъ нуждъ своихъ, то не тѣмъ ли болѣе должны жертвовать вещественными средствами для удовлетворенія своихъ высшихъ и благороднѣйшихъ потребностей? Если мы должны употреблять вещественныя средства на благоустройство своихъ жилищъ, на пищу, одежду и т. п., то не тѣмъ ли болѣе должны обращать свои матеріальныя средства на благоустройство храма, гдѣ только и можемъ получить удовлетвореніе своимъ высшимъ и благороднѣйшимъ потребностямъ? И нужно отдать честь прихожанамъ о. В—ія Д—ва, что они болѣе заботятся объ удовлетвореніи своихъ религіозныхъ потребностей, чѣмъ объ удовлетвореніи своихъ низшихъ нуждъ.

Пожертвованія на храмъ служатъ не только къ удовлетворенію нашихъ религіозныхъ потребностей, но употребляются и на благодѣянія ближнимъ. Христіанское милосердіе къ ближнимъ выражается въ томъ, чтобы одѣть нагаго, напоить жаждущаго, напитать алчущаго; но во св. храмѣ наши ближніе *облекаются во Христа, напояются водою живою, насыщаются хлѣбомъ животнымъ.* Высшею и болѣе цѣлесообразною формою благотворительности къ ближнимъ признается нами устройство пріютовъ и странноприимницъ, училищъ и больницъ; но св. храмъ и есть странноприимница для странниковъ земли, училище и при томъ высшее для всѣхъ желающихъ познать науку Христову, врачебница для всѣхъ страждущихъ духовными болѣзнями и недугами. У насъ особенно цѣнятся тѣ благодѣянія, которыя простираются не на отдѣльныя только лица, а на цѣлыя общества; въ храмѣ же низводится благословеніе Божіе на цѣлыя семейства, а чрезъ нихъ и на цѣлыя общества. Однимъ словомъ, по совершенно справедливому замѣчанію одного приснопамятнаго іерарха нашей Церкви (Макарія архіеп. Литовскаго, бывшаго потомъ митр. Московскаго), »надобно вовсе не понимать значенія храма для христіанъ, чтобы въ созиданіи и украшеніи

храмовъ и во всѣхъ пожертвованіяхъ на храмъ не видѣть величайшаго благодѣянія ближнимъ«.

Пожертвованія на благоустройство и украшеніе храма, какъ въ собственномъ смыслѣ дома Господа Бога, приносятся непосредственно въ жертву Богу и во славу Его; въ вещественныхъ приношеніяхъ на пользу храма выражаются и свидѣтельствуются наши душевныя чувства благоговѣнія, любви и благодарности къ Богу. И никто не имѣетъ права и не можетъ сказать, что тѣ или другія украшенія храма излишни, т. е. превосходятъ мѣру приличія, подобающаго дому Божію. И какъ никто не можетъ полагать мѣру любви и благодарности христіанина къ Богу, такъ никто не имѣетъ права полагать мѣру и проявленіямъ этихъ чувствъ въ приношеніяхъ на храмъ Божій.

Не слѣдуетъ забывать и того, что стѣсненіе усердія жертвователей на украшеніе храма или даже одно направленіе усердія доброхотнодателей на предметъ, для нихъ нежелательный, можетъ вызывать въ нихъ охлажденіе къ храму Божію, что дѣйствительно и бываетъ. Къ тому же нужно добавить и то, что прихожане по общественному приговору если и дѣлаютъ ежегодный и обязательный взносъ на украшеніе храма, то этотъ взносъ обыкновенно бываетъ въ весьма скромныхъ размѣрахъ (въ годъ по нѣсколько копѣекъ съ души). Естественно, что такой взносъ не можетъ чувствительнымъ образомъ отзываться на ихъ нуждахъ и ухудшать ихъ матеріальное положеніе. Возвратъ же денегъ, собранныхъ отъ прихожанъ по общественному приговору на украшеніе храма, и обращеніе этихъ денегъ на собственныя ихъ нужды улучшитъ ли ихъ экономическое состояніе? Весьма сомнительно. Легко можетъ случиться, что прихожане совершенно непроизвольно распорядятся деньгами, предназначенными на украшеніе храма и обратно полученными; по крайней мѣрѣ извѣстно, что крестьяне, располагая по своему усмотрѣнію нѣкоторыми общественными деньгами, часто обращаютъ эти деньги не на уплату числящейся за ними недоимки, а просто »на прогулъ«; бывали случаи, что крестьяне злоупотребляли даже тѣми суммами, которыя выдавались имъ отъ земства и правительства на крайнія ихъ нужды—на покупку муки во время голодовки, на пріобрѣтеніе сѣмянъ для обсѣмененія полей и проч.

Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Отмѣна обычая требовать деньги или свѣчи отъ прихожанъ предъ и исповѣдію и причастіемъ.—Полтавская духовная консисторія, во исполненіе предложенія мѣстнаго преосвященнаго, разослала циркулярный печатный указъ духовенству епархіи съ церковными старостами, которымъ (указомъ) строжайше отмѣняется предосудительный обычай требованія отъ прихожанъ денегъ или свѣчей предъ исповѣдію и причастіемъ. Не только священникъ, но и клирикъ и церковный староста, предъявляющій такое требованіе, равно подлежатъ законной отвѣтственности: первые будутъ предаваемы суду, а церковные старосты, при первомъ же донесеніи благочиннаго о неподчиненіи ихъ вышепомянутому указу, будутъ удаляемы отъ должности. Благочиннымъ вмѣняется въ обязанность имѣть строгое наблюденіе за исполненіемъ этого.

О времени и порядкѣ представленія въ консисторію спеціальнаго сбора на воспособленіе заштатному духовенству.—Курская духовная консисторія объявляетъ благочиннымъ церквей епархіи, чтобы они на будущее время сумму спеціальнаго сбора на воспособленіе городскому и сельскому заштатному духовенству представляли въ консисторію въ сентябрѣ мѣсяцѣ каждаго года и при представленіи суммы обязательно прилагали установленную вѣдомость съ показаніемъ въ ней: сколько въ какомъ отдѣльномъ приходѣ положено быть священниковъ и діаконовъ, и какой опредѣленъ съ нихъ взносъ; сколько на дѣйствительной службѣ состоитъ какъ штатныхъ, такъ и сверхштатныхъ священниковъ и діаконовъ; сколько съ кого взыскано суммы, и какія произошли перемѣны въ отчетномъ году противъ вѣдомости прошлаго года, т. е. по какой церкви и отъ кого взносъ суммы уменьшился или увеличился и почему.

Отъ Кіевск. дух. ценз. Комит. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 іюня 1888 г. Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 28.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Іюля 10-го.

Содержаніе: Ненормальныя отношенія младшихъ священниковъ къ старшимъ въ сельскихъ двухклирныхъ и многоклирныхъ приходахъ и вредныя послѣдствія этихъ отношеній.—Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви.—Письма священника къ дочери.—Полезныя свѣдѣнія.

Ненормальныя отношенія младшихъ священниковъ къ старшимъ въ сельскихъ двухклирныхъ и многоклирныхъ приходахъ и вредныя послѣдствія этихъ отношеній.

Съ отмѣною раздѣленія священниковъ на настоятелей и помощниковъ настоятелей, въ церквахъ двухклирныхъ и многоклирныхъ возникли и сложились ненормальныя отношенія младшихъ священниковъ къ старшимъ. Въ двухклирныхъ и трехклирныхъ приходахъ младшіе священники ставятъ себя по отношенію къ старшему такъ, какъ будто бы они состояли на службѣ въ отдѣльномъ одноклирномъ приходѣ. Совершенно не признавая никакой зависимости своей отъ старшаго священника, они и богослуженіе совершаютъ по своему усмотрѣнію, и время богослуженій въ свои „чреды“, хотя бы въ

извѣстный праздникъ служба была „соборнѣ“, назначаютъ по своему хотѣнію безъ всякаго сношенія со старшимъ священникомъ. Они и псаломщиковъ своихъ отчуждаютъ отъ повиновенія старшему священнику безъ уважительныхъ причинъ, и кружку братскихъ доходовъ заводятъ свою и по своему соображенію. Они и записи метрическія, исповѣдныя и обыскныя, выдачу требуемыхъ документовъ и т. п., производятъ—какъ хотятъ... Они и отлучки отъ церкви дѣлаютъ безъ сношенія съ старшимъ священникомъ. Словомъ въ двухклирныхъ приходахъ младшіе священники во всемъ поступаютъ безъ всякаго сношенія съ старшимъ священникомъ, безъ вѣдома и согласія его.

Что же выходитъ изъ таковыхъ отношеній младшихъ священниковъ къ старшимъ? Богослуженіе въ великіе и храмовые праздники должно бы совершаться „соборнѣ“ въ опредѣленные, по распоряженію старшаго священника, часы, хотя бы эти праздники и случились въ „недѣлю“—въ чреду младшихъ священниковъ. Но младшіе священники въ великіе и храмовые праздники, случающіеся въ ихъ чреду, назначаютъ для богослуженія часы по своему произволу—или очень ранніе, или слишкомъ поздніе, и нерѣдко приказываютъ своимъ псаломщикамъ благовѣстить къ литургіи въ то время, когда старшій священникъ до обычнаго часа литургіи управляется съ приходскою требою. Вѣроятно они такъ дѣлаютъ потому, чтобы избавиться отъ сослуженія съ старшимъ священникомъ, всегда первенствующимъ при служеніи. Прихожане, не зная опредѣленныхъ часовъ для службъ въ великіе праздники, или опаздываютъ приходомъ на богослуженіе, или до начала службы расходятся по домамъ. На внушенія старшаго священника, псаломщикъ младшаго священника хмурится, а за глаза взываютъ: „умничай на своей недѣлѣ, и надъ своимъ псаломщикомъ, а эта недѣля не твоя!“—Прихожане, не поспѣвшіе на литургію или не дождавшіеся ея,

возмущаются и безъ разбора ругаютъ „поповъ“ и съ негодованіемъ уходятъ. Въ высокоторжественные и царскіе дни, случающіеся въ „недѣлю“ младшаго священника, старшій священникъ, по обычаю, облачается къ совершенію молебствія и занимаетъ свое мѣсто, поджидая своего сослужителя; но сей подъ благовидными предлогами уклоняется отъ сослуженія, а въ душѣ огорчается, что старшій священникъ „суется не въ свое дѣло“. Церковныя облаченія употребляются младшими священниками не примѣнительно къ степени торжественной того или другаго богослуженія, а какъ заблагоразсудится младшимъ священникамъ: праздничныя облаченія нерѣдко надѣваются младшими священниками и въ будніе дни. Въ дѣлѣ братской доходности младшіе священники слѣдуютъ не установившемуся порядку въ приходѣ, отъ чего— проскомидія, молебны, заказныя литургіи, приношеніе просфоръ, поминовенія и т. п., съ возмущеніемъ совѣсти прихожанъ, невольно сокращаются... Относительно церковнаго письмоводства нѣтъ порядка и правды. Метрическія книги, клировыя вѣдомости, исповѣдныя росписи, приходо-расходныя книги ведутся несвоевременно, поспѣшно и даже не безошибочно. Старшій священникъ, видя все это, дѣлаетъ попытки къ водворенію порядка и правды, ему жестоко отвѣчаютъ: „сами понимаемъ дѣло не хуже тебя, не твое дѣло указывать; знай себя и себѣ указывай“ и т. п. Нѣтъ порядка и по церковному хозяйству. Въ храмѣ и въ алтарѣ нечистота и сырость; библіотечные и ризничные шкафы не провѣтриваются; отсюда—гніеніе документовъ и книгъ богослужебныхъ, порча ризницы и т. п. Словомъ ненормальныя отношенія младшихъ священниковъ къ старшимъ въ приходахъ двухклирныхъ и многоклирныхъ сопровождаются многими печальными послѣдствіями: между членами причтовъ нѣтъ мира и согласія, и въ служебной дѣятельности ихъ царитъ произволъ и неисправность; въ прихожанахъ возникаетъ охлажде-

ніе къ церкви и ея служителямъ; церковная и братская доходность уменьшается, хозяйство церковное приходитъ въ разстройство.

Посему, если уже прежняя „инструкція „настоятелямъ“ двухклирныхъ и многоклирныхъ церквей“ утратила свое значеніе и силу, то необходимо бы поскорѣе выдать въ руководство причтамъ другую „инструкцію“, доколѣ наше „царство“ причтовое, „раздѣлившееся на ся“, окончательно не „запустѣло“.

Сельскій священникъ двухклирнаго прихода.

Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви [1]).

5) *Гармоническій элементъ въ церковномъ пѣніи.* Нотныя книги, составляемыя по распоряженію духовной власти для употребленія ихъ церковнымъ клиромъ, все церковное пѣніе излагаютъ унисонно въ одну строку. Въ церковной же пѣвческой практикѣ съ XVII вѣка во всѣхъ церковныхъ роспѣвахъ и старыхъ и новыхъ вводится новый элементъ *гармоническій.* Гармонія въ церковныхъ напѣвахъ имѣетъ двоякое значеніе: съ одной стороны она служитъ замѣною широкаго мелодическаго развитія или же прикрытіемъ бѣдности мелодическаго движенія и украшеній въ напѣвахъ, а съ другой — гармоническимъ толкованіемъ мелодіи. При томъ она или составляется пѣвцами импровизированно и безъ помощи нотной письменности, или же сочиняется опытными композиторами на основаніи теоретическихъ правилъ музыки и предается письмени.

---

[1]) См. № 26-й.

Гармонизація церковныхъ напѣвовъ съ XVII вѣка до нашего времени прошла нѣсколько фазъ своего развитія и имѣетъ нѣсколько видовъ [1]).

Первымъ видомъ гармонизаціи церковныхъ напѣвовъ въ XVII вѣкѣ было *строчное* и особенно *троестрочное* безлинейное пѣніе, извѣстное еще во 2-й половинѣ XVI вѣка [2]). Оно писалось сначала *казанскимъ знаменемъ* въ видѣ партитуры въ нѣсколько строкъ (2, 3, 4) разнаго цвѣта надъ одною строкою текста. Троестрочное пѣніе „единѣмъ гласомъ (тоникою) наченшеся слагалось въ тріехъ степенѣхъ и пятыхъ (изъ терціи и квинты) тѣмъ же и гласовъ имѣло три: низъ, путь, верхъ, свой койждо гласъ имущій и во едино согласующій". Пѣвцы хора различались не по роду своихъ голосовъ, а по строкамъ, и носили названіе: *вершники, нижники, путники,* а при четырехстрочномъ пѣніи еще *демественники.* Хорошій пѣвецъ могъ пѣть по каждой изъ означенныхъ строкъ. Движеніе мелодіи во всѣхъ строкахъ происходило въ одной и той же области звуковъ церковной діатонической гаммы, почему всѣ строки при линейной нотописи имѣли одинъ и тотъ же ключъ—цефаутный. Въ хорѣ слѣдовательно преобладали мужскіе голоса; гармонія была очень тѣсная. Основная мелодія,—обыкновенно знаменнаго роспѣва,—помѣщалась въ срединѣ или внизу (басъ); прочія строки служили ей гармоническимъ сопровожденіемъ. Основаніемъ гармоніи *строчнаго* пѣнія было, по выраженію Шайдурова, Тихона Макарьевскаго и Александра Мезенца, *трі-*

---

[1]) Относящіяся сюда историч. свѣденія заимствованы глав. обр. изъ кни. »Церков. пѣніе въ Россіи«, о. прот. Д. В. Разумовскаго, М., 1867 г., стр. 207—258.

[2]) Такъ о Васильѣ Роговѣ,—впослѣдствіи (1586 г.) Варлаамѣ митр. Ростовскомъ,—извѣстно, что онъ »зѣло пѣти былъ гораздъ знаменному и *троестрочному* и демественному пѣнію былъ роспѣвщикъ и творецъ«.

естествогласіс, т. е. *чистое* или *совершенное* трезвучіе въ разныхъ его положеніяхъ и обращеніяхъ [1]). Троестрочное пѣніе не было совершеннымъ въ гармоническомъ смыслѣ и возбуждало о себѣ различныя мнѣнія современниковъ. Одни называли его *мусикійскимъ* и *красногласнымъ составленіемъ, премудрѣйшимъ и скорѣйшимъ;* по мнѣнію же другихъ оно было *несогласное трегласіе, шумъ и звукъ издающее, и токмо несвѣдущимъ благо мнится, сѣдущимъ же неисправлено быти разумѣется.* Ибо въ немъ, говорили они, *подобольпнаго гласу нѣсть, нѣсть и чину гласовнаго, ничтоже есть въ немъ согласно.* На основаніи этихъ свидѣтельствъ можно заключать, что въ троестрочномъ пѣніи измѣнялась нѣсколько и самая мелодія—сокращалась и заглушалась сопровождающими ее голосами; дѣлались неясными гласовыя примѣты, а наконецъ и самое гармоническое сочетаніе звуковъ было противно чувству слуха, что отчасти и справедливо [2]). Пѣніе это однако продолжало исполняться на клиросахъ Русской Церкви даже въ первую половину XVIII вѣка, но затѣмъ, съ усовершенствованіемъ правилъ гармоніи, оно совершенно и повсюду вышло изъ употребленія.

Съ конца же XVI вѣка въ юго-западной Руси стало извѣстно и болѣе совершенное въ гармоническомъ смыслѣ *фигуральное* пѣніе *по партесамъ* или пѣніе многоголосное линейное. Утвердившись тамъ въ началѣ XVII вѣка дѣятельностію православныхъ юго-западныхъ братьевъ (Луцкаго, Львовскаго, Виленскаго, Могилевскаго, Кіевскаго) оно было однимъ изъ средствъ для противодѣйствія распространенію

---

[1]) Нотные образцы строчнаго пѣнія см. въ кн. »Церк. пѣніе въ Россіи«, о. прот. Разумовскаго, стр. 215—218.

[2]) Въ троестрочныхъ *демественникахъ* встрѣчаются *запрещенные ходы* не только *квинтами* и *октавами*, но даже нерѣдко и *секундами*.

католической уніи, увлекавшей православныхъ *сладкими звуками мусикійскихъ органовъ.* Пѣніе это располагалось на 4, 5, 6 и даже 8 голосовыхъ партій и исполнялось хорами воспитанниковъ братскихъ школъ и любителей пѣнія съ замѣчательнымъ совершенствомъ. По Гербинію въ Кіевѣ (во 2-й половинѣ XVII в.) оно происходило въ храмахъ ежедневно, *съ припѣваніемъ клиру народа, по правиламъ музыкальнаго искусства* и съ раздѣленіемъ поющихъ голосовъ на *дискантовъ, альтовъ, теноровъ* и *басовъ* [1]).

Въ Сѣверной Россіи партесное пѣніе введено первоначально въ Новгородѣ *прилежаніемъ* Новгородскаго архіепископа—въ послѣдствіи патріарха всероссійскаго—Никона какъ *пѣніе одушевленное паче органа бездушнаго,* а затѣмъ и въ Москвѣ содѣйствіемъ царя Алексѣя Михаиловича, и исполнялось первоначально избранными пѣвчими, вызываемыми изъ Кіева, *по партесамъ* южно-русскихъ *мастеровъ и творцовъ пѣнія.* Но вскорѣ оно прочно усвоено великоруссами, такъ что въ послѣдней четверти XVII вѣка Москва имѣла уже собственныхъ знатоковъ и композиторовъ партеснаго пѣнія. Таковы: діаконъ *І. Кореневъ,* написавшій *мусикію,* дополненную Дилецкимъ въ 1681 г., Вас. Титовъ, положившій на голоса стихотворную *псалтирь* Симеона Полоцкаго, іеромонахъ *Тихонъ Макарьевскій,* написавшій *ключъ* или правила для *мусикійскаго* пѣнія, особенно же кіевлянинъ Н. П. Дилецкій, ученикъ Замаревича, составившій *мусикійскую грамматику* и нѣкоторыя другія сочиненія по теоріи музыки.

Первые переводы стараго знаменнаго роспѣва на линейныя ноты, а равно и первые опыты гармоніи великорусскихъ творцовъ не могли быть удачными. Одни изъ перелагателей недостаточно знали крюковое пѣніе, другіе же—правила гар-

---

[1]) Тамъ же, стр. 208—209.

моніи [1]). Собственно *партесное* пѣніе великорусскихъ композиторовъ утвердилось въ Русской Церкви въ первой четверти XVIII вѣка. До половины XVIII вѣка оно, подобно *строчному* пѣнію, имѣетъ видъ *гармоническихъ переложеній* преимущественно мелодій знаменнаго роспѣва безъ музыкальнаго ритма и такта. Но оно назначено для исполненія правильно сформированными *смѣшанными* хорами, имѣетъ, сравнительно съ *строчнымъ* пѣніемъ, большую правильность гармоніи и по мѣстамъ допускаетъ для гармоническихъ выводовъ нѣкоторыя измѣненія, какъ въ діатонической церковной гаммѣ, такъ и въ мелодическомъ движеніи церковныхъ напѣвовъ. Такъ кромѣ верхняго *си* въ немъ встрѣчается *ми*♭ а также *фа*♯ предъ окончаніемъ періода въ *соль* и *до*♯ предъ окончаніемъ въ *ре* [2]). Церковная мелодія отдавалась одному изъ среднихъ голосовъ въ хорѣ—альту или тенору (а не басу); почти всѣ звуки мелодіи считались *постоянными непереходными* звуками и имѣли каждый свою особую гармонію. Партитура имѣла три ключа: дискантовый, два альтовыхъ (для альта и тенора) и басовый. Мѣсто тенора иногда заступаетъ 2-й альтъ, а мѣсто баса—теноръ. Церковная мелодія, по наблюденію о. прот. Д. В. Разумовскаго, кромѣ исполняющаго ее голоса изрѣдка повторялась или въ первой верхней партіи въ сикстахъ или во второй партіи въ терціяхъ. Прочіе голоса составляли гармоническое ея сопровожденіе. Четвертый голосъ,—басъ или теноръ,—имѣлъ весьма игривые ходы,

---

[1]) Такъ А. Мезенецъ въ своей »Азбукѣ«, упомянувъ о томъ, что въ его время »нѣціи, кромѣ ученія уповающе на свое суемніе... мнили старо-славяно-россійское въ тайногласовномъ знамени преводити въ органогласовное гласонотное пѣніе и исправляти добрѣ«, продолжаетъ: »вѣмъ поистиннѣ, еже безъ науки превести и исправити никакоже возможно«. См. »Прав. Собес.« 1887 г., статью г. Ст. Смоленскаго, стр. 249—250.

[2]) Образцы этого вида переложеній см. въ кн. «Церк. пѣніе въ Россіи«, о. прот. Разумовскаго, стр. 221.

что называлось експеллентованіемъ (excellenter canere) и подавало поводъ къ сцѣпленію несродныхъ аккордовъ.

Первыя партесныя *переложенія,* сверхъ измѣненій въ церковной гаммѣ, а слѣдоват. и въ мелодіи, имѣли не мало несовершенствъ и въ самой гармоніи. Діатоническая мелодія церковнаго пѣнія весьма часто сопровождалась ходами *хроматическими,* чѣмъ нарушалось *чистое трезвучіе,* столь свойственное діатонической гаммѣ и важной простотѣ церковныхъ мелодій. Въ гармоніи нерѣдко встрѣчаются *ходы запрещенные,* октавы и квинты. Басъ, при своей игривости, мало былъ слышенъ и не оставлялъ впечатлѣнія *основнаго баса.* Главная мелодія, идущая въ третьемъ голосѣ, часто *заслонялась сильными и высокими звуками верхняго голоса,* а потому для ясности мелодіи партія третьяго голоса при исполненіи усиливалась наибольшимъ количествомъ пѣвцовъ [1]).

Этимъ гармоническимъ способомъ въ первой половинѣ XVIII вѣка переложены были единственно трудами государевыхъ пѣвчихъ [2]) почти всѣ церковныя мелодіи, и въ этомъ видѣ употреблялись, какъ въ школахъ, такъ и въ храмахъ—въ Петербургѣ до переворота въ церковномъ пѣніи, произведеннаго во второй половинѣ XVIII вѣка иностранными капельмейстерами, а въ Москвѣ—почти до конца XVIII вѣка.

Первыя переложенія и композиціи имѣли всегда преобладающимъ мелодическій элементъ, т. е. заключали въ себѣ отъ начала до конца опредѣленный напѣвъ обыкновенно знаменнаго роспѣва. Напѣвъ этотъ могъ быть исполняемъ и однимъ пѣвцовъ, могъ быть приложимъ не къ одному, а къ разнымъ пѣснопѣніямъ, могъ усвояться слушателями устно,

---

[1]) Все это подробнѣе изложено въ кн. »Церковное пѣніе«, прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 220.

[2]) Къ такимъ трудамъ располагало государевыхъ пѣвчихъ участіе въ пѣніи самаго Государя Петра I, который исполнялъ самую трудную по виртуозности партію—басовую. Тамъ же.

исполняться ими въ храмѣ совмѣстно съ хоромъ и переноситься въ ихъ домашній бытъ. Переложенія довольно точно удерживали древнія мелодіи и церковный гласъ пѣснопѣній и не имѣли *симметричнаго ритма* и *такта.* Партесное пѣніе этого времени основано на теоріи, занесенной съ юго-запада Россіи—изъ польскихъ предѣловъ, но всетаки, по отзывамъ изслѣдователей [1]), составляетъ „одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ и весьма обширныхъ образцовъ чисто русскаго контрапункта. Соединяя свойства знаменнаго роспѣва съ ексцеллентованіемъ, русскіе пѣвцы разработали голосоведеніе во всѣхъ мелодическихъ оборотахъ, свойственныхъ русскому уху и чувству... Русскіе пѣвцы этого времени, хотя и „искусніи“ еще не были иноземцами въ музыкѣ и потому вложили въ свои гармонизаціи всю силу подлинно русскаго чувства и виртуозности“.

За первымъ періодомъ мелодико-гармоническаго церковнаго пѣнія въ Россіи слѣдуетъ со второй половины XVIII вѣка періодъ *концертнаго пѣнія,* отличающійся композиціями западнаго и при томъ свѣтскаго характера и преобладаніемъ гармоническихъ элементовъ въ пѣніи. Въ теченіи его древнія церковныя мелодіи совершенно оставлены знатоками партеснаго пѣнія и сохранялись только въ унисонныхъ Сунодальныхъ изданіяхъ 1772 г. и частію въ церковно-пѣвческой практикѣ простыхъ клиросныхъ пѣвцовъ, но и здѣсь,—особенно въ *обычномъ* пѣніи и *сокращенномъ Обиходѣ,*—онѣ часто не выдерживаютъ въ точности своего древняго вида и характера [2]).

---

[1]) Г. Ст. Смоленскаго, изслѣдовавшаго церковное пѣніе этой эпохи по нотнымъ рукописямъ Соловецкой библіотеки. »Прав. Соб.«, февраль, стр. 245—246.

[2]) О концертномъ пѣніи подробно см. въ кн. »Церк. пѣніе въ Россіи«, о. прот. Разумовскаго, вып. 2, стр. 224—231.

Съ начала XIX вѣка наступаетъ третій періодъ гармоническаго церковнаго пѣнія въ Россіи, совмѣщающій древнія церковныя мелодіи съ чисто европейскою гармонизаціею или періодъ *равновѣсія* мелодіи церковныхъ напѣвовъ съ гармоническими элементами. Это періодъ дѣятельности Бортнянскаго, Турчанинова и затѣмъ придворной пѣвческой капеллы. Въ составленіи переложеній въ это время были два направленія: это во первыхъ *преобразованіе* церковной мелодіи въ переложеніяхъ. Въ преобразованномъ видѣ церковная мелодія удерживала только существенныя поты, упрощалась, принимала *гармоническій видъ* и *симметрическій ритмъ* и *тактъ*, а потому не имѣла буквальнаго сходства съ мелодіей печатныхъ нотныхъ книгъ 1772 г., а была своеобразна. Представителемъ этого направленія былъ самъ Бортнянскій—директоръ придворной пѣвческой капеллы,—сдѣлавшій нѣсколько переложеній съ кіевскаго, знаменнаго, греческаго, болгарскаго и герасимовскаго роспѣвовъ. Въ этомъ же направленіи составленъ *придворный напѣвъ* и многія *переложенія* придворной пѣвческой капеллы [1]). Гармонія Бортнянскаго по чистотѣ, музыкальной правильности и выразительности считается образцовою, а церковныя его композиціи (концерты и другія пѣснопѣнія) относятся къ трудамъ классическимъ; но его переложенія церковныхъ мелодій не выдерживаютъ въ точности древняго характера и на клиросахъ Православной Русской Церкви мало употребительны.

Другое направленіе имѣло цѣлью въ гармоническихъ переложеніяхъ *по возможности* сохранить церковныя мелодіи неприкосновенными. Представителемъ его былъ прот. Турчаниновъ. Особенности его переложеній состояли въ слѣдующемъ: а) церковная мелодія исполнялась однимъ голосомъ хора (*обыкновенно альтомъ*) и повторялась параллельно тер-

[1]) Подробности см. тамъ же, отр. 246 и дал.

діею выше другимъ голосомъ (обыкновенно *дискантомъ*), вслѣдствіе чего становилась очень ясною для слушателя; б) въ переложеніяхъ ритмъ и тактъ симметрическій, но иногда и въ одномъ и томъ же пѣснопѣніи не вездѣ одинаковъ. Въ видахъ болѣе точнаго сохраненія церковной мелодіи тактъ въ $^4/_4$ иногда смѣняется тактомъ въ $^6/_4$; в) гармонія, а нерѣдко и голосоведеніе отличается *широкимъ регистромъ*. Въ то время какъ *альтъ* и *дискантъ* находятся въ предѣлахъ своихъ высокихъ степеней (*соль* и *ми*♭) басъ отстоитъ отъ нихъ на двѣ съ половиною октавы внизъ (*си*♭), какъ наприм. въ задостойникѣ на св. Пятидесятницу въ словахъ: *матеродѣвственная славо* и проч.; г) допускается *разнообразіе голосовъ*, исполняющихъ церковную мелодію и повторяющихъ ее, нерѣдко въ продолженіи одного и того же пѣснопѣнія. Церковная мелодія преимущественно отдается второму голосу (альту), а иногда почти вся находится въ *басѣ*. Въ первомъ случаѣ она повторяется *дискантомъ*, а иногда *басомъ*, во второмъ—то *въ альтѣ*, то *въ тенорѣ*, то *въ дискантѣ*.

Переложенія Турчанинова пользовались особеннымъ уваженіемъ современниковъ, всѣ разрѣшены Святѣйшимъ Сунодомъ для употребленія въ храмѣ при богослуженіи [1]), а многія изъ нихъ и донынѣ употребляются на клиросахъ Русской Церкви, какъ не замѣнимыя другими [2]).

По отзыву А. Ѳ. Львова, перложенія церковныхъ мелодій, примѣненныхъ къ прозаической рѣчи, въ гармоническія съ музыкальнымъ ритмомъ и тактомъ, доставляя много затрудненій перелагателямъ, достигали ничтожныхъ результатовъ,—„выходило пѣніе удовлетворяющее привычнымъ законамъ музыкальнаго ритма, но пѣніе отрѣшалось отъ молитвы, и тѣсная связь между словомъ и пѣніемъ разрушалась. Сочи-

[1]) Указъ Св. Сунода 18 мая 1831 г.

[2]) Напримѣръ задостойники и »Тебе одѣющагося«.

нители для выполненія музыкальныхъ условій принуждены бывали прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ, допускали излишнее повтореніе словъ, неумѣстное протяженіе ихъ, а что хуже всего, неодновременное произношеніе ихъ пѣвчими, отъ чего рѣчь затемнялась, терялась не только сила, но исчезалъ нерѣдко и самый смыслъ ея, и молящійся лишался возможности выразумѣть, какія слова поются. Такимъ образомъ заблуждались тѣ, которые думали привести древніе напѣвы нашей Церкви въ единообразный тактъ, и трудъ ихъ могъ способствовать развѣ къ умаленію красоты и рѣчи и напѣва“ [1]). Подобный же сему отзывъ далъ высокопреосвященнѣйшій Филаретъ митрополитъ Московскій и о придворномъ напѣвѣ. „Придворное пѣніе, пишетъ онъ, имѣетъ свое признанное достоинство и свою славу. Однако любящій и знающій древнее церковное пѣніе можетъ сказать, что нѣкоторыя части придворнаго пѣнія сохранили близость къ духу и характеру древняго церковнаго пѣнія, а нѣкоторыя отъ прелагателей потерпѣли измѣненіе не къ лучшему“ [2]). „Придворный напѣвъ, по выраженію о. прот. Д. В. Разумовскаго, утратилъ въ себѣ древнее различіе церковныхъ гласовъ и не содержитъ осмогласія въ полной силѣ“ [3]).

Во второй четверти текущаго столѣтія и въ церковномъ законодательствѣ (Указы Св. Синода) и въ трудахъ прелагателей церковныхъ напѣвовъ замѣтно стремленіе къ охраненію и возстановленію церковныхъ мелодій въ болѣе или менѣе точномъ ихъ древнемъ видѣ и къ уменьшенію значенія въ церковномъ пѣніи западной музыки. Еще въ 1836 году

---

[1]) Подробности см. въ кн. »Церк. пѣніе въ Россіи«, прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 236 и далѣе.

[2]) Записка представленная Его Имп. Высоч. Вел. Кн. Константину Николаевичу 23 января 1866 г. Тамъ же, стр. 249.

[3]) Церк. пѣніе въ Россіи«, стр. 249. См. также письма м. Филарета изд. въ ж. »Душеполезное чтеніе« за 1886—7 г.

Государь Императоръ, поручая своихъ пѣвчихъ *М. Н. Глинкѣ* выразилъ желаніе, *чтобы они не были итальянцами.* Но Глинка, при всемъ желаніи своемъ, не могъ исполнить въ точности волю Государя [1]). Въ этотъ же періодъ времени послѣдовало неоднократное подтвержденіе Указа 1816 г. [2]), равно какъ и другія распоряженія, клонящіяся къ огражденію церковнаго пѣнія отъ произведеній не соотвѣтствующихъ духу и характеру православнаго богослуженія. Сюда относятся: подтвержденіе авторитета Синодальныхъ изданій 1772 г. какъ основныхъ изданій церковнаго русскаго пѣнія; распоряженіе объ употребленіи при богослужебномъ пѣніи только печатныхъ нотъ и воспрещеніе пѣть въ церкви по рукописнымъ нотнымъ тетрадямъ; дозволеніе печатать партесныя произведенія извѣстныхъ сочинителей только съ одобренія директора придворной пѣвческой капеллы (Указы Св. Синода: 4 сент. 1846 г., 26 мая 1850 г., 20 авг. 1852 г,, 21 сент. 1852 г., 12 сент. 1869 г.); порученіе обучать хоры только лицамъ получившимъ аттестаты отъ придворной капеллы (Ук. 30 іюня 1849 и 26 мая 1850 г.); недопущеніе пѣнія концертовъ на литургіи вмѣсто причастнаго стиха (Ук. 19 апр. 1850 г.); дозволеніе въ древнихъ монастыряхъ и церквахъ въ присутствіи Высочайшихъ Особъ пѣть искони ведущіеся тамъ особые древніе напѣвы (Ук. 23 іюня 1853 г.; 4 янв. 1836 г.; 31 мая 1833 г.); собраніе изъ всѣхъ епархій въ капеллу партитурныхъ копій съ ненапечатанныхъ переложе-

---

[1]) Глинка подъ конецъ своей жизни (съ 1853 г.), въ Россіи и за границей изучалъ гармонизаціи Палестрины и Орландо-ди-Лассо, а равно и западныя изслѣдованія *о церковныхъ родахъ тоновъ* съ цѣлью приложить свои познанія къ преобразованію гармонизаціи древнихъ роспѣвовъ Русской Церкви, но среди этихъ занятій умеръ въ 1857 г. »Церк. пѣніе въ Россіи«, стр. 240—246.

[2]) Указъ этотъ помѣщенъ въ XXXIII т. Полн. собр. законовъ, ст. 498, § 26, 143.

ній простаго напѣва стихиръ, ирмосовъ, антифоновъ и богородичныхъ и проч. (Ук. 10 дек. 1846 г.).

Сама капелла предположила въ своихъ переложеніяхъ: а) сохранить мелодію церковнаго пѣнія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она изложена въ нотныхъ книгахъ, издаваемыхъ по благословенію Св. Сунода; б) положить ее на четыре голоса, и при этомъ слѣдовать свободному, не симметричному ритму. Эта послѣдняя мысль тщательно обработана А. Ѳ. Львовымъ въ его сочиненіи „О свободномъ, или не симметричномъ, ритмѣ“ [1]). По Высочайшему повелѣнію (1846—1848 г.) капеллою изданы въ переложеніи на четыре голоса:

1) *Октоихъ* нотнаго пѣнія, *знаменнаго роспѣва,* по содержанію своему сходный съ нотнымъ Октоихомъ Сунодальнаго изданія; 2) *Обиходъ нотнаго церковнаго пѣнія,* имѣвшій потомъ болѣе 12 изданій, въ 2-хъ частяхъ; 3) *Сокращенный Ирмологій знаменнаго роспѣва,* заключающій въ себѣ воскресные ирмосы всѣхъ восьми гласовъ и ирмосы двунадесяти Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ; 4) *Ирмосы воскресные,* Господскимъ, Богородичнымъ и инымъ нарочитымъ праздникамъ, *греческаго роспѣва* [2]); 5) *Ирмосы* всея великія Четыредесятницы и Страстныя седмицы, *сокращеннаго греческаго роспѣва;* 6) *Воскресные утренніе антифоны, греческаго роспѣва;* 7) *Утреня, греческаго напѣва,* заключающая въ себѣ также пѣснопѣнія великой вечерни и великаго повечерія и сверхъ греческаго роспѣва еще роспѣвы знаменный и кіевскій [3]).

Въ 1848 г. признано необходимымъ таковыя переложенія прежде ихъ изданія подвергать испытанію чрезъ свѣду-

---

[1]) »Церк. пѣніе въ Россіи«, прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 250.

[2]) Въ ирмосахъ этихъ гласы 5, 6 и 7-й *сокращеннаго знаменнаго*, а не греческаго роспѣва.

[3]) »Церков. пѣніе въ Россіи«, прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 251.

щія духовныя лица подъ непосредственнымъ наблюденіемъ епархіальныхъ архіереевъ, преимущественно въ епархіяхъ, гдѣ церковное пѣніе *по лучшему преданію древности* сохраняется въ употребленіи, и гдѣ можно прислушаться къ голосу единовѣрцевъ и чтителей безлинейнаго пѣнія. Для сего въ разныхъ епархіяхъ составлены были временные комитеты, которымъ вмѣнялось въ обязанность, выслушавъ исполненіе древняго церковнаго и новопреложеннаго пѣнія, опредѣлить—сохраненъ ли въ переложеніи характеръ древняго пѣнія, и соотвѣтствуетъ ли—новопреложенное своему назначенію. Московскій комитетъ, разсмотрѣвъ вышеисчисленныя переложенія капеллы, одни изъ нихъ призналъ заслуживающими вниманія по своей близости къ древнимъ напѣвамъ, изложеннымъ въ Сунодальныхъ изданіяхъ 1772 г., а другія нѣтъ [1]). Такимъ образомъ капелла не выполнила въ точности предположенной ею задачи.

Постепенно крѣпнувшая мысль о сохраненіи цѣлости, единства и древности церковныхъ напѣвовъ, какъ въ ихъ унисонномъ изложеніи, такъ и въ гармоническихъ переложеніяхъ наконецъ во второй половинѣ XIX вѣка начинаетъ осуществляться, что и составляетъ начало *четвертаго періода* исторіи церковнаго пѣнія со времени его преобразованія въ XVII вѣкѣ. Извѣстнѣйшія изъ новыхъ узаконеній, учрежденій и трудовъ по церковному пѣнію суть слѣдующія:

1) Учрежденіе въ Московской консерваторіи каѳедры исторіи церковнаго русскаго пѣнія; преобразованіе московскаго сунодальнаго хора и при немъ училища церковнаго пѣнія; реформа и новая программа церковнаго пѣнія; какъ обязательнаго учебнаго предмета, въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, а также введеніе церковнаго пѣнія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ народныхъ шко-

[1]) Тамъ же, стр. 252.

лахъ [1]); открытіе въ нѣкоторыхъ епархіяхъ спеціальныхъ школъ для приготовленія причетниковъ.

2) Заботы духовнаго правительства о возстановленіи древнихъ мелодій въ ихъ древнемъ по возможности точномъ видѣ, объ исправленіи и распространеніи печатныхъ нотныхъ книгъ. Есть предположеніе о новомъ пересмотрѣ и исправленіи всего круга древняго церковно-богослужебнаго пѣнія, печатаемаго квадратною нотою съ 1772 г. [2]).

3) Приведеніе въ извѣстность и упорядоченіе разными учрежденіями, обществами и частными лицами общеупотребительныхъ церковныхъ напѣвовъ и мѣстныхъ, сохранявшихся прежде устно въ церковно-пѣвческой практикѣ [3]).

4) Археологическія изысканія и изслѣдованія о древнемъ русскомъ церковномъ пѣніи. Къ трудамъ этимъ принадлежатъ: статьи въ изданіяхъ разныхъ историческихъ и археологическихъ обществъ и частію отдѣльныя изданія (наприм. Кругъ церк. древняго знаменнаго пѣнія, изд. Общ. Лѣб. Древ. письм. 1884 г.); изслѣдованія о. прот. Д. В. Разумовскаго, Н. М. Потулова и другихъ.

5) Изложеніе исторіи церковнаго пѣнія и его техники профессоромъ консерваторіи при московскомъ музыкальномъ обществѣ прот. Д. В. Разумовскимъ, подъ заглавіемъ „Церковное пѣніе въ Россіи“, Москва, 1867 г. и въ другихъ сочиненіяхъ. Трудъ этотъ представляетъ собою первый но ка-

---

[1]) 18 марта 1866 г. для составленія учебника церковнаго пѣнія для народныхъ школъ и необходимыхъ переложеній изъ «Обиходовъ, Октоиха, Ирмологія и Праздниковъ» учрежденъ особый спеціальный комитетъ.

[2]) »Церков. Вѣстникъ«, за 1887 г., № 41.

[3]) Таковы, наприм. изданія: простаго придворнаго напѣва, подъ смотрѣніемъ Львова и Бахметева; напѣва Московской епархіи изд.— обществомъ любителей ц. пѣнія, Владимірской епархіи—діакономъ Соколовымъ, южно-русскихъ епархій г. Абламскимъ и др.

питальный опытъ по полнотѣ, серьезности и добросовѣстности изслѣдованія предмета.

6) Уясненіе теоріи древнихъ роспѣвовъ, основанной на законахъ византійскаго церковнаго осмогласія и ихъ гармоническихъ свойствъ. Сюда относятся главнымъ образомъ труды г. Ю. Арнольда, а также проф. Чайковскаго, Н. Камынна и др.

7) Опыты гармоническихъ переложеній древнихъ роспѣвовъ *въ чистомъ трезвучіи* церковной діатонической гаммы. Сюда принадлежатъ труды Н. М. Потулова въ „Сборникѣ церковныхъ пѣснопѣній", съ 1876 года имѣющемъ по настоящее время четыре выпуска.

О музыкальныхъ переложеніяхъ Потулова есть не мало самыхъ лестныхъ отзывовъ [1]). По отзыву о. протоіерея Д. В. Разумовскаго: „Подобное положеніе церковной мелодіи на голоса, въ смыслѣ церковнаго пѣнія, чрезвычайно возвышенно", сродно музыкальному уху и вкусу русскаго народа „который, въ большинствѣ случаевъ, доселѣ знаетъ и употребляетъ единственно діатоническую гамму". „Далѣе церковная мелодія, въ переложеніяхъ Потулова остается неизмѣнною и весьма ясною. Она не связана музыкальнымъ ритмомъ и тактомъ, и слѣдовательно отрѣшена отъ узъ новѣйшей музыки, вращается въ предѣлахъ свободнаго, словеснаго ритма, и потому въ церковномъ смыслѣ назидательна, поучительна. Наконецъ строгій характеръ въ ходѣ сопровождающихъ голосовъ, при благоговѣйномъ и точномъ исполненіи опытными пѣвцами, можетъ производить самое сильное впечатлѣніе на душу всякаго, молитвенно предстоящаго въ храмѣ" [2]).

---

[1]) См. наприм. статью, приложенную въ началѣ 1 выпуска »Сборника ц. пѣснопѣній« Н. Потулова, а также брошюра С. П. Мирополь-скаго »Церковное пѣніе и музыкально-педагогическая его литература«, стр. 27—29.

[2]) »Церк. пѣніе въ Россіи«, стр. 257.

Вотъ краткій очеркъ преобразованія русскаго церковнаго пѣнія въ XVII вѣкѣ и его результатовъ въ послѣдующее затѣмъ время до нашихъ дней. Не находимъ умѣстнымъ подробно доказывать необходимость этихъ преобразованій, законность происхожденія упомянутыхъ нами новопринятыхъ роспѣвовъ *(греческаго, кіевскаго* и *болгарскаго)* и нужду ихъ употребленія въ современной намъ церковно-пѣвческой практикѣ, хотя все это подвергается сомнѣнію и опроверженіямъ со стороны приверженцевъ мнимой старины. Роспѣвы эти имѣютъ для себя оправданіе въ обстоятельствахъ времени, въ которое они приняты, и въ болѣе чѣмъ двухсотлѣтнемъ своемъ употребленіи на клиросахъ Русской Церкви. Повторимъ кратко: соединеніе означенныхъ роспѣвовъ должно было служить памятникомъ возстановленнаго братскаго общенія между православными греко-славянскими церквами въ эпоху опасности ихъ разъединенія католическою уніею, особенно между церквами: великорусскою, греческою, южно-русскою и церквами придунайскихъ славянъ. Затѣмъ оно вело къ разнообразію церковнаго пѣнія и такимъ образомъ было весьма важнымъ средствомъ къ оживленію его и предупрежденію утомленія молящихся. Сверхъ того оно устраняло многіе вопіющіе недостатки въ церковномъ пѣніи предшествующаго времени, не разъ подвергавшіеся обличеніямъ. Наконецъ оно отвѣчало новымъ вкусамъ и потребностямъ клира и народа— потребностямъ упрощенія и гармонизаціи мелодическихъ напѣвовъ, легкости ихъ изученія и исполненія. Но въ виду разнопоженія нынѣ названій церковныхъ напѣвовъ, сравнительно поздняго происхожденія однихъ изъ нихъ и устной передачи другихъ, а равно и въ виду нѣкоторыхъ ихъ свойствъ, возбуждающихъ сомнѣнія относительно ихъ правильности, исправности и цѣлесообразности, естественно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли упомянутые нами осмогласные роспѣвы, послужившіе имъ основаніемъ, имѣютъ въ

своемъ построеніи существенную связь съ древнимъ церковнымъ пѣніемъ, сохраняютъ ли въ своемъ мелодическомъ движеніи характеръ древнихъ церковныхъ напѣвовъ и наконецъ по своимъ свойствамъ соотвѣтствуютъ ли всѣмъ требованіямъ церковнаго пѣнія, выраженнымъ древними его учредителями и долженствующимъ сохраняться въ практикѣ Православной Церкви? Вообще можемъ ли мы быть увѣрены, что утвердившіеся во 2-й половинѣ XVII в. въ Русской Церкви напѣвы съ ихъ послѣдующими развѣтленіями не отступаютъ отъ *основаній* и *характера* церковнаго пѣнія, принятыхъ древнею Церковію и завѣщанныхъ намъ ею и что въ современной намъ клиросной практикѣ приличны и цѣлесообразны?— Для рѣшенія этихъ вопросовъ, равно какъ для уясненія свойствъ самыхъ роспѣвовъ и отличенія въ нихъ основныхъ началъ и мелодій отъ привошедшихъ въ нихъ въ послѣдствіи постороннихъ примѣсей и даже искаженій, естественно употребить въ примѣненіи къ нимъ тотъ же способъ изслѣдованія, какой употребленъ нами въ примѣненіи къ *большому знаменному роспѣву*, т. е. расчленивъ и сопоставивъ взаимно ихъ гласовыя мелодіи, изслѣдовать: 1) ихъ музывальныя основанія, 2) техническое построеніе ихъ мелодическихъ строкъ, 3) свойства мелодическаго движенія и 4) связь ихъ мелодій съ текстомъ богослужебныхъ пѣснопѣній или свойства ритмическія. Эти стороны означенныхъ роспѣвовъ въ мелодическомъ ихъ видѣ и составятъ предметъ дальнѣйшаго о нихъ изслѣдованія.

Письма священника къ дочери[1]).

Письмо четырнадцатое.

Итакъ, дочь моя, ты готовишь маленькій сюрпризъ для вашихъ школьниковъ и школьницъ: ты хочешь положить основаніе дѣтской библіотекѣ при школѣ, которая давала бы имъ душеполезное и назидательное чтеніе. Дѣло доброе. При томъ невысокомъ уровнѣ нравственныхъ и религіозныхъ понятій, который мы видимъ у нашихъ крестьянъ, развивать ихъ полезнымъ и назидательнымъ чтеніемъ будетъ весьма цѣлесообразно. Конечно, школьники будутъ читать книжки не въ школѣ только, ихъ слѣдуетъ давать имъ и на домъ, въ особенности въ дни предпраздничные, имѣя въ виду двоякую пользу. Во первыхъ, дать возможность пользоваться книжками самымъ дѣтямъ, а во вторыхъ, и тѣмъ изъ ихъ домашнихъ, которые захотятъ ими поинтересоваться. А таковые, безъ сомнѣнія, найдутся въ праздничное досужее время и между женщинами и между мужчинами. Такимъ образомъ, доброе вліяніе доброй книжки будетъ распространяться отъ дѣтей на взрослыхъ и пожилыхъ. А вѣдь, небольшую библіотеку дѣйствительно не трудно собрать при каждой школѣ, что показываетъ твой теперешній опытъ. У всякаго священника непремѣнно найдется нѣсколько лишнихъ книжекъ, которыми онъ можетъ пожертвовать безъ большаго для себя ущерба, какъ пашлись онѣ у васъ. За тѣмъ, между сосѣдними помѣщиками встрѣтятся такіе, что готовы будутъ принести свою лепту на это доброе дѣло, только бы было кому довести о немъ до ихъ свѣдѣнія и похлопотать. У помѣщиковъ тоже бываютъ лишнія книжки и у дѣтей ихъ, для нихъ самихъ уже, быть можетъ, потерявшія свой интересъ. А нѣко-

[1]) См. № 27-й.

торые изъ нихъ, какъ и твоя старушка-помѣщица, имѣютъ связи въ Петербургѣ и знакомства съ различными обществами распространенія грамотности, каковы, напр., „Библейское общество“ или „Общество Соляного городка“, которые, конечно, не откажутъ имъ въ маленькихъ услугахъ и пожертвованіяхъ своими изданіями въ пользу покровительствуемыхъ имъ школъ. Наконецъ, есть и еще одинъ способъ добыть книжки для крестьянскихъ дѣтей—это похлопотать о нихъ въ земствѣ. Я знаю случаи, когда земство охотно отпускало деньги на покупку учебныхъ пособій, евангелій и другихъ рекомендованныхъ для школъ книгъ. Нужна только инициатива въ этомъ дѣлѣ, чье нибудь сердечное въ немъ участіе и хлопоты, потому что дѣло это у насъ новое и никто до сей поры имъ не занимался. Необходима также большая осмотрительность при выборѣ книгъ для крестьянскаго чтенія, такъ какъ каждое слово, которое упадетъ на эту нетронутую почву не пройдетъ мимо, но принесетъ свой плодъ. Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на пріобрѣтеніе книгъ истинно религіознаго характера для назиданія народа въ православной христіанской вѣрѣ и ея догматахъ, въ видахъ предотвращенія вліянія тѣхъ еретиковъ лже-толкователей евангелія, которые начинаютъ появляться въ настоящее время среди, такъ называемыхъ, народныхъ грамотѣевъ. Да благословитъ Богъ твое доброе начинаніе!

Ты многое дѣлаешь и уже сдѣлала, дочь моя, для пользы твоихъ прихожанъ, но скорбишь о томъ, что церковь ваша все попрежнему стоитъ въ обвѣтшаломъ видѣ и нѣтъ средствъ поправить и украсить ее. Разумѣется одна ты или твой мужъ ничего не можете сдѣлать. Необходимо призвать къ этому дѣлу благотворителей и всѣхъ вообще прихожанъ. Я сообщу тебѣ нѣчто по этому случаю, что дастъ тебѣ еще кое-какія новыя заботы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и доходъ для церкви. Ты уже создала у себя нѣчто въ родѣ благотворительнаго жен-

скаго общества изъ крестьянокъ, которыя приняли себѣ въ обязанность прибѣгать на помощь ближнему, какъ только потребуется и когда ты ихъ къ тому призываешь. Ты можешь создать теперь еще и другое подобное общество по образцу существующихъ уже у насъ съ давнихъ временъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, цѣль дѣятельности которыхъ направлена исключительно на благотвореніе храму Божію. Эти общества носятъ названіе „братствъ“ и „сестричествъ“. У братчиковъ и сестричекъ есть своя кружка въ церкви, въ которую они вносятъ свои деньги, собранныя ими на потребу и украшеніе церкви. Средства же и способы добыванія доходовъ у нихъ самые разнообразные и изобрѣтаются ими даже безъ помощи и участія священника, примѣнительно къ обычаямъ и условіямъ той мѣстности, въ которой существуетъ братство. Иногда, напр., по соглашенію съ своими односельчанами, они дѣлаютъ нарочито экстренные сборы; иногда же въ большіе праздники ходятъ по церкви съ своею кружкою, а въ дни базарные—по базару. Сестрички работаютъ и продаютъ свои труды въ пользу церкви. Въ Великій постъ онѣ продаютъ на погостѣ для говѣющихъ баранки и просфоры, а барыши отъ продажи вносятъ въ кружку. А симпатичнѣе всего у нихъ то, что и молодежь принимаетъ участіе въ интересахъ братствъ и сестричествъ, такъ, напр., цѣликомъ отдаетъ въ ихъ кружку все, что получаетъ отъ „колядокъ“ и „щедрованій“ въ Рождественскіе праздники, вмѣсто того, чтобы пропивать сборъ и проѣдать на гульбищахъ и вечерницахъ, какъ то дѣлается въ другихъ селахъ, гдѣ нѣтъ этихъ благодѣтельныхъ обществъ.

За свои труды братчики и сестрички пользуются всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ на селѣ и считаются особенно приближенными къ церкви. Такъ, на ихъ обязанности лежитъ мыть и чистить церковныя вещи, носить во время крестныхъ ходовъ иконы и хоругви. Въ нѣкоторыхъ же слу-

чаяхъ они стоятъ въ церкви *во время богослуженія* съ большими зажженными свѣчами, которыя хранятся у нихъ, какъ ихъ особая привилегія. Этотъ почетъ и эти привилегіи могутъ послужить многимъ, такъ сказать, приманкою для поступленія въ общество и для трудовъ на пользу церкви, такъ какъ, по моему замѣчанію, и наши крестьяне не лишены нѣкоторыхъ честолюбивыхъ склонностей. Вотъ и пусть твой мужъ займется устройствомъ такого братства, а ты—устраивай сестричество. Зачѣмъ намъ придумывать что нибудь новое, когда въ нашей практикѣ мы видимъ такой достойный подражанія образецъ. Правда, братства и сестричества существуютъ у насъ теперь во многихъ мѣстахъ только номинально, бездѣйствуя, и церкви немного отъ нихъ пользы, но, полагаю, что священникъ и жена его, будучи дѣятельными сами, и всякое благотворительное общество, находящееся въ ихъ вѣдѣніи, могутъ подвигнуть къ дѣятельности и направить на дѣла благая. Такимъ способомъ съ одной стороны многое можно сдѣлать для церкви, а съ другой—сколько средствъ для развитія въ крестьянахъ церковности и навыка къ истинноблагочестивой, христіанской жизни!

Прощай, дочь мая, и да хранитъ тебя Всевышній!

Полезныя свѣдѣнія.

Подметаніе церквей.

Въ дѣлѣ служенія Богу нѣтъ ничего малозначущаго. Неудивительно поэтому, что мы остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ, которыя на первый взглядъ могутъ показаться странными и лишними, въ сущности же имѣютъ большое значеніе для лицъ, которымъ порученъ уходъ за церковью и за всѣми предметами, находящимися въ ней. За неимѣніемъ надлежащихъ указаній, лица эти неумѣло обращаются съ предметами, порученными ихъ надзору и уходу, портятъ цѣнныя вещи и не держатъ святое мѣсто въ надлежащей чистотѣ. Мы остано-

вимся поэтому на вещи очень простой, но по большей части дурно исполняемой. Мы имѣемъ въ виду подметаніе церковныхъ половъ.

Чтобы подмести, какъ слѣдуетъ, церковный полъ, не должно поливать его, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Вода удерживаетъ пыль только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она падаетъ. Отъ этого полъ бываетъ всегда грязный и покрытый пятнами. Съ мѣстъ, которыхъ вода не коснулась, пыль подымается въ большемъ количествѣ, садится на рельефныхъ частяхъ украшеній, на подсвѣчникахъ, иконахъ и другихъ предметахъ, грязнитъ ихъ и портитъ.

Навощенные полы лучше всего подметать щеткою, покрытой мокрою тряпкою. Когда полъ высохнетъ, его вытираютъ крѣпко кускомъ толстой шерстяной матеріи. Если полъ навощивается рѣдко, въ такомъ случаѣ его подметаютъ съ помощью опилокъ или отрубей немного смоченныхъ.

Каменные, кирпичные полы подметаются тоже съ помощію опилокъ или отрубей. Но, за неимѣніемъ послѣднихъ, можно употреблять влажный песокъ. Каменные полы подметаютъ метлою постепенно, малыми полосами. Песокъ бросаютъ только на подметаемыя части; сухой песокъ ни къ чему не служитъ. Песокъ и опилки могутъ служить на безконечное время. Ихъ слѣдуетъ только полоскать въ лоханяхъ, предназначеной для этого. Въ воду бросаютъ песокъ или отруби, мѣшаютъ сильно кускомъ дерева. Пыль подымается на поверхность воды и выливается вмѣстѣ съ послѣдней. Подобное полосканіе производятъ нѣсколько разъ и песокъ снова годенъ къ употребленію.

Средство выводить различнаго рода пятна.

Масляныя пятна на деревѣ или камнѣ. Разбавляютъ глину водою и дѣлаютъ изъ нея довольно густую массу. Глиной этой облѣпляютъ со всѣхъ сторонъ жирное пятно, но такъ, чтобы она выходила за края пятна. Глину должно накладывать толстымъ слоемъ, иначе она скоро потрескается. Когда она сама по себѣ станетъ подыматься, ее снимаютъ: пятно исчезаетъ безслѣдно.

Пятна на сукнѣ, шелкѣ, атласѣ и т. п. Если шелкъ или атласъ на подкладкѣ и если пятно очень большое, подкладку необходимо отпороть. На кускѣ бѣлаго тонкаго полотна, сложеннаго вчетверо, кладутъ большой листъ пропускной бумаги и покрываютъ его ровнымъ слоемъ просѣянной углекислой магнезіи. Толщина слоя зависитъ отъ величины пятна и отъ количества пролитаго на матерію масла. На про-

пускную бумагу кладутъ матерію, покрываютъ ее такимъ же слоемъ магнезіи и на все это кладутъ еще 2 листа пропускной бумаги. Послѣ того горячимъ утюгомъ водятъ по бумагѣ. Магнезія и бумага всецѣло поглотятъ масло. Когда слѣды масла появятся на бумагѣ, ее смѣняютъ и повторяютъ это до тѣхъ поръ, пока слѣды не изчезнуть безслѣдно. Указанное средство въ нѣсколько минутъ совершенно уничтожаетъ пятно на матеріи и дѣлаетъ ее почти новой. Необходимо, однако, соблюдать нѣкоторыя предосторожности: 1) если шелкъ окрашенъ, должно остерегаться, чтобы утюгъ не прикасался къ нему непосредственно: нѣкоторыя цвѣта портятся и совершенно мѣняются отъ прикосновенія горячаго утюга; 2) если пятно очень старое, его подновляютъ нѣсколькими каплями масла; въ послѣднемъ случаѣ къ очисткѣ пятна приступаютъ тогда, когда масло совершенно впитается въ матерію. То же средство годится для уничтоженія жирныхъ пятенъ на бумагѣ, книгахъ, гравюрахъ и т. д.

Масляные пятна на бахрамъ, галунъ и т. д. Послѣдніе погружаютъ два или три раза въ стаканъ съ эссенціей очень чистаго, бѣлаго скипидара. Послѣ того ихъ просушиваютъ. Чтобы убѣдиться въ доброкачественности скипидара, льютъ одну каплю его на бумагу. Если онъ чистый, то, улетучившись, онъ не долженъ оставить слѣда на бумагѣ.

Восковыя пятна. Чистый, бѣлый воскъ выводится съ помощью горячаго утюга и куска пропускной бумаги, или же посредствомъ спирта, въ 80°, одеколона, бензина. Въ послѣднемъ случаѣ пятно смачиваютъ одной изъ этихъ жидкостей, самъ же воскъ стираютъ щеткою или кускомъ шерстяной матеріи. Если же воскъ жирный, желтый, содержащій сало, парафинъ или какую нибудь другую примѣсь, пятно натираютъ кускомъ льда. Отъ дѣйствія холода воскъ превращается въ порошокъ, который легко стирается мягкой щеткой. Слѣды пятна уничтожаются, какъ застарѣвшія масляныя пятна. Жирныя пятна уничтожаютъ бензиномъ. Для этого отпариваютъ подкладку матеріи и кладутъ послѣднюю на кусокъ полотна, сложенный вчетверо; кускомъ шерстяной матеріи, пропитанной бензиномъ, трутъ пятно до тѣхъ поръ, пока послѣднее не перейдетъ на полотно, что впрочемъ наступаетъ очень скоро. Вмѣсто бензина употребляютъ тоже чистую нефть. Послѣднюю употребляютъ исключительно при чисткѣ суконныхъ вещей, которыхъ не распариваютъ. Въ такомъ случаѣ кускомъ шерстяной матеріи, пропитанной нефтью, трутъ крѣпко пятна, всю же вещь чистятъ щеткою,

слегка смоченною. Если сукно слишкомъ запятнано, необходимо отпороть подкладку. Очищенная бычачья желчь, тоже превосходное средство для чистки сукна. Желчь разбавляется водою, но послѣдней берутъ тѣмъ менѣе, чѣмъ больше пятенъ на сукнѣ. Сукно моютъ, погружая его въ смѣсь, трутъ, выжимаютъ, и время отъ времени полощутъ въ чистой теплой водѣ. Мытье это повторяется нѣсколько разъ, послѣ чего сукно дѣлается какъ новое. Для чистки цвѣтнаго сукна, къ смѣси прибавляютъ жженыхъ квасцовъ въ порошкѣ (10 золот. на кружку смѣси).

Чернильныя пятна на полу. Для этого лучше всего употреблять углекислый поташъ или красный поташъ разбавленный водой въ пропорціи полутора фунта на кружку воды. На пятно наливаютъ нѣсколько капель смѣси и трутъ его твердой щеткой. Первую грязную воду снимаютъ губкой и продолжаютъ мыть попрежнему до тѣхъ поръ, пока пятно не исчезнетъ, что наступитъ послѣ втораго или третьяго тренія. Если чернило проникло слишкомъ глубоко, прибѣгаютъ къ щавельной кислотѣ. Послѣднюю разбавляютъ немного водою, и полученною смѣсью покрываютъ пятно; по прошествіи пяти минутъ, пятно трутъ твердой щеткой и моютъ водой. Пока полъ не высохъ, его посыпаютъ хлористымъ кальціемъ и трутъ щеткой; пятно исчезнетъ безслѣдно.

Чернильныя пятна на камнѣ или мраморѣ. Для этого употребляютъ влажный хлористый кальцій, при чемъ пятно трутъ крѣпко щеткой. Дѣлаютъ это до тѣхъ поръ, пока пятно не исчезнетъ. Не должно употреблять сѣрной кислоты, потому что послѣдняя портитъ камень.

Чернильныя пятна на тканяхъ, матеріяхъ и т. п. Бѣлье, запятнанное чернилами, сильно намыливаютъ, погружаютъ въ слабый растворъ щавельной кислоты и моютъ его въ немъ; то же продѣлываютъ нѣсколько разъ, послѣ чего бѣлье полощутъ въ простой водѣ. Для окончательнаго выведенія пятенъ прибѣгаютъ къ хлористому кальцію. Для этого въ рюмку насыпаютъ хлористаго кальція и наливаютъ нѣсколько капель воды, чтобы ускорить раствореніе кальція, его раздавливаютъ пальцемъ. Въ полученный растворъ доливаютъ столько воды, сколько нужно, чтобы смочить очищаемое бѣлье. Достаточно взять золотникъ кальція на кружку воды, чтобы вымыть платокъ весь въ чернилѣ. Послѣ подобной стирки, платокъ получаетъ прежнюю белизну; отъ пятенъ же не остается ни малѣйшаго слѣда. Для выведенія пятенъ съ бѣлой шелковой матеріи употребляютъ щавельную кислоту. Не должно,

однако, слишкомъ смачивать матерію. Къ кальцію прибѣгаютъ только въ случаѣ, если пятно не исчезло отъ употребленія кислоты. Для цвѣтныхъ шелковыхъ матерій употребляютъ только щавельную кислоту; кальцій же портитъ цвѣтъ матеріи и оставляетъ неизгладимые слѣды. Если пятно противится кислотѣ, его выводятъ кальціемъ, но въ такомъ случаѣ матерію необходимо перекрасить въ другой цвѣтъ; лучше всего въ черный. Пятна на бумагѣ выводятъ чистымъ кальціемъ, немного смоченнымъ. Для этого подъ бумагой, на которой находится пятно, кладутъ 3 или 4 листа пропускной бумаги, прикладываютъ на пятна немного кальція и когда оно исчезнетъ, смываютъ очень мягкой губкой. Для выведенія старыхъ пятенъ необходимо прибѣгнуть предварительно къ щавельной кислотѣ, которая не портитъ типографскихъ чернилъ, равнымъ образомъ какъ и гравюръ литографій и т. д.

Пятна ржавщины выводятся очень хорошо кремортартаромъ растертымъ въ очень мелкій порошокъ. Очищаемое бѣлье смачиваютъ въ горячей водѣ, всѣ пятна покрываютъ кремортартаромъ, послѣ чего нѣсколько минутъ держутъ его натянутымъ надъ паромъ воды. Для этого лучше всего наполнить чайникъ горячей водой и водить пятномъ по горлышку откуда выходитъ паръ; самъ же чайникъ долженъ оставаться закрытымъ. Время отъ времени пятно натираютъ пальцемъ, пока не исчезнутъ слѣды его. Послѣ этого бѣлье утюжатъ съ противоположной стороны пятна. Средство это уничтожаетъ самыя старыя пятна ржавщины.

Пятна отъ копоти. Пятно моютъ мыломъ, просушиваютъ, смачиваютъ эссенціей чистаго бѣлаго скипидара и, когда послѣдній улетучится, чистятъ щавельною солью подобно тому, какъ чистятъ пятна ржавщины. Для выведенія пятна копоти на стѣнахъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: къ бѣлой извести, которою обыкновенно бѣлятъ, прибавляете фунтъ поваренной соли разведенной въ 7 кружкахъ воды и намазываете этимъ пятно; послѣднее исчезаетъ безслѣдно.

Отъ Кіев. дух. ценз. Комит. печатать дозволяется. Кіевъ, 24 іюня 1888 г.
Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 29.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Іюля 17-го.

Содержаніе: Еще нѣчто о низшемъ сельскомъ клирѣ.—Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви.—Отвѣтъ сельскому священнику В—ву на вопросъ, какъ поступить съ закоренѣлыми грѣшниками, чтобы довести до сознанія грѣха.—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Еще нѣчто о низшемъ сельскомъ клирѣ.

Незавидно матеріальное положеніе низшаго сельскаго клира. Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, знакомясь ближе съ бытомъ нашихъ сельскихъ причетниковъ. Не преувеличивая дѣла, можно сказать, что матеріальное положеніе низшаго сельскаго клира едва ли завиднѣе матеріальнаго положенія нашего русскаго крестьянина. Въ самомъ дѣлѣ,—въ жизни послѣдняго больше выгодъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ въ жизни перваго.—Прежде всего,—жизнь крестьянина—жизнь осѣдлая, что нельзя сказать о жизни сельскаго причетника. Крестьянинъ, каковъ бы онъ ни былъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи родовую усадьбу, извѣстное количество

земли, которая по преемству перешла къ нему и которая главнымъ образомъ и кормитъ его,—и его могутъ лишить всего этого только въ крайнемъ случаѣ. Жизнь же сельскаго причетника не можетъ назваться въ собственномъ смыслѣ осѣдлою. Иной причетникъ перекочуетъ въ свой вѣкъ всю епархію. Правда, что исправный причетникъ не имѣетъ необходимости переходить съ одного мѣста на другое противъ своего желанія, но по пословицѣ—„рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше", какой причетникъ (да и всякій членъ клира!) не пожелаетъ выдти на лучшее мѣсто? При томъ нельзя навѣрное сказать, чтобы и исправный сельскій причетникъ былъ гарантированъ отъ случайностей, могущихъ побудить его оставить это мѣсто и искать другаго. Неудовольствіе съ прихожанами, споры въ причтѣ, нападки со стороны священника (вѣдь и это случается въ жизни сельскаго клира!) нерѣдко заставляютъ и исправнаго сельскаго причетника перемѣнять одно мѣсто на другое. Что же сказать о причетникахъ неисправныхъ: многимъ изъ нихъ приходится вести буквально кочующую жизнь.—Другая выгода въ жизни крестьянина заключается въ томъ, что онъ имѣетъ вѣрное средство къ жизни: это кормилицу-землю. Хотя и много трудовъ и хлопотъ доставляетъ ему эта кормилица, но вѣдь онъ привыкъ къ этимъ трудамъ съ дѣтства;—по крайней мѣрѣ это средство можно назвать надежнымъ. Правда, что бываютъ несчастные годы, когда земля не только не даетъ никакой пользы, но не оплачиваетъ даже труды, но это случается не каждый годъ: неурожаи пока еще рѣдкость. Если мы видимъ, что многіе крестьяне живутъ бѣдно и говорятъ, что землею жить нельзя, то это не противъ высказываемаго нами мнѣнія. Исключая тѣ рѣдкія явленія изъ жизни крестьянъ, что нѣкоторыя крестьянскія общества владѣютъ малыми надѣлами земли,—можно сказать, что землею крестьянину жить можно. Мы живемъ почти въ сѣверной

полосѣ Россіи (Московская губ.), гдѣ земледѣліе не есть единственное и спеціальное занятіе крестьянъ, но видимъ, что крестьянинъ, который съ охотою и усердіемъ занимается землею, можетъ жить относительно безбѣдно. Бѣдность же нѣкоторыхъ крестьянъ по большей части зависитъ отъ различныхъ пороковъ,—напр., пьянства, лѣни и т. под., и отъ того еще, что землею занимаются, не какъ слѣдуетъ: вымотавъ ее и запустивъ ранѣе, не удобряютъ за неимѣніемъ достаточнаго количества скота. При томъ для крестьянина предоставляется возможность пріобрѣсти копѣйку и другими путями, смотря по условіямъ мѣстности.—Во всякомъ случаѣ земля для крестьянина можетъ быть средствомъ къ жизни болѣе надежнымъ, чѣмъ для сельскаго причетника доходъ за требоисправленія,—средство при томъ почти единственное. Это средство—доходъ не особенно надежно, не говоря о скудости его. Доходъ отъ требоисправленій слишкомъ условенъ: иной годъ онъ можетъ увеличиваться, а иной уменьшаться до минимума. Въ настоящее же время этотъ доходъ все уменьшается: вслѣдствіе обѣдненія крестьянъ платы за все сокращаются [1]).—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне-прихожане отказываютъ своему причту въ сборѣ зерновымъ хлѣбомъ. Другими средствами къ жизни: обработкою земли, ремеслами—пользуются не всѣ причетники. Да и не всѣ причетники къ этому способны и имѣютъ возможность: ремеслъ другой никакихъ не знаетъ, а земля для обработки не удобна. Но допустимъ, что сельскіе причетники пользуются и этими

[1]) Въ простомъ народѣ почему-то ходятъ слухи, что сельское духовенство получаетъ жалованье. Такъ, когда вышелъ указъ Св. Сунода относительно перемѣны взиманія добровольныхъ даяній при говѣніи, то еще прежде, чѣмъ пришелъ къ намъ этотъ указъ, нѣкоторые крестьяне уже знали о немъ и, понятно, въ измѣненномъ видѣ. Во время Пасхи одинъ прихожанинъ-крестьянинъ заявилъ намъ, что »теперь вамъ слѣдуетъ за молебны брать меньше: вамъ запретили... Вѣдь вы получаете жалованье«...

средствами, то и тогда матеріальное положеніе ихъ незавидно, и навряд ли завиднѣе—крестьянина. Эти занятія не могутъ принести достаточнаго обезпеченія, такъ какъ занятія не спеціальныя.

Если мы—священники жалуемся иногда, что намъ трудно жить на тѣ средства, какими мы пользуемся отъ прихожанъ, то насколько же труднѣе жизнь причетника, который получаетъ четвертую часть нашего дохода? Грустно и тяжело становится на душѣ, когда знакомишься съ жизнію причетниковъ въ этомъ отношеніи; невольно беретъ сомнѣніе: возможна ли жизнь при такихъ средствахъ? А вѣдь многіе изъ нихъ воспитываютъ еще дѣтей въ школахъ и нерѣдко доводятъ ихъ до высшаго образованія.—Вотъ для примѣра обстановка жилища одного сельскаго причетника: вросшая въ землю по окна хата, при ней покачнувшійся и полураскрытый дворъ; въ хатѣ земляной полъ, убогій столъ и вмѣсто стульевъ обрубки дерева. Спросятъ пожалуй: не пьяница ли онъ? Хотя и пьетъ вино, но немного; дѣло въ томъ, что годоваго дохода получаетъ въ годъ 75 руб. Поступилъ онъ въ домъ, а теперь доживаетъ свой вѣкъ, думая: „авось хата простоитъ до моей смерти“.—Въ большинствѣ случаевъ жизнь сельскаго причетника—это рядъ вопіющихъ нуждъ, никогда не удаляющихся изъ его дома,—рядъ заботъ: какъ дожить день. Какъ желательно, чтобы какими нибудь способами вырвали этихъ бѣдныхъ служителей храма изъ той вопіющей нужды, которою сопровождается вся ихъ жизнь.

Но стоитъ ли говорить объ этомъ, скажутъ иные, когда никто не хочетъ придти на помощь такимъ лицамъ, польза отъ дѣятельности которыхъ для всѣхъ почти очевидна и которыхъ побуждаютъ къ этой дѣятельности, ожидая ея добрыхъ плодовъ: разумѣемъ высшій сельскій клиръ. Хотя и помощь послѣднимъ будетъ весьма разумною и желательною, но помощь для первыхъ, право судя, необходимѣе. Вѣдь мы,

о.о. іереи, хотя и живемъ то же грошами, но недостатокъ средствъ не можетъ внести въ нашу жизнь столько зла, сколько онъ вноситъ въ жизнь нашихъ причетниковъ, что въ свою очередь можетъ дурно вліять на ходъ того дѣла, которому служитъ причтъ вообще.

Крайне недостаточная обезпеченность сельскихъ причетниковъ служитъ прежде всего причиною того, что мѣста причетниковъ въ селахъ не могутъ привлекать и не привлекаютъ къ себѣ людей достойныхъ, могущихъ и на этой, повидимому—невидной, должности принести не малую пользу Церки. Судьба гонитъ на эти мѣста людей, обдѣленныхъ ею,—тѣхъ, которымъ не удалось устроить жизнь свою лучше,—тѣхъ, которые не оказались способными къ другой дѣятельности,—вообще такихъ людей, которымъ нужно гдѣ нибудь приклонить голову. Неразвитые, нерѣдко съ грубыми порокамн—вотъ большинство нашихъ сельскихъ причетниковъ. Могутъ ли они принести пользу Церкви, пусть судитъ каждый самъ.—Могутъ сказать, что для нихъ и не нужно большаго образованія и развитія. Не требовалось прежде, а теперь это далеко не лишнее, въ чемъ, думаемъ, согласится каждый. Нельзя требовать, чтобы они были съ среднимъ образованіемъ, но особенно ли полезны они съ низшимъ? А у насъ немало причетниковъ, не получившихъ и полнаго низшаго образованія, да и не мало такихъ.

Какъ-то разъ былъ разговоръ у насъ съ однимъ свѣтскимъ лицомъ относительно низшаго сельскаго клира: сѣтовали на его неблагообразное поведеніе, скорбѣли о бьющей всѣмъ въ глаза плохой его матеріальной обезпеченности. Это свѣтское лицо высказало между прочимъ такое мнѣніе: „должность сельскаго причетника невыдная; мѣста причетниковъ можно замѣщать людьми такими, которые знали бы только церковное чтеніе и пѣніе, да немного церковнаго устава, а со временемъ могутъ всему выучиться. Бываютъ же тра-

пезниками у насъ (въ Москвѣ) отставные солдаты, мѣщане и др. лица; справляютъ всю церковную службу не хуже сельскаго причетника. Такія лица не будутъ жаловаться на бѣдность, такъ какъ для нихъ достаточно будетъ того, что получаетъ сельскій причетникъ. При томъ и для васъ то, батюшка, они выгоднѣе: больше будутъ бояться васъ и не будутъ такъ безобразничать, какъ теперешніе ваши причетники". Но если такъ разсуждать, тогда тѣхъ же отставныхъ солдатъ можно опредѣлять и на священническія мѣста: попривыкнутъ, со временемъ всему научатся. Не будемъ говорить о томъ, что служеніе при Церкви требуетъ особой— спеціальной подготовки, что признаетъ всякій благомыслящій, который на служеніе вообще причта смотритъ съ правильной точки зрѣнія, а только выскажемъ свое желаніе, что весьма желательно было бы, чтобы образованіе и развитіе кандидатовъ на сельскія причетническія мѣста превышали бы въ этомъ отношеніи уже существующій низшій сельскій клиръ. Было время, да оно и не такъ далеко, когда отъ поступающаго на сельское причетническое мѣсто требовалось почти одно знаніе пѣнія и чтенія церковнаго и церковнаго устава, но время это, кажется, прошло. Теперь обстоятельства перемѣнились: а низшій сельскій клиръ призывается къ новой дѣятельности,—разумѣемъ участіе причетниковъ въ церковно-приходскихъ школахъ, обученіе пѣнію и участіе съ священникомъ при собесѣдованіяхъ съ народомъ о религіозно-нравственныхъ предметахъ. Эти занятія будутъ не по силамъ отставнымъ солдатамъ и под. имъ, знаніе которыхъ не простирается дальше простой церковной службы и прислуживаній при алтарѣ, какъ не по силамъ они будутъ и большинству нашихъ причетниковъ.—Но возвратимся къ предмету.

Крайне недостаточная обезпеченность низшаго сельскаго клира имѣетъ дурное вліяніе на отправленіе имъ своихъ обязанностей: она причина того, что сельскій причетникъ въ

большинствѣ случаевъ неразумный исполнитель своихъ обязанностей, а работникъ изъ-за платы. Служба церковная по стольку его интересуетъ, по скольку она для него доходная статья. Все другое, что касается его обязанностей, но не приноситъ ему матеріальной пользы, для него какъ бы не существуетъ: есть время и охота, такъ сдѣлаетъ,—а нѣтъ,—то не обезсудьте.—Съ другой стороны, не имѣя возможности содержаться на доходъ отъ прихожанъ, сельскій причетникъ долженъ по необходимости искать иныхъ средствъ къ жизни. Одинъ изъ нихъ—и большая часть обработываетъ своими руками землю,—другой занимается какимъ нибудь ремесломъ, напр., сапожничествомъ, столярнымъ дѣломъ и т. п., третій имѣетъ иные источники. Мы знаемъ причетниковъ, которые исправляютъ должности писца у сельскихъ старостъ, перевозятъ тяжести на своихъ лошадяхъ, снимаютъ для обработки землю у крестьянъ, нанимаются лѣтомъ работать у крестьянъ: молотить, косить. Понятно, что всѣ эти занятія не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго и въ нѣкоторой степени совмѣстимы въ лицѣ причетника. Вѣдь на какой бы службѣ человѣкъ не состоялъ, у него всегда есть какое нибудь другое занятіе, смотря по склонности. И это занятіе не помѣшаетъ тому дѣлу, которому онъ служитъ, если оно совершается въ свободное время. Но крайне недостаточная обезпеченность сельскихъ причетниковъ дѣлаетъ указанныя занятія почти главными, въ ущербъ обязанностямъ собственно-причетническимъ. Доходъ причетническій отъ него не могутъ отнять, какъ бы онъ не исполнялъ свои обязанности,—пока онъ на мѣстѣ, а другія—постороннія отъ службы занятія по стольку будутъ приносить ему пользы, по скольку онъ будетъ прилагать къ нимъ руки и стараніе. По этому, хотя бы послѣднія занятія и не превышали доходность занятія собственно-служебныя, но они, можетъ быть, и незамѣтнымъ образомъ дѣлаются болѣе важными. Отсюда

происходитъ то, что причетникъ махаетъ рукою на свои служебныя обязанности, говоря: „это отъ меня не уйдетъ,— нужно сначала сдѣлать то, что можетъ уйдти“. Здѣсь, по нашему мнѣнію, и главная причина той халатности, которая замѣчается въ сельскихъ причетникахъ, къ своей службѣ. И нельзя безусловно винить ихъ въ этой халатности: виноваты не сами они лично, а ихъ такъ неблагопріятно слагающаяся жизнь. Приходится часто слышать недовольные отвѣты причетниковъ, когда, напр., въ лѣтнюю рабочую пору ихъ приглашаютъ для отправленія какой нибудь требы. „Я бы теперь никакихъ съ нихъ денегъ не взялъ: для меня каждая минута дорога“, говорятъ они обыкновенно. И нельзя не согласиться съ ними, зная, что полевая ихъ работа обезпечиваетъ существованіе ихъ семьи на цѣлый годъ. Если причетникъ своими руками обрабатываетъ землю (счастливцевъ, которые имѣли бы работниковъ, мало,—по крайней мѣрѣ въ нашей Москов. губ.), то его и видишь только въ праздникъ въ храмѣ, но и въ это время онъ, вѣроятно, мыслями витаетъ въ полѣ. Все, что касается его обязанности, оставляется до удобнаго и свободнаго времени. Строгія мѣры со стороны священника могутъ казаться безчеловѣчными.

Крайне недостаточная обезпеченность селькихъ причетниковъ, наконецъ, вредно отзывается въ ихъ умственной жизни[1]), такъ какъ не оставляетъ свободнаго времени для удовлетворенія духовнымъ потребностямъ, къ чему хотя бы и было у причетника стремленіе. Какъ бы достаточно не было школьное образованіе, но оно всетаки должно пополняться самообразованіемъ. Жить тѣмъ, что только пріобрѣли въ школѣ, невозможно. Для сельскаго же причетника это самообразованіе (конечно посильное, какое для него возможно)

---

[1]) О вліяніи на нравственную сторону жизни было писано ранѣе,—въ статьѣ: »Нѣчто о низшемъ сельскомъ клирѣ«.

было бы очень полезно, такъ какъ большинство сельскихъ причетниковъ выходятъ изъ школъ съ небольшимъ запасомъ знаній. Плохая же матеріальная обезпеченность, внося въ жизнь причетника одну нужду, заставляетъ его заботиться только о насущномъ хлѣбѣ, изгоняя изъ головы всѣ другія стремленія. Поэтому въ сельскихъ причетникахъ замѣчается полнѣйшее отсутствіе умственной жизни. Въ жизни они не только не пріобрѣтаютъ чего нибудь новаго, а даже забываютъ то, что получили въ школѣ [1]). Къ умственной бездѣятельности они такъ привыкаютъ, что даже лѣнятся прочесть, когда имъ что и предложишь. Если они когда и читаютъ что, то матеріаломъ для этого чтенія бываетъ по большей части то же, что у полуграмотныхъ крестьянъ: сказки въ родѣ „Англійскаго милорда“ и другія сельскія безсодержательныя книжки, каковыми съ щедростію награждаютъ деревенскій людъ изобрѣтательные книжные торговцы.

Между тѣмъ неразвитость и умственная отсталость нашихъ сельскихъ причетниковъ нежелательны. Это обстоятельство прежде всего вредно отзывается въ общемъ служеніи причта, такъ какъ мало развитые причетники не могутъ сознать пользу различныхъ образовательныхъ мѣръ. Этимъ объясняется безучастное, а иногда и противодѣйствующее, ихъ отношеніе къ этимъ мѣрамъ. Съ другой стороны, умствен-

---

[1]) Не говоря о чемъ другомъ, многіе сельскіе причетники не знаютъ даже объясненія простыхъ молитвъ, что для нихъ, какъ членовъ клира, необходимо. Если благочинными въ клировыхъ вѣдомостяхъ и дѣлаются отмѣтки такого рода: »катихизисъ знаетъ хорошо«, то это знаніе только на бумагѣ, да въ мысляхъ того, кто такъ аттестуетъ, а не въ головѣ причетника... Вѣдь это знаніе никогда не провѣряется. Былъ такой случай: пріѣзжаетъ благочинный »въ объѣздъ« въ село и спрашиваетъ причетника: »какъ читается 8-й членъ Символа вѣры«? Тотъ прочелъ весь Символъ вѣры и наконецъ добрался. А если спросить бы объясненія, то навѣрное причетникъ не былъ бы въ состояніи.

ная неразвитость вредна для его семейной жизни, такъ какъ лишаетъ дѣтей его возможности получить въ родительскомъ домѣ разумное воспитаніе. Вѣдь немного хорошаго въ этомъ отношеніи можно вынести дѣтямъ причетника изъ родительскаго дома!

Затрогивая вопросъ о крайне скудной обезпеченности низшаго сельскаго клира и ея вредныхъ послѣдствіяхъ въ его жизни, мы не сообщаемъ что либо новое, могущее возбудить, такъ сказать, живой интересъ въ читателяхъ.—Къ чему же тогда, спросятъ, марать даромъ и бумагу? Къ чему возбуждать этотъ вопросъ, съ которымъ мы всѣ (о. іереи) знакомы на практикѣ и который часто наполняетъ душу печальными размышленіями? Сознаемся, что и насъ не мало печалитъ такое явленіе въ жизни клира и мы часто говоримъ себѣ: что думать и разсуждать объ этомъ, когда помочь мы сами не въ силѣ? Но съ другой стороны, является и другая мысль (можетъ быть, и смѣлая!), а можетъ быть сообща—всею духовною братіею—и можно что нибудь сдѣлать,—хоть немного облегчить безотрадное положеніе нашихъ ближайшихъ помощниковъ по службѣ. Вѣдь и они овцы того стада, которое мы поставлены пасти! Вѣдь и о нихъ должны мы заботиться, и о нихъ должна болѣть наша душа? Если мы будемъ нерадѣть о нихъ, то дадимъ отвѣтъ Правосудному Господу. Это обстоятельство и побудило насъ подѣлиться съ о.о. собратьями своими мыслями. Впрочемъ, есть и другое обстоятельство, которое побудило насъ къ этому, это возбуждающаяся все съ новой энергіей дѣятельность сельскаго духовенства въ дѣлѣ просвѣщенія народа,—разумѣемъ открытіе церковно-приходскихъ школъ, собесѣдованія съ народомъ о религіозно-нравственныхъ предметахъ.—Въ различныхъ печатныхъ (духовныхъ) органахъ появляются отчеты о церковно-приходскихъ школахъ, изъ коихъ (отчетовъ) видно, что это почти новое дѣло встрѣчаетъ сочувствіе народа, но въ

то же время въ этомъ дѣлѣ одно печальное явленіе—это недостатокъ матеріальныхъ средствъ. По этой причинѣ учителями въ нихъ являются (за немногими исключеніями, гдѣ школы имѣютъ средства содержать отдѣльнаго, наемнаго учителя) священники, діаконы и причетники. Да иначе и не можетъ быть: навряд ли кто согласится безъ вознагражденія заниматься съ дѣтьми? Но многіе священники не имѣютъ возможности сами вести преподаваніе въ школахъ по всѣмъ предметамъ,—діаконовъ же по опубликованному списку (отъ Св. Сунода) оставляется очень и очень мало (6 мая г.); такимъ образомъ учителями въ церковно-приходскихъ школахъ должны явиться причетники. Но возможно ли требовать отъ причетниковъ участія въ церковно-приходскихъ школахъ, пока они не будутъ мало-мальски обезпечены? И навряд ли много найдется изъ нихъ такихъ, которые, при своихъ способностяхъ къ школьному дѣлу,—согласятся быть учителями въ этихъ школахъ? Тотъ фактъ, что церковно-приходскія школы съ учителями-причетниками уже во многихъ мѣстахъ существуютъ, не говоритъ еще противъ высказываемаго нами мнѣнія. Какъ намъ извѣстно, церковно-приходскія школы открылись и открываются въ нашей епархіи въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть мѣстныя средства, а это предполагаетъ, что и причтъ сравнительно тамъ лучше обезпеченъ; поэтому причетникъ безъ ущерба своему хозяйству можетъ заняться въ школѣ. При томъ въ такихъ приходахъ скорѣе можно найти и вознагражденіе для причетника-учителя. Остающіеся же безъ церковно-приходскихъ школъ приходы по большей части очень бѣдны, о чемъ отчасти можно судить потому, что причтъ въ оныхъ приходахъ двухчленный (каковыхъ приходовъ въ епархіи едва ли не больше половины). Въ такихъ приходахъ трудно основать церковно-приходскую школу (существующее Кирилло-Меѳодіевское братство еще не въ силахъ оказывать значительной помощи вновь

нарождающимся школамъ),—и если будутъ основываться при особыхъ усиленныхъ стараніяхъ священниковъ, то по всей вѣроятности въ качествѣ учителей придется быть причетникамъ. Но хорошо, если можно будетъ дать имъ хотя малое вознагражденіе, а то, по нашему мнѣнію, невозможно привлечь ихъ къ этому дѣлу: эти занятія оторвутъ у нихъ много времени, которое ими тратилось на уходъ за хозяйствомъ, что главнымъ образомъ и поддерживаетъ ихъ семьи. Не говоря о томъ, что классныя занятія поглощаютъ большую часть дня, нужно еще готовиться къ этимъ занятіямъ,—особенно на первыхъ порахъ, на что потребуется не мало времени. Могутъ сказать, что хозяйство главнымъ образомъ ведется лѣтомъ, когда не бываетъ школьныхъ занятій, но каждый изъ насъ знаетъ, что, если причетникъ и зимою будетъ сидѣть,—сложа руки, то онъ можетъ съ своею семьею насидѣться съ голоду.—То же должно сказать и относительно обученія причетниками пѣнію. Не говоримъ, что совершенно невозможно для нихъ участіе въ этомъ дѣлѣ,—возможно, но тамъ, гдѣ они сносно еще обезпечены. При крайне же скудной обезпеченности сельскихъ причетниковъ требовать отъ нихъ такого участія немыслимо.—Вотъ что побудило насъ главнымъ образомъ подѣлиться съ читателями этого журнала печальными мыслями относительно недостаточной обезпеченности низшаго сельскаго клира.

Говоря объ участіи сельскихъ причетниковъ въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ учителей, нельзя умолчать о томъ, что не рискованно ли будетъ препоручить имъ веденіе такого важнаго дѣла? Вѣдь изъ 10 причетниковъ одного можно найдти способнаго къ школьному дѣлу,—остальные девять хотя и будутъ способны, но только на первыхъ порахъ обученія. Программа церковно-приходскихъ школъ обширна, такъ что, по мнѣнію опытныхъ людей, для нихъ нуженъ учитель опытный, хорошо знающій свое дѣло.

Препоручая же причетникамъ учительство въ оныхъ, нельзя ли повредить общему дѣлу, потерять сочувствіе и довѣріе народа къ этимъ школамъ? Могутъ иные сказать, что въ церковно-приходскихъ школахъ учителей-причетниковъ пока еще мало, такъ что нечего опасаться въ этомъ отношеніи. Но можно ли сказать то же о будущемъ? Вѣдь лучше какая нибудь школа, чѣмъ никакой; лучше причетникъ будетъ обучать дѣтей, чѣмъ они совсѣмъ останутся неграмотными.— Въ виду этого съ отрадою принимаемъ слухи о томъ, что при Св. Сунодѣ возбужденъ вопросъ объ открытіи при нѣкоторыхъ монастыряхъ особаго рода школъ для увольняемыхъ изъ дух. училищъ и семинарій, въ видахъ подготовки ихъ къ псаломщицкой, діаконской и учительской въ церковно-приходскихъ школахъ должностямъ [1]). Съ одной стороны, эти школы дадутъ достойныхъ служителей для сельскихъ церквей и способныхъ учителей для церковной школы, а съ другой,—могутъ открыть новый источникъ средствъ для низшаго сельскаго клира. Вѣдь есть надежда, что со временемъ и будутъ давать вознагражденіе всѣмъ, занимающимся въ церковно-приходскихъ школахъ.—Было бы желательно, если это желаніе можетъ быть осуществимо, чтобы въ проектируемыхъ школахъ обучали и иконописи. Можно ради этого учащихся и продержать лишній годъ въ школѣ. Вѣдь всѣ видятъ, говорятъ и пишутъ, что иконы, которыми пользуется бѣдный сельскій людъ, по своему художеству слишкомъ далеки отъ того, чтобы считать ихъ за святыню, а, кажется, еще почти ничего не сдѣлано, чтобы дать возможность тому же сельскому люду за недорогую плату пріобрѣтать иконы письма благообразнаго. При введеніи иконописи въ указанныхъ школахъ достигались бы двѣ благія

[1]) Подобная школа уже открыта въ Нижегородской епархіи и, кажется, еще гдѣ-то.

цѣли: первая—крестьяне имѣли бы подъ рукой иконописцевъ, которые снабжали бы ихъ за недорогую плату иконами—гораздо лучшими, чѣмъ какими они пользуются въ настоящее время; другая—низшій сельскій клиръ имѣлъ бы отъ этого занятія, весьма приличную члену клира и служителю Церкви, доходную статью.

Высказываемъ свое мнѣніе относительно той помощи, которая возможна для бѣдныхъ сельскихъ причетниковъ. Доходъ причта въ разное время года неравномѣренъ, а причетническій по большей части мелкій—копѣечный, что весьма невыгодно въ хозяйственномъ отношеніи. Имѣя деньги, можно покупать всего побольше и сразу: это обойдется дешевле; причетникъ же сельскій при своихъ мелкихъ доходахъ не имѣетъ возможности поступать такъ. И если бы то, что онъ получаетъ по мелочи въ годъ, выдавалось ему равномѣрно по мѣсячно, то это для него было бы выгоднѣе въ хозяйственномъ отношеніи. По этому, думаемъ, будетъ разумнымъ, гдѣ возможно, выдавать причетнику изъ церковныхъ суммъ по мѣсячно извѣстную сумму,—сообразно его годовому доходу,—а поступающій на его долю доходъ отдавать въ церковный ящикъ, ведя счетъ. Понятно, на это нужно разрѣшеніе.—Можно такъ же въ виду помощи поручать причетнику чистку церковной утвари (подсвѣчники, ризы съ иконъ и др. вещи) и перешивку старыхъ вещей изъ церковной ризницы. Это дѣло не требуетъ особаго умѣнья и причетникъ при помощи своего семейства можетъ справиться съ нимъ. Для чистки вещей изъ церковной утвари приглашаются обыкновенно особые мастера и имъ платится не мало. Но мастера для скорости часто употребляютъ при чисткѣ вредныя вещи. Причетникъ же, можетъ быть, и не такъ чисто, какъ мастеръ, но можетъ вычистить, не принося ущерба Церкви. Можно нанять его прямо на годъ, чтобы онъ въ извѣстное время протиралъ и чистилъ, что ему укажутъ. Вознагражде-

ніе за это не можетъ быть велико, но оно всетаки будетъ для него подспорьемъ. Подобное порученіе, между прочимъ, пріучитъ причетника слѣдить за чистотою въ храмѣ, такъ какъ всякая нечистота будетъ приносить ему только лишнюю роботу.

Сельскій священникъ.

Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви [1]).

Осмогласіе кіевскаго роспѣва и обычные напѣвы на Господи воззвахъ.

(Техническое построеніе).

Разложеніе мелодій на части и подробное ихъ сопоставленіе приводитъ къ наглядному и осязательному убѣжденію, что существующіе въ современной намъ пѣвческой практикѣ русской Церкви *обычные напѣвы* „на Господи воззвахъ“, при незначительныхъ и несущественныхъ разностяхъ между собою, служатъ воспроизведеніемъ осмогласія *кіевскаго роспѣва,* потому что имѣютъ совершенно одинаковыя съ нимъ музыкальныя основанія, одно и тоже въ общемъ, а часто и въ подробностяхъ мелодическое движеніе, одинаковыя ритмическія свойства, однѣ и тѣже мелодическія украшенія, такъ что не имѣютъ даже тѣни самобытности. *Кіевскій* же *роспѣвъ* „на Господи воззвахъ“, за исключеніемъ двухъ-трехъ мелодическихъ гласовыхъ строкъ всего осмогласія и нѣкоторыхъ мелодическихъ украшеній, есть буквальное воспроизведеніе *малаго знаменнаго роспѣва* въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ излагается въ *самогласныхъ* стихирахъ нотнаго *Октоиха,* изд. 1772 г. А такимъ образомъ всѣ упомянутые здѣсь роспѣвы составляютъ одну группу роспѣвовъ; всѣ они суть ближайшіе виды одного и того же краткаго знаменнаго роспѣва, менѣе различные между собою, чѣмъ извѣстные намъ виды *большаго* роспѣва, такъ что должно удивляться, почему роспѣвы эти носятъ каждый свое названіе, а не удер-

[1]) См. № 28-й.

живаютъ одного общаго названія *малаго, сокращеннаго* или *дневнаго знаменнаго роспѣва.* А такъ какъ *малый* знаменный роспѣвъ и по гласовымъ *областямъ* звуковъ и по гласовымъ *примѣтамъ,* а иногда и по движенію мелодіи (хотя сокращенному) есть отрасль *большаго* роспѣва и въ большей части своихъ гласовъ служитъ буквальнымъ повтореніемъ древнихъ его *подобновъ,* то какъ онъ, такъ и тѣсно примыкающій къ нему *кіевскій* и *обычные напѣвы* суть несомнѣнно отрасли того же *стараго знаменнаго* роспѣва и составляютъ *дневной* или сокращенный его видъ.

При одинаковости музыкальныхъ основаній и при сходствѣ мелодическаго движенія роспѣвовъ малаго знаменнаго и кіевскаго трудно сказать, который изъ нихъ былъ первымъ родоначальникомъ группы дневныхъ напѣвовъ. Вѣрнѣе—каждый видъ этихъ роспѣвовъ образовался непосредственно изъ главнаго общаго источника, т. е. изъ *подобновъ* стараго знаменнаго роспѣва. Подобнаго рода непосредственныя образованія мы видимъ и въ другихъ случаяхъ, напр., въ краткихъ напѣвахъ ирмосовъ и проч. Образцы *подобновъ* всегда были и нынѣ находятся у всѣхъ подъ руками и потому легко могли видоизмѣниться въ означенные напѣвы, хотя, при исторической связи образовавшихся новыхъ видовъ роспѣвовъ, нельзя отвергать и ихъ взаимнаго воздѣйствія одного на другой. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи *малому* знаменному роспѣву должно приписать общую форму построенія гласовыхъ строкъ, ихъ количество и общій характеръ, кіевскому же—украшенія и распространеніе нѣкоторыхъ конечныхъ мелодическихъ оборотовъ въ строкахъ; обычные напѣвы должны считать отраслями кіевскаго.

Что касается частныхъ особенностей и характера каждаго изъ разсматриваемыхъ нами краткихъ роспѣвовъ „на Господи воззвахъ", то нельзя не замѣтить, что *малый* знаменный роспѣвъ въ нѣкоторыхъ своихъ мелодіяхъ отличается

печальнымъ оттѣнкомъ (напр. глл. I и VIII), *кіевскій*—витіеватостію украшеній, *обычный московскій*—мажорнымъ (веселымъ) характеромъ, правильностію веденія мелодій и наибольшею близостію ихъ къ малому знаменному роспѣву; *придворный напѣвъ*—строгимъ соблюденіемъ музыкальныхъ формъ, безукоризненною гармоніею, но бѣдностію мелодическаго движенія; *южно-русскій* напѣвъ (у г. Абламскаго) стоитъ часто подъ очевиднымъ вліяніемъ придворнаго пѣнія и лишь иногда допускаетъ произвольныя, ему только свойственныя, отступленія отъ общепринятаго въ томъ или другомъ гласѣ, или мелодической строкѣ, мелодическаго движенія.

Примѣненіе системы византійскаго церковнаго осмогласія въ кіевскомъ роспѣвѣ и его отрасляхъ.

Осмогласіе *кіевскаго* роспѣва и *обычные* напѣвы „на Господи воззвахъ“ имѣютъ близкое сходство съ *малымъ* знаменнымъ роспѣвомъ и потому къ *большому* знаменному роспѣву, а затѣмъ и къ византійскому церковному осмогласію, стоятъ въ совершенно одинаковыхъ съ нимъ отношеніяхъ [1]). Къ свойствамъ этихъ роспѣвовъ, заимствованнымъ изъ византійскаго церковнаго осмогласія, должно отнести слѣдующія:

Мелодіи ихъ распредѣляются *по восьми гласамъ* и составляютъ такимъ образомъ одну изъ многочисленныхъ группъ, основанныхъ на преданномъ древнею Церковію законѣ церковнаго осмогласія. Различеніе гласовъ въ кіевскомъ и обычныхъ напѣвахъ основывается какъ и въ знаменномъ роспѣвѣ согласно византійской теоріи на звуковой области каждаго гласа съ извѣстнымъ расположеніемъ интерваллъ и на различіи гласовыхъ примѣтъ, т. е. звуковъ господствующихъ въ гласѣ и конечныхъ. Во всемъ осмогласіи мы постоянно встрѣ-

[1]) О техническомъ устройствѣ малаго знаменнаго роспѣва см. жур. »Рук. для сел. паст.« за 1887 г. № 38, стр. 93 и дал.

чаемъ примѣненіе къ дѣлу византійскихъ понятій *тетрахорда, пентахорда* и *октахорда.* Такъ, всѣ области 8-ми гласовъ въ совокупности составляютъ одинъ октахордъ *ля-ля;* конечные звуки не выходятъ изъ предѣловъ пентахорда: *ля-си-до-ре-ми,* при чемъ звукъ *ми* на кварту ниже высшаго въ напѣвахъ звука *ля;* начальные звуки строкъ съ *сильнымъ ударе́ніемъ* (кромѣ гл. IV) также составляютъ пентахордъ: *ре-ми-фа-соль-ля,* изъ коихъ звукъ *ре* отстоитъ также на кварту ниже отъ крайняго конечнаго *ля.* Гласовыя области кіевскаго и обычныхъ напѣвовъ вращаются въ предѣлахъ не менѣе *четырехъ* и не болѣе *пяти* звуковъ церковнаго звукоряда [1]), т. е. построяются по систсмѣ тетрахорда или же пентахорда византійскаго осмогласія и даже иногда ближе и яснѣе выражаютъ его, чѣмъ гласовыя области большаго знаменнаго роспѣва, потому что меньше и рѣже дополняются добавочными звуками или сокращеніемъ. *Гласовыя примѣты* разсматриваемыхъ нами напѣвовъ, т. е. звуки господствующіе и конечные, за весьма немногими исключеніями, близко соотвѣтствуютъ образцамъ того же византійскаго осмогласія. Особенностію кіевскаго роспѣва считается то, что онъ (въ гл. II) придаетъ гласовое значеніе звуку *си* ♮, какъ конечному звуку, но звукъ этотъ какъ конечный встрѣчается и въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ, именно въ мелодіяхъ III гласа въ *гиполидійской* тональности. Вообще же сообразно теоріи византійскаго осмогласія октава, т. е. начальный звукъ области каждаго гласа (прослaмбаномена) служитъ обыкновенно и окончаніемъ (финаломъ) построенной на немъ мелодіи [2]). Исключеніе составляютъ только гласы VI и VII, начи-

---

[1]) Примѣромъ мелодій не основанныхъ на системѣ византійскаго осмогласія можетъ служить обычный напѣвъ IV гласа на Богъ Господь, построенный въ области, состоящей лишь изъ *трехъ* звуковъ.

[2]) См. жур. »Руков. для сельск. паст.« за 1887 г., т. II, стр. 190—191.

нающіеся съ звука *до* (прославаномена) и оканчивающіеся на *ре* (гипата); но гласы эти вообще отступаютъ отъ установленной теоріею нормы. Господствующіе звуки означенныхъ роспѣвовъ помѣщаются кряду на двухъ ступеняхъ низшихъ верхняго звука гласовой области; въ общемъ они—тѣже, что и въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ [1]) и въ такихъ же отношеніяхъ находятся къ *тоникѣ*. Нотированіе мелодій разсматриваемыхъ нами роспѣвовъ основывается также на различіи тональностей *лидійской (ре—миноръ)* и *гиполидійской (ля—миноръ)*, отстоящихъ взаимно на кварту, но въ подробностяхъ слѣдуетъ не непосредственно теоріи византійскаго осмогласія, а практикѣ знаменнаго роспѣва, т. е. гласовыя мелодіи обыкновенно нотируются (даже въ гл. V и VI) въ пониженныхъ *на кварту* областяхъ и при томъ въ разныхъ изданіяхъ различно съ допущеніемъ произвола въ нотаціи и уклоненій отъ установленной теоріею нормы [2]). Вообще

[1]) Тамъ же, стр. 192—193.

[2]) Такъ въ церковномъ Обиходѣ съ 1772 г. мелодіи *малаго* знаменнаго роспѣва, какъ и мелодіи *большаго* роспѣва, въ первыхъ четырехъ гласахъ нотируются въ гиполидійской тональности, а въ гласѣ VIII—въ лидійской, мелодіи же гласовъ V и VI слѣдуютъ на кварту ниже нормальной ихъ высоты внѣ установленныхъ тональностей, а мелодіи гл. VII на терцію ниже (именно начиная отъ конечнаго звука *до*); тѣ же мелодіи въ изданіи Потулова въ гл. II, III, IV и V нотируются на кварту выше противъ изданій церкови. Обихода, т. е. въ первыхъ трехъ изъ нихъ—въ лидійской тональности, а въ гл. V на одну кварту ниже нормальной гиполидійской тональности *(ре-ми-фа-соль-ля)*. Мелодіи *кіевскаго* роспѣва и *обычныхъ* вообще нотируются въ пониженныхъ обыкновенно на кварту областяхъ, именно: гл. I, II, III въ гиполидійской тональности, гл. IV и VI въ областяхъ пониженныхъ на кварту противъ гиполидійской тональности, гл. V на двѣ кварты, гл. VII на терцію (сообразно конечному звуку этого гласа *ре* или же *до*), гл. VIII въ нормальной лидійской тональности. Но въ нѣкоторыхъ изданіяхъ есть отступленія и отъ этого обычая нотированія, напр., въ придворномъ пѣніи (по изд. Бахметева) мелодіи гл. I и VII нотированы на кварту ниже противъ прочихъ изданій (или на

въ позднѣйшихъ изданіяхъ нотированіе примѣняется къ голосовымъ средствамъ пѣвцовъ и происходитъ въ сокращенной *средневидной голосовой области* въ предѣлахъ одной октавы (*ля-ля*). Звуковъ нижняго *соль* и верхнихъ *си♭, до, ре* (по цефаутному ключу) въ осмогласіи кіевскаго и обычныхъ напѣвовъ „на Господи воззвахъ“ вовсе нѣтъ; даже верхнее *ля* встрѣчается весьма рѣдко. Сокращаются иногда и пентахорды гласовъ сверху и въ замѣнъ того добавляются снизу (въ глл. II, IV и VIII).

Какъ въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ, такъ и въ кіевскомъ съ его отраслями первые четыре гласа суть *основные, верхніе* или *главные,* а послѣдніе четыре—отъ нихъ *производные* или *нижніе.* Отношенія между гласами главными и производными, по изслѣдованію о. прот. Д. В. Разумовскаго, выражаются такъ: „*первые четыре* гласа кіевскаго роспѣва различаются взаимно одною степенью въ нисходящемъ порядкѣ: первый гласъ не имѣетъ звуковъ выше *соль,* вторый—выше *фа,* третій—выше *ми,* четвертый—выше *ре.* Послѣдніе четыре гласа различаются другъ отъ друга также одною степенью, только въ восходящемъ порядкѣ: пятый гласъ не употребляетъ звуковъ выше *ми,* шестый—выше *фа,* седьмый—выше *соль* и восьмый—выше *ля* [1]). Но затѣмъ близкаго взаимнаго сродства гласовъ главныхъ и производныхъ не видится; не существуетъ и переноса мелодій изъ одного гласа въ другой. Сходство же нѣкоторыхъ мелодическихъ

квинту выше), а мелодіи III гл. на кварту выше; въ изданіи г. Абламскаго глл. IV, V, VI, и VIII нотированы на кварту выше противъ прочихъ изданій; въ изданіи о. Соколова мелодіи гл. I нотированы на кварту ниже гиполидійской тональности.

[1]) »Теорія и практика церк. пѣнія«. М. 1886 г., стр. 81—81. Въ изданіяхъ допускающихъ произвольное нотированіе мелодій отношенія эти между *верхними* и нижними гласами нелсны.

строкъ въ разныхъ гласахъ [1]) должно объяснить случайностію совпаденія мелодій или же частныхъ мелодическихъ оборотовъ. Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія и того, что въ кіевскомъ и обычныхъ напѣвахъ гл. III и VII бѣдны количествомъ и мелодическимъ содержаніемъ своихъ строкъ, какъ тѣже гласы и большаго знаменнаго роспѣва; напротивъ, гл. II, IV, VI и VIII наиболѣе другихъ богаты мелодическимъ содержаніемъ,—знакъ, что означенные напѣвы и въ этомъ отношеніи не остались безъ вліянія на нихъ древнерусскаго *столповаго* церковнаго пѣнія.

Прослѣдимъ въ частности гласовыя области звуковъ и гласовыя примѣты *кіевскаго* и *обычныхъ* осмогласныхъ мелодій параллельно съ таковыми же областями и примѣтами гласовъ *малаго знаменнаго роспѣва* по изложенію его въ нотномъ *Обиходѣ* 1772 г. согласно съ самогласными стихирами *Октоиха*.

Первый гласъ малаго знаменнаго роспѣва, какъ и большаго, совершается въ *гиполидійской* тональности въ области пентахорда: *ре-ми-фа-соль-(ля)* съ господствующимъ звукомъ *ми* и конечнымъ *ре*. Тотъ же самый пентахордъ съ тѣмъ же конечнымъ звукомъ лежитъ въ основаніи и *кіевскаго* роспѣва съ *обычными напѣвами*. Но въ нихъ господствующій звукъ находится на терцію выше, именно *соль* (а не *ми*) при той же тоникѣ *до*. Это—простое перенесеніе мелодіи съ терціи на квинту въ томъ же аккордѣ или гармоническое замѣненіе звука *ми* звукомъ *соль*, постоянно допускаемое во всякаго рода мелодіяхъ при ихъ варіированіи и не измѣняющее сущности дѣла. Въ маломъ знаменномъ роспѣвѣ пентахордъ весьма рѣдко дополняется еще снизу звукомъ *до* (во 2 строкѣ I гл. предъ конечною ея нотою *ре*) и убавляется обыкновенно

---

[1]) Такъ сходны: конечныя строки въ V и VI гл. (въ VI на кварту выше), также въ I и IV (въ I на кварту выше).

сверху чрезъ выпущеніе звука *ля*, каковой звукъ и въ кіевскомъ роспѣвѣ употребляется только въ запѣвной строкѣ для усиленія перваго слога съ удареніемъ и то не во всѣхъ изданіяхъ.

Второй гласъ малаго знаменнаго роспѣва, кіевскаго и обычныхъ нотируется въ синодальныхъ изданіяхъ въ *гиполидійской* тональности по примѣру ирмосовъ большаго роспѣва, т. е. на кварту ниже противъ мелодій *Октоиха* (и изданія Н. Потулова), именно въ области (си) до-ре-ми-фа-(соль) съ опущеніемъ верхняго *соль* и добавленіемъ нижняго *си*[1]) и также съ господствующимъ звукомъ *ре* и конечнымъ *до*. Но въ конечной строкѣ кіевскаго и обычныхъ напѣвовъ послѣ окончанія *до* въ видѣ украшенія прибавленъ еще небольшой припѣвъ, оканчивающійся на *си*, что и служитъ единственнымъ ихъ отличіемъ отъ знаменнаго. Напѣвъ II гл. имѣлъ и другой *обычный* видъ (напр. въ придворномъ пѣніи), но съ тою же областію звуковъ и съ тѣми же гласовыми примѣтами, и только имѣетъ гармоническій характеръ *ре—минор*ъ, а не *соль—мажор*ъ.

Третій гласъ малаго, какъ и большаго знаменнаго роспѣва, нотируется въ *гиполидійской* тональности, въ области: *си-до-ре-ми-фа*, съ господствующими звуками *ми* и *ре* и конечнымъ *си*. Съ ними во всемъ имѣетъ буквальное сходство и роспѣвъ кіевскій со своими отраслями.

Четвертый гласъ большаго знаменнаго роспѣва совершается въ *гиполидійской* тональности въ области: *ре-ми-фа-соль-ля*[2]) съ господствующимъ знакомъ *фа* и конечнымъ *ми* или *ре*. Въ маломъ знаменномъ роспѣвѣ—тотъ же пента-

---

[1]) Въ маломъ знам. роспѣвѣ звукъ *си* см. напр. въ строкѣ 4 въ словахъ: »жертва вечерняя« и »крестъ бо претерпѣвъ«.

[2]) См. »Теорію и практику церк. пѣнія«, о. прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 58—59. По г. Арнольду гласъ этотъ происходитъ въ пентахордѣ: *ми-фа-соль-ля-(си♮)*.

хордъ и господствующій звукъ, но съ окончаніемъ *ре*. Ему въ точности послѣдуетъ и кіевскій съ своими отраслями, но только въ пониженной на кварту области звуковъ: *ля-си-до-ре-ми* съ соотвѣтствующимъ пониженіемъ и гласовыхъ примѣтъ.

Пятый гласъ большаго знаменнаго роспѣва нотируется иногда на квинту, иногда на кварту ниже нормальной его гиполидійской тональности, т. е. въ области: *до-ре-ми-фа-соль* или же: *ре-ми-фа-соль-ля*. Въ маломъ знаменномъ и кіевскомъ роспѣвѣ съ *обычными* гласъ этотъ нотированъ еще на кварту ниже второй изъ упомянутыхъ здѣсь областей, т. е. въ пентахордѣ: *ля-си-до-ре-ми* съ соотвѣтствующимъ пониженіемъ и гласовыхъ примѣтъ, т. е. съ господствующимъ звукомъ *ре* (иногда еще и *до*) и конечнымъ *ля* или, что тоже, внѣ установленныхъ тональностей, на двѣ кварты внизъ противъ нормальнаго его нотированія въ гиполидійской тональности.

Шестый гласъ какъ малаго знаменнаго роспѣва, такъ и кіевскаго съ его отраслями нотированъ буквально сходно съ старымъ знаменнымъ роспѣвомъ по сѵнодальнымъ его изданіямъ, именно въ области пентахорда: *до-ре-ми-фа-(соль)*, т. е. внѣ установленныхъ тональностей, на кварту ниже нормальной его гиполидійской тональности и также съ господствующимъ звукомъ *ми* (иногда еще и *ре*) и конечнымъ *ре*.

Седьмой гласъ въ маломъ знаменномъ и кіевскомъ роспѣвѣ съ его отраслями имѣетъ пентахордъ на терцію ниже области того же гласа большаго знаменнаго роспѣва, т. е. ихъ гласовая область звуковъ взята отъ конечнаго звука мелодій этого гласа *до*, какъ прославаномены лада внѣ установленныхъ тональностей, но съ тою же господствующею нотою *ми* (или *соль*) и отличается только конечнымъ *ре* вмѣсто *до*, стоящаго въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ внѣ гласовой области. Различіе господствующаго здѣсь звука зави-

ситъ, какъ и въ I гл. отъ двоякаго вида мелодическаго движенія въ этомъ гласѣ—въ терцію и въ квинту отъ тоники.

Восьмый гласъ малаго знаменнаго и кіевскаго роспѣва съ *обычными* совершается и нотируется буквально по образцу большаго знаменнаго роспѣва въ лидійской тональности въ области звуковъ: *ре-ми-фа-соль-(ля)*, съ господствующимъ звукомъ *фа* (иногда еще *ми*) и конечнымъ *ре*, и также съ добавкою къ пентахорду еще звука *до* (или до♯ предъ окончаніемъ періода въ *ре*), но обыкновенно съ опущеніемъ верхняго звука *ля*.

Отвѣтъ сельскому священнику В—ву на вопросъ, какъ поступить съ закоренѣлыми грѣшниками, чтобы довести до сознанія грѣха.

Привѣтъ вамъ, мой возлюбленный братъ во Христѣ, и сердечное желаніе полнаго успѣха въ вашей пастырской дѣятельности. Вы выражаете желаніе (см. № 12-й „Руков. для сельск. паст.), чтобы кто нибудь изъ вашихъ собратій подалъ вамъ совѣтъ, какъ поступить съ закоренѣлыми грѣшниками, чтобы довести ихъ до сознанія грѣха. Не хочу оставить вашего справедливаго желанія безъ удовлетворенія и откровенно скажу вамъ, какъ бы я самъ поступилъ на вашемъ мѣстѣ при подобномъ обстоятельствѣ. Побуждаюсь отвѣчать вамъ тѣмъ охотнѣе, что вы въ началѣ своей статьи упомянули, думаю, о мнѣ; въ такъ близкомъ всѣмъ намъ и такъ полно удовлетворяющемъ нашимъ пастырскимъ нуждамъ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ я писалъ, что говорю краткія наставленія при требахъ (Воспоминанія о прошломъ,— записки священника).

Дѣло у васъ, мой возлюбленный собратъ, въ затрудненіи, встрѣченномъ вами при исповѣданіи кающейся женщины.

На себѣ самомъ я испыталъ и испытываю, какъ иногда бываетъ трудно священнику исповѣдывать нѣкоторыхъ лицъ;— опасаешься, какъ бы и не отпустить кающагося безъ пробужденія въ его душѣ полнаго сознанія важности грѣховъ, какъ бы и не вооружить его противъ себя, не ожесточить строгимъ требованіямъ отъ него такого дѣйствія, которое не подъ силу его душѣ, еще несовсѣмъ окрѣпшей въ рѣшимости отстать отъ грѣха. Въ моей практикѣ былъ такой случай: въ первый разъ ко мнѣ приходитъ на исповѣдь кающійся и, какъ обычно инымъ исповѣдникамъ, на мой вопросъ: чѣмъ согрѣшилъ онъ предъ Господомъ Богомъ, отвѣчаетъ, что онъ согрѣшалъ, какъ и всякій человѣкъ, и что кается во всѣхъ своихъ грѣхахъ, но какихъ именно? не открываетъ. Говоритъ только, что онъ важныхъ грѣховъ не сдѣлалъ, не убилъ, не укралъ. Повѣяло на меня отъ него духомъ того, который говорилъ: *нисть, якоже прочіи цьловьцы, хищницы, неправедницы* (Лук. 18, 11). Но я побоялся намекнуть ему на этого человѣка; онъ пришелъ раскаяться въ своихъ грѣхахъ. Поэтому вслухъ его я благодарилъ Господа Бога, что Онъ сохранилъ исповѣдника отъ грѣховъ важныхъ, но объяснилъ ему, что и неважный въ глазахъ нашихъ грѣхъ, важенъ въ очахъ Божіихъ, что и неважнымъ своимъ грѣхомъ мы оскорбляемъ милосердаго Создателя и Господа, что и за неважные грѣхи наши страдалъ на крестѣ Спаситель нашъ, вочеловѣчившійся Сынъ Божій. А если и неважные грѣхи, говорилъ я ему, содѣлываемъ мы часто, постоянно, и ихъ бываетъ очень много, то и они должны лечь на нашей душѣ тяжелымъ камнемъ,—и неважными, но многочисленными грѣхами какъ много оскорбляемъ мы Царя небеснаго! И опять я приступилъ къ испытанію совѣсти кающагося, чѣмъ же онъ согрѣшилъ предъ Господомъ Богомъ? Какіе и неважные грѣхи чаще имъ допускались? Видимо, онъ не привыкъ къ такой исповѣди,—и я справедливо могу заключить, что прежде

онъ и отдѣлывался отъ своего духовника этою общею исповѣдію: каюсь во всѣхъ своихъ грѣхъ, а того-то и того-то я не сдѣлалъ. Но такая исповѣдь, по моему мнѣнію, вовсе не достаточна и при моихъ частныхъ вопросахъ исповѣднику оказались за нимъ грѣхи и важные; не преминулъ я указать ему на ихъ важность безъ обличенія, зачѣмъ онъ не сочелъ ихъ важности, но съ увѣщаніемъ ему, чтобы онъ оставилъ эти грѣхи. Оставить одинъ грѣхъ онъ затруднился, но я указалъ ему средство избѣжать его. Этимъ средствомъ воспользоваться онъ призналъ для себя неудобнымъ по своимъ обстоятельствамъ. И если бы я сталъ настаивать, чтобы онъ непремѣнно, или оставилъ грѣхъ, или воспользовался указаннымъ мною средствомъ; немудрено, чтобы произошло между мною и исповѣдникомъ то же, что вышло между вами, возлюбленный мой собратъ во Христѣ, и кающеюся предъ вами женщиною; онъ, пожалуй, сказалъ бы мнѣ: я этого и не могу, и не хочу. Да подумалъ бы, пожалуй, что впередъ никогда я и не пойду къ тебѣ на исповѣдь. Я ограничился только новымъ увѣщаніемъ, чтобы онъ постарался оставить этотъ грѣхъ и призывалъ въ помощь ему всесильную благодать Божію. Дальнѣйшее руководство къ исправленію его я предоставилъ будущему его раскаянію въ грѣхахъ.

Подобнымъ образомъ я поступилъ бы при исповѣди той женщины, которая при требованіи вашемъ, мой добрый собратъ, немедленно сегодня же идти къ обидѣвшему ее, можетъ быть, жестоко обидѣвшему, отказалась послушаться васъ; ей слишкомъ тяжкимъ показалось это требованіе ваше, да и безполезнымъ, какъ она говорила вамъ: „никакого толку изъ этого не выйдетъ, ходила прежде, а теперь не хочу“. При вашемъ настояніи и угрозѣ лишить ее пріобщенія св. Таинъ она, какъ видно, совсѣмъ ожесточилась на васъ и даже пригрозила вамъ, что вы ее вотъ больную лишаете причастія. А вѣдь и очень можетъ быть, что она слишкомъ нерв-

ная и больная женщина. Можетъ случиться еще вотъ что: лишенная вами пріобщенія св. Таинъ, она еще болѣе озлобится на васъ, сляжетъ даже въ постель, да и призоветъ васъ же пріобщать ее. И теперь печальное ваше положеніе сдѣлается еще болѣе печальнымъ. Но, дай Богъ, чтобы этого не было.

Я вотъ какъ бы поступилъ при исповѣданіи женщины, упоминаемой вами въ вашемъ дневникѣ. Она объявляетъ на исповѣди, или иначе кается въ томъ, что имѣетъ злобу въ своемъ сердцѣ. Я не послалъ бы ее для примиренія съ обидѣвшимъ ее, а сперва распросилъ бы ее, отчего это злоба у нея на ближняго, давно ли и почему она въ сердцѣ своемъ, словно тяжелый камень носитъ эту злобу, а не старается примириться съ ближнимъ? Она, конечно, отвѣтила бы мнѣ, что она ходила сама, чтобы помириться съ обидчикомъ, да мира все же не стало; видно, виновата была не она,—желавшая примириться съ обидѣвшимъ ее, а онъ, или не желавшій простить ее, или не перестававшій обижать ее, почему она и продолжала носить въ сердцѣ своемъ обиду на ближняго. Я посовѣтывалъ бы ей при случаѣ снова сходить къ обидѣвшему и помириться съ нимъ. Почему вы, сказалъ бы я ей, можете знать, что и послѣ другаго разу вы не примиритесь съ нимъ? Въ первый разъ, можетъ быть, вы и сами не совсѣмъ охотно желали помириться съ нимъ,—вотъ, мира между вами и не послѣдовало; можетъ быть и ближній вашъ чѣмъ нибудь былъ растроенъ и не былъ расположенъ примириться съ вами. Но я прошу васъ ради самаго Христа, пострадавшаго за насъ, не оставлять своего старанія примириться съ обидѣвшимъ васъ и теперь предъ Христомъ, здѣсь невидимо стоящимъ предъ нами, оставить свою злобу на ближняго, въ своемъ сердцѣ примириться съ нимъ и простить ему отъ всей души вашей обиду его вамъ. Припомните, что сдѣлалъ милосердый Спаситель нашъ съ Своими распи-

нателями,—Онъ молился за нихъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34). Послѣдуйте и вы примѣру Христа,—вы вѣдь христіанка,—усердно помолитесь за обидѣвшаго васъ,—и вамъ на сердцѣ будетъ легче, Господь расположитъ къ искреннему миру и васъ и вашего обидчика. Трудно предположить, чтобы кающаяся женщина не захотѣла примириться съ обидѣвшимъ ее въ своемъ сердцѣ. На угрозу вашу, мой честнѣйшій собратъ, лишить ее пріобщенія св. Таинъ, если она не пойдетъ примириться, она прямо объявила же вамъ: „да, можетъ быть, и схожу". Я сказалъ бы ей только на эти слова: вотъ и хорошо, что вы хотите послушаться меня и сходите при случаѣ и искренно примиритесь съ обидѣвшимъ васъ, а теперь примиритесь съ нимъ въ своемъ сердцѣ и перестаньтѣ носить въ душѣ вашей злобу на него. Вы, конечно, желаете удостоиться пріобщиться святыхъ и животворящихъ Таинъ Христовыхъ, пречистаго Тѣла и святѣйшей Крови Спасителя, а чрезъ то принять Его самаго въ свою душу. Но Онъ, премилосердый, будучи Самъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, любитъ обитать въ душѣ христіанской только незлобивой и смиренной; такъ постарайтесь же очистить свою душу отъ всякой злобы и неправды, и Господь, сладчайшій Іисусъ, придетъ къ вамъ и будетъ обитать въ васъ. И какъ будетъ хорошо вамъ,—какое блаженство будетъ въ душѣ вашей! Чѣмъ яснѣе я увидѣлъ бы нерасположеніе кающейся женщины слушаться меня и въ тотъ же день идти къ обидѣшему и помириться съ нимъ, тѣмъ менѣе я былъ бы настойчивъ въ своемъ требованіи. Нерасположенная къ миру, если бы и пошла мириться, миръ едва ли бы послѣдовалъ; что же бы вышло? можетъ быть еще большее озлобленіе между враждовавшими. По этому я и постарался бы сперва внушить ей расположеніе къ миру и потомъ уже посовѣтовалъ бы ей идти къ обидѣвшему мириться съ нимъ. Если бы я имѣлъ сомнѣніе, что кающаяся жен-

щина въ сердцѣ своемъ помирилась съ обидѣвшимъ ее; въ своей рѣчи предъ самымъ пріобщеніемъ св. Таинъ я сказалъ бы, между прочимъ: можетъ быть иной изъ васъ, братія мои, имѣетъ что нибудь на ближняго, бойся тотъ приступить къ святымъ, безсмертнымъ, животворящимъ, страшнымъ Таинамъ, и здѣсь же сію же минуту оставь тотъ всякую вражду, всякую злобу на ближняго своего, скажи изъ глубины своей души: Господи, исцѣли мою больную душу, избавь меня отъ нечистоты, отъ злобы, такъ меня мучащей,—скажи вмѣстѣ со всѣми: *вѣрую, Господи, и исповѣдую* и проч.

Но дѣло уже сдѣлано вами, мой возлюбленный собратъ въ Господѣ; по своей пастырской настойчивости къ примиренію съ ближнимъ кающейся души и непослушавшей васъ женщины, вы лишили ее пріобщенія св. Таинъ. Что же будетъ далѣе? Какъ вы поступите съ озлобленною на васъ женщиною? Позволяю себѣ и при настоящемъ вашемъ непріятномъ положеніи высказать свои мысли. Я такъ бы поступилъ на вашемъ мѣстѣ. Въ церкви ли увидѣлъ бы я ее, я самъ сказалъ бы ей, или поручилъ бы кому либо сказать ей у нея на дому, чтобы она пришла ко мнѣ на домъ; мнѣ необходимо ее видѣть и съ ней поговорить. И вотъ наединѣ я сказалъ бы ей, что сердце мое болитъ по ней; по своему ослушанію своего пастыря и отца духовнаго она лишилась пречистыхъ Таинъ Христовыхъ; ей, конечно, это лишеніе тяжело, а и мнѣ нелегко отъ этого. Чтобы успокоить себя и ее, вотъ, я и позвалъ ее къ себѣ. Затѣмъ я спросилъ бы ее, примирилась ли она съ обидѣвшимъ ее? И если она примирилась, то сталъ бы убѣждать ее въ ближайшее же воскресенье, или субботу приступить къ пріобщенію св. Таинъ. А если она оставалась дотолѣ безъ примиренія, то выразилъ бы свою скорбь о томъ, что она доселѣ носитъ такую тяжесть въ своемъ сердцѣ,—злобу на ближняго и сталъ бы убѣждать снять съ себя эту тяжесть. Вникнувъ въ суть дѣла, или

узнавъ, кто главнымъ образомъ виновенъ во враждѣ, я такъ бы сталъ и поступать, предложилъ бы даже женщинѣ самому съ ней идти къ обидѣвшему ее, чтобы примирить ихъ. Если бы она не согласилась идти со мною, я все же не преминулъ бы посѣтить обидѣвшаго ее и узнавъ, въ чемъ дѣло, и его сталъ бы убѣждать къ примиренію, или даже къ тому, чтобы онъ пошелъ къ огорченной или гнѣвающейся на него женщинѣ и примирился съ нею.

Большое затрудненіе будетъ къ примиренію, если причина раздора тайна для другихъ и неудобно сказать другимъ даже имени обидѣвшаго. Въ такомъ случаѣ все стараніе пастыря духовнаго должно простираться на то лице, которое кается въ грѣхѣ,—стараніе о томъ, чтобы оно по крайней мѣрѣ искренно примирилось съ обидѣвшимъ въ сердцѣ своемъ. Не забудетъ добрый пастырь и о томъ, чтобы возсылать къ преблагому Господу свои теплыя молитвы о примиреніи враждующихъ своихъ чадъ, особенно при принесеніи имъ безкровной жертвы—этой милости мира, жертвы хваленія. Можно сказать въ церкви, особенно въ Великій постъ нѣсколько поученій о томъ, какъ намъ приступать къ исповѣди и св. причащенію, или даже прямо о томъ, что во время говѣнія и приготовленія къ исповѣди мы должны постараться о примиреніи со всѣми, а особенно съ тѣми, съ которыми находимся во враждѣ или ссорѣ. П. І. П.

Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

О сохраненіи древнихъ церковныхъ документовъ.—Литовская духовная консисторія предписываетъ благочиннымъ церквей епархіи: 1) приложить всѣ заботы о приведеніи къ 1 октября 1888 года по церквамъ благочинія въ извѣстность и о составленіи описей всѣмъ стариннымъ—XV, XVI, XVII и XIII вѣковъ—церковнымъ

документамъ подлинникъ или въ копіяхъ, имущественнымъ записямъ, инвентарнымъ описямъ и визитамъ, съ указаніемъ ихъ содержанія, цѣлости самыхъ актовъ, печатей, даты—подписей, приписокъ на документахъ, и копіи съ такихъ описей представить въ консисторію для просмотра и назначенія изъ нихъ къ высылкѣ въ архивъ консисторіи тѣхъ, которые имѣютъ болѣе существенное и историческое значеніе для церкви и прихода. 2) Съ указанныхъ затѣмъ консисторіею болѣе важныхъ подлинныхъ документовъ снять копіи, вѣрность которыхъ должна быть засвидѣтельствована причтомъ и благочиннымъ (можно и нотаріальнымъ порядкомъ), для храненія при церкви, а подлинники съ должною бережностію выслать въ консисторію для храненія въ архивѣ; въ случаѣ, если бы снятіе копіи представило затрудненіе по ветхости самаго документа или же по особенности почерка письма, выслать таковые въ консисторію, которая будетъ просить Виленскую археографическую коммиссію объ оказаніи содѣйствія въ снятіи копіи.

Что должны наблюдать благочинные при выдачѣ удостовѣреній на полученіе причтами жалованья.—Екатеринбургская духовная консисторія объявляетъ къ свѣдѣнію о.о. благочинныхъ церквей епархіи, чтобы удостовѣреніе на полученіе причтами жалованья они выдавали съ полною осмотрительностію, только за время дѣйствительнаго служенія членовъ причта. Въ противномъ же случаѣ, за переполученіе жалованья, не подлежащаго членамъ причтовъ, взысканіе переполученнаго жалованья будетъ обращаемо и на нихъ, какъ виновныхъ въ допущеніи непорядковъ, возбуждающихъ излишнюю и обременительную переписку.

По вопросу о причащеніи дифтеритныхъ больныхъ и отпѣваніи умершихъ отъ этой болѣзни.—Донская духовная консисторія, вслѣдствіе отношенія Врачебнаго отдѣленія Областного Правленія войска Донскаго, объявляетъ священнослужителямъ епархіи, чтобы они не допускали дифтеритныхъ больныхъ къ причастію св. Таинъ изъ одного и того же сосуда и ложицы, изъ которыхъ причащаются здоровые, а также не допускали бы отпѣвать умершихъ отъ дифтерита въ церквахъ, такъ какъ это обстоятельство служитъ прямымъ, непосредственнымъ и однимъ изъ главныхъ источниковъ распространенія и развитія эпидемическихъ и заразныхъ болѣзней въ Области.

Объ оплатѣ гербовымъ сборомъ метрическихъ выписей.—Та же духовная консисторія объявляетъ духовенству епархіи къ непремѣнному исполненію, что, на основаніи 101 ст. Устава дух. конс., Устава о гербовомъ сборѣ и Высочайшаго повелѣнія 19 мая 1887 года объ увеличеніи съ 1 іюня того года гербоваго сбора, всѣ метрическія выписки, выдаваемыя духовенствомъ о случаяхъ рожденія, бракосочетанія и погребенія, подлежатъ оплатѣ гербовыми 80-копѣечными марками. Изъятію отъ этого сбора, согласно 2 п. ст. 46 и 4 п. ст. 64 Устава о гербовомъ сборѣ, подлежатъ только тѣ выписки, которыя поименованы въ алфавитномъ перечнѣ документовъ и актовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ (№ 185, пункты: а, б, в и г; № 221, пункты: 21 и 22), а именно не подлежатъ гербовому сбору: 1) выписки изъ метрическихъ книгъ (и прошенія о выдачѣ таковыхъ) о рожденіи и крещеніи младенцевъ, приносимыхъ въ воспитательныя дома Опекунскаго Совѣта учрежденій Императрицы Маріи; 2) выписки (и прошенія о выдачѣ таковыхъ) о рожденіи и крещеніи дѣтей нижнихъ чиновъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ (какъ состоящихъ на дѣйствительной службѣ, въ льготныхъ частяхъ и въ приготовительныхъ и запасныхъ отрядахъ, такъ и состоящихъ въ безсрочномъ отпуску и въ отставкахъ), нижнихъ служителей военной и морской службы, почтоваго и придворнаго вѣдомствъ и другихъ командъ или мѣстъ, а равно и выписки о рожденіи и крещеніи дѣтей у не приписавшихся еще къ податнымъ обществамъ солдатскихъ и матросскихъ дѣтей; 3) выписки, выдаваемыя по дѣламъ по воинской повинности, и 4) выписки, выдаваемыя церковными причтами по требованію волостныхъ правленій и для представленія въ казенныя палаты, о смерти тѣхъ членовъ крестьянскихъ семействъ, которые подлежатъ исключенію изъ подушнаго оклада (при чемъ въ этихъ выпискахъ должно быть прописываемо, что онѣ выдаются для представленія въ такое-то волостное правленіе собственно для исключенія изъ подушнаго оклада поименованнаго въ выпискѣ лица).

Отъ Кіев. дух. ценз. Комит. печатать дозволяется. Кіевъ, 1 іюля 1888 г. Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 30.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Іюля 24-го.

Содержаніе: Неотложный, первый и послѣдній законъ пастырскихъ попеченій для каждаго пастыря.—Возраженія старообрядцевъ противъ Православной Церкви.—Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви.—Изъ пастырской жизни.—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.—Полезныя свѣдѣнія.

Неотложный, первый и послѣдній законъ пастырскихъ попеченій для каждаго пастыря.

(Изъ рѣчи при вступленіи на паству сказанной эк.-орд. профес. С.-Петербургской дух. академіи священникомъ С. А. Соллертинскимъ).

...Въ манифестѣ 29-го апрѣля 1881 года Государю благоугодно было объявить, что̀ именно составляетъ первую и послѣднюю цѣль, къ достиженію которой Онъ будетъ стремиться во все продолженіе Своего царствованія. И какая же это цѣль? Исправленіе нравовъ, нравственное оздоровленіе, воздвиженіе царства Божія въ томъ широкомъ и большомъ углѣ, который называется Россіей. Эта торжественно объявленная Монархомъ цѣль государственной водимой Имъ

жизни точно и прямо повторяетъ великое слово Спасителя: „будьте совершенны какъ Отецъ вашъ небесный; ищите прежде всего царствія Божія“,—слово, которое Спаситель изрекъ послѣ того, какъ Онъ начерталъ признаки истиннаго христіанина,—слово, въ которомъ кратко выражена сущность всей нагорной бесѣды. Поэтому указанная цѣль есть неотложный, первый и послѣдній законъ пастырскихъ попеченій для каждаго пастыря и слѣдовательно въ частности для меня.

Готовно отдаваясь ей и отъ души обязуясь предъ Богомъ и вами содѣйствовать ея достиженію въ своихъ предѣлахъ, я прежде всего долженъ согласиться съ тѣмъ, что пастырь находится сравнительно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Не мы одни конечно изучаемъ и стараемся исправить зло, тяготѣющее надъ христіанскими душами. Не то же ли дѣлаетъ пресса, которая разсказываетъ и обсуждаетъ разные дѣйствительные случаи совершаемаго зла? Не то же ли дѣлаютъ сочинители повѣстей и романовъ, когда они стараются подмѣтить нравственно дурныя стороны, живущія и укоренившіяся въ современномъ обществѣ? Не то же ли дѣлаютъ наконецъ суды? Все это—то же пастыри. Но во 1-хъ *для насъ* пастырство есть не только главное, а и единственное дѣло; и поэтому бывающіе случаи грѣховности мы никогда не можемъ извѣдывать ради простаго любопытства и цѣнить, просто какъ интересную новость; поэтому же оцѣняемъ ихъ мы исключительно по закону Христовой правды, не поддавась и закону той красоты, благодаря которой не весьма рѣдко порокъ является у свѣтскихъ пастырей въ заманчивомъ видѣ. А существенное наше отличіе въ томъ, что мы имѣемъ благодать священства и служимъ посредниками благодати Божіей, ниспосылаемой людямъ. Благодаря *этому* согрѣшившій человѣкъ предъ нами—другой человѣкъ. Не запираться и всячески замолчать свой грѣхъ онъ хочетъ предъ нами; но освободить свою совѣсть и душу отъ давящей его тяжести. Не

много умѣнья требуется для того, чтобы онъ понялъ, что мы—посредники, и въ присутствіи насъ какъ бы бесѣдовалъ бы съ самимъ Богомъ, не умалчивая изъ стыда и земной боязни своихъ грѣховъ. Священство даетъ намъ возможность знать наличное зло съ точностію, превосходящею всякія сравненія. Но этого мало. Всякій, въ комъ есть малая доля разума и совѣсти, знаетъ и помнитъ, что то присутственное мѣсто, въ которомъ мы служимъ,—храмъ, передній уголъ съ иконами въ домѣ, добрая совѣсть приходящихъ къ намъ, есть домъ Божій. Всякій не совсѣмъ легкомысленный человѣкъ, приходящій къ намъ, когда мы отправляемъ свое великое дѣло, старается поднять себя, подавить въ себѣ все грѣховное и жить хоть на это время сплошь, исключительно однимъ чувствомъ Бога, стоять на сторонѣ добраго и христіанскаго настолько всецѣло, насколько это ему доступно. Поэтому въ общемъ христіанинъ является предъ нами не только не скрывающимъ своей грѣховности, но и прямо открытымъ, готовнымъ къ слову нашего пастырскаго назиданія.

Дѣло нравственнаго исправленія такъ велико и сложно, что принимающій на себя оное не можетъ, да и не долженъ упускать изъ виду серьезнѣйшихъ препятствій къ успѣшному его веденію. Первое разумѣется лежитъ въ необходимомъ для успѣха соотвѣтствіи между словомъ пастыря и его собственной жизнію. Какъ я могу говорить противъ сребролюбія, если самъ повиненъ въ немъ? Какъ я могу настойчиво призывать къ цѣломудрію, если самъ валяюсь въ безднѣ грѣховной? Какъ я могу говорить: слѣдуйте Христу,—собственно говоря, только одинъ разъ Онъ имѣлъ въ виду опредѣленное лицо; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ лица для Него не было, было фарисейство, саддукейство, забота о мамонѣ—явленіе зла, или несовершенства,—какъ я могу говорить это, если въ своей проповѣди не буду соблюдать того безпристрастія, по которому отдѣльный какой либо прихожанинъ угадываетъ,

что я говорю о такой слабости, которая сдѣлалась мнѣ извѣстною изъ его признанія; но въ то же время видитъ, что я говорю все-таки не о немъ, а о слабости, которая *замѣчена* мною у него, но можетъ быть и въ другомъ и въ третьемъ?

Справедливость однако требуетъ сказать, что это препятствіе могло бы смущать меня лишь въ томъ случаѣ, если бы я по рѣшительной жестоковыйности совсѣмъ отказался отъ требованія жить согласно христіанскому закону. Въ противномъ же случаѣ развѣ лишь по внушеніямъ лежащаго во мнѣ зла я бы могъ забывать о навѣрно свойственной вамъ умной благоснисходительности. Вы знаете, что даже при всѣхъ стараніяхъ человѣку, потому что онъ *человѣкъ*, совершенство недоступно; а со временемъ для васъ само собою выяснится, какая мѣра *приблизительной* чистоты душевной, незлобія, любви, а также терпѣливости и умѣнья доступна мнѣ при *моихъ* силахъ и средствахъ. Поэтому на дѣло свое я выступаю съ твердой вѣрой въ то, что грѣховность моя не будетъ мѣшать успѣху моихъ назиданій ровно до тѣхъ поръ, пока во мнѣ замѣтно для васъ будетъ жить живая готовность къ посильному преодолѣнію въ себѣ ветхаго человѣка. При таковой готовности недостатки и грѣхи проповѣдника васъ не будутъ соблазнять, хотя конечно вы не только должны видѣть и цѣнить ихъ по должному, но будете и должны, соблюдая мѣру заслуженнаго мною достоинства, будете и должны, говорю, ставить ихъ мнѣ на видъ, дабы въ случаѣ недоразумѣнія, недоразумѣніе выяснилось; а въ томъ случаѣ, когда я дѣйствительно впалъ въ ошибку или въ грѣхъ, я бы лучше видѣлъ, что мнѣ нужно преобороть въ себѣ при помощи Пастыреначальника Христа.

Безпримѣрно бо́льшее препятствіе встрѣчается со стороны духа нашего времени. Многіе умы пытались и пытаются опредѣлить, въ чемъ его сущность и гдѣ корень его противленія истинной христіанственности. Позвольте сказать и мнѣ

свое мнѣніе. Позвольте мнѣ обратить васъ къ древнѣйшимъ временамъ, свидѣтельство о которыхъ сохранилось лишь въ баснях, въ баснях о звѣряхъ, изъ коихъ побѣждаемые надѣлены силой физической, а побѣдителямъ присваивается сила ума-хитрости. Отпавши отъ Бога, человѣкъ скоро почувствовалъ, что онъ остается безъ всякой помощи, а самъ ни съ чѣмъ не можетъ совладать. Непогода, буря, хищное животное—все сильнѣе его, все одолѣваетъ и даже подавляетъ его. Впавши сначала въ полное отчаяніе, засимъ въ разнообразныхъ попыткахъ сохранить и защитить себя, онъ натолкнулся на лежащую въ немъ способность ума пріискивать искусственныя средства къ сохраненію своего благополучія и силу побѣждать хитростію. Онъ понялъ, что ему принадлежитъ такая сила, которая по видимому ничтожна, на дѣлѣ же въ состояніи побѣдить самую великую физическую силу. Въ радости онъ увлекается этой силою, старается укрѣпить и расширить ее въ себѣ, пользуется ею, гдѣ только можно и какъ только можно, и долго долго не задаетъ себѣ вопроса: да всякая ли цѣль заслуживаетъ того, чтобы достигать ее, затѣмъ—всѣ ли средства, подсказываемыя умомъ-хитростію, одинаково хороши и дозволительны? А отсюда вышло то, что умъ-то у него изощрился, но вмѣстѣ съ этимъ онъ потерялъ умѣнье различать доброе отъ злаго; и въ концѣ концовъ самъ долженъ былъ признаться, что правда улетѣла на небо, а на землѣ осталась и царствуетъ кривда. Не напоминаетъ ли это отдаленное время *нашего* времени? Достигши змѣиной мудрости, не утратили ли мы чистоты голубиной?..

Не преувеличиваю указанной опасности и не говорю, что теперь начинаетъ исполняться пророчество Спасителя о признакахъ послѣдняго времени. Терпѣливое и неторопливое сужденіе обращаетъ мысли въ другую сторону. Ежедневные опыты показываютъ, что при послѣднемъ своемъ исходѣ болѣзнь, овладѣвшая человѣкомъ, какъ бы собираетъ всѣ свои

силы, чтобы побороть его, и чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ ея приступъ сильнѣе. Потомъ бываетъ переломъ, и человѣкъ ослабѣлъ, страшно ослабѣлъ; но выздоровленіе его есть лишь вопросъ времени. Христосъ стучится вездѣ и всюду посредѣ насъ. Сдѣлаетъ ли кто уклоненіе отъ правилъ христіанской семейной жизни, и горькій опытъ показываетъ, что такъ жить нельзя. Всмотримся ли мы въ требованія общественной дѣятельности, и опять оказывается, что чины, почетъ, благосостояніе вѣрнѣе всего получаются, когда это дѣло мы совершаемъ въ Богѣ и для Бога. Не только зло по истинѣ есть великанъ съ ногами изъ глины, но мы такъ долго и давно живемъ въ христіанствѣ, что христіанственность для насъ есть единственно возможный путь и образъ жизни. Хрупкій великанъ это видитъ и теперь собралъ всѣ свои силы, чтобы удержать свое господство надъ христіанскими душами; и кажется здѣсь разгадка особенностей нынѣшняго вѣка.

Такимъ образомъ отчаяваться основаній нѣтъ. Но переломъ, кризисъ можетъ идти долгіе и долгіе годы. И въ такое именно время переходное пастырское попеченіе является наиболѣе труднымъ: мы такъ любимъ и такъ привыкли, чтобы все достигалось само собою, пусть чрезъ болѣе, несравненно болѣе длинное время, но взамѣнъ этого безъ особыхъ напряженій и усилій съ нашей стороны. А между тѣмъ оно, пастырское это попеченіе, нужно въ такія времена переломовъ болѣе, чѣмъ когда нибудь. Не всегда умираетъ болѣзнь въ человѣкѣ; умираетъ и человѣкъ отъ болѣзни, когда не соблюдены всѣ нужныя и видимыя предосторожности; иногда не умираетъ; но онъ надломленъ и потомство отъ него хилое.

Возраженія старообрядцевъ противъ Православной Церкви.

1) Русскій Императоръ есть ли глава Церкви, имѣющій и духовную и свѣтскую власть?

При собесѣдованіи съ старообрядцами 13-го іюля въ Дубовскомъ соборѣ одинъ изъ старообрядцевъ возразилъ: „русская Церковь управляется не высшею духовною властію, а свѣтскою, Императорскою властію; со времени Петра I высшая духовная власть надъ Церковію перешла въ руки Императора и русскій Императоръ сдѣлался главою Церкви; Церковь русская потому не есть уже Церковь, а свѣтское учрежденіе, управляемое свѣтскою властію; слѣдовательно въ русской Церкви нѣтъ ни истинной іерархіи, ни истинныхъ таинствъ, нѣтъ въ ней и спасенія. *Въ Регламентѣ* Императоръ Петръ назвалъ себя прямо Священнѣйшимъ Величествомъ (стр. 85, л. 6) и крайнимъ судіею духовной коллегіи, или Св. Синода. Русскій Императоръ самъ себя своими руками и коронуетъ.

Старообрядцу разъяснено. Нѣтъ никакого основанія думать, что русская Церковь со времени Петра I сдѣлалась свѣтскимъ учрежденіемъ, что она стала управляться одною свѣтскою властію, что въ ней уже нѣтъ болѣе истинной іерархіи и таинствъ, необходомыхъ для спасенія. Высшая духовная власть надъ Церковію не перешла ни къ самому Петру I, ни къ его преемникамъ; эта власть всегда принадлежала и принадлежитъ высшей іерархіи въ Церкви русской. Если Императоръ Петръ названъ въ *Регламентѣ Священнѣйшимъ Величествомъ,* то это названіе не есть титулъ духовной власти, а означаетъ только то, что онъ, при воцареніи, освященъ св. мѵропомазаніемъ и церковнымъ чиномъ вѣнчанія на царство: какъ и *Богомъ вѣнчанный и Богомъ*

почтенный, пресвѣтлѣйшій и преславный великій Государь Ѳеодоръ Іоанновичъ (Кормч. стр. 14 наобор.), и какъ *Богомъ вѣнчанный и святопомазанный Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ* (—стр. 26). Если такъ же Императоръ Петръ названъ въ *Регламентѣ крайнимъ судіею духовной коллегіи,* или Св. Синода, то и это названіе не больше означаетъ, какъ только преимущество чести. Царь—*крайній судія* не въ духовныхъ дѣлахъ Церкви, а во внѣшнихъ, наружныхъ ея дѣлахъ, въ защитѣ и покровительствѣ правъ Церкви, въ наказаніи ея враговъ, еретиковъ и раскольниковъ, и под., какъ и *истинный рачитель благочестія, державнѣйшій Царь всея земли русскія премудрый исходатай и благоразумный поспѣшникъ* (Церкви), *Государь Царь, Ѳеодоръ Іоанновичъ* (стр. 15). Если, *по Регламенту* (л. 92), Императоръ утверждаетъ епископомъ одного изъ избранныхъ Св. Синодомъ кандидатовъ, то и *великій Государь, Ѳеодоръ Іоанновичъ, изволилъ, по избранію всего освященнаго собора,* утвердить *Іова* первымъ въ Россіи патріархомъ (стр. 17); и *христолюбивый Государь. Михаилъ Ѳеодоровичъ изволилъ* такъ же утвердить Филарета, избраннаго соборомъ епископовъ въ русскіе же патріархи; и къ тому же, онъ подтвердилъ *Уложеніе,* чтобы въ Россіи поставлялся патріархъ отъ своихъ русскихъ епископовъ, *егоже изволитъ Богъ и царскаго Величества благочестіе повелитъ* (стр. 36 на обор.). Въ *Регламентѣ* выяснено, что *духовная коллегія имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую или едва и не большую, понеже—соборъ* (стр. 91). Почему *духовная коллегія, то есть духовное соборное правительство имѣетъ всякія духовныя дѣла управлять; и всѣмъ, духовнымъ и мірскимъ, имѣть сіе за важное правительство* (рѣшенія и вершенія), *и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться, и указомъ его слушать во всемъ, подъ великимъ*

за противленіе и ослушаніе наказаніемъ (стр. 2 наобор.). Въ *Регламентѣ* ясно указаны и *дѣла духовныя,* подлежащія *суду духовной коллегіи,* но не суду свѣтской власти (лл. 33—44). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что русская Церковь такова же и нынѣ при императорахъ, каковою она была и прежде при царяхъ, что духовная власть и сила Церкви и нынѣ таже при управленіи Св. Синода, какова была у ней и при патріархахъ. Хотя при императорѣ Петрѣ I патріаршество замѣнено Св. Синодомъ, но сила и власть церковная нисколько чрезъ то не уменьшилась. Патріаршество въ Россіи утверждено четырьмя восточными патріархами со властію, равною ихъ власти: и Св. Синодъ утвержденъ ими же и съ тою же властію, патріаршей ихъ власти равною (грамоты 4 всел. патр. стр. 9—21). Какъ русскіе цари при патріархахъ не были главами Церкви, такъ императоры при Св. Синодѣ, никогда не были главами ея. Но какъ тогда цари были покровителями и защитниками Церкви и карателями враговъ ея, такъ и нынѣ благочестивые императоры, старшіе сыны Церкви, пекутся о ней и ограждаютъ ее отъ враговъ ея, еретиковъ и раскольниковъ. Слѣдовательно, совсѣмъ не основательно думать, что будто русская Церковь нынѣ, при императорахъ и Св. Синодѣ, не имѣетъ истинной іерархіи и истинныхъ и спасительныхъ таинствъ. Самымъ дѣйствительнымъ и наглядными для всѣхъ доказательствомъ силы Божіей и спасительности въ нашей Церкви служитъ то, что въ ней, и въ наши дни, открываются св. мощи угодниковъ Божіихъ и являются чудотворныя иконы. Такъ, сколько чудесъ было отъ нетлѣнныхъ мощей святителя Христова Тихона Задонскаго! Сотни тысячъ христіанъ были свидѣтелями чудесъ при открытіи мощей его! Сколько такъ же источается чудотворныхъ дѣйствій исцѣленія отъ св. иконы Богородицы, именуемыя *Козельщанскія,* недавно явившейся въ м. *Козельщинѣ!*—Вѣдь все это засвидѣтельствовано и свидѣ-

тельствуется, говоримъ, многочисленными христіанами, разнаго званія и пола, которые своими глазами видѣли и видятъ, осязали и осязаютъ эти благодатныя и спасительныя дѣйствія въ нашей св. Церкви. Не хочетъ видѣть сего и вѣрить сему одно только закоренѣлое упорство изувѣровъ, подобныхъ тѣмъ іудеямъ, современникамъ Христа Спасителя, кои безсовѣстно не хотѣли признавать чудесъ Его, предъ глазами ихъ совершаемыхъ.—Совсѣмъ несправедливо и то старообрядческое мнѣніе, что будто русскій императоръ *самъ себя коронуетъ*, а не *Церковь его коронуетъ*. Старѣйшій первенствующій митрополитъ, членъ Св. Синода, подаетъ ему царскую корону и хоть предоставляетъ самому ему, въ знакъ чести, надѣть на себя корону, но первенствующій членъ Св. Синода въ самое это время читаетъ молитву, положенную Церковію на сей случай. Первенствующій членъ Св. Синода и помазываетъ государя св. мукомъ. И поэтому не самъ себя вѣнчаетъ императоръ, а св. Церковь своимъ благословеніемъ вѣнчаетъ его.

2) Единовѣріе не кленетъ ли православія?

При собесѣдованіи 5-го октября въ Дубовскомъ соборѣ, одинъ старообрядецъ возразилъ: „когда единовѣрческій священникъ, присоединяя кого отъ ереси, по *потребникамъ п. Филарета и Іосифа*, учитъ присоединяемаго произносить клятву: *иже не креститъ, двумя персты, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ;* тогда онъ не заставляетъ ли присоединяемаго проклинать *троеперстіе и именословіе* греко-россійской Церкви, такъ какъ *троеперстіе и именословіе* не есть двуперствіе?“

Старообрядцу разъяснено. Эти слова клятвы у п. Филарета помѣщены единственно *въ чинѣ присоединенія хвалисовъ, или яковитовъ;* въ другихъ его *чинахъ присоединенія отъ ересей* словъ сихъ нѣтъ. *Хвалисы-яковиты,* исповѣдуя

во Христѣ одно естество, выражаютъ сію, *монофизитскую ересь* тѣмъ, что крестятся и благословляютъ однимъ перстомъ. Въ Кормчей (л. 294 наобор.) объ *яковитехъ* пишется: *яковити подобни суть болящимъ евтихіевой ересью и единоволнымъ,—оби естествы* (во Христѣ) *сливающе,—единымъ перстомъ перекрещиваются отъ львыя стороны на правую.* И священникъ единовѣрческій, заставляя яковита проклинать свою ересь, выражаемую *единоперстіемъ,* учитъ его исповѣдывать *двумя перстами* два естества во Христѣ, во единомъ Его лицѣ, какъ и Петръ Дамаскинъ въ Сиріи, въ обличеніе *одноперстниковъ монофизитовъ,* училъ православныхъ креститься *двуми перстами и единой рукой,* чтобы выражать тѣмъ свою вѣру въ Іисуса Христа, *во двою естеству, и во единомъ составѣ познаваема.* Но такъ какъ *въ троеперстіи и въ именословіи* не заключается монофазитства яковитовъ, а исповѣдуется православное ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ, *неслитно и нераздѣльно во единой Vпостаси,* и такъ же—ученіе о Троицѣ единосущной и нераздѣльной, то оная клятва вовсе не относится къ православнымъ симъ перстосложеніямъ. Напротивъ же, слова: *иже не креститъ двумя персты, якоже и Христосъ,* еще ограждаютъ *именословное благословеніе* православныхъ пастырей, при которомъ особенно выдаются *два перста,* и которое, поэтому, справедливо можно назвать *двуперстнымъ,* какъ и Спаситель на иконахъ изображается съ такимъ благословеніемъ.

Въ *потребникѣ п. Іосифа* тѣже самыя слова клятвы помѣщены такъ же въ одномъ только *чинѣ присоединенія отъ латинъ,* а въ другихъ чинахъ присоединенія отъ ересей нѣтъ сихъ словъ. Въ этомъ *чинѣ* у Филарета говорится (ст. 24): *проклинаю иже неистинно творящихъ крестное начертаніе, иже на своемъ лицѣ крестъ единымъ перстомъ начертаютъ латины, яко моноѳелиты, и тако*

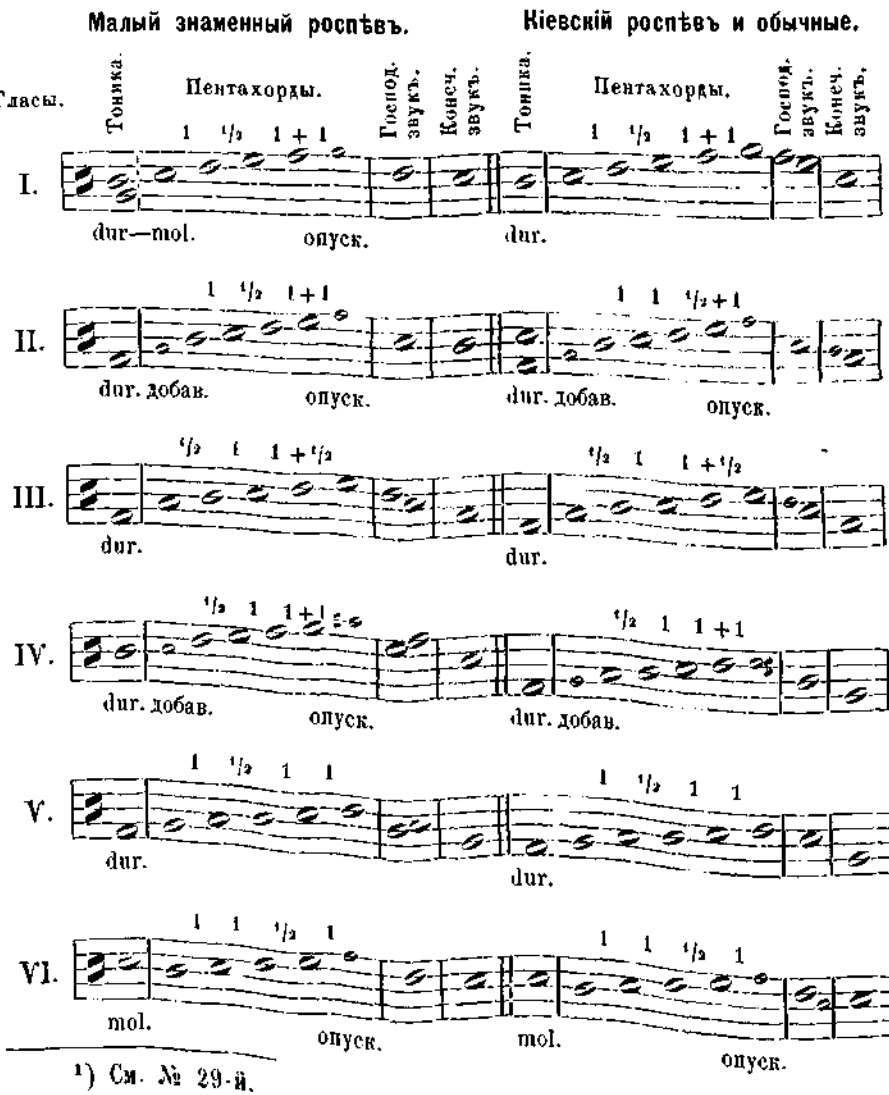
причастни ереси ихъ обрѣтаются (стр. 70 наобор.); а затѣмъ слѣдуютъ въ *чинѣ* и слова: *иже не креститъ двумя персты, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ* (стр. 71 наобор.). И здѣсь единовѣрческій священникъ, заставляя присоединяемаго отъ латинъ проклинать начертаніе на своемъ лицѣ креста *единымъ перстомъ, яко монофелиты,* учитъ его *двумя перстами* исповѣдывать *двѣ воли* во Христѣ, Божескую и человѣческую, а отнюдь не учитъ проклинать *троеперстіе,* въ которомъ исповѣдуются Св. Троица и вкупѣ смотрѣніе Богочеловѣка Христа, въ двухъ естествахъ и въ двухъ воляхъ; не учитъ священникъ проклинать такъ же *и именословное благословеніе,* наглядно выражающее выдающимися *двумя перстами имя Іисуса* Богочеловѣка *въ двухъ Его воляхъ;* тогда какъ латинское благословеніе, *пятью* разъединенными *перстами,* выражаетъ, что-то странное: почему присоединяемый отъ латинъ и произноситъ вслѣдъ за священникомъ (ст. 23), „проклинаю иже въ латинахъ творимое странно нѣкако благословеніе *пятьми персты*“ (стр. 70 наобор.).

Такимъ образомъ единовѣрческій *чинъ присоединенія яковитовъ и латинъ* наводитъ проклятіе на *монофизитскую и моноѳелитскую ересь,* а не на *троеперстіе и именословіе,* которыми исповѣдуются Св. Троица *и Единъ Сый Св. Троицы,* Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ, *не во двою лицу раздѣляемый,* но *во двою естеству* и въ *двухъ воляхъ, неслитно познаваемый.*

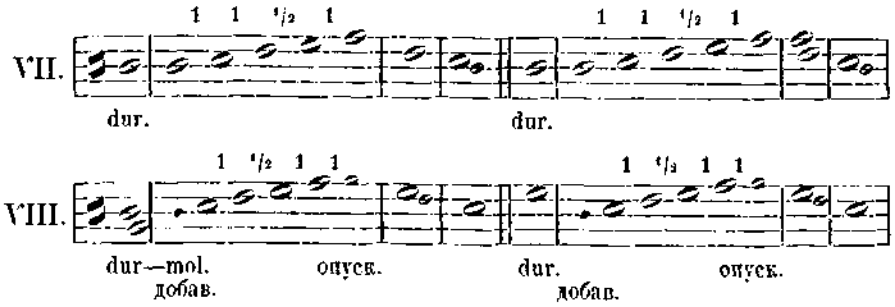
Протоіерей **Андрей Флегматовъ.**

Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви [1]).

Вообще *гласовыя области* звуковъ и *приметы* разсматриваемыхъ нами *дневныхъ* роспѣвовъ—малаго знаменнаго и кіевскаго съ его отраслями—въ це-фа-утномъ ключѣ имѣютъ слѣдующій *общій видъ:*



[1]) См. № 29-й.



Изъ сравненія этихъ таблицъ между собою и съ таковыми же таблицами большаго знаменнаго роспѣва, а равно и византійскаго осмогласія [1]) ясно: 1) что *кіевскій* роспѣвъ со своими отраслями имѣетъ совершенно тѣже музыкальныя основанія, какія и *малый знаменный* роспѣвъ. Отступленія кіевскаго роспѣва въ господствующемъ звукѣ I гл. и въ конечномъ II гл. неважны, такъ какъ господствующій звукъ I гл. *соль* состоитъ въ гармоническомъ замѣненіи звука *ми* въ томъ же аккордѣ, а конечный звукъ II гл. *си* есть звукъ добавочный къ нормальному окончанію этого гласа *до;* 2) какъ малый знаменный роспѣвъ такъ и кіевскій съ его отраслями имѣютъ вообще тѣже области звуковъ, туже послѣдовательность интерваллов, тѣже господствующіе и конечные звуки, какіе имѣетъ и большой знаменный роспѣвъ и какія требуются византійскою теоріею церковнаго осмогласія; 3) отступленія *дневныхъ* роспѣвовъ отъ нормы касаются лишь частностей, при томъ не многочисленны и не важны. Одни изъ нихъ дозволительны теоріею, напр., сокращеніе или разширеніе гласовыхъ областей, другія—обычны въ знаменномъ роспѣвѣ, напр., произвольный выборъ тональностей, нотированіе мелодій на кварту внизъ внѣ тональностей лидійской и гиполидійской, разнообразіе конечныхъ звуковъ и проч.[2]),

[1]) См. жур. »Руков. для сельск. паст.« за 1887 г. »О церк. пѣніи Правосл. Греко-Россійской Церкви«.

[2]) Объ уклоненіяхъ большаго знаменнаго роспѣва отъ теоріи византійскаго осмогласія см. тамъ же № 29, стр. 407—411.

иныя существуютъ только въ партесныхъ переложеніяхъ мелодій, каковы: тотъ же произволъ нотированія мелодій и обиліе перемѣнныхъ знаковъ, иныя разности зависятъ отъ различія варіантовъ того же напѣва, напр., въ гл. II и VII, и наконецъ нѣкоторыя изъ нихъ удобоисправимы.

Къ болѣе важнымъ отступленіямъ *дневныхъ* роспѣвовъ отъ нормы должно отнести построеніе пентахордовъ и гласовыхъ примѣтъ производныхъ гласовъ V, VI и VII, которые нотированы несогласно съ теоріею византійскаго осмогласія и не удерживаютъ ни установленныхъ для этихъ гласовъ степеней высоты звуковъ, ни послѣдовательности интерваллов. Но, какъ мы видѣли, пентахордъ VI гл. построенъ буквально по образцу большаго знаменнаго роспѣва, область V гл. взята на двѣ кварты внизъ отъ нормальной ея высоты, очевидно въ виду практическихъ удобствъ пѣнія, а область VII гл. понижена на терцію въ виду окончанія мелодій этого гласа, которое по теоріи должно быть или низшимъ или сосѣднимъ съ нимъ звукомъ гласоваго пентахорда *(прослава-номеною* или же *гипатою)*.

Наибольшую затѣмъ разность *дневныхъ* роспѣвовъ „на Господи воззвахъ“ съ большимъ знаменнымъ роспѣвомъ мы видимъ въ *мажорномъ* или *минорномъ* характерѣ гласовыхъ мелодій и въ ихъ гармоническихъ тоникахъ. Разность эта зависитъ: 1) отъ измѣненія въ дневныхъ напѣвахъ мелодическаго движенія, 2) отъ различія варіантовъ одного и того же напѣва, 3) отъ той или иной начальной строки гласа, 4) отъ разности гармоническаго толкованія мелодій. Вообще кіевскій роспѣвъ и обычные „на Господи воззвахъ“, соотвѣтственно гражданскимъ и церковнымъ событіямъ въ Россіи въ послѣдніе три вѣка, имѣютъ мажорный—веселый характеръ, за исключеніемъ гл. VI, имѣющаго назначеніе вообще для пѣнія печальныхъ пѣснопѣній, и еще гл. II придворнаго напѣва, которые имѣютъ тоникою звукъ *ре*. Тоники прочихъ гла-

совъ суть: нижнее *соль* или же *до,* а въ гл. VIII—*фа.* Мелодіи малаго знаменнаго роспѣва, кромѣ гл. VI, также начинаются въ мажорѣ, но въ глл. I и VIII изобилуютъ аккордами минорнаго характера, почему гласы эти, смѣшанные по своему характеру, въ обыкновенной пѣвческой практикѣ и употребляются во дни скорби, поста и покаянія. Но должно замѣтить, что мажорный или минорный характеръ гласовъ и ихъ *тоники* не опредѣляются въ самомъ византійскомъ церковномъ осмогласіи, а выводятся его новѣйшими изслѣдователями на основаніи гармоническихъ началъ мелодій, въ дѣйствительности же въ древнемъ греческомъ пѣніи, какъ и въ народномъ русскомъ, не существуетъ ни мажора, ни минора въ позднѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ, а есть только извѣстнаго порядка *лады* тоновъ или *погласицы* [1]).

Части гласовыхъ мелодій или мелодическія строки и ихъ члены въ дневныхъ стихирныхъ напѣвахъ.

Гласовыя мелодіи „на Господи воззвахъ“ роспѣвовъ *малаго знаменнаго, кіевскаго* и *обычныхъ,* какъ мы видѣли, построены почти буквально на музыкальныхъ основаніяхъ, принятыхъ въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ, и въ этомъ отношеніи, при всемъ кажущемся различіи ихъ мелодій, менѣе отступаютъ отъ своихъ образцовъ и формъ, чѣмъ большой знаменный роспѣвъ съ его видами отъ формъ, установленныхъ византійскою теоріею осмогласія. Но нельзя того же сказать объ этихъ роспѣвахъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, т. е. относительно состава мелодическихъ строкъ и ихъ частей, свойствъ мелодическаго движенія и наконецъ словеснаго ритма. Въ этихъ отношеніяхъ означенные роспѣвы удержи-

[1]) См. объ этомъ, напр., »Краткія замѣтки о характеристикѣ русскаго церк. правосл. пѣнія« стат. князя В. Ѳ. Одоевскаго, стр. 42; также »Народное мірское пѣніе« А. Н. Сѣрова, стр. 34.—Статьи читанныя на археологич. съѣздѣ въ Москвѣ въ 1871 г.

ваютъ только нѣкоторыя свойства большаго знаменнаго роспѣва и лишь въ слабой степени, и напротивъ заключаютъ въ себѣ довольно свойствъ ему чуждыхъ.

Гласовая мелодія каждаго изъ восьми гласовъ означенныхъ *дневныхъ* роспѣвовъ состоитъ изъ отдѣльныхъ краткихъ мелодій, легко различаемыхъ при пѣніи и повторяющихся, называемыхъ мелодическими строками. Строки эти сочетаваются въ группы (изъ 2—3 строкъ каждая), которыхъ въ каждомъ гласѣ бываетъ только по одной, имѣютъ каждая опредѣленную музыкальную форму и слѣдуютъ въ своей группѣ въ однажды установленномъ строго опредѣленномъ порядкѣ, отдѣляясь одна отъ другой *малыми* или *средними несовершенными окончаніями* Дневные напѣвы *среднихъ совершенныхъ окончаній* или большихъ отдыховъ, означающихъ окончаніе періода въ срединѣ пѣснопѣній, не имѣютъ. Къ гласовой группѣ строкъ при окончаніи всего пѣснопѣнія въ каждомъ гласѣ присоединяется особая заключительная или *конечная* строка, а въ нѣкоторыхъ немногихъ гласахъ въ началѣ бываетъ сверхъ того и особая строка начинательная или *затьвная*. Строки *затьвная* и *конечная* не входятъ въ группу среднихъ гласовыхъ строкъ и не повторяются въ срединѣ пѣснопѣнія.

Предѣлы строкъ обозначаются движеніемъ мелодіи и ея *средними* остановками или *несовершенными окончаніями* сообразно краткимъ отдѣламъ выпѣваемаго текста. Мелодическая строка къ концу понижается въ своихъ звукахъ и оканчивается на протяженную ноту—въ срединѣ пѣснопѣнія обыкновенно *бѣлую,* а въ концѣ *цѣлую.* Въ Минеи строки текста, соотвѣтствующія мелодическимъ строкамъ напѣва, отдѣляются одна отъ другой особыми значками (звѣздочками), а при монастырскомъ пѣніи каждая строка текста произносится канонархомъ отдѣльно и затѣмъ повторяется группою пѣвцовъ.

Количество мелодическихъ строкъ въ гласѣ и ихъ послѣдовательность опредѣляются независимо отъ количества строкъ текста и его словеснаго состава, но устанавливаются для каждаго гласа самостоятельно обычаемъ и музыкальными соображеніями. Количество мелодическихъ строкъ во всѣхъ восьми гласахъ *дневныхъ* стихирныхъ напѣвовъ и съ важнѣйшими ихъ варіантами простирается до 37. Въ частности напѣвъ I гл. состоитъ изъ пяти музыкальныхъ строкъ, III и VII изъ трехъ, V, VI и VIII изъ четырехъ, и IV гл. изъ шести строкъ.

Общій порядокъ послѣдованія мелодическихъ строкъ во всѣхъ гласахъ, кромѣ глл. II и IV, одинаковъ, именно: при одинаковомъ количествѣ мелодическихъ и текстовыхъ строкъ пѣснопѣнія строки гласа выпѣваются кряду въ численномъ ихъ порядкѣ и заключаются конечною строкою. Если же пѣснопѣніе по количеству текстовыхъ строкъ продолжительнѣе группы мелодическихъ строкъ гласа, то строки напѣва, пропѣтыя разъ, прежде перехода къ заключительной строкѣ повторяются опять сначала, хотя бы нѣсколько разъ, въ томъ же порядкѣ и т. д., а конецъ пѣснопѣнія выпѣвается заключительною строкою. При краткости пѣснопѣнія сравнительно съ напѣвомъ излишнія строки выпускаются, а окончаніе пѣснопѣнія поется заключительною строкою, послѣ которой бы строки напѣва она ни пришлась. Въ гласахъ же II и IV первая строка напѣва не повторяется, а повторяются, смѣняясь въ послѣдовательномъ порядкѣ, лишь среднія строки, пока не послѣдуетъ окончаніе пѣснопѣнія, которое выпѣвается заключительною строкою.

Изъ пастырской жизни.

(Наказанная клевета на отца духовнаго).

Осенью 1885 г. прибылъ въ нашу Т... епархію новый архипастырь. Годомъ раньше этого, я склонилъ своихъ прихожанъ къ постройкѣ новой каменной колокольни вмѣсто бывшей ветхой деревянной. Нужно было образовать строительный комитетъ. Желая, чтобы прихожане мои имѣли полное довѣріе къ тѣмъ лицамъ, которыя будутъ наблюдать за постройкою, я предоставилъ имъ самимъ, безъ моего участія въ избраніи, составить строительный комитетъ. Прихожане собрали для этой цѣли сходъ, избрали изъ своей среды членовъ комитета, составили приговоръ и, для оформленія дѣла, явили его для свидѣтельства въ мѣстное волостное правленіе. Между тѣмъ волостной старшина, воспользовавшись довѣрчивостію темнаго люда, приговоръ-то засвидѣтельствовалъ, но за то включилъ въ него и себя въ качествѣ предсѣдателя комитета, яко бы избраннаго приходомъ, и приговоръ этотъ тайно отъ меня отправилъ на утвержденіе епархіальнаго начальства. Грустно было мнѣ узнать потомъ о такомъ дерзкомъ подлогѣ, и моя грусть усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что старшина отличался нетрезвою жизнію и дурнымъ поведеніемъ,—и, стало быть, какимъ же надежнымъ руководителемъ могъ быть онъ въ святомъ дѣлѣ строенія колокольни! Скоро и на дѣлѣ пришлось увидѣть горькія послѣдствія отъ подложно избравшаго себя непрошеннаго строителя. Получено было утвержденіе комитета; стали собираться на дѣло Божіе мірскія денежки, а самое дѣло-то совсѣмъ не начиналось; только бывало и видишь гуляющихъ и ежедневно подвыпившихъ членовъ комитета. Прошло полгода, а дѣла всетаки нѣтъ. Сердце обливалось кровью при видѣ, какъ мірскія трудовыя копѣйки, усердно жертвуемыя на постройку

колокольни, нещадно пропивались въ кабакѣ. И вотъ я не стерпѣлъ: донесъ своему начальству и о подложномъ избраніи старшины въ предсѣдателя комитета, и о бездѣйствіи комитета. Слѣдствіемъ моего донесенія было то, что постройка колокольни началась, но за то я и нажилъ себѣ страшнаго врага въ лицѣ старшины. Но врагъ мой чувствовалъ свое безсиліе, пока былъ въ епархіи прежній епископъ, отлично знавшій меня; но вотъ на мѣсто его прибылъ новый владыка. Тутъ-то мой врагъ и принялся за дѣло. По прибытіи на новую паству, владыка тотчасъ же предпринялъ обозрѣніе ея и какъ разъ направился въ тотъ край, гдѣ и я состою на службѣ. Тѣмъ временемъ старшина, подкупивъ двухъ своихъ членовъ комитета, сочинилъ отъ имени ихъ на меня прошеніе владыкѣ, устроивъ такъ, что они являлись какъ бы довѣренными на подачу жалобы на меня отъ всего прихода. Ничего не вѣдая, спокойно принимаю я у себя новаго своего архипастыря. Вотъ владыка уже собирается отбыть въ сосѣднее село, провожу его до экипажа, какъ вдругъ изъ толпы выдвигается одинъ изъ членовъ комитета съ кровью налитыми глазами и, едва держась на ногахъ, (до такой степени былъ въ нетрезвомъ видѣ!) подаетъ владыкѣ бумагу.

— Что это такое?—спрашиваетъ преосвященный.

— Прочитайте!—дерзко отвѣчаетъ податель.

— Я не могу; теперь темно—(дѣло было позднимъ вечеромъ), говоритъ преосвященный.

— Дома прочитайте—на священника!—опять грубо отвѣчаетъ податель.

Владыка взялъ бумагу и молча сѣлъ въ экипажъ.

Вы поймете, мои собратія, какими чувствами наполнилась душа моя послѣ такого случая... Началось томительное ожиданіе послѣдствій. Началась разборка и оцѣнка своей пастырской дѣятельности, но совѣсть смѣло и громко говорила мнѣ, что рѣшительно ничего такого я не совершилъ,

что было бы противно долгу и званію моему. Но вотъ поступаетъ ко мнѣ и самая жалоба для объясненія. Прочиталъ я ее и пришелъ въ ужасъ... Я обвиняюсь въ такихъ тяжкихъ преступленіяхъ, за которыя, если бы дѣйствительно они были совершены мною, долженъ быть подвергнутъ наказанію гораздо *большему*, чѣмъ *лишеніе* мѣста. Тяжкою болью сжалось мое сердце при видѣ такой нахальной клеветы на отца духовнаго со стороны духовныхъ дѣтей, которыхъ я никогда не обидѣлъ ни дѣломъ, ни словомъ. Подъ вліяніемъ такой душевной боли, грѣшный человѣкъ—я однажды сказалъ нѣкоторымъ своимъ прихожанамъ:—до тѣхъ поръ не пойду отъ васъ, пока не отнесу на гору (кладбище въ моемъ селѣ расположено на значительной возвышенности) Ивана и Константина—моихъ клеветниковъ.—Между тѣмъ время потекло своимъ чередомъ. Клевета осталась клеветою, и на мнѣ не нашлось ни одного пятнышка, которое бы чернило мою службу. Наступилъ великій постъ. Вижу, на шестой седмицѣ начинаетъ ходить въ церковь одинъ изъ моихъ клеветниковъ—Иванъ. Настала пятница—день исповѣди. Послѣ литургіи, я и говорю церковному старостѣ:—вотъ Иванъ, кажется, хочетъ исповѣдываться, но онъ вѣдь не примирился со мною,—такъ напомни ему, что прежде исповѣди ему необходимо испросить прощеніе у отца духовнаго.—Началась исповѣдь, а Иванъ не *приходилъ* ко мнѣ за *прощеніемъ*, хотя я и освѣдомился, что староста въ точности передалъ ему мои слова. Смотрю, вотъ Иванъ уже подходитъ ко мнѣ на исповѣдь. Тутъ-то я и обратился къ нему съ такими словами:—сынъ мой! ты меня обидѣлъ и оклеветалъ предъ моимъ начальствомъ, а прощенія у меня не испросилъ; нужно сперва примириться тебѣ со мною—твоимъ отцемъ духовнымъ и потомъ уже приступать къ исповѣди. Сдѣлай это, другъ мой! того требуетъ законъ Христовъ.—И что же? На мое увѣщаніе Иванъ возвышеннымъ голосомъ грубо отвѣтилъ:—умру,

а не покорюсь!—повернулся и вышелъ изъ храма. Проявленіе такого закоренѣлаго сердца въ шестидесятилѣтнемъ старикѣ такъ взволновало меня, что я долженъ былъ на нѣкоторое время оставить исповѣдь и сходить домой, чтобы успокоиться. Слышалъ я послѣ, что всѣ прихожане убѣждали Ивана просить у меня прощенія и—напрасно.

Кончился постъ, прошелъ и свѣтлый праздникъ. На Ѳоминой седмицѣ вдругъ доходитъ до меня извѣстіе, что мой Иванъ, возвращаясь изъ сосѣдней деревни домой, упалъ съ брички, сломалъ себѣ руку и ребра и еле живъ. Дѣйствительно, старикъ зачахъ; медицинская помощь не помогала. Навожу ежедневно справки у родныхъ—отвѣтъ одинъ: „очень плохъ!“—Что же вы, говорю, не позовете меня напутствовать его?—Ахъ, батюшка! со слезами каждый день его молимъ объ этомъ, да онъ все одно твердитъ: „небойтесь—не умру; не хочу съ попомъ мириться“.—Наконецъ въ одинъ день приглашаютъ меня къ Ивану. Спѣшу на зовъ. Подхожу къ постели больнаго, вижу—совсѣмъ плохъ—дня не проживетъ.—Что же, говорю, Иванъ? вѣдь пора помириться намъ съ тобой да тебѣ исповѣдаться и причаститься св. Таинъ.—Ты крѣпко болѣнъ,—„Прости меня, батюшка; виноватъ предъ тобой: охъ, какъ оболгалъ я тебя!.. вотъ все не хотѣлъ прощенья просить: „думалъ—поднимусь, такъ чтобъ старшина не корилъ за прощенье то, а теперь видно конецъ мой“...—Богъ тебя проститъ, голубчикъ мой! А теперь помолись усердно Господу о грѣхахъ своихъ:—Иванъ исповѣдался и пріобщился св. Таинъ, а черезъ часъ уже отошелъ въ вѣчность...

Иная смерть постигла другаго моего клеветника Константина, 56 лѣтъ, лично подававшаго архипастырю на меня жалобу. Послѣ Ивана онъ прожилъ еще цѣлый годъ и хотя испросилъ у меня прощеніе, но просьба эта была наружная, лицемѣрная, ибо какъ только случалось ему раздѣлять пьяную

компанію съ старшиной, такъ онъ, подстрекаемый старшиной, непремѣнно и начиналъ злословить меня. Однажды осенью прошлаго года сижу я у себя въ кабинетѣ за книгой часовъ въ девять вечера, какъ входитъ ко мнѣ церковный сторожъ и докладываетъ о пришедшемъ ко мнѣ человѣкѣ. Выхожу и вижу предъ собой сына Константина, блѣднаго, съ заплаканными глазами.—Что съ тобой?—спрашиваю. „Батюшка померъ!“—Какъ померъ, когда?—„Сегодня дорогой, ѣхавши изъ города“. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что мой злосчастный Константинъ отправился съ женой въ городъ, пьянствовалъ тамъ, выѣхалъ домой и пилъ всю дорогу, пока на пути не опился...

Такъ исполнилось надъ моими злополучными двумя духовными чадами невольное мое предсказаніе и слова премудраго Соломона: *свидѣтель лживъ безъ муки не будетъ: оклеветаяй же неправедно не убѣжитъ ея.*

Св. І. П—въ.

Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Запрещеніе выдавать изъ церквей церковно-приходскія книги.—Вслѣдствіе возникшей переписки по поводу распоряженія одного изъ благочинныхъ Ставропольской епархіи о выдачѣ подвѣдомственнымъ ему причтомъ обыскной книги судебному слѣдователю для приложенія къ слѣдственному дѣлу, Ставропольская духовная консисторія предписываетъ благочиннымъ и духовенству епархіи на будущее время безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства не выдавать изъ церквей куда либо на сторону, хотя бы и для временныхъ справокъ, метрическихъ, обыскныхъ, исповѣдныхъ и приходо-расходныхъ книгъ съ относящимися къ нимъ документами, дозволяя только въ потребныхъ случаяхъ въ присутствіи одного изъ членовъ причта снимать съ нихъ нужныя копіи или учинять необходимыя справки.

О томъ, чтобы священники, занимающіе въ народныхъ училищахъ законоучительскія должности, немедленно доводили до свѣдѣнія мѣстныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ о полученныхъ ими отъ епархіальнаго начальства отпускахъ.—Кіевская и Волынская духовныя консисторіи циркулярно предписываютъ чрезъ благочинныхъ священникамъ мѣстныхъ епархій, занимающимъ въ народныхъ училищахъ законоучительскія должности, чтобы они, въ случаѣ полученія отпуска отъ епархіальнаго начальства на отлучку изъ мѣста службы, немедленно же увѣдомляли объ этомъ подлежащаго инспектора народныхъ училищъ.

Къ кому должны обращаться прихожане за составленіемъ проэктовъ на постройку церквей и колоколенъ?—Черниговская духовная консисторія подтверждаетъ приходскому духовенству внушать прихожанамъ, чтобы они за составленіемъ проэктовъ на постройку церквей и колоколенъ отнюдь не обращались къ землемѣрамъ и чертежникамъ, а обращались бы непремѣнно къ архитекторамъ-спеціалистамъ.

Порядокъ представленія въ консисторію разныхъ книгъ и рапортовъ при нихъ.—Та же духовная консисторія предписываетъ благочиннымъ и причтамъ церковнымъ, чтобы при представленіи ими въ консисторію разныхъ книгъ были прилагаемы и рапорты, при которыхъ представляются книги, а не посылались бы таковые рапорты отдѣльно, что весьма часто дѣлается причтами. Кромѣ того, книги разныхъ наименованій и деньги за разные предметы должны быть высылаемы при отдѣльныхъ рапортахъ, а не при одномъ общемъ.

Къ рѣшенію недоразумѣній при избраніи церковныхъ старостъ.—Къ епархіальнымъ начальствамъ нерѣдко поступаютъ такіе приговоры приходскихъ обществъ объ избраніи къ мѣстнымъ церквамъ церковныхъ старостъ, въ которыхъ значится также и объ избранныхъ къ нимъ кандидатахъ. О.о. благочинные, представляя подобные приговоры, обыкновенно ходатайствуютъ утвердить церковнаго старосту и кандидатовъ къ нему. Въ виду того, что такой порядокъ, хотя и принятый въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, не основанъ на законѣ, Ставропольская духовная консисторія, въ устраненіе его, разъясняетъ подвѣдомственному духовенству, что, по силѣ § 2 Инструкціи церковнымъ старостамъ, староста назначается на должность по выбору прихожанъ и приговору, ими подписанному, при

посредствѣ благочиннаго, съ согласія священно-и церковнослужителей, и утверждается епархіальнымъ архіереемъ, а на основаніи § 6 той же инструкціи свѣчи продаетъ старостa самъ, въ случаѣ же болѣзни или отлучки своей, можетъ поручать подъ своею отвѣтственностію продажу ихъ кому либо изъ благонадежныхъ людей, ему извѣстныхъ, или причетниковъ при церквахъ, или сторожей, съ согласія однако же священно-и церковнослужителей. Такимъ образомъ ни для обществъ выборъ кандидатовъ къ церковнымъ старостамъ для замѣны послѣднихъ въ случаѣ болѣзни или отлучки, ни для епархіальнаго начальства утвержденіе таковыхъ кандидатовъ не требуется, а они (кандидаты) должны быть избираемы церковнымъ старостою съ согласія священно-и церковнослужителей.

Объ обязанности діаконовъ вести церковное письмоводство наравнѣ съ псаломщиками.—Та же духовная консисторія, въ устраненіе и предупрежденіе различныхъ пререканій между діаконами и священниками, считаетъ нужнымъ разъяснить благочиннымъ и духовенству епархіи слѣдующее: 1) такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ § 43 Инструкціи благочиннымъ приходскихъ церквей, всѣ документы церковные священникъ долженъ вести или самъ, или или же возложить на діакона и псаломщиковъ, то штатные діаконы обязаны, по распоряженію священниковъ, вести церковное письмоводство наравнѣ съ псаломщиками; 2) въ случаѣ неспособности штатнаго діакона къ письмоводству, или небрежности его въ веденіи онаго, или, наконецъ, уклоненія его отъ этой обязанности, священнику предоставляется право нанимать, съ вѣдома благочиннаго, переписчика на счетъ неспособнаго или неисправнаго діакона и удерживать изъ братскихъ доходовъ сего послѣдняго необходимую для уплаты за сей трудъ сумму; и 3) желательно, въ видахъ справедливости, *облегчить*, по непосредственному усмотрѣнію и распоряженію священниковъ, труды по письмоводству для тѣхъ діаконовъ, которые обучаютъ дѣтей въ школахъ грамотности и церковно-приходскихъ.

О лицахъ, ищущихъ священно-церковнослужительскихъ мѣстъ изъ не окончившихъ семинарскаго курса, и о перемѣщающихся съ одного мѣста на другое.—Та же духовная консисторія объявляетъ по епархіи, что 1) лица, не окончившія семинарскаго курса, прежде исканія діаконскихъ или псаломщицкихъ мѣстъ должны практически подготовляться къ веденію учебнаго дѣла слу-

шаніемъ уроковъ въ образцовыхъ школахъ епархіи, а затѣмъ являться въ Совѣтъ Свято-Андреевскаго Братства на испытаніе и только тогда просить искомаго мѣста, когда могутъ приложить къ просьбѣ удовлетворительный отзывъ братскаго Совѣта о правоспособности къ учительству въ церковно-приходской школѣ; 2) всѣ, желающіе опредѣлиться на священно-церковнослужительскія мѣста, должны представлять о томъ прошенія свои съ документами не чрезъ почту, а лично преосвященному; и 3) желающіе перемѣщенія могутъ подавать прошенія и черезъ почту, но должны изъяснять въ нихъ достаточныя побудительныя причины къ перемѣщенію.

Когда должны быть представляемы въ консисторію деньги, собранныя въ день праздника Входа Господня въ Іерусалимъ въ пользу Православнаго Палестинскаго Общества?—Пензенская духовная консисторія предписываетъ благочиннымъ церквей епархіи, чтобы они на будущее время сборъ денегъ, производимый въ день праздника Входа Господня въ Іерусалимъ въ пользу Православнаго Палестинскаго Общества, по отобраніи отъ подвѣдомственныхъ имъ церквей денегъ на сказанный предметъ, непремѣнно представляли ихъ въ консисторію въ первой половинѣ каждаго года, не допуская произвольно удерживать у себя таковыя деньги до конца года.

Въ какихъ случаяхъ приходскіе священники могутъ сноситься по церковнымъ дѣламъ непосредственно съ епархіальнымъ начальствомъ помимо своего мѣстнаго благочиннаго?—Подольская духовная консисторія напоминаетъ священникамъ епархіи, что всѣ донесенія ихъ, касающіяся церковныхъ дѣлъ, должны быть представляемы не епархіальному начальству непосредственно, а мѣстнымъ благочиннымъ; если же благочинный въ теченіи мѣсяца не дастъ знать членамъ причта о своемъ распоряженіи по ихъ рапортамъ ему, то причты имѣютъ право доносить прямо консисторіи или епархіальному преосвященному, съ обозначеніемъ, что по этому дѣлу донесено благочинному, но имъ не дано знать о послѣдствіяхъ ихъ донесеній.

О порядкѣ увольненія, по прошеніямъ, отъ должностей церковныхъ старостъ, и можно ли замѣнять благочинныхъ другими священниками при избраніи старостъ и сдачѣ церковнаго имущества вновь избранному старостѣ.—Херсонская духовная кон-

консисторія объявляетъ къ свѣдѣнію и руководству по всей епархіи, что церковные старосты должны подавать епархіальному начальству просьбы объ увольненіи отъ должности по болѣзни съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства о томъ и двухъ гербовыхъ марокъ 80-копѣечнаго достоинства. Что же касается того, можетъ ли благочинный по нуждѣ уполномочить вмѣсто себя кого либо изъ ближайшихъ священниковъ для присутствованія при избраніи старостъ, то это дозволяется въ тѣхъ только случаяхъ, когда, по обстоятельствамъ своей службы, благочинному дѣйствительно не возможно будетъ лично присутствовать при выборахъ старостъ и сдачѣ церковнаго имущества однимъ старостою другому, вновь поступившему на службу.

Полезныя свѣдѣнія.

Предметы изъ мѣди или латуни, позолоченной, накладной или посеребренной лучше всего мыть въ водѣ, насыщенной поташемъ (какъ указано выше). Вымытый такимъ образомъ предметъ обливаютъ нѣсколько разъ водою и осушаютъ обыкновеннымъ образомъ. Никогда не должно натирать ихъ порошкомъ, щеточкою или чѣмъ либо другимъ, потому что отъ тренія можетъ сойти скоро слой драгоцѣннаго металла.

Предметы изъ непосеребреннаго мельхіора (смѣсь никеля, цинка и мѣди) очищаютъ баритомъ или поташемъ, натирая ихъ губкою. Посеребренный мельхіоръ моютъ въ растворѣ поташа или барита. При очисткѣ предметовъ изъ мѣди или латуни должно избѣгать употребленія уксуса и какихъ бы то ни было кислотъ, даже розбавленныхъ водою. Не должно тоже стирать пятенъ какими бы то ни было металлическими инструментами. Мѣдь и латунь можно чистить трепелемъ; послѣдній долженъ быть очень мелкій. При натираніи имъ должно употреблять шерстяную коршю, обмоченную въ водѣ или прованскомъ маслѣ. Средство это, однако, пригодно для предметовъ не дорогихъ и совершенно гладкихъ. Рѣзная же и чеканная работа портится отъ тренія трепелемъ.

Слѣдующее средство самое пригодное, чтобы придать мѣди и латуни ихъ прежній блескъ. Если на очищаемомъ предметѣ окажутся пятна стеариновыя или восковыя, его погружаютъ въ кипятокъ, въ которомъ послѣднія тотчасъ же исчезаютъ. Оставшіеся слѣды ржавщины уничто-

жаютъ легко, вытирая предметъ, еще горячій отъ воды, мягкимъ полотномъ. Послѣ того въ мискѣ, непремѣнно глиняной и глазуренной, приготовляютъ растворъ изъ воды изъ 4% сѣрной кислоты. Въ растворъ этотъ погружаютъ предметъ, если возможно, развинтивъ его на части, послѣ чего его грѣютъ до кипѣнія. Когда растворъ закипитъ, предметъ вынимаютъ оттуда съ помощью куска дерева, трутъ щеточкой нѣсколько твердой, полощутъ водой и осушаютъ въ теплыхъ опилкахъ. То же можно продѣлать и въ холодномъ растворѣ, но времени для этого понадобилось бы гораздо больше: очищаемая вещь должна бы пролежать въ водѣ около 4-хъ часовъ.

Указанное средство служитъ для уничтоженія пятенъ на мѣди и латуни. Для того же, чтобы придать вещи прежній блескъ, ее погружаютъ на нѣсколько секундъ въ крѣпкую водку (азотная кислота), разбавленную водою. Вынувъ оттуда, ее снова погружаютъ въ смѣсь, приготовленную изъ 40 частей сѣрной кислоты въ 60°, 40 частей азотной кислоты въ 36°, 1-й части мѣдной соли и 1-й части печной сажи. Смѣсь эту приготовляютъ 24 часами раньше въ глазуренной мискѣ (только не металлической). Когда мѣдная вещь получитъ отъ этого красивый красный цвѣтъ, латунная же—золотистый, ее вынимаютъ оттуда, полощутъ въ водѣ 3 или 4 раза для уничтоженія всякихъ слѣдовъ кислоты, и наконецъ осушаютъ въ горячихъ опилкахъ. При употребленіи кислотъ не должно никогда прикасаться къ нимъ пальцами. Дѣйствіе кислоты, упавшей на платье уничтожаютъ тотчасъ же эссенціей омнійка, которую должно имѣть всегда подъ рукою, имѣя дѣло съ кислотами.

Жестяная и вылуженная посуда чистятся баритомъ или рыхлымъ мѣломъ. Натирать должно легко и не долго.

Желѣзо чистится наждаковой бумагой, которой существуетъ нѣсколько номеровъ. Бумагу эту обмакиваютъ въ прованскомъ маслѣ или нефти.

Отъ Кіевск. дух. ценз. Комит. печатать дозволяется. Кіевъ, 6 іюля 1888 г. Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій*.

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 31.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Іюля 31-го.

Содержаніе: Что долженъ дѣлать пастырь Церкви для развитія и возвышенія церковной жизни своихъ прихожанъ?—Заботы епархіальнаго и семинарскаго начальства объ искорененіи табакокуренія въ средѣ духовенства.—Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви.—Пастырская совѣсть предъ зеркаломъ Слова Божія.—Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Что долженъ дѣлать пастырь Церкви для развитія и возвышенія церковной жизни своихъ прихожанъ[1])?

Для рѣшенія поставленнаго вопроса намъ нѣтъ нужды обозрѣвать весь кругъ лежащихъ на пастырѣ обязанностей, въ предѣлахъ котораго онъ долженъ проходить свою высокую должность и осуществлять ея задачи; предѣлы эти на столько широки, что обнимаютъ собою всю науку о пастырствѣ (практическое богословіе). По самому свойству вопроса, мы должны ограничиться лишь указаніемъ на тѣ средства, какими пастырь съ успѣхомъ можетъ пользоваться для дости-

[1]) См. № 27-й.

женія означенной въ вопросѣ цѣли. Къ такимъ средствамъ относится прежде всего *проповѣдь*.

Какія же требованія должны быть поставлены по отношенію къ проповѣди, какъ средству для возвышенія и развитія церковной жизни въ прихожанахъ? Прежде всего, по скольку проповѣдь имѣетъ дѣло съ церковною жизнію прихожанъ и въ частности съ ихъ отношеніемъ къ богослуженію, слѣдуетъ избѣгать особенно двухъ крайностей: съ одной стороны *оптимизма*, который настоящее положеніе вещей считаетъ прекраснымъ и не видитъ поэтому и нужды напоминать прихожанамъ о бо́льшемъ и бо́льшемъ усердіи ихъ въ дѣлѣ посѣщенія храма Божія и участіи въ таинствахъ, а съ другой—*пессимизма*, который, вслѣдствіе своего мрачнаго взгляда на настоящее положеніе вещей, напередъ отказывается отъ всякой борьбы и тѣмъ только еще болѣе усиливаетъ враговъ Церкви. Въ противоположность первому пастырь долженъ разъяснить, что Церковь въ настоящемъ своемъ положеніи есть Церковь только еще воинствующая и совершенствующаяся, и что къ побѣдѣ и славѣ своей она приближается лишь по стольку, по скольку сами члены ея преуспѣваютъ въ нравственномъ и религіозномъ усовершенствованіи, которое въ свою очередь возможно только въ Церкви и чрезъ Церковь. Въ примѣръ высокаго состоянія Церкви пастырь можетъ и долженъ указать на состояніе ея въ вѣкъ апостольскій, когда вѣрующіе, по слову Писанія, „каждый день единодушно пребывали въ храмѣ... въ общеніи и молитвахъ“ (Дѣян. 2, 46. 42), когда у нихъ „было одно сердце и одна душа“ (тамъ же 4, 32); такое указаніе можетъ побудить чуткія души къ подражанію первенствующимъ христіанамъ и къ заботѣ о поддержаніи и развитіи любви къ Церкви и ея учрежденіямъ. Въ противоположность второму (пессимизму) пастырь долженъ разъяснить, что въ Церкви осуществляется царство Божіе, а царство Божіе, по сравненію, сдѣланному

Самимъ Господомъ, похоже на горчичное сѣмя и на закваску (Матѳ. 13, 31—32, 33), т. е. что оно дѣйствуетъ и развивается не вдругъ, а постепенно, какъ это и подтверждаетъ исторія его въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, которая достигала своихъ высокихъ цѣлей не непрерывно, а лишь чрезъ болѣе или менѣе значительные остановки въ своемъ развитіи; что въ ней, Церкви, дѣйствуетъ сила Божія, которая, не подавляя свободы человѣческой, всегда однакожъ вспомоществуетъ всѣмъ добрымъ ея проявленіямъ и предотвращаетъ послѣдствія дурныхъ проявленій, и что слѣдов. въ отношеніи къ судьбѣ Церкви неумѣстно со стороны христіанина никакое малодушіе, а тѣмъ болѣе отчаяніе. Каждый христіанинъ и тѣмъ болѣе пастырь долженъ всегда помнить, что Церковь Христову не въ силахъ одолѣть даже *врата адовы* (Матѳ. 16, 18). Это божественное обѣтованіе, подтверждаемое и всею уже протекшею исторіею Церкви, должно быть начертано на христіанскомъ знамени.

Но кромѣ указанныхъ истинъ, которыя пастырь долженъ раскрывать, въ виду вышеназванныхъ крайностей, было бы не только желательно, но и необходимо, въ интересахъ развитія духа церковности, чтобы, по возможности, каждый пастырь въ цѣломъ рядѣ поученій позаботился изложить предъ своими прихожанами, съ какимъ любвеобильнымъ материнскимъ попеченіемъ Церковь относится къ каждому христіанину съ самаго рожденія его до самой смерти и даже послѣ нея. Она возраждаетъ (въ крещеніи) въ новую духовную жизнь грѣховно зачатое и съ грѣхомъ (первороднымъ) рожденное дитя; подаетъ ему (въ муропомазаніи) благодатныя силы, возращающія и укрѣпляющія его въ этой новой жизни; обновляетъ и очищаетъ его (въ покаяніи) и отъ личныхъ грѣховъ, какіе онъ содѣлываетъ, когда приходитъ въ возрастъ; сообщаетъ и другіе благодатные дары, необходимые для него въ его жизни. Она же постоянно воспитываетъ и учитъ его

тѣмъ во первыхъ, что даетъ ему Писанія Свящ. и церковно-отеческія, изъ коихъ онъ, какъ и вообще каждый христіанинъ, можетъ почерпать высочайшія истины духовной мудрости; что поставляетъ для него и особенныхъ руководителей и воспитателей, т. е. пастырей, обязанныхъ всегда быть готовыми къ слову назиданія, учить, умолять и запрещать благовременно и безвременно со всякимъ долготерпѣніемъ (2 Тим. 4, 2); что облызываетъ и всѣхъ христіанъ безъ изъятія воспитывать другъ друга (1 Сол. 5, 11. 14). Затѣмъ она воспитываетъ и учитъ своимъ богослуженіемъ и другими учрежденіями своими—постами и праздниками. Въ богослуженіи она сообщаетъ своимъ чадамъ возвышеннѣйшія истины Откровенія: о Богѣ съ Его безпредѣльными совершенствами, съ великими тайнами творенія, искупленія, освященія и возрожденія человѣчества, съ Его премудрымъ промышленіемъ и управленіемъ вселенной; о душѣ человѣческой, съ ея богоподобнымъ величіемъ и славою до паденія, съ ея униженіемъ и помраченіемъ по паденіи, съ новымъ возвышеніемъ ея по искупленіи, съ настоящею и будущею загробною участію ея; о вѣчности, съ ея безконечнымъ блаженствомъ и радостями для праведниковъ и съ безконечными муками и злополучіемъ для грѣшниковъ. Вмѣстѣ съ этими истинами она предлагаетъ намъ во время богослуженія въ дневныхъ чтеніяхъ изъ нравоучительныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, равно какъ въ каждой почти молитвѣ, въ стихирахъ и канонахъ множество правилъ и наставленій, относящихся къ жизни и дѣятельности нашей, и при томъ—что всего назидательнѣе и поучительнѣе—въ лицѣ чтимыхъ ею святыхъ показываетъ и высокіе образцы и примѣры для подражанія нашего. Каждый день она совершаетъ память одного или многихъ угодниковъ Божіихъ, а въ цѣломъ годовомъ кругѣ службъ представляетъ цѣлый сонмъ святыхъ, воспитавшихся въ духѣ истиннаго благочестія, живших возрожденною жизнію. Здѣсь попере-

мѣнно являются предъ нами лица всѣхъ званій, положеній и состояній, всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, всѣхъ характеровъ, нравственныхъ перемѣнъ, глубокихъ паденій и чудесныхъ возстаній. Можно поэтому смѣло сказать, что въ области всего церковнаго ученія нѣтъ ни одной истины, ни одной добродѣтели, ни правила христіанской нравственности, ни должности общественной и семейной, ни образа благочестивой жизни, которые бы въ службахъ церковныхъ не имѣли бы своего особаго лица, своего характера, своего отдѣльнаго представителя, вполнѣ осуществившаго то, или другое, или многія совершенства христіанскія. Но Церковь, какъ мы сказали, воспитываетъ и учитъ насъ также и учрежденными ею постами и праздниками. Время постовъ она назначаетъ для преимущественнаго служенія нашего Богу и нравственнаго самоиспытанія и самоусовершенствованія. Поэтому и въ своихъ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ этого времени она стремится пробудить въ насъ сознаніе грѣховности и необходимости очищенія и обновленія путемъ покаянія. Что же касается праздниковъ, то въ нихъ Церковь соединила все, что только можетъ привлечь и занять ея чадъ: важность и святость предметовъ съ духовною пріятностію и священностію выраженія ихъ, простоту съ величіемъ, благоговѣніе съ восторгомъ, назиданіе съ высокимъ духовнымъ наслажденіемъ; они имѣютъ поэтому высокое значеніе для христіанъ въ смыслѣ церковно-общественнаго воспитанія. Самая обстановка храма, гдѣ совершается богослуженіе, особенно священныя изображенія заключаютъ въ себѣ много поучительнаго и назидательнаго. Такимъ образомъ Церковь, столь много давшая и дающая намъ въ наше назиданіе и ученіе, по истинѣ является въ отношеніе къ намъ любвеобильною матерью, воспитательницею и учительницею. Ея материнская любовь не оставляетъ безъ вниманія и заботы даже житейскія потребности своихъ дѣтей и, повидимому, неважные обстоятель-

ства и случаи въ жизни. Это можемъ видѣть изъ установленныхъ ею моленій и молитвъ о жилищахъ христіанъ, о произведеніяхъ земли, о благорастворенiи воздуха, объ успѣхахъ въ различныхъ промыслахъ житейскихъ, о плавающихъ и путешествующихъ,—затѣмъ изъ молитвъ на всякую немощь, на студныя помыслы и т. д. Для Церкви въ отношеніи ея къ вѣрующимъ нѣтъ ничего неважнаго и мелочнаго; ея прозорливый и попечительный взоръ на все въ жизни вѣрующихъ обращенъ съ одинаковымъ вниманіемъ и заботливостію, и чѣмъ житейскія потребности ихъ, повидимому, маловажнѣе, тѣмъ глубже открываются ея заботы, тѣмъ нѣжнѣе и величественнѣе является любовь ея. Указанный взглядъ на Церковь, какъ на чадолюбивую мать, пастырь и долженъ изложить и раскрыть предъ своими слушателями въ цѣломъ рядѣ поученій, и намъ кажется, если онъ сдѣлаетъ это должнымъ образомъ, если съумѣетъ провести этотъ взглядъ въ ихъ сознаніе и убѣжденіе, то этимъ самымъ въ значительной степени усилитъ въ нихъ духъ церковности и стремленіе сообразоваться съ нимъ и въ жизни.

На ряду съ такими поученіями должны имѣть мѣсто увѣщанія и бесѣды и болѣе случайнаго характера, но преслѣдующія ту же цѣль, т. е. возвышеніе и развитіе духа церковности и церковной жизни. Недостатка въ поводахъ или случаяхъ къ такого рода увѣщаніямъ и бесѣдамъ въ пастырской дѣятельности, разумѣется, не можетъ быть; но особенно умѣстными онѣ являются при совершеніи крещенія, брака и при исповѣди. Крещеніе всегда должно совершаться, по возможности, въ самомъ храмѣ, и только по крайней слабости младенца можно дозволять совершеніе его на дому. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ пастырь долженъ разъяснить присутствующимъ, что крещеніе, хотя и совершается на дому, не есть однако какой либо частный актъ или простая треба, но что оно—таинство, чрезъ которое крещаемый вступаетъ въ обще-

ство вѣрующихъ и становится членомъ его, и слѣдовательно отъ него, отъ самого же общества, въ нѣкоторой степени будетъ зависѣть, достойно ли будетъ носить онъ имя христіанина, или нѣтъ. Въ частности воспріемникамъ и родителямъ пастырь долженъ напомнить о тѣхъ высокихъ обязанностяхъ, какія налагаетъ на нихъ Церковь и какія они принимаютъ въ отношеніи къ крещаемому; обязаны же они не только ввести его въ общество вѣрующихъ, но и воспитать его духовно, пріучить его съ дѣтства любить и посѣщать храмъ и исполнять всѣ требованія Церкви. При совершеніи брака, кромѣ объясненія сущности его, какъ таинства, установленнаго Самимъ Богомъ во образъ союза Христа съ Церковію, и кромѣ наставленій о храненіи вѣрности супруговъ другъ другу и взаимной любви, было бы желательно еще, чтобы пастырь разъяснялъ вступающимъ въ бракъ, что главнѣйшую и важнѣйшую цѣль ихъ союза составляетъ воспитаніе дѣтей въ духѣ православной вѣры и Церкви; а для этого и сами они должны проникнуться тѣмъ же духомъ и сообразно съ нимъ устроять всю свою жизнь; должны не оставлять дѣлать это даже въ томъ случаѣ, если Богъ не благословитъ ихъ брака дѣтьми, такъ какъ это, т. е. устроеніе своей жизни по духу православной вѣры и Церкви, есть одинъ изъ надежнѣйшихъ залоговъ мирной и счастливой супружеской жизни, хотя бы и бездѣтной. При этомъ вполнѣ будутъ умѣстны увѣщанія о посѣщеніи храма и благоговѣйномъ стояніи въ немъ, о соблюденіи праздниковъ и постовъ, о домашней молитвѣ и т. д. Подобнаго рода увѣщанія полезно дѣлать и на исповѣди, въ особенности тѣмъ изъ исповѣдниковъ, у которыхъ замѣчается холодность и нерадивость ко храму и вообще къ требованіямъ Церкви.

Но не только во храмѣ и при совершеніи разнаго рода священнодѣйствій и требъ пастырь долженъ дѣлать увѣщанія и вести бесѣды съ цѣлію поднятія въ прихожанахъ духа

церковности и церковной жизни, но и внѣ храма во всякое остальное время при благопріятномъ для этого случаѣ. Это необходимо особенно по отношенію къ тѣмъ, которые, вслѣдствіе внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, не могутъ или не желаютъ посѣщать храма и чрезъ участіе въ общественной молитвѣ получать назиданіе себѣ отъ того, что въ немъ совершается и сообщается. Разумѣемъ престарѣлыхъ, больныхъ, сомнѣвающихся, заблуждающихся, павшихъ. Пастырская заботливость о нихъ будетъ служить очевиднѣйшимъ доказательствомъ того, что Церковь никогда не покидаетъ своихъ дѣтей, даже и тѣхъ изъ нихъ, которые, какъ заблуждающіеся и павшіе, сами добровольно уклоняются отъ нея: и на нихъ она простираетъ свою материнскую попечительность чрезъ своихъ пастырей. И если пастырь, дѣйствуя отъ имени Церкви и во имя ея, успѣетъ разсѣять колебанія сомнѣвающагося, направить на истинный путь, заблуждающагося и возстановить павшаго, равно какъ подать утѣшеніе больному и престарѣлому, то тѣмъ самымъ онъ окажетъ содѣйствіе и возвышенію церковной жизни не только въ нихъ самихъ, но чрезъ нихъ въ нѣкоторой степени и въ другихъ. Во всякомъ случаѣ разумно выполняемая пастырская заботливость и попечительность въ отношеніи къ такимъ лицамъ не можетъ остаться совершенно безрезультатной для указанной цѣли.

Послѣ учительной или проповѣднической и собственно пастырской дѣятельности немаловажное значеніе для той же цѣли можетъ имѣть, безъ сомнѣнія, и *церковно-приходская школа*. По самому положенію, она стоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ приходскаго пастыря. Послѣдній или самъ лично ведетъ все дѣло обученія, или по крайней мѣрѣ состоитъ въ ней законоучителемъ и имѣетъ надъ нею общій надзоръ; во всякомъ случаѣ участіе его въ ней—весьма близкое и по своему вліянію можетъ быть весьма значительнымъ. Дѣти, это—будущее взрослое поколѣніе, и если имъ дано

будетъ доброе направленіе въ періодъ обученія и воспитанія ихъ, то оно можетъ сохраниться и въ послѣдующей зрѣлой жизни ихъ. Для достиженія же этого необходимо не столько собственно обученіе, т. е. простое теоретическое сообщеніе дѣтямъ и заученіе ими того, что требуется программой церковно-приходскихъ школъ, сколько воспитаніе ихъ въ духѣ религіозно-церковномъ. Пастырь, въ качествѣ законоучителя и завѣдывающаго школой, долженъ стать къ дѣтямъ въ самое близкое отношеніе, долженъ узнать ихъ индивидуальныя наклонности и усвоенные ими въ домахъ родителей взгляды и вѣрованія, и то, что дурно, искоренять, а доброе развивать. Самые уроки по закону Божію онъ долженъ вести примѣнительно къ практическимъ цѣлямъ и преимущественно къ цѣли развитія въ дѣтяхъ любви къ православной вѣрѣ и Церкви. Для этого онъ долженъ, не ограничиваясь классными объясненіями и бесѣдами, давать имъ и для домашняго чтенія доступныя ихъ пониманію книжки религіозно-церковнаго направленія и особенно жизнеописанія святыхъ; долженъ разъяснять, какъ и взрослымъ съ церковной каѳедры, значеніе Церкви для христіанъ, ея материнскія попеченія и любовь къ каждому члену ея; долженъ затѣмъ привлечь ихъ къ дѣятельному участію въ самомъ богослуженіи, т. е. научить ихъ церковному пѣнію, поручать имъ чтеніе шестопсалмія, каѳизмъ, но не иначе, какъ послѣ предварительной подготовки къ тому съ ихъ стороны и послѣ провѣрки ея съ его стороны. Было бы не безполезно также заставлять ихъ прислуживать при алтарѣ, подавать кадило, выносить свѣчу предъ священнослужащимъ. Все это, конечно, не могло бы остаться безъ вліянія на развитіе въ нихъ привязанности ко храму и вообще церковности.

Той же цѣли могутъ оказать нѣкоторую услугу также церковно-приходскія попечительства и такъ называемыя „братчества“ и „сестричества“, въ прежнее время довольно рас-

пространенныя въ западныхъ и малорусскихъ епархіяхъ, но и теперь окончательно не прекратившія еще своего существованія. Цѣль приходскихъ попечительствъ состоитъ въ заботѣ о благолѣпіи приходскаго храма, объ устроеніи и содержаніи домовъ пріюта для больныхъ и престарѣлыхъ, о приходскихъ школахъ и о положеніи причта; цѣль же братствъ и сестричествъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ нынѣ, значительно уже: она ограничивается, насколько намъ извѣстно, заботой лишь о благолѣпіи храма, да и эта цѣль, вслѣдствіе нерѣдко допускаемыхъ злоупотребленій, далеко не всегда достигается,—деньги, собираемыя членами братствъ и сестричествъ, расходуются иногда на предметы, совершенно не имѣющіе отношенія къ благолѣпію храма. Какъ бы то ни было однако, учрежденія эти, особенно попечительства, при умѣломъ и дѣятельномъ руководствѣ ими со стороны приходскаго пастыря, могутъ быть очень полезными. Они полезны уже тѣмъ, что сплочиваютъ значительное число членовъ прихода вмѣстѣ для одинаковой цѣли; но они могутъ быть не безполезными также и какъ преграда и противовѣсъ распространенію антицерковныхъ, сектаторскихъ стремленій и ученій въ приходѣ; нужно только заботиться, чтобы сами члены попечительствъ, равно какъ братствъ и сестричествъ, были глубоко проникнуты православно-церковнымъ духомъ. Забота эта, очевидно, должна лежать на пастырѣ; и если ему удастся организовать упомянутыя учрежденія изъ лицъ, дѣйствительно преданныхъ Православной Церкви и храму, то онъ найдетъ въ нихъ значительную опору для своей пастырской дѣятельности, направленной къ развитію и возвышенію церковной жизни въ своихъ прихожанахъ.

О томъ, что самъ пастырь для достиженія этой цѣли долженъ быть проникнутъ тѣмъ же духомъ церковности и съ нимъ сообразовать свою личную жизнь, равно какъ устроять по нему и весь свой домъ, едва ли нужно и гово-

рить. Нашъ простой народъ, какъ мы замѣтили выше, неумѣетъ еще отдѣлять пастырей Церкви отъ самой Церкви, и если видитъ что либо дурное въ своихъ пастыряхъ, то готовъ обращенныя за то по ихъ адресу пареканія переносить и на Церковь, которой они служатъ. Пастырь всегда и во всемъ долженъ подавать добрый примѣръ, чтобы избѣжать, если можно, даже и самой возможности какихъ либо нареканій со стороны прихожанъ по отношенію къ себѣ лично и своему дому. Этотъ совѣтъ, обязательный для всѣхъ пастырей, въ особенности долженъ быть принятъ для руководства сельскими пастырями, вся жизнь которыхъ и жизнь ихъ семействъ вполнѣ открыта для прихожанъ. И это къ тому же—не нашъ совѣтъ, а совѣтъ ап. Павла, который прямо требуетъ, чтобы пастырь (епископъ) былъ „*непорочень, одной жены мужъ, трезвъ, цѣломудренъ, благочинень, странполюбивъ, учителенъ, не пьяница, не бійца, не користолюбивъ, но тихъ, миролюбивъ, не сребролюбивъ*“, *чтобы хорошо управлялъ домомъ своимъ, дѣтей содержалъ въ послушаніи со всякою честностію,* „*ибо,* замѣчаетъ Апостолъ, *кто не умѣетъ управлять собственнымъ домомъ, тотъ будетъ ли печись о Церкви Божіей?*“ (1 Тим. 3, 2—5). Ѳ. О.

Заботы епархіальнаго и семинарскаго начальства объ искорененіи табакокуренія въ средѣ духовенства.

Въ Общемъ Педагогическомъ собраніи II. Семинаріи, 26-го января 1888 года, заслушано было слѣдующее предложеніе Предсѣдателя собранія, Ректора Семинаріи: *куреніе табаку,* долго признаваемое за *полезное,* потомъ—за *безразличное,* въ послѣднее время признано положительно *вреднымъ.* Табачный ядъ (никотинъ), по изслѣдованію и удостовѣренію уважаемыхъ медицинскихъ авторитетовъ, имѣетъ па-

губное вліяніе не только на здоровье физическое, но и на нормальное состояніе способностей душевныхъ; особенно пагубно вліяніе никотина на молодыя натуры, каковы натуры учениковъ. Дѣйствуя вредно на отправленія желудка, заражая мало-по-малу кровь, табачный ядъ бываетъ причиною многихъ болѣзней, а одуряющее свойство табачнаго дыма, втягиваемаго въ себя курителями, дѣйствуя пагубно на нервы, парализуетъ здравое отправленіе дѣятельности и способностей духовныхъ,—и чрезъ то пагубно вліяетъ и на успѣхи въ ученіи. А потому было бы, какъ думаю, великимъ благодѣяніемъ и для отцевъ учащагося юношества, несущихъ не малыя траты изъ своего скуднаго достоянія на покупку недешевой, пагубной травы, и для учащихся дѣтей изгнать употребленіе этого ядовитаго зелія изъ учебныхъ заведеній, преимущественно же изъ духовно-учебныхъ. Свѣтская среда, въ которую вступаютъ ученики свѣтскихъ учебныхъ заведеній, куренія табаку не только не осуждаетъ, но считаетъ опое чѣмъ-то модпымъ, приличнымъ не только мущинамъ, но и женщинамъ. Не то—служебная среда, къ которой приготовляются и въ которую поступаютъ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній. Папиросу въ зубахъ свѣтскаго человѣка никто не считаетъ явленіемъ предосудительнымъ; но та же сигара или папироса въ зубахъ священника—явленіе неприличное и соблазнительное. Прихожанинъ—простакъ самъ курить, и по отношенію къ себѣ куреніе не считаетъ неприличіемъ, но никакъ не можетъ равнодушно видѣть папиросу въ зубахъ отца своего духовнаго. Авторитетъ священника, „балующагося табачкомъ“, сильно страдаетъ во мнѣніи прихожанъ—простаковъ. Повторяю: изгнаніе куренія изъ духовно-учебныхъ заведеній было бы великимъ благодѣяніемъ. Предлагаю собранію серьезно разсудить, какія бы принять къ этому рѣшительныя мѣры? Говорю *рѣшительныя*, ибо полумѣры, доселѣ употребляемыя, оказались безполезными.

Считаю возможнымъ предложить съ своей стороны на обсужденіе собранія слѣдующія мѣры: 1) Первѣе всего, съ разрѣшенія его преосвященства, отнестись къ епархіальному духовенству съ покорнѣйшею просьбою: принять самое настоятельное участіе въ хлопотахъ Педагогическаго собранія объ изгнаніи куренія табаку изъ среды учениковъ семинаріи, не только словомъ, но и дѣломъ. А для того: а) дѣтямъ, воспитывающимся въ Семинаріи, не выдавать излишнихъ денегъ противу настоятельныхъ нуждъ, требующихъ удовлетворенія, и въ израсходованіи требовать самаго строгаго отчета; б) расчеты по содержанію съ квартиросодержателями, или съ семинарскою экономіею, вести самимъ отцамъ непосредственно, а отнюдь не чрезъ сыновей; в) изгнать куреніе табаку изъ обычаевъ домашней жизни, куда сіе пагубное куреніе успѣло проникнуть, такъ какъ есть твердое основаніе думать, что начало злой привычки многихъ—въ окуриваемой табакомъ средѣ семейной. 2) Начальствующимъ и учащимъ въ духовныхъ училищахъ вмѣнить въ обязанность обратить серьезное вниманіе на табакокуреніе и принимать строгія мѣры къ изгнанію онаго изъ среды учениковъ навсегда и, при пріемѣ учениковъ въ училища, предлагать родителямъ имѣть строгое попеченіе въ домахъ о недопущеніи дѣтей до куренія табаку. 3) Такія же строгія мѣры и для той же цѣли обязуются принимать начальствующіе и учащіе въ Семинаріи. Мнѣ кажется, что въ настоящее время цѣлесообразными были бы слѣдующія мѣропріятія: а) напоминаніе ученикамъ экстренное (инструкція благоповеденія давно и всегда твердитъ о семъ) въ общемъ ихъ собраніи, что куреніе табаку воспитанникамъ строго воспрещается, съ обстоятельнымъ разъясненіемъ—почему; б) назначеніе двухнедѣльнаго срока для оставленія добровольной привычки куренія; в) примѣненіе затѣмъ къ упорнымъ самыхъ строгихъ мѣръ взысканія, не стѣсняясь и исключеніемъ упорныхъ ослушниковъ изъ Семинаріи и

г) какъ мѣру исключительную, я рекомендовалъ бы, при пріемѣ учениковъ въ Семинарію, обовязывать каждаго подпискою о некуреніи табаку, подъ опасеніемъ строгаго взысканія... Пусть каждый, давшій подписку, наперед знал бы, на что онъ самъ добровольно осудилъ себя.—Признавая крайній вредъ отъ куренія табаку учениками семинаріи, Подагогическое собраніе признало и мѣры, предлагаемыя о. предсѣдателемъ къ истребленію пагубной привычки, цѣлесообразными и возможными къ примѣненію.

На журналѣ собранія относительно сей статьи послѣдовала слѣдующая резолюція его преосвященства: „вполнѣ одобряю принимаемыя мѣры къ истребленію табакокуренія и утверждаю, съ тѣмъ, чтобы къ постановленію объ исключеніи прибѣгать въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. При объявленіи воспитанникамъ Семинаріи изложеннаго опредѣленія, о. ректоръ Семинаріи выразитъ имъ мою увѣренность, что они сами признаютъ вредъ табакокуренія и неприличіе сей привычки въ лицѣ священно-служителя, соблазнительной для другихъ и унизительной для курящаго.....! О. ректоръ составитъ извлеченіе изъ своего доклада для напечатанія, въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, съ присоединеніемъ и моего сердечнаго желанія, и даже мольбы къ священно-служителямъ П. епархіи—оставить, кто усвоилъ, неприличную привычку табакокуренія и всѣми, зависящими отъ нихъ, мѣрами способствовать къ недопущенію и искорененію оной и въ своихъ дѣтяхъ“.

Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что мелодическія строки дневныхъ напѣвовъ „на Господи воззвахъ“, какъ и подобны, имѣютъ каждая въ своемъ основаніи какую либо строку большаго знаменнаго роспѣва, только въ сокращенномъ или измѣненномъ видѣ [2]). Но подробное указаніе строкъ большаго знаменнаго роспѣва, послужившихъ основаніемъ строкъ сокращенныхъ дневныхъ напѣвовъ, и сопоставленіе съ ними послѣднихъ было бы уклоненіемъ въ техническую спеціальность, излишнюю для практики церковнаго пѣнія, и потому коснемся только общихъ способовъ построенія мелодическихъ строкъ означенныхъ напѣвовъ.

Въ мелодическихъ строкахъ большаго знаменнаго роспѣва мы видѣли *строчный запѣвъ*,—иногда *большой* съ сильнымъ ударѣніемъ, иногда *малый*, примыкающій къ ударенію самой строки; нѣкоторыя же строки не имѣютъ никакого запѣва. За запѣвомъ строки слѣдуютъ средніе ея члены, наиболѣе подлежащіе измѣненіямъ или даже выпуску, и наконецъ послѣдній членъ строки—самый характеристическій въ ней и необходимый [3]). Въ общемъ подобно сему раздѣляются на части и краткія мелодическія строки *дневныхъ* напѣвовъ. Разбирая эти строки съ конца, во всѣхъ ихъ мы видимъ: 1) конечный характеристическій членъ съ *сильнымъ* ударе-

---

[1]) См. № 30-й.

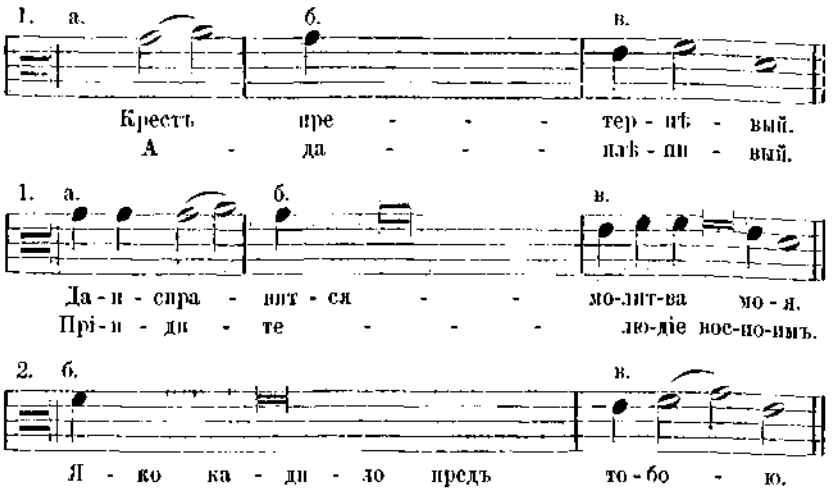
[2]) О зависимости въ мелодическомъ отношеніи малаго знаменнаго роспѣва и кіевскаго отъ большаго знаменнаго роспѣва см. напр. »Руковд. къ практич. изученію древ. богослуж. пѣнія«, И. Потулова. М. 1875 г., стр. 71 и 73. Сходство строкъ дневныхъ напѣвовъ и большаго знаменнаго особенно можно видѣть въ гл. VII.

[3]) »О церковномъ пѣніи Православной Греко-Россійской Церкви«. § 7. Жур. »Руков. для сельск. паст.« за 1887 г.

ніемъ; 2) ему предшествуетъ средняя—речитативная часть строки, соотвѣтствующая среднимъ членамъ строкъ большаго роспѣва; 3) въ началѣ же строки или не бываетъ никакихъ приставокъ, или же прибавляется начальный членъ съ *сильнымъ* удареніемъ, соотвѣтствующій *большому запѣву*. Такимъ образомъ каждая мелодическая строка дневныхъ роспѣвовъ состоитъ изъ *двухъ* или *трехъ* членовъ, именно: изъ одного заключительнаго мелодическаго оборота съ *сильнымъ* удареніемъ, предваряемаго унисоннымъ речитативомъ, или же изъ такихъ оборотовъ—начальнаго и конечнаго—съ посредствующимъ между ними унисоннымъ речитативомъ на *слабомъ времени*.

Такое расположеніе членовъ составляетъ общую форму всѣхъ мелодическихъ строкъ *дневныхъ* роспѣвовъ, примѣненную къ среднимъ по величинѣ строкамъ текста. При пространной текстовой строкѣ увеличивается только объемъ ея речитативной части—средней при трехъ ея членахъ и начальной при двухъ членахъ,—а также вставляются иногда и въ прочихъ ея членахъ речитативно-унисонныя краткія части. Такъ для первыхъ слоговъ текста безъ ударенія въ началѣ трехчленной строки присоединяется небольшой рядъ вступительныхъ нотъ, или же краткій *подъемъ* къ звуку, сосредоточивающему на себѣ силу ударенія; для слоговъ, слѣдующихъ за вторымъ *сильнымъ* удареніемъ, вставляется въ строку также краткій унисонный речитативъ. Существенную часть строки составляютъ ея мелодическіе обороты съ *сильнымъ* удареніемъ въ началѣ и въ концѣ строки, или только въ концѣ ея; *подъемъ* же, *вступительныя* ноты и вообще речитативно-унисонныя части строки, какъ внѣшнія наращенія, соотвѣтствующія количеству слоговъ и словъ текста, имѣютъ въ ней меньшее значеніе; при однихъ строкахъ они имѣются, при другихъ нѣтъ и по своему объему и количеству бываютъ различны. Примѣры: 1) трехчленной строки краткой и

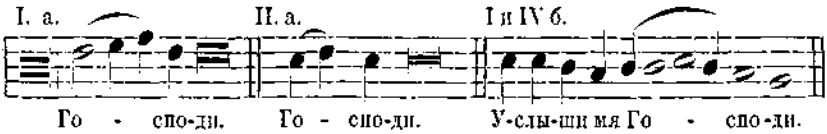
строки пространной съ ихъ членами: а, б, в, 2) строки двучленной.



Мелодическіе обороты съ *сильнымъ* удареніемъ можно такимъ образомъ назвать *главными членами* мелодическихъ строкъ, речитативныя ихъ постоянныя части—*второстепенными,* вставляемые же въ строку краткіе речитативы—*придаточными,* или же *вводными* частями.

Главные члены мелодическихъ строкъ. Первый главный членъ строки или начинательный, гдѣ онъ есть, состоитъ изъ звука, сосредоточивающаго на себѣ силу перваго просодическаго ударенія текстовой строки, а второй или конечный—силу ударенія конечныхъ ея словъ. Тотъ и другой членъ обыкновенно дополняютъ предшествующими имъ и послѣдующими нотами, а второй еще нотою *конечною* строки. Во многихъ строкахъ перваго главнаго члена не бываетъ, послѣдній же необходимъ въ каждой строкѣ какъ ея характеристическій членъ. Такимъ образомъ въ группѣ звуковъ того или другаго члена обращаютъ на себя вниманіе а) самый звукъ, выражающій *сильное* удареніе, б) звуки, непосредственно ему предшествующіе, и в) звуки, непосредственно за нимъ послѣдующіе.

а) Сущность *ударенія* въ томъ или другомъ *реченіи* текста состоитъ изъ трехъ элементовъ: *усиленія* (ударенія) *голоса* при произношеніи слога съ удареніемъ, *возвышенія тона* и наконецъ *протяженія звука.* Тѣ же элементы, то въ совокупности, то въ раздѣльности, мы находимъ и въ звукахъ мелодіи выражающихъ *сильное* просодическое *удареніе* текста. Звукъ, выражающій это удареніе, сообразно мысли текста и желанію пѣснопѣвца, обыкновенно *возвышается* на одну или двѣ ступени надъ прочими сосѣдними его звуками и сверхъ того очень часто получаетъ *растяженіе,* выражаясь обыкновенно *бѣлою,* а иногда и *цѣлою* нотою въ ихъ цѣломъ, или же раздробленномъ видѣ. Иногда звукъ этотъ остается на одной и той же степени съ сосѣдними своими звуками, не имѣющими ударенія, и тогда онъ получаетъ обыкновенно растяженіе, которымъ и отличается отъ сосѣднихъ звуковъ. Иногда, наконецъ, онъ не возвышается и не получаетъ растяженія, но во всякомъ случаѣ при исполненіи долженъ отличаться отъ другихъ звуковъ усиленнымъ при произношеніи его напóромъ или удáромъ голоса. Отъ неисполненія этого послѣдняго правила слова теряютъ свое ударепіе, или же слышатся съ несвойственнымъ имъ удареніемъ (душу̀ вм. дýшу, Господà вм. Гóспода и т. д.), вслѣдствіе чего мысль текста теряетъ свою выразительность, а мелодическое пѣніе лишается своего существеннаго элемента—*словеснаго ритма.* Поэтому въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы въ нотныхъ книгахъ ставить надъ звукомъ съ удареніемъ особый знакъ, обязывающій пѣвца отличить его *усиленіемъ голоса* при пѣніи. Иногда, въ видахъ особенной выразительности, звукъ сильнаго ударенія принимаетъ послѣ себя еще дополнительный (а иногда и два) высшій его сосѣдній звукъ изъ той же гласовой области. Примѣры дополнительныхъ звуковъ сильнаго ударепія а) въ первомъ членѣ и б) во второмъ членѣ:

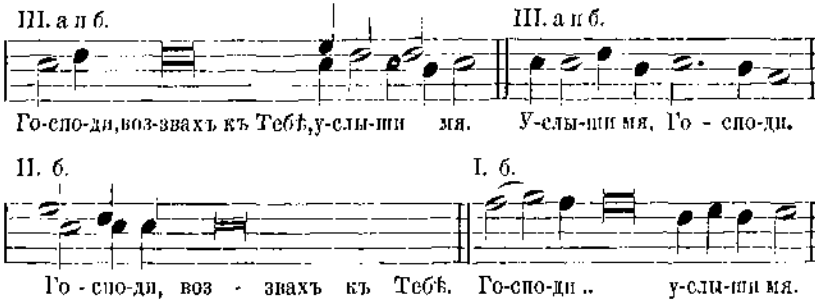


Изъ предшествующихъ сильному ударенію звуковъ обращаетъ на себя вниманіе краткій звукъ, непосредственно стоящій предъ нотою втораго сильнаго ударенія строки, а изъ послѣдующихъ—звуки *соединительные* или *переходные* отъ сильнаго ударенія къ послѣдующей за нимъ части.

Звукъ, выражающій силу ударенія въ заключительномъ главномъ членѣ мелодической строки, не долженъ стоять на одной ступени съ унисоннымъ рядомъ звуковъ предшествующей ему речитативной части строки, но долженъ быть на высшей, или же низшей его ступени, чѣмъ между прочимъ и достигается его наибольшая выразительность. Когда же по характеру мелодическаго движенія строки онъ приходится на одной и той же ступени съ речитативомъ, то нота, непосредственно ему предшествующая, обыкновенно выдѣляется изъ унисоннаго ряда и становится на сосѣднюю—высшую или низшую нотѣ съ удареніемъ ступень. Это выдѣленіе предыдущей удареніе ноты, основываясь на словесномъ ритмѣ, составляетъ общій обычай какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ мелодическихъ напѣвовъ и только въ позднѣйшихъ гармоническихъ переложеніяхъ не соблюдается, какъ не соблюдаются въ нихъ и нѣкоторыя другія обязательныя требованія мелодическаго движенія и словеснаго ритма.

Въ трехчленныхъ строкахъ за звукомъ, сосредоточивающимъ въ себѣ силу *перваго* просодическаго ударенія слѣдуетъ или непосредственно *унисонный речитативъ* средней части мелодической строки, или же еще *переходные* къ нему одинъ или два звука, а за ними уже и речитативъ. Двучленныя же мелодическія строки, не имѣющія начинательнаго главнаго члена, начинаются прямо унисоннымъ речитативомъ. Подоб-

ныя сему переходныя ноты иногда слѣдуютъ и за вторымъ членомъ съ сильнымъ удареніемъ, составляя связь между нимъ и конечнымъ звукомъ строки. Примѣры: а) звука предшествующаго *второму сильному удареню* и б) *звуковъ* послѣдующихъ—*переходныхъ*.



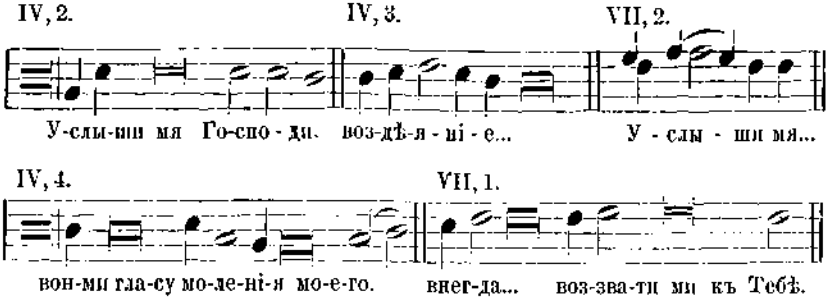
Для слоговъ и словъ текстовой строки, находящихся внѣ сильнаго ударенія, существуетъ въ мелодической строкѣ особая часть—*унисонный речитативъ*, раздѣляющій собою два главные члена ея (при трехъ членахъ строки), или же предшествующій главному члену (въ двучленныхъ строкахъ). Это *второстепенная* третья часть мелодической строки, продолжительность которой зависитъ отъ количества слоговъ и словъ текстовой строки. Въ двучленныхъ строкахъ эта часть слѣдуетъ въ началѣ, а въ трехчленныхъ—въ срединѣ между главными ея членами. Въ послѣднихъ она или непосредственно слѣдуетъ за звукомъ перваго сильнаго ударенія на одной съ нимъ степени или на сосѣднихъ его вверхъ и внизъ ступеняхъ, иногда же отстоитъ отъ него на терцію, и въ такомъ случаѣ нерѣдко соединяется съ нимъ посредствомъ краткой переходной ноты.

Придаточныя и *вводныя* части строки суть небольшіе речитативы, вставляемые при главныхъ членахъ строки по требованію количества слоговъ текста на *слабомъ времени*. *Придаточныя* части состоятъ изъ *вступительныхъ* въ трехчленной строкѣ нотъ и назначаются для первыхъ слоговъ

текстовой строки, не имѣющихъ надъ собою ударенія. Вступительными нотами бываютъ или краткій *унисонный речитативъ*, предшествующій звуку сильнаго ударенія, или же краткій *подъемъ* къ нему. Вступительный *унисонный речитативъ* состоитъ изъ повторенія звука перваго сильнаго ударенія и выражается четвертями цѣлой ноты (чвартками) въ количествѣ равномъ количеству слоговъ безъ ударенія. *Подъемъ* состоитъ изъ одной, двухъ или трехъ краткихъ нотъ, помѣщающихся на двухъ-трехъ низшихъ ступеняхъ звука съ удареніемъ. Ноты эти или идутъ къ ряду (мелодическій подъемъ), или отстоятъ отъ звука сильнаго ударенія на нижнюю терцію (гармоническій подъемъ) и указываютъ на первые аккорды строки. *Подъемъ* иногда бываетъ и болѣе сложный. Такое различіе вступительныхъ нотъ, какъ замѣтно, зависитъ отъ положенія звука перваго сильнаго ударенія въ отношеніи его къ тоникѣ, именно: когда онъ находится на *квинту* отъ тоники, или же одной съ нею степени, тогда предваряется унисоннымъ речитативомъ на одной съ нимъ степени высоты; когда же звукъ этотъ отстоитъ отъ тоники только на верхнюю терцію, тогда ему предшествуетъ обыкновенно подъемъ снизу, служащій къ нему переходомъ отъ тоники. Иногда же подъемъ зависитъ отъ окончанія предыдущей строки и служитъ связію между нимъ и звукомъ *сильнаго* ударенія.

Вводныя части состоятъ изъ краткаго речитатива или повторенія звука сильнаго ударенія втораго главнаго члена строки, за которымъ слѣдуютъ непосредственно надъ слогами, не имѣющими ударенія, и выражаются *четвертями цѣлой* ноты (чвартками). Но если звукъ съ удареніемъ и финальный звукъ строки находятся на одной степени высоты, то вводная часть между ними обыкновенно бываетъ на секунду ниже ихъ въ цѣломъ или раздробленномъ видѣ (см. гл. VI, 4; VIII, 4 москов. напѣва). Вообще слоги безъ ударенія отличаются отъ слоговъ съ удареніемъ низшими ступенями музы-

кальной скалы, а также краткостію своихъ звуковъ. Примѣры: а) подъема и б) вводной речитативной части.



Заключеніе мелодической строки состоитъ изъ конечнаго звука строки и сверхъ того очень часто изъ звуковъ, посредствующихъ между нимъ и звукомъ сильнаго ударенія. Послѣдній можетъ стоять съ конечнымъ звукомъ или на одной степени высоты или на сосѣдней ему обыкновенно высшей степени, или же отстоять отъ него на терцію вверхъ или внизъ. Въ первомъ случаѣ звуки эти раздѣляются однимъ или нѣсколькими посредствующими звуками, находящимися, какъ выше сказано, на секунду ниже ихъ (гл. VI, 2, 4), во второмъ—не принимаютъ никакихъ дополнительныхъ звуковъ, въ третьемъ—принимаютъ дополнительный посредствующій или переходный краткій звукъ на промежуточной между ними ступени, или небольшую группу переходныхъ звуковъ (гл. IV, 5). Предъ конечнымъ звукомъ строки иногда допускаются и мелодическія распространенія и украшенія (гл. I, 5), особенно же въ стихирныхъ запѣвахъ (см. гл. IV, V, VII и VIII)[1]).

Такимъ образомъ мелодическія строки дневныхъ стихирныхъ напѣвовъ имѣютъ въ своихъ частяхъ иное устройство, чѣмъ строки большаго знаменнаго роспѣва. Въ нихъ нѣтъ ни *запѣва,* ни *основы,* ни *припѣва,* и развѣ только первый

[1]) См. Нотное приложеніе I.

главный членъ ихъ можно сопоставить съ запѣвомъ, а заключительный членъ съ конечнымъ членомъ основы *большаго* роспѣва; вся же средина строки вмѣсто соотвѣтствующаго тексту мелодическаго движенія замѣняется унисоннымъ речитативомъ.

Соединительныя ноты, составляющія переходъ отъ одной мелодической строки къ другой, хотя въ нѣкоторыхъ изданіяхъ дневныхъ напѣвовъ и встрѣчаются [1]), но не могутъ быть признаны умѣстными. Въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ онѣ встрѣчаются въ связныхъ строчныхъ группахъ, изъ которыхъ каждая назначена очевидно для непрерывнаго пѣнія на томъ или другомъ клиросѣ, въ дневныхъ же напѣвахъ при пѣніи съ канонархомъ каждая строка отдѣляется отъ другой остановками и потому должна имѣть видъ болѣе или менѣе законченный. При безпрерывномъ пѣніи стихиръ, правда, могутъ быть допущены между строками и соединительные звуки, но при незначительныхъ интервальныхъ переходахъ отъ одной строки до другой они не необходимы и потому не должны подлежать нотированію.

Запѣвы къ стихирамъ въ *маломъ* знаменномъ роспѣвѣ заимствованы буквально изъ *большаго* роспѣва; въ *кіевскомъ* же роспѣвѣ и обычныхъ нѣкоторые изъ нихъ удерживаютъ буквально тѣ же формы, какія имъ усвоены въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ; другіе же, при общемъ мелодическомъ сходствѣ съ знаменными запѣвами, на своихъ концахъ имѣютъ дополненія и измѣненія, носящія характеръ *кіевскаго роспѣва.* Каждый запѣвъ состоитъ изъ двухъ частей, именно— изъ унисоннаго речитатива, которымъ онъ начинается, и мелодическаго движенія, которымъ оканчивается [2]).

---

[1]) Напр. у Н. Потулова въ гл. IV, 5 и VIII, 3.

[2]) О мелодіяхъ *прокимновъ* и другихъ пѣснопѣній кіевскаго роспѣва см. ниже.

Пастырская совѣсть предъ зеркаломъ слова Божія.

„И обращся Іисусъ ко ученикомъ, единъ рече: блажени очи видящіи, яже видите. Глаголю бо вамъ, яко мнози пророци и царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша: и слышати, яже слышите, и не слышаша“ (Лук. 10, 23, 24).

Пастырь Церкви Христовой! слышишь ли голосъ Господа твоего, обращенный къ тебѣ? Слышишь ли, какъ блаженнымъ считаетъ Господь твой тебя—слугу Своего? Такъ, пастырь Церкви по слову Самого Господа счастливѣе, блаженнѣе священниковъ Церкви ветхозавѣтной, блаженнѣе пророковъ и царей ветхозавѣтныхъ.

Представь же себѣ Христа Господа твоего со славою изъ мертвыхъ воскресшаго, окруженнаго святыми Церкви ветхозавѣтной, священниками, пророками и царями; съ какою неизреченною любовію взираетъ Онъ на сихъ святыхъ, а отъ нихъ и на тебя. Ахъ! и на тебя съ любовію смотритъ Онъ и любящее сердце Свое Онъ отдаетъ тебѣ. Простри же руки свои къ Господу, скажи Ему: готово сердце мое, Іисусе, готово сердце мое слѣдовать за Тобою. Проси, умоли Его, да просвѣтитъ тьму твою, чтобы ясно увидѣть тебѣ твое счастье, блаженство отъ того, что ты призванъ быть пастыремъ словеснаго стада Его.

I. Блажени очи видящіи, яже видите. Какъ дивно блаженны были уже и ветхозавѣтные священники! Избранные изъ среды богоизбраннаго народа Божія и поставленные въ служеніе священническое, служеніе Богу,—Высочайшему Существу, свободные отъ всѣхъ мірскихъ заботъ, ибо Самъ Господь Богъ былъ удѣломъ ихъ! Поразмысли, какое почетное и какое счастливое было положеніе древнихъ священниковъ. Вотъ какъ говоритъ, обращаясь къ нимъ, Слово Божіе:

еда мало есть сіе вамъ, яко отлучи васъ Богъ отъ сонма Израилева, и приведе васъ къ себѣ служити службы въ скиніи Господни, и стояти предъ сонмомъ Господнимъ, еже служити имъ (Числ. 16, 9). Чудное служеніе!

Сравни же теперь свое положеніе и свое служеніе съ положеніемъ и служеніемъ ихъ. Блажени очи видящіи, яже видите.

Что видѣли священники ветхозавѣтные? Видѣли скинію, видѣли ковчегъ завѣта, манну, жезлъ Ааронов прозябшій... Видѣли прообразы того, исполненіе чего видишь ты. Какъ сильно желалъ Моисей видѣть землю обѣтованную! Но что такое эта обѣтованная земля въ сравненіи со Христомъ, Котораго ты видишь, Которымъ ты владѣешь, Которому служить дерзаешь! И Онъ предъ тобою на святомъ престолѣ, которому ты предстоишь; Онъ и въ руки твои приходитъ... Видишь ли пастырь, что ты видишь?

Пастырь! ты приносишь жертву Богу и низводишь на людей благословеніе Божіе. Тебѣ поручено приносить жертву Богу пріятную, жертву истинную. Ты подлинно—уста Божіи, ты рука Самого Господа Іисуса Христа, ты органъ, орудіе Божіе, чрезъ которое Самъ Господь продолжаетъ здѣсь на землѣ совершеніе вѣчной жертвы. Блажени очи видящіи, яже видите. Чрезъ твои руки, пастырь Церкви, проходитъ благословеніе Божіе на совершеніе святыхъ таинствъ, а чрезъ святыя таинства изливаются потоки благодати Божіей на землю. О, можешь ли быть спокойно равнодушнымъ, можешь ли быть холоднымъ, зная все это, ты, священникъ Бога истиннаго, Бога живаго, благословенный Господомъ, служитель Вѣчнаго, служитель Іисуса Христа? Подлинно блажени очи видящіи, яже вы видите.

II. Многи пророци восхотѣша видѣти. Что видѣть желали пророки? Они созерцали будущее, вдалеке видѣли то чудное святое Отроча, Егоже начальство бысть на рамѣ Его;

видѣли мужа скорбей, который одинъ истопталъ враговъ гнѣвомъ своимъ; видѣли крестъ и на немъ жертву—Агнца, за міръ закланнаго и нынѣ раздробляемаго и раздѣляемаго, раздробляемаго и нераздѣляемаго, всегда ядомаго и николиже пждиваемаго.

Они желали видѣть усыновленіе Богу людей, желали видѣть рѣки воды живой, отъ которой жаждущая пустыня процвѣла яко кринъ и стала плодородною, благословенною Богомъ. Въ образахъ—сѣняхъ и гаданіяхъ видѣли они всю эту грядущую славу, а видѣть самую дѣйствительность они только сильно желали, но желаніе ихъ не исполнилось. А ты, пастырь Церкви, видишь все это въ дѣйствительности, предметы ихъ чаянія предъ тобою. Нѣкогда старецъ обручникъ Іосифъ держалъ на рукахъ своихъ божественнаго Младенца, а нынѣ въ рукахъ твоихъ слово благовѣстія. Ты видишь усыновленіе Богу людей, ты по опыту знаешь, какъ процвѣтаетъ пустыня жаждущая вслѣдствіе изобильнаго изліянія на нее водъ божественной благодати, видишь, какіе плоды вслѣдствіе этого произращаетъ нынѣ прежде жаждущая пустыня; мало этого: ты служишь даже орудіемъ, чрезъ которое дѣйствуетъ благодать божественная. И труды твои по проповѣданію слова Божія не безплодны: Самъ Христосъ Господь поставилъ тебя на сіе дѣло, Онъ изобильно излилъ на тебя дары своей божественной благодати, и при помощи этой-то благодати ты долженъ возводить людей къ высшему совершенству. О! душе моя, если бы ты знала, что именно такъ смотритъ на тебя вѣрующій: неужели и послѣ всего этого не чувствуешь ты блаженства, не сознаешь величія твоего счастія? И не правъ ли Господь, когда считаетъ тебя блаженнымъ?..

III. И царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите. Ты прекрасно знаешь, каково было царское достоинство предъ Богомъ въ ветхомъ завѣтѣ. Они были Христами-помазанниками Божіими. И всетаки ты несравненно счастливѣе ихъ,

вѣдь ты видишь то, чего они желали видѣть и не видѣли, обладаешь тѣмъ, чѣмъ не обладали они. Святый Златоустъ высказываетъ относительно этого слѣдующую мысль: царямъ поручены тѣла, а священникамъ души; царь разрѣшаетъ узы тѣла, а священникъ узы грѣха. Таково противоположеніе. Цари ведутъ борьбу съ плотію и кровію и одерживаютъ побѣду только надъ земными врагами; только отъ такихъ враговъ они и могутъ защитить свой народъ, и благополучіе только земное могутъ они доставить народу своему, а то что по ту сторону, то зависитъ уже не отъ ихъ силы и могущества, то уже внѣ ихъ заботъ.

Ты борешься съ князьями тьмы. Ты побѣждаешь того, кто дерзнулъ бороться съ Самимъ Христомъ Господомъ. Вотъ отъ какого врага хранишь ты народъ христіанскій. Ты доставляешь ему вѣчное счастье, небесное благополучіе. Твоя забота—ввести людей въ царство, которое по ту сторону гроба; туда-то на небо ты долженъ вести людей; таковъ предметъ твоихъ заботъ. У того, по Златоусту, оружіе чувственное, у этого—духовное; тотъ ведетъ войну съ варварами, а у меня война противъ демоновъ; преимущество послѣдняго предъ первымъ большее; къ тому же и самъ царь подклоняетъ главу свою подъ руку священника. И подлинно, преимущество священника предъ царемъ въ этомъ отношеніи таково, что и сама царская глава должна преклоняться предъ священникомъ. Власть священника простирается даже до неба.

И не смотря на все это, жалѣть приходится иногда наше пастырство, когда замѣчаешь, что оно жаждетъ иногда котловъ съ мясами египетскими! Хорошо ли дѣлаютъ такіе пастыри? Понятна ли причина этого? Доказываетъ ли оно вѣру пастыря въ непрестанную промыслительную дѣятельность Божію о спасеніи человѣка? Ахъ! чему уподобить пастыря Церкви, который своему высокому положенію пастыря готовъ предпочесть суетные предметы сего міра, который не боится и не страшится грѣховныхъ удовольствій!

На камень вознеслъ мя еси; наставилъ мя еси, яко былъ еси упованіе мое (Пс. 60, 3).

Помянухъ милость Твою, Господи, и истину Твою, яко отъ вѣка суть. І. П–мъ.

Начальственныя распоряженія въ епархіяхъ по вопросамъ пастырской практики.

Могутъ ли священники вѣнчать лицъ, имена которыхъ неправильно записаны въ метрическихъ книгахъ въ статьяхъ объ ихъ рожденіи и крещеніи?—Одинъ изъ священниковъ Орловской епархіи просилъ мѣстнаго преосвященнаго разрѣшить повѣнчать двухъ лицъ, имена которыхъ неправильно записаны въ метрическихъ книгахъ въ статьяхъ объ ихъ рожденіи и крещеніи. На прошеніи этомъ послѣдовала такая резолюція преосвященнаго: »Въ просьбѣ о повѣнчаніи до рѣшенія слѣдственнаго дѣла отказать, разъяснивъ священнику, что просьба его не основательна, такъ какъ исправленіе ошибочныхъ записей въ церковныхъ документахъ можетъ быть совершено только по распоряженію епархіальнаго начальства, и притомъ слѣдственнымъ порядкомъ; что разрѣшать священнику повѣнчаніе, а слѣдовательно и составленіе предбрачныхъ обысковъ по ошибочнымъ документамъ или и вовсе безъ документа, въ случаѣ пропуска записью, не сообразно съ существомъ разсматриваемаго вопроса; что разрѣшать священнику въ данномъ случаѣ самому вершить дѣло—значитъ облекать его властію судіи часто въ собственной его ошибкѣ; что въ подобныхъ случаяхъ виною справедливыхъ неудовольствій прихожанъ суть сами члены причта, небрежно ведущіе запись по церковнымъ документамъ, и потому они же и должны, во избѣжаніе справедливыхъ нареканій на ихъ небреженіе, приложить все свое вниманіе къ исправному веденію сихъ документовъ; что наличный причтъ, не виновный въ ошибочной записи, допущенной его предшественниками, въ огражденіе своихъ прихожанъ отъ затруднительныхъ обстоятельствъ въ подобныхъ случаяхъ, долженъ внушать своимъ прихожанамъ, что они прежде всякаго начатія дѣла по вѣнчанію должны справляться въ церковныхъ документахъ о лицахъ брачущихся«.

Воспрещеніе благочиннымъ и церковнымъ причтамъ приступать къ церковнымъ постройкамъ и исправленіямъ безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства.—Астраханская духовная консисторія подтверждаетъ благочиннымъ церквей епархіи, чтобы, согласно §§ 47 и 52 Устава дух. консисторій, ни сами они, ни подвѣдомственные имъ причты не приступали къ постройкамъ и исправленіямъ церковнымъ безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства, подъ опасеніемъ отвѣтственности въ противномъ случаѣ по закону.

О назначеніи пенсій дѣтямъ священнослужителей.—Донская духовная консисторія разъясняетъ духовенству епархіи, что дѣти, оставшіяся послѣ смерти священнослужительскихъ вдовъ, которымъ при жизни вмѣстѣ съ дѣтьми производилась пенсія, имѣютъ право на таковую въ опредѣленномъ соотвѣтствующимъ узаконеніемъ размѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ узаконеннаго совершеннолѣтія—сыновья 17-лѣтняго возраста, а дочери 21 года, или пока тѣ и другія не будутъ приняты въ общественныя заведенія на казенное содержаніе; съ ходатайствомъ о назначеніи такимъ дѣтямъ пенсій должны входить въ консисторію, съ представленіемъ метрическихъ свидѣтельствъ объ ихъ рожденіи, опекуны малолѣтнихъ чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ, которымъ вмѣняется въ обязанность, чтобы они, по силѣ 80 ст. Устава дух. консисторій, имѣли наблюденіе, дабы обо всѣхъ дѣтяхъ, имѣющихъ право на пенсію, опекуны безотлагательно входили съ надлежащими просьбами.

Какія свѣдѣнія должны быть сообщаемы въ метрическихъ выпискахъ о рожденіи лицъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности.—Калужская духовная консисторія объявляетъ духовенству епархіи къ непремѣнному и точному исполненію, чтобы священно-церковно-служители въ выдаваемыхъ ими метрическихъ выпискахъ о рожденіи лицъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, означали кромѣ именъ, отчествъ и фамилій отцовъ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности, еще имена и отчества и матерей послѣднихъ.

О пріобрѣтеніи причтами и церковными старостами документовъ на причтовыя и церковныя земли.—Казанская духовная консисторія циркулярно предписываетъ приходскимъ причтамъ и церковнымъ старостамъ озаботиться немедленнымъ пріобрѣтеніемъ документовъ на причтовыя и церковныя земли, откуда слѣдуетъ, причемъ благочиннымъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность

о каждомъ случаѣ пріобрѣтенія документовъ причтами тотчасъ же доносить мѣстному архіепископу.

Кому должно быть предоставляемо приходскими священниками право печенія просфоръ?—Новгородская духовная консисторія вмѣняетъ въ обязанность приходскимъ священникамъ епархіи, чтобы они предоставляли просфоропеченіе при ввѣренныхъ имъ церквамъ по преимуществу спротамъ духовнаго вѣдомства, а благочиннымъ поручаетъ имѣть за этимъ наблюденіе.

Въ какихъ случаяхъ духовные слѣдователи могутъ отказаться отъ исполненія возложеннаго на нихъ порученія духовнаго начальства?—Курская духовная консисторія внушаетъ духовнымъ слѣдователямъ епархіи, чтобы они отнюдь не уклонялись отъ исполненія предписаній начальства безъ особо уважительныхъ причинъ и старались бы исполнять таковыя въ возможно непродолжительномъ времени. Если же кто либо изъ нихъ по болѣзни или по какой либо другой особо уважительной причинѣ не найдетъ для себя возможнымъ исполнить возложенное на него порученіе начальства, то, возвращая неисполненное дѣло, представлялъ бы или медицинское свидѣтельство, или удостовѣреніе мѣстнаго благочиннаго о невозможности исполнить порученіе начальства по уважительнымъ причинамъ, съ указаніемъ въ удостовѣреніи и самыхъ причинъ, по которымъ признается исполненіе невозможнымъ.

Къ контролю надъ лицами, увольняемыми отъ должности псаломщиковъ и подлежащими отбыванію воинской повинности.—Пензенская духовная консисторія, для возможности контроля надъ лицами, увольняемыми отъ должности псаломщиковъ, и своевременнаго сообщенія о семъ, на основаніи указа Св. Синода, отъ 22 іюня 1874 г. за № 37, уѣзднымъ, окружнымъ и городскимъ по воинской повинности присутствіямъ, предписываетъ духовенству епархіи въ послужныхъ спискахъ псаломщиковъ неопустительно прописывать о томъ, гдѣ тотъ или другой изъ псаломщиковъ приписанъ къ призывному участку, т. е. въ какомъ уѣздномъ по воинской повинности присутствіи и въ какомъ году. Если же кто изъ псаломщиковъ будетъ вовсе уволенъ отъ мѣста ранѣе года по опредѣленіи его на мѣсто, и такимъ образомъ не могло быть о немъ списка въ клировой вѣдомости, которая пишется въ концѣ года, то о таковыхъ о.о. благочинные имѣютъ доставлять упомянутыя свѣдѣнія немедленно консисторіи, при чемъ вмѣняется имъ, благо-

чинимъ, строго слѣдить за вышеуказаннымъ обозначеніемъ о приписке къ призывному участку псаломщиковъ, подъ опасеніемъ, за упущеніе, законнаго взысканія.

Программа испытаній лицъ, ищущихъ псаломщическихъ мѣстъ.— Полтавская духовная консисторія объявляетъ ищущимъ псаломщическихъ мѣстъ, что программа испытаній ихъ, согласно предложенію мѣстнаго преосвященнаго, будетъ заключаться въ слѣдующемъ: 1) правильно ли и внятно проситель читаетъ по-славянски; 2) знаетъ ли церковное пѣніе и имѣетъ ли способный къ нему голосъ, или нѣтъ; 3) умѣетъ ли кратко разсказать порядокъ церковныхъ службъ; 4) имѣетъ ли правильное понятіе о символѣ вѣры, таинствахъ, молитвѣ Господней и двунадесятыхъ праздникахъ; 5) знаетъ ли заповѣди и способенъ ли къ письмоводству.

Воспрещеніе духовенству обзаводиться охотничьими принадлежностями и заниматься охотой.—Волынская духовная консисторія дѣлаетъ предостереженіе всему духовенству епархіи, чтобы оно не занималось охотою и не обзаводилось охотничьими принадлежностями.

О порядкѣ испрашиванія разрѣшенія епархіальнаго начальства на ремонтированіе церквей и церковныхъ зданій.—Самарская духовная консисторія по вопросу о порядкѣ испрашиванія разрѣшенія на ремонтированіе церквей и церковныхъ зданій подтверждаетъ причтамъ и благочиннымъ епархіи, чтобы а) прошенія объ исправленіи церквей и церковныхъ зданій исходили непремѣнно всегда отъ мѣстныхъ причтовъ; б) прошенія эти подписывались не однимъ священникомъ, но и всѣми прочими членами причта и церковнымъ старостою; в) въ прошеніяхъ подробно были выяснены нужды въ передѣлкахъ по храму или въ пріобрѣтеніи тѣхъ или другихъ для него предметовъ, указана была если не вполнѣ точная, то приблизительная цифра предполагаемыхъ расходовъ, и изъяснено, на чей счетъ предполагается произвести исправленіе—на счетъ ли церковныхъ кошельковыхъ суммъ, или на пожертвованныя нарочито на сей предметъ отъ прихожанъ или приходскихъ попечительствъ деньги; г) если исправленіе предполагается произвести на счетъ церковной кошельковой суммы, то какъ велика эта сумма, и нѣтъ ли въ храмѣ другихъ, болѣе настоятельныхъ, нуждъ и потребностей, требующихъ удовлетворенія; д) если на исправленіе предполагается употребить особо пожертвованную

сумму, то собрана ли она и въ чьемъ вѣдѣніи находится, достаточно ли ея для приведенія къ окончанію предполагаемыхъ работъ въ приличномъ видѣ, и если не собрана, то благонадежна ли она къ поступленію въ полномъ количествѣ, чтобы начатыя работы не остались безъ окончанія, по недостатку или по неполнотѣ сбора назначенной для нихъ суммы, и е) чтобы все это, заключающееся въ рапортѣ причта, было подтверждено въ своей вѣрности мѣстнымъ благочиннымъ, если онъ находитъ соображенія причта основательными и изложенныя имъ свѣдѣнія вѣрными, въ противномъ случаѣ благочинный даетъ на семъ же рапортѣ или особо отъ него свое мнѣніе, съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, по его усмотрѣнію.

О храненіи восковыхъ огарковъ.—Тобольская духовная консисторія объявляетъ по епархіи, чтобы причты и старосты церквей озаботились немедленнымъ заведеніемъ для храненія восковыхъ огарковъ желѣзныхъ, вмѣсто деревянныхъ, ящиковъ и принимали всѣ зависящія отъ нихъ мѣры противъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, а благочинные чтобы настояли съ своей стороны въ этомъ отношеніи надъ причтами и старостами.

Какія лица не могутъ быть избираемы въ церковные старосты.—Калужская духовная консисторія подтверждаетъ духовенству епархіи, чтобы 1) выборовъ по сельскимъ приходамъ въ церковные старосты волостныхъ старшинъ ни въ какомъ случаѣ впредь не допускалось, и 2) при представленіи общественныхъ приговоровъ объ избраніи церковныхъ старостъ постоянно присовокуплялось отъ о.о. благочинныхъ и мѣстныхъ причтовъ предварительное засвидѣтельствованіе о томъ, что вновь избранныя лица не состоятъ содержателями или сидѣльцами заведеній для раздробительной винной торговли внѣ городскихъ поселеній.

Запрещеніе настоятелямъ церквей давать учителямъ церковно-приходскихъ школъ церковную печать для запечатыванія ими корреспонденціи.—Принимая во вниманіе, что настоятели церквей суть въ то же время и завѣдующіе церковно-приходскими школами, имѣющимися въ ихъ приходѣ, Полоцкая духовная консисторія воспретила настоятелямъ церквей давать церковную печать для запечатыванія корреспонденціи по дѣламъ церковно-приходскихъ школъ учителямъ ихъ, впредь до разрѣшенія этого вопроса Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, а всю корреспонденцію по этому дѣлу предписала имъ вести отъ себя, какъ отъ лица завѣдующаго школою.

Отъ Кіевск. дух. ценз. Комит. печатать дозволяется. Кіевъ, 12 іюля 1888 г.
Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 32.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Августа 7-го.

Содержаніе: Неудобовразумительная терминологія въ чинѣ всенощнаго бдѣнія по славянскому Типику.—Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви.—О неудобствахъ при выборахъ церковныхъ старостъ и о мѣрахъ къ устраненію этихъ неудобствъ.—Къ рѣшенію вопросовъ изъ пастырской практики.

Неудобовразумительная терминологія въ чинѣ всенощнаго бдѣнія по славянскому Типику (Тип. 2 гл., см. „Уставъ священнослуженія“—въ началѣ Службы.).

Въ нашемъ славянскомъ Типикѣ чинъ всенощнаго бдѣнія не отличается особенною точностію изложенія, выработанностію и однообразіемъ терминологіи: въ этомъ чинѣ находится не мало словъ и выраженій, вызывающихъ недоразумѣніе при отправленіи всенощнаго бдѣнія. Не входя въ изслѣдованіе того, когда и какимъ образомъ они появились, считаемъ небезполезнымъ для нашихъ читателей установить надлежащій смыслъ и значеніе ихъ.

Предъ началомъ великой вечерни, говорится въ Типикѣ, *кандиловжигатель ставитъ зажженную свѣчу на свѣщ-*

пикъ прямо царскихъ вратъ. Въ другихъ мѣстахъ Типика кандиловжигатель иначе называется параеккліcіархомъ, церковникомъ, церковно-служителемъ, свѣщевжигателемъ. По требованію Типика кандиловжигатель долженъ поставить зажженную свѣчу на свѣщникѣ прямо царскихъ вратъ. О какихъ вратахъ здѣсь упоминаетъ Типикъ: о западныхъ ли вратахъ (среднихъ), ведущихъ изъ притвора въ церковь и въ древности называвшихся царскими вратами (βασιλικαὶ πύλαι), или же объ алтарныхъ (среднихъ) дверяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „святыхъ дверей“ (τὰ ἅγια θύρια)? Обращаясь къ греческому подлиннику, мы находимъ, что въ данномъ случаѣ разумѣются не царскія врата, а святыя двери, какое названіе удержано за алтарными дверьми нѣсколько ниже и по славянскому переводу (до чтенія свѣтильничныхъ молитвъ). Типикъ предписываетъ, чтобы кандиловжигатель поставилъ зажженную свѣчу на свѣщникѣ „прямо царскихъ“ вратъ, а потомъ замѣчаетъ, чтобы онъ, „пріемъ свѣщникъ, стоящій среди церкве“, возгласилъ: „востаните“. Выходитъ нѣкотораго рода недоразумѣніе: гдѣ же собственно долженъ стоять вожженный свѣтильникъ? Въ греческомъ подлинникѣ словъ „среди церкве“ нѣтъ и по славянскому переводу ихъ не должно бы быть. Такимъ образомъ по сличеніи славянскаго текста съ греческимъ оказывается, что предъ началомъ великой вечерни церковно-служитель долженъ поставить зажженную свѣчу на свѣщникѣ предъ святыми алтарными дверьми (κατακώπιον τῶν ἁγίων θυρῶν).

Въ началѣ великой вечерни *священникъ кадитъ святую трапезу и весь жертвенникъ.* Уже опредѣлительное „весь“ при словѣ „жертвенникъ“ даетъ понять, что здѣсь идетъ рѣчь не о жертвенникѣ въ принятомъ у насъ значеніи этого слова, а о чемъ-то другомъ. И дѣйствительно по справкѣ съ греческимъ текстомъ оказывается, что въ началѣ великой вечерни священникъ долженъ кадить не жертвенникъ, а весь алтарь (καὶ ὅλον θυσιαστήριον).

Великая вечерня начинается тѣмъ, что *кандиловжигатель возглашаетъ: „востанѣте“*. Вмѣсто возглашенія: „востанѣте“ въ греческомъ подлинникѣ указанъ возгласъ: „повелите“ (κελεύσατε). Это обычное обращеніе къ епископу и пресвитеру начать службу или совершать тотъ или другой богослужебный актъ по славянскому переводу замѣнено словомъ „востанѣте“ примѣнительно къ монастырскому обычаю, по которому собравшіеся на всенощное бдѣніе монахи въ ожиданіи начала службы сидѣли на своихъ мѣстахъ и получали приглашеніе подняться съ своихъ мѣстъ.

Всѣмъ *воставшимъ священникъ*, изшедъ святыми дверьми, совершаетъ кажденіе всей церкви и при томъ такъ, что *кадиломъ творитъ крестъ прежде всего предъ святыми дверьми, возводя правѣ и прекѝ*. Какъ понимать это неудобовразумительное объясненіе Типика объ образѣ кажденія? Творить крестъ кадиломъ, „возводя правѣ и прекѝ“, значитъ крестообразно кадить, воздвизая кадило сверху внизъ (правѣ) и поперегъ (прекѝ).

Пѣвецъ праваго лика второй стихъ предначинательнаго псалма: „Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло“ *поетъ легко со гласомъ согласующимъ и прочимъ братіямъ съ ними*. Изъ сравненія славянскаго текста съ греческимъ можно понять, что славянскій Типикъ хочетъ сказать, чтобы пѣвецъ праваго лика пѣлъ вторый стихъ предначинательнаго псалма также, какъ и предстоятель поетъ первый стихъ того же псалма, т. е. „не скоро, со сладкопѣніемъ, спокоцей и прочіей братіи съ нимъ“.

По окончаніи обычнаго стихологія (стихословія первой каѳизмы—пѣнія первой каѳизмы по стихамъ) *канонархъ творитъ метаніе и возглашаетъ гласъ Октоиха или Минеи*. Названіе канонархъ происходитъ отъ греческаго слова κανών—канонъ и ἄρχω—начинаю и означаетъ начинателя, руководителя канона. Въ греческихъ церквамъ и монастырямъ

канонархъ ясно и раздѣльно по коммамъ подсказывалъ тропари канона—сперва правому хору одинъ тропарь, потомъ—лѣвому другой тропарь. Обыкновенно канонархъ же громко говорилъ каждый стихъ стихиры „на Господи воззвахъ и на стиховны“, за нимъ тотъ же стихъ повторяли пѣвцы праваго хора; потомъ канонархъ такимъ же образомъ говорилъ другую стихиру и ее пѣли пѣвцы лѣваго хора. Прежде чѣмъ возгласить тотъ гласъ, на который слѣдуетъ пѣть стихиры „на Господи воззвахъ“, канонархъ долженъ творить „метаніе“. Слово „метаніе“ греческое и означаетъ собственно покаяніе (μετάνοια). Этимъ словомъ монашествующіе, какъ посвятившіе себя на подвигъ покаянія, называли всѣ благочестивыя упражненія и дѣла своего званія, какъ-то: изъявленіе смиренія, поклоненіе, поверженіе тѣла на землю и проч. Отсюда и вышло, что творить метаніе значитъ творить поклоненіе, поклапяться.

При пѣніи послѣдней стихиры „на Господи воззвахъ“, или богородична совершается малый входъ, *отверзаемымъ святымъ дверемъ, предыдущимъ свѣтильникомъ двѣма, діакону же держащу кадильницу и по немъ іерею просту, опущенъ имущу фелонь.* Здѣсь словами: „іерею просту, опущенъ имущу фелонь“ Типикъ хочетъ сказать, чтобы за діакономъ шелъ священникъ прямо—не согнувшись и опустивши переднюю часть фелони, которая въ древности дѣлалась безъ вырѣзки спереди. Прійдя къ святымъ дверямъ, *священникъ стоитъ прямо ихъ, діаконъ же одесную священника мало откосвенно, и приникъ держа и орарь свой тремя персты десныя руки, глаголетъ тайно, елико токмо слышати священнику: Господу помолимся,* что значитъ: діаконъ стоитъ на правой сторонѣ священника, нѣсколько наискось и наклонясь, держа орарь свой тремя пальцами правой руки, произноситъ такъ тихо, что только священнику можно слышать... По молитвѣ священника, *восклонився, глаголетъ діа-*

конъ ко священнику, показуя вкупѣ къ востоку съ орарем, держа и тремя персты десныя руки: благослови, владико, святый входъ, или что то же яснѣе сказать: и по молитвѣ поклонившись, діаконъ орарем, держимымъ тремя пальцами правой руки, показываетъ на востокъ и говоритъ священнику... *Исполнившуся стиху, приходитъ діаконъ посредѣ и начертавъ крестъ съ кадильницею возглашаетъ: „премудрость прости“...* Это мѣсто Типика въ болѣе опредѣленной и правильной формѣ можетъ быть выражено такъ: по окончаніи пѣнія стихиры, діаконъ, начертавъ кадильницею крестъ посредине царскихъ вратъ, входитъ въ алтарь, возглашая: премудрость, прости. По свойству славянскаго языка дѣйствіе посредствомъ чего либо выражается творительнымъ безъ предлога, и потому выраженіе „начертавъ крестъ съ кадильницею“ неправильно: совершенно безъ нужды переведенъ греческій предлогъ μετά-съ. По входѣ діакона и священника въ алтарь, *затворяются святыя двери.* О закрытіи святыхъ дверей въ это время ничего не говорится въ греческомъ Типикѣ, и у насъ святыя двери обыкновенно затворяются уже послѣ прокимна (Ср. 2 гл. Тип. съ послѣд. вечерни въ Служебн.).

Послѣ ектеніи „Исполнимъ молитву нашу Господеви“ и молитвы на главоприклоненіе *іерей съ діакономъ исходитъ сѣверными дверьми, предыдущимъ имъ двѣма свѣтильникома, діакону же съ кадильницею, нами же послѣдующимъ. И поемъ стихиру храма и исходимъ въ притворъ.* Выходъ на литію въ древне-русской Церкви иногда совершался чрезъ святыя двери, какъ то и теперь практикуется въ нѣкоторыхъ нашихъ храмахъ. Но выходъ на литію чрезъ святыя двери и открытіе этихъ дверей во время пѣнія литіи не имѣетъ никакого отношенія къ послѣдней, такъ какъ литія совершается въ притворѣ, а по свидѣтельству Симеона Солунскаго она прежде совершалась не только въ притворѣ

и какъ бы внѣ храма, но и предъ закрытыми западными (красными) вратами (Сим. Солунск. Разговоръ о священнодѣйствіяхъ и обрядахъ церковныхъ гл. 303). Кромѣ того, открытіе святыхъ дверей во время пѣнія литіи не сообразно съ духомъ и характеромъ этого общенароднаго, усиленнаго и покаяннаго моленія, совершаемаго въ притворѣ,—мѣстѣ, предназначенномъ для оглашенныхъ и кающихся. Святыя двери вообще отверзаются на службахъ радостныхъ и торжественныхъ, на которыхъ наиболѣе раскрывается домостроительство спасенія людей, въ которыхъ подается большая надежда получить небесное царство, на которыхъ читается Евангеліе, а на службахъ покаянныхъ и печальныхъ, въ которыхъ изображается наше грѣховное состояніе и гнѣвъ Божій за наши прегрѣшенія, святыя двери бываютъ закрыты. Вотъ почему и въ нашемъ теперешнемъ Типикѣ, представляющемъ изъ себя, за весьма немногими исключеніями, перепечатку съ изданія 1695 г., предписывается совершать выходъ на литію сѣверными дверьми, а не святыми вратами, какъ то дѣлалось въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ церквахъ и монастыряхъ и какъ то же допускается и теперь въ нѣкоторыхъ нашихъ церквахъ.

Послѣ стихиръ на стиховнахъ *поставляются священники предукрасившуся четвероножцу, на немже лежитъ со пшеницею и пятью хлѣбы блюдо, еже имамы обычай приносити въ церковь.* Выраженіе „предукрасившуся четвероножцу“ значитъ „напередъ приготовленному четвероножному столику“, а выраженіе „еже имамы обычай приносити въ церковь“ относится не къ слову „блюдо“, какъ то выходитъ по славянскому тексту, а къ слову „хлѣбы“, и заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ, что для благословенія хлѣбовъ приносятся хлѣбы, особенно приготовленные для церковнаго употребленія, почему и мѣстоимѣніе „еже“ правильнѣе было бы замѣнить словомъ „ихже“, относящимся къ пяти хлѣбамъ.

По окончаніи чтенія изъ Дѣяній апостольскихъ *исходитъ параекклисіархъ и клеплетъ въ великій и прочіе кампаны. Востившу же предстоятелю и всѣмъ братіямъ, начинаемъ: аминь, слава въ вышнихъ Богу.* Спрашивается: кто же начинаетъ чтеніе шестопсалмія и можно ли начинать заключительнымъ словомъ „аминь", которымъ обыкновенно завершается какой либо возгласъ или молитва? Изъ 7 и 9 гл. Типика видно, что на воскресной и простодневной утрени чтеніе шестопсалмія лежитъ на обязанности предстоятеля и что вообще чтеніе шестопсалмія называется обычнымъ дѣломъ предстоятеля: „предстоятель глаголетъ: Слава въ вышнихъ Богу и—шестопсалміе, яко обычай". Понятно, что это замѣчаніе Типика непримѣнимо въ церквахъ приходскихъ, особенно одноклирныхъ, такъ какъ предстоятелямъ этихъ церквей не возможно въ одно и то же время читать и шестопсалміе и утреннія молитвы. Заключительное слово „аминь" можетъ быть относимо и у насъ относится къ тому благословенію, которое священникъ преподаетъ въ концѣ великой вечерни предстоящему народу, говоря: „Благословеніе Господне на васъ". Но въ Типикѣ предписывается, чтобы послѣ того, какъ священникъ скажетъ: „Благословеніе Господне на васъ",—чтецъ произнесъ: „аминь", и чтобы послѣ того, какъ благословенные хлѣбы будутъ розданы братіи и будетъ прочитано положенное изъ Апостола, предстоятель начиналъ чтеніе шестопсалмія такъ: „аминь, слава въ вышнихъ Богу". Такимъ образомъ заключительное слово „аминь" предъ чтеніемъ шестопсалмія на всенощномъ бдѣніи представляется излишне и неумѣстно повтореннымъ въ нашемъ Типикѣ.

По чтеніи Евангелія *исходитъ священникъ святыми дверьми со Евангеліемъ, держа его при персьхъ своихъ и стоитъ посредъ храма, имѣяй фелонь опущенъ долу и держа Евангеліе при персьхъ своихъ,* пока не подойдутъ къ Евангелію и не поцѣлуютъ его предстоятель и братія.

По цѣлованіи Евангелія іерей осѣняетъ имъ братію и входитъ во святый алтарь. Итакъ Типикъ требуетъ, чтобы священникъ послѣ чтенія Евангелія (воскреснаго) вынесъ оное на средину храма и здѣсь стоялъ, имѣя фелонь опущенъ долу и держа Евангеліе при персѣхъ своихъ, пока не подойдутъ къ Евангелію и не поцѣлуютъ его предстоятель и братія. Это требованіе Типика не выполнимо и расходится съ указаніями другихъ богослужебныхъ книгъ. Въ настоящее время фелонь дѣлается съ вырѣзкою спереди, а потому она и не можетъ быть опущена долу, и у насъ священникъ обыкновенно полагаетъ Евангеліе на аналогіѣ и стоитъ подлѣ аналогія до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ къ Евангелію и не поцѣлуютъ его предстоящіе въ храмѣ. Впрочемъ въ приходскихъ церквахъ и соборныхъ юго-западной Россіи дѣлается такъ, что священникъ, вынеся Евангеліе на средину церкви, предыдущему ему діакону со свѣчей, полагаетъ оное на аналогіѣ и поцѣловавъ вмѣстѣ съ діакономъ, отходятъ въ алтарь, не ожидая того, когда всѣ предстоящіе во храмѣ подойдутъ къ Евангелію и поцѣлуютъ его. Такой образъ дѣйствованія священнослужителей въ приходскихъ и соборныхъ церквахъ юго-западной Россіи оправдывается указаніями, находящимися въ „послѣдован. вечерни, утрени и полуночницы“ изд. въ Кіево-Печерской лаврѣ 1861 г. (л. 8 на обор.), гдѣ сказано: по прочтеніи Евангелія, іерей, вынеся оное на средину церкви, предыдущему ему діакону со свѣчей, полагаетъ его на аналогіѣ и, поцѣловавъ, вмѣстѣ съ діакономъ отходятъ въ алтарь“.

Всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ неточныхъ словъ, неправильныхъ выраженій, неудобовразумительныхъ названій (и частію неудобоисполнимыхъ требованій въ практикѣ приходскихъ церквей) было бы не желательно видѣть въ послѣдующихъ изданіяхъ Типика, какъ книги, назначенной въ руководство при отправленіи службъ и объясняющей порядокъ

и пріемы совершенія ихъ: неточныя слова, неправильныя выраженія и неудобовразумительныя названія могли бы быть замѣнены или по крайней мѣрѣ на поляхъ объяснены болѣе точными, правильными и удобопонятными. З.

Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ Православной Русской Церкви [1]).

Свойства мелодическаго движенія въ дневныхъ стихирныхъ напѣвахъ.

Къ свойствамъ мелодическаго движенія относятся: I) частные виды мелодическаго движенія, II) способы видоизмѣненія мелодій и III) мелодическія украшенія.

I. *Частные виды мелодическаго движенія.* Не сложна мелодія дневныхъ стихирныхъ напѣвовъ, а потому и строки ихъ бѣдны мелодическимъ движеніемъ. Сохраняя вообще остовъ церковнаго осмогласія и строкъ большаго знаменнаго роспѣва, онѣ не сохраняютъ свойствъ ихъ мелодическаго движенія, или же сохраняютъ лишь слабые слѣды ихъ. Такъ большей части видовъ мелодическаго движенія, свойственныхъ большому знаменному роспѣву, онѣ не имѣютъ вовсе, другіе же виды въ нихъ сохранились какъ бы случайно и въ слабой степени, при томъ преимущественно въ стихирныхъ запѣвахъ, прокимнахъ и подобнахъ. Мелодіи большаго знаменнаго роспѣва изобилуютъ волнообразнымъ движеніемъ и растяженіемъ мелодическихъ оборотовъ, мелодіи же *дневныхъ* напѣвовъ—движеніемъ поступательно-унисоннымъ, выражаемымъ краткими нотами и бѣглымъ неразмѣреннымъ темпомъ. Движеніе это въ нихъ является необходимымъ элементомъ каждой строки. Оно имѣетъ значеніе и *вступленія* въ мелодическую строку, и *количественнаго* въ ней *распространенія* звуковъ сообразно

---

[1]) См. № 31-й.

количеству слоговъ и словъ текста, и вообще преобладаетъ надъ движеніемъ мелодически-колебательнымъ. Большая часть слоговъ текстовой строки, при этомъ, такъ сказать читается или *говорится на рѣчь* и только конечные слоги имѣютъ надъ собою краткую мелодію подобную заключительной мелодіи евангельскаго чтенія, а иногда и короче ея. Унисонно-речитативное движеніе выражается четвертями цѣлой ноты, надъ каждымъ слогомъ по одной четверти (чваркѣ), а выпѣвается обыкновенно скорѣе того; оно не имѣетъ даже нотъ, выдающихся изъ унисоннаго ряда вверхъ и внизъ, которыя свойственны речитативнымъ мелодіямъ стараго знаменнаго [1]) и даже греческаго роспѣвовъ.

Въ частности, при гласовой области, ограниченной предѣлами лишь *тетрахорда* и *пентахорда* (а не *октахорда*), въ дневныхъ стихирныхъ напѣвахъ не возможны вполнѣ и виды мелодическаго движенія *восходящій* и *нисходящій*, которые въ такомъ изобиліи мы находимъ въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ и которые характеризуютъ общее движеніе его мелодій [2]). Если мы въ дневныхъ напѣвахъ находимъ нѣкоторые слѣды восходящаго движенія въ *подъемѣ* къ той или другой мелодической строкѣ или иногда въ заключительномъ ея членѣ, а нисходящее на концахъ мелодическихъ строкъ, то количество звуковъ, входящихъ въ это движеніе, не превышаетъ *трехъ*, такъ какъ звуки сильнаго ударенія возвышаются надъ рядами звуковъ унисоннаго речитатива не выше терціи и нисходятъ также не ниже терціи. Но такое движеніе необходимо въ каждой мелодіи и не составляетъ особенности какого либо роспѣва. Напротивъ нечастое его

---

[1]) См. ж. »Руков. дал сел. паст.« за 1887 г. № 32, стр. 504.

[2]) Это движенія: *восходящее простое и восходяще—колебательное, нисходящее простое и нисходяще—колебательное, восходяще—нисходящее и нисходяще—восходящее.* Тамъ же, стр. 504—506, 509.

употребленіе свидѣтельствуетъ о бѣдности мелодическаго развитія напѣва и только развѣ въ этомъ смыслѣ можетъ служить характеристическою чертою дневныхъ стихирныхъ напѣвовъ. При восходящемъ и нисходящемъ движеніи дневныхъ гласовыхъ мелодій есть и *проходящія* въ нихъ діатоническія ноты; но онѣ, проходя быстро, не затрудняютъ гармонизаціи мелодій. Но и эти слабые слѣды мелодическаго движенія въ гармоническихъ переложеніяхъ дневныхъ напѣвовъ сглаживаются и почти исчезаютъ совершенно, такъ что ихъ мелодическія строки принимаютъ наконецъ общій видъ унисоннаго речитатива.—Не встрѣчается въ нихъ и мелодическое движеніе со *вспомогательною нотою,* замѣняющее протяженную одной степени ноту, ни раздробленіе бѣлой (половинной) ноты по разнымъ слогамъ текста, ни движеніе *колебательно-ломаное,* т. е. вообще всѣ виды мелодическаго движенія, имѣющіе значеніе замедленія того или другаго мелодическаго оборота, или только при замедленіи возможные, удалены изъ дневныхъ напѣвовъ.

Но и при бѣдности мелодическаго движенія въ строкахъ мы иногда встрѣчаемъ на концахъ ихъ мелодическіе обороты, напоминающіе большой знаменный роспѣвъ. Таково напримѣръ движеніе трехъ звуковъ съ задержаніемъ средняго или *синкопъ* [1]), напоминающій *кулизму* большаго роспѣва гл. I, IV и VIII. Въ конечныхъ же строкахъ встрѣчаются и другія мелодическія группы звуковъ, напоминающія такія же группы большаго знаменнаго роспѣва. Само собою разумѣется, что въ мелодіяхъ, заимствованныхъ, хотя и не съ буквальною точностію, изъ большаго знаменнаго роспѣва, сохраняются по необходимости и нѣкоторыя свойства его мелодиче-

---

[1]) См. наприм. въ цер. *Обиходѣ* и у Потулова конечныя строки гл. I и IV. Сн. ж. »Руководство для сел. пастырей« за 1887 г. № 32, стр. 507.

скаго движенія; но мелодіи эти по своему построенію суть мелодіи особыя, исключительныя.

Между тѣмъ въ построеніи мелодій дневныхъ напѣвовъ есть нѣкоторыя черты русскаго народнаго пѣнія. Это а) русскія мелодіи любятъ начинаться съ квинты (отъ тоники); то же мы видимъ и въ разсматриваемыхъ нами дневныхъ напѣвахъ, наприм. въ гласѣ I и др.; б) ни въ одномъ великорусскомъ напѣвѣ не встрѣчается интерваллъ *сексты*. Онъ встрѣчается только въ малороссійскихъ напѣвахъ, и то рѣдко и въ качествѣ полонизма. Нѣтъ его и въ мелодіяхъ дневныхъ стихирныхъ напѣвовъ; в) въ русскихъ напѣвахъ встрѣчаются кажущіяся неправильности въ отношеніи къ ритму или движенію мелодіи, каковыя неправильности и составляютъ отличіе великорусской музыки отъ западной [1]). Подобное мы находимъ и въ дневныхъ напѣвахъ, наприм. при повтореніи мелодическихъ строкъ по изложенію ихъ въ сунодальныхъ изданіяхъ.

II. *Способы видоизмѣненія мелодій.* Къ способамъ видоизмѣненія мелодій принадлежатъ: 1) распространеніе или сокращеніе мелодій и 2) ихъ варіированіе.

1) Въ дневныхъ стихирныхъ напѣвахъ мелодія состоитъ изъ опредѣленныхъ, разъ установленныхъ формъ, которыя должны повторяться по возможности съ буквальною точностію. Поэтому *распространеніе* или *сокращеніе* ихъ мелодическихъ строкъ происходитъ только въ речитативныхъ, а не въ мелодическихъ ихъ частяхъ. Увеличивается въ количествѣ слоговъ и словъ текстовая строка или та, или другая ея часть, вмѣстѣ съ этимъ удлиняется и унисонный рядъ звуковъ той или другой части мелодической строки. Для начальныхъ сло-

---

[1]) »Мірская пѣсня, написанная на восемь гласовъ крюками съ киноварными помѣтами«, стр. 52,—статья князя В. Ѳ. Одоевскаго, читанная на Археолог. съѣздѣ въ Москвѣ 1871 г. проф. И. Д. Кашкинымъ.

говъ безъ ударенія прибавляются, какъ мы видѣли, *вступительныя ноты,* съ увеличеніемъ количества слоговъ въ заключительной части строки вставляется и въ мелодіи непосредственно послѣ сильнаго ударенія конечнаго ея члена соотвѣтственное количество унисонныхъ краткихъ звуковъ. Но съ увеличеніемъ количества словъ текста главнымъ образомъ увеличивается средняя речитативная часть строки. Въ случаѣ сокращенія количества слоговъ и словъ текстовой строки соотвѣтственно сокращаются, а нерѣдко и вовсе исчезаютъ изъ мелодіи, всѣ ея унисонно-речитативныя части. Такимъ образомъ *количественное* распространеніе или сокращеніе мелодическихъ строкъ въ дневныхъ напѣвахъ есть чисто механическое, которое не представляетъ собою никакого затрудненія для роспѣванія пѣснопѣній и развѣ требуетъ только соразмѣрности частей мелодіи съ количествомъ словъ текстовой строки и соблюденія удареній въ словахъ.

Качественное распространеніе или мелодическое развитіе происходитъ только на концахъ нѣкоторыхъ конечныхъ строкъ, а также въ стихирныхъ запѣвахъ и прокимнахъ. Такъ въ конечной строкѣ I и IV гласовъ *кіевскаго* роспѣва оно состоитъ въ усиленіи втораго главнаго члена *синкопомъ,* въ конечной же строкѣ II гласа—въ добавкѣ припѣва, оканчивающагося звукомъ *си.* Концы стихирныхъ запѣвовъ особенно развиты въ гл. VI и VIII. Но это мелодическое развитіе, по его исключительности, не подлежитъ подробному изслѣдованію.

2) *Видоизмѣненія гласовыхъ мелодій, выражающіяся ихъ варіированіемъ.* Въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ различіе варіантовъ стоитъ въ зависимости, кромѣ видовъ роспѣва, главнымъ образомъ отъ текста пѣснопѣній, т. е. отъ примѣненія мелодіи къ объему текстовыхъ строкъ, къ выражаемой ими мысли и къ видамъ пѣснопѣній, въ дневныхъ же напѣвахъ главнымъ образомъ отъ разности воспроизведенія

ихъ пѣвцами и отъ разнообразія нотнаго ихъ изложенія въ разныхъ изданіяхъ. Дневные напѣвы, вслѣдствіе легкости ихъ усвоенія и воспроизведенія, а также частой употребительности, издавна составляли собственно достояніе устнаго пѣвческаго преданія, которое, находясь въ зависимости отъ различныхъ условій и внѣшнихъ вліяній, не можетъ быть повсюду однообразнымъ. При передачѣ напѣвовъ по памяти, говоритъ Н. М. Потуловъ, „нельзя ожидать ни чистоты напѣва, ни его правильности, ни повсемѣстнаго единообразія,, такъ что одинъ и тотъ же напѣвъ поется въ разныхъ мѣстностяхъ до извѣстной степени различно“ [1]). Но разнообразіе *дневныхъ* напѣвовъ еще болѣе увеличилось отъ умноженія въ послѣднее время ихъ нотныхъ изданій, присоединившихъ къ разнообразію пѣвческаго преданія и мѣстнымъ обычаямъ въ пѣніи еще различныя практическія цѣли, личный вкусъ и усмотрѣніе издателей, а также разность способовъ изложенія и даже нотописанія мелодій. Вообще всѣ разности или видоизмѣненія дневныхъ напѣвовъ „на Господи воззвахъ“ сводятся къ слѣдующимъ общимъ видамъ:

а) Разности видовъ роспѣва и мѣстныхъ обычаевъ въ пѣніи. Дневные напѣвы, сходные въ музыкальныхъ основаніяхъ и въ главныхъ чертахъ мелодическаго движенія, имѣютъ между собою нѣкоторыя разности въ подробностяхъ построенія своихъ мелодій. Такъ *малый знаменный роспѣвъ* имѣетъ отличія отъ роспѣва кіевскаго въ построеніи нѣкоторыхъ мелодическихъ строкъ въ гл. I, II, IV и VIII, а также въ первой строкѣ гласа VI; кіевскій роспѣвъ въ нѣкоторыхъ гласахъ (наприм. въ конечныхъ строкахъ гл. I и VI и въ запѣвахъ гл. V и VI) отличается кудреватостію украшеній, а въ конечной строкѣ гл. II добавкою припѣва; гласъ

---

[1]) »Руководство къ практич. изученію древ. бог. пѣнія Прав. Рус. Церкви«, изд. 2. М., 1875 г., стр. 83.

VII въ обычномъ устномъ преданіи также имѣетъ нѣкоторую разность съ печатными изданіями [1]); придворный напѣвъ отличается особымъ варіантомъ въ мелодіяхъ гл. II и въ стихирномъ запѣвѣ гл. VIII. Кромѣ того въ отдѣльныхъ нотахъ и строкахъ при общемъ мотивѣ напѣва мы видимъ по мѣстамъ и другія особенности, зависящія отъ мѣстныхъ обычаевъ пѣнія.

б) Разности варіированія мелодическихъ строкъ въ продолженіи пѣснопѣній, состоящія въ неточности воспроизведенія однихъ и тѣхъ же строкъ при ихъ повтореніи. Разности эти чаще встрѣчаются въ *основныхъ* изданіяхъ означенныхъ напѣвовъ, т. е. въ нотныхъ *Обиходахъ* Сунодальнаго изданія, но не чужды и другимъ изданіямъ, кромѣ изданій придворнаго пѣнія, въ которыхъ мелодическія строки повторяются всегда съ буквальною точностію. Неточность повторенія мелодическихъ строкъ въ унисонныхъ изданіяхъ однако не всегда свидѣтельствуетъ о неточности изложенія въ нихъ церковныхъ мелодій; напротивъ она иногда допускается очевидно въ видахъ разнообразія унисоннаго пѣнія, а равно и большей примѣнимости напѣва къ выпѣваемому тексту и выразительности послѣдняго [2]).

в) Разности изложенія однихъ и тѣхъ же мелодій въ разныхъ изданіяхъ, зависящія отъ разности частныхъ цѣлей этихъ изданій и отъ способовъ нотнаго изложенія, усвоенныхъ издателями. Одни изъ изданій—*основныя* (полный Обиходъ Сунодальнаго изданія и „Руководство“ Н. Потулова) имѣютъ цѣлію сохранить мелодіи въ ихъ древнемъ видѣ со

---

[1]) Разность эта впрочемъ усвоена напѣву VII гласа въ первой и конечной строкѣ и въ изданіи о. Соколова и отмѣчена какъ особый варіантъ у Н. М. Потулова.

[2]) См. выше примѣчаніе о кажущихся неправильностяхъ, составляющихъ особенность русскаго народнаго пѣнія отъ западнаго.

всѣми принадлежащими имъ свойствами, другія (изданія Львова и Бахметева) видоизмѣняютъ мелодіи въ пользу западной ихъ гармонизаціи для употребленія ихъ хорами, иныя (Сокращ. Обиходъ Сунод. изданія и Кругъ п. пѣснопѣній обычнаго напѣва Московской епархіи) имѣютъ въ виду близость изложенія напѣвовъ къ современному имъ устному пѣвческому преданію и ихъ регулированіе; иныя наконецъ (нотные сборники діакона Ѳ. Соколова и Н. Д. Абламскаго) держатся эклектическаго способа изложенія мелодій очевидно въ виду практическихъ удобствъ ихъ исполненія[1]).

г) Разности цѣлей изданія соединяются обыкновенно съ разностію нотированія однихъ и тѣхъ же мелодій по ихъ высотѣ, по голосовымъ ключамъ, по шрифту нотнаго письма и проч. Въ придворномъ пѣніи церковные напѣвы нотируются круглою нотою для смѣшаннаго хора на 4 голоса съ примѣненіемъ мелодическаго движенія къ дискантовой партіи, а у г. Абламскаго—на три голоса и также круглою нотою, но въ фортепьянномъ ключѣ; во всѣхъ Московскихъ унисонныхъ изданіяхъ, а также и въ изданіи о. Соколова мелодіи нотируются квадратною нотою въ цефаутномъ ключѣ. Мелодія по высотѣ нотныхъ ступеней изложенія въ означенныхъ изданіяхъ, какъ сказано выше, также разнообразится, часто, не соотвѣтствуя ни двумъ извѣстнымъ тональностямъ

[1]) Не извѣстно, кому принадлежитъ эклектизмъ въ означенныхъ сборникахъ—самимъ ли ихъ составителямъ, или же позднѣйшему устному преданію тѣхъ мѣстностей, гдѣ записывались напѣвы. Но очевидно, что въ нихъ однѣ мелодическія строки заимствованы изъ одного печатнаго извѣстнаго изданія, другія—изъ другаго, третьи—изъ устнаго преданія, иныя же наконецъ составляютъ оригинальныя отступленія отъ общепринятаго напѣва. Напѣвы Владимірской епархіи главнымъ образомъ примыкаютъ къ Московскимъ изданіямъ—церковнымъ *Обиходамъ*, Кругу напѣвовъ Московской епархіи и изданіямъ Потулова,—сборникъ же г. Абламскаго—къ придворному напѣву по изданію г. Бахметева.

византійскаго церковнаго осмогласія, ни Сунодальнымъ изданіямъ. Отступленія въ этомъ отношеніи бываютъ обыкновенно на квартовыхъ разстояніяхъ. Есть по мѣстамъ разности, зависящія отъ большей или меньшей протяженности звуковъ и отъ того или иного ихъ дѣленія [1]).

д) Есть разности, происходящія отъ сокращенія или отъ распространенія и украшенія мелодій, особенно въ строкахъ конечныхъ и стихирныхъ запѣвахъ. Въ однихъ изданіяхъ строки эти излагаются проще и короче, въ другихъ пространнѣе и съ украшеніями. У о. Соколова только мы встрѣчаемъ иногда двойное изложеніе этихъ строкъ—одно обыкновенное, другое же сокращенное. Разности этого рода еще значительнѣе въ изложеніи прокимновъ.

е) Нѣкоторыя разности зависятъ отъ разнообразія подписи текста подъ мелодіею и отъ неодинаковаго размѣщенія въ словахъ текста *сильныхъ* ударенiй, что зависитъ иногда отъ дѣйствительной трудности примѣнить выпѣваемый текстъ къ установленной мелодической формѣ строки [2]).

ж) Наконецъ есть разности, зависящія очевидно отъ произвола и недоразумѣнія издателей, или же отъ неправильностей, утвердившихся въ устномъ пѣвческомъ преданіи извѣстной мѣстности [3]). Разности эти составляютъ отступленія, которыя или выходятъ изъ предѣловъ области гласа, или не удерживаютъ гласовыхъ примѣтъ, или имѣютъ мелодическое

---

[1]) Особенно въ гармоническихъ изданіяхъ гг. Бахметева и Аблямскаго.

[2]) Напримѣръ въ слѣдующихъ словахъ строки 4 гласа I:

вонми гласу моленія моего

вонми гласу моленія моего

вонми гласу моленія моего и проч.

[3]) Объ этихъ неправильностяхъ см. замѣчанія въ разныхъ мѣстахъ нотнаго приложенія I.

движеніе, совершенно несогласное съ общепринятымъ, или смѣшиваютъ гласовыя строки.

Необщеизвѣстность въ печати обычныхъ напѣвовъ, отсутствіе аналитическаго ихъ разсмотрѣнія и частію нѣкоторыя неправильности, встрѣчаемыя въ устномъ пѣвческомъ преданіи, до послѣдняго времени служили поводомъ къ распространенію мысли, что *обычные напѣвы* суть искаженія древнихъ напѣвовъ и потому не достойны серьезнаго вниманія любителей церковнаго пѣнія и даже должны быть изъяты изъ церковнаго употребленія. Но этой мысли нельзя приложить въ полной силѣ къ обычнымъ напѣвамъ „на Господи воззвахъ". Разности нотныхъ изданій въ изложеніи мелодій этихъ напѣвовъ дѣйствительно не малочисленны, но вовсе не такъ важны, какъ это представляется на первый взглядъ. По подробномъ сопоставленіи и разсмотрѣніи означенныхъ мелодій обычнаго пѣнія оказывается, что всѣ онѣ имѣютъ въ своемъ основаніи такія же мелодіи малаго знаменнаго роспѣва, отъ которыхъ весьма мало разнятся; что затѣмъ разности изданій, за исключеніемъ весьма немногихъ, не выступаютъ изъ предѣловъ общихъ правилъ варіированія мелодій; что подобнаго рода разности постоянно встрѣчаются во всѣхъ церковныхъ роспѣвахъ, а въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ въ особенности; что наконецъ варіированіе мелодій ограничивается самыми простыми и общепринятыми способами. При чемъ естественно, что одни изъ изданій болѣе правильны и послѣдовательны въ изложеніи мелодій, другія менѣе.

Разности изложенія дневныхъ мелодій „на Господи воззвахъ" или ихъ варіированіе въ частности состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ разнообразіи протяженности звуковъ отдѣльныхъ мелодическихъ оборотовъ одной и той же мелодической строки, такъ что вмѣсто четвертей цѣлой ноты являются въ ней иногда половинныя (бѣлыя) ноты и вмѣсто половинныхъ цѣлыя

и наоборотъ. Такому растяженію или сокращенію подлежатъ или цѣлыя группы звуковъ, или же отдѣльно тотъ или другой звукъ, каковы напримѣръ звуки съ *сильнымъ* удареніемъ. Примѣры протяженія звуковъ мы видимъ въ изданіи Потулова въ началѣ гл. II, 1 и у Бахметева гл. I, VII и VIII въ стихирномъ запѣвѣ; примѣры же сокращенія звуковъ въ изданіи г. Абламскаго въ гл. I, IV („жертва вечерняя"), III, 2; и IV, 3 и др.

б) Въ распространеніи, или же сокращеніи мелодіи особенно въ конечныхъ строкахъ и стихирныхъ запѣвахъ. Распространеніе мелодіи состоитъ въ дополненіи ея обычной формы добавочными отдѣльными нотами или ихъ группами, а сокращеніе—въ выпускѣ нѣкоторыхъ нотъ или ихъ группъ. Прибавкѣ или выпуску подлежатъ особенно украшенія, а также выдающіяся изъ унисоннаго ряда звуковъ вверхъ или внизъ проходящія ноты и ноты переходныя отъ однихъ существенныхъ звуковъ въ строкѣ къ другимъ. Примѣры распространенія мелодіи см. въ разныхъ изданіяхъ гл. III, 3; IV, 6; VI запѣвъ; примѣры сокращенія особенно стихирныхъ запѣвовъ у о. Соколова въ разныхъ гласахъ, у г. Бахметева гл. III и въ Москов. обычномъ пѣніи гл. V.

в) Въ разной степени и въ разнообразіи способовъ выразительности *сильнаго удареніа.* Въ разныхъ изданіяхъ оно выражается то просто протяженною нотою, то краткою возвышенною (гл. V, 3. VII, 2 в.), то возвышенно-протяженною, то унисонно-краткою въ предположеніи выраженія ударенія усиленіемъ голоса при самомъ исполненіи пѣснопѣній. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ *сильное удареніе* получаетъ наибольшую выразительность чрезъ усиленіе его добавочными нотами (гл. I, 1 и 5 и др.), въ другихъ же оно проходитъ какъ бы незамѣченнымъ (срав. гл. III, 1. 2).

г) Въ *раздробленіи* одной протяженной ноты на группу краткихъ нотъ, находящихся на разныхъ соотвѣтствующихъ

ей ступеняхъ. Въ дневныхъ роспѣвахъ встрѣчается только *мелодическое,* а не *гармоническое* раздробленіе (см. гл. V, 3; VI, 3).

д) Въ замѣненіи мелодическихъ звуковъ гармоническими, находящимися въ одномъ съ ними аккордѣ. Различіе этого рода мелодическаго движенія въ разныхъ изданіяхъ встрѣчается весьма часто, то въ отдѣльныхъ нотахъ, то въ цѣлыхъ частяхъ строкъ. Срав. наприм. гл. II, 3. 4. 5; V, 2; VI, 2; VII, 1 и др.

е) Въ преобладаніи въ томъ или другомъ изданіи унисонно-речитативнаго, или же разнообразно-мелодическаго послѣдованія звуковъ. Унисоннымъ речитативомъ особенно изобилуютъ гармоническія изданія придворной пѣвческой капеллы и г. Абламскаго.

ж) Въ разнообразіи ступеней нотной скалы, на коихъ происходитъ мелодическое движеніе. Оно состоитъ или въ транспозиціи, или въ пониженіи и повышеніи отдѣльныхъ нотъ и ихъ группъ обыкновенно на терцію, а также въ замѣненіи нисходящаго движенія мелодіи иногда восходящимъ (гл. VI, 2).

з) Въ разности нотнаго обозначенія одной и той же мелодіи относительно дѣленія нотъ и распредѣленія ихъ по слогамъ (см. гл. I, 2; V, 4; VIII, 1 и концы III, 2; IV, 1).

и) Въ дѣйствительномъ разнообразіи самаго мелодическаго движенія и въ отступленіяхъ отъ общепринятаго напѣва, особенно въ строкахъ конечныхъ и въ стихирныхъ запѣвахъ. Таковы въ изданіи г. Бахметева въ гл. I, 1 окончаніе *фа* вм. *ре;* въ Московскомъ обычномъ пѣніи въ гл. IV, 4 окончаніе *до* вм. *ре* и IV, 5 окончаніе *ре* вм. *до;* въ изданіи г. Абламскаго отступленія въ гл. III, 3 и VII, 3; а также конечная строка гл. IV, тождественная съ такою же строкою гл. III, но только взятая на терцію внизъ.

і) Иногда въ разности гармоническаго толкованія мелодіи. Такъ мелодіи гл. VII встрѣчаются въ G—dur (у Бахме-

тева) и въ C—dur (у Абламскаго); гласъ II у Бахметева написанъ въ D—moll, а въ другихъ изданіяхъ въ G—dur.

III. *Мелодическія украшенія.* Такъ какъ украшенія состоятъ въ прибавкѣ къ мелодической формѣ строки нотъ, не имѣющихъ въ ней существеннаго значенія и замедляющихъ движеніе мелодіи, то онѣ и употребляются преимущественно въ праздничныхъ видахъ роспѣвовъ [1]), въ дневныхъ же напѣвахъ стихиръ не только особыхъ украсительныхъ строкъ (ѳитныхъ лицъ), но и обыкновенныхъ краткихъ украшеній, свойственныхъ большому знаменному роспѣву, не встрѣчается. Можно развѣ указать на весьма рѣдкіе отдѣльные случаи краткихъ украшеній въ конечныхъ строкахъ, а также въ концахъ стихирныхъ запѣвовъ, но послѣднія принадлежатъ большому знаменному роспѣву и въ дневныхъ напѣвахъ (собственно въ кіевскомъ) только иногда распространены и варіированы. Въ осмогласіи дневныхъ напѣвовъ встрѣчаются слѣдующія украшенія: *полутрель* или украшеніе изъ двухъ краткихъ нотъ, относящихся къ предыдущей имъ бѣлой нотѣ, а въ нѣкоторыхъ изданіяхъ еще *синкопъ* (см. конечныя строки гл. I и IV). Въ пѣснопѣніи „Господи воззвахъ“ и въ самогласныхъ стихирахъ малаго знаменнаго роспѣва, по изданію Н. Потулова, встрѣчаются и другіе нѣкоторые виды мелодическихъ украшеній, въ прочихъ изданіяхъ неизвѣстные, напримѣръ *задержаніе,* раздѣленіе украшенія по разнымъ слогамъ и *раздробленіе гармоническое.*

---

[1]) О мелодическихъ украшеніяхъ въ большомъ знаменномъ роспѣвѣ см. »Руководство для сельскихъ пастырей« за 1887 г. т. II, стр. 520—523.

О неудобствахъ при выборѣ церковныхъ старостъ и о мѣрахъ къ устраненію этихъ неудобствъ.

Выборы церковныхъ старостъ производятся, какъ извѣстно, не посредствомъ закрытой баллотировки на шарахъ, а посредствомъ открытой подачи голосовъ и, притомъ, не уполномоченными только отъ прихода лицами, а непосредственно всѣми прихожанами. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ сего является такой шумъ, крикъ и гамъ, что не представляется никакой возможности разобраться съ голосами. Поэтому лучшіе прихожане уклоняются отъ присутствованія при выборахъ церковныхъ старостъ, а участвуютъ въ оныхъ большею частію тѣ лица, коимъ не слѣдовало бы участвовать по ихъ имущественному, образовательному и религіозно-нравственному цензу. Само собою разумѣется, что такими избирателями избираются на должность церковныхъ старостъ не лучшіе люди прихода, а всего менѣе желательные въ интересахъ Церкви Божіей... Кромѣ сего, при выборахъ церковныхъ старостъ, бываетъ и другое неудобство; обыкновенно выбирается только одно лицо на должность старосты, а не избирается нѣсколько лицъ, въ качествѣ кандидатовъ на эту должность, почему приходское духовенство какъ бы вынуждается изъявлять свое согласіе на избраніе даже и нежелательнаго лица, да и епархіальное начальство какъ бы поставляется въ необходимость утверждать въ должности старосты уже избранное и предназначенное на эту должность лице.

Въ видахъ устраненія упомянутыхъ неудобствъ при выборахъ церковныхъ старостъ, слѣдовало бы эти выборы производить не посредствомъ открытой подачи голосовъ, а посредствомъ закрытой баллотировки на шарахъ и, притомъ, не всѣми прихожанами, а только уполномоченными отъ прихода лицами. Для этого можно было бы предоставить прихожанамъ право напередъ избрать изъ своей среды уполномочен-

ныхъ для выбора церковнаго старосты и вмѣнить этимъ уполномоченнымъ въ обязанность быть при самомъ выборѣ церковнаго старосты. Вмѣстѣ съ симъ, лучше бы было выбирать не одно только лицо, а избирать нѣсколько лицъ—не менѣе трехъ, въ качествѣ кандидатовъ на должность старосты. Для этого можно было бы нѣсколько видоизмѣнить и самую форму выборнаго акта, составивъ оную, въ означенномъ смыслѣ.

Такія мѣропріятія, по нашему мнѣнію, могли бы способствовать къ установленію большаго порядка при выборахъ церковныхъ старостъ и къ улучшенію старостовскаго персонала, чрезъ назначеніе въ должности церковныхъ старостъ болѣе достойныхъ лицъ, не по избранію только приходскаго общества, но и по представленію приходскихъ причтовъ и болѣе свободному благоусмотрѣнію епархіальнаго начальства.

Протоіерей **Алексѣй Щукинъ.**

Къ рѣшенію вопросовъ изъ пастырской практики.

1) *Во время великаго выхода на литургіи должно ли священнику нести дискосъ со св. Агнцемъ на своей головѣ, или въ рукахъ?*

По нашему мнѣнію, священникъ, служащій литургію безъ діакона, во время великаго выхода долженъ нести дискосъ со св. Агнцемъ на своей головѣ, но не въ рукахъ, какъ это по мѣстамъ дѣлается нѣкоторыми іереями. Въ подтвержденіе своего мнѣнія объ означенномъ способѣ перенесенія св. Агнца съ жертвенника на престолъ, мы можемъ, между прочимъ, сослаться на весьма авторитетный голосъ одного учителя Церкви греческой—Николая Кавасилы, архіепископа Солунскаго (живш. въ полов. XIV в.), который въ своемъ трактатѣ о божественной литургіи такъ говоритъ о перенесеніи священникомъ св. даровъ съ жертвенника на престолъ: »священникъ, совершивъ славословіе Богу, идетъ къ дарамъ и, *благоговѣйно поднявъ ихъ на главу*, выходитъ; неся ихъ такимъ образомъ, онъ входитъ въ алтарь« (Николая Кавасилы,

архіепископа Θессалоникійскаго Изъясненіе божественной литургіи гл. 24,— см. »Писанія св. отцевъ и учителей Церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія« въ русск. перев. т. III, стр. 349. Спб. 1857 г.).

2) *Какому наказанію подлежитъ причтъ, повѣнчавшій чужеприходныхъ лицъ по метрическимъ выписямъ о нихъ и по паспортамъ?*

За совершеніе брака безъ соблюденія предостерегательныхъ правилъ (къ числу которыхъ относится и то, чтобы о чужеприходныхъ было произведено оглашеніе въ приходской ихъ церкви—ст. 26, 1 ч., X т. Св. Зак. по изд. 1887 г.) въ Уложеніи о наказаніяхъ постановлено: въ первый разъ подвергать за сіе духовныхъ лицъ выговору, а во второй разъ отрѣшать отъ должности, съ воспрещеніемъ опредѣлять ихъ вновь къ приходу; тѣмъ же наказаніямъ подвергаются священнослужители, обвѣнчавшіе кого либо изъ прибывшихъ временно въ ихъ приходъ безъ надлежащаго удостовѣренія, что сіи лица не состоятъ въ бракѣ (Улож. о наказ. ст. 1577). При этомъ нужно замѣтить, что вѣнчать чужеприходныхъ по паспортамъ ихъ вообще не безопасно, такъ какъ въ паспортахъ часто совсѣмъ не обозначаются вѣроисповѣданіе тѣхъ или другихъ лицъ и брачное или безбрачное состояніе ихъ, или отмѣтки объ этомъ дѣлаются небрежно и ошибочно. А между тѣмъ священнослужители, повѣнчавшіе бракъ лица, обязаннаго союзомъ супружескимъ, если учинили то по несоблюденію предосторожностей, подвергаются очень строгому наказанію—заключенію въ монастырь отъ трехъ до шести мѣсяцевъ (Уст. Конс. ст. 189).

3) *Кто долженъ записывать въ метрическую книгу умершаго: священникъ, совершившій обрядъ отпѣванія покойника, или священникъ, предавшій землѣ тѣло покойника, привезеннаго изъ другой мѣстности?*

Если тѣло покойника, по совершеніи обряда отпѣванія, отвезено куда либо въ иную мѣстность для преданія землѣ, то такъ и записать нужно въ метрической книгѣ, сдѣлавъ ссылку на число и номеръ указа, которымъ дано такое разрѣшеніе, но не оставлять въ метрической книгѣ не записанными покойниковъ, тѣла которыхъ для преданія землѣ отвозятся въ другія мѣста, потому что перевозимыя тѣла покойниковъ для преданія землѣ въ другія мѣста предварительно отпѣваются и, слѣдовательно, должны быть записываемы въ метрической книгѣ той приходской церкви, въ приходѣ которой они скончались.

4) *Приходскій причтъ имѣетъ ли право въ неограниченномъ количествѣ выдавать метрическія выписи объ одномъ и томъ же лицѣ?*

Объ одномъ и томъ же лицѣ должно быть выдано только одно метрическое свидѣтельство (Зак. о сост. ст. 1049 и 1050), но это лишь изъ Консисторіи (Уст. Конс. ст. 270—274). Въ случаѣ же требованій у причтовъ метрическихъ выписей частными лицами или начальствующими, присутственными мѣстами и проч., эти выписи должны быть выдаваемы въ неопредѣленномъ количествѣ, такъ какъ подобная выдача не воспрещена закономъ (Ср. Уст. Конс. ст. 101), тѣмъ болѣе, что метрическія выписи, выдаваемыя приходскими причтами не могутъ замѣнять консисторскаго метрическаго свидѣтельства, а должны служить только предостерегательнымъ документомъ, полную же силу онѣ могутъ получить, когда будутъ представлены въ Консисторію и утверждены подписью въ томъ, что оказались вѣрными съ метрическою книгою, хранящеюся въ Консисторіи (Зак. о сост. ст. 1053, въ IX т. Св. Зак.).

5) *Какъ читать »молитвы по четыредесяти днехъ«, когда мать младенца уже скончалась и младенецъ въ сороковой день по рожденіи приносится въ церковь повивальною бабкою или другою какою либо женщиною?*

Если вопрошающій (о. С—ъ Л—въ свящ. посада Т—ъ А—скаго у. Б—ской г.) обратитъ вниманіе на смыслъ означенныхъ молитвъ, то увидитъ, что первая изъ »молитвъ женѣ родильницѣ по четыредесяти днехъ« имѣетъ отношеніе какъ къ матери младенца, такъ и къ самому младенцу, вторая же имѣетъ исключительное отношеніе только къ матери младенца, а третья и послѣдняя молитвы относятся къ младенцу. Естественно, что когда мать уже скончалась и младенецъ въ сороковой день принесенъ въ церковь повивальною бабкою или другою какою либо женщиною, то изъ первой молитвы должны быть опущены прошенія, имѣющія отношенія къ матери младенца, а вторая молитва, какъ исключительно относящаяся къ матери младенца, должна быть совершенно оставлена. При этомъ не излишне замѣтить, что младенецъ, мать котораго скончалась, долженъ быть приносимъ въ сороковой день по рожденіи своемъ для воцерковленія не повивальною бабкою или другою какою либо стороннею женщиною, а воспріемницею, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней изъ »молитвъ женѣ родильницѣ по четыредесяти днехъ« содержится прошеніе и о воспріемникахъ младенца. Когда же младенецъ крещенъ до сороковаго дня по рожденіи своемъ, то и »молитвы по

четыредесяти днехъ«, относящіяся къ младенцу могутъ быть совершенно оставлены, или же изъ этихъ молитвъ должны быть исключенны выраженія о томъ, чтобы Господь во время благопотребное сподобилъ младенца св. крещенія, или же, наконецъ, такія выраженія должны быть измѣнены—изложены не въ будущей, а въ прошедшей формѣ.

6) *Можно ли до крещенія младенца читать сороковую молитву родильницѣ?*

Вопрошающій объ этомъ вопросѣ (свящ. г. Б—аго С—ской губ. о. А—й С—въ) самъ же даетъ и отвѣтъ на него, указывая на замѣчаніе Требника въ концѣ четвертой »молитвы женѣ родильницѣ по четыредесяти днехъ«, гдѣ сказано: »и аще младенецъ крещенъ есть, творитъ іерей воцерковленіе: аще же ни, творитъ сіе по крещеніи; молитвамъ же здѣ творитъ отпустъ«. Хотя у насъ и рѣдко случается, чтобы дѣтей (въ интеллигентныхъ семействахъ) крестили послѣ сороковаго дня по рожденіи ихъ, но желательно, чтобы такихъ случаевъ совсѣмъ не было, такъ какъ откладываніе крещенія дѣтей до или послѣ сороковаго дня рожденія ихъ вообще не безопасно.

7) *Можно ли »сороковую молитву« читать въ домѣ родильницы?*

Изъ примѣчанія къ »молитвамъ женѣ родильницѣ по четыредесяти днехъ« и изъ самаго содержанія этихъ молитвъ видно, что онѣ должны быть прочитываемы предъ дверями храма. Что касается обряда воцерковленія младенца, то уже самое названіе и значеніе этого обряда показываютъ, что онъ долженъ быть совершаемъ въ церкви. Отступленіе отъ этого порядка можетъ быть допущено развѣ въ томъ крайнемъ случаѣ, когда родильница по своей болѣзни не можетъ придти въ церковь, или когда младенецъ по состоянію своего здоровья не можетъ быть принесенъ въ храмъ

8) *Можно ли читать молитву (находящуюся въ рукописи) на благословеніе хлѣбовъ, приносимыхъ 6-го августа, а равно и молитву (тоже рукописную) на благословеніе хлѣба въ первый день св. Пасхи?*

Первая изъ этихъ молитвъ слѣдующаго содержанія: »Господи Боже нашъ! Услышавый насъ съ высоты святыя Твоея и благословивый сѣянія наша, бразды полей нашихъ небесною водою напитавый и теплотою древняго свѣтила землю согрѣвый, и благорастворенымъ воздухомъ сѣмена, сокрытыя въ нѣдрахъ земли, возрастивый и украсивый златыми класы нивы наша, яже по благословенію не вредны се-

бравше и зерна отъ нихъ очистивше, сотворихомъ хлѣбы сія и принесохомъ со благодареніемъ къ алтарю Твоему. Не бо смѣяхомъ отъ нихъ вкусити, аще не будутъ прежде о имени Твоемъ благословенны, яко и прочіе начатки снѣдей. Сего ради молимъ Тя, Человѣколюбче, благослови и намъ хлѣбы сія, якоже благословилъ еси оныя въ пустынѣ людемъ израильскимъ, и насыти насъ до сытости тѣмъ, егоже даровалъ еси намъ въ лѣто сіе, якоже насытилъ еси въ довольство многочисленные полки пятивиднымъ количествомъ онаго. И подавай намъ сей въ въ изобиліи и въ предняя лѣта, да Твоя отъ Твоихъ Тебѣ всегда приносяще во храмѣ семъ, удовлимся симъ и вкушающе со чады и работники преподадемъ я и требующимъ отъ нихъ, да Тебѣ яко Богу и Творцу всяческихъ всѣ въ веселіи славу, хвалу и благодареніе возсылати сподобятся во вѣки вѣковъ. Аминь«. Какъ видно, молитва эта по содержанію своему не заключаетъ въ себѣ чего либо противнаго ученію и постановленіямъ Церкви, хотя по конструкціи своей не вполнѣ правильная и по выраженіямъ не вездѣ точная. По ученію и требованію Церкви, православные христіане »предъ сѣяніемъ« должны молить Господа, чтобы Онъ ниспослалъ Свое благословеніе на нивы ихъ, возрастилъ сѣмена, сокрытыя въ нѣдрахъ земли, даровалъ имъ хлѣбъ въ снѣдь и проч. (См. въ Больш. Требн. »молитву надъ сѣяніемъ« и въ Дополн. Требн. »Чинъ благословенія при началѣ сѣянія«). Естественно, что и по собраніи новыхъ хлѣбныхъ зеренъ они должны благодарить Господа, услышавшаго ихъ молитву, возрастившаго сѣмена, сокрытыя въ нѣдрахъ земли и проч. И православные христіане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ юго-западнаго края, какъ заявляетъ о томъ о. Н—ъ С—скій свящ. села М—ки Кр—каго у. В—ской еп. имѣютъ обыкновеніе приносить въ ограду церковную 6-го августа хлѣбы, приготовленные изъ новыхъ хлѣбныхъ зеренъ, часть сѣмянъ въ колосьяхъ, а также—овощи и медъ, желая получить молитвенное благословеніе Церкви на всѣ эти предметы и въ то же время выразить благодареніе Господу за ниспосланныя Имъ блага земныя. Посему нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что въ нашихъ Требникахъ нѣтъ молитвы, въ которой бы выражалось благодареніе Богу за дарованіе новыхъ хлѣбныхъ зеренъ, и которую было бы умѣстно, своевременно и цѣлесообразно читать надъ хлѣбами, приготовленными изъ новыхъ хлѣбныхъ зеренъ и приносимыхъ прихожанами въ церковь для благословенія; молитва же, которая прислана о. С—кимъ и содержаніе которой нами изложено, не можетъ быть примѣняема въ практикѣ православнаго священника, какъ не-

неправно редактированная и какъ, главнымъ образомъ, неодобренная высшею у насъ церковною властію для богослужебнаго употребленія.

Вторая молитва, присланная о. С—кимъ и предназначенная »для чтенія подъ церковію въ первый день Пасхи на благословеніе хлѣба, предварительно предъ благословеніемъ брашенъ мясъ, сыра и яицъ«, изложена такъ: »Владыко Святый Отче, Вседержителю и превѣчный Боже, благоволи освятити хлѣбъ сей Твоимъ святымъ духовнымъ благословеніемъ, яко да будетъ всѣмъ вкушающимъ спасеніе души и здравіе тѣлесе и противъ всѣмъ недугомъ и всякому вражію навѣту защищеніе: Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ съ небесъ сошедшимъ, дающимъ животъ и стояніе мірови, съ Тобою живущимъ и царствующимъ во единствѣ Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь«. Этой молитвы или подобной ей нѣтъ въ употребляющихся у насъ Требникахъ, хотя у насъ есть обычай въ домахъ приготовлять хлѣбъ (куличи), какъ бы домашній артосъ, и приносить его въ первый день Пасхи въ притворъ храма для освященія, вмѣстѣ съ сыромъ и яицами. Во всякомъ случаѣ, за непмѣніемъ у насъ особой молитвы на благословеніе хлѣба, приносимаго православными христіанами въ первый день Пасхи въ притворъ храма для освященія, нельзя пользоваться вышеприведенною молитвою, такъ какъ она не отличается толковымъ изложеніемъ и къ тому же заимствована изъ нечистаго источника: по заявленію самого о. С—каго, она напечатана была въ старо-уніатскихъ богослужебныхъ книгахъ, изд. въ Почаевѣ,—»въ Больш. Служебникѣ 1755 г. и въ Больш. Требникѣ 1771 г. за благословеніемъ Сильвестра Лудіенецкого Руднѣцкого бывшаго уніатскаго Луцкого и Острожского епископа«. Вообще нужно замѣтить, что православнымъ священникамъ непозволительно пользоваться какими либо рукописными молитвами, неодобренными Св. Синодомъ, а тѣмъ болѣе списанными или заимствованными изъ уніатскихъ богослужебныхъ книгъ, хотя бы и оказывался по нашимъ богослужебнымъ книгамъ недостатокъ въ нѣкоторыхъ молитвахъ на тѣ или другіе случаи въ жизни православныхъ христіанъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Комит. печатать дозволяется. Кіевъ, 14 іюля 1888 г.
Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. уз., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 33.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Августа 14-го.

Содержаніе: Пастырь Церкви въ средѣ враждующихъ членовъ семьи и общества.—Нравственныя качества діакона по ученію ап. Павла.—Вечернія молитвы.—Внѣшняя сторона молитвы у древнихъ христіанъ.

Пастырь Церкви въ средѣ враждующихъ членовъ семьи и общества.

Религія христіанская есть религія любви и примиренія. Господь, Основатель нашей святой Церкви, всѣ слова и дѣйствія Свои направлялъ къ тому, чтобы водворить миръ на землѣ, и ничего такъ не внушалъ Своимъ ученикамъ, какъ взаимную любовь другъ къ другу. Отличительнымъ признакомъ Своихъ послѣдователей Онъ выставлялъ то, если они имѣютъ любовь между собою. Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ, говоритъ Онъ въ послѣдней бесѣдѣ съ учениками, содержащей послѣдніе завѣты Его вѣрующимъ въ Него (Іоан. XIV, 27). Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы (Іоан. XV, 12. 17). Заповѣдь новую даю вамъ, да любите

другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Іоан. XIII, 34. 35). Это завѣщаніе Господа любить другъ друга напоминаютъ послѣдователямъ Христовымъ и апостолы, какъ главное руководственное начало ихъ жизни (1 Іоан. III, 11; IV, 21; 1 Сол. IV, 9). Въ соотвѣтствіе священному завѣту Господа, съ самыхъ первыхъ временъ существованія Церкви Христовой, служители Божіи среди богослужебныхъ собраній, являясь преподавателями благодати Божіей, неоднократно высказываютъ вѣрующимъ желаніе мира, какъ перваго блага, для нихъ необходимаго въ жизни. Далѣе, когда они являются на каѳедрѣ церковной въ качествѣ учителей, слово любви и мира служитъ главнымъ предметомъ ихъ ученія, какое они, по указанію Церкви, должны насаждать въ въ сердцахъ вѣрующихъ въ Іисуса Христа.

Но отъ пастыря Церкви требуется не общая только проповѣдь мира и любви, но и частная заботливость о водвореніи и укрѣпленіи мира и любви между своими пасомыми. Мало съ его стороны говорить другимъ: живите мирно и любите другъ друга. При постоянныхъ сношеніяхъ его съ своими духовными дѣтьми практическая жизнь ставитъ предъ нимъ задачи особаго, такъ сказать, личнаго свойства, какъ возстановлять тамъ или сямъ нарушенный миръ, какъ утверждать любовныя истинно-христіанскія отношенія между тѣми или другими изъ его пасомыхъ. Это требуется потому, что дѣйствительность далеко не отвѣчаетъ тому духу любви, который завѣщалъ Своимъ послѣдователямъ Господь нашъ, и тѣмъ желаніямъ мира, какія постоянно слышатся въ Церкви. Оскудѣніе духа любви весьма часто замѣчается въ нѣдрахъ Церкви между членами, ее составляющими. Ссоры и вражды—это болѣзнь своего рода, отъ которой страдаютъ души наши ничуть не меньше, чѣмъ сколько страдаетъ тѣлесный организмъ

отъ болѣзней физическихъ. Пастырю Церкви весьма часто приходится видѣть, въ средѣ порученныхъ его попечительной любви членовъ Церкви, вражду между семейными и родными и между сосѣдями. Иной разъ общественные и гражданскіе интересы раздѣляютъ его пасомыхъ на непримиримыя партіи, враждующія между собой, и отъ раздора партій глубоко возмущается мирная жизнь христіанской паствы, и происходятъ явленія, причиняющія не малую скорбь служителямъ Божіимъ, заботящимся, по заповѣди Христовой, о водвореніи возможнаго мира на землѣ.

Согласно ли съ духомъ Евангелія вмѣшательство пастыря въ чужія распри и ссоры? И требуется ли то прямымъ его долгомъ? Нерѣдко слышится на это отрицательный отвѣтъ. Основаніемъ для отрицательнаго отвѣта на указанный вопросъ обыкновенно выставляются слова Господа Іисуса Христа, записанныя въ Евангеліи, какими онъ отклонилъ просьбу, обращенную къ нему однимъ изъ народа. Учителю, обратился къ нему нѣкій изъ народа, рцы брату моему раздѣлити со мною достояніе. Онъ же рече ему: человѣче, кто мя постави судію или дѣлителя надъ вами (Лук. XII, 13—14)? Если Господь отстранился отъ участія въ рѣшеніи тяжбы между братьями, когда Его призывалъ къ этому одинъ изъ нихъ, то могутъ ли и должны ли вмѣшиваться въ подобныя дѣла, не входя въ противорѣчіе съ духомъ Его наставленій, тѣ, кому Онъ поручилъ быть продолжателями Его служенія на землѣ?.. Не смотря на такія, повидимому, ясныя слова Господа противъ вмѣшательства въ чужія распри, мы не считаемъ возможнымъ исключить изъ круга попечительныхъ заботъ пастыря заботы о возможномъ примиреніи враждующихъ, когда такіе встрѣчаются въ средѣ его паствъ, и въ томъ есть не малое недоразумѣніе, когда изъ записаннаго въ Евангеліи случая хотятъ выводить заключеніе, не допускающее такихъ заботъ. Дѣло въ

томъ, что возможны двоякаго рода отношенія людей къ чужимъ распрямъ, и ихъ нужно строго отличать одно отъ другаго. Можно относиться къ нимъ чисто юридически и рѣшать ихъ на основаніи гражданскаго закона; можно дѣйствовать на враждующихъ и тяжущихся путемъ нравственнаго вліянія, не прибѣгая къ принудительной силѣ гражданскаго закона. Само собою понятно, что для пастыря Церкви не умѣстны и не возможны отношенія къ враждующимъ юридическія, основывающіяся на требованіяхъ гражданскаго закона. Для юридическаго разбора тяжбъ существуютъ въ обществахъ и государствахъ особыя лица, поставленныя блюсти за исполненіемъ закона и за примѣненіемъ его, въ случаяхъ споровъ и разногласій. Господь Своимъ отвѣтомъ обратившемуся къ Нему съ неумѣстною просьбою брату отстраняетъ отъ Себя и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ пастырей Церкви, продолжателей Его дѣла, собственно это юридическое вмѣшательство въ чужія распри, для котораго необходимо полномочіе со стороны государственной власти и государственнаго закона. Иное дѣло—отношеніе чисто нравственное или дѣйствіе на враждующихъ словомъ свободнаго убѣжденія и мѣрами нравственнаго вліянія. Такое нравственное дѣйствіе на враждующихъ Господь отнюдь не отстраняетъ отъ Себя указанными выше словами и не считаетъ его несовмѣстнымъ съ Своимъ служеніемъ и съ служеніемъ тѣхъ, кому Онъ поручилъ пасти Церковь Господа и Бога. Напротивъ въ томъ же самомъ случаѣ, который записанъ въ Евангеліи, данъ примѣръ нравственнаго свободнаго обращенія къ ищущему рѣшенія тяжбы, и указанъ способъ, какимъ могутъ пользоваться служители Церкви, когда видятъ вражду и ссору между своими пасомыми. Уклонившись отъ судебнаго разбирательства и рѣшенія тяжбы между братьями, Господь въ то же самое время даетъ обратившемуся къ Нему нравственное наставленіе, которымъ хочетъ направить волю его на такой путь, идя которымъ человѣкъ

избѣжитъ напрасной тяжбы и не натолкнется на разныя непріятности. Смотрите, сказалъ Онъ, обращаясь уже не къ одному тяжущемуся, а ко всѣмъ, слышавшимъ Его рѣчь съ нимъ, и окружавшимъ Его, смотрите, берегитесь любостяжанія; ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія (Лук. XII, 15). Не подводя житейскаго явленія подъ формулы и требованія внѣшняго закона, и считая не своимъ дѣломъ налагать на тяжущихся законное взысканіе, Господь между тѣмъ обращаетъ вниманіе на корень зла, и душу человѣка хочетъ воспитать и настроить такъ, чтобы она уклонялась отъ всякой вражды и ссоры и, когда нужно, дѣлала уступки для примиренія съ ближнимъ своимъ.

Апостолы, вѣрные толкователи евангельскаго закона, неблагопріятно смотрѣли на обращеніе вѣрующихъ къ внѣшнимъ гражданскимъ судамъ для рѣшенія взаимныхъ пререканій между ними. Они хотѣли, чтобы вѣрующіе послѣдователи Христовы, составляя какъ бы одну семью, соединенную единствомъ духа, внутри самихъ себя, въ нѣдрахъ своего общества находили рѣшителей своихъ споровъ, и эти рѣшители споровъ между вѣрующими, конечно, не къ гражданскимъ законамъ должны были обращаться въ видахъ примиренія спорящихъ и враждующихъ, а къ силѣ нравственнаго вліянія, къ мѣрамъ убѣжденія, подкрѣпляемымъ полномочіями Церкви. Вотъ мѣсто, сюда относящееся въ посланіи апостола Павла къ коринѳянамъ: какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ? Развѣ не знаете, что святые будутъ судить міръ? Если же вами будетъ судимъ міръ, то ужели вы недостойны судить маловажныя дѣла? Развѣ вы не знаете, что мы будемъ судить ангеловъ, не тѣмъ ли болѣе дѣла житейскія? А вы, когда имѣете житейскія жяж-

бы, поставляете своими судьями ничего не значащихъ въ Церкви. Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими? Но братъ съ братомъ судится, и притомъ предъ невѣрными. И то уже весьма унизительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія (1 Кор. VI, 1—7)? Апостолъ, какъ учитель вѣры, совѣтуетъ послѣдователямъ Христовымъ первѣе всего избѣгать всякихъ ссоръ съ ближними и, если есть поводъ къ тому, рекомендуетъ лучше претерпѣть лишеніе или обиду, чтобы только затушить вражду, готовую разгорѣться и нарушить мирную жизнь. А если уже началась ссора и дѣло дошло до пререканій и споровъ, то, по его словамъ, дѣло не достойное члена Церкви—судиться у внѣшнихъ, но нужно обращаться къ разумнымъ въ самомъ домѣ Божіемъ, имѣющимъ значеніе въ Церкви, которые могли бы разсудить между братьями, дошедшими до распри, и своимъ вліяніемъ водворить миръ между ними, не прибѣгая къ пособію гражданскаго суда. Кто жъ эти разумные, имѣющіе значеніе въ Церкви, если не поставленные Богомъ пастыри, которымъ поручено управлять словеснымъ стадомъ Христовымъ?

Забота о примиреніи враждующихъ и объ утвержденіи мирнаго спокойнаго настроенія въ паствѣ, часто волнуемой страстями,—одна изъ тяжелыхъ, пожалуй, непріятныхъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ и священныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на пастыря званіемъ его, какъ духовнаго отца, нравственнаго руководителя и попечителя всѣхъ составляющихъ его паству.

Намъ рисуются такія идеальныя отношенія между пастыремъ и его пасомыми, при которыхъ послѣдніе видятъ въ немъ своего духовнаго отца не по имени только, но и по существу дѣла, какъ къ отцу обращаются къ нему въ недоумѣнныхъ случаяхъ и житейскихъ разногласіяхъ, высоко цѣнятъ каждое его слово и охотно подчиняются его руководительнымъ указаніямъ. Съ другой стороны и самъ пастырь непосредственнымъ образомъ соединенъ съ своими пасомыми, какъ съ своими дѣтьми, и при неразрывной связи съ ними принимаетъ самое живое участіе во всѣхъ дѣлахъ ихъ, въ особенности во всемъ томъ, что касается ихъ нравственнаго благосостоянія. Распри и ссоры, замѣчаемыя въ его приходской семьѣ, естественно причиняютъ скорбь его отеческому сердцу, и онъ долженъ чувствовать побужденіе идти на помощь своей братіи, страдающей отъ взаимной вражды и раздоровъ, и своимъ пастырскимъ словомъ сѣять примиреніе тамъ, гдѣ врагъ сѣетъ плевелы несосласія и вражды. И можно ли сказать, чтобы это не было дѣломъ достойнымъ служителя Божія? Можно ли думать, чтобы отсюда не было благотворныхъ слѣдствій для жизни паствы, управляемой мудрымъ и попечительнымъ пастыремъ? Тяжбы гражданскія, въ которыхъ люди обращаются къ покровительству закона и къ разуму гражданскихъ властей и судей,—вещь непріятная. Пастырь Церкви, какъ отецъ своей приходской семьи, долженъ употреблять всѣ, находящіяся въ его рукахъ, нравственныя средства, чтобы при первой возможности подавлять являющіяся въ ней ссоры и распри и не давать развиваться имъ до того, чтобы онѣ вызывали противъ себя принудительное дѣйствіе гражданскаго закона. Пожалуй, трудно всякому пастырю возвыситься до такихъ идеальныхъ отношеній, при которыхъ его нравственный авторитетъ является рѣшителемъ споровъ, возникающихъ въ средѣ его пасомыхъ, и при которыхъ его пасомые готовы подчиняться его слову больше, чѣмъ требо-

ванію внѣшняго закона. Но желательно, чтобы каждый священникъ имѣлъ въ виду этотъ идеалъ, и старался занять на своемъ мѣстѣ положеніе, приближающее его къ этому идеалу.

Проф. В. Пѣвницкій.

Нравственныя качества діакона, по ученію ап. Павла (1 Тимоѳ. 3 гл. 8—13 ст.).

Діаконы, какъ избранные и посвященные служители Церкви, должны отличаться высокими нравственными качествами, чтобы быть достойными своего званія. Эти качества діаконовъ опредѣлены апостоломъ Павломъ въ первомъ посланіи его къ Тимоѳею. Указавши (въ первой половинѣ третьей главы перваго посланія къ Тимоѳею), какими качествами долженъ отличаться епископъ [1]), апостолъ переходитъ къ діаконамъ и довольно подробно описываетъ нравственныя свойства этихъ служителей Церкви. *Діакономъ такожде* (т. е. какъ и епископамъ), по слову Апостола, должно быть *чистымъ, не двоязычнымъ, не вину многу внимающимъ, не скверностяжателнымъ: имущимъ таинство вѣры, въ чистѣй совѣсти* (1 Тимоѳ. 3 гл. 8—9 ст.). Итакъ, діаконы прежде всего должны быть *чисты* или—по переводу съ греческаго—(σεμνους) честны, т. е. достойны почитанія и сами должны любить и уважать въ себѣ званіе свое, не допуская ничего несообразнаго съ важностію и святостію своего служенія,

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ Церкви апостольской еще не было разграниченія между названіями епископа и пресвитера, такъ что иногда епископы—лица первой іерархической степени именовались пресвитерами и, на оборотъ, пресвитеры—лица второй іерархической степени назывались епископами, что, между прочимъ, можно видѣть изъ Дѣян. Апост. 20 гл. 17 и 28 ст.; слѣдовательно то, что въ означенномъ мѣстѣ, сказалъ ап Павелъ объ епископахъ, одинаково относится и къ пресвитерамъ. *Авт.*

какъ-то: въ словахъ—всякой лжи, шутовства, неумѣстнаго остроумія, смѣхотворства, глумленія и т. п.; въ пріемахъ и обращеніяхъ съ другими людьми—какой либо вольности, нестепенности; въ одеждѣ—неряшества или роскоши и вообще всякаго неприличія. Съ такого рода честностію въ діаконахъ не совмѣстимо двоязычіе—двуличность. Занимая низшую іерархическую степень, діаконы заимствуютъ свою власть и силу отъ пресвитеровъ и особенно отъ епископовъ, являются ближайшими помощниками ихъ и точными исполнителями ихъ порученій и распоряженій, касающихся общества вѣрующихъ. При такихъ условіяхъ своей служебной дѣятельности діаконы должны быть искренни, не допуская какой либо хитрости и лукавства ни въ отношеніи къ епископамъ и пресвитерамъ, ни по отношенію къ обществу вѣрующихъ, подчиненному епископамъ и пресвитерамъ. Далѣе, діаконы не должны быть *пристрастными къ вину и корыстолюбивыми*. На трезвенность и безкорыстіе въ діаконахъ апост. Павелъ обращаетъ особенное вниманіе потому, что діаконы въ Церкви апостольской были распорядителями общаго имущества—были распорядителями общественной милостыни и служили при вечеряхъ. Естественно, что діаконы, будучи распорядителями общаго имущества, не мало могли имѣть поводовъ развить въ себѣ страсть корыстолюбія, а какъ служители при вечеряхъ они имѣли доступъ къ вину и могли навыкнуть неумѣренно употреблять его; потому-то апостолъ Павелъ и писалъ Тимоѳею, чтобы въ діаконы выбирались лица, несклонныя къ пьянству и корыстолюбію. Не только честностію, искренностію, трезвенностію и безкорыстіемъ діаконы должны отличаться, но они должны быть и вообще безупречными въ нравственномъ отношеніи, что можно видѣть изъ дальнѣйшихъ словъ апост. Павла къ Тимоѳею: діаконы *должны хранить таинство вѣры въ чистой совѣсти*. „Таинствомъ вѣры“ Апостолъ здѣсь называетъ, какъ нерѣдко и въ другихъ мѣстахъ (1 Тимоѳ.

3 гл. 16 ст.; сн. Ефесс. гл. 6 ст. 19, Колосс. гл. 4 ст. 3 и др.), всю открытую Іисусомъ Христомъ истину. Эту истину Апостолъ называетъ „таинствомъ вѣры“ потому, что она составляетъ содержаніе нашей вѣры и можетъ быть понимаема и воспринимаема только вѣрою. Содержать „таинство вѣры“, т. е. христіанскую истину, въ чистой совѣсти значитъ съ чистымъ сердцемъ вѣровать въ нее, не колеблясь, не раздвоясь въ мысляхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исполняя все, что требуется ею, живя согласно съ требованіями ея. Христіанская вѣра и христіанская жизнь, по слову Апостола, должны быть въ тѣсной неразрывной связи; только подъ этимъ условіемъ человѣкъ можетъ имѣть чистую совѣсть, миръ и спокойствіе души.

Въ тѣхъ видахъ, чтобы діаконами могли быть лица вполнѣ достойныя, безукоризненныя въ нравственномъ отношеніи, Апостолъ требуетъ: *и сіи убо да искушаются прежде, потомъ же да служатъ, непорочни суще* (ст. 10), т. е. и тѣ, которые отличаются честностію, трезвенностію и безкорыстіемъ, хранятъ таинство вѣры въ чистой совѣсти,—все-таки должны подвергаться испытанію. Испытаніе призываемыхъ къ діаконскому служенію можетъ и должно обнаружить, что эти лица дѣйствительно имѣютъ всѣ тѣ добрыя качества, какія замѣчены въ нихъ и какія требуются отъ служителей Церкви. Только послѣ надлежащаго испытанія діаконы *да служатъ непорочни суще,* т. е. оказываясь безукоризненными во всѣхъ отношеніяхъ. Честно и безукоризненно проходящимъ служеніе въ санѣ діакона Апостолъ обѣщаетъ движеніе на пути къ высшимъ іерархическимъ степенямъ. Сказавши, что діаконъ долженъ быть *единыя жены мужемъ,* хорошимъ отцемъ семейства (ст. 12), Апостолъ замѣчаетъ: *ибо служащіи добрѣ, степень добръ себѣ снискаютъ и многое дерзновеніе въ вѣрѣ, яже о Христѣ Іисусѣ* (ст. 13). Что разумѣть здѣсь подъ степенью? Греческое слово βαθμὸς (отъ

βαίνω) означаетъ „шагъ“, „ступень“; въ переносномъ значеніи это слово употребляется для означенія высшихъ должностей, почетныхъ мѣстъ. Въ этомъ послѣднемъ значеніи и Апостолъ употребляетъ выраженіе „βαθμὸν καλὸν“, когда говоритъ, что хорошо исполняющій діаконскую должность „степень добръ“ снискаетъ, т. е. пролагаетъ себѣ путь къ высшей іерархической степени. Такое пониманіе употребленнаго здѣсь Апостоломъ выраженія „степень добръ“ вполнѣ согласно съ контекстомъ рѣчи. Въ началѣ главы (ст. 1) Апостолъ сказалъ, что кто епископства (и священства) желаетъ, тотъ добраго дѣла желаетъ, а здѣсь показываетъ, что получить желаемое священство можно вѣрнымъ исполненіемъ діаконскаго служенія. Вѣрный исполнитель діаконскаго служенія, по словамъ Апостола, получитъ „*и многое дерзновеніе въ вѣрѣ, яже о Христѣ Іисусѣ*“, т. е. многое дерзновеніе предъ Господомъ, въ силу вѣры въ Него. „Какъ въ житейскомъ быту, говоритъ преосвящ. Ѳеофанъ въ своемъ толкованіи пастырск. послан. (стр. 276),—вѣрно и усердно работающій домовладыкѣ и доступъ къ нему имѣетъ и слово должное предъ нимъ не робѣетъ сказать, такъ и вѣрно служащіе въ Церкви самою совѣстію своею уполномочиваются смѣло воззрѣвать къ Господу и изрекать предъ Нимъ желанія сердца своего,—о себѣ и о вѣрующихъ. Достигшій сего усернымъ трудомъ въ діаконствѣ есть уже достоинъ стоять на степени пресвитера и епископа, чтобы дерзновенно возносить къ Господу ходатайственныя о сонмѣ вѣрующихъ молитвы“.

Таковы нравственныя качества, которыми, по слову Апостола, должны отличаться діаконы, чтобы быть достойными своего служенія. Эти качества почти общія—одинаковыя съ тѣми, какія требуются Апостоломъ и отъ епископовъ и пресвитеровъ; но между ними есть и такія, которыя характеризуютъ нравственную сторону собственно діаконскаго слу-

женія. Діаконы по своимъ нравственнымъ качествамъ приравниваются къ епископамъ и пресвитерамъ потому, что они предназначены быть помощниками епископамъ и пресвитерамъ въ ихъ служеніи Церкви, для чего и получаютъ, подобно имъ, особую благодать чрезъ рукоположеніе. З.

Вечернія молитвы[1]).

(Историческая судьба ихъ, положеніе въ древнѣйшихъ евхологіяхъ славяно-русскихъ и греческихъ и нынѣшнее мѣсто въ Служебникѣ).

Историческая судьба вечернихъ молитвъ или, такъ называемыхъ, свѣтильничныхъ,[2]) читаемыхъ священникомъ во время предначинательнаго псалма[3]) „Благослови душе моя

---

[1]) См. № 42 за 1886 годъ.

[2]) Вечернія молитвы называются въ Служебникѣ (Служебн. кіев. изд. 1822 л. 1 об. Слич. Тип. кіев. изд. 1824 л. 3; Τυπικ. Venet. edit. 1643 ф. 2 об.) *свѣтильничными* (εὐχαὶ τοῦ λυχνικοῦ) потому, что читаются онѣ священникомъ, при захожденіи солнца, когда настаетъ время на вечерни зажигать свѣтильники (τὰ λυχνικὰ) и потому еще, что содержатъ въ себѣ благодареніе Богу за ночной свѣтъ, даруемый намъ въ свѣчахъ, и моленіе о томъ, чтобы Господь подъ образомъ вещественнаго свѣта наставилъ насъ на путь Свой и научилъ ходить въ истинѣ Его и т. д. (Венеам. Новая Скриж. Спб. 1884 стр. 79).

[3]) О времени чтенія свѣтильничныхъ молитвъ священникомъ въ современномъ Служебникѣ говорится недостаточно опредѣленно. Указавъ на псаломъ 103, Служебникъ прибавляетъ: »іерей же предъ святыми дверми, ставъ откровенною главою, глаголетъ молитвы свѣтильничныя« (изд. Кіев. 1822 г. л. 1 об.). Болѣе ясно это указаніе въ современномъ греческомъ Служебникѣ Ἀναγινωσκομένου τοῦ προοιμιάκου, говорится здѣсь, ὁ ἱερεὺς ἀσκεπὴς παρὰ τῇ ἁγίᾳ ἀναγινώσκει τὰς ἑξῆς τοῦ λυχνικοῦ εὐχάς, т. е. во время чтенія предначинательнаго псалма, священникъ съ откровенною главою предъ святою трапезою читаетъ по порядку свѣтильничныя молитвы (Ἱεροτελεστικὸν ταῦχος ἐκδ. ἐν Πάτραις 1881 ετ σελ. 95). Еще опредѣленнѣе и точнѣе можно видѣть указаніе о томъ же въ древнѣйшихъ и современ-

Господа“ (Пс. 103), одинаково и ничѣмъ не разнится отъ молитвъ утреннихъ. Совершенно при одинаковыхъ условіяхъ въ судьбѣ ихъ происходили совершенно однородныя перестановки, добавленія, сокращенія и измѣненія. Одинаковыя историческія условія оказали вліяніе и на ихъ нынѣшній составъ и на то положеніе, какое онѣ занимаютъ въ современномъ Служебникѣ и во вседневномъ богослуженіи.

Составъ вечернихъ свѣтильничныхъ молитвъ, ихъ распорядокъ и положеніе въ богослуженіи до XIII вѣка намъ

номъ греческихъ и славяно-русскихъ Типиконахъ, при чемъ, однако, полнаго тождества въ указаніяхъ между тѣми и другими нѣтъ. Ἰστέον δέ, говорятъ греческіе Типиконы объ этомъ, ὅτι ὅτε λέγομεν τό δὲ ἀνοίξαντός σου τὴν χεῖρα, ὁ ἱερεὺς ἀνελθών, λέγει τὰς εὐχὰς τοῦ λυχνικοῦ, ἱστάμενος ἀσκεπής, ἔμπροσθεν τῶν ἁγίων θυρῶν, т. е. должно знать, что когда говоримъ: »Отверзаеши руку свою«, священникъ, пришедши предъ святыя двери, съ непокровенною головою, читаетъ свѣтильничныя молитвы (Τυπικ. ркп. библ. Аѳан. Аѳонск. Лавры (Геласійск.) XIII в. л. 4; ркп. Поров. собр. № 385 л. 2; ркп. Севаст. собр. № 491 л. 2; ркп. XIV—XV в. Иверск. Аѳон. мон. л. 1; ркп. XV в. М. Синод. библ. № 456 л. 15; ркп. Руссик. Пант. Аѳон. м. № 30 л. 2; ркп. XVI в. М. Синод. библ. № 487 л. 8 об.; Τυπικ. edit. Venet. 1643 ан. f. 2). »Егдаже достигнетъ стихъ« Отверзьшу тебѣ руку всяческая«, замѣчаютъ о томъ же самомъ нѣкоторые наши славяно-русскіе древнѣйшіе Типиконы, тогда творитъ экклисіархъ поклоненіе къ игумену, возвышаетъ стихъ »Отверзьшу тебѣ руку всяческая«, тогда творитъ экклисіархъ поклоненіе къ игумену и возвышаетъ стихъ высочайшій, іерей же въ то время приходитъ предъ царскія двери, воспріимъ патрихель, перекрестивъ его рукою крестообразно, и цѣловавъ, и въскладаетъ на ся откровенною главою стоя, глаголетъ вечерняя молитвы (Тип. XVI в. ркп. собр. преосв. Макарія въ Археол. Муз. при кіев. дух. Акад. № 192 л. 6 об., 7). По другимъ же памятникамъ, а равно и по современному нашему Типикону чтеніе вечернихъ молитвъ положено уже при пѣніи стиха: »Вся премудростію сотворилъ еси« (Устав. ркп Солов. библ. № 1128 л. 30; ркп. Aus. ск. № 85 л. 4; № 86 л. 4; № 86 л. 7; ркп. типограф. библ. № 288 л. 7; № 289 л. 9 об.; ркп. М. Синод. библ. № 331 л. 5 об.; № 337 л. 7; Типик. изд. Кіев. 1824 л. 3).

совершенно не извѣстны, потому что славяно-русскіе Служебники, содержащіе въ себѣ эти молитвы, до насъ не дошли отъ времени раньше этого столѣтія. Что же касается XIII вѣка, то вѣрныхъ и опредѣленныхъ сужденій по этому вопросу тоже нельзя высказать, потому что и отъ этого времени мы имѣемъ немного положительныхъ данныхъ, да и тѣ, которыя имѣются на лицо, не отличаются однообразіемъ и устойчивостію въ показаніи состава и распорядка свѣтильничныхъ молитвъ. Изслѣдователь „порядка общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI в.“ Н. Одинцовъ, имѣвшій подъ руками нѣсколько рукописныхъ служебниковъ этого времени высказываетъ заключеніе, что эти памятники даютъ намъ основаніе думать, что въ это время читалось только „*четыре* свѣтильничныхъ молитвы“. По его словамъ, изъ нихъ первыя три тѣ же, которыя въ нынѣшнихъ служебникахъ занимаютъ первыя три мѣста, четвертая же была молитва, или занимающая между вечерними молитвами шестое мѣсто и читавшаяся въ то время непосредственно послѣ первыхъ трехъ [1]), или же молитва, занимающая въ нынѣшнихъ вечернихъ молитвахъ, мѣсто седьмое и читавшаяся священникомъ во время чтенія на клиросѣ „Нынѣ отпущаеши“ [2]). Кромѣ этихъ молитвъ на вечернѣ XIII вѣка читалась еще молитва входная, та самая, которая читается и теперь [3]).

Болѣе точныя и вѣрныя сужденія относительно свѣтильничныхъ вечернихъ молитвъ можно высказывать на основаніи памятниковъ XIV вѣка, такъ какъ отъ этого времени уже имѣется весьма много данныхъ для этого. На основаніи

---

[1]) Служебн. ркп. Соф. библ. № 524 л. 54 об.—60 (Н. Одинц. поряд. богослуж. въ русск. Церкви до XVI в. стр. 91).

[2]) Ркп. Соф. библ. № 518 л. 1—2 и 3 об. (тамъ же).

[3]) Ркп. Соф. библ. № 524 л. 62 об.; № 518 л. 2 об. (тамъ же).

этихъ послѣднихъ можно видѣть, что въ XIV вѣкѣ вмѣстѣ съ прежними списками молитвъ стали употребляться и новые, въ которыхъ, по словамъ того же Н. Одинцова,[1]) число молитвъ въ служебникахъ достигаетъ уже до десяти и даже одиннадцати. При этомъ нужно имѣть въ виду, что по расположенію молитвъ, эти списки были разнообразны. Въ спискѣ напр., съ семью молитвами первыя четыре тѣ, что имѣются на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ въ современномъ намъ Служебникѣ, пятое мѣсто занимаетъ молитва: „Благословенъ еси, Господи вседержителю, свѣдый умъ человѣчъ", шестое—нынѣшняя молитва входа и седьмое—молитва на главопреклоненіе[2]). Въ спискахъ, имѣющихъ 10 и 11-ть молитвъ нынѣшнее девятеричное число молитвъ добавляется молитвами: „Благословенъ еси, Господи вседержителю" и молитвою прилежнаго моленія[3]).

Крайне неопредѣленный составъ свѣтильничныхъ молитвъ въ это время[4]) смущалъ современниковъ и вызывалъ ихъ на размышленія по этому поводу. Одинъ изъ нихъ, игуменъ Аѳанасій, рѣшился спросить о числѣ вечернихъ молитвъ

---

[1]) Порядокъ общ. и частн. богосл. до XVI в. стр. 106.

[2]) Служебн. ркп. М. типограф. библ. № 129 л. 55—58.

[3]) Служебн. ркп. М. Синод. библ. № 344—601 л. 112 об.; Требн. той же библ. № 375—326 л. 52 об. (Манускр. митроп. Кипріанъ въ его литургич. дѣят. М. 1882 г. прилож. IV стр. X—XII), Служебн. ркп. Соф. библ. № 522 л. 47; № 523 л. 52 об. (Н. Одинцов. поряд. богосл. до XVI в. стр. 106); ркп. М. Синод. библ. № 345; № 340 (Опис. ркп. этой библ. Горск. и Невостр. отд. III, ч. 1 стр. 22 и 28).

[4]) Сводъ того разнообразія, какое мы видимъ въ нашихъ служебникахъ относительно количества и распорядка вечернихъ молитвъ, сдѣланъ дважды и довольно обстоятельно покойнымъ П. Д. Мансветовымъ въ его сочиненіяхъ »Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности«. Историко-литургическое изслѣдованіе. М. 1882 г. стр. 154 и »О пѣсненномъ послѣдованіи«. (ἀσματικὴ ἀκολουθία). Отдѣльная брошюра М. 1880 стр. 64 и въ Прибавл. къ твор. св. отец. за тотъ же годъ кн. III.

даже митрополита Московскаго Кипріана, который въ это время былъ занятъ устройствомъ нашего богослуженія, введеніемъ въ него однообразія и „правыхъ“ чиновъ, имъ самимъ списанныхъ съ южно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Митрополитъ Кипріанъ не замедлилъ дать отвѣтъ на на этотъ вопросъ (1390—1405 г.) въ такомъ родѣ: „О молитвахъ же вечернихъ и утреннихъ вопросилъ мя еси: колико ихъ есть? *И на вечерни убо молитвы шесть, а седьмая выходная, а осьмая по исполненіи вечерняя и по возглашеніи*“ [1]). Причина почему митрополитъ Кипріанъ остановился именно *на восьмеричномъ количествѣ вечернихъ молитвъ*, а не на какомъ нибудь иномъ, въ виду существовавшаго въ ту пору на этотъ счетъ разнообразія въ указаніяхъ, для насъ теперь остается непонятною. Покойный профессоръ М. духовной Академіи, И. Д. Мансветовъ, занимаясь рѣшеніемъ этого вопроса въ одномъ изъ своихъ капитальныхъ сочиненій, высказываетъ нерѣшительно такое предположеніе: „Кипріанъ“, говоритъ онъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду такіе служебники, въ которыхъ не было молитвы „Господи Боже вседержителю, свѣдый умъ человѣчь“ (въ полныхъ перечняхъ она стоитъ на пятомъ мѣстѣ, но ея нѣтъ во многихъ древнихъ спискахъ, также у Гоара(?) и теперешнемъ Служебникѣ) и теперешней седьмой, которая во многихъ спискахъ читается во время отпуста. „Въ такомъ случаѣ, заключаетъ онъ свою тираду, молитва входа дѣйствительно приходилась седьмою“ [2]). Г. Мансветовъ при этомъ указываетъ и подобнаго рода памятники славяно-русской письменности, въ которыхъ дѣйствительно *восемь* вечернихъ молитвъ, и онѣ расположены такъ, какъ ихъ располагаетъ митрополитъ Кипріанъ въ своемъ отвѣтѣ. „Кипріанову рѣшенію, говоритъ И. Д. Мансветовъ,

---

[1]) Русск. Истор. библ. 1880 г. т. VI, стр. 265.

[2]) Митрополитъ Кипр. въ его литург. дѣятельн. стр. 154.

соотвѣтствуетъ Синодальный Требникъ № 372—900“ [1].) Догадка эта весьма правдоподобна, и противъ нея мы ничего не можемъ возразить, но она, по нашему мнѣнію, не объясняетъ или, лучше сказать, не даетъ намъ отвѣта на тотъ вопросъ, почему именно этого рода служебники или вообще списки вечернихъ молитвъ считалъ митрополитъ Кипріанъ самыми правильными и ихъ рекомендовалъ подвѣдомому ему духовенству за образецъ, а не другіе какіе нибудь. Пятая молитва „Господи Боже вседержителю, свѣдый умъ человѣчь“, правда, *иногда* [2]) не находится въ славянскихъ и греческихъ памятникахъ на этомъ мѣстѣ, но мы ее видимъ здѣсь очень нерѣдко съ начала XIV столѣтія вплоть почти до конца XVIII вѣка и не только въ нашихъ славяно-русскихъ рукописныхъ и старопечатныхъ служебникахъ, (объ этомъ подробнѣе мы говоримъ ниже), но даже въ греческихъ рукописныхъ евхологіяхъ [3]) и, во преки увѣренію г. Мансветова, въ εὐχολογιον—ѣ Гоара [4]). Поэтому, слѣдовательно, отсутствіемъ указанной молитвы въ греческихъ евхологіяхъ интересующаго насъ вопроса мы не объяснимъ и должны будемъ оставить открытымъ.

Въ составѣ вечернихъ молитвъ разсматриваемаго времени мы наблюдаемъ особенность, слабые отголоски которой слышатся даже и въ послѣдующее время. По нѣкоторымъ памятникамъ XIV в. можно судить, что одну изъ вечернихъ молитвъ, именно читаемую нынѣ седьмою „Боже великій и вышній, единъ имѣя безсмертіе“, священникъ иногда произ-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Авторъ преувеличилъ дѣло, сказавъ, что пятой молитвы »Господи Боже вседержителю, свѣдый умъ человѣчь« нѣтъ »*во многихъ древнихъ спискахъ*« вечернихъ молитвъ.

[3]) Εὐχολογ. ркп. Порфир. л. 39; ркп. Севаст. собр. № 474 л. 53; ркп. Свят.-гробск. іерус. подвор. № 615.

[4]) Εὐχολογ. Goar pag. 35.

носилъ во время чтенія на клиросѣ „Сподоби Господи“ [1]). Обычай этотъ въ слѣдующемъ столѣтіи хотя и продолжаетъ сохраняться въ нѣкоторыхъ памятникахъ, но какъ рѣдкое исключеніе, и молитва седьмая занимаетъ въ Служебникѣ уже непосредственное мѣсто послѣ шестой [2]) безъ всякихъ указаній на свое прежнее мѣсто.

Въ памятникахъ XV и XVI вѣковъ количество молитвъ и ихъ расположеніе отличаются еще большимъ, чѣмъ въ предыдущее время, разнообразіемъ. Такъ въ одномъ изъ памятниковъ число молитвъ простиралось до девяти и расположены онѣ въ такомъ порядкѣ. Первыя три мѣста занимаютъ тѣ же молитвы, что и нынѣ въ современномъ намъ Служебникѣ, четвертое мѣсто принадлежитъ молитвѣ: „Благословенъ еси Господи Боже Вседержителю, свѣдый умъ человѣчь“, мѣсто пятое, шестое и седьмое—нынѣшнимъ молитвамъ четвертой, пятой и шестой, восьмое—молитвѣ входа: „Вечеръ и заутра и полудне хвалимъ, благословимъ, благодаримъ“ и девятое мѣсто—молитвѣ на главопреклоненіе [3]), которая нынѣ читается послѣ просительной ектеніи. Въ нѣкоторыхъ служебникахъ—и, нужно замѣтить, такихъ большинство—число молитвъ свѣтильничныхъ не превосходитъ десяти. Молитва: „Благословенъ еси, Господи Боже Вседержителю“ занимаетъ здѣсь уже пятое мѣсто. На четвертомъ мѣстѣ стоитъ та самая молитва, которая въ нынѣшнихъ служебникахъ находится на этомъ мѣстѣ, т. е. молитва: „Немолчными пѣснями и непрестанными славословленьми“.

---

[1]) Служебн. ркп. М. Синод. библ. № 346; № 347 (Горск. Невостр. описс. ркп. М. Синод. библ. Отд. III ч. 1 стр. 28—34); ркп. Соф. библ. № 523 л. 56; № 526 л. 65; ркп. граф. Толст. № 274 л. 61 (П. Одинцов. поряд, общ. и частн. богосл. стр. 107).

[2]) Служебн. ркп. Троиц.-Сергіев. Лавры № 218 л. 156; ркп. М. Синод. библ. № 349 (Описс. ркп. этой библ. Отд. III, ч. 1 стр. 38).

[3]) Служебн. ркп. Солов. библ. № 1019 л. 53—56.

Шестою молитвою считается нынѣшняя пятая: „Господи, Господи, Пречистою дланію содержай всяческая“. Молитва седьмая „Боже Великій и Дивный неисповѣдимою благостію“ и восьмая „Боже Великій и Вышній, одинъ имѣя безсмертіе“ въ нынѣшнихъ Служебникахъ, по счету, занимаютъ мѣста шестое и седьмое. Девятою молитвою считается молитва входа: „Вечеръ и заутра и полудне, хвалимъ благословимъ, благодаримъ“, а десятою—молитва на главопреклоненіе [1]). Есть служебники, въ которыхъ расположеніе первыхъ молитвъ до седьмой сходно съ расположеніемъ въ служебникахъ только что описанной редакціи. Седьмое мѣсто занимаетъ шестая молитва: „Боже Великій и Чудный, неисповѣдимою благостію“. На восьмомъ мѣстѣ стоитъ молитва входа. Девятою молитвою считается седьмая молитва: „Боже Великій и Вышній, единъ имѣя безсмертіе“, а десятою—молитва на главопреклоненіе [2]). Въ одномъ изъ служебниковъ этой редакціи мы встрѣтили на пятомъ мѣстѣ молитву: „Благихъ сокровище, источника приснотекущаго Отче [3]). Въ служебникѣ съ одиннадцатью молитвами на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ молитва прилежнаго моленія: „Господи Боже нашъ, прилежное сіе моленіе пріими отъ твоихъ рабовъ [4])“.

Между рукописями этого времени въ Казанской духовной Академіи, въ бывшей Соловецкой библіотекѣ, намъ приш-

---

[1]) Служебн. ркп. Солов. библ. № 1024 л. 3 об.—6 об.; № 1025 л. 9 об.—12; № 1026 л. 5—7 об.; № 1029 л. 4—8; № 1032 л. 3—7; ркп. м. Синод. библ. № 909 л. 184—187; № 615 л. 7 об.—10; ркп. М. типограф. библ. № 131 л. 20 об.—23; ркп. Волокол. библ. (нынѣ Москов. дух. Акад. № 89 л. 44—48; № 88 л. 56—60.

[2]) Рук. Троиц.-Сергіев. Лавры № 218 л. 153—156; ркп. Солов. библ. № 1021 л. 35—36 об.

[3]) Ркп. Волоколам. библ. № 88 л. 56—60.

[4]) Ркп. Солов. библ. № 1024 л. 9; № 1025 л. 16 об.; № 1029 л. 13; № 1032 л. 8 об.; ркп. типограф. М. библ. № 131 л. 27 об.; ркп. М. Синод. библ. № 615 л. 10 об.

лось встрѣтить одинъ такой Служебникъ, въ которомъ число свѣтильничныхъ вечернихъ молитвъ простирается до пятнадцати. Здѣсь порядокъ первыхъ десяти молитвъ вполнѣ сходенъ съ вышеописанными Служебниками, имѣющими въ себѣ десять свѣтильничныхъ молитвъ. На одиннадцатомъ мѣстѣ мы видимъ здѣсь молитву: „Наслаждешись, Господи, видѣнія вся дни твари величія Твоего," на двѣнадцатомъ—молитву: „Тебѣ присносущнаго Свѣта егда невечерняго Боже нашъ". Мѣста тринадцатое, четырнадцатое и пятнадцатое занимаютъ молитвы: „Боже, пріемляй неусыпающее славословіе", „Владыко Вседержителю непостижимый, первосвѣтлаго недомыслимая сила" и „Господи Боже нашъ, преклони сердца наша въ послушаніе Божіихъ твоихъ повелѣній" [1]). По поводу этого послѣдняго памятника нужно замѣтить, что всѣ молитвы, начиная, съ одиннадцатой, за исключеніемъ молитвы: „Владыко вседержителю непостижимый, первосвѣтлаго недомыслимая сила" отнесены въ другомъ памятникѣ этого времени *къ молитвамъ утреннимъ*. По этому Служебнику, указанныя нами сейчасъ молитвы положено читать на утрени, во время пѣнія канона, какъ это видно изъ слѣдующаго находящагося надъ этими молитвами надписанія: „*Сія же молитвы глаголи, егда канонъ поютъ*" [2]).

Но какъ бы тамъ ни было, если мы даже не будемъ принимать во вниманіе послѣдняго изъ разсмотренныхъ нами богослужебныхъ памятниковъ, по вопросу о количествѣ вечернихъ молитвъ и ихъ распорядкѣ въ служебникахъ, то мы все таки должны придти къ тому несомнѣнному убѣжденію, что онѣ, эти молитвы, въ это время не отличались желаемою устойчивостію и однообразіемъ. Однѣ и тѣ же молитвы въ различныхъ служебникахъ занимаютъ разныя мѣста, но иногда

---

[1]) Ркп. Солов. библ. № 1023 л. 3—5 об.

[2]) Ркп. Императ. С.-Петербург. публ. библ. № 59 л. 109—110.

въ нѣкоторыхъ служебникахъ появляются и свои особыя молитвы, которыя отличаютъ ихъ отъ другихъ подобныхъ богослужебныхъ памятниковъ описываемаго времени. Число молитвъ также не вездѣ одинаково: одни служебники содержатъ въ себѣ больше молитвъ, другіе меньше. Господствующими служебниками нужно считать тѣ, которые содержатъ въ себѣ десять и одиннадцать молитвъ. Что же касается служебниковъ съ меньшимъ количествомъ вечернихъ молитвъ и большимъ противъ указаннаго (девять и пятьнадцать молитвъ), то такіе служебники, можно смѣло сказать, рѣдкое исключеніе.

Печатаніе служебниковъ въ сѣверной Руси, въ Москвѣ и почти одновременно съ нимъ на юго-западѣ Россіи въ Стрятинѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ, Львовѣ, Уневѣ, Супрали, Черниговѣ и другихъ мѣстахъ въ XVII столѣтіи, хотя и уничтожило существовавшее дотолѣ разнообразіе въ количествѣ и распорядкѣ вечернихъ свѣтильничныхъ молитвъ и продолжавшее еще держаться въ рукописяхъ и въ этомъ вѣкѣ, но не установило того однообразія, какое мы видимъ въ современной намъ богослужебной практикѣ. Нынѣшній составъ вечернихъ молитвъ и ихъ распорядокъ являются въ Московскомъ Служебникѣ въ первый разъ въ 1655,[1]) когда этотъ Служебникъ былъ исправленъ на основаніи венеціанскихъ греческихъ евхологіевъ по стрятинскому Служебнику 1604 года.[2]) а до сего времени въ первопечатныхъ Московскихъ

[1]) Этотъ, а равно и остальные цитуемые въ этой статьѣ первопечатные служебники изданій московской, стрятинской, кіевской, черниговской, виленской и др. типографій мы просматривали въ м. типографской библіотекѣ, весьма обильной старопечатными изданіями церковно-богослужебныхъ книгъ всевозможныхъ изданій и типографій. Библіотека церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи дополнила наши свѣдѣнія по данному вопросу, такъ какъ и въ ней немало собрано старопечатныхъ изданій главнымъ образомъ южно-русскихъ типографій.

[2]) Корректурный Служебникъ хранится въ настоящее время въ м. типографской библіотекѣ, что на Никольской улицѣ при самой типографіи.

служебникахъ было не мало такихъ молитвъ, которыя только имѣлись въ рукописяхъ и не вошли въ исправленный Служебникъ. Такъ, напр., въ первопечатномъ Служебникѣ Московскаго изданія 1602 года мы видимъ, что количество вечернихъ молитвъ ясно и опредѣленно указано восемь, т. е. больше нынѣшняго числа молитвъ на одну. Это увеличеніе, или лучше сказать, несходство съ нынѣшнимъ Служебникомъ зависитъ отъ прибавленія молитвы, стоящей на пятомъ мѣстѣ: „Благословенъ еси, Боже Вседержителю, свѣдый умъ человѣчь.“ Правда, въ Служебникѣ 1602 года къ этимъ восьми молитвамъ прибавляется и девятая еще молитва: „Вечеръ и заутра и полудне хвалимъ, благословимъ, благодаримъ“, но о ней замѣчается, что она въ число собственно свѣтильничныхъ молитвъ не входитъ. „Девятая молитва, читаемъ мы въ этомъ Служебникѣ, яже глаголется втай, *внегда есть входъ*[1])“. Т. е. эту молитву Служебникъ относитъ прямо ко времени вхо́да священника въ алтарь, при пѣніи Богородична. Совершенно такой же составъ вечернихъ молитвъ и такой же распорядокъ ихъ мы видимъ въ служебникахъ Московскаго изданія 1616, 1623, 1627, 1630, 1633, 1635, 1637, 1640, 1647, 1650, 1651 и 1652 годовъ.

Что касается южно-русскихъ изданій Служебника, то и они на первыхъ порахъ имѣли количество вечернихъ молитвъ и ихъ распорядокъ во многомъ сходные съ Служебникомъ сѣверно-русскихъ московскихъ изданій. Такъ, напр., извѣстный Служебникъ епископа львовскаго, галическаго и каменецъ-подольскаго, екзарха трона константинопольскаго, Гедеона Балабана, напечатанный во Стрятинѣ въ 1604 году, имѣлъ въ себѣ тоже, какъ и упомянутые московскіе Служебники, *восемь* вечернихъ молитвъ и на пятомъ мѣстѣ молитву: „Благословенъ еси, Боже вседержителю, свѣдый умъ человѣчь,“

---

[1]) См. Служебн. Москов. изд. 1602 г. и др.

но съ тою разницею, весьма существенною, что въ этомъ Служебникѣ вмѣсто молитвы входа: „Вечеръ, заутра и полудне“ стоитъ другая: „Благій человѣколюбче Царю, благословивый всяческая молитися прилежно сердцемъ сокрушеннымъ.“ [1]) Служебникъ, изданный въ 1620 г. архимандритомъ Кіево-Печерскія Лавры Елисеемъ Плетенецкимъ, и Служебникъ, напечатанный трудолюбіемъ иноковъ свято-общительныя обители Сошествія Пресвятаго и Животворящаго Духа въ Евѣ“ въ 1638, какъ имѣвшіе своимъ прототипомъ Стрятинскій Служебникъ 1604 года, повторяютъ текстъ и составъ этого послѣдняго Служебника, а, слѣдовательно, и о количествѣ вечернихъ свѣтильничныхъ молитвъ, ихъ распорядкѣ и о самыхъ молитвахъ говорятъ согласно съ нимъ. Но со времени изданія Служебника въ 1629 году знаменитымъ архимандритомъ Кіево-Печерскія Лавры, а въ послѣдствіи времени митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ Петромъ Могилою въ вечернихъ свѣтильничныхъ молитвахъ мы видимъ нѣкоторыя несущественныя, впрочемъ лишь на первый поверхностный взглядъ, особенности, которыя, однако, потомъ имѣли рѣшающее значеніе на современный составъ этихъ молитвъ и ихъ распорядокъ въ нашемъ теперешнемъ Служебникѣ. Упомянутый нами знаменитый дѣятель въ исторіи южно-русской Церкви и русскаго просвѣщенія, митрополитъ Петръ Могила, задумавъ дѣло книжнаго исправленія и въ частности Служебника, повелъ его на самыхъ широкихъ началахъ. Чтобы уничтожить въ южно-русскихъ служебникахъ господствовавшее въ ту пору разнообразіе въ текстѣ и составѣ, Петръ Могила рѣшился сдѣлать самое тщательное сличеніе текста печатнаго до него Служебника „съ текстомъ *правдивымъ* грецкимъ и старожитными нашими русскими и

[1]) Служебн. изд. Стрятин. 1604 г. стр. 627—642. Молитва входа »Благій человѣколюбче царю« находится и въ венеціанскихъ сербскихъ изданіяхъ Служебника 1519, 1538 и 1570 годовъ.

московскими служебниками.“ [1]) Плодомъ этой его работы былъ Служебникъ, напечатанный въ Кіевѣ въ 1629 году, а въ текстѣ вечернихъ молитвъ были нѣкоторыя измѣненія и замѣчанія. Такъ въ Служебникѣ 1629 года, хотя и сохранено то же количество молитвъ, какое мы видѣли въ Стрятинскомъ Служебникѣ, т. е. *восемь* и на пятомъ мѣстѣ— молитва: „Благословенъ еси Боже Вседержителю, свѣдый умъ человѣчь,“ но объ этой послѣдней сдѣлано слѣдующее характерное, замѣчаніе: „Молитва пятая. *Сія молитвы въ греческомъ* (т. е. евхологіи) *нѣсть*, отъ него же сей зводъ исправися, ты же чти аще хощеши“ [2]). Говоря проще, Петръ Могила, хотя и не видѣлъ нужды въ этой молитвѣ и даже находилъ ее лишнею противъ бывшихъ у него подъ руками греческихъ евхологіевъ, но не рѣшился опустить ее въ своемъ Служебникѣ, какъ это сдѣлано было потомъ, потому что эту молитву онъ видѣлъ въ числѣ обязательныхъ вечернихъ молитвъ въ „старожитныхъ нашихъ русскихъ и московскихъ служебникахъ“ и оставилъ чтеніе ея на произволъ желающаго. Что же касается упомянутой нами молитвы входа: „Благій человѣколюбче, благословивый всяческая молитися прилежно сердцемъ сокрушеннымъ,“ то о ней Петръ Могила сдѣлалъ въ своемъ Служебникѣ такое замѣчаніе, которое уже прямо говоритъ за ея неумѣстность въ данномъ случаѣ и отсутствіе ея въ Служебникахъ греческомъ и московскихъ. „*Сія же молитва* (т. е. вечеръ, заутра и полудне), замѣчаетъ Служебникъ 1629 года, въ греческомъ (т. е. евхологіи) *положена есть и въ московскихъ зводныхъ обрѣтается*“ [3]). Въ Служебникѣ Петра Могилы поэтому двѣ молитвы входа, и священнику, слѣдовательно, предоставлена была возмож-

---

[1]) См. Предисловіе къ Служебнику Петра Могилы 1629 года.

[2]) Служебн. Кіев. изд. 1629 г. стр. 12.

[3]) Ibidem. стр. 25.

ность читать ту или другую молитву. Указанный нами составъ вечернихъ молитвъ и приведенныя сейчасъ замѣчанія относительно пятой молитвы и молитвы входа продолжаютъ сохранять свои мѣста во всѣхъ южно-русскихъ служебникахъ чрезъ все XVII столѣтіе и переходятъ даже въ XVIII вѣкъ, какъ напр., въ Кіевскихъ изданіяхъ Служебника 1639, 1653, 1692, 1708, 1736, (?) 1737, 1747, 1762, Черниговскихъ 1797, Львовскихъ, 1636, 1752, 1759, Уневскихъ 1747 г., и другихъ типографій.

Настоящій составъ вечернихъ молитвъ и ихъ нынѣшній распорядокъ въ Служебникѣ установились въ сѣверо-московской Руси, какъ мы сказали уже, со времени изданія въ Москвѣ Служебника 1655 года, когда митрополитомъ Новгородскимъ, въ послѣдствіе времени знаменитѣйшимъ московскимъ патріархомъ Никономъ, было признано необходимымъ исправить нашъ Служебникъ послѣ сличенія его съ современными господствовавшими въ ту пору въ богослужебномъ употребленіи греческими евхологіями. Гораздо позже установился нынѣшній порядокъ относительно состава и распорядка вечернихъ молитвъ въ южно-русскихъ служебникахъ, такъ какъ на югѣ Россіи долго и послѣ изданія Служебника патріархомъ Никономъ и послѣ утвержденія его въ качествѣ общеобязательнаго для всей Россіи на соборѣ 1666—67 годовъ, продолжали печатать съ прежнихъ южно-русскихъ первопечатныхъ изданій [1]).

А. Дмитріевскій.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) Несходства южно-русскихъ изданій богослужебныхъ книгъ съ сѣверно русскими московскими изданіями продолжались даже и во второй половинѣ XVII столѣтія; и противъ этого церковная администрація предпринимала соотвѣтствующія мѣры. Намъ извѣстенъ указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 1772 года іюня 26 дня въ Синодальную московскую типографію по поводу несходствъ, усмотрѣнныхъ

Внѣшняя сторона молитвы у древнихъ христіанъ.

Молитва составляетъ существенную принадлежность каждой религіи и есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей каждаго человѣка. Въ ней человѣкъ обращается къ Богу, высо-

---

Синодомъ въ книгахъ, изданныхъ въ Кіевѣ, съ подобными книгами московской печати, а именно: въ Апостолѣ 1768 г., Прологѣ 1769 г., Требникѣ 1769 г., Псалтири 1769 г., Требникѣ 1769 г. (осьмушечный въ отличіе отъ перваго десятеричнаго), въ *Слѣдованной* Псалтири 1768 г., въ Октоихѣ 1768 г., въ Псалтири 1768 г. и др. Вотъ этотъ подлинный, весьма интересный по содержанію указъ и неизвѣстный еще въ печати: «По указу Ея Императорскаго Величества московская Святѣйшаго Правительствующаго Синода контора, слушавъ полученнаго Ея Императорскаго величества изъ Св. Правительствующаго Синода указа, коимъ объявляя о присланныхъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ сего 772 года іюня 26 дня изъ оной типографской конторы, при доношеніи, выпискахъ, учиненныхъ, въ силу посланнаго изъ Св. Синода въ оную типографію указа, типографскими корректорами и справщиками, оказавшихся въ напечатанныхъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ и въ Черниговской типографіи, въ томъ доношеніи показанныхъ книгахъ (кромѣ Патерика Печерскаго) съ таковыми-жъ въ Московской типографіи печатными книгами *не сходятся*. А какъ-де, по справкѣ въ канцеляріи Святѣйшаго Синода мая 7 и 11 чиселъ сего года, *опредѣленіями велѣно какъ напечатанныя, такъ и впредь печатаемыя* Кіево-печерскія Лавры и въ Черниговской типографіяхъ книги, на основаніи посланныхъ изъ Св. Синода указовъ, посылать изъ типографій прямо въ контору Святѣйшаго Синода, которой отсылать для свидѣтельства въ Московскую типографію отъ себя и въ случаѣ неисправности, есть ли что неважное, чинить объ нихъ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе и въ народную продажу употреблять дозволить, а за извѣстіе въ Св. Синодъ рапортовать, а ежелижъ въ тѣхъ книгахъ, по свидѣтельству той конторы, окажутся каковые въ текстахъ важныя сумнительства объ нихъ конторѣ представлять со мнѣніемъ своимъ на разсмотрѣніе Св. Правительствующему Синоду, о чемъ въ синодальную и въ оную типографскую контору, также въ Кіево-Печерскую Лавру и въ Черниговскую епархію указы тогдажъ посланы». (Настоящій указъ извлеченъ нами изъ приходо—расходной книги Москов. Синодальной типогр. за 1772 г)

чайшему существу, то съ тѣмъ, чтобы принесть Ему благодарность за полученныя отъ Него благодѣянія, то съ тѣмъ, чтобы испросить у Него новыхъ какихъ либо даровъ, то съ тѣмъ, чтобы воздать Ему, какъ своему Владыкѣ и Господу, подобающую честь и славу. Она имѣетъ двѣ стороны—сторону внутреннюю, духовную и сторону внѣшнюю, такъ сказать, плотскую. Первой изъ этихъ сторонъ принадлежитъ, конечно, главнѣйшее, существеннѣйшее значеніе. *Богъ есть духъ, и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ.* Вотъ отвѣтъ Спасителя на вопросъ жены Самарянки, гдѣ должно поклоняться Богу—на горѣ ли Самарійской, или въ храмѣ Іерусалимскомъ (Іоан. 4, 20. 24). Но тѣмъ не менѣе велико значеніе и внѣшней ея стороны. Значеніе этой ея стороны усматривается уже изъ того, что она необходима для той—духовной ея стороны. Человѣкъ, какъ существо, состоящее изъ души и тѣла, не можетъ не выражать тѣхъ или другихъ внутреннихъ психическихъ своихъ состояній въ болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ имъ формахъ или внѣшнихъ знакахъ. Поэтому его молитвенное религіозное настроеніе требуетъ для выраженія себя также соотвѣтствующихъ ему внѣшнихъ формъ. Съ другой стороны, такъ какъ вообще внутреннія психическія состоянія наши—мысли, чувствованія и желанія, и возбуждаются, и развиваются подъ вліяніемъ чего либо внѣшняго, то и въ частности внутреннее молитвенное настроеніе можетъ возбуждаться и развиваться благодаря внѣшнимъ формамъ своимъ. Поэтому одинъ изъ подвижниковъ христіанскихъ говоритъ, что должно принуждать себя къ внѣшней молитвѣ тогда, когда нѣтъ внутренняго расположенія къ ней, увѣряя, что за внѣшними формами выраженія молитвы—крестнымъ знаменіемъ и поклонами, придетъ и внутреннее молитвенное настроеніе, нерасположеніе къ молитвѣ и холодность замѣнится расположеніемъ къ ней и сердечною теплотою, и нашъ русскій право-

славный народъ признаетъ весьма большое значеніе за внѣшними знаками молитвы и всегда въ нихъ выражаетъ свою молитву, въ чемъ насъ убѣждаетъ и исторія этого народа, и ежедневный опытъ. Но относительно внѣшнихъ формъ молитвы существуетъ между христіанами значительное разногласіе. Поэтому пастырямъ, какъ руководителямъ и наставникамъ своихъ пасомыхъ въ жизни религіозно-нравственной, далеко непзлишне знать документально то, какія внѣшнія формы молитвы существовали въ древнѣйшей христіанской Церкви. Свѣдѣнія объ этомъ сравнительно большія мы находимъ у *Квинта Септимія Флорента Тертулліана,* христіанскаго писателя конца втораго и начала третьяго столѣтія. Эти свѣдѣнія находятся у него главнымъ образомъ въ спеціальномъ его сочиненіи о молитвѣ, которое потому и называется *De oratione.* Поэтому оттуда мы болѣе всего и заимствуемъ ихъ.

Свидѣтельства Тертулліана о внѣшней сторонѣ молитвы группируются около трехъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) какъ христіане молились, 2) когда они молились и 3) гдѣ молились. Скажемъ о каждомъ изъ этихъ пунктовъ отдѣльно.

1) Первенствующіе христіане, при совершеніи молитвы, *поднимали* свои *руки, распростирали ихъ* такъ, что *представляли* изъ себя *форму креста, преклоняли колѣна, стояли,* а нѣкоторые *сидѣли,* иные *скидали* съ себя *верхнія одежды* и наконецъ *совершали лобзаніе мира.*

„Мы", говоритъ Тертулліанъ, „attollimus manus, поднимаемъ руки, когда молимся" (De oratione c. 14). Эта внѣшняя форма молитвы не составляетъ отличительнаго, специфическаго признака христіанской молитвы. Напротивъ она есть общечеловѣческая форма молитвы. Въ такой формѣ выражали свои молитвы и язычники, и іудеи. Анхизъ, какъ разсказываетъ Виргилій, увидѣвъ чудесное явленіе надъ головою своего внука Юла, простеръ свои руки къ небу, при-

чемъ произносилъ слова молитвы, обращенныя къ Юпитеру. То же самое дѣлалъ и Фурій Камиллъ, когда молился. И Моисей, по свидѣтельству книги *Исходъ*, молился, поднимая руки свои. „Когда Моисей", читаемъ въ этой книгѣ, „поднималъ руки свои, одолѣвалъ Израиль, а когда опускалъ руки свои, одолѣвалъ Амаликъ" (17, 11). Но христіане должны были поднимать свои руки, при совершеніи молитвы, не съ такимъ дерзновеніемъ и самомнѣніемъ, съ какимъ дѣлали это язычники. Христіане, по мнѣнію Тертулліана, должны были поднимать ихъ *не высоко*, не *ad coelum aut sidera*, какъ дѣлали это язычники, но *умѣренно* и *скромно (temperate ac probe)*, какъ приличпо имъ. Такого именно поднятія рукъ требуетъ, по мнѣнію Тертулліана, успѣхъ молитвы. Богъ пріемлетъ молитвы не тѣхъ, которые обращаются къ Нему съ гордостію и самомнѣніемъ, а тѣхъ, которые исполнены бываютъ при этомъ чувства смиренія и благоговѣнія, представляя свою грѣховность и слабость, а Его безпредѣльную святость и могущество. А такое внутреннее психическое состояніе должно заставлять молящагося сдерживать себя отъ высокаго поднятія руки и отъ размахиванія ею. Впрочемъ оно тогда и само собою будетъ таково. Тогда христіанинъ не поднимаетъ съ дерзновеніемъ даже и очей своихъ. Гордъ былъ фарисей, пришедшій въ храмъ помолиться и самоуслаждавшійся тамъ созерцаніемъ своихъ собственныхъ добродѣтелей. Напротивъ смиренъ былъ мытарь, пришедшій туда для молитвы. Какъ различно они молятся и какъ различны результаты ихъ молитвы. „Мытарь, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ". И что же? Онъ пошелъ въ домъ свой оправданнымъ болѣе, нежели тотъ (фарисей) (Лук. 18, 13—14. De orat. c. 17).

Поднимая руки, христіане, по свидѣтельству Тертулліана, распростирали ихъ такъ, что представляли собою форму креста. Указаніе на такую внѣшнюю форму молитвы нужно

видѣть въ слѣдующихъ словахъ его: *expandimus e dominica passione modulatum, et orantes confitemur Christo*, что въ точномъ переводѣ на нашъ языкъ значитъ: *мы представляемъ копію съ страданія Господа и, такъ молясь, исповѣдуемъ Христа* (De orat. c. 14). Ибо какая другая копія страданія Господа нашего Іисуса Христа могла быть изображаема при этомъ, кромѣ креста? Что такъ нужно понимать это мѣсто, въ томъ можно убѣдиться чрезъ сопоставленіе его съ параллельнымъ ему мѣстомъ, находящимся въ сочиненіи Тертулліана, извѣстномъ подъ именемъ *Ad nationes, Къ язычникамъ*. Въ этомъ сочиненіи онъ между прочимъ говоритъ: „если ты поставишь человѣка *manibus expassis, съ распростертыми руками*, то сдѣлаешь образъ креста.“ Поэтому нѣтъ никакой нужды измѣнять слово *modulatum*, какъ оно находится въ манускриптахъ, въ *modulantes*, и нѣтъ никакого основанія понимать это измѣненное слово въ смыслѣ *canentes* или *psallentes, воспѣвая*, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые. Здѣсь рѣчь идетъ о частной молитвѣ, а не общей. А такая молитва должна была совершаться, по свидѣтельству Тертулліана же, *тихо, про себя*.

Свидѣтельство Тертулліана о крестномъ знаменіи древнихъ христіанъ находится во второй его книгѣ *Къ женѣ*. Здѣсь, увѣщавая свою жену ни подъ какимъ видомъ не выходить замужъ, въ случаѣ его смерти, за язычника, такъ какъ это противно заповѣди Апостола, дозволяющаго вдовѣ христіанкѣ *посягнути, точію о Господѣ*, и такъ какъ христіанка, вышедши замужъ за язычника, не можетъ исполнять, какъ должно, всѣхъ требованій своей религіи, говоритъ между прочимъ ей: „скроешься ли ты отъ мужа (язычника), когда будешь *осѣнять (signas)* постель свою или тѣло свое крестомъ“ (Гл. 5.). Правда слово *signo*, переведенное нами тутъ словами: *осѣняю крестомъ*, имѣетъ общее значеніе: оно значитъ *дѣлаю знакъ* какой бы то ни было, *кладу*

печать; но уже у ближайшаго преемника Тертулліана и въ нѣкоторомъ смыслѣ у ученика его, Кипріана, читавшаго его, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима [1]), ежедневно, употребляется это слово въ значеніи *намазываю* или *напечатлѣваю знакъ креста*, что дѣлалось и тогда при таинствѣ муропомазанія. Въ сочиненіи къ Донату этотъ Святитель Церкви говоритъ: „ты, на которомъ небесная или божественная служба *напечатлѣла знакъ креста*, храни только неповрежденнымъ ученіе“ (Гл. 15). Да и какимъ знакомъ естественнѣе и цѣлесообразнѣе было христіанину осѣнять и свою постель, и свое тѣло, какъ не знакомъ креста? Но опредѣленнѣе и обстоятельнѣе онъ говоритъ о крестномъ знаменіи въ сочиненіи *О выкѣ*. „Мы,“ пишетъ онъ тамъ, „осѣняемъ чело крестомъ (frontem signaculo terimus) при всякомъ входѣ и выходѣ, при началѣ и концѣ дѣла, когда одѣваемся, когда умываемся, когда идемъ къ столу, когда возжигаемъ свѣтильники, когда ложимся спать, когда садимся, вообще при всякомъ своемъ занятіи“ (Гл. 3). Для обозначенія креста или крестнаго знаменія у Тертулліана здѣсь находится слово *signaculum*. Это слово, по свидѣтельству Форцеллина, у христіанскихъ писателей употребляется въ значеніи *signum crucis*.

Къ внѣшнимъ формамъ молитвы древнихъ христіанъ, упоминаемымъ Тертулліаномъ, относится колѣнопреклоненіе. Объ этой формѣ молитвы находятся ясныя и опредѣленныя

---

[1]) Блаженный Іеронимъ въ своемъ сочиненіи *О знаменитыхъ мужахъ* говоритъ: въ Конкордіи, городѣ Италійскомъ, я видѣлъ нѣкоего старика Павла, который говорилъ мнѣ, что онъ, когда былъ еще молодымъ человѣкомъ, видѣлъ въ Римѣ писца святаго Кипріана, достигшаго уже глубокой старости. Этотъ писецъ передавалъ ему, что Кипріанъ не проводилъ ни одного дня безъ чтенія Тертулліана и часто говорилъ ему: дай учителя, разумѣя при этомъ Тертулліана. 63.

свидѣтельства въ его сочиненіи *О молитвѣ*. Эта форма молитвы существовала и у Іудеевъ. О Соломонѣ въ третьей книгѣ Царствъ говорится: „когда Соломонъ произнесъ все сіе моленіе и прошеніе ко Господу, тогда *всталъ съ колѣнъ* отъ жертвенника Господня“ (8, 54). Она освящена примѣромъ Самого Іисуса Христа. „И Самъ,“ повѣствуетъ евангелистъ Лука, „отошелъ отъ нихъ на верженіе камня и, *преклонивъ колѣна*, молился“ (22, 41). Также молился и первомученикъ Стефанъ, когда его побивали камнями (Дѣян. 7, 60). Евсевій Кесарійскій называетъ эту форму молитвы собственно христіанскою формою (Церк. Ист. 5, 5). Эта форма молитвы имѣла особенно широкое употребленіе во дни *постовъ* и *стояній*. Въ эти дни по мнѣнію Тертулліана, не должно было совершать ни одной молитвы безъ колѣнопреклоненія (De orat. 23). Но были такіе дни, въ которые древніе христіане не совершали колѣнопреклоненія и молились стоя. Къ такимъ днямъ относились Свѣтлое Христово Воскресеніе и Пятидесятница. Эти дни были самыми радостными днями для христіанъ, а потому имъ не приличествовало колѣнопреклоненіе, какъ форма молитвы, выражающая собою печаль и скорбь (Гл. 23). Кромѣ того нѣкоторые воздерживались отъ колѣнопреклоненія и въ субботу. Такихъ было немного. Тертулліанъ не держится этого обыкновенія и не одобряетъ его. Оно, по его свидѣтельству, производило споры и раздоры въ церквахъ. Но онъ надѣется, что божественная благодать прекратитъ это разногласіе въ церквахъ.

Нѣкоторые христіане вмѣсто того, чтобы *стоять* во время молитвы, имѣли обыкновеніе *сидѣть*. Такой обычай Тертулліанъ осуждаетъ. Онъ, по его мнѣнію, не имѣетъ никакого основанія ни въ Священномъ Писаніи, ни въ твореніяхъ отеческихъ. Происхожденіе его чисто языческое. Язычники, когда молились маленькимъ изображеніямъ своихъ боговъ величиною въ ладонь или локоть, которыя у нихъ на-

зывались *sagillaria*, то обыкновенно сидѣли. Да и чувство благоговѣнія и смиренія должно, по мнѣнію Тертулліана, побуждать христіанъ совершать свои молитвы *стоя*, а не *сидя*. Если считается признакомъ непочтенія и неуваженія сидѣть тогда, когда предъ тобою находится лицо такое, которое гораздо выше тебя по своему положенію, то тѣмъ болѣе должно считать такимъ признакомъ сидѣніе во время молитвы; ибо тогда ты присутствуешь предъ лицомъ Самого всевидящаго Бога. Если „ангелъ молитвы предстоитъ предъ Богомъ," то тѣмъ паче человѣкъ долженъ стоять во время молитвы. Сидѣніе во время молитвы показываетъ, что молитва доставляетъ намъ бремя и тягость (18 гл.).

Нѣкоторые христіане для совершенія молитвы скидали съ себя верхнія одежды, называвшіяся *penulae*. Это были плотныя, тяжелыя одежды, которыя надѣвали отъ холода и дождя. Тертулліанъ осуждаетъ и этотъ обычай, такъ какъ и его происхожденіе языческое. Язычники, приступая къ своимъ идоламъ, скидали съ себя одежды. Въ Священномъ же Писаніи нѣтъ никакого основанія для того обычая. Апостолы, учившіе *de habitu orandi*, *объ одеждѣ молитвы*, ничего не говорили о томъ, что для совершенія молитвы нужно скидать верхнія одежды. Три отрока были брошены въ печь вавилонскую въ одеждѣ, но развѣ Богъ не услышалъ тамъ ихъ молитвы (15 гл.).

Молитва у древнихъ христіанъ оканчивалась *osculum pacis*, *лобзаніемъ мира*. Этотъ обычай состоялъ въ томъ, что древніе христіане, по совершеніи молитвы, цѣловали другъ друга. Но этотъ обычай христіане, налагавшіе на себя сами, по собственной волѣ, постъ, не хотѣли исполнять и дѣйствительно не исполняли, находя его несовмѣстимымъ съ съ своимъ обѣтомъ воздержанія. Уклоненіе отъ лобзанія мира во дни поста было въ церкви Карѳагенской, во время Тертулліана, дѣломъ общераспространеннымъ. Тертулліанъ

крѣпко отстаиваетъ древній обычай лобзанія мира и осуждаетъ всѣхъ, уклонявшихся отъ него во дни поста, налагаемаго добровольно. Молитва безъ лобзанія мира, по его мнѣнію, не совершенна и не окончена, ибо *osculum pacis est signaculum orationis*, *лобзаніе мира есть печать молитвы.* Далѣе постъ, по заповѣди Спасителя, должно скрывать. Тѣ же, которые во время поста уклоняются отъ лобзанія мира, тѣмъ самымъ уже объявляютъ свой постъ. Въ одно только время года можно, по мнѣнію Тертулліана, не запечатлѣвать своей молитвы *лобзаніемъ мира*, именно *die Paschae*, такъ какъ въ это время уже нельзя скрыть поста, ибо тогда всѣ постятъ. Что же Тертуліанъ разумѣетъ здѣсь подъ *die Paschae?* Карнеевъ, переводчикъ большей части твореній Тертулліана, понимая здѣсь подъ словомъ *Pascha* то, что мы обыкновенно разумѣемъ подъ этимъ словомъ, дѣлаетъ къ этому мѣсту такое примѣчаніе: „достойно вниманія, какъ поступали древніе христіане при своемъ богослуженіи и особливо въ отношеніи къ посту, отъ котораго не изъяты были и въ Свѣтлое Христово Воскресеніе“ (Творенія Тертулліана. Часть 2-ая стр. 42). Но такое пониманіе этого мѣста совершенно не вѣрно. Если Тертулліанъ находитъ правильнымъ обычай древнихъ христіанъ совершать молитву во дни Пасхи и Пятидесятницы *стоя, безъ колѣнопреклоненія*, такъ какъ этимъ днямъ не приличествовало колѣнопреклоненіе, какъ выраженіе печали, о чемъ нами выше уже упомянуто, и если самъ онъ крѣпко держится этого обычая, то странно было бы ему сочувственно относиться къ общему обычаю христіанъ своего времени совершать постъ въ первый изъ этихъ дней, то есть, въ день Пасхи, такъ какъ постъ составляетъ еще большую форму выраженія печали, чѣмъ колѣнопреклоненіе. Изъ сопоставленія этого мѣста Тертулліана съ параллельнымъ ему мѣстомъ, находящимся въ 10 главѣ его сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ *Ad Iudaeos, Къ іудеямъ*, оказывается, что

здѣсь слово *Пасха* надо понимать въ значеніи *дней страданій Господа* нашего Іисуса Христа. Ибо въ этомъ сочиненіи прямо говорится: *Pascha passio Domini est, Пасха есть страданіе Господа.*

2) Молитва древнихъ христіанъ раздѣлялась на общественную или церковную и частную или домашнюю. Общественная или церковная молитва совершалась тогда, когда происходили общія собранія для богослуженія. Такія собранія въ первыя времена христіанства были обыкновенно по ночамъ, такъ какъ тогда христіане подвергались преслѣдованіямъ и со стороны народа, и со стороны правительства. Эти собранія бывали и до полуночи, и послѣ полуночи, а иногда продолжались и всю ночь. Во второй книгѣ *Къ женѣ*, доказывая, что язычникъ, женившійся на христіанкѣ, будетъ препятствовать ей совершать то, что требуется христіанскою религіею, Тертулліанъ говоритъ между прочимъ: „какой мужъ язычникъ охотно отпуститъ свою жену въ ночныя собранія для молитвы, хотя ей должно будетъ туда идти? Или какой мужъ язычникъ равнодушно допуститъ, чтобы жена его всю ночь проводила внѣ дома въ праздникъ Пасхи“ (Гл. 5)? Въ своей книгѣ *О вынкѣ* онъ говоритъ слѣдующее: „мы получаемъ таинство евхаристіи въ собраніяхъ, продолжающихся до разсвѣта.“ Понятно отсюда, что и общественная молитва въ первыя времена христіанства, какъ времена гоненій и преслѣдованій христіанъ, совершалась обыкновенно по ночамъ. Что касается до частной, домашней молитвы, то Тертулліанъ не свидѣтельствуетъ прямо о томъ, когда древніе христіане совершали эту молитву, а говоритъ, когда ее должно совершать. Такая молитва, по его мнѣнію, обязательна для каждаго христіанина при наступленіи дня и ночи (ingressu lucis et noctis). Такую молитву онъ называетъ *legitima oratio, молитвою, опредѣленною закономъ*. Это, очевидно, молитва утренняя и вечерняя. Кромѣ того христіане, по его словамъ,

должны молиться *предъ принятіемъ пищи и предъ омовеніемъ, ибо духъ всегда долженъ быть очищаемъ прежде тѣла* (De oratione c. 25). Далѣе должно, какъ онъ же говоритъ, творить молитвы въ часы третій, шестой и девятый. Эти часы и въ Священномъ Писаніи отмѣчаются какъ особенные часы. Въ третій часъ Духъ Святой сошелъ на учениковъ, собравшихся въ праздникъ Пятидесятницы. Въ шестой часъ апостолъ Петръ взошелъ на верхъ дома для молитвы, когда онъ видѣлъ сосудъ, изображавшій всеобщность Церкви. Въ девятый часъ этотъ же Апостолъ вмѣстѣ съ евангелистомъ Іоанномъ вошелъ въ святилище для молитвы, гдѣ предъ дверьми они встрѣтили хромаго отъ рожденія и исцѣлили его. Поэтому, продолжаетъ Тертулліанъ, хотя они дѣлали сіе, не имѣя на то положительнаго повелѣнія, однако хорошо было бы намъ подражать имъ въ этомъ и вмѣнить себѣ въ обязанность посвящать извѣстные часы молитвѣ. Наконецъ Тертулліанъ считаетъ долгомъ совершать молитву и тогда, когда христіанина посѣщаетъ его братъ по вѣрѣ. „Если, говоритъ онъ, придетъ къ тебѣ въ домъ твой братъ твой, то не отпускай его прежде, чѣмъ помолишься съ нимъ. Видя брата, ты видишь Самого Господа. Болѣе всего опасайся странника отпустить безъ молитвы. Да не раздѣляетъ гость твой съ тобою пищи прежде, нежели раздѣлитъ съ тобою молитву, которая составляетъ пищу духовную“ (De orat. c. 26).

3) О мѣстѣ совершенія молитвы Тертулліанъ говоритъ слѣдующее. „Молитву предписано совершать *на всякомъ мѣстѣ,* (1 Тимоѳ. 2, 8). Но какимъ образомъ молимся *на всякомъ мѣстѣ,* когда намъ запрещено публичное богослуженіе? Слова Апостола нужно такъ понимать: во всякомъ мѣстѣ, гдѣ требуетъ случай или необходимость; ибо апостолы, которые молились и восхваляли Бога въ темницѣ въ присутствіи слушающей ихъ стражи, и Павелъ, который совершалъ евхаристію на кораблѣ въ присутствіи всѣхъ пассажировъ, не поступали вопреки заповѣди“ (De orat. c. 24).

Н. Щегловъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ **Борисъ.**

Отъ Кіевск. Комит. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 іюля 1888 г. Цензоръ прот. *Михаилъ Богдановъ.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ЛЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 34.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Августа 21-го.

Содержаніе: Пастырь Церкви въ средѣ враждующихъ членовъ семьи и общества.—Какъ долженъ держать себя сельскій пастырь по отношенію къ мѣстной интеллигенціи?—Пастырская совѣсть предъ зеркаломъ Слова Божія.—Порядокъ, какой долженъ быть соблюдаемъ прислуживающими при богослуженіи.

Пастырь Церкви въ средѣ враждующихъ членовъ семьи и общества [1]).

Скорбя о возникновеніи раздоровъ въ средѣ своихъ пасомыхъ, благоразумный пастырь не будетъ напрашиваться съ своимъ примиряющимъ участіемъ туда, гдѣ замѣтно проявленіе вражды, раздѣляющей членовъ семьи или сосѣдей, не будетъ безъ ихъ зова и безъ всякаго внѣшняго повода являться къ нимъ рѣшителемъ ихъ споровъ и несогласій. Онъ будетъ ждать случайной встрѣчи и благопріятной минуты для того, чтобы проложить путь къ сердцу, пылающему враждою къ ближнему, умиротворяющему вліянію евангельскаго духа, котораго пастырь естественно служитъ носителемъ. Бесѣда, на-

[1]) См. № 33-й.

правленная на предметъ, близкій къ причинѣ, раздѣляющей враждующихъ, жалоба, высказанная предъ пастыремъ со стороны лица, считающаго себя обиженнымъ, замѣтное и открытое проявленіе вражды и ссоры, служащее соблазномъ для другихъ—таковы могутъ быть поводы къ примиряющему дѣйствію пастыря, заботящагося о водвореніи мира и укрѣпленіи любви въ средѣ своихъ пасомыхъ. Но во всякомъ случаѣ попечительный пастырь не будетъ опускать изъ вниманія такихъ явленій въ средѣ своихъ пасомыхъ, которыя служатъ оскорбленіемъ и нарушеніемъ закона любви христіанской и сѣются начальникомъ злобы, лукавства и всякаго нестроенія. При зоркой бдительности, при попечительной заботливости о своихъ пасомыхъ у него всегда должно быть готово доброе слово, направленное къ тому, чтобы помочь болѣющимъ враждою и вмѣсто злобы водворить миръ между ними. Когда же прямыя желанія пасомыхъ призываютъ пастыря быть рѣшителемъ ихъ несогласій и повергаютъ на его судъ свое дѣло, изъ-за котораго возгорѣлась вражда между ними, было бы жестко съ его стороны безъ всякихъ разговоровъ отклонять отъ себя всякое участіе въ ихъ дѣлѣ и отсылать ихъ къ гражданскому суду. Его прямой долгъ нравственно воздѣйствовать на нихъ въ видахъ ихъ взаимнаго примиренія и испытать все, находящееся въ его власти, чтобы потушить вражду, причиняющую имъ такъ много непріятностей. Подѣйствуютъ на нихъ нравственныя мѣры примиренія, предлагаемыя пастыремъ,—прекрасно: пастырь можетъ радоваться тому, что его словомъ уничтожено зло и на мѣстѣ его посѣяно добро. Останутся безъ результата мѣры пастыря: онъ можетъ скорбѣть объ ожесточеніи сердецъ своихъ пасомыхъ, но его совѣсть не будетъ безпокоить его представленіемъ того, что онъ не выполнилъ своего долга и не сдѣлалъ для пользы своихъ пасомыхъ всего того, къ чему обязывало его званіе отца и попечителя душъ, ввѣренныхъ его нравственному руководству.

Что требуется отъ пастыря для успѣшнаго веденія дѣла примиренія враждующихъ? Требуется спокойное настроеніе, чуждое всякой страстности и горячности. Вражда, раздѣляющая людей, сама по себѣ есть страсть и отъ страстей раждается и усиливается. Но бороться со страстію нельзя оружіемъ страсти: это значило бы огонь тушить огнемъ же. Апостолъ Іаковъ, когда говоритъ о браняхъ и сварахъ между людьми, о горькой зависти и сварливости, и хочетъ указать средства противъ этой болѣзни, вниманіе вѣрующихъ обращаетъ къ мудрости, сходящей свыше, которая, по его словамъ, во-первыхъ чиста, потомъ мирна, скромна,.. полна милосердія и добрыхъ плодовъ, безпристрастна, не лицемѣрна (Іак. III, 17). Этою мирною и скромною мудростію долженъ овладѣть пастырь, чтобы побѣждать сердца, пылающія страстію вражды и злобы. При спокойномъ настроеніи примирителя необходимо съ его стороны безпристрастное, ровное отношеніе къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ. Но если изъ двухъ враждующихъ одинъ больше страдаетъ и терпитъ, а другой горделиво относится къ страдающему и не престаетъ отъ нанесенія обидъ ему, правда требуетъ отъ пастыря, заботящагося объ уничтоженіи напрасной вражды, становиться на сторону слабѣйшаго и защищать его отъ нападеній и обидъ, и настоятельно внушать сильнѣйшему быть болѣе снисходительнымъ въ отношеніи къ страждущему и не только не дѣлать ему притѣсненій, но даже уступать ему изъ своихъ правъ, чтобы только достигнуть желаннаго мира.—Но особенно дѣйственною въ этомъ случаѣ можетъ быть любовь пастырская, которая движетъ и проникаетъ сердце пастыря, желающаго нести миръ туда, гдѣ гнѣздится вражда. При этой любви болитъ и страдаетъ сердцемъ пастырь, когда видитъ свары и распри въ средѣ своей паствы, и когда говоритъ онъ съ враждующими отъ полноты искренняго, любящаго сердца, въ его словѣ

чувствуется теплота и жизнь, размягчающая и согрѣвающая и холодныя, жесткія души. Слово, не согрѣтое любовію, предлагаемое въ исполненіе одного долга, можетъ быть справедливо, пожалуй, умно, но оно будетъ скользить по поверхности того существа, которому предлагается, и не посѣетъ въ немъ добраго сѣмени. Но всепобѣждающая любовь можетъ сдѣлать много тамъ, гдѣ мало успѣваетъ самый сильный умъ.

Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ попечительная любовь пастыря можетъ прилагать свои заботы о примиреніи враждующихъ?

Первая область, на которую можетъ и должна простираться примиряющая дѣятельность попечительной любви пастыря, есть область семейная. Семья держится взаимною любовію членовъ, ее составляющихъ, и если гдѣ, то здѣсь, въ семействѣ, должны царствовать миръ и согласіе, такъ какъ не внѣшній законъ, а сама природа скрѣпляетъ союзъ членовъ семьи. Но въ дѣйствительности въ тихой области семейной жизни далеко не всегда господствуетъ желанное согласіе; какъ вездѣ, гдѣ человѣкъ проявляетъ свою свободу, склонную ко злу, и гдѣ находитъ мѣсто для своего дѣйствія страсть, живущая въ нашемъ грѣховномъ тѣлѣ, такъ и здѣсь практика очень часто расходится съ требованіями закона, и вражда, вражда самая сильная, успѣваетъ изгонять любовь и миръ, и, водворившись вмѣсто нея подъ семейною кровлею, она отравляетъ жизнь семьи и производитъ въ ней очень чувствительныя и тяжкія опустошенія. Уже въ самой первой семьѣ, при началѣ человѣческой исторіи, мы встрѣчаемъ сильную вражду, поведшую къ кровавому преступленію, къ убійству брата, и съ тѣхъ поръ вражда не перестаетъ заявлять свою силу то въ томъ, то въ другомъ кругѣ семейномъ, и вмѣсто любви поселять раздоры у тихаго семейнаго очага. Какъ часто мы видимъ тяжелыя, ненормальныя отношенія между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми,

между родными братьями и сестрами, между господами и слугами! Церковь и ея приставники, которымъ она ввѣряетъ охраненіе чистоты нравственной жизни, не могутъ равнодушно смотрѣть на извращеніе добрыхъ естественныхъ отношеній въ нѣдрахъ семействъ. Заботиться объ ихъ исправленіи, о возстановленіи нарушеннаго мира между членами семьи— прямой долгъ ихъ, предписываемый имъ и чувствомъ и нравственнымъ закономъ. Церковь освящаетъ семейный союзъ и для укрѣпленія его сообщаетъ божественную благодать людямъ, входящимъ въ этотъ союзъ. Охраненіе его не можетъ быть дѣломъ, чуждымъ материнской любви Церкви.

Семейство, говорятъ,—святыня, куда не долженъ проникать посторонній глазъ, и куда не должно вторгаться чужое вмѣшательство. Семейный очагъ дѣйствительно закрытая святыня, къ которой не должны допускаться чужіе, не званные распорядители, и при правильномъ теченіи жизни никто не долженъ насильственно вносить сюда свое вліяніе, направленное къ измѣненію семейнаго строя жизни. Но ненормальныя явленія и отношенія, встрѣчающіяся въ семействахъ, сами собою часто проторгаются наружу и вызываютъ участіе у лицъ, близкихъ къ семействамъ въ силу тѣхъ или другихъ связей, къ каковымъ лицамъ долженъ принадлежать первѣе всего пастырь—нравственный руководитель своихъ пасомыхъ. Если семейные раздоры доходятъ нерѣдко до суда и дѣлаютъ необходимымъ вмѣшательство судебной или гражданской власти въ дѣла семейныя, то не тѣмъ ли нужнѣе и полезнѣе нравственное воздѣйствіе пастыря, которое можетъ предупредить развитіе семейной вражды до степени, вызывающей вмѣшательство внѣшняго гражданскаго закона? Тѣмъ естественнѣе это пастырское воздѣйствіе, что при уваженіи къ пастырю со стороны пасомыхъ и при близкихъ отношеніяхъ его къ нимъ, они сами могутъ просить его добрымъ словомъ повліять на членовъ семьи, нарушающихъ семейное согласіе,

и вносящихъ смуту и раздоръ въ кругъ домашней семейной жизни.

Возбужденіе и указаніе для пастырской дѣятельности въ отношеніи къ людямъ, входящимъ въ семейный союзъ, въ случаѣ ихъ взаимныхъ несогласій, мы можемъ находить въ словахъ Господа Іисуса Христа,—въ тѣхъ словахъ, которыми Онъ утверждаетъ нерасторжимость брачнаго, семейнаго союза. У іудеевъ Моисеемъ допущена была книга отпущенія или разводное письмо, которое всякій мужъ могъ давать женѣ своей, если она не найдетъ благоволенія въ его глазахъ, и онъ увидитъ что либо противное въ ней (Второз. XXIV, 1). Разъ фарисеи спрашивали Его: по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ своею женою? Господь сказалъ имъ въ отвѣтъ, что по устроенію Божію мужъ и жена составляютъ одну плоть, и что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ; а если Моисей заповѣдалъ давать разводное письмо и отпускать жену, то онъ далъ это позволеніе по жестокосердію вашему; а съ начала не было такъ. Глаголю же вамъ, яко иже аще пуститъ жену свою, развѣ словесе прелюбодѣйна, и оженится иною, прелюбы творитъ; и оженяйся пущеницею, прелюбы творитъ (Матѳ. XIX, 3—9). Когда Господь Своимъ словомъ такъ охраняетъ святость и нерасторжимость семейнаго союза между мужемъ и женою, то пастырю Церкви, поставленному быть руководителемъ народа, можно ли равнодушно смотрѣть, когда этотъ святой союзъ видимо готовъ распасться въ томъ или другомъ домѣ его паствы, и когда за внутреннюю ограду дома выходятъ отголоски или проявленія семейныхъ нестроеній? Не естественно ли любви пастыря принять мѣры къ возможному скрѣпленію распадающагося союза и къ устраненію причинъ, порождающихъ семейное несогласіе?

Далѣе, у апостоловъ, въ частности у апостола Павла мы находимъ заботливыя и подробныя наставленія касательно устроенія семейной жизни и семейныхъ отношеній. Не въ одномъ посланіи онъ даетъ наставленія, какъ мужъ долженъ относиться къ женѣ, и какъ жена должна относиться къ мужу, входя при этомъ въ разъясненія вопросовъ самаго щекотливаго свойства (1 Кор. VII, 1—16. Ефес. V, 22—33. Кол. III, 18—19). Затѣмъ онъ упорядочиваетъ по закону Божію отношенія дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ, внушая первымъ повиновеніе, а вторыхъ наставляя не раздражать дѣтей своихъ, но воспитывать ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ (Еф. VI, 1—4. Кол. III, 20—21). Къ составу семейства относятся и слуги, живущіе въ домѣ и работающіе на господъ. И нихъ учатъ апостолы, какъ вести себя въ отношеніи къ господамъ, и какъ выполнять работу, имъ поручаемую (1 Кор. VII, 21—22. Еф. VI, 5—8. Кол. III, 22—25. 1 Петр. II, 18—19), въ то же время убѣждая и господъ не слишкомъ строго поступать съ слугами и оказывать имъ должное и справедливое, въ виду того, что надъ всѣми нами есть одинъ Господь, у Котораго нѣтъ лицепріятія (Еф. VI, 9. Кол. IV, 1). На упорядоченіе семейныхъ отношеній, какъ на часть обязанностей пастырскихъ, апостолъ Павелъ обращаетъ вниманіе Тимоѳея и Тита, и даетъ имъ правила, какими они должны руководиться при потребныхъ наставленіяхъ людямъ, связаннымъ семейными узами (1 Тим. V, 4—8. VI, 1—2. Тит. II, 1—10). Не для однихъ общихъ наставленій даны указанія, какія мы читаемъ въ посланіяхъ апостола Павла. Нѣкоторыя изъ нихъ вызваны частными случаями и направлены къ пресѣченію замѣченныхъ въ практикѣ отступленій отъ должнаго порядка жизни. И Апостолъ входитъ въ подробности касательно устроенія порядка семейной жизни конечно для того, чтобы пользоваться его указаніями, какъ руководствомъ въ примѣненіи къ част-

нымъ случаямъ и запросамъ, встрѣчающимся въ дѣйствительной жизни. Кромѣ общихъ нравственныхъ наставленій касательно устроенія семейныхъ отношеній, мы встрѣчаемъ у апостола Павла примѣръ личнаго непосредственнаго участія, предпринятаго имъ къ возстановленію нарушеннаго мира между членами семейнаго союза. Такой примѣръ представляетъ намъ его посланіе къ Филимону. Чѣмъ-то провинился противъ Филимона, своего господина, его слуга Онисимъ, и навлекши на себя гнѣвъ его, бѣжалъ отъ него. Апостолъ Павелъ пріобщилъ его къ сонму вѣрующихъ, и возвращая его своему господину, проситъ Филимона безъ гнѣва, съ миромъ принять его,—принять его не какъ раба, а какъ брата возлюбленнаго, принять такъ, какъ онъ принялъ бы самого Апостола.

Послѣдующіе преемники апостольскаго служенія, слѣдуя пути, указанному имъ первыми служителями Слова, не довольствовались одними общими наставленіями касательно добраго порядка семейной жизни, но когда требовали обстоятельства, силою пастырскаго вліянія старались возстановлять миръ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ видѣли его нарушеннымъ, и нарушителей этого мира приводить къ сознанію своего долга. Было бы длинною матеріею указывать всѣ, относящіеся сюда, случаи пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ. Для примѣра достаточно вспомнить изъ нашей исторіи, какое живое участіе принимали въ семейныхъ дѣлахъ наши древніе представители Церкви, и какъ они въ чувствѣ пастырскаго долга, дѣйствовали на людей, нарушавшихъ требованія семейнаго закона. Такъ митрополитъ Іона, первый самостоятельный предстоятель русской Церкви, шлетъ строгое посланіе къ дѣтямъ, не повинующимся своей матери, убѣждая ихъ не забывать рожденія матерня и служить ей, подобно рабамъ, такъ какъ мы ничѣмъ не можемъ воздать за даръ, полученный нами

отъ родителей [1]). Іосифъ Волоцкій сочелъ нужнымъ съ внушительнымъ словомъ обратиться къ одному вельможѣ [2]), когда услыхалъ, что онъ притѣсняетъ своихъ слугъ и сиротъ домашнихъ, не даетъ имъ необходимаго для ихъ потребъ, томитъ ихъ голодомъ и наготою. Это обращеніе Іосифа Волоцкаго къ жестокосердому вельможѣ, немилосердно поступавшему съ своими слугами, можетъ быть образцомъ тѣхъ внушеній, какія могутъ давать пастыри своимъ пасомымъ, виновнымъ въ нарушеніи закона семейной любви и семейнаго благоустройства. Упомянувши о дошедшемъ до него слухѣ касательно дурнаго обращенія вельможи со своими слугами, преподобный Іосифъ, ревнуя по правдѣ, пишетъ ему: „Я, грѣшный, о томъ напоминаю тебѣ, помянувъ твою вѣру. Не лѣпо бы было мнѣ писать: самъ я грѣшенъ; какъ же восхищать санъ учительскій? Но пишу не мои мысли, а что самъ слышалъ отъ божественныхъ писаній, какъ повелѣваютъ они не рабовъ въ нихъ имѣть, но какъ братію миловать, питать и одѣвать, довольно печись о спасеніи душъ ихъ... А до меня, сынъ, грѣшнаго доходитъ такой слухъ про твое благородство, что твои рабы и сироты живутъ у тебя въ тѣснотѣ,... гладомъ таютъ и отъ злыхъ обычаевъ удержаться не могутъ, не имѣя одежды или пищи тѣлу, и ощущая скудость во всѣхъ нужныхъ потребахъ. Страшно, господинъ, говоритъ о томъ божественное писаніе: бѣда великая, мученіе безконечное тѣмъ, кто не печется и не имѣетъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, не только дѣломъ ихъ насилуетъ, но ранами казнитъ, не дастъ одежды и пищи, и моритъ голодомъ, не печется о спасеніи душъ ихъ,... не помышляетъ и не помнитъ о томъ, что мы всѣ созданіе Господне, всѣ плоть едина, всѣ муромъ единымъ помазаны, всѣ въ рукахъ

---

[1]) Дополн. къ акт. истор. т. 1. № 11.

[2]) Дополн. къ акт. истор. т. 1. № 213.

Господнихъ, кого хочетъ Онъ, обнищеваетъ, и что всѣмъ намъ стать предъ единымъ Царемъ страшнымъ на судѣ Его необъименномъ... Господинъ, Богъ на тебѣ свою милость показалъ и государь тебя князь великій пожаловалъ: такъ и тебѣ, господинъ, подобаетъ своихъ клевретовъ пожаловать и милость показать къ нимъ... Я же писалъ къ тебѣ не отъ слуха, а самъ ихъ нужду видѣлъ".

Случаи для пастырскаго воздѣйствія на семью въ видахъ примиренія ея членовъ могутъ представляться разнообразные. То открывается нужда поддержать власть родительскую, когда выходятъ изъ повиновенія дѣти и оказываютъ явное невниманіе и пренебреженіе къ родившимъ ихъ, какъ это видимъ въ примѣрѣ митрополита Іоны, обратившагося съ строгимъ внушеніемъ къ непокорнымъ дѣтямъ. То,—и это можетъ случаться чаще,—чувство любви пастырской побуждаетъ пастыря явиться защитникомъ слабыхъ, притѣсняемыхъ и оскорбляемыхъ болѣе сильными членами семьи, когда напримѣръ терпитъ много и страдаетъ отъ жестокости и безпутства мужа жена, когда заброшены и безъ всякаго родительскаго попеченія выростаютъ дѣти, когда несправедливымъ и слишкомъ своекорыстнымъ является домохозяинъ въ отношеніи къ слугамъ и работникамъ, живущимъ у него. Такимъ защитникомъ притѣсняемыхъ, какъ мы указывали выше, выступилъ предъ однимъ вельможею св. Іосифъ Волоцкій, когда дошелъ до него слухъ о тяжкой жизни его домашнихъ сиротъ и слугъ, и когда онъ самъ видѣлъ нужду ихъ. Особенное вниманіе пастыря могутъ вызывать семейные раздѣлы, въ послѣдніе годы увеличивающіеся въ крестьянскомъ быту. Увеличеніе ихъ свидѣтельствуетъ объ ослабленіи строгаго патріархальнаго духа въ нашихъ крестьянскихъ семьяхъ и о желаніи младшихъ членовъ семьи выдти изъ подчиненія старшимъ и жить самостоятельною жизнію. Возникая часто отъ случайныхъ мелочныхъ несогласій, эти раздѣлы между тѣмъ разбиваютъ ста-

рый крѣпкій строй семьи, способствуютъ нравственному разслабленію людей, при самостоятельной жизни не чувствующихъ надъ собою сдерживающей узды старшихъ, и въ то же время разрушаютъ экономическое благосостояніе народа. При обнаруженіи поползновеній къ семейнымъ раздѣламъ въ томъ или другомъ домѣ, пастырь сдѣлаетъ доброе дѣло, если своимъ вліяніемъ подѣйствуетъ на людей, ищущихъ самостоятельности, и будетъ стараться сплочивать и скрѣплять семейный союзъ, готовый распасться на нѣсколько отдѣльныхъ мелкихъ семей. Онъ можетъ указывать здѣсь не на одни нравственныя начала, проводникомъ которыхъ долженъ быть служитель Церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на экономическія, хозяйственныя выгоды. Хорошее хозяйство легче вести и поддерживать, когда въ домѣ много рабочихъ рукъ, и большія семьи почти всегда являются семьями зажиточными. Но когда онѣ раздѣлятся, и когда изъ одной большой семьи образуется нѣсколько малыхъ одиночныхъ семей, большею частію пропадаетъ ихъ благосостояніе, и вмѣсто одной зажиточной семьи является нѣсколько бѣдныхъ, кое какъ перебивающихся.

Какъ долженъ держать себя сельскій пастырь по отношенію къ мѣстной интеллигенціи [1])?

Жизнь сельскаго священника можно назвать невеселою въ томъ особенно отношеніи, что онъ изолированъ отъ образованнаго общества, преимущественно своихъ собратій священниковъ. Конечно, добросовѣстно относящійся къ дѣлу своего служенія пастырь мало можетъ имѣть свободнаго времени на развлеченіе въ средѣ общества образованныхъ

[1]) См. № 23-й.

людей: ему всегда дѣло найдется по приходу, благоустройству собственной семьи и хозяйства и по восполненію своего образованія чтеніемъ назидательныхъ книгъ, если онѣ есть подъ руками; но вѣдь такихъ идеальныхъ пастырей не много найдется, хотя и имъ, скажемъ къ слову, не можетъ иногда не показаться томительною та сѣрая будничная жизнь, которою богата наша деревня. Большинство же сельскихъ пастырей, не нерадиво даже относящихся къ своимъ обязанностямъ, съ тяжелымъ чувствомъ скуки проводятъ въ деревнѣ все свободное отъ занятій время: имъ хочется подѣлиться своими мыслями и чувствами съ живымъ человѣкомъ, и они его не находятъ; хочется поразнообразить свою монотонную жизнь въ приличномъ ихъ положенію обществѣ, но его нѣтъ; хочется послушать разговоровъ умнаго человѣка, поучиться отъ него чему либо полезному, но такихъ людей онъ рѣдко, иногда случайно видитъ вокругъ себя... Какъ хотите, а всего этого не могутъ замѣнить собою ни крестьянская среда, ни тѣмъ менѣе книга, хотя бы и самая полезная. Благо пастырю, если у него есть въ приходѣ какіе либо привиллегированные прихожане, если онъ и внѣ прихода заручается знакомствомъ съ такими людьми: онъ не заглохнетъ въ деревнѣ и его не убьетъ скука... Но гдѣ есть благо, тамъ всегда и зло предполагается и, что всего удивительнѣе, гдѣ слагается больше благопріятныхъ условій для видимой пользы человѣка, тамъ всегда въ соотвѣтствующей степени выдвигаются свои дурныя условія, парализующія благотворность первыхъ. Ископный врагъ нашъ діаволъ всюду успѣваетъ съ своими кознями и такъ искусно дѣйствуетъ, что, неопытный въ духовной жизни человѣкъ, самое зло принимаетъ за добро, вредное—за полезное. На пастырѣ же Христова стада, какъ человѣкѣ не отъ міра сего—слѣдствія такихъ козней еще болѣе могутъ отражаться, когда онъ, ради видимой пользы, входитъ въ сообщеніе съ людьми

свѣта—сельскою интеллигенціею,—самая среда этихъ людей много тому способствуетъ. У насъ вовсе нѣтъ намѣренія чернить кого бы то ни было съ нравственной стороны: мы руководствуемся желаніемъ указать, по возможности, сущность дѣла. И въ самомъ дѣлѣ, что такое та сельская знать, съ которою волею-неволею приходится сельскому священнику знакомиться и дружиться, чтобы разсѣяться отъ скуки и не показаться отсталымъ человѣкомъ въ глазахъ свѣта? Это люди всевозможныхъ профессій съ разнообразнымъ образованіемъ и взглядомъ на все доступное ихъ пониманію—люди часто съ неразвитыми и превратными религіозно-нравственными убѣжденіями. Самый цвѣтъ этой знати обницальные помѣщики, уѣздные врачи и становые пристава. Большею же частію сельскимъ пастырямъ приходится вѣдаться съ новородившимся изъ крестьянъ купечествомъ и вообще торговымъ людомъ, съ конторскими писцами и волостнымъ начальствомъ. Такое перечисленіе видовъ сельской знати мы сочли необходимымъ сдѣлать потому, чтобы показать, изъ какихъ людей состоитъ сельская знать, въ которомъ остается мѣсто и для сельскаго пастыря. Уже самая пестрота этой интеллигенціи говоритъ не въ пользу благихъ надеждъ пастыря—образовать и облагородить свой умъ и сердце знакомствомъ съ нею. Но..., не всегда пастыри надъ этимъ задумываются: придерживаясь, вѣроятно, пословицы: „пока-то уловишь журавля въ небѣ, не лучше ли держать синицу въ рукахъ“, они входятъ въ близкія отношенія съ этими людьми, часто знакомятся семейно. Такія знакомства съ перваго взгляда скорѣе можно считать желательными, чѣмъ предосудительными и вредными. Вѣдь живые же, въ самомъ дѣлѣ, люди, отчего же и не сблизиться другъ съ другомъ? Не Богъ вѣсть какой человѣкъ сельскій священникъ съ своимъ семействомъ! Да, все какъ бы говоритъ въ пользу тѣснаго, семейнаго даже сближенія пастыря съ сельскою интеллигенціею; одно

только мѣшаетъ, что священникъ не просто человѣкъ какой нибудь свѣтской профессіи, а преимущественно проповѣдникъ и носитель идеаловъ высшихъ, несродныхъ сему міру. Безспорно, что пастырь долженъ быть все всѣмъ, да всѣхъ приведетъ ко спасенію; что семейные его должны быть первыми помощниками ему въ посильномъ воздѣйствіи на окружающую среду своею христіанскою жизнію (а безъ близкаго общенія съ этою средою трудно достижимо что либо полезное въ этомъ отношеніи). Но тутъ-то и предстоитъ неудоборазрѣшимая дилемма: остерегаться ли знакомства съ людьми, пропитанными мірскими интересами, чтобы самому не заразиться мірскимъ духомъ взамѣнъ тѣхъ добрыхъ душевныхъ задатковъ, которые дала наука, воспитаніе и что налагаетъ пастырское призваніе, или знакомиться, во что бы то ни стало, хотя бы и съ пожертвованіемъ съ своей стороны чѣмъ либо завѣтнымъ, чтобы облагородить и возвысить своихъ знакомыхъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи и не вести самому замкнутую жизнь? И дилемма эта, къ сожалѣнію, всегда почти разрѣшается на практикѣ въ худшую для пастыря сторону: знакомая интеллигенція по меньшей мѣрѣ остается безъ назиданія, пастыри съ своими семействами нисходятъ въ глубину мірскихъ интересовъ и мелочей дня. Все это наглядными образомъ подтверждаетъ для всѣхъ очевидные примѣры. Хорошіе знакомства всегда выражаются въ посѣщеніи знакомыхъ по домамъ, въ давапіи иногда вечеровъ съ неизбѣжнымъ угощеніемъ яствами и питіями. Такое гостепріимство и въ экономическомъ-то отношеніи вредно отзывается на скромномъ бюджетѣ сельскаго священника, особенно если нерѣдко бываетъ; въ нравственномъ же отношеніи оно положительный вредъ приноситъ и для него самого, и для знакомой интеллигенціи, и для остальной—сѣрой паствы. При этихъ знакомствахъ весь разговоръ между женскою половиною сводится къ современнымъ мо-

дамъ, разнымъ выкройкамъ, вышиваньямъ и вязаньямъ; а если, къ несчастію, интеллигентныя особы образованны и что нибудь читаютъ, то не останется безъ обсужденія и пошленькая какая нибудь статейка, а то и цѣлый романъ съ пожеланіемъ своей подругѣ прочесть ту или иную, большею частію безнравственнаго содержанія, книжку. А мужчины во главѣ съ батюшкою? Имъ безъ дѣла скучно сидѣть; и вотъ у нихъ затѣвается игра въ карты *для развлеченія,* какъ предваряетъ своихъ портнеровъ батюшка, опасающійся болѣе правильнымъ понятіемъ *игры на интересъ* скомпрометировать свой санъ въ глазахъ знакомыхъ прихожанъ... Все это дѣлается часто среди попойки, пустыхъ фразъ и ѣдкихъ остротъ; здравыхъ сужденій трудно здѣсь добиться. А тамъ, смотришь, дамы готовятся къ танцу... Но послѣдствія такого рода знакомствъ бываютъ горше самыхъ знако́мствъ. Самъ пастырь для своихъ знакомыхъ интеллигентныхъ становится уже просто другомъ-пріятелемъ, а не пастыремъ. Сначала онъ скорбитъ за свое увлеченіе и нравственное униженіе своего авторитета, а потомъ, по мѣрѣ частаго повторенія такихъ знакомствъ, онъ перестаетъ чувствовать свое заблужденіе и даже гордится тѣмъ, что не отстаетъ отъ свѣта, какъ другіе его собраты, знается *съ порядочными* людьми, да еще не безъ матеріальной отъ нихъ пользы. У матушки тоже образовался иной кругозоръ: у нея не выходятъ изъ головы модныя платья знакомокъ; она и дѣтей своихъ мечтаетъ убрать, какъ куколокъ, въ модные костюмчики; словомъ, относительный комфортъ въ домѣ священника становится неизбѣжнымъ, интересы дня поглощаютъ бо́льшую часть времени и вниманія и отодвигаютъ на задній планъ все дорогое въ пастырскомъ служеніи... А голосъ народа—жесто́кій приговоръ насомыхъ надъ пастыремъ? Нѣтъ сомнѣнія, что самый послѣдній прихожанинъ худо подумаетъ о своемъ духовномъ отцѣ: „ишь ты, батюшка-то нашъ, намъ

совѣтуетъ жить поскромнѣе—не пить, не гулять безразсудно, а самъ куда какъ разгуливаетъ съ гостями! Намъ совѣтуетъ не знакомиться съ людьми плохими, а самъ-то первый ведетъ съ ними дружбу—вѣдь кабатчики, писаря, управляющіе... все наши обидчики, притѣснители, а ему они ничего... по душѣ. Вотъ тутъ и найди правду: и думать нечего, чтобы батюшка сравнялъ насъ съ своими знакомыми и поддержалъ нашу руку!.. Да видно и не бѣденъ онъ, когда такъ широко гуляетъ! А все бѣдкуется, вымаливая у насъ новину и выбирая все до копѣйки за требы... жить, говоритъ, нечѣмъ... не правда!..“ А слѣдствія такихъ взглядовъ пасомыхъ на пастыря самые незавидные для послѣдняго!—Мы нарочно остановились, можетъ быть, болѣе, чѣмъ слѣдовало, на описаніи знакомствъ пастыря съ интеллигенціею, чтобы показать, на сколько они (знакомства) иногда могутъ вредить пастырю. Конечно, больше всего отъ самого пастыря зависитъ поддерживать знакомства съ интеллигенціей въ той или иной формѣ. Пастырь вѣдь не автоматъ, а духовный дѣлатель, обязанный насаждать и поливать въ сердцахъ своихъ пасомыхъ добрыя сѣмена вѣры и нравственности. Сельская интеллигенція вполнѣ доступна его вліянію, ибо въ средѣ ея онъ всегда можетъ занимать первую роль, и уже это одно даетъ ему право на примѣненіе своихъ природныхъ и пастырскихъ дарованій къ духовному просвѣщенію ея, къ пресѣченію порочныхъ страстей. И если эти страсти не только не испытываютъ на себѣ благотворнаго вліянія пастыря, а еще подогрѣваются имъ посредствомъ личныхъ соучастій, то сугубо виновенъ пастырь. Думаемъ, что не оматеріализовавшійся, не окунувшійся еще въ глубинѣ свѣтскихъ знакомствъ, пастырь всегда сохранитъ свое достоинство, не переставая въ то же время находиться въ наилучшихъ отношеніяхъ съ свѣтскимъ обществомъ. Да вѣдь, собственно говоря, и не требуется отъ пастыря строго-монашеской жизни: ему прежде всего нужно быть

только осмотрительнымъ въ выборѣ знакомыхъ и стараться держать себя въ почтительномъ отдаленіи отъ интеллигентовъ, явно вредныхъ по своимъ взглядамъ и образу жизни. А вѣдь не все-то такіе люди могутъ быть вокругъ пастыря. Есть (и не мало) во всякомъ случаѣ интеллигенты хорошіе. Ими-то пастырь и не долженъ брезговать, а быть по возможности въ лучшихъ, семейныхъ даже отношеніяхъ. А такіе люди, не потерявшіе стыда и страха Божія, никогда не посягнутъ на неприличныя развлеченія въ глазахъ пастыря; у нихъ не достанетъ нахальства на панибратство съ своимъ духовнымъ отцомъ, на составленіе съ нимъ шумной компаніи, если самъ пастырь не подастъ къ тому повода и будетъ держать себя съ сознаніемъ своего достоинства. Пусть на первыхъ порахъ сдержанное поведеніе пастыря вызоветъ у интеллигенціи неправильное сужденіе о немъ, какъ о человѣкѣ якобы гордомъ, неподатливомъ,— этого не стоитъ пугаться, потому что такой неправильный взглядъ со временемъ перемѣнится: интеллигенція чутьемъ будетъ угадывать, что пастырю иначе и вести себя не должно, чтобы не потеряться; добрый пастырскій примѣръ и ее заставитъ оглянуться на себя и упорядочить свое поведеніе хотя на глазахъ пастыря, на первыхъ порахъ. Вотъ съ этою-то интеллигенціею сельскому пастырю и можно знакомиться семейно, не рискуя ни себя унизить, ни семейство свое нравственно парализовать, ни ее саму оставить безъ нравственнаго вліянія. Задушевныя отношенія пастыря съ избранною интеллигенціею несомнѣнно послужатъ залогомъ къ смягченію грубыхъ нравовъ и остальной интеллигенціи, и она постарается стать на правильный путь по отношенію къ пастырю, хотя бы только для того, чтобы не стоять особнякомъ какъ отъ пастыря, такъ и отъ соравныхъ ей людей.

На жизненномъ пути сельскаго пастыря нерѣдко вредитъ ему его жена. Не видя вокругъ себя никакой нравственной

поддержки, священникъ естественно долженъ бы былъ найти такую въ своей подругѣ жизни и дѣйствовать съ нею, какъ бы сообща, на свою собственную и пользу прихода. И какъ счастливъ священникъ, обладающій неоцѣненнымъ сокровищемъ—доброю женою, понимающею жизнь, трудъ и призваніе своего мужа! Онъ съ удвоенною силою будетъ трудиться на нивѣ Божіей, и плоды трудовъ его всегда будутъ ощутительны. Но такіе счастливцы у насъ бываютъ не всѣ. Мы даже считаемъ счастливыми и тѣхъ священниковъ, жены которыхъ, не принимая активнаго участія въ ихъ трудахъ по приходу, своею скромною жизнію не вынуждаютъ ихъ забывать своего назначенія и уклоняться на скользкій путь шумной жизни. Тутъ, по крайней мѣрѣ, важное пастырское дѣло не встрѣчаетъ помѣхи и вреда. А вотъ непосильный крестъ для священника, когда его супруга, не проникаясь важностію служенія пастырскаго, думаетъ только о томъ, какъ бы сообразовать свою жизнь съ запросами вѣка, съ приличіемъ свѣта, а своимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла мужа приноситъ ему явный вредъ. И этотъ-то домашній врагъ священника много мѣшаетъ правильнымъ отношеніямъ его къ интеллигенціи. По милости женъ, иначе говоря, по семейнымъ обстоятельствамъ большая часть священниковъ стоятъ на ложномъ пути по отношенію къ интеллигенціи. Изъ многихъ примѣровъ укажу на одинъ, какъ болѣе рельефный. „Заводилась въ моемъ приходѣ, говоритъ сосѣдъ-священникъ, свадьба у интеллигента-мѣщанина, который, между прочимъ, пригласилъ на вечеръ сосѣдняго села священника съ женою—людей шапочно ему знакомыхъ. Приглашенные не замедлили прибыть, предварительно заѣхавши ко мнѣ. Подивился только я легкости батюшкиной ѣздить по свадебнымъ вечерамъ, но ничего не сказалъ ему. Подъ день брака опять то же явленіе: указанная духовная чета опять прибыла на вечеръ, да еще съ

надеждою меня туда вызвать, а то одному батюшкѣ, видите ли, совѣстно тамъ быть. Тутъ уже я не утерпѣлъ и высказалъ горькую правду на тему, что не слѣдъ нашему брату-священнику таскаться по такимъ вечерамъ, гдѣ для насъ ничего нѣтъ сроднаго, особенно таскаться подъ день средняго праздника, въ который нужно совершать великую вечерню въ домѣ Божіемъ. Но мои замѣчанія вызвали только *крупныя* возраженія, особенно со стороны матушки: „да вы въ монахи, что ль, записались? у меня дѣдушка протоіереемъ, да и то никогда не чуждается компаніи; онъ подъ праздники до 2-хъ часовъ ночи проводитъ иногда въ веселомъ обществѣ—и на другой день (выходитъ-то на этотъ день) отправляетъ службу церковную“... Ничего я не сказалъ на это достойной внучкѣ какого-то о. протоіерея и ограничился только тѣмъ, что не пошелъ на свадебный вечеръ и сталъ готовиться къ службѣ; заѣзжіе же мои гости пробыли тамъ до утра въ исключительно мѣщанскомъ обществѣ, услаждаясь музыкою съ танцами и карточнымъ столомъ“. Съ грустію и сожалѣніемъ приходится смотрѣть на проявленіе подобнаго рода знакомствъ, по милости матушекъ, пастырей съ интеллигенціею. Не слѣдъ бы пастырю въ подобныхъ случаяхъ становиться подъ руководство своей жены и уважать ея капризы и прихоти. Одна развѣ близорукость только не можетъ понять, что тутъ пастырь на добрую половину портитъ дѣло своего служенія. „Нельзя, говорятъ, кое-гдѣ и не уважить священнику своей жены: она у него вѣдь одна, и примѣнять къ ней супружескій деспотизмъ, почти что безбожно; а тутъ можетъ породиться семейное несогласіе, которое ни для кого такъ непріятно, какъ для священника“. Мотивы, положимъ, убѣдительные, но у священника должны быть болѣе высшіе побужденія къ огражденію своего пастырскаго сана, такъ что, такое уваженіе женѣ, какъ слѣдованіе съ нею подъ праздникъ на свадебный вечеръ, никогда не должно быть при-

носимо въ жертву даже высшаго земнаго счастія—семейнаго согласія. Пусть священникъ по общечеловѣческой слабости увлечется чѣмъ либо недозволеннымъ въ средѣ своихъ собратьевъ-священниковъ,—онъ меньшей вины заслуживаетъ, будетъ судить его одинъ Богъ за личную слабость, а іереи, понимающіе жизнь священника лучше кого другаго, покроютъ его слабости христіанскою снисходительностію; по крайней мѣрѣ онъ не будетъ тутъ служить соблазномъ и камнемъ преткновенія для мірянъ, ищущихъ духовнаго свѣта у своихъ пастырей. По въ средѣ мірянъ всякая оплошность священника въ сугубую ему вину ставится. Не нужно утѣшать себя мыслію, что то-то вотъ общество состоитъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ и тамъ мнѣ возможно вести себя безъ стѣсненія—это софизмъ. Въ средѣ знакомой интеллигенціи безпорядочно держащій себя священникъ становится уже обыкновеннымъ компаніономъ, и если на всѣ его нехорошіе поступки не обращаютъ будто бы вниманія, то только потому, что перестаютъ его считать пастыремъ. Развѣ ради этого только льстить себя надеждою: я тамъ свой человѣкъ, про меня ничего худаго не скажутъ, я никому не подамъ соблазна?!. Помилуй Богъ!.. Это чуть ли не послѣднее состояніе, до котораго только можетъ довести пастыря духовная слѣпота. Да и правда ли, что знакомые не выскажутъ о священникѣ сущей правды гдѣ либо на сторонѣ? „Славный батюшка N“, говорилъ однажды моему прихожанину-мужику одинъ интеллигентъ изъ купчиковъ: „онъ (батюшка) и водку какъ слѣдуетъ пьетъ и въ карты играетъ“. Вѣдь эта похвала хуже строгаго обвиненія. И чѣмъ не низменнѣй въ религіозно-нравственномъ отношеніи интеллигентная среда, тѣмъ у нея больше предъявляется требованій къ нравственному идеалу пастыря, тѣмъ меньше, стало быть, у пастыря должно быть основаній входить въ близкое общеніе съ этою средою. Повторяемъ, что пастырь самое лучшее сдѣлаетъ,

если не будетъ входить въ короткое знакомство съ этимъ людомъ. Нѣкоторые священники ставятъ себѣ правиломъ не участвовать—вѣрнѣе—не присутствовать въ веселыхъ компаніяхъ въ домахъ знакомой интеллигенціи и своихъ собственныхъ, предоставляя выполнять эту роль своимъ домашнимъ. Конечно, это хорошо выходитъ лично для пастыря и его спокойствія—и волки сыты и овцы цѣлы оказываются; но всего бы лучше самому священнику во главѣ семейства находиться въ этихъ собраніяхъ: своимъ присутствіемъ онъ умѣрялъ бы рѣзкости, всегда возможныя въ такихъ случаяхъ и, что самое главное, наблюдалъ бы за поведеніемъ своихъ семейныхъ. Давно уже признано, что увеселительные заведенія и знакомства, вмѣсто ожидаемой отъ нихъ воспитательной пользы въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи, приносятъ одно только нравственное растлѣніе въ средѣ молодаго поколѣнія. А отчего? Да оттого, что все это поставлено не въ надлежащемъ видѣ, что молодое поколѣніе воспитывается подъ сѣнію этихъ цивилизующихъ началъ безъ надзора родителей, безъ должнаго ихъ руководства. И пастырь, поставленный руководить духовныхъ дѣтей, тѣмъ болѣе не долженъ оставлять безъ вниманія своихъ, кровныхъ дѣтей. Если ужъ необходимо нужно сдѣлать что либо въ угоду своему семейству, хотя бы это что либо не подходило даже подъ взглядъ пастыря на свое служеніе, то пусть онъ дѣлаетъ на своихъ глазахъ, особенно когда у него нѣтъ жены, а если и есть, но ненадежна въ воспитательномъ отношеніи: отъ личнаго надзора больше будетъ пользы, чѣмъ вреда.

Нерѣдко случается пастырю испытывать крупныя непріятности отъ сельской интеллигенціи. Да это не диво и, кажется, въ порядкѣ вещей, особенно по отношенію къ вѣрнымъ своему долгу священникамъ: если бы они были отъ міра, то міръ любилъ бы ихъ, а такъ какъ они не отъ міра

сего, то и ненавидитъ ихъ міръ въ лицѣ своихъ представителей. Но, какъ бы то ни было, а козни міра слишкомъ чувствительны бываютъ для пастыря, а иногда и просто невыносимы. И за что же? Да больше за неподатливость священника: онъ, видите ли, не воздаетъ должнаго уваженія интеллигенціи, не лестно отзывается о ея жизни, а то и прямо обличаетъ ее за пороки, покровительствуетъ больше приниженнымъ и бѣднымъ своимъ прихожанамъ, отъ чего страдаютъ матеріальные интересы первой. Пусть бы священникъ притѣснялъ своихъ прихожанъ, неисправенъ былъ по службѣ, велъ жизнь нетрезвую и его за это преслѣдовали бы,— тогда не на кого бы и пенять. А то за любовь и правду— ненависть, гоненіе. Обидно! Хорошо бы было, если бы начальники такихъ гонимыхъ священниковъ брали подъ свое покровительство, а не оставляли ихъ дѣйствовать въ одиночку на полѣ брани, на свой рискъ, и если бы сами священники чистосердечно открывали имъ о всѣхъ важныхъ случаяхъ, тормозящихъ духовную ихъ дѣятельность, вредящихъ ихъ спокойствію. Во всякомъ случаѣ пастырь, считая себя правымъ, не долженъ входить въ сдѣлку съ своею совѣстію и дѣлать уступокъ не личнымъ врагамъ, а врагамъ его пастырскаго дѣла. Кромѣ словъ Спасителя: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*— онъ долженъ помнить мудрыя слова опыта: конецъ—всему дѣлу вѣнецъ; и этого-то конца терпѣливо нужно ожидать, не падая духомъ и не слагая своего оружія. Въ жизни человѣческой иногда бываютъ частыя и неожиданныя перемѣны обстоятельствъ: за счастливою и покойною жизнію вдругъ настаетъ иногда жизнь, полная разочарованій, и наоборотъ; а за правое дѣло рѣдко когда не заступается въ этой жизни всевидящій Промыслъ. Иначе, пастырь безповоротно погубитъ себя, если по малодушію или другимъ какимъ разсчетливымъ побужденіямъ *смирится* предъ интеллигенціею: у него тогда пойдетъ уступка за уступкой до тѣхъ поръ,

пока онъ не сдѣлается совершенно безгласнымъ и послушнымъ ея орудіемъ, на позоръ себѣ и смѣхъ своимъ прихожанамъ. Если гдѣ требуется отъ пастыря уступчивость, такъ это не въ интересахъ своего пастырскаго долга, а личныхъ, хозяйственныхъ: тутъ онъ больше всякаго долженъ имѣть великодушія и всепрощенія и по возможности долженъ остерегаться судебныхъ процессовъ, которые не могутъ красить пастыря—человѣка любви и мира. Большое достоинство въ человѣкѣ выдержанность, житейскій тактъ, а въ пастырѣ, какъ человѣкѣ, соприкасающемся по долгу своего служенія съ разными классами людей, они прямо необходимы. Пастырь, умѣющій вести себя съ мужикомъ такъ, съ купцомъ иначе, много выигрываетъ въ глазахъ свѣта, и въ отношеніяхъ его къ интеллигенціи меньше встрѣчается анормальностей.

Посмотришь на иного батюшку, нѣтъ у него ни особой учености и христіанскаго смиренія—этихъ вѣрныхъ признаковъ на доступность и уваженіе къ нему, ни гордости и напускнаго чванства (и этими вѣдь отрицательными качествами нѣкоторые думаютъ выиграть что либо въ свою пользу)...; такъ и видишь въ немъ зауряднаго человѣка и думаешь, да какое же онъ можетъ имѣть вліяніе на приходъ, особенно на среду интеллигентную? Вѣдь онъ по меньшей мѣрѣ долженъ быть безгласнымъ и уступчивымъ во всякомъ дѣлѣ. А между тѣмъ выходитъ наоборотъ. У этого батюшки крестьянинъ и мѣщанинъ—тотъ и другой почтительно подходятъ благословляться и ни словомъ, ни взглядомъ не выражаютъ неудовольствія на священника, что онъ не приглашаетъ ихъ сѣсть и не заходитъ въ разговорахъ дальше дѣла. При случаѣ онъ ихъ чайкомъ угоститъ и даже разскажетъ что либо веселое и интересное изъ книги или своей жизни. И все это выходитъ просто, мило, а главное—сохраняется тутъ достоинство съ одной и уважительность съ другой стороны. Подобнаго же рода отношенія бываютъ

и съ интеллигентными особами, смотря по ихъ рангу. А иной пастырь, посмотришь и кучу любезностей наговоритъ, и со всевозможнымъ угощеніемъ суетится, а все какъ-то онъ оказывается недорослемъ въ глазахъ гостя. Большая рѣдкость священники, обладающіе тактомъ, въ большинствѣ природнымъ и подражать имъ сколько нибудь необходимо для каждаго священника. Особенно поступающіе въ новый приходъ пастыри должны заранѣе начертать, такъ сказать, программу своихъ отношеній къ приходу, въ которомъ всегда есть какая либо интеллигенція. Пусть это на первый взглядъ покажется дѣланнымъ, ходульнымъ, но со временемъ у пастыря образуется въ своемъ родѣ житейскій тактъ, который сослужитъ ему не малую службу. Каждый долженъ догадаться, что мы рекомендуемъ эту мѣру не для того, чтобы пастырь образовалъ изъ себя эгоиста, а для того, чтобы удобнѣе могъ выдержать свою роль по отношенію къ мѣстной интеллигенціи. Гораздо хуже для пастыря, если онъ, хорошо уже обжившись въ приходѣ, проявивши уже свою безтактность, вздумаетъ выправлять себя—мѣнять свои отношенія къ приходу: тогда онъ несомнѣнно наживетъ себѣ враговъ и уже никакая искусственная мѣра не поможетъ ему стать на почву правильныхъ отношеній къ приходу.

Много способствуетъ безобразнымъ отношеніямъ между пастыремъ и вліятельными прихожанами бѣдность первыхъ и особенно порочная ихъ страсть къ винопитію. О слѣдствіяхъ второй причины не стоитъ и говорить, особенно если съ нею сроднился пастырь: тутъ никакіе совѣты и благожеланія не помогутъ; но что касается бѣдности пастыря, то можно сказать, что она не всегда безусловно можетъ порождать дурныя слѣдствія, въ родѣ приниженія пастыря, низкопоклонства и равнодушнаго отношенія къ предосудительной жизни интеллигенціи. Не могу не привести примѣра, который покажетъ, на сколько пастырь иногда непохвально по-

ступаетъ по отношенію къ интеллигенціи ради корыстныхъ видовъ. Бывши учителемъ, посѣщалъ я иногда домъ сельскаго батюшки. Однажды (въ день именинъ—филипповскимъ постомъ) я приглашенъ былъ имъ вмѣстѣ съ волостнымъ старшиною и другимъ богатымъ крестьяниномъ на обѣдъ именинный, который оказался скоромнымъ, за неимѣніемъ будто бы хорошей рыбы у мѣстныхъ торговцевъ. Всѣ согрѣшили нарушеніемъ св. поста, не исключая и радушнаго хозяина. И для чего бы, спрашивается, хлопотать объ обѣдѣ и вводить себя и другихъ въ грѣхъ, когда не было подъ руками потребныхъ для обѣда продуктовъ? Оказывается, что былъ разсчетъ для этого: послѣ обѣда батюшка проситъ у своихъ гостей-прихожанъ по два пуда мягкой муки, въ чемъ имъ и не было, конечно, отказано. Когда эти прихожане бывали въ церкви, то имъ отдавалась батюшкою особая честь: давалась имъ просфора—благословенный хлѣбъ, и вмѣсто обычнаго благословенія съ цѣлованіемъ руки, творилось рукопожатіе предъ лицемъ остальныхъ прихожанъ. Такіе казусы невольно какъ-то коробятъ сердце посторонняго человѣка-зрителя. И пусть бы ужъ священникъ бѣденъ былъ слишкомъ, чтобы спуститься въ такую низь въ глазахъ приходской интеллигенціи, но у него своего хлѣба съ остаткомъ бы было, если бы онъ, по небрежности хозяевъ, не былъ поѣдаемъ свиньями и другою четвероногою живностію... Но какъ бы тамъ ни былъ бѣденъ пастырь, ему ни въ какомъ случаѣ не должно такъ низко спускаться ради какихъ нибудь прибытковъ. Можно отдать преимущество людямъ благодѣющимъ намъ—это не грѣхъ, а обязанность каждаго человѣка; но нужно же вѣдь и знать, какъ, когда и гдѣ отдать. Всего лучше оказывать уваженіе и благорасположеніе людямъ, намъ знакомымъ и такъ или иначе полезнымъ, въ собственномъ домѣ, между четырехъ стѣнъ: здѣсь по дружески можно побесѣдовать и предложить угощеніе, но безъ нару-

шенія, однако, приличій, а тѣмъ болѣе уставовъ св. Церкви. Намъ самимъ однажды пришлось испытать неловкость, щекотливую для пастырскаго сана: въ одномъ интеллигентномъ обществѣ богатый крестьянинъ, мой заимодавецъ, при свиданіи, подаетъ мнѣ просто руку (чего прежде никогда не было). Случай мелочный, а между тѣмъ онъ возмутительно подѣйствовалъ на меня. Къ счастію моему, крестьянинъ былъ пьянъ, и я, пользуясь этою причиною, напомнилъ ему о забывчивости, а послѣ, при свиданіи, о его неприличіи равняться съ своимъ духовнымъ отцомъ, особенно при постороннихъ людяхъ.—Кстати нужно замѣтить, что сельскіе священники особенно щедры бываютъ на рукопожатія съ интеллигенціею, которая иногда и по внѣшности-то отличается отъ простыхъ мужичковъ только синимъ кафтаномъ. Въ городахъ иначе это ведется: тамъ коренные прихожане изъ купцовъ и мѣщанъ (кромѣ разночинцевъ) постѣсняются протянуть руку своему священнику, въ противномъ случаѣ священникъ усмотрѣлъ бы оскорбленіе своего сана и по меньшей мѣрѣ недостатокъ вѣжливости у своихъ прихожанъ. Впрочемъ, это объясняется тѣмъ, что указанные городскіе прихожане въ массѣ то же, что въ селѣ крестьяне. Въ селѣ же единичная интеллигенція рельефнѣе какъ-то выдѣляется изъ остальной массы прихода и, какъ на безлюдьѣ Ѳома дворянинъ—по неволѣ пользуется со стороны пастыря большимъ преимуществомъ. Хоть, повидимому и мелочи это, но онѣ все-таки говорятъ не въ пользу сельскаго пастыря, который долженъ знать, что санъ его не зависитъ отъ условій мѣстности.

Въ концѣ своей статьи считаемъ не лишнимъ замѣтить что мы не непреложныя истины высказали, возможны, какъ и во всякомъ правилѣ и исключенія; но мы убѣждены, что пастырь, не поддающійся искушеніямъ въ области близкихъ отношеній съ сельскою интеллигенціею, не проявляю-

щій своихъ слабостей,—разъ что остается пастыремъ, а съ другой стороны составитъ знакомство на твердой и благородной почвѣ.

Сельскій іерей О—ской епархіи.

Пастырская совѣсть предъ зеркаломъ Слова Божія[1]).

„И се законникъ нѣкій воста, искушая Его и глаголя: Учителю, что сотворивъ, живота вѣчный наслѣдую? Онъ же рече къ нему: въ законѣ что писано есть? како чтеши? Онъ же, отвѣщавъ, рече: возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ, и ближняго своего, яко самъ себе. Рече же ему: право отвѣщалъ еси: сіе сотвори и живъ будеши. Онъ же хотя оправдитися самъ, рече ко Іисусу: и кто есть ближній мой?“ (Лук. 10, 25—29).

I.

Видишь ли, съ какимъ лукавствомъ обращается законникъ къ Господу, искушая Его и желая уловить Его въ словѣ? Онъ прекрасный знатокъ закона, поэтому считаетъ себя достаточно способнымъ представить уловку Господу съ цѣлію вызвать Господа на какое либо слово, противное закону. Съ лукавствомъ подходитъ онъ къ Господу и называетъ Его учителемъ. Показываетъ видъ, что немного знаетъ онъ въ законѣ, а потому и вопрошаетъ. О, какое лукавство! Такъ думаетъ объ этомъ законникѣ и св. Кириллъ. „Законникъ, говоритъ онъ, желая уловить Христа, не скажетъ ли Онъ

---

[1]) См. № 30-й.

что противное Моисею, подходитъ къ Нему Самому, искушая Его и учителемъ Его называетъ, хотя самъ не терпѣлъ быть учимымъ; а поелику Господь имѣлъ обыкновеніе говорить съ приходившими къ Нему о жизни вѣчной, то и законникъ пользуется тѣми же словами".

Такъ мы видимъ здѣсь лукаваго законника. Онъ несомнѣнно сталъ лукавымъ потому только, что заучилъ законъ. Разумъ, по Апостолу, кичитъ. Любви же созидающей въ немъ очевидно не было. О! если бъ совмѣстно съ знаніемъ закона имѣлъ онъ и любовь; если бы знаніе и любовь шли у него рука объ руку; если бы знаніе, которымъ одаренъ былъ умъ его, смиряло послѣдній, а не превозносило бы его: тогда вѣрно съ радостію подступалъ бы онъ къ Господу, чистосердечно вопрошалъ бы Его о должномъ и старался бы поучиться у премудрости вѣчной—Христа и вѣрно не употреблялъ бы знанія своего на уловленіе Господа въ словѣ, на искушеніе Его. Но таковы обыкновенно плоды знанія, такъ сказать, неразумнаго; они надмеваютъ человѣка, дѣлаютъ его честолюбцемъ, хвастливымъ, побуждаютъ человѣка вызывать на сцену неискусныхъ въ словѣ, или какъ бы неискусныхъ въ знаніи, или не кичащихся своимъ знаніемъ, подымать на смѣхъ и издѣваться надъ ихъ кажущимся незнаніемъ,—словомъ побуждаютъ человѣка выказывать вездѣ свое превосходство предъ ними.

Между тѣмъ благость Божія совсѣмъ не для того одаряетъ насъ даромъ знанія или вѣдѣнія. По мнѣнію св. Амвросія, особенно пастырю должно быть свойственно желать не униженія, а превосходства другихъ предъ собою.

А ты, пастырь Церкви, поразмыслилъ ли когда, на что дано тебѣ знаніе, и спросилъ ли себя когда, на что употреблялъ его? Знай же на будущее время, что это знаніе твое есть даръ Божій, смиренно сознавай это и употребляй его на дѣло спасенія своего и ближнихъ своихъ.

II.

Злостный законникъ обличаетъ въ себѣ человѣка гордаго. Сначала онъ показываетъ видъ, что ничего не знаетъ, потому и спрашиваетъ Господа; когда же вопросилъ Господь: въ законѣ что писано есть? что чтеши?--тогда возстала гордость его и не дозволила ему удерживать на себѣ маску незнанія. Такъ знаніе надмеваетъ умъ человѣка, если послѣдній не какъ должно направленъ, если онъ не водится ничѣмъ святымъ. Это и есть, что говоритъ Апостолъ: разумъ кичитъ (1 Кор. 8, 1).

Да. Велико несчастіе быть человѣкомъ ученымъ и не быть при этомъ человѣкомъ смиреннымъ. Тогда бываетъ, какъ говоритъ Апостолъ, то, что осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголющеся быти мудри, объюродѣша (Рим. 1, 21). Такіе люди легко становятся недовольными своимъ положеніемъ настоящимъ. Они желали бы стать выше, занять именно то положеніе, которое, по ихъ мнѣнію, болѣе соотвѣтствовало бы ихъ многознанію; не достигая желаемаго, они становятся угрюмыми, теряютъ прежнюю веселость, становятся непокорными (по крайней мѣрѣ въ душѣ) начальству, готовы вступать въ объясненія при всѣхъ возможныхъ случаяхъ. И хорошо, если на этомъ они и останавливаются...

Подумай же, пастырь, если еще не подумалъ, возможно ли совмѣститься такому недовольству духа съ смиреннымъ духомъ. Ахъ, нѣтъ. И нельзя быть такому человѣку пастыремъ добрымъ. Перейдемъ далѣе.

III.

Законникъ не довольствуется полученнымъ отъ Господа отвѣтомъ; ему хочется далѣе втянуть Его въ разговоръ. Такъ и представляешь себѣ этого законника важно выступающаго

и надмевающагося отъ гордости. Съ важностію и гордо подступаетъ онъ къ Господу и также важно спрашиваетъ Его: и кто есть ближній мой? Ему хочется показать видъ, что заповѣдь о любви къ ближнему онъ давно уже исполнилъ въ нѣкоторой степени, а потому и въ наученіи со стороны Господа вовсе не нуждается, онъ самъ знаетъ все. Такъ обнаруживаетъ онъ въ себѣ совершенное отсутствіе любви.

Человѣкъ, умъ котораго обогащенъ всевозможнымъ знаніемъ, но который не имѣетъ любви, легко надмевается, горячо отстаиваетъ свое мнѣніе, хотя бы и совершенно уже доказана была неосновательность послѣдняго. Честолюбецъ стыдится сознаваться въ своемъ заблужденіи; а между тѣмъ одно заблужденіе вызываетъ другія, отсюда ереси и всякія нестроенія церковныя и грѣхъ противъ Духа Святаго.

Ахъ, къ какимъ ужасно пагубнымъ послѣдствіямъ ведетъ злоупотребленіе даромъ Божіимъ—знаніемъ! Между тѣмъ въ смиреніи собирай себѣ сокровище полезнаго знанія. Если допустишь ошибки, не стыдись дозволить другимъ исправлять тебя. Ты докажешь, что уважаешь себя, если не будешь стыдиться давать исправлять себя. А если стыдишься, то не правъ стыдъ твой—онъ ложный стыдъ.

Благости и наказанію и разуму научи мя, яко заповѣдемъ Твоимъ вѣровахъ (Пс. 118, 66).

Порядокъ, какой долженъ быть соблюдаемъ прислуживающими въ церкви при богослуженіи [1]).

Особенныя обязанности прислуживающихъ въ церкви при богослуженіи, вытекающія изъ обрядовыхъ отличій нѣкоторыхъ праздниковъ.

1) На *канунѣ Рождества Христова* и *Богоявленія*, когда совершаются *царскіе часы*,—до прихода священника въ церковь нужно поставить посреди церкви *аналой* для чтенія Евангелія,—а на канунѣ Богоявленія къ этому еще и *сосудъ съ водою* для освященія, въ особенности если часы соединяются сейчасъ съ вечернею и литургіею. Гдѣ часы совершаются отдѣльно, то воду можно заготовить и по окончаніи ихъ предъ литургіей. Также точно слѣдуетъ поступать и тогда, когда канунъ Богоявленія случится въ субботу или воскресенье, и водоосвященіе соединяется, по уставу, съ вечерней, совершаемой послѣ литургіи. По прибытіи священника *на часы* въ церковь—сейчасъ подать ему епитрахиль для начала, и тутъ же возжигать свѣчи на престолѣ и въ другихъ мѣстахъ храма, приготовить кадило, и свѣчу или свѣтильникъ въ подсвѣчникѣ или два таковыхъ, а также и свѣчи для священника и діакона, если послѣдній имѣетъ участвовать въ служеніи часовъ со священникомъ. Когда, по облаченіи священника въ ризы и діакона въ его священныя одежды, отворены будутъ священникомъ или діакономъ царскія врата, и священникъ станетъ выносить св. Евангеліе на аналой, то предъ нимъ должны выходить и свѣтоносцы со свѣтильниками, держа также въ рукахъ кадило и свѣчи для врученія священнослужителямъ по положеніи Евангелія на мѣсто. По каженіи священникомъ Евангелія и храма—

---

[1]) См. № 16-й.

взять кадило и затѣмъ, не высыпая, поддерживать оное для подачи на кажденіе на третьемъ и шестомъ часѣ,—въ началѣ каждаго изъ нихъ,—при чемъ, если діаконъ служитъ со священникомъ, то на третьемъ и шестомъ часѣ кажденіе совершаетъ онъ только одинъ, и то предъ Евангеліемъ и мѣстными иконами. Въ началѣ девятаго часа подается снова кадило для великаго кажденія, и по окончаніи онаго окончательно берется и очищается отъ огня до начала вечерни. По прочтеніи четвертаго Евангелія на девятомъ часѣ священникъ относитъ Евангеліе въ алтарь на свое мѣсто. Къ этому времени и свѣщеносцы должны быть у своихъ подсвѣчниковъ, чтобы взять ихъ и отнести въ алтарь предъ священникомъ, по обычаю. Въ такомъ же порядкѣ между прочимъ прислуживающіе въ церкви должны поступать и при совершеніи царскихъ часовъ въ Великую пятницу, а также и на часахъ въ понедѣльникъ, вторникъ и среду Страстной седмицы, когда тоже на нихъ читается Евангеліе, о чемъ подробнѣе будетъ замѣчено ниже.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ **Борисъ.**

Отъ Кіевск. Комит. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 4 августа 1888 г.
Цензоръ прот. *Михаилъ Богдановъ.*

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.

ГОДЪ XXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію ка мѣстѣ ЛЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей серебромъ.

№ 35.

Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1888 года, Августа 28-го.

Содержаніе: Бесѣда, сказанная Высокопреосвященнымъ Платономъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, въ день празднованія 900-лѣтняго юбилея крещенія Россіи, 15-го іюля 1888 года,—о томъ, что вѣра, исповѣдываемая Православною Русскою Церковію, есть истинная, благодатная и спасительная Христова вѣра.—Пастырское посланіе члена Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Высокопреосвященнаго Платона, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, къ глаголемымъ „старообрядцамъ".—Рѣчи г. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, произнесенныя 15-го іюля въ Кіевѣ.

Бесѣда, сказанная Высокопреосвященнымъ Платономъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, въ день празднованія 900-лѣтняго юбилея крещенія Россіи, 15-го іюля 1888 года,—о томъ, что вѣра, исповѣдываемая Православною Русскою Церковію, есть истинная, благодатная и спасительная Христова вѣра.

Возлюбленные братія, православные Россіяне!

Нынѣ мы празднуемъ величайшее событіе въ нашемъ отечествѣ—крещеніе русскаго народа въ христіанскую вѣру, совершившееся за девятьсотъ лѣтъ предъ симъ при великомъ русскомъ князѣ Владимірѣ. Это событіе поистинѣ достойно празднованія, потому что принятіе русскимъ народомъ право-

славной христіанской вѣры оказало Россіи и всѣмъ намъ, соотчичи, величайшее благодѣяніе. Со времени его Россія изъ варваро-языческой страны сдѣлалась свято-христіанскою; предки наши, покланявшіеся ложнымъ богамъ—бездушнымъ истуканамъ, очистившись въ купели св. крещенія отъ идольскихъ сквернъ, *избавились отъ темной власти* сатаны *и вступили въ благодатное царство Сына Божія для служенія Богу живому и истинному* (Кол. 1, 13. Евр. 9, 14): а мы, потомки ихъ, имѣемъ нынѣ счастіе быть во Христѣ *избраннымъ родомъ Божіимъ, чадами свѣта, наслѣдниками царства небеснаго* (1 Пет. 2, 9. Еф. 5, 8. Іак. 2, 5). Вотъ какое событіе мы празднуемъ нынѣ!

Дабы всѣ мы, братія, лучше сознавали, какое великое благо даровалъ намъ Богъ въ исповѣдуемой нами вѣрѣ Христовой, а поэтому усерднѣе благодарили Его за сей даръ и тверже хранили вѣру нашу, для этого я считаю приличнымъ и полезнымъ нынѣ объяснить, хотя вкратцѣ, что *исповѣдуемая нашею Церковію вѣра, есть самая истинная, благодатная и спасительная Христова вѣра.*—Прошу обратить вниманіе на слова мои и принять ихъ не слухомъ только, но и сердцемъ.

Исповѣдуемая нами вѣра есть самая *истинная Христова вѣра.* Это видно изъ того, что всѣ догматы ея основаны на божественномъ ученіи Самого Христа; ее проповѣдывали ближайшіе ученики Христовы—апостолы; ее утвердили на соборахъ и въ писаніяхъ своихъ святые отцы и учители древней Христовой Церкви; ее исповѣдывали пострадавшіе за нее мученики и сонмъ другихъ праведниковъ, обитающихъ нынѣ на небѣ. Въ нашемъ отечествѣ ее насадили и возрастили, при помощи Божіей, православные греческіе пастыри, изъ коихъ многіе отличались великимъ благочестіемъ и святостію жизни; главнымъ изъ нихъ былъ *св. Михаилъ,* первый митрополитъ Кіевскій, нетлѣнно почиваю-

щій въ здѣшней лаврѣ. Такіе вѣрные служители Божіи, очевидно, не могли учить нашихъ предковъ неправой вѣрѣ и, конечно, никому не дозволяли вносить въ ихъ чистое ученіе какія нибудь суемудрія,—*они право правили слово истины* (2 Тим. 2, 15).

„Пусть такъ, скажутъ иные: но въ теченіе минувшихъ девяти вѣковъ были въ Россіи другіе церковные правители, менѣе ревностные и благочестивые, которые по нерадѣнію могли допустить въ ней порчу православной вѣры; были въ ней разные еретики и раціоналисты, посѣвавшіе въ ней плевелы своего ученія, и нынѣ есть раскольники, штундисты и другіе сектанты, распространяющіе въ русскомъ народѣ свои суемудрія. Поэтому спрашивается: не повредили ли они въ чемъ нибудь православной вѣры въ Россіи? Такова ли она теперь, какою преподана была первоучителями ея—Іисусомъ Христомъ и апостолами Его и принята Россіею при св. князѣ Владимірѣ?“—Совершенно такова: Господь разорилъ совѣты умышлявшихъ растлить ее, и она доселѣ остается въ нашей Церкви такою же святою, чистою и неповрежденною, какою была всегда со времени принятія ея нашимъ отечествомъ. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть сравнитъ догматы ея съ ученіемъ Іисуса Христа и апостоловъ Его, содержащемся въ Св. Писаніи и апостольскихъ преданіяхъ (2 Сол. 2, 15); пусть послушаетъ, чему учатъ въ нашихъ церквахъ и учебныхъ заведеніяхъ относительно вѣры; пусть посмотритъ, по какимъ книгамъ совершаемъ мы свои богослуженія; пусть обратитъ вниманіе и на то, какихъ святыхъ людей мы чтимъ, какія священныя событія празднуемъ и почему прославляемъ нынѣ св. князя Владиміра. Пусть онъ сдѣлаетъ все это безпристрастно, тогда увидитъ, что всѣ догматы нашей вѣры совершенно согласны съ Христовымъ и апостольскимъ ученіемъ, что въ нашихъ церквахъ и учебныхъ заведеніяхъ настоятельно внушается въ точности и непзмѣнно соблюдать

все, что Іисусъ Христосъ заповѣдалъ ученикамъ Своимъ (Матѳ. 28, 19); что мы совершаемъ богослуженія по такимъ книгамъ, которыя составлены въ древности богомудрыми мужами и переведены на церковный языкъ нашъ просвѣтителями славянъ—св. Кирилломъ и Меѳодіемъ; что мы глубоко чтимъ не только новоявленныхъ, но и древнихъ святыхъ, наипаче же тѣхъ, которые отличались особенною ревностію о православной вѣрѣ и подвизались за нее *подвигомъ добрымъ* (2 Тим. 4, 7); что мы радостно празднуемъ тѣ дни, въ которые совершились благопріятныя для православія событія, и поэтому славимъ и благодаримъ нынѣ равноапостольнаго князя Владиміра за то, что онъ истребилъ въ нашемъ отечествѣ идолопоклонство и ввелъ православную Христову вѣру. А все это что показываетъ? Очевидно, доказываетъ то, что мы исповѣдуемъ древнюю православную вѣру и свято хранимъ ее такою, какою она принята была при князѣ Владимірѣ. Въ противномъ случаѣ, если бы мы въ чемъ нибудь измѣнили ея догматы, или прибавили къ нимъ какое либо несогласное съ ними новое ученіе: то мы, конечно, не праздновали бы введенія ея въ Россіи при семъ князѣ, какъ не празднуютъ его нынѣ наши раскольники, штундисты и другіе сектанты, отступившіе отъ православія въ извѣстныхъ пунктахъ ихъ суемудрій.

Будучи истинною вѣрою Христовою, исповѣдываемая нами вѣра *благодатна* и *душеспасительна*. Она *благодатна* не только потому, что по вѣрѣ нашей въ священныхъ таинствахъ нашей св. Церкви подается намъ *благодать*, или сила Божія, необходимая въ духовной и тѣлесной нашей жизни по естественной нашей немощи (Дѣян. 2, 38. 2 Кор. 12, 7), но и потому, что милосердый Богъ по усерднымъ молитвамъ нашимъ, возносимымъ къ Нему съ искреннею вѣрою, подаетъ намъ все потребное въ нашихъ нуждахъ (Матѳ. 21, 22. Марк. 9, 23). Это, я думаю, испыталъ на

себѣ каждый истинно-православный христіанинъ; это показываютъ разныя благодѣянія, оказанныя Богомъ Россіи въ трудныхъ ея обстоятельствахъ по молитвамъ нашей Церкви и вѣрныхъ чадъ ея; это подтверждаютъ и *чудеса,* многократно бывшія и доселѣ совершающіяся въ нашемъ отечествѣ надъ больными по молитвамъ вѣрующихъ. Я могу смѣло говорить это, потому что самъ не разъ былъ свидѣтелемъ дивныхъ исцѣленій.—А что вѣра наша *душеспасительна,* въ этомъ никто не долженъ сомнѣваться, потому что не только догматы ея, но и все къ пей относящееся—священные обряды, молитвословія и пѣснопѣнія,—все напоминаетъ о спасеніи душъ нашихъ, располагаетъ къ нему и содѣйствуетъ ему. Поэтому въ нашей Церкви, хотя есть, къ сожалѣнію, грѣшники, не пекущіеся о своемъ спасеніи, но много и такихъ праведниковъ, которые достигли въ ней спасенія. Посмотрите, сколько ихъ въ одномъ нашемъ городѣ: въ семъ храмѣ нетлѣнно почиваетъ священномученикъ *Макарій;* въ Михайловской обители покоится великомученица *Варвара,* а въ нашей Лаврѣ цѣлый сонмъ преподобныхъ угодниковъ Божіихъ. Сколько же ихъ во всей Россіи? И въ недавнее время явились въ ней два новые Богомъ прославленные святые—*Митрофанъ* и *Тихонъ,* епископы Воронежскіе; а другіе праведники, мѣстно чтимые, но еще не открытые для всенароднаго почитанія, проявляютъ святость свою чудотвореніями, совершающимися при ихъ мощахъ силою Божіею: ибо *единъ Богъ творитъ чудеса* (Пс. 71, 18).

Сообразивъ все сказанное мною, я думаю, всякій согласится, что исповѣдуемая нами вѣра дѣйствительно есть *истинная Христова вѣра,* притомъ *благодатная* и *душеспасительная.* Что же мы, братія, должны дѣлать, вспоминая нынѣ пріятіе ея нашимъ отечествомъ при св. князѣ Владимірѣ?—Очевидно, должны вседушно благодарить Господа, что Онъ сподобилъ насъ исповѣдывать такую вѣру, и свято

хранить ее, какъ великій даръ Божій и священное наслѣдіе нашихъ предковъ, безъ всякаго измѣненія ея и уклоненія отъ нея, притомъ жить такъ, какъ она требуетъ: ибо *не всякій именующій Мене Господомъ,* говоритъ Спаситель, *внидетъ въ царствіе небесное, а только исполняющій волю Отца Моего* (Матѳ. 7, 21), т. е. благочестный и добродѣтельный христіанинъ.

Соотчичи, св. равноапостольный князь Владиміръ при крещеніи предковъ нашихъ въ Кіевѣ молилъ Господа призрѣть на сихъ новопросвѣщенныхъ людей и „утвердить вѣру ихъ праву и несовратну“. Эта молитва его исполнена Богомъ,—вѣра Христова утвердилась не только въ Кіевѣ, но и во всей Россіи, и доселѣ остается въ Церкви нашей „правою и несовратною“,—вполнѣ православною и неизмѣнною. Изъ сего видно, что не только св. Владиміръ желалъ, но и Самому Господу угодно, чтобы наше отечество всегда было православнымъ; поэтому и мы, братія, будемъ пещись о сохраненіи и укрѣпленіи въ немъ православной вѣры. Вы, родители, *воспитывайте чадъ вашихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ* (Еф. 6, 4), съ юныхъ лѣтъ ихъ внушайте имъ любовь къ св. вѣрѣ и благочестіе.—Вы, пастыри Христовой Церкви, усердно поучайте пасомыхъ вами догматамъ нашей вѣры и христіанскимъ добродѣтелямъ, неусыпно пекитесь о спасеніи душъ ихъ (2 Тим. 4, 2).—Вы, наставники учебныхъ заведеній, *во всемъ показывайте въ себѣ* ученикамъ вашимъ *образецъ добрыхъ дѣлъ: въ учительствѣ чистоту, степенность, неповрежденность, и никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ* (Тит. 2, 7. Еф. 4, 29).—Вы, начальствующіе, бдительно назирайте за подчиненными вашими не только въ служебномъ, но и въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и, подавая имъ въ себѣ примѣръ христіанской жизни, удерживайте ихъ отъ нечестія и поро-

ковъ, и побуждайте жить *во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2); ибо каждый *начальникъ есть Божій слуга* (Рим. 13, 4), а поэтому долженъ содѣйствовать тому, что полезно для Церкви Божіей, и устранять то, что вредно для нея. Короче, всѣ мы, братія, какъ члены одного тѣла Христова—Церкви Его, должны по мѣрѣ нашихъ силъ, дарованій и служеній, споспѣшествовать развитію и укрѣпленію въ ней св. вѣры и благочестія, *возращая все въ Того, Который есть глава ея—Христосъ* (Рим. 12, 4—8. Еф. 4, 11—15).

А ты, Христе Боже, Спасителю нашъ, храни насъ подъ Твоимъ покровомъ въ мирѣ и единомысліи и помогай намъ свято и неуклонно блюсти св. вѣру Твою, ради нашего спасенія. Обчтая на землѣ во плоти нашей, Ты желалъ и молилъ Отца небеснаго, да всѣ вѣрующіе въ Тебя *будутъ едино* и составятъ *одно стадо Твое* (Іоан. 10, 16. 17, 21): прекрати же, Всемогущій, существующія между ними распри и разновѣрія, для нихъ постыдныя, а для Церкви Твоей вредныя; и содѣлай Твоимъ промысломъ, чтобы всѣ они пришли въ желаемое Тобою *единство вѣры* (Еф. 4, 11—13), и купно съ нами, едиными устами и единымъ сердцемъ, славили и воспѣвали пречестное и великолѣпое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, какъ молитъ наша Церковь. Аминь.

Пастырское посланіе Члена Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Высокопреосвященнаго Платона, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, къ глаголемымъ »старообрядцамъ«.

Возлюбленные соотчичи и братія о Христѣ!

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа (Рим. 1, 7).

Недавно, 15-го іюля, мы—православные, живущіе въ Кіевѣ, а съ нами и всѣ русскіе одновѣрцы наши, свѣтло праздновали память святаго равноапостольнаго князя Владиміра и торжественно воспоминали совершенное имъ, по изволенію Божію, благотворнѣйшее для нашего отечества событіе—крещеніе Россіи въ православную Христову вѣру. Это событіе поистинѣ достойно всеобщаго празднованія въ Россіи, потому что со времени его наше отечество изъ варвароязыческой страны сдѣлалось свято-христіанскою, получило то просвѣщеніе и гражданское устройство, которымъ мы нынѣ пользуемся, и постепенно стало величайшимъ въ мірѣ государствомъ; а мы,—правовѣрные россіяне, стяжали во Христѣ право быть *наслѣдниками царства небеснаго* (Еф. 1, 11). Поэтому не только всѣ православные въ Россіи участвовали въ празднованіи сего великаго событія, но ему сочувствовали и многіе иностранцы, даже иновѣрные, въ особенности же сопленные намъ славяне, изъ коихъ многіе пріѣзжали въ Кіевъ, чтобы лично принять въ немъ участіе.

Къ сожалѣнію, никто изъ васъ, глаголемые „старообрядцы“, не принималъ участія въ торжествѣ нашемъ по случаю помянутаго событія, и я не слыхалъ, чтобы вы гдѣ нибудь праздновали это событіе. Что это значитъ? Если вы дѣйствительно „старообрядцы и старовѣры“, какъ любите называть себя, то вамъ надлежало праздновать съ нами введеніе въ Россіи той вѣры Христовой, которая принята была

предками нашими при св. князѣ Владимірѣ; ибо эта вѣра есть древнѣйшая изъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ Россіи, при томъ, самая *истинная благодатная* и *душеспасительная* Христова вѣра, какъ это я посильно доказалъ въ моей бесѣдѣ, произнесенной 15-го іюля (если угодно, я пришлю ее вамъ въ копіи). Почему же вы не праздновали съ нами введенія такой вѣры въ нашемъ отечествѣ? Не потому ли, что не хотите имѣть общенія съ нашею Церковію по непріязни къ намъ,—православнымъ?—Если такъ, то я скажу вамъ, что вы очень не хорошо дѣлаете, что питаете непріязнь къ намъ—православнымъ, ибо Господь заповѣдалъ ученикамъ своимъ *любить всѣхъ людей*, даже *и враговъ* (Матѳ. 5, 43—48), а мы не враги ваши, но соотчичи и братія во Христѣ;—скажу и то, что вы напрасно удаляетесь отъ общенія въ вѣрѣ съ нашею св. Церковію,—къ этому вы не имѣете никакой основательной причины. Если вы не видите сего, то я объясню вамъ это вкратцѣ.

Не по крови только вы братія наши,—у насъ съ вами одна и та же вѣра, возросшая и процвѣтшая изъ одного и того же „корня правовѣрія“, насажденнаго въ русской землѣ св. княземъ Владиміромъ; *призваны мы во едино упованіе званія нашего, единъ у насъ Господь, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ* (Еф. 4, 3. 6). Вы вмѣстѣ съ нами принимаете и храните все постановленное древними святыми отцами и соборами. Мы одинаково вѣруемъ во единаго Бога Отца, Сына и Святаго Духа; одинаково исповѣдуемъ, что Сынъ Божій ради насъ воплотился отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, претерпѣлъ распятіе и смерть, воскресъ изъ мертвыхъ, вознесся на небо, и въ скончаніе вѣковъ пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ; одинаково признаемъ, что намъ ради нашего спасенія необходима благодать Св. Духа, подаваемая въ церковныхъ таинствахъ, вѣруемъ во едину святую соборную и апо-

стольскую Церковь, исповѣдуемъ едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Насъ съ вами, братія, раздѣляетъ *не вѣра*, которая, по выраженію апостола Павла, *есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ* (Евр. 11, 1), и всѣми должна быть исповѣдуема безъ измѣненія, *а внѣшнее выраженіе богопочтенія*, въ которомъ Церковь Христова допускала и допускаетъ разнообразіе [1]); да и во внѣшнемъ выраженіи богопочтенія мы расходимся только въ нѣкоторыхъ частностяхъ.

Мы свято чтимъ и хранимъ богослужебный чинъ, составленный святыми отцами на основаніяхъ, положенныхъ Іисусомъ Христомъ и апостолами Его. Но вѣдомо вамъ, братія, что этотъ чинъ не вдругъ устроился, а составлялся постепенно, обогащаясь съ теченіемъ времени молитвами и пѣснопѣніями, составляющими содержаніе нашихъ богослужебныхъ книгъ. Въ обрядахъ разныхъ мѣстныхъ церквей исторія указываетъ разности [2]); но эти разности не разрывали у тогдашнихъ христіанъ союза мира и общенія любви. И у васъ тотъ же богослужебный чинъ, какой соблюдается въ нашихъ православныхъ церквахъ, и если вы держитесь нѣкоторыхъ разностей во внѣшнемъ выраженіи богопочтенія, то эти разности вовсе не таковы, чтобы ради ихъ уклоняться отъ святой Церкви и подвергать ее хуленію. Вы хулите святую Церковь нашу за то, что она принимаетъ не такое начертаніе спасительнаго имени *Іисуса*, какого вы держитесь, допускаетъ не только *осьмиконечную*, но и *четырехконечную* форму креста, повелѣваетъ слагать *не два, а три перста*

[1]) Наприм., въ началѣ христіане знаменовали на себѣ крестъ однимъ перстомъ, а потомъ стали креститься двумя и тремя перстами.

[2]) Наприм., *на Востокѣ* въ началѣ употреблялась литургія ап. Іакова, брата Господня по плоти, впослѣдствіи сокращенная Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ, а *на Западѣ*—евангелиста Марка.

для крестнаго знаменія, *трогть, а не двогть* при богослуженіяхъ слово „аллилуіа“, и тому подобное. Братія! Не отъ такихъ обрядностей зависитъ наше спасеніе. Богу угодна молитва наша не тогда, когда мы слагаемъ *два* или *три перста* для крестнаго знаменія, когда *двоимъ* или *троимъ* слово „аллилуіа“, а тогда, когда молимся усердно, отъ чистаго сердца, и съ твердою вѣрою въ Спасителя нашего Іисуса Христа, храня между собою миръ и любовь (Марк. 11, 24—26. Матѳ. 21, 21).

Братія возлюбленные! обратите вниманіе и на то, что священноначаліе россійскія Церкви не безъ нужды предприняло исправленіе въ ней старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ и очищеніе богослужебнаго обряда. Въ старыхъ книгахъ, какъ вамъ извѣстно изъ опредѣленій „Стоглаваго собора“, отъ неискусства преписующихъ оказалось много погрѣшностей, и въ церковный обрядъ незамѣтно внесены были нѣкоторыя *новшества*, какихъ не было въ греческой Церкви, предавшей намъ съ христіанскою вѣрою весь богослужебный чинъ. Греческіе святители, пріѣзжавшіе въ Россію, зазирали представителей нашей церковной власти въ неисправленіи божественнаго писанія и въ другихъ церковныхъ винахъ и требовали ихъ исправленія для согласованія во всемъ церковныхъ уставовъ нашихъ съ уставами греческими. Это исправленіе, необходимость котораго сознавалась первыми россійскими патріархами и къ которому съ особеннымъ усердіемъ приступлено было при патріархѣ *Іосифѣ*, при его преемникѣ совершено было согласно съ тѣмъ, что принято было издревле и сохранилось въ греческой Церкви. Если вы считаете наши богослужебныя книги и нашъ богослужебный чинъ испорченными, пусть желающіе изъ васъ узнать истину отправятся на святой *Аѳонъ*, въ *Іерусалимъ, Синай*,—и они увидятъ, что въ этихъ святыхъ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе хранятся древніе уставы, такой же богослужебный чинъ, какъ въ на-

шей Церкви, и нѣтъ тѣхъ разностей, какихъ вы держитесь и ради коихъ удаляетесь отъ церковнаго единенія съ нами.

Разсудите же безпристрастно, хорошо ли вы дѣлаете, что ради такихъ разностей не хотите имѣть, вопреки апостольской заповѣди, *духовнаго единенія* съ нами *въ союзѣ мира* (Еф. 4, 1—3): а вмѣстѣ размыслите и о томъ, какихъ великихъ благъ лишаете вы себя, уклоняясь отъ общенія съ нашею св. Церковію, и какимъ опасностямъ подвергаете свое спасеніе. Вы лишаете себя правильнаго священноначалія, которое необходимо должно быть въ истинно-Христовой Церкви (Тит. 1, 5. 2 Тим. 1, 6), а у васъ его нѣтъ (ибо извѣстно, откуда, и какъ вы пріобрѣли своихъ епископовъ и священниковъ, и кѣмъ опредѣляются ваши наставники вѣры);—между тѣмъ въ нашей Церкви оно доселѣ, по благости Божіей, непрерывно отъ апостоловъ передается чрезъ таинственное святительское рукоположеніе.—Вы лишаете себя благодати Божіей, преподаваемой въ таинствахъ церковныхъ, которыя могутъ быть спасительны только тогда, когда совершаются священными лицами, законно получившими власть на это чрезъ преемственное рукоположеніе отъ апостоловъ—*строителей таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1. Іак. 5, 14. 15. Дѣян. 8, 14—21).—Чуждаясь св: нашей Церкви, которая одна можетъ назваться истинною Христовою Церковію, потому что имѣетъ всѣ принадлежности такой Церкви (именно: правую вѣру, Законъ Божій, правильное священноначаліе и законно совершаемыя таинства), вы не можете твердо надѣяться и на спасеніе душъ вашихъ, ибо вы знаете, что, по ученію св. отецъ, „*внѣ истинной Христовой Церкви,* какъ внѣ корабля на бурномъ морѣ, *нѣтъ спасенія*“ [1]).

Васъ смущаютъ клятвы, произнесенныя на московскомъ соборѣ 1667 года. Но онѣ произнесены не на тѣ обряды,

---

[1]) См. 83-е посланіе св. Кипріана Карѳагенскаго.

какихъ вы держитесь въ отличіе отъ насъ, а на тѣхъ, которые ради сихъ обрядовъ отступили отъ православной нашей Церкви и дерзаютъ произносить на нее тяжкія хулы. Оставьте напрасную непріязнь къ ней, не противьтесь ея материнскому желанію примириться съ вами, напротивъ выразите сыновнюю готовность возсоединиться съ нею; тогда св. Церковь наша приметъ васъ въ свои объятія съ такою радостію, съ какою милосердый отецъ, въ извѣстной притчѣ Спасителя (Лук. 15. 11—24), принялъ сына своего, удалившагося отъ него *на страну далече,* когда этотъ сынъ съ раскаяніемъ возвратился въ домъ его.

Братія, *Духъ Святый глаголетъ* устами пророка Давида: *днесь, аще гласъ Его* (Божій) *услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ* (Евр. 3, 7. 8. Пс. 94, 7, 8). Приложите сіи божественныя слова къ себѣ и, слыша то, что я говорю вамъ нынѣ *во имя Господне, не ожесточите сердецъ вашихъ,*—не будьте равнодушны къ тому совѣту, который я предлагаю вамъ въ настоящемъ посланіи моемъ, но примите его съ такимъ благорасположеніемъ послѣдовать ему, съ какимъ доброжелательствомъ я дѣлаю оный.—Я, восьмидесяти пяти-лѣтній старецъ, стоящій одною ногою во гробѣ, и служитель Божій, обязанный поучать другихъ *истинѣ,* не могу обманывать васъ, а тѣмъ паче внушать вамъ что нибудь худое. Послушайтесь же меня, или лучше, послушайте самого Бога, призывающаго васъ чрезъ меня въ общеніе съ нашею Церковію, и примиритесь съ нею. Для этого она не потребуетъ отъ васъ ничего, кромѣ сыновняго послушанія ей въ духовныхъ дѣлахъ, и дозволитъ вамъ тѣ обрядовыя особенности, которыми нынѣ отличается ваше богослуженіе отъ нашего, если вы не хотите оставить оныя для полнаго согласія съ нею во всемъ. Что же въ такомъ случаѣ можетъ препятствовать возсоединенію вашему съ святою нашею Церковію?—Совершенно ничто... Между тѣмъ сколько вы сдѣ-

лаете добра, примирившись съ нею! Вы утѣшите эту общую матерь нашу, искренно скорбящую о напрасномъ отчужденіи вашемъ отъ нея, и будете пользоваться всѣми правами вѣрныхъ чадъ ея;—получите то, чего недостаетъ нынѣ для вашего спасенія, и сбросите съ себя постыдное имя „раскольниковъ“;—прекратите ваши распри и раздѣленіе съ православными, весьма вредныя не только для нихъ и для васъ, но и для отечества нашего, потому что они нарушаютъ спокойствіе и ослабляютъ крѣпость его (Мат. 12, 25);—доставите великое удовольствіе доброму Царю нашему, который, какъ истинно Благочестивѣйшій, искренно печется о преспѣяніи православной Христовой вѣры въ нашемъ отечествѣ и мирномъ житіи всѣхъ подданныхъ Его *во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2). Вотъ сколько добра вы можете сдѣлать своимъ примиреніемъ съ нашею Церковію! Если же вы не послушаете гласа, призывающаго васъ къ миру съ нею, но упорно будете оставаться въ непріязненномъ удаленіи отъ нея, то, со скорбію говорю, *горе вамъ!*— Говорю это потому, что св. отцы тяжко осуждаютъ тѣхъ, которые удаляются отъ Церкви Божіей и остаются въ расколѣ. „Не имѣющій матерію Церкви Божіей, говорятъ они, не можетъ имѣть отцемъ своимъ Бога“;—„грѣхъ отступившихъ отъ Церкви Христовой, хотя бы они предали себя смерти за исповѣданіе имени Христова, не омоется и самою кровію“;—„отдѣлившійся отъ Церкви, хотя бы жизнь его была достойна похвалы, за то одно беззаконіе, что онъ отторгся отъ единенія со Христомъ, не будетъ имѣть жизни вѣчной, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ“ (св. Кипріана Карѳагенскаго о единствѣ Церкви, блаженнаго Августина 152 посланіе). Такая страшная участь ожидаетъ и васъ, братія, если вы умрете въ удаленіи отъ нашей св. Церкви, матерински пекущейся о спасеніи чадъ ея. Поспѣшите же примириться съ нею ко спасенію душъ вашихъ.

Въ особенности вамъ, именующіеся старообрядческими епископами, священниками и наставниками, надлежитъ позаботиться о возсоединеніи съ православною Христовою Церковію, потому что вы болѣе виновны въ отдѣленіи отъ нея, нежели другіе старообрядцы. Я не буду теперь говорить, что вы незаконно,—вопреки божескимъ и человѣческимъ законамъ и свято-отеческимъ церковнымъ правиламъ, усвоили себѣ тѣ священные саны, которые носите на себѣ, тогда какъ Апостолъ говоритъ, что *никто же самъ себѣ пріемлетъ чести* (священства), *но токмо званный отъ Бога, якоже и Аарон*ъ (Евр. 5, 4),—я не буду говорить объ этомъ (ибо это всѣмъ извѣстно), а обращу вниманіе ваше только на то, что вы не можете называться истинными пастырями и учителями Христовой Церкви не только потому, что вы не только не содѣйствуете той цѣли, для которой *Іисусъ Христосъ поставилъ пастырей и учителей въ Своей Церкви* (Еф. 4, 11—14), но еще противодѣйствуете ея достиженію. Пастыри и учители, *поставленные Господомъ,* предназначены *для созиданія тѣла Христова,* т. е. Церкви Его (Кол. 1, 24), *для приведенія всѣхъ въ единство вѣры,* и для того, *дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ, по хитрому искусству обольщенія;* а вы *не созидаете* Церковь Христову, но желаете разрушить ее: ибо, отпавши отъ нея сами, стараетесь отторгать и другіе члены ея, въ чемъ нерѣдко и успѣваете;—вы ни мало *не заботитесь о единствѣ вѣры* между христіанами, а напротивъ не любите *единовѣрія* и завели разныя секты: *поповщину* и *безпоповщину* съ ихъ подраздѣленіями, *окружниковъ, противо-окружниковъ* и другіе толки, во многомъ несогласные съ здравымъ ученіемъ Іисуса Христа и апостоловъ Его;—наконецъ, вы не только оставляете послушныхъ вамъ старообрядцевъ *младенцами*—невѣждами въ вѣрѣ, но еще сами *колеблете и*

увлекаете ихъ вѣтромъ легкомысленнаго ученія вашего объ имени *Іисусъ,* о семи просфорахъ, двоеніи „аллилуіа“ и крестномъ перстосложеніи; а иные изъ васъ еще напитываютъ ихъ богохульствомъ, внушая имъ, будто бы четыреконечный крестъ, который Спаситель нашъ образовалъ распростертіемъ рукъ Своихъ при распятіи Его, есть „латинскій крыжъ“, будто въ православной Церкви Христовой нѣтъ спасенія, и въ ней царствуетъ антихристъ, тогда какъ эта Церковь, по ученію Апостола, есть *тѣло Христово,* въ которомъ, очевидно, не можетъ царствовать врагъ Божій—антихристъ (Кол. 1, 18. 24). Видите, какъ вы много виноваты не только предъ Православною Церковію и вашими собратіями, глаголемыми „старообрядцами“, но и предъ самимъ Богомъ!—Придите же въ себя, покайтесь и *принесите плоды, достойные покаянія* (Лук. 3, 8). Доселѣ вы, подобно іудейскимъ книжникамъ и фарисеямъ (Лук. 11, 52), *и сами не входили и другимъ препятствовали войти* въ составъ Православной Церкви Христовой ради извѣстныхъ преданій отцевъ вашихъ; а теперь послѣдуйте другому лучшему примѣру—послѣдуйте апостолу Павлу, который, будучи прежде *неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ его преданій, жестоко гналъ Церковь Божію и опустошалъ ее,* а потомъ, вразумленный Господомъ въ чудномъ видѣніи, не только самъ принялъ вѣру Христову, но еще ревностно *благовѣствовалъ* ее другимъ, былъ сильнымъ поборникомъ Церкви Христовой и привелъ въ нѣдра ея множество евреевъ и язычниковъ (Гал. 1, 13—16. Дѣян. 9, 1—22. 1 Кор. 15, 8—10). Вотъ примѣръ, достойный вашего подражанія! Поэтому и вы, не только сами возсоединитесь съ Православною нашею Церковію, но примирите съ нею и другихъ глаголемыхъ „старообрядцевъ“, находящихся подъ вашимъ руководствомъ. За это вы получите *похвалу не отъ людей только*—правовѣрныхъ христіанъ, *но и отъ Бога,* который даруетъ вамъ великую награду за достохваль-

ное ваше дѣло; ибо Спаситель говоритъ: *кто сотворитъ и научитъ* другихъ творить заповѣданное Богомъ, *тотъ великимъ наречется въ царствіи небесномъ* (Мат. 5, 19); а Богъ заповѣдалъ намъ, между прочимъ, имѣть *миръ* и *любовь* между собою, *единеніе въ вѣрѣ* и неуклонное *общеніе съ Его Церковію* (Мар. 9, 5. Іоан. 13, 34. 35. Еф. 4, 1—5. Евр. 10, 25. 13, 9).

Усердно молю Господа, да расположитъ Онъ васъ своею благодатію исполнить благонамѣренный совѣтъ мой, предложенный въ настоящемъ моемъ посланіи. *Богъ же мира, воздвигшій изъ мертвыхъ Пастыря овецъ великаго кровію завѣта вѣчнаго, Господа нашего Іисуса Христа, да усовершитъ васъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, къ исполненію воли Его, производя въ васъ благоугодное Ему чрезъ Іисуса Христа, Емуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь.* (Евр. 13, 20. 21).

Смиренный Платонъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

24-го іюля 1888 года.

Рѣчи г. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, произнесенныя 15-го іюля въ Кіевѣ.

Во время обѣда, даннаго городомъ Кіевомъ 15-го іюля, по случаю празднованія 900-лѣтія крещенія Руси, г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ произнесенъ былъ рядъ рѣчей. Первая рѣчь была слѣдующаго содержанія:

„Мы празднуемъ въ благодарномъ трепетѣ предъ Богомъ 900-лѣтіе величайшаго событія въ нашей исторіи. Въ эти 900 лѣтъ совершилось надъ нами чудо судебъ Божіихъ: изъ грубаго разъсѣяннаго языка славянскаго возникло великое государство, выросло народное сознаніе, собралась земля рус-

ская черезъ Кіевъ въ Москву. Разрушались вокругъ царства славянскихъ племенъ подъ игомъ иновѣрныхъ. Русскому народу Богъ далъ удержаться, вырости, вынесть тяжкое иго степныхъ варваровъ, сбросить его съ себя, пережить и преодолѣть бѣдственное безначаліе, отразить римско-польскую напасть, вернуть свои отхваченныя врагами окраины, добраться до моря, укрѣпиться въ силѣ и славѣ русскаго оружія, утвердиться незыблемо въ вѣрѣ, заповѣданной предками.

Не нашею силой все это совершилось, а силою Божіею въ судьбахъ нашего народа. И явилась сила Божія въ Церкви Православной, въ которую вошелъ языкъ нашъ 900 лѣтъ тому назадъ водительствомъ святаго благовѣрнаго великаго князя Владиміра. Благословенъ и блаженъ этотъ день, *положившій* твердое основаніе судьбамъ нашимъ! Чтобы съ нами сталось безъ этой Церкви—страшно и подумать! Она одна помогла намъ *остаться русскими* людьми, собрать свои разсѣянныя силы, одушевила и вождей, и народъ, дала ему терпѣніе пережить страшныя невзгоды отъ голода и мора и отъ своихъ лихихъ людей, и отъ чужихъ и одолѣть враговъ своихъ, посылала сыновъ земли нашей умирать за свою землю, научала разсыпанное стадо собираться около пастыря.

Съ востока, откуда возсіялъ свѣтъ Христовъ всему міру, приняли мы вѣру свою, приняли церковные уставы, приняли несказанную, несравненную красоту богослуженія и въ него вложили свою русскую душу—глубокимъ и могучимъ словомъ своего языка и чуднымъ звукомъ родной своей пѣсни. И еще—не русская ли душа, одна, изукрасила и возлюбила у себя тотъ чудный звукъ русскаго колокола, который такъ таинственно и увлекательно будитъ ее и зоветъ въ Церковь и—отъ земли—домой, на небо! Отъ древняго древа, насажденнаго на востокѣ апостолами и святителями вселенской Церкви, приняли мы могучее зерно, и вотъ изъ него выросло на землѣ нашей тоже единое съ нимъ сѣнолиственное древо

и укрыло всю землю подъ своей сѣнью, и привлекаетъ подъ сѣнь свою единоплеменные языки и своихъ намъ инородцевъ, коимъ радостно даемъ мы и Евангеліе, и службу церковную на родномъ ихъ нарѣчіи.

Отцы и братія! Что милѣе и любезнѣе, что дороже Церкви всѣмъ намъ—и великимъ и малымъ? какая красота милѣе и сочувственнѣе церковной красоты для русскаго сердца? Церковь—мать родная и милая русскому человѣку—всѣ мы дѣти ей, и если кто блуждаетъ отъ нея далече, тѣ, Богъ дастъ, вернутся еще въ родительскій домъ, къ матери. Храмъ нашъ—это домъ русскому человѣку, домъ самый ближній, гдѣ всѣ равны отъ мала до велика, всѣ имѣютъ и находятъ свое мѣсто, всѣ почерпаютъ одинаково радость и утѣшеніе. Тутъ наша сила, тутъ тайная сокровищница судебъ нашихъ, тутъ хранилище драгоцѣннѣйшихъ нашихъ преданій и родникъ силъ нашихъ, которымъ суждено еще явиться въ будущемъ, если въ будущемъ оправдаемъ мы дѣлами правды и любви всю истину нашей вѣры.

Да поможетъ намъ Богъ! Для того мы и собрались сюда, чтобы воспомянуть Его великую милость къ русскому народу и отъ полноты сердца, горящаго любовью къ родинѣ, благодарить Его и молить,—да оправдается въ дѣлахъ нашихъ и въ судьбахъ нашихъ наша вѣра, да возрастаетъ и процвѣтаетъ наша великая Церковь,—Церковь единая съ народомъ и народъ единый съ Церковью!“

Послѣ этой рѣчи хоръ, подъ управленіемъ г. Калишевскаго, пропѣлъ „Тебе Бога хвалимъ“.

Затѣмъ г. Оберъ-Прокуроръ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Сегодня празднуемъ мы память благовѣрнаго, равноапостольнаго великаго князя Владиміра, того, кто привелъ себя и весь народъ свой ко крещенію въ водахъ днѣпровскихъ, которыя послужили купелью нашего спасенія. Едва ли гдѣ когда столь мирнымъ и безкровнымъ путемъ вождь народный приводилъ людей своихъ въ вѣру Христову; и не лишено значенія, что у насъ сельскіе жители издавна носятъ

названіе христіанъ, тогда какъ на западѣ называются они доселѣ, по преданію, именемъ язычниковъ.

Такъ вѣрилъ, такъ былъ издревле послушенъ русскій народъ своему князю, потомъ своему Государю. Единодержавіе, возросшее у насъ вмѣстѣ съ Церковію и въ неразрывномъ единеніи съ нею, вмѣстѣ съ Церковію, укрѣпило, собрало и спасло государственную цѣлость русской земли и создало государство Россійское. Благословимъ Бога, избавившаго насъ отъ бѣдствій и раздоровъ народоправленія, которое изстари губило и донынѣ продолжаетъ губить тѣ славянскія государства, гдѣ оно, къ несчастію ихъ и нашему, успѣло утвердиться. Подъ знаменемъ единодержавія и самодержавія мы выросли, подъ нимъ мы стоимъ, подъ нимъ составляемъ единое тѣло и охраняемъ въ немъ единую волю, и въ немъ видимъ на грядущія времена залогъ правды, порядка и блага земли нашей.

И вотъ первая заздравная наша чаша: Да здравствуетъ Благочестивѣйшій Государь нашъ—всѣмъ намъ отецъ, старшій сынъ и верховный на землѣ защитникъ Церкви Православной, Императоръ Александръ Александровичъ, съ Государыней Императрицей, съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, съ нынѣшнимъ имянинникомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ и со всѣмъ Августѣйшимъ Домомъ".

Рѣчь эта была встрѣчена единогласными, долго неумолкавшими криками „ура". Оркестръ заигралъ народный гимнъ, присутствовавшіе вторили оркестру; въ пѣніи народнаго гимна участвовали всѣ славянскіе гости. Крики „ура" долго не умолкали и, по всеобщему единодушному требованію, гимнъ былъ повторенъ нѣсколько разъ; затѣмъ хоръ исполнилъ „Многая лѣта".

Тостъ г. Оберъ-Прокурора: „За здравіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода и всѣхъ нынѣ присутствующихъ здѣсь іерарховъ Православной Церкви" вызвалъ громкое „ура", а хоромъ исполнено было „Многая лѣта!"

Затѣмъ г. Оберъ-Прокуроромъ было сказано слѣдующее:

„Слава и честь и благостояніе православной вселенской каѳедрѣ втораго Рима—града Константинова, отъ нея же приняла святая Русь наша свѣтъ евангельскаго ученія! Слава и честь и преуспѣяніе святѣйшимъ патріархамъ: константинопольскому, іерусалимскому, александрійскому и антіохійскому и предстоятелямъ всѣхъ автокефальныхъ церквей православныхъ и, вопреки всѣмъ врагамъ видимымъ и невидимымъ, да не ослабнетъ и да не разрушится во вѣки единеніе наше въ вѣрѣ православной и въ любви христіанской".

Послѣ этой рѣчи хоръ исполнилъ „Многая лѣта", а затѣмъ г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода произнесъ слѣдующія слова:

„Въ нынѣшній день почтимъ благодарною памятію великое служеніе русскаго духовенства. У насъ, отъ іерарха до причетника, оно изъ народа вышло, вмѣстѣ съ народомъ жило, страдало и радовалось и не стремилось отдѣляться отъ народа и возвышаться надъ нимъ: оттого и сохранилась нераздѣльная связь его съ народомъ. Такъ всегда и да будетъ. Кто знаетъ тѣ тяжкія условія быта, въ коихъ живетъ и дѣйствуетъ наше духовенство, особливо сельское, у того слово суда, готовое для недостойныхъ, умолкнетъ предъ величіемъ подвига, совершаемаго многими, безвѣстно труждающимися, посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи, въ великой нуждѣ, въ холодѣ, въ голодѣ, въ нищетѣ и нерѣдко въ обидѣ. Легіоны этихъ тружениковъ стоятъ уже предъ Богомъ молитвенниками за насъ,—и на ихъ костяхъ стоитъ наша Церковь. Но и нынѣ сколько живущихъ, подобно имъ, безвѣстно трудятся надъ ея созиданіемъ! Слава и честь духовенству нашему, и да умножитъ ему благодать Божія и крѣпкую силу вѣры, и чувство любви и жалости для учительства словомъ и дѣломъ!"

Затѣмъ г. Оберъ-Прокуроръ сказалъ слѣдующее:

„Русскіе люди всѣ, въ годину испытаній и брани, дружно стояли грудью за родную землю и не щадили крови своей. Но кто столь терпѣливо, столь просто и душевно являетъ любовь свою къ родной землѣ, умирая *„за вѣру, Царя и отечество"*, кто, какъ не русскій солдатъ, отъ самаго верхняго до нижняго чина! Кто его благочестивѣе и преданнѣе вѣрѣ православной и своей Церкви? Кто столь покоренъ велѣнію свыше, кто столь благодушенъ и кротокъ, посреди ужа-

совъ войны, съ побѣжденнымъ непріятелемъ?.. Богъ да благословитъ насъ миромъ и правдою посреди мира, но и въ мирѣ, и въ войнѣ да здравствуетъ христолюбивое россійское воинство, и да будетъ ему честь и слава во вѣки!"

Рѣчь эта была привѣтствована продолжительнымъ „ура"!

Затѣмъ г. Оберъ-Прокуроромъ была произнесена слѣдующая рѣчь:

„На горахъ сихъ возсіяла русской землѣ благодать Божія! На горахъ сихъ первые іерархи россійской Церкви полагали начало всему строю церковной жизни русскаго народа и основали школу церковную—начало и конецъ русскаго просвѣщенія. На горахъ сихъ основалась высшая его школа, гдѣ ковалось духовное оружіе противъ римскаго духовнаго ига и противъ козней іезуитскаго любомудрія и властолюбія. Слава и честь каѳедрѣ кіевской митрополіи, прославленной столь великими, стоявшими на ней, святителями! Въ терпѣніи надѣемся мы и вѣруемъ, что придетъ часъ, когда всѣ отторгнутые отъ нея насиліемъ возсоединены будутъ любовно. Здравіе и долгоденствіе досточтимому митрополиту Кіевскому и Галицкому высокопреосвященнѣйшему Платону!"

Послѣ этой рѣчи, всѣми принятой съ глубокимъ сочувствіемъ, хоръ исполнилъ „Многая лѣта".

Закончилъ г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода свои рѣчи слѣдующей:

„Да здравствуетъ великая дщерь великой матери, первопрестольная, златоглавая, благочестивая, благолѣпная Москва! Украсилъ ее народъ, какъ невѣсту, церковною красотою, и да красуется она и внѣшнимъ благолѣпіемъ ризъ своихъ и внутренней правдой и добродѣтелью; ибо она есть сердце Россіи! Да здравствуетъ Новгородъ Великій съ градомъ Петра, богатые и древнею и новой своей святыней! Да здравствуютъ Новгородъ Низовскія земли въ обиліи благъ духовныхъ и тѣлесныхъ и въ крѣпости русскаго сердца, на все готоваго для защиты отечества! Да здравствуютъ и благоденствуютъ всѣ великіе и малые грады всего Россійскаго царства!"

И эта рѣчь г. Оберъ-Прокурора, какъ и всѣ предъидущія, была встрѣчена привѣтственными кликами.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ **Борисъ.**

Отъ Кіев. дух. ценз. Комит. печатать дозволяется. Кіевъ, 5 августа 1888 г.
Цензоръ прот. *М. Богдановъ.*
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.